Альберт Олмстед
История Персидской империи

Издательский текст

«История Персидской империи»: Центрполиграф; М.; 2012
ISBN 978-5-9524-4993-0

Аннотация

Профессор истории Института Востока Чикагского университета Альберт Олмстед, посвятив свою жизнь изучению древнего Ближнего Востока, собрал ранее неизвестный материал о жизни, временах и мышлении персов в цельное повествование. Именно Персия на протяжении двух веков — от распространения царем Киром Великим власти на Грецию и до сожжения Персиполя, столицы царства, Александром Великим — занимала завидное положение диктатора истории. В своей книге автор показывает, как наука, литература, язык и мифы древних выросли из смешения многих культур и способствовали формированию будущей цивилизации.

Альберт Т. Олмстед
История Персидской империи

Введение

Прошло много лет с тех пор, когда Джордж Ролинсон, профессор древней истории Оксфордского университета из Кэмдена, опубликовал первое издание своей книги «Пять великих монархий Древнего Востока». За это время история древних времен была полностью переделана. Один крупный современный историк публично заявил, что самой значительной особенностью историографии последних сорока лет является всестороннее освещение истории Древнего Ближнего Востока. Другие древние монархии Ролинсона уже давно были безнадежно забыты. Это тем более странно, что его Пятая монархия по-прежнему остается полной историей империи Ахеменидов и ее место не было занято более поздними, но менее подробными описаниями. Такое необычное явление показалось бы необъяснимым, если бы более зрелые размышления не выявили причины, которые могут объяснить, если не оправдать, такое пренебрежение.

Самым очевидным является тот факт, что Ролинсон обладал поистине всеми источниками, которые в настоящее время доступны для изложения и для культуры вообще. Он уже проявил себя как мастер классических исследований, сделав великолепный перевод Геродота с множеством ценных примечаний. Для нас тоже Геродот остается главным источником истории на греческом языке. Ролинсон был прекрасно знаком с другими источниками, написанными на греческом и латыни; к его списку мало что было добавлено, даже из «отрывков» более древних авторов, цитируемых более поздними писателями. Его брат, сэр Генри Ролинсон, расшифровал надпись на скале Бехистун; в наши дни автобиография Дария по-прежнему представляет собой одно длинное литературное произведение, написанное на древнеперсидском языке. Авеста, Библия персов, известна уже почти век; была полезна и наша Библия.

К тому же впечатляющие руины на возвышенности Персеполя часто посещались и были исчерпывающе описаны известными и весьма компетентными путешественниками. Ролинсон был историком, который знал цену археологии задолго до появления «научного» археологического метода, а его толкование и анализ архитектуры и искусства в свете его письменных источников был образцом для подражания для его преемников.

Пренебрежение историей династии Ахеменидов стало еще заметнее из-за отсутствия новых впечатляющих открытий. Зачем востоковеду тратить свое время и толочь воду в ступе, когда многочисленные раскопки в других, пользующихся большим вниманием странах каждый год приносили потоки новых сокровищ на удивление всему миру и когда многие периоды истории Ближнего Востока становились известны лучше, чем периоды истории когда-то более прославленных Греции и Рима или даже история раннего

Средневековья? Были вновь обретены новые культуры в дотоле неизвестных языках; новые литературные произведения требовали расшифровки, публикации и толкования. Время от времени археологи обнаруживали какой-нибудь документ того периода на египетском или вавилонском языке. Но как это могло заинтересовать ученых, которым повезло иметь дело со славой Вавилона в эпоху Хаммурапи или Навуходоносора, ассирийской Ниневии или египетских Фив? Большая часть имеющихся источников по истории династии Ахеменидов была написана на греческом языке. Ими занимались, соответственно, выдающиеся историки, воспитанные на античных произведениях; а востоковед под давлением своей собственной работы все больше и больше терял знания греческого. Почему бы эту неподходящую задачу не оставить тем, кто более пригоден для ее выполнения? Естественным следствием было то, что история могущественной империи Ахеменидов была представлена в виде ряда не связанных друг с другом эпизодов, которые образовывали единое целое и обретали значимость лишь тогда, когда помещались в историю небольших греческих государств.

Несмотря на прохладное отношение, в наших знаниях об империи были достигнуты значительные успехи. Появились новые и более полные тексты греческих авторов. Несколько произведений, имеющих большую важность, были обретены благодаря папирусам, а вместе с ними и много отрывков менее значительных работ. Авторы и даты наших греческих источников установлены более точно, а их факты — более тщательно проверены. Археология почти узурпировала место литературы в исследованиях Античности. Раскопки на греческих территориях в пределах империи Ахеменидов и за ними явили миру множество греческих статуй и барельефов, не говоря уже о многочисленных предметах повседневного обихода. Исследование греческих монет стало наукой. Еще одной наукой является эпиграфика; собрание греческих надписей должно быть под рукой каждого историка, изучающего древние времена. Ни в какой области изучения древности результат их использования не был столь революционным, как при исследовании греческого мира периода VI–V вв. до н. э.; далеко не малое число текстов проливают свет на отношения Греции с Персией. В настоящее время профессиональные историки пишут историю Греции; по давней традиции история древних времен всегда признавала высшую важность литературы и искусства, и профессиональному историку нужно было только акцентировать внимание на управлении, экономике и общественных движениях, чтобы поднять историю Античности на уровень по крайней мере более современных областей деятельности. И лишь рассмотренную с точки зрения греков, даже одну часть истории империи Ахеменидов можно считать соответствующей современным требованиям — это взаимоотношения Греции и Персии.

Не все востоковеды полностью игнорировали империю Ахеменидов. Одна небольшая группа талантливых ученых в области индоевропейской филологии подвергла немногие существующие древнеперсидские надписи самому глубокому исследованию, какому когда-либо подвергали столь скудные литературные источники. Некоторые исследователи перешли к изучению Авесты, которая благодаря их трудам стала понятной. Немногие исследователи Ветхого Завета осознали значение этого периода как основы для понимания доброй половины Библии.

За прошедшие несколько лет часть других востоковедов начала осознавать, что этот период слишком долго игнорировали. Обнаружение архивов поселения еврейских наемников, расположенного рядом с первым порогом на Ниле, произвело настоящую сенсацию. Здесь обнаружились самые близкие параллели в языке и стиле с арамейским языком Эзры (реформатор иудаизма из рода первосвященников Иерусалимского храма; в середине V в. до н. э. прибыл в Иерусалим во главе иудеев, возвращавшихся из вавилонского плена. — *Пер.*). Рескрипты персидских царей цитировались у Эзры; критики Ветхого Завета ранее объявляли их поддельными, но теперь появилось веское доказательство того, что сами критики ошибались. Для сравнения с этими когда-то спорными указами теперь появился еще один указ, в котором правивший позднее монарх приводил к повиновению этих далеких евреев-еретиков с помощью недавно обнародованного закона о еврейской Пасхе. Другие

рескрипты были изданы сатрапами (наместниками провинций в Древней Персии. — *Пер.*) или церковнослужителями. Внутреннюю жизнь общины раскрыли документы, связанные с торговлей. Самой удивительной из всех находок была автобиография самого Дария, которого теперь знали уже не только по надписям, сделанным тремя видами клинописи, так как у этих евреев имелась ее сильно попорченная копия на их собственном арамейском языке!

Ученые читали «Мудрость Ахикара» на языке «оригинала» — греческом и в различных переводах на восточные и западные языки. Некоторые из них предполагали, что настоящим языком оригинала должен был бы быть арамейский язык — теперь этот оригинал на арамейском языке был найден в архивах. Исследователи Ветхого Завета быстро пришли к убеждению, что для изучения арамейского языка началась новая эра. Продолжали появляться находки современных той эпохе папирусов и надписей, и стала укрепляться вера в то, что большие куски еврейских апокрифов и псевдоэпиграфов также имели арамейское происхождение. Тогда оригиналы на арамейском языке были предложены для самих Евангелий. Профессиональные критики Нового Завета оставались глухи к такому предположению, но эта проблема привела лишь к обнаружению других древних литературных произведений на арамейском языке, включая Таргумы — переводы Библии на арамейский язык, изначальные формы которой можно проследить почти до самого позднего периода правления Ахеменидов. К этому времени, как были уверены востоковеды-профессионалы, арамейский язык был привычным языком канцелярии Ахеменидов.

Пока их приглашали обсуждать простые переводы древнеперсидских надписей на аккадский язык, ассириологи оставались равнодушными. Когда же появились тысячи табличек с клинописными текстами более поздних периодов, что-то нужно было делать с их толкованием и публикацией. Когда в самом разгаре была мода на греческие папирусы, египтологи были вынуждены изучать современные им папирусы, написанные демотическим письмом, и надписи, начертанные иероглифами. Историю Египта уже нельзя было подобающим образом закончить последней династией империи, оставив последующие века вплоть до Сансского периода для непрошеного приложения. Саисский период, как теперь стало понятно, был скорее началом новой эры, когда греки и египтяне впервые близко познакомились друг с другом. Это знакомство крепло на протяжении всей эпохи Ахеменидов, пока сюда не пришел Александр, чтобы принести эллинскую цивилизацию.

Новый период в возрождении Древнего Ближнего Востока начался, когда директор Института Востока Чикагского университета Джеймс Генри Брестед отправил археологическую партию с целью провести незначительные «расчистки» перед окончательным обнародованием хорошо известных построек на террасе Персеполя. Эти «расчистки» быстро превратились в обычные раскопки под руководством профессора Эрнста Херцфельда, а затем были успешно завершены доктором Эрихом Ф. Шмидтом. Результаты были впечатляющими и превосходили самые фантастические надежды. Мир затаил дыхание в изумлении, когда в земле были обнаружены и раскопаны 90 метров великолепных барельефов, которые по большей части оставались такими же нетронутыми, как и в тот день, когда они были вырезаны двадцать два века назад. Вслед за этим вскоре последовали и другие барельефы, почти равные по красоте уже найденным. Были раскопаны постройки, о самом существовании которых до этого момента никто и не догадывался. Среди них были казармы дворцовой стражи и сокровищница Дария и Ксеркса. Был обнаружен и восстановлен гарем этих монархов, и из него был сделан «дом раскопок»; посетители могли поспать в комнатах, где когда-то жили царицы и их прислужницы под бдительным присмотром евнухов.

Следы пожаров, возникших по приказу пьяного Александра, еще были видны на руинах, горящие балки оставили свои следы там, где упали. Его солдаты растащили из сокровищницы драгоценные металлы и разбили предметы искусства, которые не могли унести с собой. К счастью для нас, они оставили величайшее сокровище — статую, у которой, несмотря на варварское отсечение головы, рук и отдельных частей этими

предполагаемыми носителями эллинской культуры, остался торс необыкновенно прекрасной женщины, изваянный греческим мастером в те годы, когда греческая скульптура была в самом расцвете.

Они также оставили тысячи табличек, на полную расшифровку которых должно уйти много лет. Надписи обычно сделаны на эламитском языке, хотя есть некоторые на арамейском, известны несколько на фригийском и одна на греческом. Все они имеют отношение к строительной деятельности Дария и Ксеркса, по приказу которых возводились эти самые постройки. Мы можем узнать имена рабочих и названия стран, из которых они прибыли, какую работу они делали, какую плату получали. Мы также узнаем о новорожденной дочери Дария, названной именем матери, уже известной нам, и о подарке, который она получила. В царской сокровищнице нашлись архивы Ксеркса, связанные с осуществлением повседневных управленческих процедур. Изображения Дария, Ксеркса и их высокопоставленных лиц на оттисках печатей обнаруживают новую, и во сне не снившуюся художественную школу. К данным, уже давно полученным благодаря барельефам, мы можем добавить много нового о жизни царя и знати. Из малозначительных археологических находок и табличек мы впервые получаем некоторое представление о жизни простых людей.

Работа в тиши здания Института Востока в Чикаго шла наравне с раскопками в Персеполе. После обнаружения новые надписи были внесены в современный словарь каталожных карточек древнеперсидского языка. Похожий словарь эламитского языка сделал возможной более быструю расшифровку тысяч табличек на эламитском языке. Таким же образом, чтение арамейских слов, написанных чернилами на табличке и камне, облегчает третий словарь на этом языке. Четвертый словарь посвящен финикийскому языку, на котором были сделаны многие надписи того времени. В большом словаре ассирийского языка, составление которого практически завершено в настоящее время, есть отдельный раздел, в котором более десяти тысяч административных и коммерческих документов, относящихся к Халдейскому, Ахеменидскому и Селевкидскому периодам, размещены в хронологической последовательности, год за годом. Другие молодые ученые работают над египетскими текстами, написанными демотическим, иератическим и иероглифическим письмом, которые дошли до нас из более поздних веков. Наши исследователи Ветхого Завета проявляют все больший интерес к более поздней половине Библии. Наше собрание фотографий археологических находок, насчитывающее около трехсот тысяч снимков, уже почти полное, в него включен весь разрозненный материал из разных стран, который относился к эпохе империи Ахеменидов, вместе со всем тем материалом из более ранних веков, который необходим для ее правильного понимания. Значительная часть ценной исторической информации, которая получена из этих различных исследований, уже находится в печати, и на нее будут даны ссылки на последующих страницах. Можно ожидать даже еще более удивительных результатов в будущие годы.

В этом возрождении более поздней истории Ближнего Востока неизбежно должен был сыграть свою роль профессор-востоковед. К счастью, автора всегда завораживала история этой ключевой эпохи, когда персы и греки вступили в контакт и оказали друг на друга такое глубокое влияние. В студенческие годы он готовился к выполнению своей будущей задачи с помощью многочисленных курсов по древней истории, греческой и римской литературе, археологии, эпиграфике и палеографии, равно как и восточным языкам и литературе. На протяжении двадцати лет работы в университетах Миссури и Иллинойса он преподавал общий курс древней истории, а продвинутые курсы и семинары регулярно проводились в тех областях, где сходились Восток и Запад. С его появлением в Чикагском университете почти половина лекций его начального курса была посвящена этому более позднему периоду древней истории Востока, а его семинары почти все без исключения были связаны с проблемами того же периода.

В эти годы постепенно вырисовалась новая картина империи Ахеменидов. В результате недавних раскопок стали известны доисторические культуры Иранского нагорья. Одни из самых значительных раскопок — возле самого Персеполя — проводил Институт Востока, и

окончательное подведение итогов всех этих работ проводилось здесь самым последним кандидатом на докторскую степень. Другой кандидат собрал вместе письменные документы, связанные с историей Ирана до эпохи Ахеменидов. Таким образом, теперь мы обладаем практически достаточной базой для изучения особого периода, которому посвящена эта книга.

На протяжении этих лет восточные источники информации о периоде правления Ахеменидов медленно систематизировались. Их вклад особенно ценен, потому что они восстанавливают равновесие, столь сильно до недавнего времени смещенное в сторону греческих авторов. Благодаря этим авторам мы близко познакомились со многими известными жителями Востока; сейчас мы узнаем их истинные имена, и, рискуя наскучить читателю, мы должны назвать их. Мы узнаем о других событиях на Востоке, о которых греки не имели представления и которые оказываются такими же интересными и важными, как и их отношения с границей западного мира.

Эти источники далеко не все персидского происхождения. В Египте под властью персов было написано почти так же много, как и во времена его независимости. На протяжении почти всего IV в. до н. э. страна Нила шла своим путем под властью своих монархов — некоторые из них заслуживают столько же места на страницах нашей истории, сколько и великие цари Персии. Благодаря египетским документам можно узнать Египет периода этих более поздних династий так же хорошо, как и в периоды более известных их предшественников.

Раз уж их произведения сохранились в нашем Ветхом Завете, сравнительно небольшие еврейские племена всегда будут привлекать к себе особый интерес. Огромный поток света, который история Ахеменидов проливает на священную книгу, проявился в другом труде; здесь достаточно указать, что Ветхий Завет проливает столько же света на историю Персии. Своими надписями финикийцы тоже добавляют немалое количество информации. В Малой Азии также есть свои местные письменные документы, и благодаря надписям на лидийском, ликийском и арамейском языках мы узнаем о новых личностях, народах и обычаях.

Однако больше всего данных нам дает Вавилония. Многие ее сатрапы известны нам поименно. К нашему повествованию можно добавить тех, кто восставал против власти персов. Но мы в огромном долгу перед Страной между двумя реками за удивительную панораму культуры.

Настоящий искатель исторической правды должен в подробном исследовании назвать имена многих личностей, которые сами по себе не представляют большого интереса, но являются составной частью общей картины. Для неспециалистов они могут оставаться анонимами. Повествовательная история часто скучна, и по мере ее развертывания неизбежно появляется много моментов, с которыми не все согласятся. Этой книге предшествовал ряд статей на спорные темы. Но важнейшая правда, стоящая за любой отдельной проблемой, опирается на способ, с помощью которого решение вмещается в общую картину. Поэтому историк в повествовательной истории не должен прерывать связность своего рассказа подробными аргументами в пользу правильности излагаемых им точек зрения, потому что итоговая картина сама по себе покажет, правильны они или нет.

Цель этой книги — показ культуры или, скорее, культур, так как история Ахеменидов представляет собой завораживающую картину различных цивилизаций, находившихся на разных ступенях развития, в процессе смешения. Во всей мировой истории не найти более яркой и поучительной картины такого смешения. Мы узнали кое-что об этом смешении, которое происходило в эллинский период, и мы смутно осознали, что этот процесс шел в течение скольких-то лет до этого. Тот факт, что эти изменения продолжались ускоренными темпами за более чем век до прихода Александра, является недавним открытием. Мы поняли, что происходило смешение персидской и греческой культур; обнаружение ближневосточных источников показало, насколько всеобщим был этот процесс.

Из этих источников мы получили подтверждение того, что Геродот говорит о системе управления персов; теперь мы можем описать эту систему в мельчайших деталях и с

множеством иллюстраций. Мы знаем, как жестоко взимались налоги и как непомерные налоги ускорили упадок империи. У нас есть рассказы, смешные и трагические, которые показывают взяточничество чиновников и попытки высшей власти пресечь его. Мы можем проследить жизненный путь жертвы, ее угнетателя и забавных плутов.

Мы знаем, как жил простой человек в различных сатрапиях империи. Мы можем сказать, что он ел, сколько платил за еду, питье, свою одежду, лекарства, жилье или дом. На протяжении этого периода мы можем видеть, как растут его расходы без соответствующего пополнения его доходов, и можем ощутить, как он нищает до тех пор, пока не наступает облегчение — смерть. Вместе с ним мы веселимся на свадьбах, сокрушаемся о разводах или приходим на похороны. Мы становимся свидетелями его договоров и даем показания на суде над ним после принятия нового имперского свода законов. Для каждого этапа его повседневной жизни у нас есть документ-свидетельство.

Над жизнью простого человека господствовал храм. Там, во время праздника, он мог своими глазами увидеть пышные процессии; там он мог поклоняться своим богам. Но для большинства жителей империи храм (представленный жрецами) был неприятным общественным институтом. Простой человек был его рабом или арендатором, и храму шла большая часть заработанных тяжелым трудом его доходов. На Древнем Ближнем Востоке религия редко на самом деле давала повод для радости.

Но у нас также есть история о замечательной религии, проповедуемой Зороастром, величайшим из арийских пророков. Мы можем рассказать об арийском язычестве, из которого она выросла, и о частичном язычестве, в которое она вскоре впала. Мы также можем рассказать историю о более примитивном магизме, хотя его ужасное влияние на более поздний зороастризм, к счастью, находится за рамками данного исследования. За изучаемый нами период иудаизм превратился в нечто похожее на современный иудаизм, хотя и с различными экскурсами вбок, которые нам небезынтересны. Другие религиозные движения можно окинуть взглядом лишь мельком, но все они развивались по синкретическому сценарию, в результате чего возникли таинственные религии Римской империи. В этот период также происходило развитие астрономии — замечательной науки, которая оказала столь глубокое влияние на развитие науки Греции и нашего времени.

К этому моменту мы понимаем, насколько неполными были наши знания об империи, если смотреть на нее лишь глазами греческих авторов даже при помощи самых лучших современных историков. На протяжении огромных отрезков времени в этот период Восток жил сам по себе и для себя. К его концу правящие классы, возможно, уже переняли некоторые аспекты греческой культуры, но это подражание было поверхностным. Греческие наемники, состоявшие на жалованье у царского двора, мятежников или царств-соперников, были не самыми лучшими миссионерами, так как они вызывали больше антагонизма, нежели приверженности к их культуре.

Мы понимаем теперь, что Греция никогда не представляла серьезной политической угрозы империи, потому что не существовало Греции как политического целого, были лишь греческие государства. Вскоре после своего возникновения империя завоевала самое большое, богатое и просвещенное из этих греческих государств, и по большей части они оставались в составе империи. Недавние раскопки показали, что эти государства продолжали существовать, находясь полностью под властью Персии, и на их жизнь таким образом она оказывала сильное влияние. Мы видим, что Дарий и Ксеркс должны были бы завоевать те немногие остававшиеся свободными греческие государства, но мы также можем проанализировать грубые просчеты персов, которые спасли некоторые из них. По мере роста власти свободных государств, хоть они и ослаблялись постоянно внутренними войнами, мы можем проследить процесс заката военных успехов персов, но в то же самое время шел процесс развития ее дипломатии. Это происходило, несмотря на внутреннее ослабление и бурные мятежи сатрапов и местных царей, до тех пор, пока благодаря персидским лучникам Персия не заняла завидное положение диктатора на территории, которая оставалась от свободной Греции.

Заря эллинской эры ощущается во все возрастающем проникновении в империю греческих наемников и купцов, использовании греческих медиков, спортсменов, скульпторов и поваров, в приездах греческих философов, литераторов и ученых. Когда Александр уничтожил империю своим военным вторжением, Восток на недолгое время утратил свое положение в мире. Насколько быстро он возвратил себе большую часть своего влияния — тема другой книги.

А. Т. Олмстед

Глава 1
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Когда в 539 г. до н. э. Кир вошел в Вавилон, мир был древним. И что еще более важно, мир знал о своей древности. Его ученые составили длинные династические списки, и простое сложение, казалось, доказывало, что цари, памятники которым еще можно было увидеть, правили более четырех тысяч лет до этого. Однако раньше были другие монархи, сыновья богов и сами полубоги, время правления которых охватывало несколько поколений нынешних недолго живущих людей. И даже их предшественниками, как считали египтяне, были сами боги, которые обладали властью на Земле на протяжении долгих эонов. До Всемирного потопа у вавилонян, по их утверждению, было десять царей, наименьший срок правления одного из них составлял 18 600 лет, а наибольший — 43 200 лет.

Другие народы знали об этом потопе и рассказывали о монархах — например, о Наннаке из Иконии, — которые правили до него. Священная история евреев имела продолжительность четыре тысячи лет; и хотя их цифры по сравнению с вавилонскими и египетскими были скромными, они документально зафиксировали, что один патриарх допотопных времен перед своей смертью почти достиг тысячелетнего возраста. Греческие поэты воспевали легендарные времена, когда родословные героев «восходили к богу». Каждый народ и государство, каждый бывший город-государство хвастался своей собственной историей возникновения и своим местным богом-создателем.

Поклонение своему далекому прошлому было особой чертой этих заключительных дней Древнего Востока. Последний независимый царь халдеев Набонид обрадовался, когда были обнаружены архивы Нарамсина, которые были сокрыты в земле в течение тридцати двух веков — так сказали ему его ученые мужи. Его надписи полны ссылок на давно уже умерших правителей, начиная от царя Урнамму и его сына Шульги — основателей Третьей династии Ура, великого законодателя Хаммурапи и вавилонского царя из Касситской династии Бурнабуриаша и кончая почти современными ему ассирийскими завоевателями; этот период охватывал по крайней мере пятнадцать веков. Древние храмы были восстановлены, древние культы — возрождены вместе с их древними обрядами, а его дочь — посвящена служению в древнем храме.

Набонид был не только «собирателем древностей». Навуходоносором были начаты реставрация не одного храма и не одна культовая реформа, он тщетно искал древние записи, относящиеся к строительству, которые обнаружил его более удачливый преемник; его собственные надписи были намеренно стилизованы под старину и подражали по стилю и написанию надписям прославленного Хаммурапи.

Культ древности стал страстью, когда Двадцать шестая (Сансская) династия собралась восстанавливать азиатскую империю Восемнадцатой династии. Копировались древние тексты и писались новые по их образцу — подражали даже стилю и форме иероглифов. Современное тому времени саисское искусство было смягченной копией искусства периода Восемнадцатой династии. Бог Амон, появившийся менее пятнадцати веков назад, уступил свое почетное место богине Нейт, давней покровительнице Саиса, и люди стали снова поклоняться почти забытым божествам. Чиновники брали себе помпезные титулы Древнего

или Среднего царств, и их хоронили по древним обрядам в гробницах, в которых повторялись планы, барельефы и тексты, выбитые на стенах пирамид времен Пятой и Шестой династий приблизительно за две тысячи лет до этого.

Похожие процессы происходили и среди небольших народов. Реформой Иосии была национальная декларация о независимости, но в ее основе лежал свод законов, приписываемый древнему законодателю Моисею. Надежда на немедленное освобождение содержится в рассказе о том, как Бог спас Свой народ из египетской неволи. Возрождение прошлого было темой пророчества об освобождении из вавилонского плена и мечтой второго Исайи. И каким бы высоким ни был уровень грамотности, большинство людей не умели ни читать, ни писать — но они могли слушать. Из уст в уста еврейские отцы рассказывали своим сыновьям об Исходе из Египта, завоевании Земли обетованной и правлении Давида, которое в один прекрасный день к ним вернется. Из уст в уста передавались легенды о Саргоне, Моисее или Хуфу и доходили до простых людей. И какими бы неясными ни были подробности, все народы Западной Азии знали о прошлом, слава которого сияла тем ярче, чем дальше оно отстояло от настоящего. Завоевание чужеземными правителями лишь усиливало это поклонение прошлому.

Что эти народы думали о своем прошлом — существенный элемент нашей истории. То, чем это прошлое было на самом деле, должно составлять фон всей картины. В главном их рассказ был правдив. Мы можем доказать, что ученые определили последовательность династий, которые на самом деле принадлежали той эпохе, а истоки письменной истории появились на тысячу лет позже, чем они предполагали. Мы уже не верим, что боги и полубоги правили на протяжении промежутков времени гораздо больших, чем продолжительность жизни в наши дни. Но нам нужно только заменить полубогов безымянными героями ранней истории, чтобы признать, какая доля правды смутно помнится в легендах. Правление богов мы заменяем доисторией и понимаем, что эти люди двадцать пять веков назад испытывали то же самое благоговение, которое чувствуем мы, когда вспоминаем те долгие века, которые прошли с того момента, когда человек впервые зашагал по земле.

Настоящий человек был впервые обнаружен на Ближнем Востоке. До начала первого периода сильных дождей и оледенения он начал обтесывать кремень. По этим кремневым орудиям мы можем проследить его успехи на протяжении второго, третьего и последнего из этих серьезных колебаний климата, каждый из которых имел огромную продолжительность в исчислении на наши годы; в их конце он по-прежнему был человеком эпохи палеолита, или каменного века. На протяжении этих долгих веков он добился большего, чем усовершенствование своей техники обработки камня или кости: у него появилась семья, которую он содержал, охотясь; он стал жить в пещере; он умилостивлял или отвлекал опасные «силы» с помощью колдовства; он надеялся на жизнь после смерти.

Ближе к концу палеолита люди нашего с вами вида были обитателями Ближнего Востока. Были одомашнены крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи, выращивались ячмень, пшеница и лен. Потом жители Ближнего Востока разделились: одни стали скитающимися кочевниками, другие — оседлыми селянами. В то время как кочевники по своей сути не менялись, в деревнях развивалась цивилизация. Люди стали строить стены, чтобы защитить зажиточных от менее удачливых сородичей или от кочевников; в деревне избирался «царь», который вставал во главе деревенского войска во время войны. Разделение труда усиливалось по мере того, как усложнялась жизнь. Чтобы почва приносила плоды, люди поклонялись силам плодородия, которых стали считать настоящими богами и богинями — величайшей из них была Мать-Земля в своих разнообразных проявлениях.

К первой и низшей евроафриканской расе добавились другие расы. Вокруг огромного внутреннего моря преобладающей была средиземноморская раса: люди с вытянутой головой, худощавые, среднего роста, со светло-оливкомым цветом кожи. Развились подрасы: египетская в долине Нила, семитская в Северо-Аравийской пустыне. К югу от Египта обитали негроиды, к западу — ливийцы (в которых некоторые нашли бы древнейших

представителей нордической подрасы), а на северном нагорье — арменоиды — высокие и крепкие, с желтоватым цветом кожи и необычно круглыми головами.

Кавказский язык, на котором в наши дни говорят лишь в глухих уголках Кавказа, был, наверное, базовым языком Ближнего Востока. До первого «дохристианского» тысячелетия в Западной Персии говорили на эламитском языке; халдейский появился в Армении, хуррийский, или митаннийский, — в Северной и Западной Месопотамии, а хеттский, карийский, памфилийский, ликийский и лидийский — в Малой Азии. Изначально семитский язык был ограничен Северной Аравией. Около шести тысяч лет назад первый большой поток кочевников принес близкосемитский язык в Египет, познакомил ханаанцев и финикийцев с их историческим местом жительства и привел людей, говоривших на аккадском языке, в Вавилонию. В Вавилонии также осели шумеры, чье умение управлять лошадью и колесницей, физические особенности и агглютинативный «туранский» язык наводит на мысль о центральноазиатском происхождении.

Человек научился ковать чистую медь. Позднее он обнаружил, что медь можно выплавлять из руды; вскоре тем же путем были получены золото, серебро и свинец. Металлические орудия труда сделали сельское хозяйство и производство более продуктивными и обеспечили основу для более развитой технологии. До сих пор глину для грубой керамики лепили вручную, тогда как примитивный гончарный круг позволял делать более правильные формы, а различные рельефы и краска были дополнительным украшением. Знахари добавили к своим амулетам и заклинаниям знания о дикорастущих растениях.

Более развитая цивилизация расширила селения и превратила их в города, а тех — в города-государства, которые в результате постоянных войн постепенно сливались в более крупные объединения. Царская власть усиливалась, так как более сложные условия жизни требовали более эффективного управления.

К концу 4-го тысячелетия до н. э. была изобретена письменность в Вавилонии и Египте. В обеих странах она началась с простого рисуночного письма, в котором один значок обозначал слово. И здесь и там она быстро взошла на вторую ступень, начав использовать знак для обозначения подобного звука в любом слове — развилось чисто фонетическое слоговое письмо. Вавилоняне указывали гласные, египтяне — нет, но в качестве компенсации они разработали алфавит из согласных звуков для дополнения идеографических и силлабических символов. Египет сохранил свое рисуночное письмо для надписей на памятниках, тогда как упрощенное скорописное письмо — иератическое — возникло из-под пера, пишущего на папирусе. Вавилония быстро перешла от линейного письма к клинописи, которую удобнее было наносить стилосом на глиняные таблички.

Письменность дала возможность записывать исторические повествования, когда цари Египта или Вавилонии вступали в войну с другими народами. Через их записи мы можем мельком увидеть эти культуры, которые все еще более наглядны для нас благодаря материальным предметам, которые остались после них. В основных чертах картина совпадает. И здесь и там мы находим город-государство — городской центр в окружении деревень и полей. Во главе его стоит царь — наместник бога на земле, разделяющий его божественную сущность. Он обладает прямым доступом к богам, но есть также и жрецы, которые проводят обряды, предписанные с далеких доисторических времен. Земля находится в собственности богоцаря, который дарует право пользования своей собственностью и доходами от нее своему земному представителю, реальному правителю, поэтому земледельцы платят этому представителю арендную плату, а не налоги. Первым долгом царя является защищать верующих в бога. Успех в войне есть победа местного бога над его соперниками-богами; побежденные боги становятся его вассалами точно так же, как побежденные цари становятся вассалами его представителя на земле. Таким образом города-государства постепенно объединяются в царства.

Несмотря на то что длинная и узкая долина Нила протянулась по пустыне, где единственные политические границы по необходимости существовали лишь в верхнем и

нижнем течении, на момент появления письменности в Египте существовало два царства, и Менее быстро объединил их. В Вавилонии весь процесс объединения, которого требовала сложная система каналов, можно проследить по письменным документам. В Северной Вавилонии проживали неграмотные семиты, на юге — шумеры с развитой материальной культурой, но их жизнь омрачал страх перед многочисленными злыми духами, нападения которых можно было отразить лишь при помощи магических заговоров. На востоке находилось Иранское нагорье, цветная керамика которого демонстрировала совершенство абстрактного искусства, которое всегда главенствовало в этих краях. Ближе к концу этого периода Элам позаимствовал шумерские символы для своего языка, а вместе с ними и многие другие элементы культуры. Собственно Месопотамия была в сфере культурного влияния Вавилонии, равно как и Северная Сирия, которая, однако, также демонстрировала особые черты, уходящие корнями в Малую Азию. Ханаанцы и финикийцы имели более тесные связи с Египтом, это относилось и к будущим греческим землям, которые уже были неотъемлемой частью Ближнего Востока.

С началом 3-го тысячелетия до н. э. картина проясняется. Египетские и в равной степени шумерские гробницы свидетельствуют о поразительной вспышке, свежей струе мощного искусства и о таком же удивительном использовании драгоценных металлов, но все это посвящено умершему царю и его приближенным, которые согласно ритуалу были убиты, чтобы сопровождать своего господина в загробный мир. Культ умершего царя достиг своей наивысшей точки в египетской пирамиде, который истощил страну ради того, чтобы один человек мог оставаться вечно живым. Чтобы достичь этой цели, в царстве была избыточная армия чиновников-управленцев, но при этом документы свидетельствуют о том, что бизнес процветал.

Параллельно развитию управления и коммерции шло развитие азов научных знаний. Коммерция и администрация требовали умения считать, что в Египте осуществлялось при помощи десятичной системы, а в Вавилонии — комбинации десятичной и шестидесятеричной. Арифметические задачи решались, а землемерная съемка полей дала начало элементарной геометрии.

Люди, находившиеся так близко к земле, что жизнь вне дома вынуждала их замечать мельчайшие детали на небе, не могли не осознавать влияния небесных тел. День и ночь определялись богом-солнцем и богом-луной; прибывание и убывание бога-луны дало следующий календарный отрезок — месяц; бог-солнце своим путешествием на север и возвращением обозначал еще больший отрезок времени — год. Вскоре было признано, что календари бога-солнца и бога-луны не согласуются, так как солнце не возвращалось к своей исходной точке за двенадцать циклов бога-луны. Подгонку лунного года к солнечному два народа осуществили совершенно по-разному. Египтяне давно узнали, что солнечный год длится приблизительно 365 дней, поэтому они добавили к двенадцати месяцам из тридцати дней пять дополнительных дней, чтобы получился год, отклонение которого от настоящего солнечного года еще не будет обнаружено на протяжении нескольких поколений. Вавилоняне были согласны сохранить в году двенадцать месяцев, вставляя в календарь новый месяц, когда становилось заметно, что с временами года что-то не в порядке.

Нужно было удовлетворять и другие нужды, в равной степени практические для жителя Востока. Каждое действие могло быть зловещим; данные собирались из наблюдений за деятельностью самого крошечного насекомого, движением звезд, выкидышами у женщин или животных или из изучения печени принесенных в жертву овец. Люди систематизировали их в замысловатые «науки», строго логические в своей классификации и толковании с момента принятия их постулатов, и тем самым подготавливали путь для настоящей науки. Космологические рассуждения должны были ответить на такие практические вопросы, как и почему человек, зло и смерть появились в этом мире или почему человек не может оставаться бессмертным; в результате появились рассказы о создании мира, которым было суждено оказывать сильное влияние на мыслителей более позднего времени. Злые духи или сами боги вызывали болезни, поэтому нужно было

призывать знахаря. Естественно, он использовал заклинания из глубокой древности, в эффективность которых он верил наполовину. Как психолог-практик, он знал, какой эффект они оказывают на разум его пациентов, но собранные наблюдения давали ему определенные знания медицинских свойств растений, животных субстанций и минералов.

К концу 3-го тысячелетия до н. э. Саргон из Агаде объединил наносные образования Вавилонии и распространил власть семитов далеко за пределы ее природных границ. Шумерская клинопись была адаптирована к фонетически отличному от шумерского языка семитскому языку аккадцев, и так появилась семитская литература. Шумерский язык продолжали использовать как священный язык, единственно понятный более древним богам, способный отогнать злых духов. Формулировки в коммерции также сохранили древний язык, и таким образом аккадский язык оказался заполненным шумерскими заимствованными словами. Чтобы удовлетворять новым потребностям, писцы готовили междустрочные переводы, списки символов и сборники фраз — так родилась практическая грамматика. Через столкновение двух культур получало стимул мышление — в мире появились новые идеи, произошла новая вспышка художественного гения.

Затем древние культуры начали распадаться на составные части, когда враги стали угрожать границам, и новые проблемы вынудили людей больше думать. Египетские монархи поняли, что просто вес пирамиды не может ни обеспечить личное бессмертие, ни защитить их бренные тела, и письменная магия вытеснила материальное в текстах, выбитых на стенах пирамид периода Пятой и Шестой династий. Надежда на истинное бессмертие подбадривала простого человека. Мудрый визирь Птаххотеп собирал афоризмы древних мудрецов и давал наставления в практической морали. По мере усиления дезинтеграции Ипувер размышлял об общественных и экономических изменениях, которые ужасали его консервативную душу, мечтая о грядущих днях, когда сам бог Ра будет править справедливо. В Вавилонии также пересмотрели проблему зла, а также почему боги гневаются, почему человек не живет вечно и почему справедливого реформатора Урукагину ждала такая незаслуженная судьба.

Полный распад расколол Египет на воюющие царства, которые страдали от вторжений азиатов; гуты завоевали Вавилонию во время первого переселения северных народов. Расспросы древних мудрецов завершились огромной волной пессимизма, выраженного диалогом египтянина со своей душой или вавилонским Иовом, где жалоба справедливого человека, наказанного незаслуженно, выслушивается с сочувствием и все-таки в заключение делается вывод о повиновении всемогущему богу, воля которого не может ставиться под сомнение.

Вавилония оправилась первой при Третьей династии Ура. Урнамму и его сын Шульги заново объединили наносные земли и прибавили чужие территории к северу и востоку. Цари были семитами, но царские надписи, административные и коммерческие документы, а также официальная литература почти без исключения были написаны на шумерском языке. И хотя это был последний период расцвета шумерской литературы, ей было далеко до классической: в языке были заметны явные признаки вырождения. Торговля процветала, воздвигались огромные постройки, и в какой-то степени в моде было условное искусство. Династия пала, и Элам вступил на собственный путь завоеваний и культурного развития, в то время как Вавилония была разделена на постоянно воюющие мелкие государства под властью недавно появившихся аморитов (семитские племена, выходцы из Аравии. — *Пер.*).

Из неразберихи появился Вавилон как столица талантливого руководителя и законодателя Хаммурапи. С этого времени этот город-выскочка стал представлять для иностранцев Вавилонию, которой он дал свое название. Ее местного бога по имени Мардук приветствовали как царя богов; древние литературные произведения религиозного содержания стали переводить с вымирающего шумерского языка и переписывать заново, с целью почтить божественного владыку Вавилона как создателя и царя.

Приветствуемый почти как мессия благодаря «предсказаниям» так называемых древних пророков, Аменемхет заново объединил Египет и основал Двенадцатую династию. Подобно Вавилону, его столица Фивы была «выскочкой» с богом-бараном Амоном, который

стал владыкой страны, отождествленный с богом солнца Ра. Народ же охотнее молился старым богам плодородия Осирису и его супруге Исиде, тогда как тексты, найденные в гробах, показывают зарождение веры в то, что люди должны поступать по справедливости в земной жизни, если они хотят быть счастливы в мире ином. Считалось очень важным соблюдать справедливость в политике. Предшественник Аменемхета превратил древние «наставления» в «Искусство править» для своего сына Мерикера. Аменемхет подготовил для своего сына Сесостриса макиавеллиевский трактат, а другой трактат для его визиря. В них он подчеркнул одиночество тех, кто занимает ответственные посты, и сделал в равной степени выразительный — и абсолютно несентиментальный — акцент на необходимости официальных властей заботиться о благополучии подданных. Страна Ханаан стала зависимой от Египта, а финикийцы добровольно стали его подданными-союзниками. Искусство Египта, технически превосходное, но застывшее по причине условности, получило новую жизнь у финикийских торговых магнатов.

Минойский Крит был в расцвете, его флот бороздил море, а торговля приносила огромные богатства; эти богатства шли на предметы искусства, мотивы которых часто были заимствованы у Египта, но совершенство которых неимоверно привлекательно для нашего современного вкуса. Широко распространена была письменность; идея представлять слова в виде условных рисунков была предложена Египтом, но глиняная табличка появилась в колониях ассирийских купцов на востоке Малой Азии.

Это было замечательное время развития науки. Египет и Вавилония соперничали за главенство в математике. Египтяне использовали десятичную систему и выражали дроби в виде бесконечного деления. К десятичной системе вавилоняне добавили шестидесятеричную для единиц высшего порядка и разделили составные дроби на более мелкие шестидесятые части, что облегчило вычисления. Египтянам были известны квадраты чисел и квадратные корни, и они умели решать сложные задачи с пропорциями и арифметической прогрессией. У вавилонян были под рукой справочные таблицы для умножения и деления, таблицы квадратов и кубов чисел, квадратных и кубических корней.

Именно в алгебре и геометрии были достигнуты самые впечатляющие успехи. Вавилоняне сформулировали теорему о прямоугольном треугольнике, которую мы называем теоремой Пифагора, а также открыли два более простых способа ее решения, в которых есть лишь одна небольшая ошибка. Они узнали, что у подобных прямоугольных треугольников катеты пропорциональны; они разделили треугольник на равные части; они умели вычислять площади прямоугольников, прямоугольных треугольников и трапеций одного вида. Более сложные поверхности они делили на фигуры, площадь которых они умели вычислять. Они нашли площадь круга и определяли число π («пи») приблизительно как 3. Без помощи алгебраических формул они решали задачи по сути алгебраическими методами, каждый шаг в решении которых может быть представлен современной формулой.

Они использовали эквивалент квадратного уравнения и остановились, не зная бинома Ньютона.

Подобно вавилонянам, египтяне делили треугольник и вычисляли его площадь точно так же, как они вычисляли площадь трапеции с параллельными сторонами. Их приближенное значение тг как восемь девятых диаметра (или, как мы сказали бы, 3,1605) было более точным, чем у вавилонян, и с его помощью они получали площади кругов и объемы цилиндров или полусфер. Они вычисляли объем усеченной квадратной пирамиды, а то, что мы называем системой квадратных уравнений, они решали путем ложного положения.

Вавилонские астрономы, еще недостаточно освободившиеся от астрологии, чтобы использовать новую математику, тем не менее делали наблюдения и подготавливали терминологию. Часто созвездия носили названия, знакомые нам сейчас: Близнецы, Змея, Скорпион, Лев, Волк, Орел, Рыба, Козерог. Орион, «истинный пастух небес», не давал разбредаться «блуждающим овцам» (планетам), каждая из которых отождествлялась с богом или богиней. Путь бога-солнца проходил через двенадцать созвездий, которые дали названия

нашему зодиаку. Его затмения предвещали недоброе, но затмения бога-луны были более многочисленными и наблюдались чаще. Четыре части лунной поверхности соотносились с Вавилоном и тремя соседними государствами, и затмение соответствующей части предрекало зло той стране.

Другие предзнаменования тоже сделали свой вклад в зарождающуюся науку. Больше чем звезды судьбу царей и народов определяла печень жертвенной овцы; образцы и рисунки печени можно описать лишь при помощи латинской терминологии, существующей в современной анатомии. Были составлены длинные списки грубо классифицированных животных, растений и камней. Списки растений начинаются с трав, затем идут тростники и другие группы растений, близко соответствующие нашим семействам. Мы можем различить виды и разновидности благодаря тщательному описанию их различных частей. Давно уже было признано, что у финиковой пальмы есть пол и термины «женское» и «мужское» применялись и в отношении других растений. В системах классификации использовались такие рубрики, как «люди», «домашние животные», «дикие животные» (включая змей, червей, лягушек и т. п.), «рыбы» и «птицы».

Списки растений составлялись обычно с медицинскими целями. В медицинских текстах есть множество признаков магии, но есть и эмпирические знания. Симптомы болезни тщательно описаны в принятом порядке от головы до ног; мы можем распознать большинство болезней. Использовались припарки, горячие компрессы, массаж, свечи и катетер. Снадобья обычно принимали внутрь; знахари часто прописывали ртуть, сурьму, мышьяк, серу и животные жиры; вообще, использовались те же самые растения, которые мы находим в современной фармакопее. У египтян медицинские тексты были во многом такими же, но в учебнике по хирургии мы видим вполне научный подход. Каждому случаю дается точный диагноз, даже если лечение невозможно. Если больного можно вылечить, то следуют предложения по лечению. Раны ощупывали пальцами, прижигание делали огнем. Проводя лечение, хирург использовал абсорбирующую корпию, полотняные тампоны, бинты и шины; края раны он соединял, накладывая швы или ленту. Он описывает различные части тела таким образом, что мы можем увидеть, что он все еще разрабатывает терминологию, но уже сделал удивительные открытия. Он узнал мозг с его извилинами и понял, что головной и спинной мозг управляют нервной системой; и он подозревает, что локализация функций человеческого тела находится в мозге. Он знает, что сердце — это насос; он измеряет пульс; он почти открыл систему кровообращения.

Тем временем, не замеченный цивилизованными народами, грубый полукочевой семит, работавший на египетских рудниках на Синайском полуострове, сделал изобретение, многое обещавшее в будущем. Будучи слишком невежественным, чтобы учить сложные иероглифы египтян, но зная, что они использовали алфавит из согласных в качестве дополнения к силлабическим и идеографическим знакам, он задал себе вопрос, почему никто еще не понял прекрасной простоты чисто алфавитного письма. Нескольким обычным египетским символам он дал название на своем родном ханаанском языке и сделал первый согласный звук его фонетической величиной. Он нацарапал несколько коротких предложений на своем ханаанском диалекте на скалах Синая — так был использован алфавит из согласных.

В 3-м тысячелетии до н. э. на широких равнинах Южной России жила группа скандинавов (представителей нордической расы), которые говорили на примитивном индоевропейском языке. Во главе каждого племени стоял царь, которого избирали из семьи потомков богов; ему помогал совет старейшин, хотя важные решения по вопросам войны, мира и выбор нового правителя провозглашались воинами. И хотя эти люди немного обрабатывали землю, по сути, они были полукочевниками, главной радостью которых была война. Их кони позволяли им свободно передвигаться во время их набегов, их семьи ездили за ними в крытых повозках их предков. Они селились не в деревнях, а в лагерях, окруженных четырехугольными земляными валами. Высокоразвитая техника и далеко не убогое искусство были посвящены главным образом оружию.

К концу этого тысячелетия они начали выдвигаться за пределы своей территории — на

запад, юг и восток. Когда ахейцы вошли в Грецию, другие арийцы были на пути в Италию, и великолепная металлическая культура появилась в Венгрии и Богемии. Малая Азия оказалась наводнена захватчиками, и бывшие отдельные государства постепенно объединились в могущественную империю хеттов. Ни у одного из хеттских царей не было индоевропейского имени, что является немым свидетельством слияния иммигрантов с более древними жителями, родной язык которых сохранился в священных обрядах. В адаптированной клинописи мы можем прочитать слова, написанные на первом индоевропейском языке. Государство Митанни было завоевано аристократами с индоевропейскими именами, хотя они переняли местный язык своих подданных; они поклонялись таким индоиранским богам, как Митра, Варуна, Индра и близнецам-братьям Насатья. На изображениях в египетских гробницах они выглядят как люди нордической расы, потомки которых остаются ираноговорящими северными курдами. Другие индоиранцы проникли в Сирию и Ханаан и правили как мелкие царьки в городах, которые стали известными благодаря нашей Библии. Потомков Хаммурапи вытеснили касситы (или кашшиты), которые, возможно, говорили на кавказском языке, хотя имена людей и богов наводят на мысль об арийском следе. Вскоре они стали говорить на местном аккадском языке, а вместе с ним приняли и вавилонскую культуру. Их единственным нововведением был феодальный строй с привилегиями неприкосновенности, наложенный на более древнюю поместную систему.

Арийские элементы были обнаружены у гиксосов, которые основали в Сирии великую империю и на протяжении многих лет владели Египтом. Попытка выдворить их привела Восемнадцатую династию в Азию и к возникновению империи. К изначальным средиземноморским и семитским элементам Сирия уже добавила многое с берегов Нила и Евфрата; культурное влияние Египта теперь стало гораздо сильнее. Анатолийские элементы вместе с хеттами-завоевателями пришли в Северную Сирию, но аккадский язык Вавилонии использовался как международный язык дипломатии и торговли на всей территории Ближнего Востока. Цивилизация стала по своему характеру интернациональной.

Все было подготовлено для появления Эхнатона с его учением о любящем боге, распространяющем свою отцовскую заботу на все народы, а также с его нетерпимым монотеизмом. Мысль находилась в постоянном движении. Талантливые художники приветствовали освобождение от вековых оков условности и создавали произведения, выдающиеся по своей силе и красоте. Из-под кисти посредственного художника выходили нелепые «современные» карикатуры.

Погруженный в восхитительные мечты о всемирной религии, Эхнатон позволил империи распасться. Под влиянием эгоистичных жрецов Амона мальчик Тутанхамон возродил древние культы и осудил милосердное учение «еретика», но египетская империя в Сирии не возродилась. Сети и Рамсес II из следующей династии возместили часть потери, но войны с хеттами закончились тем, что Сирия оказалась разделенной между соперниками. Даже небольшая, пока еще сохранившаяся ее часть вскоре была утрачена, и Египет перестали считать одной из сильнейших держав. Все больше земель оказывалось в руках жрецов, которые в конечном итоге захватили царскую власть и сделали Египет страной, власть в которой принадлежала жреческой касте.

Новые народы снова появились на исторической арене. С севера Аравийской пустыни пришли арамейцы, которые расселились по всей границе от Ханаана до Вавилонии. Как правило, они продолжали говорить на арамейском языке, но их часть — евреи — выучили «язык Ханаана». Сначала евреи были разделены на многочисленные небольшие воюющие племена, но, по мере того как они завоевывали ханаанские города, они впитывали в себя что-то из утонченной ханаанской культуры, которая пережила их вторжения. Овладение материальной культурой было благотворным; не столь приятной была адаптация их ограниченной, варварской, но относительно простой религии жителей пустыни к вырождающемуся культу сил плодородия.

Напор новых народов в Центральной и Юго-Восточной Европе гнал новые орды

арийцев. Дорийцы вытесняли на юг более древних, говоривших на индоевропейском языке, греков и разрушали далеко простиравшуюся Микенскую империю, которая возобновила с Египтом отношения времен Минойской империи. Последние остатки Минойской империи были уничтожены. Ахейцы были вытеснены на западное побережье Малой Азии, где они встретились с хеттами, а также фригийцами и арийцами, которые пересекли Геллеспонт (древнегреческое название пролива Дарданеллы. — *Пер.*) и выбрали для себя хорошо снабженную водой и покрытую лесами возвышенность на западе центральной части полуострова. Другие ахейцы добрались до Кипра и обнаружили, что половина острова уже заселена финикийцами. В последней отчаянной попытке Микены захватили фригийскую Трою, эпопея которой вдохновляла последующие поколения на новые завоевания в Азии; но это последнее усилие уничтожило империю. За ними пришли ионийцы и взяли себе в жены анатолийских женщин. Когда-то могущественная империя хеттов исчезла в хаосе крошечных государств.

Толпы бездомных людей, то ли минойцев, то ли арийцев, объединились, и эта волна прокатилась через море или через Сирию в Египет, где Мернептах и Рамсес III ослабили ее силу. Ахейцы возвратились на родину или уплыли на Кипр, а сицилийцы и сардинцы перенесли свои названия на западные острова. Этруски принесли первобытным итальянцам богатую восточную культуру, которой суждено было оказать сильное влияние на Рим, а филистимляне заселили Палестину, которой и дали свое название.

Зажатые между захватчиками с моря и из пустыни, ханаанцы утратили свободу. На тот момент филистимляне были всемогущи; тогда чужеземное давление и пророческие предсказания привели к союзу еврейских племен. Царство Саула было неудачным, но Давид сколотил хороший союз, а Соломон превратил его в небольшую империю, управление которой было скопировано с более крупных империй и царская гробница которой также была чужеземной. Его смерть разделила страну на Израиль и Иудею. Израиль был больше, и часто Иудея становилась его вассалом, а в это время Иерусалим и его храм лежали в руинах.

Сидонские купцы проникли на Эгейское море и стали обмениваться товарами и словами с отсталыми греками. Они также привезли с собой и более дорогой подарок: алфавит, который усовершенствовали греки. Так как в заимствованном алфавите не было символов для обозначения гласных, греки использовали некоторые значки согласных, которые обозначали звуки, отсутствовавшие в их языке, для написания важных индоевропейских гласных. В свою очередь, этот алфавит появился в Малой Азии; греческий алфавит был без проблем принят индоевропейцами-фригийцами, но лидийцы, ликийцы и карийцы сочли необходимым придумать новые символы для звуков местной речи. Когда греки возвратили себе власть на море, финикийцы покинули Эгейское море, и началась борьба за Средиземное море, которая закончилась установлением власти финикийцев над Северной Африкой и Испанией.

На протяжении долгих веков Ассирия оставалась второстепенным государством, часто подчиненным Вавилонии или Митанни. Во время всеобщего упадка к концу 2-го тысячелетия до н. э. Ассирия расширила свои границы. После двух периодов слабости и неустойчивости — второй из них позволил евреям образовать царство Давида — теперь это была великая мировая империя. Вавилония стала явным вассалом, была захвачена Сирия, и израильский царь Иегу был вынужден покориться. В войнах с более значительными государствами некоторые карательные экспедиции против Парсуа и мидийцев прошли почти незамеченными.

Несколько лет Ассирию сдерживала Халдея, которая на короткое время стала великой мировой державой. Эта отсрочка дала великолепную возможность развиться еврейской религии. По своей сути, это был протест жителей пустыни против цивилизации. Проповеди Илии и Элиши завершились кровавыми реформами Иегу, после чего в Израиле стали признавать лишь одного бога — Яхве. Методы реформирования и его отвратительные результаты не могли удовлетворить более утонченные натуры, и группа пророков выразила протест против ханаанских элементов в культе; с таким же жаром они протестовали против

социальной несправедливости. Амос в своих проповедях говорил о суровой судьбе, Осия провозглашал доброту любящего Яхве, но Исайя вновь предсказывал крах — что на самом деле и исполнилось для Израиля. Вторжение Синахериба открыло глаза Исайе, который с этого времени стал провозглашать неприкосновенность Иерусалимского храма Яхве. Однако Иудея осталась зависимой от Ассирии.

Возвышение Ассирии стало вехой новой эры в управлении зависимыми территориями. Предшественники довольствовались вассальными государствами, которыми управлял в лучшем случае «наместник» с несколькими солдатами. Ассирия превратила завоеванные территории в провинции, с правителями которых центральное правительство поддерживало тесную связь посредством писем. Мятежников отправляли в далекие регионы, где их будущее благополучие зависело от верности их новым хозяевам; провинциалов объединяла вера в национального бога Ашшура и царя божественного происхождения.

И хотя в ее основе лежала вавилонская культура, культура Ассирии была весьма эклектична по своему характеру. В больших городах — столицах или городах, свободных по привилегии, — можно было увидеть разнообразную и сложную жизнь. Финикийцы и арамейцы вовсю пользовались торговыми возможностями большой империи, а «головы Иштар» (кусочки серебра в полшекеля. — *Пер.*) использовали в качестве монет. Царские библиотеки были забиты копиями древних вавилонских табличек, но царские летописи были плодом трудов ассирийских историков. Наряду с клинописью стали использовать арамейский язык с его более удобным алфавитом. На научный прогресс указывают учебник по гончарно-полировочному делу, письма от астрономов, которые ожидали лунные затмения при полной луне и солнечные затмения на новой луне, девятнадцатилетний цикл из вставленных в календарь месяцев, который, возможно, появился в эпоху Набунасира. На ассирийских барельефах очень ярко показаны сцены сражений, дворцовой жизни и охоты, а их изображения животных были почти непревзойденными.

Вавилон восстал под властью халдеев, и Ассирия пала под натиском халдейско-мидийского альянса. Теперь в мире было четыре великих мировых державы. У Египта началась новая жизнь под властью саисян, которые правили при помощи греческих и карийских наемников и позволяли грекам жить своей жизнью в их собственном городе Навкрате. Преемница Фригии Лидия, обладавшая золотыми россыпями реки Пактол, ослабила греческие прибрежные города. Слияние морской и сухопутной торговли было взаимовыгодно, и с богатствами, полученными таким образом из Египта и с Черного моря, ионийцы заложили основу первой великолепной, процветающей греческой цивилизации. Набопаласар воссоздал вавилонскую систему управления и торговли настолько, что его реформы действовали в стране до тех пор, пока в ходу была клинопись. Вавилон был отстроен заново Навуходоносором и стал столицей мира. Иерусалим был разрушен, а мятежники были отправлены в ссылку, как предсказывали Иеремия и Иезекииль; возник иудаизм.

До сих пор происходило много изменений в династии, сменялись главенствующие народы, но на протяжении всего времени наблюдалось явное взаимодействие культур, а культурная революция шла во многом по одной и той же схеме в каждой части Ближнего Востока. Если Восток неоднократно подвергался вторжению извне, он всегда оставлял печать своих особенностей на вновь прибывших. Для современников Иранская Мидия могла быть лишь четвертой великой восточной империей, а любознательные греки, подобно их предшественникам минойцам и микенцам, могут показаться просто людьми, изучавшими древние восточные культуры. Но ход событий вскоре должен был доказать, что с появлением на исторической сцене иранцев и греков Ближний Восток вступил на современный этап своей истории.

Глава 2
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИРАНА

Иран в доисторические времена

Задолго до того, как огромное плато было названо Иранским, оно было густо заселено. Под наносными отложениями прошлого ледникового периода были найдены обсидиановые пластины, а люди позднего каменного века оставили свои грубые кремневые орудия труда под открытым небом. К 5-му тысячелетию до Рождества Христова многочисленные крошечные деревушки были прибежищем мирных землепашцев и скотоводов, которые удовлетворяли свои эстетические чувства, изготавливая на гончарном круге горшки тонкой работы, украшенные превосходными орнаментами; искусные и яркие, хоть и условные, изображения местных растений и животных выдавали больше интереса к красоте рисунка, нежели к точному воспроизведению оригинала и стали образцом для всего последующего искусства на этом нагорье. Сгоревшие поселения и изменения в стиле керамики указывают на смены населения. Только Элам на западе предоставляет нам письменные документы, а значит, историю, хотя таблички из центрального района нагорья с эламитским пиктографическим письмом наводят на мысль о том, что там говорили на том же языке, что и в Сузах — столице Элама.

Чтобы получить больше информации об этих древних народах, мы обращаемся к Видевдату, Антидьявольскому закону. И хотя, как явствует из Авесты, он был написан незадолго до нашей эры, он все еще сохраняет важнейшие черты этой доисторической культуры. На первый взгляд это славный мир, в котором мы видим богатого хозяина дома, имеющего скот, корм для скота, охотничью собаку, жену, ребенка, очаг, молоко и все, что есть в мире хорошего, — зерно, траву и деревья с разнообразными фруктами. Пустоши поливали с помощью подземных оросительных каналов *qanat* , в результате чего увеличилось поголовье птицы и скота и появилось много натуральных удобрений. Но чтобы получить эти блага, требовался тяжелый труд: нужно было посеять семена и саженцы, с напряжением сил построить подземные оросительные каналы. Это был мир, в котором не было места ленивым.

Мы узнаем о том, что в качестве одежды использовали шкуры животных или тканое полотно, что палатки вроде тех, какие сейчас еще можно найти в Центральной Азии, делали из войлока, а дома вроде тех, от которых остались кучи пепла на Урумийской равнине, — из дерева. Мы могли бы восхищенно говорить о высоком положении собаки, которая в других странах Востока занимала жалкое положение, но на этом нагорье с ней обращались как с уважаемым членом семьи, имеющим определенные обязанности и получающим соответствующее вознаграждение. Мы могли бы порадоваться с крестьянами, когда заканчивалась долгая снежная зима, и начинали летать птицы, появляться растения, с гор начинали течь ручьи, а ветры — высушивать землю, но мы совершенно неправильно поняли бы их настроение.

Древние религии

Жители нагорья относились к своей собственной подгруппе средиземноморской расы. С точки зрения культуры они были ближе к народам Центральной Азии, особенно по своему религиозному мышлению. Греческие авторы рассказывают нам кое-что о культуре первобытных народов, которые дожили до их времен, населяя южное побережье Черного моря. По способу избавления от мертвых, в частности, они представляют собой необычную аналогию с практикой применения Антидьявольского закона.

Например, у дербиков был принят обычай, согласно которому мужчин старше семидесяти лет убивали и съедали их родичи, а старух душили и хоронили; мужчин, которым не повезло и они умерли раньше семидесяти лет, просто хоронили. У каспийцев, которые дали название морю, раньше называвшееся Гирканским, было принято людей старше семидесяти лет морить голодом. Тела клали в пустынном месте и наблюдали. Если с похоронных носилок тело уносили стервятники, то считалось, что умершему очень повезло,

и меньше — если его утаскивали дикие звери или собаки. Но верхом несчастья было, если тела оставались лежать нетронутыми. В Бактрии, что расположена дальше на восток, такие же отвратительные обычаи сохранялись до вторжения Александра Македонского. Больных и старых, пока они были еще живы, бросали ожидающим собакам, которых на том языке называли «похоронной командой». Груды костей в пределах городских стен свидетельствовали о таких же жестоких погребальных обычаях. Чтобы понять причину возникновения таких обычаев, изложенных во всех внушающих ужас мелочах в Антидьявольском законе, мы должны прочитать еще более обширную литературу по магии шумеров, появившихся в Вавилонии из Центральной Азии, или современные рассказы о шаманизме, которые до сих пор находят в тех же регионах.

Для мышления магов в его самой ранней форме не существовало истинных богов, была лишь бесчисленная орда демонов, которые постоянно угрожали жизни несчастных крестьян и злобным нападениям которых можно было помешать лишь с помощью отвращающих ритуалов. Они обитали на севере, откуда людям грозили и другие враги. После завоевания Ирана иранцами мы не удивляемся, увидев арийского бога бури Индру среди этих демонов. Как и в Вавилонии, большинство демонов были безымянными: «Умри, демон! Умри, дьявольское племя! Умри, дьявольское создание! Умри, дьявольское отродье! Умри на севере!» Другие олицетворяют различные виды болезней. «Я проклинаю тебя, хворь; я проклинаю тебя, смерть; я проклинаю тебя, лихорадка; я проклинаю тебя, дурной глаз» — и так далее еще долго. Многих демонов можно прогнать, если верующий знает их имена; из них самым опасным был Эшма, «пьянство». Один демон препятствует выпадению дождя; есть демоны, которые завладевают беспечно брошенными остриженными волосами и ногтями человека, и из них возникают насекомые, которые пожирают зерно и одежду.

Самым главным демоном был Ангра-Майнью (в некоторых источниках встречается как Ахриман. — *Пер.*), злой дух без какой-либо особой специализации, создатель всего пагубного и вредоносных животных. По этой причине у магов считалось большой заслугой убивать земных представителей этих злых духов — муравьев, змей, всяких ползучих гадов, лягушек и птиц, — засыпать их норы и уничтожать их логова. Именно благодаря заклинаниям магов, подкрепленным специальными ароматами и магическими бороздами, человек освобождался от своих недугов и очищался.

Но какими бы могущественными ни были злой дух и орды его демонов, в повседневной жизни люди больше всего страшились друджа Насу, «трупного демона», к которому относится большая часть Антидьявольского закона. Захоронение или кремацию умершего могли осуществлять как соседи, так и враги, но такой легкий способ избавления от тела был не для магов. Несмотря на все предосторожности, было неизбежно, что «трупный демон» нашлет на живых порчу, инфекцию и скверну. С того самого мгновения, когда тело оставалось лежать бездыханным, оно становилось нечистым, потому что над ним парил «трупный демон» с целью причинить вред живым людям. Только путем самого строгого соблюдения предписанного обряда можно было оставаться в безопасности: мертвец не должен загрязнить святую землю или воду; тела следовало оставлять на высоких вершинах, тщательно привязав их за ноги и волосы, где их могли бы сожрать собаки и стервятники. И только тогда, когда кости таким образом освобождались от мертвой и поэтому опасной плоти, их можно было собрать в кремационную урну *astodan* с отверстиями, которые позволили бы умершему человеку смотреть на солнце. Этот запах склепа пронизывает всю литературу зороастризма более позднего периода и вместе с полчищем злобных духов производит гнетущее впечатление на читателя.1

Влияние географических особенностей

---

1 Геродот утверждает, что в его время у магов все еще было принято выставлять тела умерших на растерзание птицам и собакам. Недавно доктором Эрихом Шмидтом в Луристане был откопан храм, возможно, магов, относящийся к первой половине 1-го тысячелетия до н. э., в котором на полу, подоконниках и стенах нашли много небольших статуэток и других культовых предметов.

Большинство арийцев покинули свои дома на юге России ради равнин Центральной Азии, там остались только близкородственные иранцам скифы и немногие истинные арийцы. Гирканийцы поселились на северных склонах горного массива Альборц и на прибрежной равнине у его подножия, к югу от моря, которому они дали название. Эта равнина, расположенная слегка ниже уровня моря и ежегодно заливаемая ливневыми дождями на высоту до полутора метров, находилась в субтропическом поясе, но густые леса на склонах гор давали приют охотящимся львам и тиграм. Другие иранцы поднялись на нагорье, окруженное со всех сторон горами. На западе возвышались горы Загрос, на севере — Альборц. На востоке плато неуклонно поднималось к крыше мира в Гималаях, в то время как более низкая горная цепь отделяла его от южного океана. Внутри этого кольца более мелкие горные хребты делили его на части, которые отличались лишь сочетанием в них обычных элементов — гор, пустынь и плодородных земель.

В центре были расположены большие, трудные для преодоления пустыни, покрытые отчасти солеными озерами, отчасти коричневато-красной, пропитанной солью почвой. Такими же бесплодными были и горы, обычно лишенные деревьев или даже кустов. Между горами и пустыней была хорошая земля, нуждавшаяся только в воде — но вода была редким и драгоценным сокровищем. Если горы защищали от потенциальных врагов, они также преграждали путь дождям; лишь через такие перевалы, как перевал между Рештом (город в Иране, административный центр провинции Гилян. — *Пер.*) и Казвином (город на севере Ирана. — *Пер.*), могли проникнуть немногие облака. Здесь количество осадков могло достигнуть двадцати сантиметров; в других местах, таких как Исфаган, — десяти сантиметров или того меньше. Нигде этих осадков не было достаточно, чтобы вызрел урожай, но, к счастью, с гор текли тающие снега.

В течение большей части года солнце нещадно палило с безоблачного неба. К сентябрю воздух немного охлаждался, к ноябрю ночи становились неприятно холодными. За осенними дождями приходили туманы и снега и, наконец, яростные снежные бури; они спускались с гор все ниже и ниже, пока не достигали равнины. Полуденное солнце — когда оно было видно — оставалось жарким и согревало страдальцев, замерзших ночью. К январю перевалы становились непроходимыми, и деревни, спрятанные в снегах, оказывались в зимней изоляции. Весной снега таяли почти без предупреждения. Вода от растаявшего снега стекала вниз по голым склонам, размывая тропинки и снова изолируя жителей деревни от окружающего мира. Русла рек заполнялись ревущими потоками, каждую драгоценную каплю которых использовали в ирригационных канавах до тех пор, пока русла рек не высыхали. После этого воду искали в кажущихся обезвоженными горах; чтобы драгоценная влага не пропала, испарившись, ее необходимо было спрятать под землю в *qanats.* Таким образом ценой колоссальных затрат времени и труда для обработки у бывшей пустыни отвоевывали еще несколько квадратных метров земли.

Эти непрекращающиеся поиски воды оставили неизгладимый отпечаток на мышлении персов. В священной Авесте, поющей гимн Анахите, богине тысячи ручьев, и более поздней поэзии, воспевающей радость бегущего ручья и цветущего сада, эта тема постоянно повторяется. Для чужеземцев из более счастливых краев реки могут казаться незначительными, ряды тополей, кипарисов и платанов — редкими, садовый «рай» — чахлым. Чтобы сделать их прекрасными, необходим контраст с пустыней, голой равниной и заснеженными вершинами гор.

Завоевание ордами народов с севера

Археология обнаруживает первый след северянина, когда изящная, раскрашенная керамика самых древних обитателей нагорья вытесняется более добротной керамикой похоронно-черного цвета. Судя по черепам, это были племена с севера. Все новые их орды продолжали проникать на нагорье. Огромная укрепленная постройка возводится в Дамгхане (город в Северной Персии. — *Пер.*); она подвергается нападению и сдается. Тела мужчин,

которые защищали крепость, вместе с телами их жен и детей были найдены при раскопках на том месте, где они погибли.

Эпизоды завоевания Ирана, смешанные с арийской мифологией, находят в самых древних частях Яшт (древнейшая книга Авесты, собрания священных текстов зороастрийцев. — *Пер.*)\i0 *там можно прочесть первую версию персидской традиционной истории, более известной на Западе благодаря великолепной поэме Шахнамэ, или Книге царей, написанной великим поэтом Фирдоуси.*

История начинается с Гайа Мартана (Гайомарта), «смертного человека», который был предком народа арийцев. Затем идет Хаошьяха (Хошенг), первый царь династии Парадата (Пишдадидов), который с горы под названием Хара, расположенной на востоке, победил демонов Мазаны и злодеев из Варены. Обычно это считают воспоминаниями о покорении племен Варканы или Гиркании (позднее — Мазендеран), поклонявшихся духам. Как бы то ни было, мы знаем, что столица Гиркании Задракарта во времена иранцев, вероятно, располагалась на холме, частичные раскопки которого показали повторные поселения иранцев на этих местах еще более древнего периода.

За Хаошьяхой шел Йима, добрый пастух, сын Вивахванта, который первым выжал священный сок *haoma.* Во время правления Йимы не было ни холода, ни жары, ни старости, ни смерти, так как он принес людям бессмертие. Он также освободил людей от голода и жажды; он учил животных, что они должны есть, и не давал растениям засохнуть. Но хоть он и жил на священной горе Хукайрья рядом с морем Воуру-каша, иранским раем, он согрешил — позднее Зороастр провозгласил, что его грех состоял в том, что он научил людей есть мясо крупного рогатого скота, — и сам Йима был распилен на части своим злым братом Спитьюрой. Однако другому брату Йимы по имени Такхма Урупа удалось в течение тридцати лет ездить по земле верхом на злом духе Ангра-Майнью, который принял облик коня.

В это время трехголовый, с тремя пастями и шестью глазами дракон Ази Дахака, обладавший тысячью чувств, унес двух прекрасных дочерей Йимы и сделал их своими женами. Дракон был убит, а женщины спасены Фратаоной (Феридуном) сыном Атхвья из Варены, которая теперь уже была арийской. Второй подвиг героя Фратаоны состоял в том, что он запустил в воздух мудрого моряка Паурву в облике коршуна.

Кересаспа, сын Самы, был героем, который отомстил за смерть своего брата Урвакхшайи, судьи и законодателя, убив его убийцу Хитаспу и увезя с собой в его собственной колеснице его труп. Ему также приписывалось убийство различных врагов, как людей, так и чудовищ, вроде Гандарвы с золотыми пятками, который жил в море Воуру-каша, и ядовитого желтого морского змея, на широкой спине которого Кересаспа случайно приготовил себе обед. У Хитаспы хорошее иранское имя; возможно, он был кочевником из враждебного племени, туранцем.

Следующий из упомянутых врагов тоже туранец — Франграсьян (Афрасьяб), который переплыл море Воуру-каша в тщетной попытке украсть Ореол царского величия, который давал верховную власть. Схваченный и связанный верным вассалом, он был привезен на казнь и был убит Кави Хаосравом (Кей-Хосровом).

Так кависы, местные царьки, входят в историю, передаваемую из поколения в поколение. Из восьми членов династии, вошедших в список, мы узнаем больше лишь об основателе Кави Кавате (Кей-Кобад), о его сыне Кави Усане (Кей-Каус), владельце жеребцов и верблюдов, державшем под своим контролем мореходство, и о Кави Хаосраве (Кей-Хосров), который прибыл с соленого моря Чечасты (озеро Урумия), подчинил себе арийские земли и стал великим героем.

Мидийцы и персы в далекой древности

Мидийцев и персов впервые обнаружили в письменных анналах, когда в 836 г. до н. э. ассирийский царь Салманесер III получил дань от царей Парсуа, что к западу от озера

Урумия, и достиг страны Мадай, которая лежала к юго-востоку от его вод. С того момента упоминания об этих двух народах встречаются часто. К 820 г. до н. э. Шамшиадад V нашел их в краях, которые теперь называются Парсуаш, далеко к югу за современным Кирманшахом. В 737 г. до н. э. Тиглатпаласар III вторгся в Парсуа и получил дань с вождей мидийцев, с территории, расположенной на восток до горы Бикни, «лазурной горы», как он назвал величественный Демавенд (потухший вулкан на хребте Эльбрус, высота 5604 м. — *Пер.*) из-за синевы ее заснеженной вершины.

Эти две группы иранцев были еще в движении. В каждой горной долине жило племя, которым с высокой зубчатой башни правил «царь», время от времени плативший дань Ассирии — когда набег ассирийцев вынуждал его к этому. Части страны мидийцев составляли провинцию, хотя ее границы были непостоянными и всегда неэффективно организованными. Подвергаясь набегам, другие мидийцы и все персы сохраняли свою полную независимость.

На протяжении всей своей древней истории иранцы были главным образом пастухами, хотя и землепашеством они не пренебрегали. Почти в современных им произведениях зороастризма народ поделен на четыре части: семейную (*demana*), родовую (*vis*), районную (*shoithra*) и земельную (*dahyu*). В соответствии с положением в обществе есть трехчастное деление: *khvaetu, verezena* и *airyaman* . Только последние представляли правящий класс, который подразделялся на жрецов (*athravan*), знатных людей, управляющих колесницами (*rathaeshtar*), скотоводов (*vastrya fshuyant*) и ремесленников (*huiti*). Очевидно, низшие классы признавались особой расой, так как название их касты было «цветные» (*pishtra*).

Один из местных мидийских царьков по имени Дайаукку был взят в плен и отправлен в Сирию в 715 г. до н. э. Он из тех Дейоков, которого предание сделало основателем Мидийской империи! Согласно преданию, следующим правителем был Киаксар I; он тот самый представитель династии Уаксатар, который в 714 г. до н. э. заплатил Саргону дань; во времена Синахериба в 702 г. до н. э. он сам напал на ассирийскую провинцию Хархар. Военные отряды из Парсуаша и Анзана противостояли Синахерибу в Халулине в 681 г. до н. э. Очевидно, их вождем был тот самый Ахемен (Хакхаманиш), которого более поздние монархи провозгласили своим предком, давшим свое имя всей династии Ахеменидов. Его сын Теиспес (Чишпиш) был «великим царем, царем города Аншана» — так теперь называли древний Анзан, по-прежнему расположенный к северо-западу от города Сузы на реке Керхе, но теперь уже завоеванный эламитами. Очевидно, персы были еще в пути на юг.

У Теиспеса родились два сына — Ариарамн (Арийарамна) и Кир (Кураш) I. Золотая табличка первого сына показывает, что по-персидски уже писали клинописью; если она пришла сюда из Ассирии или Элама, то в тексте не было прямого подражания. Впервые при использовании клинописи каждое слово отделялось от другого косой черточкой. Идеограммы, обозначающие царя, землю, бога и главного бога Ахурамазду, были начертаны способом (но отличались по форме), характерным для письма соседей. Оставшиеся значки образовали грубый алфавит. Три символа для *a, i* и не охватывали всего богатства иранских гласных. Были представлены двадцать два слога, в которых гласной *a* предшествовал согласный звук; в четырех символах гласная *i* следовала за согласным, в семи значках — это была гласная *u.* Когда случалось, что эти гласные не произносились, символ обозначал просто согласный звук.

Религия иранцев

Простая религия иранцев, доставшаяся им от арийцев, пока еще оставалась простым поклонением дэвам или истинным богам. Во главе их пантеона стояло небо, имя которого — Диаус — было родственным греческому Зевсу; чаще он был «богом» — Ахура или «мудрецом» — Мазда. Со временем эти проявления высшей силы объединились в Ахурамазду — «мудрого бога». «И говорит царь Ариарамн: «Эту страну под названием Парса, которой я правлю и в которой есть добрые кони и люди, даровал мне великий бог

Ахурамазда. По милости Ахурамазды я царь этой страны. Да поможет мне Ахурамазда!» Так предписывалось говорить царям, вступающим на престол.

Вторым после необъятного неба был Митра, которому поклонялись уже давно иранцы в стране Митанни и другие арийцы в Индии. Подобно всем иранским «язатас» (божества — помощники Ахурамазды. — *Пер.*), это был бог воздуха. В одном из своих многочисленных проявлений он был самим солнцем, в современной пословице — «другом бедняка», столь долгожданным после холодных зимних ночей и столь ужасным летом, когда выгорала вся растительность. Другие источники связывают его с ночным небом. Опять-таки он был первым из богов, Зарей, которая занималась над горой Харой, горами Альборц перед появлением на быстрых конях неумирающего солнца. Поэтому он первый взбирался на прекрасные золотые вершины, с которых смотрел вниз на все могучие арийские государства, обязанные ему своей мирной и благополучной жизнью.

Этими арийскими странами правил Митра как владыка широких пастбищ. Именно он защищал опоры дома и делал прочными дверные косяки. Дому, которым он был доволен, он дарил стада скота и детей мужского пола, прекрасных женщин и колесницы. Для своего народа он был богом справедливости, и, когда его имя использовали в качестве простого имени существительного, оно было синонимом слова «договор», исполнение которого он должен был защищать. Его нельзя было обмануть, потому что его тысяча ушей и глаз неустанно следили за нарушителем договора. Бедняк, лишенный прав, молился ему, воздевая руки к небу. Был ли его вопль криком или шепотом, но он облетал всю землю и поднимался к небесам, где достигал ушей Митры, который быстро посылал возмездие обидчику, например проказу. Для поклонения ему не нужен был жрец; хозяин дома обращался к Митре, предлагая напиток *haoma* (галлюциногенный напиток из растения эфедра. — *Пер.*), «предотвращающий смерть». Частью обрядов, посвященных Митре, было ночное жертвоприношение быка, так как Митра мог быть для своих творений как злым, так и добрым.

Подобные жертвоприношения животных продолжались во время правления Ахеменидов. В канун Нового года в его честь приносили в жертву несейских коней, которые олицетворяли священных белых коней его солнечной колесницы. Раз в год, во время праздника Митры, правитель Ахеменидской династии должен был напиться пьянящим напитком *haoma* и станцевать «персидский танец» — пережиток военного танца первобытных времен.

Но именно как бога войны Митру наиболее энергично и ярко призывали все еще дикие арийцы. Силой они захватили нагорье, и с помощью силы им приходилось защищать его от аборигенов. Гимн, посвященный Митре, рисует мирных пастухов под огнем множества стрел с орлиным оперением, выпущенных из тугих луков, острых дротиков на длинных древках, и камней, пущенных из пращей, и под ударами кинжалов и палиц средиземноморского типа. Еще более опасными были заклинания, насланные на них последователями магов. Мы видим пронзенные тела, сломанные кости, разоренные деревни и скот, медленно бредущий рядом с колесницей победителя в плен, в узкие ущелья, населенные врагами Митры. Гимн продолжается, и владыки страны призывают Митру, когда они готовы пойти войной на кровожадного врага, собравшись на бой на границе между двумя противоборствующими странами. Всадники верхом на лошадях молятся Митре, а возницы просят силы для своих упряжек, так как, подобно всем знатным арийцам, они по-прежнему сражаются на своих колесницах. В своей резиденции на вершине сияющей Харайти, горы с множеством ущелий, Митра слышит их вопль о помощи. Когда злодей приближается, он идет быстрыми шагами и запрягает четырех великолепных коней в свою золотую солнечную колесницу. Эти кони все одинаковой белой масти, подкованные золотыми и серебряными подковами; они бессмертны, потому что пьют амброзию. Против оружия демонопоклонников Митра прикрепил по обеим сторонам своей колесницы тысячу добротных луков, тысячу стрел с золотыми наконечниками, оперение которых из перьев стервятников и осквернит, и пронзит врагов, тысячу острых копий, тысячу обоюдоострых стальных боевых топоров, тысячу

обоюдоострых мечей, тысячу железных булав для метания и огромную палицу, отлитую из желтого металла, с сотней шишек и сотней лезвий. По собственному желанию все эти орудия убийства летят вниз, на головы демонов и их приспешников. Стоя во весь рост в колеснице, размахивая кнутом и палицей, Митра, защищенный серебряным шлемом и золотой кирасой, бросается сверху вниз на врага и своей силой, превосходящей силу соперников, отражает удары и проклятия лжецов, направленные на его величество. Он не один. Справа от него находится Сраоша («послушание» феодальным сборам), прекрасный, могучий, вооруженный еще одной мощной палицей. Слева от него — высокий, сильный Рашну, «вернейший из верных», бог суровых испытаний. Вокруг него — воды, растения и фраваши — души умерших предков. Перед ним бежит бог победы Веретрагхна в образе острозубого вепря с железными ногами; в сопровождении богини храбрости он мчится за спасающимися бегством врагами с мокрой мордой до тех пор, пока не схватит за хребет — стержень жизни и источник жизненных сил, пока не разорвет на куски и не смешает с землей плоть, кости, волосы, мозги и кровь тех, кто лгал Митре.

Но у Веретрагхны были и другие воплощения: он был Ветром (Вата или Вайю), золоторогим Быком, золотоухим Конем, Верблюдом, Вороном, диким Бараном, Оленем или он мог появиться в облике молодого или зрелого мужчины. Он не только давал арийцам победу и защищал священную Душу Быка; вдобавок он давал мужчинам зрелость и здоровье. И хотя иногда оно узурпировалось Митрой, Веретрагхне принадлежало право даровать или отнимать Ореол царского величия (Кхварена), когда он появлялся в образе Ветра или Быка. Этой идее суждено было главенствовать над политическим мышлением в более поздней политической теории.

У поклонявшихся силам природы арийцев были и другие боги, о которых мы иногда получаем мимолетное впечатление. Среди самых почитаемых был Тиштрия, олицетворявший блестящую белую звезду Сириус, владыка и надзиратель за всеми звездами, которые так ярко светили в прозрачном воздухе нагорья. Когда год подходил к концу, все ожидали его восхода, начиная от людского старейшины и кончая дикими животными в горах и на равнине; все они задавались вопросом: «Принесет ли он арийцам хороший год?» Он задерживался, и, разочарованные, они вопрошали: «Когда взойдет яркий славный Тиштрия? Когда снова с гор потекут ручьи?» И появлялся Тиштрия. Он тоже спрашивал: «Будет ли на арийских землях хороший год?» — потому что предстояло столкнуться с трудностями. «Семь звезд» должны были оставаться на страже от северных магов, которые пытались помешать движению Тиштрии, сбрасывая вниз враждебные падающие звезды. Ванант, глава звездных воинств на юге, должен был защищать его от нужды и враждебных действий. На протяжении десяти ночей Тиштрия появлялся в виде прекрасного пятнадцатилетнего юноши и даровал людям детей мужского пола. В течение последующих десяти ночей он был подобен золоторогому быку, и поголовье скота увеличивалось. Затем на десять ночей он принимал образ белого коня с золотыми ушами. Он спускался к морю Воуру-каша, куда против него выходил черный конь Апаоша, воплощение Засухи. Три дня и три ночи бились они, и Тиштрия был побежден. Затем, обновленный благодаря жертвоприношениям верующих в него людей, Тиштрия снова вступил в бой, и к полудню первого дня Засуха вынуждена была спасться бегством. Тогда море начало кипеть, и туманы скрыли середину острова; они образовали облака, которые Ветер отнес на юг. Апам Напат, «сын вод» и покровитель женщин — рожденная из облака Молния раздавал разным районам Земли дарующую здоровье воду. Если арийские народы вовремя делали в честь Тиштрии возлияния и приносили в жертву скотину одного цвета, то никогда на земле арийцев не случалось моров или болезней, и никогда вражеская армия на колесницах с высоко поднятыми знаменами не ступала на нее.

Во времена Ахеменидов некоторые из этих функций узурпировала древняя богиня природы Анахита, которая со своих горных вершин лила воду, преображавшую пустыню в поля и сады. Так как она была чиста, то такими должны быть ее реки, которые нельзя было загрязнять даже мытьем рук. Другие сохранившиеся божества воды стали женами Ахуры.

Признавали и других богов природы. Прибывающая яркая Луна (Мах) заставляла зеленые растения прорастать из Земли, которая сама была могущественным божеством. В ней Луна хранила семена Быка, но почиталась также и Корова. Ветер Вайю, летящий с гор, чтобы освежить равнины летом, но ледяной в зимние вьюги, был почитаем в равной степени. Огонь Атар, который относил жертвоприношения богам, сам был одним из главных богов — везде можно было увидеть огненные алтари для поклонения ему; он был достоин всех почестей, потому что в нем отчаянно нуждались зимой, когда топлива было мало и оно было дорогое. Священный пьянящий напиток *haoma* , который «отгоняет смерть», всегда играл большую роль в обрядах арийцев. Возлияния и гимны умиротворяли богов потустороннего мира.

За исключением священного огня, иранцы не нуждались в алтарях и храмах. Кроме того, их разум мог постигать божественные сущности независимо от каких-либо символов вроде статуй. Жертвоприношения Ахуре делали на голых горных вершинах, красивых только тогда, когда они были покрыты снегом, — близко к обычно безоблачному небу. В венке из мирта на голове человек, который должен был осуществлять жертвоприношение, приводил скотину на чистое открытое место, согласно обычаю, где он называл бога по имени, резал жертву и варил мясо. Куски мяса выкладывались горкой на коврик из нежнейших трав, предпочтительно из люцерны, затем жрец-маг исполнял гимн, в котором рассказывалось предание о происхождении богов. После этого жертвоприноситель уносил мясо и мог делать с ним все, что захочет. Так об этом рассказывал современник тех времен Геродот.

Названы имена жрецов — Карапан и Усидж, — которые читали мантры, но все больше и больше обрядовая практика оказывалась в руках магов — обычная победа более древней касты жрецов над захватчиками. На тот момент маги оставались отдельным племенем мидийцев, отличным от арийской знати. Их пагубное воздействие на благородное арийское язычество было в далеком будущем.

Мидийская империя

Новые орды народов из Центральной Азии, киммерийцев и скифов, последовали за своими иранскими братьями на это нагорье и оставили в Луристане (историческая область на западе Ирана. — *Пер.*) конскую сбрую, ножи и наконечники для булав. Ассирийская кавалерия в поисках новых лошадей добралась до страны Патушарри на краю центральной соленой пустыни и увезла с собой городских правителей по имени Шидирпарна и Эпарна; в первом мы узнаем Читрафарну или Тиссаферна (тесть и советник Артаксеркса II, сатрап Лидии (V в. до н. э.). — *Пер.*).

Большую роль сыграл Хшатрита, которого также звали Фравартиш или Фраорт, который, согласно Геродоту, правил Мидией пятьдесят три года — на самом деле приблизительно с 675 по 653 г. до н. э. Он начал свою карьеру в качестве деревенского старшины в Кар-каши, но после нападения на различные ассирийские поселения он в конечном счете организовал антиассирийскую коалицию мидийцев и киммерийцев.

Ариарамн, сын Теиспеса, рассказывает нам, что Ахурамазда отдал ему Парсу, много коней и людей; он описывает завоевание своей будущей родины Персии, известной грекам как Персис, а нам — как современный Фарс. Своему брату Киру он позволяет носить только титул их отца — «великий царь города Аншана»; сам он, как более главный, — «великий царь, царь царей, царь Парсы». Но его главенствующее положение было недолгим, так как в страну пришли мидийцы, и персы стали вассалами Мидии. Золотая табличка Ариарамна была, вероятно, помещена в качестве трофея в столице, которая называлась уже Хангматана (Экбатана).

Этот город располагался на последних склонах к востоку от горы Аурвант (Оронт) — гранитной вершины, которая возвышается более чем на три с половиной тысячи метров над уровнем моря и является частью почти непроходимого горного хребта, протянувшегося с

севера на юг и рассеченного только высокогорным перевалом, ведущим к вавилонским наносным землям. Летом здесь климат приятный, так как Экбатана расположена на высоте две тысячи метров над уровнем моря. Гора Аурвант закрывает послеполуденное солнце и спускает вниз свои тающие снега в виде множества небольших ручейков, торопящихся оросить чудесные плодовые и цветочные сады, расположенные ниже города, и плодородные поля зерновых на широких равнинах за его пределами. Еще дальше, в более диких краях можно было пасти огромные стада овец, коз и знаменитых несейских лошадей. Зимой здесь воют метели, когда температура падает ниже –20 градусов. Снег на земле имеет глубину до одного метра, и он заполняет перевалы глубиной шесть метров. Связь с внешним миром со всех сторон прерывается. Но Хангматана возвышалась над одной довольно удобной дорогой, которая вела с запада на плато, о важности которой свидетельствовало процветание преемников этого города — Экбатаны и Хамадана.

Из Хангматаны большая дорога тянулась на северо-восток к Казвину, а затем на восток к городу Раге, который дал название второй Мидии. Тегеран, столица современного Ирана, является настоящим преемником Раги, хотя его древнее местоположение находится южнее, где греки называли его Рагес, а в Средние века — Рай. Рага, в свою очередь, была преемницей доисторического поселения, расположенного под прикрытием отдельно стоящего скального гребня, протянувшегося с запада на восток. Защиту от холодных северных зимних ветров давала высокая горная цепь Альборц, также протянувшаяся с запада на восток; она частенько достигала три тысячи метров в высоту и к востоку от Раги завершалась горой Демавенд высотой шесть тысяч метров. Альборц также преграждала путь ветрам, несущим дожди с севера, но в качестве компенсации с нее по оврагам стекали тающие снега, которые достигали соленых пустынь по гравийным полосам. Курганы вдоль краев равнины свидетельствуют о доисторическом и более позднем ее заселении.

Рага, подобно Экбатане, всегда была важным центром дорог. Здесь начиналась вторая дорога на запад. Через Казвин с ответвлением в сторону Гирканского моря главный путь шел на запад через Табриз к равнинам вокруг озера Урумия или по Ровандузскому ущелью к Ассирии. Пересекаемая ею местность образовала третью Мидию, еще не получившую название Мидия Атропатена или Адхарбайган; здесь к концу VIII в. до н. э. мы встречаем мидийцев и персов, которых впервые узнали ассирийцы. Вскоре эту территорию стали почитать как родину Зороастра. Чуть восточнее Раги дорога поворачивала на север через Каспийские Ворота и проходила под Демавендом; снова повернув на восток, она пересекала земли других иранских племен, а затем из Бактрии шла на северо-восток в Центральную Азию или на юго-восток в Индию.

В трех Мидиях обитали мидийские племена — бузы, паретацены, струхаты, аризанты и буди, — к которым добавилось неиранское жреческое племя магов. Эти мидийцы были еще полукочевниками. На ассирийских барельефах они изображены с короткими волосами, стянутыми красной повязкой, и с короткими курчавыми бородами; поверх туники на них надета куртка из овечьей шкуры — по-прежнему лучший друг путешественника в морозные зимы на нагорье, к которой также требовались высоко зашнурованные сапоги, чтобы прокладывать дорогу в глубоких снегах. Они были вооружены только длинным копьем, а защищались прямоугольным щитом, сплетенным из ивовых прутьев. С этими полукочевниками при помощи персов Фраорт осмелился напасть на Ассирию, но потерпел поражение и погиб в сражении (653 до н. э.).

Парса снова стала независимой. Два года спустя (651 до н. э.) Кир I вместе с Эламом послал помощь царю Вавилона Шамашшумукину, который поднял восстание против своего брата Ашшурбанипала, царя Ассирии; Парсу ассирийский писец называет древним названием Гути. Тогда ассирийский чиновник в Уруке сообщает о возвращении эламского царя Хумбанигаша в страну Хидалу вместе с народами из страны Парсуаш. Другой чиновник упоминает эламского царя Таммариту и цитирует вражеское письмо: «Люди из страны Парсуаш не наступают; быстро пришлите их. Элам и Ассирия ваши!» Вести из Элама, посланные Ашшурбанипалу его наместником в Вавилонии Бел-ибни, включают сообщение о

захвате страны Парсуаш.

Вскоре после завоевания Элама и разрушения его столицы Суз — так уверяет нас Ашшурбанипал — Кир, царь страны Парсуаш, узнал о том, что ассирийский царь завладел Эламом, и послал своего старшего сына Арукку с данью в Ниневию, чтобы выразить свое повиновение и просить его о покровительстве. Существовали и более веские причины для такого посольства.

Киаксар (Увакшатра) стал преемником своего отца Фраорта; соответственно он, носил имя бога войны Веретрагхны. Армия была перестроена на современный лад и поделена на копьеносцев, лучников и кавалерию. По-видимому, именно Киаксар изменил также одежду и вооружение воинов. На скульптурных изображениях в Персеполе постоянно появляются два вида совершенно по-разному экипированных воинов. Мидийца сразу можно отличить по оригинальному иранскому костюму. На его голове — круглая, сдвинутая набок войлочная шапка с клапаном, спускающимся на шею. Плотная кожаная туника с длинными рукавами заканчивается выше колен и удерживается двойным поясом с круглой пряжкой. Поверх туники по торжественным случаям мог быть накинут нарядный плащ. Длинные кожаные штаны и башмаки со шнуровкой и выступающими мысами указывали на то, что их владельцы проводили много времени в седле. Короткая заостренная борода, усы и волосы, собранные в хвост на затылке, были тщательно завиты, а дополнительными украшениями служили серьги и ожерелья. Главным наступательным оружием оставалось копье из кизилового дерева с ребристым бронзовым наконечником и основанием с металлическим ободом. К этому копью многие воины добавляли лук, который хранили в чрезвычайно искусно сделанном налучнике; к нему прилагался колчан со стрелами. Мидийский костюм резко контрастирует с формой, называемой персидской, которая отличается рифленой войлочной шапкой, ниспадающим до щиколоток халатом и невысокими башмаками на шнуровке.

После реорганизации мидийская армия стала представлять чрезвычайную угрозу Ассирии. Ашшурбанипал умер, и даже более слабые его преемники не осмеливались распылять свои силы, оказывая помощь таким своим формальным союзникам, как Парса. Преемники Ариарамна и Кира снова оказались вынужденными стать вассалами Киаксара. И опять ассирийцы были отброшены назад, а Ниневия оказалась осажденной мидийцами, когда пришла весть о том, что через проход между Кавказскими горами и Каспийским морем прорвались скифы. Потерпевший поражение от их вождя Мадия, сына Протофия, Киаксар вынужден был на протяжении двадцати восьми лет платить скифам дань, пока не перебил их пьяных вождей на пиру.[2]

Ниневия была разрушена в 612 г. до н. э. На ее руинах Киаксар, теперь известный в Вавилонии как царь умман-манда (из-за его завоевания скифских полчищ), заключил мир с Набопаласаром (вавилонский царь (625–605 до н. э.), первоначально ассирийский наместник. — *Пер.*). Два года спустя, нанеся поражение Ашшурубаллиту в Харране, Киаксар разбил последние притязания Ассирии на власть и завоевал всю Северную Месопотамию. Так как дорога на юг была закрыта халдейским союзом, который также владел Сузами, Киаксар пошел вдоль гор Загрос, которые изгибаются в западном направлении, к холодному Армянскому нагорью, где другие иранские отряды уничтожили царство Халдея и ввели свой собственный индоевропейский язык. Плодородные долины Армении через Антитаврские горы вели на широкие равнины Каппадокии и к реке Халис, границе с Лидией. Пять лет военных действий закончились сражением вничью во время солнечного затмения (28 мая 585 г. до н. э.) и миром, по которому река Халис осталась границей. Кадусийцы, которые жили по берегам Гирканийского моря, отказались подчиниться, но правитель Парфии признал себя вассалом.

Четыре великие державы — Мидия, Халдея, Лидия и Египет — разделили между собой

[2] Геродот утверждает, что скифы вторглись в Палестину и правили Азией в течение этих двадцати восьми лет, но далее он ограничивает территорию их владычества Верхней Азией, то есть Иранским нагорьем. Некоторые исследователи Библии находят в этом предполагаемом вторжении скифов причину древнейших пророчеств Иеремии, но доказательств этому нет.

весь Ближний Восток, но из них только Мидию можно было назвать империей. Что гораздо более важно, Мидия представляла собой первую империю, основанную воинами с севера, которые говорили на иранском языке и мыслили категориями северных людей. Самым печальным является тот факт, что ни в одном месте стоянки древних людей времен Мидийской империи до сих пор не проводились раскопки. Когда их столица Экбатана привлечет к себе должное внимание, мы можем осмелиться надеяться, что курган в Хамадане откроет нам все подробности мидийской культуры и даже позволит мидийцам сказать самим за себя на своем собственном иранском языке.

Глава 3
КИР ОСНОВАТЕЛЬ

Союз с Вавилоном

Теперь вместо своего отца Киаксара Мидией правил Астьяг. Его имя Арштивайга на иранском языке означало «копьеметатель», но оно совершенно не подходило для сына, который за время своего долгого правления (585–550 до н. э.) демонстрировал только слабость. В персидских владениях преемником Ариарамна стал его сын Арсам (Аршама); по другой родственной линии Кир уступил место не Арукку, а младшему сыну Камбису (Камбуджийя) I, «великому царю, царю Аншана». За него Астьяг выдал свою дочь Мандану, которая родила Камбису второго Кира. В 559 г. до н. э. этот Кир II стал в Аншане вассальным царем и правил в своей столице Парсагарде.

Отделенное от жаркой, с нездоровым климатом прибрежной равнины горами, через которые вели извилистые тропы, высокогорное плато Парсы хорошо подходило для того, чтобы хранить древний боевой дух иранцев. Презирая владыку, столь разнеженного роскошью, Кир задумал мятеж. На его собственное племя пасаргадов можно было положиться, так как его семья — Ахемениды рождала их правителей. С ним были связаны два других персидских племени — марафии и маспии. К ним прибавились и другие персидские племена: земледельцы панфиалеи, деруши и кермании (последние жили в оазисе Керман) и скотоводы-кочевники — дай, марды, дропики и сагарты. Из кочевых племен марды жили в пустыне неподалеку от Персеполя и долго сохраняли репутацию разбойников, но сагарты обитали в оазисе Язд и, хоть и говорили на общем языке, отличались от своих сородичей тем, что у них не было оборонительных металлических доспехов — единственным их оружием были кинжал и лассо.

Теперь, когда все персы объединились под его властью, Кир стал искать союзника в борьбе против Мидии среди других великих держав. Ближайшим и самым логичным выбором была Вавилония. Одно поколение назад Вавилон был союзником Мидии, но лишь ненадолго. Как только их общий враг Ассирия была уничтожена, а остатки империи поделены, этот союз стал формальным. Когда строители Навуходоносора возводили огромную цепь укреплений, которые, казалось, сделали Вавилон неприступным, врагом, которого он боялся, был его сосед — Мидия.

После долгого и успешного правления великий завоеватель Вавилона покинул этот мир 7 октября 562 г. до н. э.3 Менее чем через два года после вступления на престол его сына Амель-Мардука 13 августа 560 г. до н. э. сменил зять Навуходоносора Нергалшарусур; он, в свою очередь, просидел на троне лишь до 22 мая 556 г. до н. э., как значится на табличке его юного сына Лабаши-Мардука.

---

3 Паркер Р.А., Дубберстейн В.Х. Хронология Вавилона 626 г. до н. э. — 45 г. н. э. 1942. С. 10. С этого времени даты вавилонского и иудейского календарей переводятся в нашу юлианскую хронологию посредством таблиц этих авторов. По их словам, «70 % всех дат в наших таблицах астрономически верны на сегодняшний день, тогда как оставшиеся 30 % могут опережать современную дату на один день. Так как эти таблицы предназначены исключительно для исторических целей, эта неточность не имеет значения» (с. 23).

Два таких коротких периода правления обнадежили националистов, которых всегда возмущало правление чужеземной Халдейской династии. Три дня спустя после даты, указанной на табличке, датированной Лабаши-Мардуком, появилась другая табличка, датированная его соперником Набонидом. Согласно последней, Лабаши-Мардук был легкомысленным юношей, который против воли богов уселся на царский трон. Есть намеки на дворцовый переворот, которому он был обязан своим новым положением, на поддержку знати и армии, но на самом деле именно по приказу своего бога Мардука Набонид поднялся на трон этой страны. Он также утверждает, что является представителем своих предшественников Навуходоносора и Нергалшарусура. Во всяком случае, менее чем через два месяца молодой царь умер после ужасных пыток, а Набонид стал единственным правителем остатков Халдейской империи.

Утверждения Набонида о том, что он истинный последователь политики великого завоевателя, были подкреплены сообщением о подходящем видении; по приказу Мардука сам Навуходоносор явился к нему, чтобы истолковать небесное явление как благоприятное, предрекая ему долгое царствование. Другие вавилонские божества послали ему в равной степени благоприятные видения и были соответственным образом вознаграждены. Огромный храм Мардука в Вавилоне Эсагила был богато отреставрирован; празднества в честь Нового года, начавшиеся 31 марта 555 г. до н. э., прошли с должной пышностью, а Набонид исполнял в них роль, предназначенную для царя. Он пожимал руки Мардука и снова был признан законным монархом. Храму Мардука были переданы богатые подарки. Затем Набонид совершил путешествие по всей Вавилонии, особенно по южным городам, где бог Син в городе Уре, Шамаш в Ларсе и Иштар в Уруке получили щедрые царские подарки.

Хотя Набонид и был выдвиженцем антихалдейской группировки, сам он не был урожденным вавилонянином. Его отцом был некий Набубалатсу-икби, «мудрый принц», хотя на самом деле он, по-видимому, был главным жрецом в когда-то известном храме бога луны Сина в месопотамском Харране (древний город в Северном Междуречье. — *Пер.*). С тех пор как последняя искра ассирийского правления в том городе была затоптана в 610 г. до н. э., Харран оставался в руках мидийцев, при которых храм лежал в развалинах. Буквально мечтой всей жизни Набонид а было восстановить этот храм, среди руин которого еще жил его отец. Но для этого было необходимо сначала отнять Харран у мидийцев.

Согласно рассказу Набонида, в год его восшествия на престол к нему во сне явились боги Мардук и Син. Мардук приказал ему восстановить храм в Харране; интересно, одобряли ли это жрецы Эсагилы. Когда Набонид со страхом возразил, что храмом владеет мидиец, который превосходит его по силе, Мардук ответил: «Мидиец, о котором ты говоришь, он сам, его страна и цари, которые поддерживают его, не превосходят тебя по силе! На третий год боги заставят Кира, царя Аншана, его мелкого вассала, выступить против него со своей небольшой армией. Он победит многочисленных мидийцев, пленит царя Мидии Астьяга и увезет пленника в свою страну».

Победа над мидийцами

В надежде на это Набонид заключил союз с Киром, который вслед за этим открыто восстал против Мидии. Чтобы выполнить свою часть договора, Набонид вскоре набрал армию против «мятежников», которые жили в странах, которыми когда-то владел Навуходоносор. Перед своим уходом из города Набонид передал бразды правления Вавилонией своему старшему сыну Белшарусуру (Белшасару, как его называют в Книге Даниила) и направился в Харран. Оказать какую-либо помощь городу было невозможно, так как мятеж Кира удерживал Астьяга дома, и Харран был быстро возвращен. Город был отстроен заново, и армия заложила фундамент храма к 555 г. до н. э.

На следующий год продолжилось повторное завоевание Сирии. К январю 553 г. до н. э. Набонид был в Хамате. К августу он уже вторгся в горы Аманус. К декабрю он уже убил царя Эдома, в то время как его войска находились в Газе на границе с Египтом. Недовольные

еврейские пленники предсказывали падение Вавилона от рук воинственных мидийцев, но, как часто случается, они остались разочарованными. Астьяг выслал против своего мятежного вассала армию под командованием Гарпага, но он забыл, как до этого жестоко убил сына полководца; Гарпаг этого не забыл и вскоре переметнулся к Киру, приведя с собой большую часть своих воинов. Вторая армия под командованием самого Астьяга достигла столицы Парсы, здесь она взбунтовалась, схватила своего царя и передала его в руки Киру. Экбатана была захвачена, а ее сокровища в виде золота, серебра и драгоценностей были увезены в Аншан (550 до н. э.).

Мидия перестала быть независимым государством и стала первой сатрапией под названием Мада. Тем не менее тесные связи между персами и мидийцами не были забыты. Разграбленная Экбатана осталась излюбленной царской резиденцией. Мидийцы (мидийцам оказывались почести) пользовались уважением наравне с персами: они занимали высокие посты, их ставили во главе персидских армий. Чужеземцы постоянно говорили о мидийцах и персах; когда они использовали одно слово, то это было слово «мидиец».

Своим завоеванием Мидийской империи Кир перенял и притязания мидийцев на власть над Ассирией, Месопотамией, Сирией, Арменией и Каппадокией. Во многом эти притязания находились в противоречии с притязаниями Вавилонии. Все причины для объединения в союз исчезли, когда каждая сторона договора достигла своей ближайшей цели. Разрушение Мидийской империи нарушило зыбкий баланс сил, и можно было ожидать войны между Киром и тремя оставшимися державами — Лидией, Вавилонией и Египтом.

Начало упадка Вавилонии

Набониду не явились никакие забытые вавилонские божества, чтобы предупредить о том, что международная ситуация столь опасно изменилась. Настроившись на дальнейшие завоевания на западе, он покинул Эдом (Идумея — древняя страна в Передней Азии к югу от Палестины между Мертвым морем и заливом Акаба. — *Пер.*) и от его пустынной границы направился в глубь Аравийского полуострова. Он нанес удар по центральному оазису Тема, и его царь был убит. По какой-то неясной причине Набонид построил там дворец, подобный вавилонскому, и поселился в нем. В торговых документах последующих лет говорится о караванах верблюдов, которые возили продовольствие для царя в Тему.

Тем временем в Вавилонии Белшасар пользовался Браздами правления, которые его отец доверил ему. В многочисленных письмах и торговых документах царский сын фигурирует как верховная власть. Начиная с седьмого года правления царя и кончая по крайней мере одиннадцатым (549–545 до н. э.) наша хроника каждый год начинается так: «Царь был в Теме. Царский сын, придворные и солдаты были в Аккаде. В первый месяц года царь не приехал в Вавилон. Набу не приехал в Вавилон. Бел не выезжал (из Эсагилы). Новогодних празднеств не было». Лишенные тем самым большого ежегодного праздника, дающего возможность заработать денег, жители Вавилона были, естественно, рассержены. Влиятельные жрецы Мардука были отдалены. Великий бог их города был унижен, тогда как чужой бог луны из Харрана пользовался неумеренными почестями и не ослаблял возмущение.

Завоевание персами Лидии

Получив весть о том, что его мидийский союзник свергнут, лидийский царь Крез поспешно собрал армию и пересек бывшую границу, проходившую по реке Халис, чтобы спасти остатки империи. Кир, который не так давно возродил титул «царь Парсы», «посчитал это вызовом своим собственным притязаниям и в апреле 547 г. до н. э. выступил из разграбленной Экбатаны навстречу агрессору. После того как он пересек перевал, расположенный высоко над городом, его путь пролег по извилистой дороге, которая неуклонно спускалась вниз до тех пор, пока не достигла главной линии гор Загрос у «ворот в

Азию». За этим горным проходом спуск был даже еще более быстрым. Холодный воздух внезапно потеплел, тополя, кипарисы и равнинные деревья уступили место кое-каким пальмам — и Кир оказался на краю огромных месопотамских равнин.

Кир мог бы легко повернуть на юг и выступить против Вавилона, если бы умение строителей Навуходоносора не превратило бы этот город и его окрестности в самую мощную крепость мира. Он мудро поступил, отложив нападение, и пошел на север в Ассирию, которая уже зависела от Мидии и поэтому приготовилась безоговорочно принять его. Арбела, на протяжении столь многих веков остававшаяся в тени Ашшура и Ниневии, вернула себе свой авторитет в качестве новой столицы Атуры (древнеперсидское название Ассирии. — *Пер.*). Кир переправился через Тигр ниже Арбелы, и Ашшур пал; боги Ашшура и Ниневии были спасены только благодаря тому, что им нашли убежище за стенами Вавилона. Дальше на запад по главной дороге располагался Харран; можно было заявить, что он часть Атуры. Отец Набонид а покинул этот мир в зрелом возрасте ста четырех лет тремя годами раньше (550 до н. э.), а его преемник, жрец Сина, не мог противостоять завоевателю. В имеющихся у нас источниках нет упоминаний о его падении, есть только строчка о его походе, а последовавшая за этим ситуация выявляет тот факт, что Харран был захвачен, а вместе с ним и храм, ради восстановления которого Набонид принес в жертву добрую волю Мардука. За эти потери единственным возможным возмездием был союз Вавилона с Лидией.

К маю Кир был уже готов выступить против Креза. Он снова отправился по Великому пути через Северную Сирию, которая тоже была отделена от недавней империи Набонида, в Киликию. По своей собственной инициативе до сих пор независимые киликийцы приняли вассальную зависимость от Персии и в качестве награды получили разрешение сохранить своих местных царей, которые неизменно носили имя Сиеннес. Через Киликийский горный проход армия вошла в Каппадокию, которая стала еще одной сатрапией — Катпатука (персидское название Каппадокии, которое означает «Страна прекрасных лошадей». — *Пер.*). Очевидно, в то же самое время Армения приняла Кира как преемника Астьяга и с той поры стала называться сатрапией Армина.

После неокончательного сражения при Птерии (местность вокруг недавно раскопанного Аладжа-Хюйюка) Крез отступил в Сарды (древняя столица Лидии. — *Пер.*). Он распустил своих набранных по провинциям рекрутов и призвал на помощь своих союзников — фараона Египта Амасиса, царя Вавилона Набонида и спартанцев из Греции, чтобы они собрались с силами к весне. Кир не собирался дать врагу время укрепить свои силы. И хотя приближалась зима, суровая на Анатолийском плоскогорье, он пошел быстрым маршем на запад. На небольшой равнине к востоку от столицы в месте слияния рек Гилл и Герм, которое после этого стало известна как «поле Кира», путь ему преградили лидийские конники, вооруженные копьями. По совету Гарпага (вельможа мидийского царя Астьяга, сохранивший жизнь внуку Астьяга Киру, которого ему было поручено убить. — *Пер.*) Кир выставил перед строем своих воинов навьюченных верблюдов, их ужасный и непривычный запах испугал лошадей и заставил их развернуться и бежать в страхе с поля боя. Спешившиеся лидийцы заново выстроились в боевой порядок и отважно сражались, но в конце концов они были вынуждены отступить в крепость. К союзникам были отправлены более настоятельные призывы; времени отвечать не было, так как после четырнадцати дней осады неуязвимый, как предполагалось, акрополь Сард был взят, а Крез стал пленником (547 до н. э.).

«В мае он пошел походом на Лидию. Он убил ее царя. Он взял трофеи. Он разместил в ней свой гарнизон. Потом его гарнизон и царь остались в ней». Таков был официальный отчет, данный Киром. На самом деле Крез последовал восточному обычаю и убил себя, чтобы избежать обычных оскорблений, которым подвергается пленный монарх, прежде чем будет казнен. В следующую половину века художник Мисон из Аттики, расписывавший вазы, изображал Креза сидящим на троне на погребальном костре, который собирается поджечь слуга.

Аполлона Дельфийского высоко почитали лидийские цари. Крезу он произнес сомнительное пророчество, которое явно предрекало его смерть. Такое пятно на репутации Аполлона нельзя было оставить, и вскоре были обнародованы «настоящие» отчеты о судьбе Креза. Сначала жрецы объявили, что сам бог унес низложенного монарха к бессмертию в страну сказочных гиперборейцев, очень удобно расположенную далеко на севере. Затем настала очередь знакомой истории о том, как в последний момент, когда Крез уже находился на погребальном костре, Кира охватило раскаяние; он попытался спасти его, хотя огонь уже яростно полыхал. Тогда Аполлон послал неожиданный дождь, который чудесным образом погасил пламя, и Крез был спасен, чтобы стать главным советником царя. Наконец рассказ о гиперборейцах был усовершенствован, и Крез оказался в Барене неподалеку от Экбатаны!

Лидия стала сатрапией под названием Сапарда или Сарды. Сатрапом стал перс Табал. Управление провинциями находилось еще на экспериментальной ступени. Кир впоследствии попробовал назначить сатрапом местного жителя, некоего Пактия, который должен был нести ответственность за захваченные сокровища Креза.

Покорение греков и ликийцев

В этот год, 547 г. до н. э., также произошел первый контакт между персами и греками. Ни тот ни другой народ не понял его судьбоносного характера. Для греков Персия была всего лишь еще одной варварской монархией, торговлю которой их купцы могли использовать и которой при необходимости близкие к ней их города-государства могли проявить формальную лояльность. Им и присниться не могло, что за одно поколение самая богатая, населенная и развитая половина греческого мира окажется под постоянной властью Персии и что следующее поколение будет вынуждено противостоять всей мощи Персидской империи, пытающейся подчинить себе более отсталые греческие государства, которые еще сохраняли свою независимость. Они не могли предвидеть, что на протяжении всего периода, пока эти государства оставались свободными, над их международными отношениями будет господствовать великий царь Ахеменидов и что даже во внутренних делах успех политических сторон будет зависеть от того, про— или антиперсидскую позицию они занимают. Однако для персов следующие пол века греки на западной границе будут представлять лишь незначительную пограничную проблему.

Перед окончательным сражением с лидийцами Кир предложил условия договора греческим прибрежным городам-государствам. На протяжении долгого времени они были подданными Лидии, но этот гнет не был тяжел, пока класс торговцев, который теперь контролировал их правительства, богател благодаря возможностям, предоставляемым торговлей как частью богатой лидийской империи. Вполне естественно, что города-государства отказались от великодушного предложения, за исключением Милета (самый могущественный и богатый из ионийских городов в Малой Азии. — *Пер.*), правители которого были достаточно проницательны, чтобы угадать, чья наступит власть. Персы выучили свой первый урок, как надо обращаться с греками: разделяй и властвуй. Одновременно они, вероятно, выучили и второй свой урок.

Аполлон, продажный бог-оракул, в своем главном храме в Дельфах выступил с сомнительным прорицанием Крезу, из-за которого он преисполнился самоуверенности, что повлекло за собой его падение. Вблизи Милета (в Бранхидах) находился храм Аполлона; его тоже можно было подкупить через его жрецов. Неизбежно встает вопрос: сыграли ли *они* какую-то роль в быстрой сдаче Милета? Как бы мы ни ответили на этот вопрос, факт остается: и Аполлон Милетский, и Аполлон Дельфийский на протяжении следующих пятидесяти лет оставались неизменными друзьями персов.

По праву завоевания бывшие подданные Лидии перешли к Киру. Отказ большинства греков подчиниться автоматически сделал их мятежниками. Их положение не улучшило их дерзкое, как, должно быть, счел Кир, требование сохранить за собой тот же привилегированный статус, который был у них при Крезе. Когда это требование было

отклонено, так как пришло слишком поздно, укрепление их городов означало войну. Мятежные греки воззвали к Спарте, которую Кир знал лишь как позванного, но так и не появившегося союзника. К своему удивлению, великий царь-победитель принял посольство, которое запретило ему причинять вред хотя бы одному греческому городу под страхом наказания со стороны спартанцев!

После отъезда царя в Экбатану Пактий поднял восстание и на доверенные ему сокровища нанял греческих наемников. Табал находился в осаде в акрополе Сард до тех пор, пока подкрепления под командованием мидийца Мазареса не отбросили мятежников и полностью не разоружили лидийцев. Пактий бежал в Киму, где был задан вопрос оракулу Аполлона в Бранхидах. Ответ можно было ожидать: как последовательный друг персов, Аполлон приказал выдать персам просителя.

Видный гражданин Кимы по имени Аристодик, сын Гераклейда, завоевал себе среди греков уникальную репутацию тем, что отказался принять столь явно предвзятое пророчество. И снова к Аполлону в Бранхидах прибыло посольство. Аристодик, как представитель посольства, повторил вопрос и получил тот же самый ответ. Как он уже и запланировал, Аристодик тогда украл всех птиц, которые гнездились в храме. Из святая святых раздался голос: «Ты, самый грешный из людей, как ты смеешь делать это? Ты хочешь украсть из храма моих просителей?» Аристодик не колеблясь ответил: «О боже, как можешь *ты* помочь своим собственным просителям, в то время как ты приказываешь кимайцам выдать *их* просителя?» Этот упрек, вероятно, больно уколол, так как жрец в ярости ответил: «Да, я приказываю тебе, чтобы ты быстрее умер из-за своей дерзости и никогда больше не приходил просить у меня пророчества о том, надо ли передавать во вражеские руки просителя!»

На этот раз обман Аполлона стал известен и, насколько нам известно, Аристодик не пострадал за свою безрассудную смелость. Жители Кимы не были суеверными, но Пактий был опасным просителем, и в поисках более безопасного убежища его отправили в Митилену (главный порт на острове Лесбос в Эгейском море. — *Пер.*). Лесбос был островом, а так как у персов еще не было флота, Пактий оставался в безопасности, если бы Мазарес к угрозам не добавил взятки. Митиленцы уже собирались продать беглеца, когда кимайцы узнали об их планах и перевезли Пактия на корабле на остров Хиос в, как считалось, безопасное место — храм Афины, хранительницы города. Хиос был в равной степени безопасным местом, если считать угрозы, но не застрахованным от взяточничества, и печальная история закончилась тем, что Пактий был выдан в обмен на Атарней (плодородная береговая полоса на материке в Мисии напротив острова Лесбос, которую Кир подарил хиосцам в награду за их предательство. — *Пер.*). Персы выучили еще один урок: греков легко купить.

Очевидно, следующим шагом должно было быть покорение тех живших на материке греков, которые отказались подчиниться. Они храбро сопротивлялись, но каждый город сам за себя, и они были взяты один за другим. Приена (ионийский город на западном берегу Карии на мысе Микале в устье реки Теза. — *Пер.*) была порабощена. Меандрская равнина (Меандр — древнее название реки Большой Мендерес в Малой Азии, сейчас в Турции. — *Пер.*) и Магнесия (древний город в Эолии, расположенный на притоке Меандра неподалеку от Приены. — *Пер.*) были опустошены. Мидиец Гарпаг в награду за предательство стал новым сатрапом. Он предложил мир Фокее (древнегреческая колония в Малой Азии. — *Пер.*), если ее жители разрушат часть городской стены и передадут ему один дом для проживания. Фокейцы уплыли ночью из опустевшего города, но вскоре добрая половина из них отчаялась и вернулась. Теос (древний ионийский город на западном побережье Малой Азии к юго-западу от Смирны. — *Пер.*) последовал их примеру. Другие ионийские города на материке были быстро взяты персами. Острова, населенные ионийцами, предательски поступив по отношению к Пактию, малодушно покорились его палачам и были объединены в сатрапию. Что касается дорийских городов, то они и не собирались сражаться. Только Книд (крупный торговый город, один из шести членов Дорийского союза, расположен на

побережье Карии у мыса Триопий на юго-западе Малой Азии. — *Пер.*) попытался обеспечить свою безопасность, перерезав каналом перешеек. Аполлон Дельфийский последовал примеру Аполлона из Бранхид и воспрепятствовал этому проекту; при приближении Гарпага к городу Книд тоже сдался. Карийцы храбро сражались в качестве наемников за египетских царей Саисской династии; теперь лишь педасийцы (племя карийцев. — *Пер.*) недолгое время оказывали сопротивление персам на горе Лиде, так как отряды ионийцев и эолийцев (древнегреческие племена. — *Пер.*) уже сражались в армии под командованием Гарпага.

Но в то время пока греки и карийцы трусливо сдавались агрессору, их соседи термилы или ликийцы учили их, как надо оказывать сопротивление. Они не забыли, как они совершали набеги на Египет времен Девятнадцатой династии (1320–1206 до н. э. — *Пер.*), как под командованием Главка и Сарпедона (царь ликийцев. — *Пер.*) они помогали троянцам в борьбе против вооруженных сил, собранных Агамемноном в Микенской империи. Они лучше, чем другие анатолийцы, сохранили свой кавказский язык и обычаи предков, ведя родословную по линии матери. Постоянная война с солимскими горцами закалила их, и грекам-колонистам удалось основать лишь одно поселение — Фаселис на границе их владений. Даже Крез не смог покорить их.

Запершись в своем главном городе Арне, или Ксанфе, ликийцы сражались до тех пор, пока уже не осталось никакой надежды; тогда они подожгли своих жен и богатства в крепости и предприняли внезапную вылазку, идя на смерть. Точно так же погибли и кавнийцы (Кавн — античный город в Карии. — *Пер.*). Теперь все морское побережье можно было объединить в сатрапию Яуну, или Ионию; это была ненастоящая сатрапия, потому что в ней не было своего собственного сатрапа, а находилась она под властью сатрапа Сард. Греками, проживавшими на побережье Геллеспонта (древнегреческое название пролива Дарданеллы. — *Пер.*), напротив, правил сатрап Митробат, который из города Даскилея на южном берегу Пропонта управлял геллеспонтийской Фригией, или *Tyaiy Drayaha* («те, что на море»).

Этот краткий эпизод научил персов многому в отношении греков. Они узнали, что по отдельности они отличные бойцы, искусные и хорошо вооруженные, достойные включения в их собственную армию. Они также обнаружили, что греческие города-государства, с жгучей ревностью относившиеся друг к другу, не способны на объединенные действия и среди них нетрудно найти продажных друзей. Из таких друзей самым ценным был Аполлон, бог-оракул. Но самым большим открытием было то, что в самих городах-государствах существовали классовые деления.

Большинство этих городов-государств давным-давно сменили царя на власть наследных знатных землевладельцев. Затем новые экономические процессы вывели на передний план элиту, сколотившую свои богатства на торговле, которая часто заменяла эту более старую аристократию по рождению, вознеся на вершину власти тирана. В то время как патриотизм старой знати был неизбежно ограниченным, коммерсанты могли оценить возможности торговли, которые предлагало включение в широко раскинувшуюся империю. Греческие города были вверены тиранам явно с пользой для персов.

Брожения в Вавилонии

Под властью дружески расположенных к персам тиранов покоренные греки вели себя тихо, пока Кир расширял свою империю. Теперь, когда Набонид заключил союз с Крезом, Кир мог открыто продолжать сокращать территорию Вавилонии. Надо полагать, возвратившись из Сард, он завладел оставшимися частями Сирии, которые еще удерживали солдаты Набонида, и, возможно, потребовал какого-то выражения лояльности от арабов, живших вдоль ее границ. Если эти действия угрожали Теме, то это послужило одной из причин, по которой в какой-то момент после 545 г. до н. э. Набонид вновь появился в Вавилоне.

Были и другие веские причины. Сильно централизованная во время правления Навуходоносора Вавилония постепенно распадалась под слабой властью Валтасара. Плохое управление и взяточничество процветали, крестьяне были угнетены, а их поля не обрабатывались. К 546 г. до н. э. когда-то плодородная Вавилония столкнулась с реальной угрозой голода.

В этот самый решающий год Набонид перенес еще одну ужасную потерю. С древнейших времен Халдейская династия благополучно владела акрополем Суз, самого важного города Элама. Один из выдающихся полководцев Навуходоносора по имени Гобрий (Губару) был назначен правителем Гутии, как вавилоняне продолжали называть Элам. Теперь он перешел на сторону Кира, и Набонид успел лишь спасти богов Суз, перевезя их в Вавилон. К 9 июня 546 г. до н. э. войска эламитов вошли в Аккад и напали на верного Набониду правителя Урука.

Завоевания Кира на Востоке

Тем временем сам Кир обратил внимание на еще не покоренных иранцев с восточной части нагорья, живших к северу и востоку от великой центральной соленой пустыни. Варкана, или Гиркания, находилась южнее Гирканского моря. Плодородие здешней почвы обеспечивала горная цепь на юге, которая преграждала путь северным ветрам и заставляла дождевые тучи проливаться потоками дождя, который пропитывал узкую прибрежную равнину у подножия гор. К юго-востоку от Гиркании находилось нагорье Парфава или Парфия; они объединились под властью Гистаспа (Виштаспа), сына Арсамеса, который был рад обменять менее значительный титул *kavi* (или местный царек) на титул сатрапа под властью своего — теперь уже могущественного — родственника.

К востоку от Парфии простиралась Харайва, или Арея, которая получила свое название по реке Арей; на ней была расположена столица Артокоана, которая, как современный Герат (город и провинция в современном Афганистане. — *Пер.*), вновь обрела свое древнее название. Южнее Ареи располагалась Заранг, или Дрангиана (древнеиранская область в бассейне озера Хамун и низовьях реки Гильменд. — *Пер.*) вдоль реки Этимандр (современная река Гильменд. — *Пер.*). Ариаспы, жившие на Этимандре, помогали Киру, поставляя продовольствие, и с той поры были освобождены от дани и значились в списке царских «благодетелей». Рукав реки Этимандра Арахот дал название Арахосии, столица которой с таким же названием является современным Кандагаром.

Из Ареи, расположенной высоко на Иранском нагорье, Кир мог взглядом проследить за рекой Оке (в своем верхнем течении она и по сей день известна как Вахша), которая стремительно несется вниз через непроходимые ущелья и петляет по желтым равнинам Центральной Азии. Большая часть этих равнин была безводной, но там и сям на ней располагались пригодные для возделывания оазисы вдоль рек, которые давали возможность плодородной почве благодаря грубой ирригационной системе приносить богатый урожай. В ближайших к нагорью оазисах уже поселились иранцы, и Кир решил добавить их к своей растущей империи.

Следуя течению реки Оке, он спустился в Согдиану (Сугуду), расположенную между реками Оке и Джаксарта. Ее столицей была Мараканда, предшественница сказочного золотого Самарканда, где расположенный среди цветов и садов огромный курган, под которым покоились остатки первоначального поселения, помнили до мусульманских времен. Рядом с ней протекала река, большая, но быстро терявшаяся в песках. Сама река Оке была в этом месте бурной, и не было возможности построить через нее переправу. Нет сомнений, что Кир переправился через нее, используя давний прием — надутые шкуры. За второй рекой Джаксартой жили полукочевые массагеты, хорезмцы, в оазисе Хива, что в нижнем течении Окса. Они покорились Киру, и Кир (или один из его ближайших преемников)4 ввел

4 Геродот предполагает, что это произошло в самом начале персидского господства, но упоминание Perse, возможно, указывает на то, что Персеполь был уже захвачен.

научную ирригацию в том виде, в каком она была известна персам. Вся земля была объявлена царскими владениями. В том месте, где река Оке в нижнем течении спускалась с гор на открытое место пятью отдельными рукавами, был построен затвор донного водовыпуска, который открывался для распределения драгоценной воды на поля только по личному прошению к царю и после уплаты очень высокого дополнительного налога.

Наверное, Кир не ожидал, что хорезмийцы будут долго платить тяжкий налог (мы увидим, что ко времени правления Артаксеркса I хорезмийцы, по-видимому, уже ускользнут от всеобъемлющего царского контроля, и перед закатом империи у них был уже свой собственный царь), так как он принял решение сделать реку Джаксарту своей самой северной постоянной границей. Чтобы защитить богатые земли, расположенные южнее, от будущих набегов орд туранцев из более дальних районов Центральной Азии через реку, он построил линию обороны из семи сторожевых постов вдоль южного берега реки. Газа, «сокровищница», должна была стать центральным складом-хранилищем, но ключом к линии обороны была Кира, «город Кира»; основой всего этого должна была стать Мараканда в тылу. После повторной переправы через Оке в верхнем течении на обратном пути Кир, вероятно, захватил на этот раз плодородный оазис Маргуш, названный так по своей главной реке, современной Мерв; он превратился в субсатрапию, входящую не в Согдиану, лежащую внизу на северо-востоке, а в Бактрию, расположенную выше на севере.

Бактрия (Бактриш) получила свое название по реке Бактр, притоку Окса. Ее главный город был также назван Бактрой, хотя более древнее иранское название Зариаспа надолго пристало к этой крепости, а способы обращения магов с умершими и умирающими существовали вплоть до тех времен, когда наводивший ужас Александр положил конец самым худшим из них. Другим важным городом был Драпсака.

Из Бактрии, самой восточной из действительно иранских стран, Кир посмотрел через пограничную реку Кофен на территорию их родичей индийцев. В то время иранцы все еще называли ее на своем языке — Парупаресанна, «страна за горами», хотя местным жителям она была известна как Гайдара. На тот момент этот далекий уголок Индии впервые попал под контроль иранцев. Вдоль нижних склонов Гиндукуша (горная система в Афганистане, Пакистане и Индии. — *Пер.*) — гор, сохранивших иранское название, — протянулась Таттагуш, или Саттагидия; к северу от них, на Памире, находилась Сака-Хаумаварга, или Амиргейская Сака — «те, что готовят священный напиток *haoma* ».

Завоевание Вавилонии

Благодаря этим завоеваниям Кир удвоил размер, но не население или богатства своей империи. В его армию влилось такое огромное количество воинов, что он наконец мог отважиться напасть даже на Вавилон. Местные жители были готовы приветствовать любого освободителя, пусть даже чужеземца. Своими архаическими реформами Набонид отдалил от себя жрецов Мардука, за счет которых эти реформы проводились. Другие жрецы были недовольны. Еврейские пророки предсказывали падение Вавилона и приветствовали Кира как Помазанника Божьего, который мог гарантировать возвращение в Сион. Во всей стране царил хаос.

Таким образом, почва была подготовлена недовольными элементами среди населения, и Кир готовился к вторжению в Вавилонию после завершения своих военных походов на восток. Прежде чем зимние снега 540–539 гг. до н. э. засыпали перевалы, он был уже на границе. Набонид привез в столицу богов Эшнунака, Замбана, Метурну и Дери, прежде чем их успел захватить Кир. Он потерпел поражение на реке Тигр, но единственным средством обороны, которое пришло ему в голову, было призвать к себе на помощь в марте Иштар из Урука. Набонид мог попытаться объяснить вывоз богов тем, что это был способ защиты столицы от чужеземца; жители громко жаловались на то, что божества покинули свои храмы, которые лежали в руинах.

Нужно было помириться с Мардуком и его жрецами. 4 апреля 539 г. до н. э., в день

празднования Нового года, еще раз «был проведен праздник как положено». «Для солдат вино текло рекой». По-прежнему больше полагавшийся на физическое присутствие богов Набонид затем доставил в Вавилон идолов богов Марада, Забаба, Киша, Нинлиль и Хурсакаламы; «до конца августа боги Аккада, те, что над и под землей, вступали в Вавилон». Терпению жителей настал предел; идолы богов Куру, Сиппара и даже Борсиппы не прибыли. Эбара, храм бога солнца Шамаша в Сиппаре, был отстроен заново, но жрецы возмутились, когда Набонид после одного из своих частых видений изменил форму головного убора бога. Набонид прибыл из Борсиппы, чтобы встретить своего отца Мардука на праздновании Нового года, но его жрецы тоже увидели от руки написанные слова на стене.

Ближе к началу октября Кир провел еще одно сражение у Описа на Тигре и сжег жителей Аккада огнем. После этой акции устрашения его противники потеряли мужество, и 11 октября Сиппар был взят безо всякого боя. Набонид бежал, а 13 октября 539 г. до н. э. Гобрий, наместник Гутии, и войска Кира вошли в Вавилон без боя. Потом, когда Набонид возвратился в Вавилон, он был взят в плен.

Последняя табличка, датированная Набонидом, относится к 14 октября — это следующий день после захвата Гобрием Вавилона, — но она написана в Уруке, куда желанная весть еще не дошла. В самой столице жизнь продолжалась как обычно, так как современники этих событий не поняли, что с падением Вавилона закончилась одна эра и началась другая. Самое позднее к 26 октября писцы уже датировали документы новым правителем, которого называли «царем стран». Этот титул оставался официальным на протяжении оставшейся части «года восшествия на престол» и части первого полного года его царствования.

Гобрий хорошо обошелся с городом. До конца октября «щиты» Гутии окружали ворота Эсагилы. Никакое оружие не был поднято в Эсагиле или в других храмах, и ни одна назначенная церемония не была пропущена. 29 октября в Вавилон вошел сам Кир. Путь ему устлали ветками, и он объявил мир всем в городе. Гобрий стал сатрапом новой провинции Бабируш; он назначил подчиненных себе чиновников. Документы показывают нам, что, как правило, люди, занимавшие какие-то посты, сохраняли их.

Персидская пропаганда

В глазах вавилонских подданных Кир никогда не был чужеземным царем Парсы. В своих декларациях, сделанных на их собственном языке, он нагромождал древние титулы: «Я Кир, царь вселенной, великий царь, могущественный царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь всего мира… царское семя с древних времен, власть которого любят Бел и Набу, владычеству которого они радуются от всего сердца». Во время первого полного года своего царствования выражение «царь Вавилона» стало регулярно появляться перед датирующей формулировкой «царь стран».

Жрецы были вознаграждены за свою неверность Набониду. С января по февраль следующего года захваченные боги со всеми должными почестями были сопровождены назад в свои храмы. Мы случайно нашли реальное письмо, в котором сообщается об отплытии из Борсиппы корабля, который должен был привезти назад совет Эзиды, которому предстояло сопровождать Нану и Богоматерь Урука на родину. Вместе с идолами богов были отправлены повеления восстановить их храмы. На строительных кирпичах в Уруке стояла надпись: «Кир, строитель Эсагилы и Эзиды, сын Камбиса, я — великий царь»; таким образом он восхвалял Мардука и Набу, используя бывший титул Навуходоносора. Уру было нанесено бесчестье неподобающим обрядом; новое строительство поправило ущерб и позволило Киру как «царю вселенной, царю Аншана» напомнить жителям, как «великие боги привели все страны под мою длань; я создал страну, чтобы жить в ней мирно».

Большое количество чужеземных захваченных богов давало много возможностей проявить царскую щедрость. Боги Суз были возвращены в Элам, боги Ашшура — в древнюю столицу; другие боги из древней спорной страны между Ассирией и Вавилонией также

извлекли для себя пользу. Жителей этих городов тоже собрали и вернули по домам. Еврейские пророки приветствовали Кира как монарха, который вернет их в Сион. Так как у них больше не было идолов богов, было логичным, чтобы они вернули в Иерусалим храмовую утварь, разграбленную Навуходоносором.

Воззвание Кира к вавилонянам, написанное на их собственном языке, было образцом убедительной пропаганды. Дав ясно понять, что он законный преемник их бывших монархов, Кир позаботился о том, чтобы память о Набониде была навеки проклята. В его тексте нет никаких упоминаний о жрецах этой страны. Над ними он поставил кого-то вроде Белшасара. К Уру и остальным городам он отнесся неподобающим образом. Он ежедневно строил планы и повелел прекратить жертвоприношения. Культ Мардука, царя богов, он отменил и ежедневно проявлял неприязнь к городу Мардука; всех, поклонявшихся Мардуку, он загубил, заставив трудиться на каторжных работах без отдыха.

Из-за их жалоб владыка богов разгневался на них и покинул их страну. Боги, которые были у них, покинули их дома в ярости, потому что в Вавилон были привезены чужие боги. Но вскоре Мардук раскаялся и даровал милость всем местам обитания богов, которые превратились в развалины, и народу Шумера и Аккада, который был еле жив.

Во всех странах — везде — он искал. Он искал благочестивого принца, и его он взял за руку. Кира, царя Аншана, он назвал по имени и назначил его править миром. Страну Гуту (Элам) и всех мидийцев он бросил к его ногам. Черноголовых людей (это обычное название вавилонян) он любил за справедливость и благочестие. Мардук, великий владыка, защитник своего народа, с радостью смотрел на его праведные дела и честное сердце.

Мардук приказал ему идти в свой город Вавилон, он повелел ему выбрать дорогу на Вавилон и шел рядом с ним как друг и спутник. Его многочисленные воины, число которых, как количество воды в реке, нельзя назвать, шли с оружием в руках рядом с ним. Без единой стычки или сражения он позволил ему войти в Вавилон. Он пощадил его город Вавилон и избавил от бедствий. Набонида, царя, который не устрашился его, он доставил в руки Кира. Весь народ Вавилона, весь Шумер и Аккад, принцы и чиновники, пали перед ним и целовали его ноги. Они радовались его царствию, их лица сияли. Владыке, который своей властью возвращает к жизни мертвых, который защитил их от истребления и горя, они с радостью приносили вассальную присягу и ждали его приказа.

«Когда я милостиво вошел в Вавилон, с радостью и удовольствием я поселился в царском дворце. Великий бог Мардук обратил ко мне благородный народ вавилонян, и я ежедневно проявлял внимание к его культу. Мои многочисленные войска мирно вошли в Вавилон. В Шумере и Аккаде я не позволил дурного обращения с населением. Позорное ярмо с него было снято. Их разрушенные жилища я восстановил; я расчистил руины.

Великий бог Мардук радовался моим благочестивым делам и милостиво благословил меня, Кира, царя, который поклоняется ему, и моего сына Камбиса, и всех моих воинов, в то время как мы искренне и радостно восхваляли его благородство. Все цари, живущие во дворцах во всех уголках Земли, с Верхнего до Нижнего моря, и все цари страны аморитов, живущих в шатрах (арабы), принесли мне свои тяжелые дары и в Вавилоне целовали мои ноги».

Затем Кир рассказывает, как он возвращал всех захваченных богов, и заканчивает благочестивой надеждой: «Пусть все боги, которых я возвратил в их города, ежедневно молятся перед Бел и Набу о ниспослании мне долгой жизни, и пусть они замолвят доброе слово обо мне и скажут моему владыке Мардуку: «Да будут благословенны царь Кир, поклоняющийся тебе, и его сын Камбис».

Эта декларация предназначалась для образованных людей; для неграмотных писцы приготовили рассказ о правлении Набонида в хороших стихах на вавилонском языке, который должен был звенеть в ушах слушателей еще долго после того, как об этом воззвании все позабудут. Набонид был чрезвычайно дурным монархом, благочестие не было его достоинством. Слабых он убивал мечом. Он преграждал путь торговцу. Крестьянин у него был лишен пахотной земли, никогда он не издавал радостных криков, видя свой

урожай. Оросительная система была запущена, он не запирал должным образом полевые каналы. Когда крестьянин копал их, он оставлял их открытыми, и драгоценная вода текла на поля беспрепятственно, уничтожая крестьянскую собственность. Выдающиеся люди были посажены в тюрьму. Городское собрание было встревожено; выражение лиц его членов изменилось; они не ходили по открытым местам; в городе никто не развлекался.

Набонида схватил демон, никто не видел его в его собственной стране. В чужеземном Харране он сделал мерзость, осквернил святилище, сделав для него идола, который он назвал Сином (игра слов: sin — по-английски «грех»); это был незнакомый вавилонянам бог луны, он был похож на луну в фазе затмения. Сам себе он сказал: «Пока я выполняю эту задачу и стенаю над его разрушением, я не буду устраивать праздник и пир по поводу Нового года».

После того как он на третий год закончил строительство в другом городе, не Вавилоне, он вверил лагерь своему первенцу. Он взял своего старшего сына за руки и поручил ему осуществление царской власти, в то время как сам он пустился в путь в далекую страну. Армию он провел за собой по всем странам. Войска Аккада выступили вместе с ним, и он обратил свое лицо к Теме Амурру (древнее государство в Сирии. — *Пер.*). Князя Темы они убили мечом; всех жителей его города и страны он перебил. Он сделал тот город местом своего проживания, и армия Аккада была с ним. Тот город он украсил; там для него построили дворец, подобный вавилонскому.

Когда началась война с Киром, Набонид неоправданно хвастался своими победами. На своей мемориальной стеле он написал: «К моим ногам он склонится; его земли попадут в мои руки; все, что у него есть, я возьму как добычу». Его собственные подданные встали на городском собрании и бросили ему вызов. Их царь объявил, что Кир не умеет читать написанное стилем клинопись на глиняной табличке. Наверное, они согласились, и Кир был на самом деле неграмотным, но сами боги послали видение, как семя прорастает из земли. В знак того, что *он* царь, над ним должен был проплыть полумесяц богов Ану и Энлиля.

Хотя Набонид в конце концов снова ввел празднование Нового года в последний год своего правления, он продолжал мешать обрядам и изменять церемонии. Он высказывался против божественных предписаний и произносил нечестивые речи. Его собственными руками божественные образы были сброшены со священного места и установлены в его дворце. Тем самым он намекал, что в какой-то степени он считал себя богом. Два чужестранца, которых он назначил на высокие должности, — управляющий храмом Зерия и инспектор Римут, — склонялись перед ним; они повиновались повелениям царя и исполняли его приказы. Они стукнулись лбами и произнесли клятву: «Мы знаем только то, что нам сказал царь».

Кир вошел в Вавилон и провозгласил вавилонянам мир. Царский офицер преградил путь к храму. Кир зарезал ягненка для жертвоприношения и зажег ладан для даров богу. Перед богами он простерся на земле лицом вниз. В сердце его было лишь желание угодить богам; он принял решение начать строительство, пронеся на голове корзину с кирпичами, как того требовал обряд. Он закончил строительство городской стены Вавилона, начатое по благоволению Навуходоносора; перед стеной Имгур-Бел он вырыл ров.

Аккадских богов обоего пола, которые ранее покинули свои храмы, он возвратил на место. Их сердца он умиротворил, их печень — порадовал. Ушедшую из них жизнь он вдохнул в них вновь. На столы была положена для них пища. Развалившиеся стены он снес, и каждое святилище было отстроено заново. Царские надписи и посвящения Набониду были стерты и сожжены; ветры развеяли их пепел. Они сбросили его статую и стерли его имя со стен храмов. Все, что он оставил, было подожжено; Кир скормил все огню, так как он был намерен двигаться вперед на Вавилон. Что касается самого грешника, то да бросят его в преисподней в тюрьму, да заключат его помощников в оковы, а Мардук будет радостно взирать на царствие Кира.5

Результаты этой хорошо продуманной пропаганды забавным образом перемешались.

---

5 Это изложение стихотворного текста; сильно подпорченный текст был восстановлен и перефразирован, чтобы он вписался в общий контекст.

Попытка Кира «проклясть память» не удалась: Набонид не был забыт. Когда уже при следующем поколении Вавилон снова взбунтовался, два претендента по очереди утверждали, что являются Навуходоносором, сыном Набонида. Геродот знал Набонида как Лабинета, сына царицы-строительницы, знаменитой Нитокрис. Греки забыли Белшасара, а евреи — нет, хотя и считали его сыном Навуходоносора.

Но эта пропаганда оказывала более тонкое воздействие. Пророчества еврейского изгнанника в Вавилоне так близко соответствуют языку воззвания, что мы задаем себе вопрос: а не мог ли он на самом деле прочитать его? Образ последнего царя Вавилона, написанный греками, — это портрет все того же нечестивца и неумехи. Даже большие новогодние празднества с огромным количеством вина, выпитого пьяными солдатами, снова появляются в рассказе о пленении Набонида Киром у Геродота и Ксенофонта и в описаниях пирушек, приписываемых автором Даниилом последней ночи Белшасара (Валтасара).

В еврейской истории о Данииле характер Набонида из стихотворной версии рассказа был дан более известному Навуходоносору. Он тоже еретик. Его высокопоставленные чиновники тоже чужестранцы, которые естественным образом превращаются в евреев. Их имена напоминают нам имена Зерии и Римута. Навуходоносор воздвиг огромную статую, которой должен был поклоняться весь мир. За свою нечестивость царя поразило безумие, и он ел траву, как овца на лугу. Подобно тому, как видения наполняли жизнь Набонида, видение было и у Навуходоносора; Набонид был вынужден просить о помощи в их толковании так же, как и его более могущественный предшественник. Еврей Даниил дал толкование сна, в котором он выразил надежду на гибель Вавилона и предсказал будущее; порочный деспот Валтасар получил предупреждение, написанное на стене дворца, только тогда, когда было уже слишком поздно раскаиваться.

Кир в Вавилоне

На людей, привыкших к горным пейзажам, плоская однообразная равнина, вероятно, нагоняла ужасную тоску. Когда они страдали от обжигающего летнего зноя, они, безусловно, тосковали по своим продуваемым ветром горам и наверняка боялись смертельной лихорадки, которая истощала их силы. Но почва Вавилонии обладала таким плодородием, которое и представить невозможно на голом плато, а богатство столицы вошло в поговорку. Ее крестьяне были трудолюбивыми и послушными. Зимой климат здесь был приятно прохладным, и температура редко падала до нуля, поэтому, когда на плоскогорье внезапно холодало, а снега начинали спускаться все ниже по горным склонам, персидские монархи уезжали в Вавилон, чтобы переждать зиму; что роскошь, которой они наслаждались там, может оказаться коварной, они и не подозревали.

Пребывая в Вавилоне, Кир принимал царей Сирии, которые приезжали, чтобы засвидетельствовать свое почтение лично и выразить свое благоговение целованием царских ног. Власть над Финикией означала, что теперь в распоряжении Кира имелся второй военный флот, по численности личного состава и умению равный флоту объединившихся греческих государств. Однако он был гораздо надежнее, и поэтому Кир к нему больше благоволил. С той поры греческие купцы в империи стали сталкиваться с острейшей конкуренцией со стороны торговых магнатов, которые правили городами-государствами, как своими собственными, и были достаточно умны, чтобы постоянно помнить об истинном источнике их процветания.

Во время краткосрочной попытки организовать набатейских арабов (Набатея — государство, существовавшее в III в. до н. э. — 106 г. н. э. на территории современных Иордании и Израиля. — *Пер.*) в сатрапию под названием Арабайя Сирия Финикия и Палестина были присоединены к Вавилонии, образовав одну огромную сатрапию. Для сатрапа Гобрия эта провинция официально называлась Бабируш; для местных жителей это была «Вавилон и Эбирнари» — ассирийское название, означающее «территория через реку» (они имели в виду Евфрат). Этим огромным плодородным краем Гобрий правил почти как

независимый монарх.

Рядом с Палестиной находился Египет, царь которого Амасис раньше заключал союз с Крезом и поэтому мог вскоре ожидать нападения. Вторжению в долину Нила в высокой степени мог способствовать плацдарм в палестинской пустыне. На дороге в Египет стояла разрушенная крепость Иерусалим; его проегипетски настроенные вельможи были депортированы в Вавилон еще Навуходоносором, где они оставались ссыльнопоселенцами и процветали. Сын Навуходоносора Амель-Мардук пытался склонить их на свою сторону, он поигрывал идеей возврата на трон их бывшего царя Иоакима. Однако Амель-Мардук умер, не осуществив своего плана — почти наверняка он был убит националистами. С тех пор эти еврейские изгнанники были чрезвычайно враждебно настроены против правительства. Их разочарованные пророки предсказали, что Вавилон будет разрушен руками мидийцев. Когда эти надежды, в свою очередь, рухнули, они стали призывать Кира как Помазанника Божьего.

Какую бы роль эти потоки пророчеств ни сыграли в завоевании Вавилона, евреи продемонстрировали свое сочувствие новому режиму. Пока еще не разрушенный Вавилон на самом деле был вознагражден за свою покорность завоевателю. Второй Исайя также предсказывал триумфальное возвращение в Сион; едва ли можно было ожидать, что евреи, уже разбогатевшие, покинут плодородную Вавилонию ради голых холмов Иудеи, но, по крайней мере, что-то можно было сделать для их *amour propre.* Кроме того, большинство бывших жителей все еще находились в Палестине; лишенные своих вождей, они вполне могли утратить свои проегипетские настроения. Кир уже возвратил изображения богов, увезенных Набонидом, не только вавилонским городам, но и ассирийским и эламским и отстроил заново их разрушенные храмы. Он лишь следовал бы все той же политике, если бы приказал восстановить храм в Иерусалиме, а так как теперь у евреев не было идолов, то предоставить храмовую утварь для изгнанного бога.

Оставив более прозаические мелочи по организации сатрапии Гобрию, к концу года восшествия на престол Кир удалился из Вавилона и возвратился в Экбатану. Арамейский язык был уже принят в качестве официального языка персидской канцелярии при решении вопросов с западными сатрапиями; на нем в первый год своего правления Кир из своего дворца в Экбатане издал следующий указ: «Что касается дома Бога, находящегося в Иерусалиме, то пусть он будет построен на том месте, где они делают жертвоприношения на огне; его высота будет тридцать метров и ширина тридцать метров с тремя рядами кладки из больших камней и одним рядом кладки из дерева. И пусть его стоимость будет вычтена из царской казны. Также золотая и серебряная утварь из храма Бога, которую Навуходоносор увез из него в Вавилон, должна быть возвращена в храм Иерусалимский; и пусть каждый предмет будет положен на свое место в доме Бога».

Утварь была взята из Вавилонского храма, под которым мы, естественно, понимаем Эсагилу, и передана новому правителю Иудеи; его имя — Шешбассар явно вавилонское, возможно, это Шамаш-апал-усур. Но, несмотря на свое языческое имя, он *мог быть* , как стали утверждать позднее, еврейским принцем. С этой утварью Шешбассар отправился в Иерусалим и заложил храм. Предсказания второго Исайи о массовом переселении в великолепно отстроенный Сион не исполнились точно так же, как и предсказания о разрушении Вавилона. Сопровождал ли Шешбассара хоть один фанатик, сомнительно; спустя одно поколение жителей Иерусалима по-прежнему называли «остатки народа» или «народ земли».

Одна из вавилонских табличек наводит на мысль о том, что год спустя Кир находился еще в Экбатане. В сентябре 537 г. до н. э. некий Таданну одолжил полкило серебра в полушекелевых монетах Итти-Мардук-балату, сыну Набуахеиддина, которые он должен был возвратить в ноябре в соотношении, которое тогда существовало в Вавилоне: плюс 39 талантов сухих пальмовых ветвей, 1 шекель серебра и 12 *qa* фиников. Одни и те же свидетели и писец часто появляются на схожих документах из Вавилона, но этот документ написан в городе страны Агаматану, то есть Экбатане. Итти-Мардук-балату являлся главой самого крупного в Вавилоне банковского дома, фирмы «Эгиби и сыновья». Очевидно, он и

его друзья пришли в суд либо по царскому повелению, либо для подачи прошения. Они понесли такие расходы в виде взяток судебным чиновникам, что потребовался заем, прежде чем они смогли предпринять поездку домой. Здесь мы должны оставить Кира, так как совершенно неожиданно и без предупреждения наша информация заканчивается.

Глава 4
ЛАГЕРЬ ПЕРСОВ

Устройство сатрапии

Теперь Кир стал монархом величайшей империи, известной в истории. Для управления этой широко раскинувшейся территорией он в основном принял организацию, впервые придуманную ассирийцами, которые заменили завоеванные ими государства официальными провинциями. Каждой из них управлял губернатор с полным штатом подчиненных, и все они поддерживали тесную связь с центральной властью посредством частого обмена приказаний и отчетов. Главное отличие этих ассирийских провинций от двадцати сатрапий, учрежденных Киром, состояло в том, что сатрапии появились вместо гораздо больших по размерам независимых монархий.

Каждой сатрапией управлял сатрап, титул которого буквально означал «защитник царства». В качестве преемника бывшего царя он правил поистине огромной территорией и был на самом деле монархом, которого окружал миниатюрный штат придворных. Он не только осуществлял гражданское управление, но и был также главнокомандующим армией рекрутов, набранных в этой сатрапии. Когда должность сатрапа стала передаваться по наследству, угрозу центральной власти нельзя было игнорировать. Чтобы противостоять этой угрозе, были введены определенные ограничения; помощник сатрапа, его главный чиновник по финансам и командир гарнизона, расквартированного в крепости столицы той или иной сатрапии, получали приказы непосредственно от великого царя и находились в прямом его подчинении. Еще более эффективный контроль осуществлял «царский глаз» (или «царское ухо», или «царский посланец»), который каждый год проводил тщательную инспекцию каждой провинции.

Место расположения Парсагарды

Когда персы пришли на свою будущую родину, которой они дали свое название Парса, они все еще были бродячими кочевниками. Нам сообщается, что их царское племя носило название пасаргады. Когда мы обнаруживаем, что это же название дает их самой древней столице большинство греческих авторов, мы можем предположить, что столица получила свое название по названию племени. Однако один историк называет город Парсагардой, а другой истолковывает это название как «лагерь персов». Такое толкование подразумевало бы, что настоящим названием было нечто вроде Парсагард. На самом деле развалины поселения наводят на мысль о типичном арийском лагере, так как никаких следов стены не было обнаружено.

Первая столица персов находилась на большой дороге, которая вела с севера на юг от Экбатаны до Персидского залива. Остатки этой дороги все еще можно заметить в прорубленных скалах на северо-восточном и юго-западном краях небольшой равнины размером 15 × 25 километров. С запада, юго-запада и северо-запада она ограничена довольно высокими горами; горы на востоке ниже, и под ними по равнине извивается Мидийская река и вливается в юго-западный угол еще более извилистого ущелья, по которому вьется вырубленная в скалах дорога. Подъем высок, более двух тысяч метров над уровнем моря; зимой жестокие ветры пробирают до костей, и на протяжении полугода холод может чувствоваться рано утром. Зимой снега выпадают на равнину и горы, увеличивая тем самым

количество воды весной и летом, столь необходимой для орошения хорошей почвы на протяжении засушливого времени в середине года и до самого урожая.

В северо-западном уголке равнины под высокими горами располагалось первобытное поселение. В настоящее время это место отмечено лишь кучами красноватых глиняных черепков, по цвету относящихся к эпохе Ахеменидов, и небольшими каменными основаниями колонн, которые археологи относят приблизительно к периоду правления Кира. Последние показывают, что дома строились по типично иранскому архитектурному плану. Поэтому мы можем представить их себе как деревянные постройки с деревянными колоннами на каменных основаниях, подпирающими плоские крыши над порогом и, наверное, балки, которые поддерживали двускатную крышу основной постройки.

Святыни

В двух с половиной километрах к юго-западу находилось прямоугольное священное сооружение, огороженное стеной, длинная стена которого была ориентирована с юго-востока на северо-запад. Оно располагалось недалеко от небольшого ручья под названием Кир, который выходил на равнину, сбегая с холмов на севере, и становился притоком Мидийской реки. Ее воды, чистые и холодные, из источника, расположенного среди близлежащих скалистых вершин, радовали сердце Анахиты (персидское божество, олицетворявшее производительные силы природы, живительную воду. — *Пер.*), которая сама низвергалась вниз с таких же вершин. Рядом с ее левым берегом на огороженном месте располагались два алтаря под открытым небом, построенные из белого известняка на фундаментах из черного известняка с выдолбленной внутренней частью. Тот, что был справа, состоял из одной глыбы, на которую был поставлен еще один блок с вырезанными в нем семью ступенями, ведущими к вершине, которая, в свою очередь, имела три ступени и была покрыта лунками. Тот, что слева, тоже представлял собой одну глыбу, поверх которой лежал более плоский монолит. Тогда здесь располагались подлинные алтари племенным богам, Анахите и Ахурамазде.

Впоследствии в юго-западном уголке этого огороженного пространства было построено более совершенное святилище. В основном эта постройка находилась за пределами самого огороженного места, равно как и три подсобные постройки, так как структура скалы, которая определяла ее положение, вынуждала поставить ее немного вбок от этой юго-западной оконечности и позволяла сориентировать ее почти точно на восток. Вокруг этой скалы было возведено нечто вроде кургана размером 40 × 70 метров, который поднимался шестью ступенями, грубо подражая вавилонской храмовой башне, но полностью высота всех шести ступеней составляла всего 6 метров. Три нижние ступени были защищены стенами из известняка, за ними был наполнитель из каменных обломков. Три верхние ступени были построены из глиняных кирпичей и облицованы известняком. По обеим сторонам восточного фасада лестничные марши вели на следующую, более высокую ступень. Никаких остатков надстройки не было обнаружено. По всей вероятности, на вершине были размещены лишь еще другие алтари. «Храм» Анахиты, в котором преемники Кира проходили древнюю церемонию очищения перед восшествием на престол и в укромном уголке которого Кир-младший спрятался, чтобы убить своего брата Артаксеркса, следует искать в одной из построек, расположенных севернее этого ступенчатого кургана, за пределами этого огороженного пространства.

Парк и дворцы Кира

За низкими холмами на расстоянии менее километра находилось другое огороженное место. Это также был четырехугольный участок, в этом случае точно ориентированный по сторонам света. Он был окружен девятиметровой стеной из глиняных кирпичей на каменном фундаменте. На территории этого огороженного участка находились дворцы и

вспомогательные постройки, ориентированные с юго-запада на северо-восток. На то, что они стояли посреди райского уголка или парка, указывают их изолированное расположение, водные каналы, бассейн и остатки павильонов, разбросанных среди пустого пространства, которое когда-то, вероятно, было засажено деревьями.

Главный вход в парк находился в южном углу, где из огораживающей это пространство стены выступали монументальные четырехугольные ворота. Их кровлю поддерживали два ряда из четырех огромных колонн из белого известняка, которые стояли на простых дисках из черного известняка и белых глыбах основания. В коротких стенах этого четырехугольника были проходы, охраняемые на входе и выходе огромными крылатыми быками из известняка более светлого серовато-черного оттенка, стоявшими на массивных черных пьедесталах. У пары быков при входе в этот укромный уголок были человеческие головы. Очень маленькие двери вели наружу из небольших помещений по обеим сторонам от выхода.

Два выступающих пилястра из белого известняка обрамляли северное помещение; лицом ко входу стояли два вырубленных из камня духа высотой полметра, с поднятыми руками в благословляющем жесте. Подобно своим ассирийским предшественникам, они были четырехкрылыми; от шеи до лодыжек их тело скрывало одеяние, похожее на тогу; ее край был украшен розочками и бахромой; полосы с розочками также были и повыше локтей, а их ноги были обуты по последней эламитской моде. Их кудрявые бороды были недлинными, а волосы на голове спускались на шею короткими косичками, которые удерживала круглая заколка с подвесками, свисающими ниже уха. На широких и плоских козлиных рогах крепился египетский символ, широко использовавшийся в течение веков у народов Западной Азии: между змеями-уреями и обычными дисками располагались три солнечных диска, страусиные перья и шары в окружении вязанок тростника. Сверху на персидском, эламитском и аккадском языках можно было прочитать: «Я Кир, царь, Ахеменид». Так как здесь он носит лишь этот простой титул, то, вероятно, он построил эти ворота, когда был еще вассальным царем Аншана, до своего мятежа против Астьяга.

Точно такая же надпись относит к этому же периоду и зал для аудиенций, расположенный через небольшой ручей приблизительно в 180 метрах к северо-западу. Его стены из глиняных кирпичей имели в толщину три метра и покоились на массивных фундаментах из белого известняка, укрепленные в тех местах, где давление сверху было больше. Когда в глиняные кирпичи вставляли каменные двери и врезали ниши, черный известняк заменяли на дерево более ранних построек, что давало приятный контраст. Черными были также плиты на полу, большие и без какого-либо порядка подогнанные друг к другу.

Фасад зала для приемов, выходивший на юго-запад, имел в длину 57 метров. Чуть больше 30 метров было отдано центральному крыльцу, остальное — двум небольшим угловым комнатам. Похожие входы украшали боковые стены; заднее крыльцо было длиннее, так как здесь отсутствовали угловые комнаты. По обеим сторонам от дверного проема из черного камня, который вел с центрального крыльца внутрь, на черных постаментах стояли четыре гладкие белые колонны высотой 6 метров. Верхняя часть центрального зала с оконцами возвышалась высоко над колоннами.

У дверных косяков спереди и сзади (пережиток резных вертикально поставленных плит в стенах мегалитической гробницы, хорошо известных в хеттской и ассирийской архитектуре) по обеим сторонам была изображена одна и та же сцена: три жреца, босые, но одетые в облегающие одеяния до щиколоток, ведут быка на жертвоприношение. Схожие барельефы украшали косяки и неглавных ворот, но здесь были изображены божества-защитники, изображенные на ассирийский манер либо целиком в человеческом облике, либо с головой и когтями орла на человеческом теле. Подобно своим ассирийским предшественникам, у них были две пары крыльев, и одеты они были в то же самое укороченное платье.

За центральным входом находился зал для приемов, крышу которого подпирали два ряда по четыре колонны в каждом. Образовавшийся таким образом проход вел к нишам из

черного камня, расположенным по его обеим сторонам. Колонны были весьма тонкими, так как хотя они и были 12 метров в высоту, в окружности они составляли один метр. Их основанием служил плоский черный диск — неотъемлемая часть плиты фундамента. Простые белые столбы увенчивали капители или, скорее и точнее, пяты арки, которые изображали передние части двух животных, соединенные спина к спине. Среди этих животных можно узнать лошадей, быков, львов или львов с рогами в короне из перьев, которую носил ассирийский бык с человеческой головой. Диспропорция между высотой этих чрезвычайно стройных колонн и более коротких и толстых пилястр, которые образовывали углы, украшенные надписями, в конце опирающихся на колонны крылец, ясно доказывает, что огромный зал для приемов освещался благодаря высоко расположенным окнам. Золотые листы покрывали деревянные панели и сияли на солнце.

На расстоянии 366 метров в глубине парка находился дворец размером 43 × 76 метров. На его фасаде было крыльцо из двадцати деревянных колонн, стоявших в два ряда, высотой 6 метров. На полированных пилястрах с каждого его конца имелась уже знакомая нам надпись с именем Кира. Заднее крыльцо было короче, так как дворец в этом отношении был противоположностью залу для приемов, и в нем две угловые комнаты располагались сзади. Глубокие выемки в боковых частях пилястр скрепляли их со стенами из глиняных кирпичей, а другие выемки наверху своими неправильными формами подтверждают существование балок и стропил антаблемента, ограждения крыши и зубцов на стене.

Единственная дверь справа от центра, необходимая предосторожность от недозволенных беглых взглядов внутрь, вела в огромный зал размером 22 × 24 метра. Крышу поддерживали шесть рядов колонн по пять в каждом. Нижний опорный блок колонны имел черно-белые прожилки, верхний был черным. Далее шел полукруглый фриз с горизонтальными каннелюрами, которые продолжались в том же блоке на гладком белом стержне. Его верхняя половина была покрыта штукатуркой, раскрашенной яркими цветами — ляпис-лазурью, бирюзово-зеленым, медно-красным, ярко-красным и желтым. В противоположность этому буйству ослепительных цветов, покрытие пола было черно-белым.

На парадном и заднем дверных проемах была четыре раза изображена одна и та же сцена: царь в длинном и широком одеянии, складками собранном между ногами, и царской обуви, с царским скипетром в руке шел из дворца на прогулку в парк. Его брови и ресницы, не говоря уж о складках и розочках на одежде, когда-то были заполнены золотом. Позади царя в соответствующей одежде шел слуга, который, без сомнения, нес над царской головой балдахин от солнца, которым мог пользоваться лишь царь со времен ассирийского Саргона. Над этой сценой надпись на трех языках перечисляла царские титулы и призывала благословение на его дом, его портрет и его надпись. На складке его одеяния на эламитском и аккадском языках было добавлено: «Кир, Великий царь, Ахеменид».

Переход от просто «царя» к ассирийскому титулу Великий царь показывает, что к тому моменту, когда на барельефах делались надписи, Кир уже поднял восстание и начал свою карьеру завоевателя. К этому времени он, вероятно, уже возвел еще дальше на севере храм огня. И хотя в настоящее время он сильно разрушен, его можно описать как почти полностью сохранившуюся копию фасада гробницы Дария — точную копию даже в размерах. В общем виде храм огня был просто репродукцией в более долговечном известняке типичной высокой крепости, какие на ассирийских барельефах охраняют город мидийцев. Он был расположен за священной оградой прямоугольной формы, глиняные кирпичи который представляли собой стену поселения, а расположенные внутри ее постройки с квадратными каменными основаниями колонн были домами его жителей. Гора, на которой стояла башня, выглядела как ряд трех широких и низких платформ, снаружи которых начиналась узкая и крутая лестница; она вела к небольшой одинокой дверце высоко на фасаде. На самом нижнем этаже, высота которого равнялась половине высоты всего сооружения, не было видно ни входа, ни окон, только длинные и узкие прямоугольные углубления, которые изначально были щелями для лучников. На втором этаже была дверь

под простым профилем, которая, в свою очередь, находилась под крошечным ложным оконцем, когда-то смотровым глазком. За ложным входом можно увидеть отверстия, сделанные для столбов, на которых вертелись дверные петли. Три ряда ложных окон — каждый ряд другого размера — с двойными рамами из темного известняка указывали на три верхних этажа. Крышу поддерживали столбы по углам, теперь обычные пилястры. Зубчатые профильные детали соответствовали выступающим головкам потолочных балок. Огромные плиты с легким пирамидальным уклоном, выложенные по ширине, образовывали крышу. Окна и щели для лучников стали простым украшением, так как горевший внутри священный огонь следовало защищать от внезапных сквозняков и он сам давал достаточно света.

На низком отроге горы в северо-восточном углу равнины, выходившем на вырубленную в скалах дорогу, по которой шли назад в Экбатану побежденные мидийцы, Кир заложил основание для новой постройки, которая должна была господствовать над этим стратегическим проходом. Над дорогой протяженность фасада составляла 236 метров, а сама платформа поднималась на высоту 12 метров; там, где она уходила назад и упиралась в гору, к ней навстречу поднимались скальные породы. Камни клали горизонтальными полосами различной высоты, чтобы избежать кажущегося однообразия; в углах аккуратно чередовались балки-перемычки и кирпичи, уложенные ложком, а каменные глыбы устанавливались одна к другой без какого бы то ни было строительного раствора с помощью железных скоб в виде ласточкиного хвоста. За этой стеной была еще одна стена из аккуратно обтесанных камней меньшего размера, а за ней была насыпь. Еще до того, как платформа была закончена, Кир отправился воевать с массагетами (кочевые племена Закаспия и Приаралья. — *Пер.*). Он так и не возвратился сюда, и работа остановилась. Некоторые из глыб внешней стены были обтесаны на месте; между ними осталась лишь узкая, высеченная зубилом граница. Верхние ярусы и по сей день сохраняют отметины каменщиков и грубые утолщения — в таком виде они покинули каменоломни.

К юго-западу от группы дворцовых построек Кир приготовил для себя место последнего упокоения. Подобно храму огня, эта постройка покоилась на основании размером 13 × 15 метров и шестью огромными ступенями неравной высоты поднималась на высоту 5 метров. На седьмой ступени стояла собственно гробница, построенная из огромных блоков белого известняка, тщательно скрепленных вместе при помощи железных скоб. Она имела форму обычного дома, остроконечная крыша которого выдавала северное происхождение. Замысловатые профили на карнизе и вокруг основания были единственными его украшениями. Очевидно, на ней имелась обычная царская надпись, так как, согласно Онесекриту, который вместе с Александром Великим увидел этот монумент, надпись на греческом и персидском языках гласила: «Здесь лежу я, Кир, царь царей». Аристобул, полководец Александра, расширил краткую, но благородную эпитафию, чтобы подогнать ее под греческие представления о том, что было бы подходящим в этом случае: «О, человек, я Кир, который завоевал для персов империю и был царем Персии; поэтому не завидуй моему памятнику».

Смерть и похороны Кира

Смерть настигла Кира внезапно. Полукочевое племя саков-массагетов, обитавшее за рекой Араке, стало угрожать северо-восточной границе его империи. Война в качестве репрессивной меры стала неизбежной, и Кир принял решение лично вести ее.

Оставив кронпринца Камбиса царствовать в Вавилоне, стареющий монарх выступил в поход. Для переправы через Араке, границу империи, был построен мост, и Кир вторгся во вражескую страну. Сначала ему сопутствовал некоторый успех; затем, завлеченный в глубь территории царицей Томирис, он потерпел поражение в масштабном сражении и сам был ранен. Три дня спустя когда-то могущественный завоеватель умер, став жертвой никому не известной царицы саков. Камбис получил труп своего отца и устроил для него достойные похороны, поместив тело в гробницу, уже подготовленную в Лагере персов.

Нагнувшись, чтобы войти в низкий, имитирующий дерево портал размером всего 80 × 140 сантиметров, и толкнув каменную дверь, служители похоронной процессии оказались в полной темноте, так как первая дверь должна быть закрыта, чтобы дать возможность открыть вторую. Столпившись в погребальной камере без окон размером 2 × 3 метра и высотой 2,5 метра, они делали последние приготовления при неровном свете факела. Тело положили в похожий на бочку золотой саркофаг, который покоился на погребальном ложе с золотыми ножками. Был приготовлен стол для подношений, в которые входили короткие персидские мечи, ожерелья и серьги из драгоценных камней в золотой оправе. Кандис и хитон вавилонского производства, мидийские штаны, одеяния синего, пурпурного и других цветов, вавилонские гобелены и *kaunakes* — все это лежало грудой, чтобы усопший монарх мог войти в мир иной своих арийских предков с должными пышностью и церемониями. Крошечный домик был построен поблизости от гробницы для магов-хранителей, которые должны были передавать свой пост по наследству. Им было гарантировано питание: одна овца, мука и вино ежедневно; раз в месяц в память героя приносили в жертву коня. Гробница стояла посреди сада, каналы которого поили траву на лугу, а деревья всех пород качали ветвями над местом последнего упокоения Кира.

Составные части искусства персов

Даже в ужасно разрушенном состоянии место расположения столицы Кира демонстрирует нам полностью развитую национальную культуру. Возможно, ее вдохновляли Сузы, ассирийские крылатые быки и духи, хеттские барельефы на черных вертикальных плитах, вавилонские или ассирийские дворцы, египетские религиозные символы. Персы были не первыми, кто использовал колонны.

Тем не менее все смешалось, и появилось новое искусство, истоки которого следует искать в еще не раскопанных местах стоянок древнего человека. Это искусство абсолютно зрелое, хотя во многих отношениях совершенно отличное от его непосредственного предшественника в лучше сохранившемся Персеполе. В качестве его характерной черты мы можем назвать его память о прямых своих предках в деревянном зодчестве севера, о которых напоминают остроконечные крыши, крыльцо с колоннами и план первого этажа здания. Уникальной является замена белым известняком стен из глиняных кирпичей, они являются приятным контрастом к черному известняку, который воспроизводил дерево дверных косяков и оконных рам. Немногие дошедшие до нас скульптуры доказывают, что художники, которые вырезали барельефы, уже понимали, что эти барельефы должны подчиняться архитектурному плану. Они также показывают чувство ритма иранцев, которое ясно демонстрирует повторение каждой сцены четыре раза. Особенностью этого искусства является использование барельефов на вертикально поставленных плитах, не обусловленных архитектурным дизайном; скульптуры здесь не выпуклые, а утопленные в поверхность дверного косяка, который служит рамой для панно. Поэтому фигуры в рельефах не округлые, а плоские и никогда не выходят за плоскость вертикальной плиты. Их драпировки подрезаны — прием, неизвестный грекам еще по крайней мере одно столетие.

Различные элементы этого искусства, взятые из местных или чужеземных источников, были вдохновляемы духом иранцев. Нас должна восхищать техническая адекватность этого нового искусства. Как только мы воссоздали его постройки в нашем натренированном воображении, его чувство сдержанной красоты не может не порадовать нас. Во многих отношениях Парсагарда, хоть и сильно разрушенная, превосходит более величественный Персеполь.

Глава 5
ЖИЗНЬ СРЕДИ ПОКОРЕННЫХ НАРОДОВ

На территории Мидии и Персии жизнь была относительно простой. Киаксар, Астьяг и Кир могли возводить дворцы и собирать вокруг себя штат придворных, потому что налоги на строительство первых и содержание второго платили свободные люди, их соотечественники. Главным на плато — выпасом огромных стад овец и коз в горных долинах или священных коров занимались полукочевники. На равнинах немногие кочевники вели оседлый образ жизни, занимаясь примитивным возделыванием почвы с помощью орошения. Там, где домам или отдельным наделам земли давались названия, царило абсолютное право собственности.

Эламитские и вавилонские письменные источники

Завоевав Элам и Вавилонию, Кир установил связь с гораздо более древней и сложной цивилизацией. Эти страны показали свою древность давним использованием письменных документов. В течение двадцати пяти веков в Вавилонии была известна бухгалтерия в широком многообразии форм, согласно которым все сделки, представлявшие хоть малейшую важность, фиксировались на глиняных табличках. Несколько веков спустя эламиты изменили клинописные значки, приспособив их для своего собственного языка, и стали воспроизводить административные и коммерческие модели своих соседей-вавилонян. И хотя персы, в свою очередь, придумали алфавит из клинообразных знаков для своих царских надписей, этот алфавит, видимо, никогда не использовали для других целей. Так что, чтобы узнать о жизни покоренных народов в период правления Ахеменидов, нужно искать источники информации среди глиняных табличек, написанных на эламитском, аккадском или арамейском языках.

К счастью, были обнаружены тысячи таких табличек. Когда мы снимем копии со всей этой коллекции, насчитывающей около полумиллиона табличек, переведем и проанализируем огромное количество информации, представленной на них, мы станем обладателями полной общественной и экономической истории важной части Древнего Ближнего Востока, уходящей в прошлое почти на три тысячи лет — а это больше половины истории человечества, зафиксированной в письменных источниках.

Своим завоеванием Элама Кир унаследовал его древнюю столицу Сузы, местоположение которой на краю Вавилонской равнины уже давно привело к широкому использованию клинописных табличек. И хотя огромное количество эламитских табличек относится к периоду жизни поколения, появившегося после завоевания страны Киром, нам посчастливилось обнаружить более трех сотен табличек, которые с небольшими сомнениями можно отнести ко времени его правления. Одна из них ссылается на самого Кира. В другой упоминается некий лидиец, и она, вероятно, была написана после завоевания Сард в 547 г. до н. э. Третья, в которой говорится о царе Египта, очевидно, была написана до 525 г. до н. э.

Эти таблички — из архивов чиновников департамента государственных сборов по имени Куддакак и Хубанхалташ, эламитских подданных Персии. Они дают нам возможность не просто мельком взглянуть на современные им Сузы. Как можно было ожидать, поздний период развития эламитского языка характеризуется широким использованием чисто вавилонских идеограмм и немалым количеством вавилонских и персидских заимствованных слов. Подлинность табличек должным образом заверена печатями. Время от времени надпись на печати представляет собой посвящение какому-нибудь вавилонскому божеству, вроде Мардука или Набу. Одна из них является самым древним образцом распространенного персидского мотива: монарх в зубчатой короне закалывает кинжалом агрессивное чудовище. Среди упоминаемых на печатях имен эламитские, естественно, составляют большинство. Однако встречается и много вавилонских и персидских имен, ведь Сузы расположены между этими двумя странами.

Коммерческие документы следуют вавилонскому образцу. Вот типичный пример такого документа: «Десять шекелей серебра, принадлежащих Умманупу, Ришикидин получил в марте. Табличку написал Хубан-нугаш, сын Хутрары». Это стандартная формулировка для частного займа у банкира, представителя нового класса, который только-

только начал выдвигаться на первый план в Вавилонии того времени. Есть вавилонские аналоги для таких займов без упоминания процентов. Еще более близкий аналог можно обнаружить в другом займе у того же самого Умманину: Хубан-апи получает 6 шекелей золота; если заем не будет выплачен в следующем месяце, процент вырастет. Эта табличка также доказывает, что эламитские банкиры были знакомы с теми уловками, которые использовали их коллеги в Вавилонии; на внутренней табличке записано, что 6 шекелей золота даны в долг за необычно хороший процент — полкило серебра, то есть по курсу десять к одному; но на конверте (единственная часть, доступная для обозрения, если только ее не разобьют в присутствии судьи) значится, что за заем следует уплатить 1 золотой шекель — это более привычное соотношение, двенадцать к одному. Другие таблички рассказывают нам о продаже овец или распределении овец по пастухам.

Однако огромное большинство архивных табличек представляет собой просто списки предметов, полученных чиновниками департамента государственных сборов. И хотя они могут показаться скучными, они тоже могут многое добавить к нашей картине. Первыми по количеству собранных доходов идут ткани в ошеломляющем разнообразии цветов и местных рисунков. Мидийские туники производятся во дворце (это царская монополия) или поставляются хеттами из Северной Сирии. Мы узнаем о ста двадцати предметах одежды, произведенных на продажу, и о том, что для их окрашивания использовали два шекеля (мера веса у древних иудеев, равная приблизительно 14 г. — *Пер.*) драгоценного пурпура.

Другие таблички представляют собой списки военных поставок. Здесь упоминаются луки (некоторые ассирийского типа), тетива для луков, стрелы и тростник для их изготовления, копья, щиты и шкуры для их обтягивания. Некоторые из этих статей должны быть поставлены богами Хутраном и Иншушинаком, великими богами Суз; согласно другим источникам, такие поставки делались и для самих богов. Например, башня храма одного бога получает сто двадцать окрашенных предметов одежды, железный предмет весом 3,5 килограмма и 2 килограмма ладана. В общем и целом у нас имеется удивительно много информации о повседневной жизни Суз за этот один краткий период.

Управление Вавилонией

Ни для одного периода трехтысячелетней истории общественной и экономической жизни Вавилона у нас нет столь обширного документального подтверждения, как для двух с четвертью веков после 625 г. до н. э. Более десяти тысяч административных и торговых документов, почти в равной степени поделенных между Халдейским и ранним Ахеменидским периодами, уже были опубликованы и проанализированы. Если добавить шестьсот писем, присланных высшими чиновниками и полученных ими в те самые годы, когда политическая власть переходила от семитов к иранцам, то окажется, что мы обладаем материалами для рассказа о происходивших административных, общественных и экономических переменах, которым не было аналогов в такую древнюю историческую эпоху.

Среди этих документов мы можем увидеть записи о заемах семян, продовольствия и серебра, обычные контракты торговца, документы о продаже земельной собственности — домов или полей, сдаче их внаем и квитанции об уплате ренты, записи о продаже рабов в огромных количествах, списки крепостных, приписанных к крупным поместьям, и сделки с ними, списки чиновников или свободных крестьян на тех или иных работах, договоры о взятии человека в подмастерья, отчеты чиновников высокого и низкого ранга, а также судебные записи и решения. Новая глава в истории цен может быть написана и даже проиллюстрирована подробно составленными графиками. Вся жизнь вавилонян как знатного происхождения, так и простолюдинов проходит перед нашими глазами во всем ее разнообразии.

В коммерческих сделках со своими вавилонскими подданными Кир был «царем Вавилона, царем земель». Утверждая тем самым, что древний род монархов не прервался, он

льстил их тщеславию, завоевывал их верность и маскировал факт их порабощения. Он снискал себе их благодарность, возвратив увезенных идолов богов. Но после отъезда царя именно сатрап Гобрий стал представлять собой царскую власть. Обычно он упоминается в дошедших до нас документах лишь как заместитель царя, именем которого стороны, заключающие договор, клянутся и нарушение договора с которым является грехом. Письма показывают, что он время от времени прямо вмешивался в управление на местах. Апелляции на решения местных судей можно было подавать непосредственно в суд сатрапа. Но вообще непосредственный контроль за делами на местах был возложен на «царского посланца», приближающийся инспекционный визит которого обеспечивал многим чиновникам часы волнения. Надзор за храмовыми финансами также был передан в руки царских чиновников. Иными словами, Кир утихомирил вавилонян, приняв знакомую им систему управления и даже сохранив на первых порах их старых чиновников на своих постах.

Однако письма все же показывают явное закручивание гаек при новом режиме. Это было необходимо, так как последние месяцы правления Набонида свидетельствовали о растущей дезорганизации. Процветало взяточничество. Вот типичное письмо — жалоба Набумукинсера некоему Надину: «Разве твои действия продиктованы братской добротой? Ты сказал: «Если ты прикажешь сделать что-то, серьезное или незначительное, я повинуюсь». И хотя ты знаешь, что мне нужны четыре овцы для «подарка» и я хочу обложить налогом народ расибту, ты тем не менее препятствуешь этому. Разве так должен вести себя надсмотрщик? Не медли ни единой ночи, пришли их немедленно!» Еще одно типичное письмо, написанное Белсерибни все тому же Набумукинсеру: «Каждый месяц приезжает царский посланец и проводит инспекцию должностей. Никого никогда нет на своем месте. Приходили храмовые чиновники, чтобы проследить за этим. Так как царский посланец еще не сообщил об этом царю, пусть человека, отвечающего за скотину, который покинул свой пост, закуют в кандалы и отправят сюда».

Как новый режим работал на практике, может проиллюстрировать дело вора Гимиллу. Воспользовавшись развалом системы управления, он присвоил себе множество животных, принадлежавших богине Урука, хотя ее клеймо в виде звезды доказывало, что они собственность Иштар. Без согласия представителей и писцов храма Эанны он увел овец с храмовых пастбищ. Он заставил своего пастуха украсть у пастуха стада Иштар пять уже заклейменных овец. Другой храмовый служитель продал ему трех овец за шекель каждую. Его брат украл заклейменную козу по пути из Ларсы у самых ворот города. Управляющие и писцы храма приказали Гимиллу схватить храмового пастуха, который ни разу за десять лет не приводил овец в Эанну. Получив путем вымогательства 10 *kur* ячменя, 2 серебряных шекеля и овцу за «защиту», Гимиллу заковал сына пастуха в кандалы и бросил его одного.

Угроза реформ действовала чиновникам не нервы, и Ардигула советует Шамашубаллиту больше не относиться беспечно к злодеяниям Гимиллу — его неисполнению назначенной ему работы, невыплате взносов на новогодний подарок и податей на фрукты. Скоро прибудет пастух с отчетом. Дебет велик, так что надо внести в дебет сумму долга и дать Гимиллу только сальдо. Шамашсерикиша предупреждает Гимиллу, что посланец управляющего уже приехал и торопит обвиняемого, не привлекая всеобщего внимания, ехать с ним.

В сентябре 538 г. до н. э. Гимиллу предстал перед судом, состоявшим из чиновников Урука; список присутствовавших — это «Кто есть кто» этого города. Потребовалось не менее четырех писцов, чтобы записывать показания. Один за другим люди выступали свидетелями краж. Когда Нидиндум признался, что получил 3 шекеля за украденную овцу, был опубликован документ, который гласил: «Гимиллу получил серебро». Второй свидетель дал показания о краже его овцы и козы, которую совершил брат Гимиллу, а третий поклялся, что «Надина на моих глазах украл козу». Сам Гимиллу признал: «Я послал своего брата Надину». Одну кражу Гимиллу не отрицал: «Того ягненка украл я», но смягчающим обстоятельством счел то, что он «оставил двух других овец для святого дня!». В другом случае, признав кражу, он возразил, что отказался от возможности украсть 2 шекеля и

козленка. Но приговором было возмещение убытков — по 60 животных за каждую украденную овцу или козу; штраф составил 92 коровы, 302 овцы, а также полкило и 10 шекелей серебра.

Не опечаленный таким приговором Гимиллу подал апелляцию в суд сатрапии в Вавилоне и для финансирования апелляции продолжил кражи. Жрецам Эанны и высокопоставленным чиновникам Урука было приказано явиться в суд со свидетелем, который под угрозой сурового наказания должен был дать показания об этих новых кражах. Апелляция Гимиллу была отклонена. Жрецу Урука он пишет, что до апреля 534 г. до н. э. ему не было разрешено покидать Вавилон; «Мой господин, ты видишь, как сильно я хромаю». Однако Набутарис, мясник бога Бел-Мардука и его храма Эсагилы, собрал 2 килограмма серебра и отдал их троим влиятельным людям. Гимиллу настаивает, что он не утаивал налог на ячмень, за исключением 1100 *kur я* чменя, собранного в качестве налога для храма Эанны. Более десяти лет он просил семенной ячмень, но чиновники отвечали, что ничего не могут для него сделать, потому что они задерживаются в Уре. «Почему вы поступаете так с храмами Эанна и Эгишунуги? — требует он ответа. — *Вы* ведь оба управляющие? Что правильно для моего бога, то пусть мой бог и делает! Пусть мой бог и господин освободит вашего раба и отправит его домой. Бог и Набу знают, что раньше перед богом на меня возложили вину за пятьсот *kur* ячменя; смотрите, я послал Набутариса к моему богу рассказать об этом деле».

То ли благодаря вопиющей лести Гимиллу, который сравнил своего начальника с самим богом Мардуком, то ли сыграли свою роль 2 килограмма серебра, но к декабрю осужденный вор был уже дома, а оставшиеся быки в счет податей за пятый год были впряжены в ярмо и переданы ему! Учитывая, что ему трудно было не протянуть руки к тому, что ему доверено, мы с удивлением узнаем, что Набумукинапал отдал распоряжение погрузить на корабль Гимиллу золотые слитки, хотя сын Гимиллу должен был оставаться в заложниках в амбаре до возвращения отца.

Затем Гимиллу и Ададшумусур, главный управляющий сатрапа, приводят храмовых рабов к богине Урука и передают их под ответственность Набумукинапала и Набуахиддина. Они просят Гимиллу сказать им, что приказал сатрап, так как если только они об этом узнают, то исполнят приказание. Гимиллу отвечает: «Гобрий никак не распорядился насчет них. Пусть люди, которых я привел, делают всю работу в Эанне до тех пор, пока вы не получите от Гобрия соответствующих приказаний. Что касается тех из них, которых я освободил от цепей, то клянусь богиней Иштар города Урука — я отвечаю за то, что они не сбегут».

Общественная жизнь в Вавилонии

За предыдущие века среди населения Вавилонии произошло четкое расслоение, хотя, наверное, было бы еще рано говорить о кастах. Во главе всех стоял царь и представители его двора, которые были обязаны своим общественным положением лишь тому факту, что они «друзья царя». Подобно сатрапам и их придворным, они были посторонними людьми, поставленными иноземным завоеванием над местным вавилонским обществом. Если знатные люди Вавилона оказывались включенными в этот класс персидских высокопоставленных лиц, то они были обязаны этим своему собственному положению во главе вавилонского общества.

Представители этой аристократии по рождению и богатству занимали самые важные посты в государстве. Их имена часто появляются во всех документах. Их всегда можно отличить по их генеалогической формулировке, упоминаемой рядом с именем. Если к имени простого человека приписывается имя лишь его отца, то знатным людям дается еще и имя предка. Этот предок, потомком которого является данный человек, может быть какой-то конкретной личностью, или на него может указывать звание: ткач, сукновал, строитель, рыбак, кузнец, пастух или врач. Одну такую семью в Уруке можно проследить на

протяжении семи веков — от позднего Ассирийского, Халдейского, Ахеменидского и Селевкидского периодов до Парфянского периода, на котором кончаются наши клинописные источники. Дальнейшее изучение этих генеалогических деревьев даст нам ценную информацию об известных семьях.

Другой такой семьей была семья Эгиби — главная банковская фирма Вавилона. Позднее мы проследим ее внезапное угасание после смерти ее главы Итти-Мардук-балату. Не многие семьи можно было назвать семьями ученых, подобно Набуриманни, известному астроному, «потомку жреца бога луны», которого греки называли Набурианом и который был очевидцем правления Дария. Другие могли быть чиновниками, как, например, группа, названная «потомки человека соли» — иными словами, сборщика соляного налога. Действительно известные семьи не имели никакой специализации; все департаменты торговли и администрации были свидетелями деятельности ее членов.

Все люди знатного происхождения были полноправными гражданами (*маг Ьапи*) свободных городов Вавилонии, которые ревностно охраняли свои права, дарованные ассирийскими грамотами. По численности это была ничтожная часть населения. Они имели абсолютное право собственности на свое имущество в городе, могли покупать и продавать его путем обычных сделок. Теоретически их земельные владения были предметом семейных исков, но на практике такие иски были исключены благодаря строгим наказаниям. Сельскохозяйственные земли за пределами городских стен были «лучниковыми» владениями. Изначально обязанностью их владельца было отправить в армию лучника, но теперь эта практика заменилась денежной выплатой.

Эти граждане приходили на официальное собрание (*pubru*) для принятия важных юридических решений. На собрании председательствовал «глава совета», у него имелся помощник, а «представитель царя» выступал в роли прокурора. Обычное повседневное управление находилось в руках совета (*kinishtu* или *kiniltu*), состоявшего из двадцати пяти видных граждан (*rabe bania*), которые занимали высокие должности в местном храме, по названию которого часто называли и совет. Кто-то мог быть храмовым «мясником», а кто-то «булочником» и т. д. Несомненно, к этому времени эти титулы стали почетными приставками к имени. После главы совета следующим по рангу шел его «помощник» (*qipu*). Царский надзор осуществлял «царский представитель» и «чиновник, который заведовал финансами царя», главный финансист храма. Храмом руководил «управляющий» (*shatammu*), у которого также был свой помощник. Номинально последний подчинялся управляющему, но письма доказывают, что он обладал большей властью. Жрец (*shangu*) тоже был чиновником-управленцем. Также важную роль играли «чиновники на оплате» от доходов с полей, принадлежащих храму или царю. Царские посланцы совершали частые инспекционные поездки и держали царский двор в курсе всего происходящего.

В ходу была самая примитивная форма налогообложения — принудительный труд, особенно для содержания в рабочем состоянии каналов, без которых страна не могла существовать. Имена тех, кто был привлечен к принудительным работам, и тех, кто умер или сбежал, тщательно заносились в список, как записывались поставки ячменя и фиников. Современные методы, однако, позволяли замену его на наличные деньги для тех, кто был достаточно богат, чтобы позволить себе это. Большая часть работ осуществлялась самим храмом руками его рабов и материально зависимых лиц.

Большая часть налогов взималась подобным образом. То, что значительная часть этих доходов шла из храмов, показывает полный титул одного из таких финансовых чиновников — «чиновник, который заведует финансами царя в храме Эанны». Храм получал «жертвоприношения» (*niqu*), которые по-прежнему оставались, по крайней мере, в теории «добровольными приношениями» животных (*ginu*) и сельскохозяйственных продуктов (*satukku*), хотя на практике они уже стали навязанным налогом, который можно было как использовать, так и не использовать в качестве жертвоприношений. Ежегодная «десятина» (*eshru*) теперь уплачивалась государству. Общий сбор, которым облагалась сельскохозяйственная продукция, составлял от 20 до 30 % от целого. Другой налог,

уплачиваемый инспектору оросительной системы (*gugallu*) и сборщику налогов (*makkesu*), взимался главным образом финиками. Непосредственный налог в пользу государства (*telittu*) взимали с землевладельцев серебром. Транспортные средства, перемещавшиеся по каналам, платили за это специальный сбор (*miksu*), пошлины на ввоз товаров в город взимались у городских ворот.

Горожане, будь то банкиры, купцы, жрецы, храмовые или правительственные чиновники, образовывали крупную буржуазию. О мелкой буржуазии — булочниках, пивоварах, мясниках, плотниках, прачках, медниках, ремесленниках — нам известно гораздо меньше. Упоминаются обычно храмовые служащие, и мы заметили, что часто должность была, вероятно, неоплачиваемой. В то время как некоторые представители этой мелкой буржуазии получали сравнительно неплохие деньги за отдельные виды работ, в большинстве случаев невозможно отличить плату за их труд от платы неквалифицированным работникам.

Сильный рост количества рабов в этот период доставил трудности мелкой буржуазии. Рабы заняли место женщин в производстве, снижая тем самым доходы семей. Все больше рабов брали в обучение разным ремеслам, которыми раньше занимались свободные граждане. Появились рабы-цирюльники и рабы-булочники. Рабам было позволено заниматься торговлей для себя, и появилась тенденция к вытеснению ими мелких торговцев.

Угроза конкуренции со стороны рабов распространилась и на свободных работников, хоть и не в такой степени. И хотя принудительный труд могли использовать на рытье и ремонте каналов, удивительно, но в этот самый период большинство рабочих, трудившихся на рытье каналов, по-видимому, были свободными людьми. На многочисленных табличках зафиксирована плата за их труд серебром или сельскохозяйственной продукцией. Наемные рабочие особенно требовались в пору сбора урожая, и время от времени мы сталкиваемся с жалобами на то, что их недостаточно. Неудивительно, что были случаи, когда плата каждому сезонному рабочему была высока.

Теоретически статус крепостного (*shirku*) был ниже статуса свободного работника, но на самом деле его доля, вероятно, часто была более счастливой. Хоть он и не получал плату, это не сильно отличало его от наемного рабочего, месячная плата которого в размере шекеля серебром была, как правило, лишь вопросом бухгалтерии. Подобно современному издольщику на нашем юге, вавилонский свободный работник получал свою месячную плату в виде расходного счета, который всегда был завышен. Крепостной мог «арендовать» ферму на паях или обещать некоторую оговоренную часть сельскохозяйственной продукции ее владельцу. Он часто мог подняться до положения человека, имеющего значительное влияние в огромных храмовых владениях, и заключать сделки от своего имени, так что зачастую мы и не узнаем о его подневольном положении. Класс крепостных пополнялся за счет детей свободных родителей, которые посвятили их более легкой жизни, состоявшей в служении богу. Состоятельные люди могли посвящать своих крепостных той же деятельности после своей смерти.

В самом низу социальной лестницы находился раб. Свободные люди могли становиться рабами за долги или в качестве наказания за преступление. Родители могли продать своих детей в рабство, поддавшись давлению. Чужеземные имена выдают пленника, захваченного во время войны, или раба, привезенного из другой страны. Однако большинство рабов были рождены ими, так как браки между рабами с целью их размножения были выгодны. Если раб не убегал от своего хозяина или не заявлял ложно, что он свободный по рождению, с ним, как правило, обращались хорошо. Часто рабу доверяли ответственные обязанности, а освобождали в очень редких случаях. Как мы уже видели, раб начал создавать свободному человеку все большую конкуренцию. Документы о продажах рабов составляют самую большую группу и свидетельствуют об огромном росте их численности. В то время как крепостной чаще был приписан к большим храмовым владениям, рабы обычно являлись собственностью имущих классов.

Экономическая жизнь в Вавилонии

Персидское завоевание почти не затронуло вавилонян-торговцев. Прошло, самое большее, двенадцать дней после смерти Набонида, как торговые документы стали датировать годом восшествия на престол Кира. Те же самые семьи продолжали главенствовать в торговле и администрации. Процентная ставка оставалась в размере 20 % в год. Тенденция к росту цен, отмеченная во время правления халдеев, продолжилась ускоренными темпами. В документах фигурируют те же самые формулировки, выдаются те же самые виды займов, происходят продажи рабов или земель, заключаются брачные договоры и договоры найма в подмастерья.

1. *Денежная система.* К Халдейскому периоду Вавилония полностью перешла на серебро. Имеются ссылки на золотые предметы и ювелиров, которые изготовляли их для храмов, но никаких намеков на чеканку золотых монет нет. Свинец, который использовали в Древней Ассирии в качестве более простого заменителя серебра, давно уже перестали принимать в качестве средства обмена. На какое-то время медь заняла его место, но и она тоже исчезла.

Там, где в Халдейский период упоминается золото, его соотношение к серебру варьирует от десяти до четырнадцати к одному.

Принято было чеканить монеты из серебра. Многие документы выдержаны в денежной терминологии, хотя по большей части может показаться, что она предназначена лишь для бухгалтерии, а реальные деньги редко переходили из рук в руки. Денежная терминология была привязана главным образом к весу. 60 шекелей (*shiqlu*) составляли полкилограмма (*mana*), а 27 килограммов — 1 талант (*biltu*). Для практического использования шекель был обычной единицей стоимости, хотя полушекелевые монеты чеканили в большем количестве, и время от времени возникало вновь из практики пятнадцативековой давности использование *she* (гран серебра). Стоимость серебряного шекеля можно оценить как четверть нашего доллара, но мы не должны забывать о том, что покупательная способность драгоценных металлов в древности была почти бесконечно больше, чем в наши дни. Настоящая ценность изучения цен состоит в том, что оно позволяет нам определять ценовые тенденции; когда мы вспоминаем, что месячная плата обычного работника составляла 1 шекель, мы можем приблизительно подсчитать, что он мог купить из различных товаров, узнав, сколько они стоили.

2. *Сельскохозяйственная продукция.* В то время как некоторые сельскохозяйственные продукты продавались на вес, хлебные злаки, которые давали жизнь этой стране, продавались мерами. 36 *qa,* что приблизительно равняется 1 пинте с половиной, составляли 1 *pi* ; 5 *pi* — 1 *gur* , или почти 41/4 нашего бушеля. Так как *qa* был слишком мал, а *gur* — слишком велик для повседневного использования, появилась тенденция заменять их мерой (*mashibu*). Хотя самой обычной мерой был *pi* , состоявший из 36 *qa* , были известны и другие *pi* , равные 37 или даже 45 *qa.* Таким образом, средняя мера была немного меньше нашего бушеля. Использование храмами или отдельными людьми своей меры неизбежно вело к злоупотреблениям. Еще в царствование Навуходоносора была признана «царская мера», равная 1 *pi* ; в течение эпохи Ахеменидов она постепенно вытеснила частную меру, которая вновь появлялась во времена управленческого развала.

Только чрезвычайно плодородная почва делала Вавилонию обитаемой. Главной ее сельскохозяйственной культурой был ячмень, который выращивали на огромных полях, принадлежавших в основном храмам. Мы особенно хорошо проинформированы насчет Эанны, храма богини Иштар в городе Урук. Когда мы узнаем о том, что урожай одной фермы храма Эанна составил однажды около 50 тысяч бушелей, мы вспоминаем об огромных полях пшеницы на американском Среднем Западе.

В пору сбора урожая храмы нанимали большое число переходящих с места на место работников, плата которым составляла голое пропитание — не больше, чем их собственным крепостным. По сравнению с номинальным жалованьем стоимость ячменя была высока. Цену на него устанавливали в Вавилоне. Естественно, ячмень был самым дешевым в страду

и вырастал в цене в последующие месяцы; также цена варьировала в зависимости от того, был ячмень нового или старого урожая. Пшеницу выращивали мало, в пищу ее употребляли только богатые люди.

К счастью, на протяжении всех этих веков финики всегда были дешевле ячменя. Если крестьянин не хотел слишком часто удовлетворять свой аппетит ячменным хлебом, он, по крайней мере, мог купить гость фиников, чтобы придать себе сил. Реки и каналы представляли собой бесконечную череду пальмовых садов и добавляли зеленый штрих к бесплодному и однообразному ландшафту. С одной плантации можно было собрать 40 тысяч бушелей фиников.

В начале эпохи Ахеменидов покупательная способность одного шекеля равнялась по крайней мере 1 *gur,* так за среднюю месячную плату можно было получить 5 или 6 бушелей. Выбирая между финиками и более дорогим ячменем, человек мог обеспечить себе и своей семье месячный рацион питания из 2 бушелей зерна и 3 бушелей фиников. Вскоре цены начали подниматься и в следующем веке удвоились, причем крестьянские заработки не повысились.

Даже самые бедные люди в это время могли время от времени добавлять в пищу чеснок, который связками продавался в местной бакалейной лавке. Мы узнаем, что близко к началу правления Кира продажа чеснока достигла 395 тысяч связок. Масло из семян кунжута было единственным заменителем животных жиров в регионе, который был слишком жарким для оливковых деревьев. При этом крестьянин не имел возможности как-то ощутимо воспользоваться этим заменителем, потому что за 1 бушель семян нужно было выложить двух— или трехмесячное жалованье, хотя один бушель масла стоил один шекель. Из-за того, что цены были столь высоки по отношению к заработку, можно с уверенностью сказать, что только относительно зажиточные люди использовали масло в пищу и только богатые могли применять его как притирание или лекарство для человека и еще реже — для животного. Тратить драгоценное масло на светильники было возможно только в храмах.

Следом за продуктами питания шли напитки. Вино было только для богатых; импортировались самые лучшие марки, как показывает знаменитая «винная карта» Навуходоносора. Для менее состоятельных людей предназначалось вино с гор, расположенных к северо-западу от Ассирии, и из провинции «через реку» — Северной Сирии. Виноград рос и в самой Вавилонии, ее вина — худшие по качеству — упоминаются довольно часто.

Простые люди должны были удовлетворяться различными видами «крепких напитков». Самым популярным было финиковое вино, ценилось и пиво, хоть и в меньшей степени. Цены, естественно, различались, так как «крепкий напиток» мог быть прозрачным или белым, нового урожая или годовой выдержки. Нужно было меньше шекеля, чтобы купить хороший кувшин неразбавленного вина. Некий чужеземец сообщает о вине, которое делали из самых верхних побегов финиковой пальмы, которое он счел сладким, но вызывающим головную боль. Те, кто могли себе позволить чистое виноградное вино, платили 8 шекелей за кувшин.

В течение долгого, очень жаркого лета приезжий из более прохладных северных краев, оказавшийся на Вавилонской равнине, вынужден был искать убежища в подземном жилище и выходить из него на улицу только с наступлением вечерней прохлады. Но закаленный местный житель трудился весь день, одетый в минимум одежды, которая могла бы защитить его от беспощадного солнца, или был вообще без нее. А во время короткой зимы, когда иногда можно было ожидать мороза, он дрожал от холода, пока не всходило солнце, чтобы прогнать из его костей холод, вызванный дождями и сыростью. Дрова практически не существовали. В лучшем случае он мог надеяться на то, что после долгих поисков женщины появятся с огромными связками колючек на головах. Но даже эти колючки сильно горели лишь мгновение, а затем почти немедленно гасли. Более теплая одежда становилась необходимостью.

Еще до начала письменной истории огромные стада овец и коз бродили по

высокогорной пустыне под защитой полудиких пастухов. Из их шерсти крестьяне делали себе одежду на зиму. Во время правления Кира в большей степени, чем раньше, большие стада стали монополией храмов, которые тщательно вели статистику рождений, потерь от нападений диких животных и краж, а также животных, возвращенных сторожами. В одной табличке, перечисляющей доход храма, упоминаются 5 тонн овечьей шерсти и несколько сотен килограммов козьего пуха; другой храм получил почти семь тысяч овец одной партией. Храмовая монополия тоже поднимала цены. Даже при покупке оптовых партий за шекель можно было купить лишь один килограмм шерсти. Богатые платили 15 шекелей — больше, чем доход крестьянина за целый год, — за полкило шерсти, покрашенной дорогой багрово-синей краской. В таких обстоятельствах крестьянин мог в лучшем случае купить один новый предмет одежды раз в год.

Выращивание льна, которое издревна практиковалось в Египте, только зарождалось. Оно еще ограничивалось садами, и лен еще не перебрался на открытые поля. В Вавилонии не было оградительного тарифа для новых видов производства. Налог на лен составлял 25 %, а сто стеблей стоили 1 шекель. Можно себе представить цену законченного предмета одежды, который сделал из льняной пряжи ткач. Очевидно, огромное льняное производство Вавилонии было еще в будущем.6

В древние века свое здоровье люди из низших сословий поддерживали большим количеством выпитого молока и сыром, который они ели в разных видах. Небольшое количество ссылок на молочные продукты в наших документах наводит на мысль о том, что здоровье населения страдало. Большое количество овец и коз, находившихся в собственности храмов, может объяснить это, хотя одна коза могла дать достаточно жирного молока для детей, а овца — молока для простокваши, знакомой каждому путешественнику как *lebben* или *yaurt.* Такое животное в годы правления Кира стоило в среднем 2 шекеля, хотя в период правления Ахеменидов цена постепенно поднялась. Простые люди редко ели баранину, ягнятину или козлятину.

Почти все тягловые животные, необходимые для вспашки полей, принадлежали большим храмам и сдавались внаем подрядчикам вместе с необходимыми крепостными и железом, из которого нужно было сделать плуг. Обычно к каждому быку прилагался один крепостной с плугом. Земледельцам-частникам приходилось покупать себе собственных быков. В Халдейский период цена на быка была даже ниже, чем пятнадцать веков ранее, согласно «потолку» Хаммурапи: тогда она варьировала от 10 до 20 шекелей за «безупречное» животное. Следуя обычной аналогии, при Ахеменидах цена выросла. Чтобы заставить независимого крестьянина поволноваться, храм создавал конкуренцию, платя в три или четыре раза больше обычной цены за ритуальных животных без изъянов. Есть одно сообщение о продаже коня, который стоил почти 2 килограмма серебра, что эквивалентно жалованью почти за два десятка лет обычного работника. Даже осла или ослицу редко можно было купить за 5 или 10 шекелей; их стоимость могла в двенадцать раз превосходить последнюю цену. Так же как овцам или козам, ослам ставили клеймо — обычно на ухо. Часто упоминается клеймо богини Иштар города Урука в виде звезды, которое подтверждало ее право собственности на животных и рабов.

3. *Строительство и недвижимость.* Храмы и дворцы можно было строить из обожженных кирпичей. Топливо было дефицитным и дорогим, так что не стоит удивляться, обнаружив, что за 1 шекель можно было купить не больше чем пятьдесят или сто обожженных кирпичей. Как и во дворце Навуходоносора в Вавилоне, обожженные кирпичи клали в битум, который хоть и привозили на кораблях из верховьев Евфрата из Ида (Хит), но он был дешевым и стоил всего 1 шекель за 270 килограммов. Древесину кипариса или кедра для отделки ввозили из Сирии, и цена была, соответственно, высокой. Одна кипарисовая балка стоила 1 шекель; за него же можно было купить лишь 4 килограмма более драгоценной кедровой древесины, тогда как большая деревянная дверь, очевидно для храма, стоила один

6 Взято у Страбона. Так что Геродот ошибается, когда утверждает, что одежду из льна носили широкие слои населения.

килограмм серебра. Обычные дома строили из глиняных кирпичей, обычно изготовлявшихся в специальной форме владельцем или арендодателем. Была зарегистрирована одна оптовая покупка 25 тысяч необожженных кирпичей; они должны были быть изготовлены, посчитаны и сложены в сарай.

И хотя все металлы приходилось ввозить, их продавали по удивительно низким ценам. От одного импортера по имени Иддинагу, который занимался торговлей в 550 г. до н. э., у нас есть конкретная статистика. Медь в больших количествах везли с Кипра и продавали по 1 шекелю за 1,5 килограмма. Железо с Кипра или из Ливана было даже дешевле — 1 шекель за 5 килограммов. Эти цены настолько ниже тех, что существовали раньше, что мы можем быть уверенными: в этом удивительном падении цен «виновато» развитие горнодобывающего и плавильного дела, а также транспорта. Другими предметами импорта, упоминаемыми Иддинагу, были вино, мед, древесина, свинец, красители, крашеная шерсть, лазурит и квасцы из Египта.

На значительные изменения указывают продажи и сдача в аренду земельной собственности. Чтобы оценить эти изменения, мы должны сначала привести вавилонские единицы измерения к общему коэффициенту. В их системе 24 фингера (*ubanu*) составляли 1 локоть (*ammatu*), то есть около 46 сантиметров. 7 локтей составляли 1 рид (*qanu*) или 3,2 метра. Два рида составляли 1 *gar* . Площадь небольших участков можно было вычислять с помощью квадратного локтя или квадратного рида, большие поля измеряли с помощью количества зерна, необходимого для его засева. 1 *gur* — это площадь, для засева которой требуются 41/4 бушеля зерна; для участка площадью *pi* — приблизительно 1 бушель, а *qa* является эквивалентом 10 *gar* поля, или 63 квадратных метра.

За 1 шекель можно было купить от 11 до 24 *qa* необработанной земли. В начале Халдейского периода за шекель можно было получить от 2 до 4 *qa* обработанной земли, но ко времени правления Набонида — только от 1 до 2, а ко времени царствования Дария I цена поднялась до 2–3 шекелей за 1 *qa* земли. Фруктовые сады стоили дороже: полтора шекеля за 1 *qa* в Халдейский период, 2 шекеля при Кире, от 2 до 3 при Дарии и выше за особенно привлекательные земли.

В Халдейский период дом с земельным участком стоил в среднем 15 шекелей за рид. Ко времени царствования Дария средняя цена составляла 40 шекелей — произошло почти трехкратное увеличение. Это имело большое значение для переселения людей в города — число договоров купли-продажи резко сократилось, а вместо них стали заключать договоры аренды. При халдеях дом можно было взять в аренду за 10 шекелей, при Кире арендная плата составила 15 шекелей. При Дарии она поднялась до 20 шекелей и больше, достигнув 40 шекелей в годы правления Артаксеркса I. Обычно арендную плату вносили авансом двумя взносами — в начале первого и седьмого месяцев. Арендатор обязывался содержать в порядке крышу, чинить деревянные части строения, замазывать трещины в стенах, и если ему была нужна дверь, то он должен был устанавливать ее себе самостоятельно.

4. *Банковская система* . Вне всяких сомнений, самым важным экономическим явлением было появление банкира-частника, следствием чего стало широкое распространение кредита. В предшествовавшие периоды использование кредита не достигало такого размаха. Выдача ссуд сосредоточивалась в руках одного крупного элемента экономики — храма, и ссуды получали главным образом зависимые от храма люди. Однако ассирийские землевладельцы регулярно ссужали своих крестьян зерном. Эти ссуды были беспроцентными, и было принято если крестьянин не возвращал ссуду после сбора урожая, то она увеличивалась обычно на 25 % — и это была мера наказания, а не процент за ссуду. Это была чистой воды корысть, так как она не только не давала крестьянину попасть в когти ростовщика, но и делала его постоянным должником землевладельца.

Сходным образом в эпоху Ахеменидов храм или его чиновники давали в долг ячмень, финики и — реже — другие продукты своим собственным крестьянам. Ссуду следовало погасить после сбора урожая у ворот какого-нибудь храмового склада, согласно мере местного бога. Иногда отдельно оговаривалось, что процент взиматься не будет, но чаще

отсутствие процента за ссуду подразумевалось. Даже в таком случае ссуда была не без выгоды тому, кто ее давал, так как землевладелец не только заменял ячмень и финики прошлого урожая на равное количество нового, но и мог получить дополнительный доход в виде ячменной соломы — хорошего корма для скота или побочных продуктов в виде сухих ветвей, листьев, побегов пальмы иди упавших незрелых фиников, которые высоко ценились в стране, где ничто не пропадало зря. От ассирийцев вавилонские землевладельцы позаимствовали практику взимать более высокую долю от займа в качестве наказания, если займ не был погашен после сбора урожая. Немалое число этих займов, однако, все-таки влекли за собой проценты; обычно эта цифра составляла 20 %, хотя раз процент, составлявший одну пятую часть займа, должен был быть погашен меньше чем за год, то на самом деле он был выше.

Частное банковское дело как коммерческое предложение впервые появилось в Вавилонии во время царствования Кандалану (648–626 до н. э.). В самом начале мы обнаруживаем представителей двух крупных банковских семей Вавилона — Эгиби и менее значительной Ирану. Было высказано предположение, что первая была еврейской семьей и имя ее основателя было Якоб. Мы еще увидим, что есть дополнительные причины считать, что так оно и было.

В случаях, когда кредит выдавался, будучи обычной коммерческой сделкой, и репутация заемщика была хорошей, документ был прост по форме, и почти без исключений доля кредитора составляла 20 %: «1 шекель серебром будет ежемесячно увеличиваться на 1 *мана* ». Тенденция к снижению процентной ставки в начале Халдейского периода была быстро пресечена, и на протяжении всего периода царствования Ахеменидов эта ставка стала нормой.

В случаях, когда репутация заемщика была сомнительной, добавлялось суровое наказание, если долг не будет уплачен вовремя. Это примечание могло быть заверено вторым человеком, который нес ответственность за невыполнение заемщиком своих обязательств. Однако в большинстве случаев с таких сомнительных займов никакой процент не взимался; вместо него кредитор брал в залог дом, земельный надел или раба. Формулировка была следующей: «После возврата денег залог будет возвращен; арендная плата за залог взиматься не будет, равно как и денежный процент».

На первый взгляд могло показаться, что освобождение от уплаты процента на пользу должнику, и мы вместе с евреями выразили осуждение процента. На самом деле появление залога было на руку кредитору. Если должник каким-то образом мог собрать деньги и получить обратно залог, кредитор все равно успевал попользоваться услугами раба, домом или продукцией с поля — все это стоило гораздо дороже суммы установленного процента. В то же время у него было более чем надежное обеспечение одолженной суммы, и если должник не выполнял своих обязательств — что, без сомнения, случалось часто, — то кредитор становился владельцем его собственности, согласно сделке. Как мало замена залога на процент защищала права бедняков, можно увидеть в условии договора одного более «гуманного» еврейского законодателя, который в качестве исключительной уступки распорядился: если в качестве залога взято платье какого-то человека, то его следует возвращать ему ночью, чтобы ему было в чем спать!

Существовали и другие займы, которые требовали и залога и выплаты процентов. Некоторые договоры займа даже на небольшую сумму добавляют: «Все, что принадлежит ему в городе и сельской местности, является залогом». С другой стороны, мы время от времени находим заем без выплаты процента и залога, но никогда у профессиональных банкиров; эти займы, вероятно, являлись денежной помощью родственникам или друзьям и были выданы на короткий период.

Часто процент нужно было выплачивать каждый месяц, и это составляло сложный процент. Иногда процент мог набегать до тех пор, пока не оказывалась выплаченной основная сумма. Выплата долга в рассрочку была широко распространена, и каждый раз выдавалась отдельная квитанция. Когда выплачивался весь долг — время от времени

находились такие должники-счастливцы, — первоначальную табличку с задолженностью разбивали, чтобы в будущем нельзя было предъявить никаких претензий. Таким образом, мы можем быть уверенными в том, что таблички, дошедшие до наших дней, представляют собой те долги, которые не были погашены.

Чем более тщательно мы изучаем эти документы, тем большее впечатление они на нас производят широким использованием кредита на протяжении этого периода. Земельная собственность, дома, скот, даже рабы покупались в кредит. Мы начинаем подозревать, что необычный рост цен может отчасти быть результатом того, что мы называем кредитной инфляцией. Когда мы обнаруживаем, что окончательный платеж за ферму произвел внук первоначального покупателя, мы понимаем, что покупка в рассрочку, наверное, вызывала те же трудности, которые испытывали и мы в период последнего экономического спада.

И еще одна черта экономической жизни того времени является удивительно современной. В древние времена высшие храмовые чиновники в качестве привилегии своей должности получали право на некоторые жертвенные приношения, которые делались по определенным дням. Эти храмовые доходы теперь можно было открыто покупать и продавать на рынке не только на данный день, но и на небольшую часть дня. Храм стал огромной корпорацией, акции которой можно было передавать почти так же, как это делаем мы на современной фондовой бирже.

С точки зрения делового человека Вавилония обладала поразительно современной системой ведения бизнеса. Ее кредитные возможности следует отметить особо. С точки зрения историка, интересующегося процессами, происходящими в обществе, в ней есть многое, что служит предостережением. Дальнейшие главы этой книги покажут, как за ширмой процветания правящих классов существовали силы, стремившиеся обрушить всю впечатляющую конструкцию коммерческой деятельности.

Глава 6
КАМБИС И ЗАВОЕВАНИЕ ЕГИПТА

Положение Камбиса в Вавилонии

Камбис, старший сын Кира от Кассанданы, дочери Фарнаспа Ахеменида, был уже зрелым мужчиной во время завоевания Вавилона. Гаремные интриги еще не досаждали персидскому двору, хотя их можно было ожидать в ближайшем будущем. Чтобы избавить Камбиса от любой опасности, он был вскоре признан «царским сыном». В воззвании к вавилонянам Кир провозгласил, что их главный бог Мардук благословил не только его, но и его «собственного сына» Камбиса «и мы с искренней радостью вознесли хвалу всевышнему». Когда богов всей Вавилонии призывали каждый день молиться Белу и Набу (в аккадской мифологии бог мудрости и покровитель писцов, сын бога Мардука. — *Пер.*), чтобы ниспослать ему долгую жизнь и замолвить словечко перед богом Мардуком, имя Камбиса присоединяли к нему в молитве.

До окончания года своего восшествия на престол Кир возвратился в Экбатану, оставив Камбиса, как своего личного представителя, выполнить обряд, предписываемый царю при приближении новогоднего праздника. 4-го числа месяца нисана (27 марта) 538 г. до н. э. сын Кира Камбис проследовал в вавилонский храм Набу по священной улице Иштар, соединявшей дом празднеств и Эсагилу. Там Камбиса принял верховный жрец Набу с младшими жрецами, и Камбис щедро одарил их, как принято, новогодними подарками. Когда он взял в свои руки руки Набу, бог даровал ему скипетр праведности. В окружении копьеносцев и лучников из Гутии царский сын прошествовал по священной улице в Эсагилу и приготовился исполнить весь обряд. Вместе с ним шел Набу. Граница между богом Мардуком и его сыном исчезла, и царский сын вручил скипетр Мардуку, чтобы получить его назад после того, как он, взяв за руки Мардука, поклонится ему. Только после такого

получения Киром полномочий от главного бога Вавилона он осмелился ставить перед своим титулом «царь стран» приставку «царь Вавилона».

Как правило, нам ничего не известно о жизни восточного кронпринца до его восшествия на трон; он остается скрытым в гареме. Благодаря своему уникальному положению в Вавилонии Камбис является исключением. Его штаб-квартира находилась не в Вавилоне, как мы могли бы предполагать, а дальше на север, в Сиппаре. Здесь в документе от 20 февраля 535 г. до н. э. мы находим упоминание о доме Набумаршарриусура, дворецкого царского сына. Это имя имеет важное значение, так как отец, назвавший своего сына именем, которое означает «да защитит бог Набу царского сына», мог иметь в виду только Валтасара. Иными словами, Камбис не просто оставил на своих должностях управляющих, которые были при Набониде, он сохранил также и бывших дворцовых сановников. Базазу, гонец дома царского сына, появился в Сиппаре 10 августа 534 г. до н. э., другой гонец по имени Панашурлумур — в марте или апреле 532 г. до н. э. Позднее в этом же году крупный банкир Итти-Мардук-балату дал взаймы сановнику Камбиса 1,4 килограмма 16 шекелей серебра. 3 марта 530 г. до н. э. тот же самый Итти-Мардук-балату отдал собственного раба на четыре года в подмастерья каменотесу — рабу царского сына Камбиса, чтобы тот овладел этим ремеслом. Эти проблески информации показывают нам, что кронпринц серьезно занимался своими рутинными обязанностями.

Восемь лет проживания в Вавилонии, в течение которых он действовал в качестве представителя своего отца на новогоднем празднике, приучили местных жителей видеть в Камбисе своего правителя. Персидский обычай предписывал, чтобы царь не оставлял свое царство без защиты; когда тот уезжал в чужие края на войну, он должен был назначить своего преемника. Перед тем как уехать на войну с массагетами, Кир поэтому признал Камбиса правителем, позволив ему использовать официальный титул «царь Вавилона» и оставив себе титул с более широкими претензиями — «царь стран». Вскоре после этого Камбис снова «держал за руки бога» в новогодний праздник 26 марта 530 г. до н. э.; на документах значится двойной титул. К сентябрю 530 г. до н. э. пришли вести о смерти Кира, и Камбис взял себе полный титул своего отца — «царь Вавилона, царь стран». По эламитскому обычаю он женился на своих сестрах Атоссе и Роксане. Затем он стал готовиться к вторжению в Египет, последнюю из четырех великих империй, которая еще не была завоевана.

Египетская кампания

Амасис полагался на греческих наемников, которые должны были осуществлять его антинационалистическую, антижреческую программу, и был неудовлетворен. Нехтхархеби, правитель въездного пути в Египет по суше и морю, уже оставил надпись, ставившую под сомнение его верность. Финикийцы подтвердили обещание верности, которое они дали его отцу, и их города на Кипре прислали свои официальные изъявления покорности. Обладание их флотами означало власть над Средиземноморьем, и поэтому захватчики сконцентрировались в Асе. Осторожный старый Амасис заключил союз с хозяином на Эгейском море Поликратом — тираном острова Самос. Интриги знати вынудили его кардинально поменять курс, и Поликрат отправил этих недовольных граждан служить под началом Камбиса. Командир греческих наемников Фанес из Галикарнаса поссорился со своим египетским хозяином и переметнулся к Камбису с ценной военной информацией. Для того чтобы поить солдат во время перехода через пустыню, у царя арабов были наняты верблюды; это первое литературное упоминание набатеев, которые владели побережьем от Газы до Иениса.

Пройдя мимо Сербонской топи, где прятался ужасный Тифон, и горы Касиан, Камбис добрался до Пелусийского рукава Нила, где узнал, что преемником Амасиса стал его сын Псамметих III. Ожесточенное сражение у Пелусия — в обеих армиях были греки — закончилось победой персов; два поколения спустя Геродот обнаружил кости

незахороненных мертвецов. Командующий флотом Уджахорресн предательски сдал стратегически важный город Саис. Гелиополь был взят осадой, и Псамметих бежал через реку и укрылся в Мемфисе. В начале 525 г. до н. э. Мемфис был взят. Сначала с Псамметихом обращались хорошо, но вскоре обвинили в заговоре и казнили.

Так как «фактория» в Навкратисе (древнегреческая колония в Египте в западной части дельты Нила. — *Пер.*) находилась во власти персов, прибыльная торговля греков с Египтом находилась на милости Камбиса. К счастью, он был щедр, и греческие торговцы наводнили страну. Когда ливийцы и греки из Кирены и Барки сообщили через Арсесилавса о своем повиновении, добрая половина греческого мира — безусловно, самая богатая и развитая половина — находилась под властью Персии. Планируемая война с Карфагеном была сорвана отказом финикийцев напасть на дочерний город.

Камбис отправился вверх по течению Нила. Оазис Харга был оккупирован из Фив, но, когда отряд попытался напасть на оазис Аммон в надежде сжечь святыню, на него обрушилась песчаная буря. Из Элефантина были посланы люди следить за эфиопами, которые создали вокруг Напаты царство с полуегипетской культурой. Их сообщения были полны чудес. Они рассказывали, что эфиопы обычно живут до ста двадцати лет, некоторые даже больше. Их пища — жареное мясо, и они большие любители молока. На лугу за пределами столицы вожди города клали ночью куски жареного мяса, которое на следующий день мог взять и съесть любой. Это был знаменитый Стол Солнца. Говорили, что их царь — самый высокий и честный человек из всех людей. Даже заключенные у них носили золотые кандалы, а бронза была редким и ценным металлом. Гробы для умерших эфиопы делали из стекла, через которое было видно тело. На протяжении года покойников держали в доме и делали жертвоприношения, затем гробы выставляли в окрестностях города. Среди других диковинок, которые можно было увидеть в Эфиопии, были слоны и эбонит. Камбис присоединил к своим владениям эфиопов, живших вблизи границы, но, несмотря на «склад Камбиса» у второго порога, продовольствия не хватало. Египет стал сатрапией Мудрайя со столицей в Мемфисе. Военные гарнизоны продолжали охранять границу у Дафне в восточной части дельты Нила, у Белой стены Мемфиса (говорят, что он был основан Менесом на границе двух Египтов через реку от столицы на месте Старого Каира, Египетского Вавилона) и у Элефантина ниже первого порога, где огромное количество еврейских наемников построило свое поселение.

Египет под властью Камбиса

Байки о безумствах Камбиса в Египте не следует принимать в расчет. Часто повторяемый рассказ о том, что он убил быка Аписа, ложь. На шестой год своего правления (524 до н. э.), когда Камбис был в своей эфиопской экспедиции, священный бык умер. Следующий бык Апис, родившийся на пятый год правления Камбиса, дожил до четвертого года правления Дария.

Как и в других отношениях, Камбис последовал прецеденту с Амасисом, который первым начертал свое имя на саркофаге Аписа, который впервые был сделан из великолепной глыбы серого гранита. На его крышке были высечены полностью царские титулы — это была формулировка, привычная для египтян: «Гор, Самтови, царь Верхнего и Нижнего Египта, Местиу-ра, сын Ра, Камбис да будет жить вечно. В качестве памятника своему отцу Апису-Осирису он сделал огромный гранитный саркофаг, который царь Верхнего и Нижнего Египта, Местиу-ра, сын Ра, Камбис посвятил ему, да будет ему навеки дарована жизнь, твердость и удача, здоровье и радость как царю Верхнего и Нижнего Египта».

На сопроводительной известняковой стеле Камбис был изображен в национальном царском одеянии — с уреем на голове он, коленопреклоненный, стоял перед священным животным. Надписи рассказывают нам, как благодаря величию царя Верхнего и Нижнего Египта потомок Ра, вечно живой бог его отец Апис-Осирис был перенесен на прекрасный

запад и нашел покой в некрополе, приготовленном для него, после того как люди исполнили все церемонии в зале бальзамирования. Другие изготовили для него ткани, амулеты, украшения и всевозможные драгоценные предметы; все было сделано согласно распоряжению его величества. На шестой год царствования Камбиса перс Атьявахи, сын Артамеса и Канху, «евнух» (*saris*) и правитель Коптоса, возглавил отряд, отправленный в пустынные каменоломни вади Хаммамата за новым строительным материалом для восстановления храмов.

То, что выдумки о жестокости Камбиса не отражают мнения современников, доказывает рассказ об Уджахорресне, адмирале царского флота при Амасисе и Псамметихе и жреце богини Нейт в Саисе. Делая свои записи при Дарии, он не был вынужден хорошо отзываться о своем бывшем владыке. В Египет пришел великий царь всех чужеземных стран Камбуджия (Камбис), и все чужеземцы всех чужеземных земель были с ним. Он завладел этой страной, чужеземцы поселились в ней, и он стал великим правителем Египта, великим владыкой всех чужеземных стран. Его величество дал бывшему адмиралу, который перешел на сторону захватчиков, должность главного целителя; он должен был жить с царем в качестве компаньона и управлять дворцом. Уджахорресн приготовил для Камбиса официальный титул — царь Верхнего и Нижнего Египта, потомок Ра.

Уджахорресн показал Камбису величие Саиса, обители великой Нейт, матери, которая дала жизнь Ра, а также величие обителей Осириса, Ра и Атона. Он пожаловался его величеству на чужеземцев, которые поселились в храме Нейт, и его величество приказал выдворить их оттуда. Также последовал приказ убрать дома греческих наемников вместе со всем их скарбом, очистить храм и возвратить ему всех его крепостных, доходы от имущества, переданного Нейт и другим божествам, и возобновить проведение их праздников и процессий, как раньше. Сам Камбис посетил Саис, вошел в храм, выразил свое благоговение перед Нейт и совершил жертвоприношения, как это делал всякий царь, покровительствовавший храму.

Не всем храмам так повезло, как храму в Саисе. Это мы обнаруживаем из списка «вопросов, связанных с храмами, которые будут решать в доме правосудия». Доходы храмов в Мемфисе, Гермополе и Египетском Вавилоне должны были распределяться как прежде; вместо ранее предоставлявшихся даров жрецы других храмов получали участки болотистой местности и участки на юге страны, из которых они сами должны были привозить древесину на топливо и строительство кораблей. Количество скота, которое получали храмы в виде даров при фараоне Амасисе, сократилось наполовину. Что касается домашней птицы, Камбис распорядился: «Домашнюю птицу им не давать. Пусть жрецы выращивают гусей и отдают их своим богам». Было подсчитано, что величина отнятых доходов составила 60 530 дебенов 8 кедетов серебра, 170 210 мер зерна и 6 тысяч буханок хлеба, помимо крупного рогатого скота, домашней птицы, ладана, папируса и льна.

Согласно этому указу, мы больше не видим, чтобы персидские правители преподносили храмам продукты сельскохозяйственного производства в качестве даров. Этого одного было достаточно, чтобы поползли слухи о том, что Камбис сурово обращается с египтянами. Век спустя евреи из Элефантина хвастались, что их храм был не тронут, когда при вторжении в Египет Камбиса уничтожались храмы египетских богов. В конечном счете разрушение Гелиополя и Фив списали на его гнев!

К концу VIII в. до н. э. широко распространились письменные сделки — предшественники еще более многочисленных папирусов эллинского и римского периодов. Сходство с клинописными документами очень велико и наводит на мысль о том, что новая система бухгалтерского учета была введена под влиянием ассирийцев. Вскоре появились новые письменные знаки, которые можно было написать гораздо быстрее; это письмо греки назвали демотическим, или «народным», в противоположность более сложному иератическому, или «жреческому», письму, употребление которого ограничивалось в основном снятием копий со священных книг. Такие демотические папирусы отражают жизнь, которая продолжалась после завоевания Египта персами. Например, мы узнаем, что в

Сиуте (позднее — Ликополь) жили два двоюродных брата, которые на восьмой год правления Камбиса снова заключили соглашение об управлении собственностью, уже поделенной между их отцами в годы правления Амасиса. В добавление к недвижимому имуществу и правам на воду мы узнаем о дележке дохода, полученного по праву верховного жреца нома Вулф и храмового писца пользоваться доходами храма столько-то дней в году или на стольких-то праздниках. Другие папирусы из Сиута представляют собой списки ежемесячных даров в виде вина и масла главе кладбища, пастофору (определенный класс кандидатов в посвященные, которые в публичных процессиях и храмах несут священный гроб или погребальное ложе. — *Пер.*), верховному жрецу и правителю нома.

Узурпация власти Бардией

Оставив своего родственника Ариандеса сатрапом в Египте, Камбис отправился домой. В Экбатане у горы Кармель он получил весть о том, что Бардия узурпировал власть; и там он умер, как говорили, от своей собственной руки. Бардия, известный грекам под разными именами — Мардос, Смердис, Маруфий, Мерфис, Танаоксарес или Таниоксаркес, был родным братом Камбиса. После смерти отца он был назначен управлять Мидией, Арменией и Кадусией. 11 марта 522 г. до н. э. он провозгласил себя царем в местечке под названием Пишияувада на горе Аракадриш. К 14 апреля он был принят как царь в Вавилонии. Он так поздно стал царем в «год своего восшествия на трон», что вскоре это был уже «первый год правления». Вавилонские историки были настолько озадачены, какой год им следует использовать для датировки, что продолжают ставить в тупик своих современных преемников. К 1 июля Бардия был признан во всей империи.

Подданные с радостью приветствовали Бардию, так как он на три года приостановил взимание налогов и набор рекрутов в армию; но феодальной аристократии не по вкусу была централизация культа и разрушение их местных храмов. У него было мало времени на укрепление своих реформ, так как 29 сентября 522 г. до н. э. после почти восьми месяцев правления он был убит Дарием у крепости Сикаяуватиш в Средней Нисае.

Глава 7
ПРОРОК ЗОРОАСТР

Видение Ахурамазды

Заратуштра начал свою пророческую деятельность приблизительно в середине VI в. до н. э. на северо-западной оконечности нагорья, где тремя веками ранее ассирийцы принимали дань в Парсуа. Его имя означало «С золотыми верблюдами». Его отцом был Поурушаспа («С серыми лошадьми»), а матерью — Дугдхова («Которая доила белых коров»). Все имена были взяты из простой, полупастушеской жизни; его род назывался Спитама («Белый»).

Его богом был Ахурамазда, «мудрый бог», официально возглавлявший персидский национальный пантеон со времен Арьярамны. В видении Ахурамазда явился Зороастру:

Как Святого тогда я признал тебя, Мазда-Ахура,
Когда при зарождении жизни я впервые узрел тебя,
Когда твои дела и слова были наградой,
Зло за зло, хорошая судьба за добро,
Посредством твоей мудрости в последнем кризисе земном,
К которому ты придешь с твоим Святым Духом,
Мазда, с царством Добрых намерений;
Деяниями его умножается имущество через праведность,
Их приговоры объявит набожность,

Твои тайные мысли никто не может обмануть.
Как Святого тогда я признал тебя, Мазда-Ахура,
Когда однажды ко мне пришла Благая мысль
И спросила: «Кто ты есть? Кто ты?
Какой знак возвестит мне дни,
Когда можно спрашивать о тебе и о том, что твое?»
И тогда я сказал ему: «Во-первых, я Заратуштра,
Истинный враг Лжеца,
Но для праведников я буду сильной опорой,
Чтобы получить в будущем благословения желанного Царствия,
Как я славлю тебя, Мазда, и воспеваю тебя.
Как Святого тогда я признал тебя, Мазда-Ахура,
Когда однажды ко мне пришла Благая мысль.
На его вопрос «Каково твое решение?»
Я ответил: «С почтением принося жертву твоему Огню,
Я буду думать о Благочестии так долго, как только смогу».
Тогда покажи мне Благочестие, которое я призываю.
«Я пришел с тем, кто сам есть Набожность.
Спроси нас, о чем тебя следует просить,
Потому что просить у тебя все равно что у всемогущего,
Так как Правитель сделает тебя счастливым и сильным».
Как Святого тогда я признал тебя, Мазда-Ахура,
Когда однажды ко мне пришла Благая мысль.
Когда впервые твои слова стали мне наставлением;
Принесет ли моя вера мне несчастье,
Если я буду делать так, как ты меня научил?
А когда ты сказал мне: «За наставлением обращайся к праведности»,
Ты не дал мне неслыханных повелений;
«Вот мое смирение с Судьбой, полной сокровищ,
Которая будет раздавать людям их жребий за двойную награду».
Как Святого тогда я признал тебя, Мазда-Ахура,
Когда однажды ко мне пришла Благая мысль,
Чтобы узнать, каково мое желание. Удостой меня
Узнать о желанной долгой жизни, которая будет в твоем Царствии.
Что знающий человек дал бы своему другу, если бы мог,
Дай, Мазда, ему твою помощь;
Если благодаря праведности можно попасть в твое Царствие,
Дай мне возвыситься, чтобы разогнать презирающих твое учение,
Вместе с теми, кто держит в сердце твои святые слова.
Как Святого тогда я признал тебя, Мазда-Ахура,
Когда однажды ко мне пришла Благая мысль
И заставила меня провозгласить:
Да не будет человек стремиться угождать многим Лжецам,
Так как они из всех Праведников делают твоих врагов.
Так, Ахура, Заратуштра выбирает для себя
Тебя, Мазда, дух которого святее всего.
Да воплотится Праведность в мощной жизненной силе,

Да воцарится Набожность в Царствии, которое зрит солнце,
С Добрым намерением да наделит он людей судьбами по их делам.

Атрибуты Ахурамазды

Точно ли вышеизложенное передает видения, которые впервые призвали Зороастра на пастырскую стезю, или нет, но оно представляет собой основные положения его проповедей. То, что пророк использует попеременно имена Ахура, Мазда, Ахурамазда и Мазда-Ахура, вызывает воспоминания о тех временах, когда Ахура и Мазда были разными божествами. Век назад Арьярамн представил Ахурамазду как одного бога среди многих, но для Зороастра он был единственным Богом. Другим божествам из туманных индоевропейских времен — например, богу солнца Митре — могли поклоняться цари и народ, но для Зороастра эти дэвы были не богами, а демонами, которым поклоняются последователи Лжи. Ахурамазде не были нужны младшие божества, чтобы править ими как бог и царь.

Рядом с ним есть лишь его неясно персонифицированные атрибуты. Спента-Майнью его собственный Дух Святой. Аша — его Праведность, универсум. Воху-Мана (Благая мысль) или Вахишта-Мана (Самая благая мысль) — это то, что дает пророку зрение. Кшатра — это божественное царство Ахурамазды, которое станет последним в конце света. Армайти (Набожность, Божественное знание), Хаурватат (Спасение) и Амеретат (Бессмертие) завершают группу из семи атрибутов, к которым присоединяются Ашир (Судьба), Сраоша (Смирение) и Атар (Огонь).

Зов

После видения послышался зов:
Тебе пожаловалась Душа Быка: «Для чего ты создал меня?
Кто сотворил меня?
Безумие и сила, безжалостность и жестокость гнетут меня,
Нет у меня другого пастуха, кроме тебя; дай мне хорошее пастбище».

Тогда Бык-Создатель спросил Праведность: «Есть у тебя
Для быка судия, который позаботился бы о его пастбище?
Кто, подобно богу, может отвратить Безумие со спутниками Лжи?

Праведность отвечала: «Нет помощника, который не причинил бы
Быку вред.
Люди не понимают, как Праведность относится к простым людям.
Самый сильный из них тот, по чьему зову я прихожу на помощь.

Мазда помнит заговоры, в которые вступали
И дэвы, и люди, и те, которые еще будут.
Решает Ахура. Будет так, как он пожелает.

Тогда с распростертыми руками давайте молиться Ахуре,
Моя душа и стельная корова — мы оба умоляем Мазду:

«Пусть не коснется смерть тех, кто живет правильно,
Или скотоводов от рук спутников Лжи».

И тогда мудро заговорил сам Ахурамазда, который знает закон:
«В соответствии с правосудием не нашелся ни владыка, ни судия,
Но Творец создал тебя для скотовода и крестьянина.

Это правило создал Ахурамазда вместе с Праведностью
Для скотины, которая дает молоко для тех, кто нуждается в пище».
«Кто из смертных, Благая мысль, будет заботиться о нас двоих?»
«Я знаю этого человека, который лишь один слышал наши повеления,
Заратуштра Спитама; он, Мазда, желает распространять
Наши мысли и Праведность.
Разреши наградить его магией речи».

Но тогда возопила Душа Быка: «В качестве защитника я должна
Довольствоваться бесполезными словами слабого человека,
Когда мне нужен могучий правитель.
Когда появится кто-то, кто сможет оказать реальную помощь?»

Это сомнение едва ли было лестно вновь призванному пророку, и все же Заратуштра не колебался:

Даруй им, Ахура, силу, Праведность, то Царствие и Благую мысль,
Чтобы крестьяне могли построить себе жилища и жить в мире.
Я, по крайней мере, поверил, Мазда, что ты можешь это сделать.
Где же еще взять Праведность, Благую мысль и Царствие?
Так что вы, люди, зовите меня в большую общину,
Чтобы я наставил вас на путь истинный.

Удовлетворенные, наконец, Бык и Корова восклицают: «Теперь, Ахура, помощь за нами, мы готовы служить таким, как ты».

Страдания бедной бессловесной скотины от внезапных налетов кочевников давали повод для призыва пророка. На протяжении всей этой проповеди слышится эхо вечной борьбы между степными бродягами и мирными пахарями. Сельское хозяйство — святое занятие. Бессловесные животные, которые несут на себе бремя труда, священны.

Концепция Зла

Ахурамазда, облаченный в небеса, является единственным Богом, но в вечной борьбе с ним пребывает Злой дух. С самого начала существовали духи-близнецы, Лучшее и Плохое. Они породили Жизнь и Анти-Жизнь, Самое худшее существование для спутников Лжи, Лучшее жилище для сторонника Праведности. Дэвы также собрались на совет; на них

нахлынул потоп; они выбрали Самую дурную мысль и ринулись в Неистовство, посредством которого они отравляют жизнь смертных. Но к человеку пришли Царствие, Благая мысль и Праведность; Набожность дала долгую жизнь и неразрушимость телу, чтобы на Судном дне у него было превосходство. Человек обладает свободной волей; каждый должен решать за себя перед Великим концом.

Все дэвы — это потомки Дурной мысли, Лжи, Гордыни, давно известные своими делами в седьмом регионе Земли, обители человека. Люди, которые делают дурные дела, приятны дэвам, которые обманом лишили человека Благой жизни и Бессмертия, наученные Злым духом, Дурной мыслью и Дурным словом погубить человечество. Это Йима, сын Вивахванта, дал людям мясо быка в пищу и принес в мир зло.

Одного человека Зороастр переубедил — своего двоюродного брата Майдиой-маонгха, но у него было много противников. Лжеучитель уничтожает учения и план жизни, он мешает оценить обладание Благой мыслью. Он провозглашает, что Быка и Солнце нельзя видеть глазами — пророк отвергает ночные жертвоприношения быка верующими Митры. Он обращает мудрых в Лжецов, опустошает пастбища и поднимает оружие против Праведных. Лжецы разрушают жизнь и пытаются помешать матери семейства и хозяину дома получить свое наследство. С криками радости они забивают быка; они предпочитают Грехму, Карапанского жреца дэвов и владыку тех, кто ищет Ложь, Праведности. Грехма достигнет царства Самой дурной мысли, так что и разрушители этой жизни будут рыдать, желая получить послание от пророка Ахурамазды, но он не допустит, чтобы они узрели Праведность. Грехма и кави, местные царьки-вассалы мидийцев, давно уже пытались низвергнуть пророка. Они помогают Лжецу и говорят: «Пусть бык будет зарезан, чтобы побудить Отвратителя смерти помочь нам». Зороастр осуждает распитие пьянящего напитка *haoma.* Так, карапаны и кави находят свою гибель.

Бендва, самый великий из местных царей, всегда был его противником; в Судный день да найдет он свою погибель от Благой мысли! Пророку мешает учитель этого Бендвы, Лжец, давний отступник от Праведности. Есть и другие, кто стремится убить пророка, порождения Лжи, желающие зла всему живому. Зороастр вспоминает оскорбление, тем более жестокое, что оно причинило боль его немым друзьям: распутный кави вызвал недовольство Заратуштры у Зимних ворот, потому что тот помешал остановиться там, когда два его коня подъехали к ним, дрожа от холода. Карапанские жрецы отказываются подчиняться указам и законам пастбищ; «за вред, который они причиняют стадам своими деяниями и учениями, пусть учение приведет их, наконец, в Дом лжи».

Вопросы религии

Подобно всем пророкам, у Зороастра бывают сомнения:

Я спрашиваю тебя, Ахура:
Как творить молитву тебе?
Как друга, Мазда, научи меня.

Точно с таким же введением он задает все вопросы, которые озадачивают его разум. Кто был Отцом Праведности? Кто определил путь солнца и звезд? Почему луна то растет, то убывает? Кто поддерживал Землю снизу и не дал небесам упасть? Кто сотворил воду и растения? Кто соединил быстроту с ветром и облаками? Кто создал Благую мысль? Какой мастер сделал свет и тьму, сон и бодрствование, зарю, полдень и ночь, которые напоминают человеку о его обязанностях?

Я спрашиваю тебя, скажи мне по правде, Ахура:
Правда ли есть то, что я провозглашаю?
Поможет ли Набожность Праведности делами?

Объявит ли Благая мысль о твоем Царствии?
Для кого сотворил ты приносящую удачу стельную корову?

Может ли он быть уверенным в Царствии? Будут ли люди должным образом соблюдать словом и делом его религию, лучшую для всех людей? Распространится ли Набожность на тех, для кого провозглашена религия Мазды? Ради этого он был с самого начала отдален Маздой от людей; других он ненавидит. Кто из тех, с кем он разговаривает, Праведник, а кто Лжец? Он сомневается в себе и в своем благом деле. На какой стороне истинный враг? Разве не следует считать врагом Лжеца, который препятствует Спасению Мазды? Как им изгнать из них Ложь? Следует ли Ложь отдать в руки Праведности, чтобы уничтожить ее словами учения Мазды, навлечь гибель и муки на Лжецов? Есть ли у Мазды сила, чтобы защитить своего пророка, когда две противоборствующие армии сойдутся в сражении? Кому он отдаст победу? Пусть целительный судия подаст знак. Как ему достичь этой цели — единения с Маздой?

И затем после этого экскурса в мистику идет отрывок об очень практичной человеческой природе:

Я спрашиваю тебя, скажи мне по правде, Ахура:
Как, Праведность, заслужу я эту награду,
Десять кобыл с жеребцом и верблюда,
Что были обещаны мне, Мазда, вместе со Спасением
И Бессмертием — твоими дарами?

Я спрашиваю тебя, скажи мне по правде, Ахура:
Тот, кто не даст награду тому, кто заслужил ее,
Кто поистине сделал все для него,
Какое наказание за это понесет он сначала?
Я знаю, каково будет его последнее наказание.

Были ли дэвы когда-нибудь хорошими правителями? Об этом он спрашивает тех, которые видят, как ради дэвов жрецы карапанов и уситджей предали скот Безумию, как кави заставили их постоянно горевать вместо того, чтобы увеличивать пастбища Праведностью.

Загробная жизнь

Преследования лишь заставили его глаза с большим нетерпением смотреть в будущее, ожидать пришествия Божественного Царствия, Великого конца, Обновления мира. Этот Конец будет вызван Саошьянто, Спасителями, Зороастром и его последователями, и пророк надеется, что он ненадолго отсрочен. В Судный день Праведность победит Ложь. Он хочет знать, не может ли Праведность победить приверженца Лжи еще до этого. Как он может узнать, что Мазда и Праведность на самом деле обладают властью над Лжецами, которые ему угрожают?

Пусть он получит подтверждение своего видения от Благой мысли. Пусть Спаситель знает, какова будет его награда. Когда воины научатся понимать послание? Когда Мазда уничтожит мерзкий пьянящий напиток *haoma* , посредством которого карапанские жрецы обманывают дурных правителей земель? Кто может примириться с кровожадными Лжецами? К кому придет известие о Благой мысли? Они Спасители земель, которые стремятся выполнить повеления Мазды.

Собственная Совесть человека — Праведника или Лжеца — определит его будущую награду. Вместе с Зороастром, своим помощником, судья Ахурамазда через своего советника отделит благоразумных от неблагоразумных. Затем через Чинвато Перетав — Разделяющий мост Зороастр поведет призывать Мазду тех, которых он учил. Те, кто благоразумно

решится, пойдут далее в Дом песни, Обитель Благой мысли, Царствие Благой мысли, Блистательное наследие Благой мысли, в которое человек попадает, идя по Дороге Благой мысли, построенной Праведностью, на которой Совесть Спасителей переходит в их награду. Там они узрят трон могущественного Ахуры и познают Смирение перед Маздой — блаженство, освещенное небесным огнем.

А глупцы пойдут в Дом лжи, Дом Дурной мысли, прибежище дэвов, выбрав Самую худшую жизнь. Их дурная совесть принесет им муки на Судном мосту и приведет их к долгим векам нищеты, тьмы, когда они познают мерзкую пищу и будут горестно стенать. Тот, кто следует своим собственным наклонностям, делая свои мысли то лучше, то хуже, хорошие и дурные дела которых находятся в равновесии, в конце концов окажутся отдельно в промежуточном жилище.

Покровительство Виштаспы

Отвергнутый и встреченный в штыки на родине, Зороастр подумывал о том, чтобы уехать, но

> В какой стране мне искать убежища, куда мне направить свои стопы?
> От знатных людей и коллег-жрецов они отделили меня,
> И крестьяне не тянутся ко мне,
> И принцы-Лжецы этой страны.
> Как мне угодить тебе, Мазда-Ахура?

Когда восходы солнца принесут в мир Праведность? Когда появятся Спасители, согласно пророчеству? Бесчестный Лжец не дал Праведности принести скотине процветание. Тот, кто лишит Лжеца силы или жизни, подготовит пути к созданию правильного учения. Тот, кто обратит на путь истины Лжеца, пусть он объявит об этом своим родственникам; да защитит его Мазда-Ахура от кровопролития.

Кого может получить себе в защитники пророк, когда Лжец пытается причинить ему вред? Пусть никакой вред не исходит от человека, который задумал причинить ущерб тому, чем владеет Зороастр; пусть его поступки вернутся рикошетом к нему. Правящие карапаны и кави приучили людей к злым делам, уничтожающим жизнь. Их собственные души и совесть будут мучить их, когда они придут на Разделяющий мост; они навсегда попадут в Дом лжи.

Из своего дома в горах в Северо-Западном Иране Зороастр отправился вместе со своими родственниками искать края, где его учение найдет более радушный прием. Пока пророк трудился, обращая в свою веру своих соседей, облик мира начал меняться. Когда-то могучая Мидийская империя начала распадаться, и Кир, возглавивший свой собственный народ, восстал против Астьяга. Пока Виштаспа (Гистасп), сын Аршамы, царя соперничавшего с Ахеменидами рода, правил Парфией и Гирканией, он воспользовался случаем и ослабил узы, связывавшие его с его мидийским сюзереном. Здесь усталый пророк нашел сердечный прием, и вскоре жена Виштаспы Хутаоса (Атосса) уже обратилась в его веру. Естественно, за этим последовало и обращение мужа, и Виштаспа стал покровителем новой религии.

«Какую награду обещал Заратуштра тем своим прихожанам, которые первыми достигнут Дома песни Ахурамазды, — это я обещал благодаря твоему благословению, Благой мысли и Праведности. Кави Виштаспа согласился с властью Религиозного братства и принял путь Благой мысли — учение, которое создал святой Ахурамазда с Праведностью». «Всякий смертный, который радует Спитаму Заратуштру, достоин того, чтобы стать известным; ему Мазда-Ахура даст жизнь, ему он подарит процветание через Благую мысль, его мы считаем другом благодаря Праведности». «О Заратуштра, — спрашивает Ахурамазда, — какой праведник является другом великого Религиозного братства и кто желает

прославиться?» Зороастр отвечает: «Кави Виштаспа в Судный день. Тех, кого ты, Мазда-Ахура, соберешь в своем доме, призову я словами Благой мысли».

Вскоре после обращения в новую веру в 550 г. до н. э. у Виштаспы родился первенец. Как доказательство приверженности новой религии мальчик был назван Дарая-Вохумана («тот, кто является опорой Благой мысли»), Дараяваush — на западный манер, и Дарием он был для греков. Приблизительно пять лет спустя Кир появился в Северо-Восточном Иране, и Виштаспа поменял свое положение мелкого царька и стал сатрапом уже могущественной Персидской империи.

Под защитой Виштаспы пророк провел много счастливых лет. Он восхваляет своего двоюродного брата и первого новообращенного Майдиой-маонга, своих сородичей, детей Хечатаспы, потомков рода Спитамы — потому что они отличают людей благоразумных от неразумных; своими делами и по первым законам Ахуры они получили Праведность. Фрашаоштра и его брат Джамаспа из рода Хвогва стали его верными сподвижниками, и Фрашаоштра обещал пророку свою дочь Хвови («У которой хорошие быки») в жены. «Свою прекрасную дочь отдал мне Фрашаоштра Хвогва; да дарует ей Мазда-Ахура возможность достичь Праведности ради ее же блага».

Родились и выросли несколько сыновей, которых назвали Исатвастра, Урвататнара и Кваречитра, и несколько дочерей. «Самое лучшее, что может дать Заратуштре Спитаме Ахурамазда благодаря его Праведности, — это радости благословенной жизни, а также тем, кто узнает слова и дела благого учения. Так пусть они с радостью мыслями, словами и делами добиваются его расположения и возносят ему молитвы; кави Виштаспа, сын Заратуштры Спитамид и Фрашаоштра идут по прямому пути Учения Спасителя, который указал Ахура».

Его дочь должна выйти замуж за Джамаспу: «Этот человек Поуручистра, потомок родов Хечатаспа и Спитама, младшую дочь Заратуштры дал тебе для единения с Благой мыслью, Праведностью и Маздой. Так что советуйся со своим разумом и мудро исполняй священные дела Набожности». Джамаспа обещает: «Я буду горячо любить ее, чтобы она могла благочестиво служить отцу, мужу, крестьянам и знатным людям, праведная женщина — праведным мужчинам. Да дарует ей Ахурамазда великолепное наследство — Благую мысль ради ее же блага».

Кризис

Мы с радостью оставим пророка в этот момент в окружении любящих родных и друзей. Но радостная картина омрачалась по мере приближения старости. От кочевников исходила угроза, и нужно было проповедовать священную войну: «И пусть будут обмануты и отвергнуты те, кто вершит недобрые дела, пусть все они возопят. Через хороших правителей пусть [Ахура] навлечет на них массовую погибель и принесет мир довольным селянам. Пусть он, Величайший, обрушит на них муки и смерть и пусть это свершится скоро! Вера злодеев находится во Дворце порочности. Презирая закон, они надеются свергнуть достойных. Где же Праведный Бог, который лишит их жизни и свободы? Это твое Царствие, Мазда, в котором ты можешь дать праведно живущим беднякам лучшую долю».

Кризис становится более острым: «Этой помощи, Мазда, я прошу в молитве с распростертыми руками. Во-первых, это Праведность, труды Святого Духа, которыми я могу угодить Праведной мысли и Душе Быка. Я буду служить тебе, Мазда-Ахура, с Благой мыслью. Даруй мне через Праведность благословение материальной и духовной жизни, которое приведет твоих последователей к блаженству. Я буду восхвалять вас, как никогда, Праведность, Благая мысль и Мазда-Ахура, и тех, для кого Благочестие расширяет Царствие, которое не разрушится никогда. Приди по моему зову ко мне на помощь!»

Зороастр ощущает, что дни его сочтены: «Я тот, кто с Благой мыслью наставлял свое сердце следить за душой, кто познал награды от Мазды-Ахуры за свои деяния; пока у меня есть силы, я буду учить людей стремиться к Праведности. Когда я — как тот, кто знает, —

увижу вас, Праведность, Благая мысль, престол могущественного Ахуры и Смирение Мазды? Через это святое слово да обратим мы орду грабителей к Величайшему. Приди, Мазда, с Благой мыслью, даруй через Праведность своими праведными словами бессмертный дар: сильную поддержку Заратуштре и средства победить врага.

Даруй, Праведность, нам эту награду, благословение Благой мысли. Даруй, Благочестие, Виштаспе и мне исполнение нашего желания. Сделай так, владыка Мазда, чтобы твой пророк мог прочесть святое слово поучения. У тебя, Лучший из Лучших, Высшая праведность, я прошу самого лучшего, Ахура, желая для воина Фрашаоштры, себя и тех, кого ты дашь, в дар Благую мысль на все времена. Используя твои щедроты, Ахура, да не навлечем мы на себя твой гнев. Мазда, Праведность и Самая благая мысль, мы стараемся вознести тебе хвалебные гимны, так как ты лучше всех можешь ускорить пришествие Благого царствия. Тогда для тех, кого ты считаешь достойными благодаря Праведности и пониманию Благой мысли, исполни, Мазда-Ахура, их желание. Тогда поистине я узнаю, что слова молитвы, служащей доброй цели, достигли тебя. Поэтому я сохраню Праведность и Благую мысль навеки. Научи меня, Мазда-Ахура, своими устами через свой Дух провозгласить, какой будет Первая жизнь».

С этой последней молитвой слова Зороастра закончились. Яшты в своем современном виде содержат много древнего материала (кое-что дозороастрийской эпохи) и приводят молитвы Виштаспы или всадника Зайривари, направленные против таких врагов, как Татрьявант, Пешана, Хумаяка, Даршиника, Спинджаурушка и Аштаурвант, сын Виспатаурвоашти. В них также упоминаются войны с Ареджатаспой из Хьяоны. Более позднее предание гласит, что Ареджатаспа напал на Балкх, захватил его и убил Зороастра и его учеников на алтаре. Вероятно, пророк умер приблизительно в то время, когда начался ряд крупных восстаний против Дария. Если в этом предании есть правда, то реальным убийцей мог быть Фрада из Маргуша (Маргианы), который вторгся в Бактрию, или это мог быть один из его соплеменников-кочевников.

Длительное влияние религии Зороастра

Нам не нужны более поздние легенды о рождении, о котором возвестили божественные знаки, о жизни, полной чудес, о мученической смерти от рук кочевников, чтобы доказать величие Зороастры. По его собственным словам мы можем проследить его жизнь и развитие его мысли. Мы можем осознать возвышенность его стремлений и ограничения, которые лишь делают его еще более человечным и привлекательным. В его учении нет и следа влияния более древнего Востока. Оно присуще его земле и его народу. Оно выросло из более древних арийских верований, но поднялось над простым поклонением арийцев дэвам до высот, которых более никогда не достигала религиозная мысль арийцев без посторонней помощи.

В самом начале своей деятельности пророк вопрошал, будут ли его последователи должным образом придерживаться принципов его религии. Дарий Великий был сыном его покровителя Виштаспы и, вероятно, часто беседовал с пророком при дворе своего отца-сатрапа. Его собственные надписи полны воспоминаний о языке великого учителя, а текст на его гробнице, возможно, и в самом деле является цитатой из Гатхас (название некоторых гимнов Авесты. — *Пер.*). Несмотря на прекрасный язык, Дарий не жил согласно учению пророка, а его постоянное упоминание слов «ложь» и «лжец» лишь сильнее выявляет его собственные частые отклонения от правды.

Едва Зороастр умер, как началась неизбежная реакция. По мере того как Зороастр все больше и больше терялся в тумане прошлого и, как основатель религии, становился все более богоподобным, Гатхас, которые он сочинил (даже те, в которых он жаловался на свои сомнения и страхи, выражал свои надежды на получение даров в виде десяти кобыл, жеребца и верблюда, жалел своих дрожащих от холода коней), стали распевать во время обрядов, и они приобрели мистический и действенный характер. Ему приписывали одобрение богов и

обрядов, возрожденных из древнего арийского язычества — тех самых богов и обрядов, которые он так решительно осуждал. Позднее арийское язычество, в свою очередь, отчасти было поглощено магизмом, пережитком более древних и еще более варварских времен.

Если его собственный народ теперь считал напиток *haoma* священным (для Зороастра это было «непристойное опьяняющее пойло»), если они вернули ночные ритуалы поклонения Митре и принесение в жертву скота, ярым противником которых он был, если они вновь стали поклоняться богине-матери Анахите, то были и другие, которые считали его проповеди более подходящими. В период упадка древних национальных религий лучшие умы находили в его учении нечто настолько новое, свежее, бодрящее, что его влияние можно заметить в большинстве более поздних религиозных движений. Не случайно Гатхас Зороастра звучат так похоже на первый Новый Завет.

Глава 8
УЗУРПАТОР ДАРИЙ

Присоединение Дария

Заратуштра, как почетный гость при дворе Виштаспы, вероятно, часто беседовал с юным Дараяваушем — Дарием, сыном Гиспаспа, как вместе с греками мы его называем. В своей автобиографии он хвастается своим происхождением через Виштаспу, Аршаму, Арьярамну и Чишпиша от основателя Хакхаманиша: «Поэтому нас называют Ахеменидами. С давних времен мы занимаем царский трон, с давних времен наша семья — семья царей. Восемь членов моей семьи до меня были царями, я — девятый; нас девять по двум генеалогическим линиям».

Это дословно правда, хотя и не совсем в том смысле, в котором Дарий имел в виду. Его родословная была действительно более древней, и при Арьярамне его предки занимали более высокое положение, но мидийское завоевание уравняло обоих, сделав своими вассалами. Успешный мятеж против мидийца Астьяга привел к власти младшую ветвь, представителями которой были Кир, Камбис и Бардия. В то время как дед Дария Арсамес оставался в лучшем случае мелким царьком, Гистасп оказался настолько удачливым, что стал сатрапом Парфии и Гиркании. Будучи сатрапом, он сопровождал Кира в его последнем роковом для него военном походе. Камбис взял его юного сына в свое личное услужение. В 522 г. до н. э. в возрасте двадцати восьми лет Дарий был царским копьеносцем в Египте. Еще до окончания года Дарий стал царем.

Как такой молодой человек достиг столь высокого положения при жизни отца и деда, объясняется в автобиографии следующим образом. В его семье был человек по имени Камбис, сын Кира, который был царем. У Камбиса был брат по имени Бардия, рожденный от тех же отца и матери. Потом Камбис убил своего брата, но народ не узнал, что Бардия убит. После того как Камбис отправился в Египет, народ восстал; велика была Ложь в этих краях. Потом появился некий маг (магуш) по имени Гаумата и стал ложно утверждать, что он Бардия. Он появился из Пишияувады на горе Аракадриш 11 марта 522 г. до н. э. Все покинули Камбиса и переметнулись к лже-Бардии. 1 июля он овладел царством. Потом Камбис умер от своей собственной руки.

То царство с давних времен принадлежало семье Дария. Никто, даже член его собственного рода, не мог отобрать царство у Гауматы. Люди очень боялись, чтобы он не поубивал тех многих, которые знали настоящего Бардию и могли доказать ложность притязаний Гауматы. На самом деле никто не осмеливался сказать что-то против него, пока не появился Дарий. Так как в последний раз он упомянут как копьеносец Камбиса в Египте, то, очевидно, Дарий покинул армию в Палестине, как только стало известно о смерти бывшего монарха, и, вероятно, немедленно поспешил в Мидию, чтобы предъявить свои права на освободившийся трон.

При покровительстве Ахурамазды и с помощью шести других заговорщиков Дарий убил этого Гаумату и его пособников в крепости Сикаяуватиш в индийском районе Нисайя 29 сентября 522 г. до н. э. При покровительстве Ахурамазды Дарий стал царем. Позднее в своей автобиографии Дарий перечисляет имена тех «семи» заговорщиков, которые принимали участие в убийстве: Виндафарна (Интафрен), сын Ваяспары; Утана (Отан), сын Тукхры; Гаубарува (Гобрий), сын Мардунии (Мардония); Видарна (Гидарн), сын Багабигны; Багабукша (Мегабиз), сын Датухьи, и Ардуманиш, сын Вахауки. «Ты, который станешь царем в будущем, береги семьи эти людей».

Борьба за признание

Дарий вернул власть, отнятую у его семьи. Он установил ее на прежних основах. Он отстроил храмы, которые разрушил Гаумата. Полноправным гражданам он вернул пастбища, а знати — стада и крестьян, которые отобрал маг. Он не покладал рук до тех пор, пока не стало так, как будто Гаумата никогда и не вторгался в родовой дом. Такова была официальная версия, представленная в автобиографии и предъявленная миру на скале Бехистун. Она была принята «отцом истории» Ктесием (древнегреческий историк второй половины V — первой половины IV в. до н. э. — *Пер.*) и последующими греческими историками.

Однако нет недостатка в указаниях на то, что она далека от истинных фактов. Дарий, как мы уже видели, принадлежал к царской семье лишь по побочной линии. Нет причин полагать, что он считался следующим в очереди на трон. Из ближайших к нему родственников его дед и отец имели перед ним преимущество.

Дарий заявляет, что младший брат Камбиса Бардия был убит своим братом. Однако возникает полное несоответствие между нашими источниками касательно времени, места и способа убийства. Дарий утверждает, что этот эпизод имел место перед походом Камбиса в Египет, Геродот — что во время этого похода, а Ктесий — после него. Официальная версия, которой придерживается Геродот, обвиняет в убийстве некоего Прексаспа, но возникли сомнения относительно того, был ли «Смердис» убит во время охоты недалеко от Суз, или он утонул в Эритрейском море. Мы должны поверить, что после смерти Камбиса Прексасп публично рассказал эту историю, сообщил людям о тайном убийстве «настоящего» Бардии, а затем в раскаянии совершил самоубийство. Раскаяние на смертном одре, как известно, является частым приемом пропагандиста. После самоубийства мертвый человек уже не может ничего рассказать. К тому же «лже»-Смердис лгал лишь в своих утверждениях, что он сын Кира. Его настоящее имя *было* Смердис! Абсурдность достигает своего пика, когда нам сообщают, что «настоящий» и «лже»-Смердис были так похожи, что даже мать и сестры «настоящего» Смердиса обманулись!

Современник Эсхил не сомневался в том, что Мардос, как он его называет, был законным монархом и был убит, но не Дарием, а Артафреном, одним из «семи» заговорщиков, которого Гелланик (греческий историк V в. до н. э. — *Пер.*) называет Даферном. Ксенофонт (древнегреческий писатель и историк V–IV вв. до н. э. — *Пер.*) заявляет, что сразу же после смерти Кира среди *его сыновей* начались распри. Необходимое признание узурпированной власти можно обнаружить в браках Дария: с Атоссой и Аттистоной, дочерьми Кира; с Федимой (дочь одного из семи заговорщиков Отаны), которая, подобно Атоссе, была женой Камбиса, а затем Бардии; и с дочерью самого Бардии Пармис. И последнее, но не менее важное: Дарий так настойчиво заявляет, что все его противники — мнимый Бардия, в частности — лжецы, что мы приходим к убеждению, что «он слишком много говорит».

В своей автобиографии Дарий сразу же после ее текста утверждает, что верховную власть ему передал Ахурамазда: «Есть земли, которые покорились мне; благодаря покровительству Ахурамазды я стал их царем». Затем он перечисляет двадцать три сатрапии. Дарий хочет заставить нас поверить в то, что при его восшествии на престол все эти страны

были ему верны и лишь позже восстали. Далее по ходу своего повествования он признает, что, когда он убил мага, Элам и Вавилон восстали; но он по-прежнему настаивает, что другие мятежи случились лишь после захвата Вавилона: на его собственной родине Парсе, в Эламе во второй раз, в Мидии, Ассирии, Египте, Парфии, Маргиане, Саттагидии и Саке. Давайте проверим это утверждение.

Восстания покоренных народов

Из членов его собственной семьи были живы его дед Арсамес и отец Гистасп; один, очевидно, не обладал никакой властью, а другой был сатрапом Парфии и Гиркании, но не оказал никакой помощи ни при его восхождении на трон, ни позднее. Двое сатрапов — Дадаршиш из Бактрии и Вивана из Арахосии — поддержали Дария; остальные земли либо подняли восстание, либо никак не проявили свою позицию. По признанию самого Дария, в то время как вся империя приняла Бардию безоговорочно, его убийство возродило надежду на национальную независимость и вызвало настоящий взрыв восстаний среди покоренных народов. Амбициозные персидские сатрапы тоже готовились выступить претендентами на освободившийся трон. Даже в сатрапии его отца, Бактрии и Гиркании, была группировка, которая отказалась признать сына своего сатрапа монархом. Когда Дадарниш и Вивана выступили на стороне узурпатора, в Бактрии из Маргианы (ныне Восточный Туркменистан. — *Пер.*) появился некий Фрада (который объявил себя царем и возглавил борьбу против Дария. — *Пер.*). Вооруженное противодействие оказала также Арахосия. Согдиана была отрезана восставшей Маргианой и подверглась нападению саков (собирательное название ираноязычных кочевых и полукочевых племен. — *Пер.*)

Лояльными себе Дарий объявляет «те земли, что у моря», Сарды и Ионию. В автобиографии эти три сатрапии ни разу не названы мятежными, но греческая версия событий предлагает другую картину. Оретес стал сатрапом Сардов в последние годы правления Кира. К концу царствования Камбиса Оретес, отговорившись тем, что навлек на себя царское недовольство, пригласил Поликрата навестить его в Магнесии (город в Карии, в настоящее время на юго-западе Турции. — *Пер.*). Великий самосский тиран, завлеченный таким обманом, был схвачен, убит, а его тело распято. В период смуты, который последовал за смертью Бардии, Оретес убил Митробата, сатрапа Даскилея (местность и город в Вифинии. — *Пер.*). Дарий послал к Оретесу гонца, на обратном пути тот попал в засаду и был убит. Тогда Дарий, который только что сел на трон и был еще слишком слаб, чтобы открыто начать войну, прибегнул к коварству: в Сарды он отправил Багея, сына Артонта, с запечатанными письмами, посредством которых он подвергал проверке лояльность писца и копьеносцев охраны. Когда те подчинились, им был отдан приказ предать Оретеса смерти, и тем самым Сарды, Даскилей и Иония были ему возвращены.

Хотя Дарий убил Бардию в Мидии, он не мог удержать власть в этой стране. Во главе армии, которая, по его признанию, была мала, он отправился вернуть себе Вавилонию, где узнал, что в Мидии началось восстание под руководством местного жителя по имени Фравартиш или Фраорт. Мятежник взял имя великого мидийского героя Кшатриты и объявил себя потомком Увакшатры или Киаксара, несмотря на то что его внешность была далека от арийской. Его круглая голова, вздернутый нос, глубоко посаженные глаза и выступающие скулы резко контрастировали с длинной бородой, прямо обрезанной челкой, узлом волос на затылке, высокими сапогами, короткой и прямой юбкой и узким ремнем, которые, как нам известно, составляют национальный костюм мидийца. Дворцовая охрана в Экбатане была перебита, Рага сдалась, и ее примеру, очевидно, последовали Ассирия, Армения и Каппадокия. В Парфию и Гирканию была послана армия, и Гистасп не мог помешать ее движению. Фравартиш, казалось, собирался вернуть бывшую империю Киаксара.

Парса, родина Дария, была потеряна для претендента из-за некоего Вахъяздата, присвоившего себе имя убитого Бардии, который появился из города Таравы в области

Яутии (Утии) в Кармании. Естественно, он был одет в длинные, широкие одежды, собранные в красивые складки, зашнурованные башмаки; на портрете у этого претендента-двойника были кудрявые волосы. Персы во дворце Кира в Парсагарде признали законность его притязаний, несмотря на то что его плоский выдающийся нос, круглая голова и безволосый заостренный подбородок явственно говорили о том, что он не ариец. Вахъяздат отправил против Арахосии армию; еще до того, как он достиг этой страны, он, вероятно, овладел Арией и Дрангианой (древнеиранская область в бассейне озера Хамун и низовьев реки Гильменд. — *Пер.*).

Элам заявил о своей независимости под властью Хашшина, сына Укбатарранмы. На портрете у этого вождя заостренный нос, резко выраженные скулы, густые усы, жесткий подбородок, очертания которого не скрывает коротко подстриженная борода; на нем длинное одеяние с вертикальными складками, совершенно не похожее на одежду других «мятежников». Когда Дарий достиг Вавилонской равнины у выхода из Загросского ущелья, он отправил в Элам царского гонца, одной внешности которого было достаточно, чтобы напугать местных жителей настолько, что они заковали в кандалы своего нового правителя и привезли его к Дарию, который сразу же предал его смерти.

Как только весть об убийстве Бардии достигла Вавилона — это произошло к 3 октября 522 г. до н. э., лишь спустя четыре дня после самого события, — страна восстала против чужеземцев. Новым царем, именем которого датированы документы, стал Навуходоносор III, сын Набонида, последнего независимого монарха Вавилона. (Однако, если верить Дарию, его настоящим именем было Нидинтубел, сын Анири.) Он изображен стариком, чьи изборожденные глубокими морщинами щеки, короткая верхняя губа и жесткая торчащая борода контрастируют с коротким носом картошкой. Волнистые волосы надо лбом забраны назад с помощью гребешков, а из-за уха ниспадает один-единственный локон, затылок выбрит. На нем надета одна рубаха, нижняя половина которой завернута и обнажает голые колени. Его возраст заставлял поверить его утверждениям, что он сын Набонида, умершего всего семнадцать лет назад. Во всяком случае именно Дарий лжет, когда ставит Вавилон в ряд сатрапий, верных ему с начала его правления.

Навуходоносор разместил свои войска в зарослях тростника по берегам Тигра, чтобы захватить все лодки и охранять переправы. Дарий обошел их с фланга, переправив своих солдат на надутых шкурах, как мы это видим на ассирийских барельефах и могли видеть, как это делается, еще недавно. Этот отряд был разбит 13 декабря. Второе сражение, произошедшее пять дней спустя в Зазане на Евфрате, которым руководил сам Навуходоносор, было решающим. Армия вавилонян оказалась загнанной в воду, а «мятежник» бежал в Вавилон. Он был быстро схвачен и убит. К 22 декабря 522 г. до н. э. Вавилон датировал свои таблички «годом начала правления Дария, царя Вавилона, царя стран». Находясь в Вавилоне, Дарий, по-видимому, занимал северный дворец Навуходоносора.

Также, пока он был в Вавилоне, по заявлению Дария восстали Парса, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Саттагидия и Сака. Арианд, которого Камбис оставил сатрапом, отвратил от себя египтян своей суровостью и был изгнан. Вместе с ним был изгнан и проперсидски настроенный Уджахорресн, который так выступил в свою защиту: «Я был добрым правителем в своем городе. Я избавил его жителей от величайших беспорядков, которые обрушились на всю страну, таких здесь еще не бывало. Я защищал слабых от сильных (еще одно запоздалое эхо свода законов Хаммурапи). Я оберегал робких; если на них нападала болезнь, я делал для них все возможное в то время, когда это было нужно. Я устраивал должные похороны для тех, кого не могли похоронить; я помогал всем их детям; я упрочивал их дома. Я делал для них все, что для них было полезно, как отец для своих сыновей, когда волнения начались в этом номе, когда большие беспорядки пришли на землю всей этой страны».

Возвращение подвластных земель

Но волна начала поворачивать в другую сторону. Уже 9 декабря Дадаршиш в Бактрии оказал сопротивление «вождю» Маргуш (Маргианы) на широких равнинах у современного Мерва (древнейший город Средней Азии, стоявший на берегу реки Мургаб в юго-восточной части Туркменистана в 30 км к востоку от современного города Мары. — *Пер.*) (Плосконосый Фрада с длинной заостренной бородой, наверное, только-только убил Зороастра.) Несколько позже и сама Маргиана оказалась во владении Дария. 29 декабря у крепости Капишаканиш Вивана разгромил захватчиков, посланных Вахъяздатом из Парсы против Арахосии. В последний день года Ваумиса выиграл сражение в Изале в Ассирии (современный Тур-Абдин). И хотя армия персов и мидийцев Дария оставалась небольшой, ему еще пришлось истощить свои силы, послав армию под командованием Виваны (один из «семи» заговорщиков) в Мидию. Схватка произошла в Маруше 12 января 521 г. до н. э. Дарий утверждает, что полководец противника не смог удержать свои позиции, тем не менее Видарна был вынужден остановить свое наступление до тех пор, пока его повелитель не оказал ему помощь. Поэтому он разбил лагерь у Канпады (Камбадена) на огромной равнине Керманшах, которую когда-то занимало эламитское племя хамбан.

Капитуляция Хашшина лишь дала возможность истинному персу Мартии, сыну Чичикриша из Куганаки, спуститься прямым путем из Парсы в Сузы и провозгласить себя Умманнишем — так звали эламитского царя, наводившего страх на ассирийцев, которым он был известен под именем Хумбанигаш. (На барельефе его лицо не сохранилось, но на нем одеяние, которое скрывает руки; оно так длинно, что выглядит как блуза с юбкой.) Дарий покинул Вавилон в начале февраля. Прежде чем направиться к Загросскому горному проходу, он сделал небольшой крюк у Суз, и эламиты в страхе убили Мартию. Теперь Дарий мог послать войска под командованием Артавардии назад по тому же самому пути, чтобы напасть на Вахъяздата, войска которого в Арахосии были уничтожены в районе Гандутавы 20 февраля. Полководец бежал в крепость Аршаду, где его схватили и убили по приказу Виваны. 6 марта Гистасп нанес поражение у Вишпаузатиша парфянским мятежникам, которые вступили в союз с Фравартишем из Мидии.

С основной армией персов Дарий сам прошел Загросские горы и присоединился к Видарне в Кандпаде. 8 мая он разгромил Фравартиша у Кундуруша. Это было решающее сражение. В память об этом он вскоре выбрал место, на котором была вырезана надпись, увековечившая его победы. В сопровождении нескольких всадников Фравартиш бежал в Рагу (Рагес), но за ним была послана погоня, которая привезла его назад. Ему отрезали нос, уши и язык, выкололи глаза и выставили на всеобщее обозрение, где он пребывал до тех пор, пока Дарий не решил посадить его на кол, а его союзников — повесить в крепости Экбатаны. Суровость наказания и подробности, с которыми оно описано, указывают на то, насколько серьезная опасность исходила от этого мидийца.

20 мая второй Дадаршиш — на этот раз армянин — нанес поражение его соплеменникам в Зузу. Четыре дня спустя Артавардия разгромил у Ракхи (в Парсе) обманщика Вахъяздату, который, однако, скрылся и собрал другую армию в Пишияуваде. Через шесть дней армянин Дадаршиш добился второй победы у крепости Тигры. 11 июня Ваумиса добился второй победы в районе Аутияра в Тиарийских горах, где до настоящих времен «ассирийские» христиане сохраняли свою зыбкую независимость. 30 июня Дадаршиш заявил о своей третьей победе у крепости Уяма. Насколько незначительны были эти так называемые победы, можно понять по тому, что и Ваумисе, и Дадаршишу потом пришлось ожидать личного прибытия Дария.

Сразу же после казни Фравартиша, притом что в Парсе еще полыхало восстание, Дарий оставил часть своей армии в качестве гарнизона в Экбатане и в конце апреля поспешил на север к Раге. Здесь он еще больше ослабил свои уменьшившиеся войска, послав помощь своему отцу, которому даже теперь не удавалось привести к повиновению своих собственных подданных в Парфии. Пришли вести о несущественных сражениях в Ассирии и Армении. Дарий повернул на запад у озера Урумия и Ровандузского ущелья и в конце июля

достиг Арбелы.

Сагартия, восточная часть Мидийской империи, возвращенной Фравартишем, воспользовалась случаем и восстала под руководством сагартийца Читратакхмы, который, как и Фравартиш, заявил, что является членом семьи Киаксара. Персидские и мидийские войска, оставленные для ведения гарнизонной службы в Экбатане, были брошены против него, возглавляемые мидийцем Такхмаспадой; мятежник был схвачен во время сражения, привезен к Дарию в Арбелу, где его постигла судьба Фравартиша.

Гистаспу с помощью персидской армии, посланной его сыном из Раги, удалось наконец разгромить противников нового режима в Патиграбане, и Парфия оказалась в безопасности. Через четыре дня Артавардия разбил Вахъяздату и его только что собранную армию у горы Парга. Дарию было послано сообщение о захвате самозванца, и по царскому повелению претендент на имя Бардии был посажен на кол вместе со своими главными сподвижниками в Увадайчае.

Последняя из известных нам табличек, в которой Дарий был признан царем, была написана в Сиппаре 8 сентября. На следующий день в Уруке уже была готова табличка, датированная Навуходоносором. Мятеж начался в деревушке под названием Дубала, о которой иначе никто и не узнал бы, очевидно, в Южной Вавилонии, хотя прошло какое-то время, прежде чем он мог по праву претендовать на титул «царя Вавилона», заняв столицу к 21 сентября. И хотя Дарий называл его армянином, он не был выходцем из тех арийских орд, которые незадолго до этого дали тем краям название Армения. Имя его отца — Халдита — отражает преклонение перед главным богом древнего населения Халдеи Халди, тогда как плоский нос, узкие полузакрытые глаза, прямые волосы и заостренная торчащая борода Аракхи дают дополнительные доказательства того, что на самом деле он представлял этот более древний слой общества. 27 ноября 521 г. до н. э. лже-Навуходоносор IV, подобно третьему самозванцу считавшийся сыном Набонида, был взят в плен Виндафарной (Интафреном), еще одним из той «семерки» заговорщиков. По царскому приказу он и оказавшие ему поддержку видные горожане были посажены на кол в Вавилоне. Местные жители долго помнили разграбление царских гробниц, особенно гробницы царицы Нитокрис. Во время мятежей сатрап Гобрий исчез. К 21 марта 520 г. до н. э. мы обнаруживаем в Вавилонии нового сатрапа — Гистана, как его называли греки, но для местных жителей он был Уштани, правитель Вавилона и Заречья.

Автобиография и памятник Дарию

К концу сентября 520 г. до н. э. неизвестный автор подготовил царскую автобиографию. Каждый абзац должен был начинаться со слов: «Говорит царь Дарий». Автобиография призвана была рассказать о предках Дария, о том, как Ложь стала причиной восстаний в разных странах, и о том, как он провел девятнадцать сражений и пленил девять царей, успешно возвратив себе власть: «Вот что я сделал в течение одного года после того, как стал царем». На самом деле этот процесс занял несколько больше времени — с 29 сентября 522 до 27 ноября 521 г. до н. э. Количество убитых, раненых или взятых в плен врагов, местонахождение мест сражений и их даты с точностью до дня должны доказать точность повествования.

Пусть будущий читатель не сочтет этот отчет лживым; Ахурамазда свидетельствует, что слова царя — правда. На самом деле было сделано много чего еще, что не содержится в записях, чтобы в будущем этого не казалось слишком много. «Ахурамазда и другие боги оказали мне помощь». В отличие от Зороастра Дарий не такой строгий монотеист. «Я жил праведно; ни слабым, ни сильным я не причинил зла».

Надпись была сделана не только клинописью — персидской, эламитской, аккадской: «Я делал надписи и на других языках, на арийском, что раньше не делали». Арамейский язык уже превратился в обычный язык канцелярии Ахеменидов в отношениях с западными сатрапиями, многочисленными доказательствами чего являются царские указы евреям,

начиная со времени правления Кира, которые цитировал Эзра; арамейский алфавит теперь использовали для письма по-персидски. Вавилонская клинопись в основном состояла из идеограмм, и один знак мог изображать целое слово. Сохранилось несколько идеограмм, написанных персидской клинописью. Теперь были переняты многие арамейские слова; их писали арамейскими значками, но читали как персидские слова. Так стала использоваться пехлевийская система полуидеографического письма. «Это было написано и прочтено мне» — вот не выраженное словами признание существования неизвестного автора биографии Дария. Затем эта биография была разослана во все страны. На Вавилонской стеле сохранилась одна часть ее версии на аккадском языке. Некий папирус из Элефантина указывает на то, что ее копия на арамейском языке была подготовлена для колонии еврейских наемников и, когда она износилась от частого чтения, позже была сделана еще одна копия.

Полный текст автобиографии на трех официальных языках, использовавших клинопись, — персидском, эламитском и аккадском был вырезан над тем местом, где произошло решающее сражение при Кундуруше. Ниже ее проходила главная дорога из Вавилона через Загросский горный проход и далее по плато к Экбатане; она тянулась на 105 километров на восток и скрывалась за вторым высоким горным хребтом. Выше боковой долины, ведущей с Кирманшахской равнины, цепь гор, которая прикрывает равнину с востока, резко обрывается высокой горной вершиной; отвесная скала высотой 150 метров над водоемом, питающимся водой из горных источников, стала местом, на котором был выбит этот огромный текст и вырублен сопровождающий его барельеф размером 3 × 5 метров.

Перед своим царственным протеже плывет Ахурамазда. На голове у бородатого бога надет цилиндрический головной убор с выпуклым верхом, который отличается от царского рогами, символизирующими божественность, и солнечным диском с восемью лучами — оба ассирийского происхождения. Он облачен в задрапированное одеяние, рукава которого спускаются до запястий, украшенных браслетами. В левой руке он держит кольцо, которое дает монархам верховную власть; его правая рука повернута ладонью вверх и поднята в благословляющем жесте. Он поднят высоко на огромном кольце, к обеим сторонам которого приделаны длинные, почти прямоугольные крылья, исчерченные волнистыми линиями и поделенные на три части петлями. Нечто вроде хвоста изображено в той же манере и поделено на две части; с кольца вниз направлены предметы, которые описывают как две раздвоенные молнии, но которые, вероятно, следует отождествить с когтистыми ногами египетской богини правды, изображаемой в виде стервятника.

Дарий — прекрасный ариец с высоким лбом и прямым носом стоит — в натуральную величину и имеет высоту 1,5 метра. На его голове корона войны, зубчатая золотая полоса, усыпанная овальными драгоценными камнями и розетками. Спереди его волосы тщательно завиты, а свисающие усы аккуратно подкручены на концах; на затылке волосы образуют большой узел, достигающий почти до выступающего уха. Борода квадратной формы разложена четырьмя рядами локонов, которые чередуются с прямыми прядями точно так же, как у его ассирийских предшественников. Длинное одеяние скрывает все его коренастое туловище; его укороченные рукава с заостренными концами открывают лишь толстые запястья и кисти рук, боковые складки дают возможность мельком увидеть штаны, а ниже их — короткие зашнурованные башмаки. Левая рука царя держит лук, на который надета утиная голова; его правая рука поднята в молитвенном жесте к Ахурамазде. За ним стоят царские оруженосцы — один с копьем, а другой с луком и колчаном; очевидно, это Гобрий и Аспатин. Они одеты почти точно так же, как и их повелитель, но их отличают закругленные бороды и узкие ленточки, украшенные розетками с восемью лучами.

Вниз по дороге, у Врат в Азию, более древние завоеватели приказывали изображать себя гордо попирающими простертых у их ног врагов. Такая же поза была выбрана и для Дария. Под левой ногой царя лежит на спине, подняв одну ногу в агонии, Гаумата, протягивающий к царю руки в напрасной мольбе. Перед завоевателем стоят другие

мятежники, их шеи связывает веревка, а руки связаны за спиной.

Барельеф находится так высоко над дорогой, что совершенно теряется на фоне величественного окружения. Мы задаем себе вопрос: как, по предположению Дария, его автобиографию, даже выбитую в виде барельефа на трех языках клинописью, должны были читать путешественники, находившиеся внизу? Первое впечатление от этого знаменитого памятника наверняка вызывет разочарование.

Прошел едва ли век, когда сюда приехал греческий врач одного из царственных потомков Дария. Этот Ктесий знал, что гора называется Багистан и является священной горой самого главного персидского бога, которого он называл Зевсом. Он увидел парк, орошаемый водами большого источника, скалы, высоту которых он определил как более 3 километров, надпись «сирийскими буквами» и барельеф. Но проклятие Дария было забыто; его потомки не сохранили память о его делах или даже его имени. Ктесий по неведению приписал этот памятник полумифической *ассирийской* царице Семирамиде!

Глава 9
НОВЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Запланированные правовые реформы

После двух лет тяжелой борьбы Дария наконец признали царем большей части Западной Азии. Ему была дана короткая передышка, чтобы обдумать, в каком состоянии находится огромная империя, которая так неожиданно свалилась на его голову победителя. Эти годы мятежей принесли настоящий хаос во все регионы и обнажили скрытые слабости в структуре империи. Дарий был по своей природе прежде всего руководителем, и на протяжении своего долгого и успешного правления он большую часть своей энергии посвятил этой неотложной работе по реорганизации империи.

Первый вопрос, который нужно было решить, — определиться с местонахождением столицы империи. Даже когда в Парсе полыхало восстание, казалось, он решил основать новый центр империи на своей родине. Тем временем, когда был завоеван Элам, Дарий временно поселился в Сузах, где начал возводить дворец. К концу решающего 521 г. до н. э. он был уже заселен.

Устроившись на новом месте, он обратился к первой запланированной реформе — новому закону, который должен был действовать во всей империи. В своей автобиографии, составленной в 520 г. до н. э., он объявил: «Милостью Ахурамазды в этих землях люди жили по моему закону; как им было мной велено, так они и делали». Это не было пустой похвальбой. В начале 519 г. до н. э., еще во второй официальный год его правления, мы обнаруживаем, что свод законов уже в ходу у вавилонян: «Действительно согласно царскому закону». Эта формулировка используется вместо обычного обязательства продавца в документе, регистрирующем продажу раба.

Слово для обозначения «закона» — новое. Вместо давно знакомого «решения суда» мы имеем доброе иранское слово *dat,* которое мы давно знаем как еврейское *dath* из Книги Эсфири (одна из книг Ветхого Завета. — *Пер.*); а *data sha sharri* в вавилонском документе имеет точно такое же значение, что и *datha di malka* , столь же хорошо известное выражение из указа Артаксеркса I, процитированное в Книге Эзры (пятнадцатая книга Ветхого Завета. — *Пер.*).

Можно не сомневаться в том, что законы, которые составляли Свод хороших правил, были собраны, пересмотрены, включены в новый свод законов под бдительным оком самого Дария. Так же очевидно, что новый свод законов невозможно было так быстро составить, если бы он не основывался на тех законах, которые уже были в ходу.

Вавилонские источники

Торговавшая Вавилония с самого начала письменной истории признавала главенство закона. Закон, которым руководствовались вавилонские судьи, не входил в кодекс, который существовал в понимании европейских юристов; скорее он был сродни неписаным законам англосаксов, которые основывались на таких древних прецедентах, что «память человеческая не помнит обратного». По этим прецедентам, проиллюстрированным конкретными случаями для каждой категории закона, судья формулировал свое решение в каждом конкретном случае, следуя логической аналогии. В помощь ему существовало то, что мы назвали бы журналом для записи прецедентов вроде тех, которые и по сей день используются в наших собственных юридических школах. И хотя такой свод прецедентов был опубликован царской властью и скреплен одобрением богов, по-настоящему его нельзя назвать кодексом.

В различные периоды конца 3-го тысячелетия до н. э. такие своды прецедентов составлялись на распространенном в то время шумерском языке. Обычно формулировка для каждого случая была следующей: если человек делает то-то и так-то, то для него наступают такие-то последствия. Эту же самую формулировку использовал более известный Хаммурапи, свод прецедентов которого у нас имеется практически в полном объеме. Он утверждает лишь, что он «установил справедливость и праведность в языке этой страны», то есть он перевел случаи прецедентов с шумерского на теперь принятый в обращение аккадский язык. На самом деле есть достаточно доказательств того, что в результате прогрессивного развития древний закон «случая» был адаптирован к более развитым юридическим процедурам и новым общественным и экономическим условиям.

Изначальный сборник решений был написан обычной клинописной скорописью на глиняных табличках, которые хранились в архивах Эсагилы, великом храме Мардука, владыки Вавилона. Как они выглядели, можно понять из современных им копий, сделанных на больших прямоугольных таблицах из пяти или шести колонок, которые были найдены в развалинах Экура, храма еще более древнего бога Ниппура — Энлиля. Для непосредственного использования эта подручная клинопись была написана буквами другого алфавита, все еще применяемого для письма на памятниках, и была использована в надписях на великолепной стеле из диорита, установленной в Эсагиле, где ее можно было прочитать и судье, и судящейся стороне. Законы находились под защитой бога солнца Шамаша, божественного дарителя законов, который на стеле изображен дарующим необходимую власть Хаммурапи.

Со временем эламитский завоеватель перенес стелу в свою столицу Сузы, где установил ее в храме своего собственного бога. Это не означало для Вавилонии потерю знаменитой книги прецедентов. В других городах были аналогичные стелы, а в библиотеках других храмов имелись копии. По одной из них книга прецедентов стала известна ассирийцам, которые использовали ее в качестве дополнения или, возможно, вместо своей собственной книги прецедентов более древних веков. Саргон перефразировал одно из самых известных утверждений (формулировок) в прологе Хаммурапи, и та же самая фраза («Сильные не должны обижать слабых») была буквально процитирована его правнуком царем-ученым Ашшурбанипал ом. Копии этой книги прецедентов — одна подобострастно придерживается аккадского оригинала, другая «переведена» на ассирийский — имеют библиотечную отметку принадлежности к произведениям древней литературы, собранным по приказу того же Ашшурбанипала. Они также доказывают, что в Ассирии она называлась «Судебные решения Хаммурапи», хотя в Вавилонии первая строчка этого произведения («Когда всевышний бог Ану») осталась в качестве названия без изменений, в соответствии с общепринятой нормой.

Использование собрания Хаммурапи было возможно в течение более тысячелетия, так как это был не подробный кодекс, требующий постоянных поправок, а просто список ключевых решений, принятых по прецедентам, которые можно было считать всегда имеющими силу. В качестве такового он был взят для использования персидскими

завоевателями. Кир в воззвании на аккадском языке, предназначенном для чтения вавилонянам, проявляет искреннее уважение к великому своду законов, подражая самому ее слогу. То, что это было не только на словах, доказывает документ, появившийся на третий год его царствования, который основывает решение на «царских приговорах».

Сравнение с законами Хаммурапи

Однако Дарий считал, что, как великий законодатель, он достоин стоять в одном ряду с Хаммурапи. Судьба не была благосклонной. Пока откапывали табличку за табличкой с отрывками из книги прецедентов Хаммурапи, Свод хороших правил настолько затерялся, что на самом деле необходимо доказать, что он вообще существовал. Немногие ссылки в торговых документах того времени все же подтверждают его реальность и свидетельствуют о том, что он включал определенные юридические категории, но материала недостаточно для того, чтобы проводить сравнение с трактовкой, предлагаемой в более древнем своде законов. Когда, однако, мы сравниваем аккадские тексты из некоторых частей надписей Дария с прологом и эпилогом свода законов Хаммурапи, мы обнаруживаем так много аналогий в словаре и манере изложения, что убеждаемся в том, что более молодой государственный деятель скопировал более старого, и становится возможным в большой степени воссоздать части собственного сочинения Дария.

Хаммурапи начинает свое введение с времен, «когда всевышний Ану и Энлиль, владыка небес и земли, передали Мардуку, первому сыну Энки, власть над всеми людьми, когда они произнесли благородное название Вавилона, сделали его великим на Земле и посреди него создали для него вечное царство, основы которого были тверды, как небо и земля».

В противоположность вавилонянам-политеистам Дарий был почти — хотя и не совсем — монотеистом: «Велик бог Ахурамазда, который сотворил эту землю, это небо, человека и милость для него, который сделал Дария царем, одним царем из многих, одним владыкой из многих»; «Велик бог Ахурамазда, который дал прекрасный труд, даровал милость человеку, мудрость и дружелюбие Дарию, царю».

Хаммурапи утверждает, что он правит согласно воле богов: «Тогда Ану и Энлиль назвали меня, Хаммурапи, благородного принца, верующего в богов, чтобы я способствовал распространению праведности в этой стране, уничтожал грешников и зло, не позволял сильным обижать слабых, чтобы шел вперед, подобно солнцу над черноголовыми людьми, просвещал их и увеличивал благосостояние народа».

«Я Дарий, великий царь, царь царей, царь земель, где говорят на всех языках, царь этой великой далекой земли, сын Гистаспа, Ахеменид, перс, сын перса, ариец из арийского рода», — хвастается преемник Хаммурапи. Царь Дарий говорит так: «Когда Ахурамазда увидел, что эти земли враждуют и сражаются друг с другом, он отдал эту страну мне. И меня он назначил здесь царем. Я царь. Под защитой Ахурамазды я показал им их место. И что я сказал им, то они сделали, согласно моей воле».

«Многое из того, что было злом, я превратил в добро. Были земли, которые враждовали друг с другом, их люди убивали друг друга. И я под защитой Ахурамазды сделал так, чтобы они не убивали друг друга. Я поставил каждого человека на его место, и они боялись моего решения, так что сильный не мог убивать и причинять зло *mushkinu* ». Здесь Дарий не только перефразирует известный отрывок из предыдущего свода законов, повторенный Хаммурапи как в введении, так и заключении, он использует архаичное слово для обозначения «крепостного», совершенно неизвестное из поздних вавилонских источников, хотя слишком распространенное в кодексе, в котором общественные классы не были равны перед законом.

Хаммурапи поместил свою стелу под защиту Шамаша; Дарий тоже дал понять, что его бог был реальным законодателем: «О человек, это повеление Ахурамазды, пусть оно не покажется тебе невыносимым: не отступай от праведности, не бунтуй».

Сразу же после введения Хаммурапи привел длинный перечень городов и храмов как

на территории Вавилонии, так и за ее пределами, которые он восстановил или которые воспользовались его благодеяниями. Кстати, этот список свидетельствовал о том, что его власть простиралась широко. Дарий утверждает: «Под защитой Ахурамазды эти земли я *захватил* за пределами Парсы, и я их правитель, и мне они принесли дань. И то, что было *мной* им сказано, они сделали. Мои *собственные* решения обуздали их». Обычно в этом месте следует список сатрапий, всегда исправленный, чтобы соответствовать текущему моменту. Вместо полного списка может быть такая замена: «Парса, Мидия и другие земли с другими наречиями, горные и равнинные, по эту сторону моря и по ту, по эту сторону пустыни и по ту».

От этих близких аналогий пролога мы обращаемся к похожим аналогам эпилогу Хаммурапи:

«Это справедливые решения, которые принял мудрый царь Хаммурапи и дал стране крепкую поддержку и милостивое правление. Я Хаммурапи, абсолютный царь. Я не был невнимателен и не проявлял пренебрежения к черным головам, которые Бел даровал мне и заботу о которых мне вверил Мардук. Я нашел для них мирные края, преодолел тяжкие трудности; я дал им свет. С помощью мощного оружия, которое Замама и Инанна доверили мне, с помощью широты зрения, которое Эа предоставила мне, с помощью силы, которую Мардук дал мне, я изгнал врагов на север и юг; я положил конец их набегам. Я умножил благосостояние страны. Я дал народам покой в безопасных жилищах. Я никому не позволил досаждать им.

Великие боги выбрали меня, и я являюсь защитником-пастухом, посох которого — справедливость; моя благодетельная тень простерлась над городом. На своей груди я пронес народы Шумера и Аккада, под моей защитой я привел их братьев к уверенности в завтрашнем дне. Своей мудростью я укрыл их. Сильный не должен обижать слабого; следует справедливо относиться и к сироте, и к вдове в Вавилоне — городе, голову которого высоко подняли Ану и Энлиль в храме Эсагила, основание которого прочно, как небо и земля; чтобы выносить решения для этой страны, давать справедливость угнетенным, я написал свои веские слова на стеле, и в моем присутствии справедливого царя она установлена.

Я царь, стоящий выше других царей; мои слова драгоценны, моя мудрость не имеет равных себе. По повелению Шамаша, великого судии на земле и небесах, да заставлю я справедливость воссиять на земле. Словом Мардука, моего владыки, пусть никто не отменит мои законы. В Эсагиле, которую я люблю, пусть мое имя помнят вечно.

Пусть любой притесняемый человек, у которого есть судебный иск, приходит пред мои очи справедливого царя. Пусть ему прочтут, что написано на моей стеле. Пусть он обратит внимание на мои важные слова. Да просветит его моя стела в отношении его судебного дела, и да поймет он его. Пусть она принесет в его сердце покой. Пусть он громко провозгласит: «Поистине Хаммурапи правитель, который подобен настоящему отцу своему народу. Он почитает слово Мардука, своего бога. Он добился победы Мардука на севере и юге. Он возрадовал сердце своего бога Мардука. Он обеспечил процветание народа на все времена и повел страну в правильную сторону». Пусть он от всего сердца молится моему богу Мардуку и богине Царпанит. Да сделают его мысли каждый день желанными моему богу Мардуку и богине Царпанит боги-хранители, которые входят за стены Эсагилы.

Царь Дарий говорит так: «Под защитой Ахурамазды я таков: я люблю то, что справедливо, и ненавижу то, что несправедливо. Не бывало такого, чтобы какой-нибудь крепостной создавал трудности для горожанина, и не бывало такого, чтобы какой-нибудь горожанин создавал трудности для крепостного. Я люблю то, что справедливо. Человека, который выбирает ложь, я ненавижу. Я не впадаю в гнев, а того, кто гневается, я сдерживаю от всего сердца. А того, кто чинит обиду, я наказываю в соответствии с тем, какую обиду он причинил. Не случалось такого, что кто-то нанес кому-то обиду и не был наказан. Я не верю ни одному слову человека, который не говорит правду».

Подобно тому, как Хаммурапи, приведя первый судебный иск в своем кодексе, сослался на тех, кто имеет отношение к свидетельским показаниям, Дарий здесь направляет

внимание на правила дачи показаний, которые он сам установил. Эта группа прецедентов заканчивается делом судьи, который отменил свое собственное решение; Дарий провозглашает, что он тоже беспристрастен, наказывая зло и вознаграждая добро. В персидском издании этот отрывок выглядит так: «То, что один человек говорит против другого человека, не убедит меня до тех пор, пока он не удовлетворит Свод хороших правил. То, что человек делает или совершает для других согласно своим способностям, удовлетворяет меня и доставляет большое удовольствие».

Подобно Хаммурапи, Дарий не колеблясь восхваляет себя:

«Таково мое понимание и приказ. Когда я что-то сделал, будь то во дворце или в военном лагере, вы увидите или услышите, узрите эту мою деятельность, которая выше моей мыслительной силы и понимания — это действительно мои деяния.

Пока в моем теле есть силы, я как воин хорош. В сражении я вижу, кто мне враг, а кто нет, и тогда я сначала подумаю о дружелюбных действиях, и если я увижу врага, и если увижу друга.

Умелы и мои руки, и ноги. Как всадник я хорош. Как лучник я хорош и пеший, и в седле. Я и копейщик хороший как пеший, как и конный. Ахурамазда наградил меня умениями, и у меня есть силы, чтобы их использовать; благодаря милости Ахурамазды все, что было сделано мною, было сделано с помощью этих умений, которые даровал мне Ахурамазда».

Этот отрывок из надписи на могиле Дария был переведен Александру Великому в краткой форме: «Я был другом моих друзей. Я доказал, что как всадник и лучник я лучше всех. Как охотник я был лучшим. Я умел делать все».

Дарий заканчивает свои наставления новыми указаниями своим подданным: «Слабые существа, узнайте, как я велик, как велико мое мастерство и превосходство над всеми. Не считайте пустяком то, что слышали ваши уши. Слушайте, что вам хотят сказать. Слабые существа, не считайте пустяком то, что было сделано мной. Не навлекайте на себя царского наказания».

От вавилонян Хаммурапи обратился к своим преемникам:

«В будущем на все времена пусть царь, который появится в этой стране, соблюдает слова справедливости, которые я начертал на своей стеле. Пусть он не изменяет приговоры, которые я вынес, и решения, которые я принял. Пусть он не уничтожает мои изображения. Если этот человек обладает мудростью и способен верно руководить своей страной, пусть он обратит внимание на слова, которые я начертал на своей стеле. Пусть эта стела помогает ему принимать управленческие решения, выносить приговоры, которые я объявил. Пусть он правильно управляет черными головами. Пусть он выносит судебные решения и озвучивает их. Пусть он искореняет зло и злодеев в этой стране. Пусть он способствует благосостоянию своего народа.

Справедливый царь Хаммурапи, которому Шамаш даровал законы, — это я. Мои слова весомы, мои деяния не имеют себе равных; они слишком благородны для глупца и понятны человеку умному. Если этот человек обратит внимание на слова, которые я написал на своей стеле, он не сотрет мои решения, не сокроет мои слова и не изменит мои законы, да продлит Шамаш царствование этого человека, как он продлил мое царствие справедливого царя. Если этот человек не отнесется со вниманием к моим словам, написанным на моей стеле, если он пренебрежет моими проклятиями и не испугается проклятия божьего, если он сотрет решения, которые я сформулировал, сокроет мои слова, изменит мои законы, уничтожит из написанного мое имя и напишет свое собственное, тогда да падет на него проклятие Ану (далее следует длинный список других богов)».

Дарий не страшился этих чужих богов и без колебаний поставил свое собственное имя. Но, веря в то, что проклятие всемогущего Ахурамазды окажется более действенным, чем проклятие многочисленных вавилонских божеств, он присвоил себе и использовал формулировки проклятий Хаммурапи, тогда как в других отношениях он очень похоже скопировал красноречивый призыв своего предшественника:

«Царь Дарий глаголет: Ты, кто может стать царем в будущем, остерегайся лжи. Человек, который лжет, противодействует тебе, если ты скажешь: «Моя страна останется целой».

Царь Дарий говорит так: То, что я сделал под покровительством Ахурамазды, я сделал в тот же год. Ты, кто в будущем прочтет о том, что я совершил — то, что написано на стеле, — верь мне, потому что ложь не вмещает это.

Царь Дарий говорит так: Я призываю в свидетели Ахурамазду, что это истинно, а не ложно — то, что я совершил за один год.

Царь Дарий говорит: Под покровительством Ахурамазды я сделал многое, о чем не написано на этой стеле. Это не было написано по той причине, чтобы тот, кто прочтет написанное в будущем, не сказал бы: «Это ложь».

Вот что говорит царь Дарий: Среди царей, которые были до меня, никто не совершал столько под покровительством Ахурамазды, сколько за один год совершил я.

Царь Дарий говорит так: Ты веришь тому, что я совершил, и правду говоришь людям? Если ты не скрываешь эти слова, а передаешь их людям, то да будет Ахурамазда твоим другом, пусть твое семя будет многочисленным, и пусть твои дни продлятся долго. Но если ты сотрешь эти слова, да покарает тебя Ахурамазда и да разрушит твой дом.

Говорит царь Дарий: Вот что я совершил за один год. Под покровительством Ахурамазды я сделал это. Ахурамазда оказал мне большую помощь, и другие боги тоже.

Царь Дарий говорит: Ахурамазда и другие боги потому оказали мне помощь, что я не был грешником, лжецом, я не причинял никому зла, ни я, ни мое семя. Согласно решениям, которые я принимал, ни знатным, ни крепостным я не причинил насилия.

Когда ты увидишь эту стелу и не уничтожишь изображенное на ней, а пока в твоих силах, будешь сохранять их, да будет Ахурамазда твоим другом, и да будет многочисленным твое семя, да продлятся твои дни, да продлит их Ахурамазда, и да будет все, что ты делаешь, иметь успех.

Вот что говорит царь Дарий: Если ты увидишь эту стелу и эти образы и уничтожишь их, и перед этим образом не совершишь жертвоприношение, да проклянет тебя Ахурамазда, да иссякнет семя твое, а все, что ты сделаешь, да разрушит Ахурамазда!»

Ввиду всех этих подробных аналогий не может быть никаких сомнений в том, что Дарий и его советники-юристы имели перед глазами реальную копию свода законов Хаммурапи. Вполне возможно, что он использовал оригинальную стелу, сохранившуюся в храме Иншушинака в Сузах, или, быть может, таблички поздневавилонской письменности, фрагменты которых были найдены и скопированы для перевода и адаптации. Во всяком случае, ссылка на стелу неуместна в применении к вырубленному на скале барельефу и тексту. Тогда «этот образ» относится не к фигуре Дария, побеждающего своих врагов, на скале Бехистун, а к царскому портрету, который, как и портрет Хаммурапи, увенчивал стелу. Мы можем получить некоторое представление о стеле, на которой изначально был для вавилонян изображен Свод хороших правил, взятый из отрывка аккадской версии автобиографии, выбитой на диоритовой плите, обнаруженной в северном дворце в Вавилоне.

Объясняющий отрывок, не требовавшийся на аккадском языке, заканчивает надпись, подготовленную для скалы Бехистун: «Царь Дарий говорит так: По воле Ахурамазды я сделал и другие стелы, чего не было раньше, на обожженных табличках и обработанной коже. Я приказал подписать их моим именем и приложить мою печать. Текст и приказ были прочтены мне. Затем я повелел отвезти эти стелы во все дальние края моим подданным». Так что свод законов был предназначен для всех народов Западной Азии, а не для одних лишь вавилонян. Пергамента были, разумеется, на арамейском языке; и таким образом свод законов стал доступным для всех, кто знал язык ведения торговых дел и дипломатии.

Исполнение законов Дария

Если по многочисленным надписям Дария можно воссоздать почти все введение и

заключение свода законов целиком, то о различных его разделах мы знаем мало подробностей. Кое-что мы можем почерпнуть из случайных упоминаний в вавилонских или арамейских документах или из историй, рассказанных греками или евреями. По словам Геродота, «царские юридические советники — это люди, которые были выбраны из числа персов на этот пост пожизненно или до тех пор, пока они не окажутся замеченными в каком-нибудь несправедливом деянии; они принимают решения по судебным искам персов и толкуют заповеди предков. Все сводится к ссылке на них». По выражению одного еврейского автора, эти царские судьи — «мудрецы, которые знали, как было заведено в другие времена, знали закон (*dat*) и умели выносить судебные решения, семь принцев Персии и Мидии, которые видели лицо царя и были первыми в царстве».

Дарий, подобно Хаммурапи, придавал особое значение правилам дачи свидетельских показаний. Подобно своим предшественникам, он настаивал на неподкупности царских судей. По этому поводу у Геродота есть рассказ. Один судья по имени Сизамн вынес несправедливый приговор за взятку. Камбис зарезал его, как овцу, и содрал с него кожу. Из этой выдубленной кожи он приказал сделать полосы и обтянуть ими судейское кресло его сына Отана, который был назначен на место отца — как грозное предостережение помнить о том, на чем он сидит. Ничего удивительного в том, что евреи говорили о «законе мидийцев и персов, который не меняется» и объявили, что «ни один царский указ или закон не может быть изменен».

Сандоцес, сын Тамасия, был другим царским судьей, который взял взятку. Был немедленно отдан приказ наказать его, распяв на кресте; он был уже на кресте, когда его жизнь спас необычный каприз его царственного хозяина. В своем своде законов Дарий дал ясно понять, что он беспристрастен, наказывая зло, но взвешивая добрые дела и злые. Реальный смысл этого положения передан Геродотом, который считает его чрезвычайно достойным похвалы: «По причине одного преступления даже сам царь не может убить кого-либо, и другие персы не могут наложить на своих собственных рабов наказание в виде смертной казни за одно преступление. И только тогда, когда он подсчитает их и сочтет, что несправедливых поступков больше, чем услуг, им оказанных, он может дать волю своему гневу». Так что, после того как Сандоцес уже был повешен на крест, Дарий сделал подсчет и обнаружил, что хорошего для царского дома тот сделал больше, чем согрешил против него. Поэтому он был освобожден и стал правителем эолийского города Кима.

Вавилонские документы рассказывают нам кое-что о применении законов. В одном из них говорится о чиновнике, который «выше *dat* »; его титул *iahudanu* звучит не по-вавилонски и, возможно, имеет иранское происхождение. В другом сообщается, что два чиновника ввели новую пошлину на ячмень, пшеницу и горчицу, которая уплачивалась на складе на вавилонском канале. На просьбу дать объяснения они ответили: «Так было решено и записано в присутствии судей. Согласно царскому закону царский дом должен получать пошлину». Выражаясь современным языком, вопрос о законности нового налога был поставлен перед судом; решение было вынесено согласно прецедентам в новом сборнике прецедентов и было, разумеется, в пользу правительства.

Наказания за преступления были суровыми. Разумеется, преступления против государства, личности царя или его семьи или даже его собственности карались смертной казнью. Такого рода было большинство наказаний, описанных греческими авторами; зачастую они были ужасны. О наказаниях за обычные преступления информации мало, но отрубание кистей рук или ступней ног или ослепление, по-видимому, было широко распространено.

Самая давняя ссылка на новый закон показывает, что в нем имелись правила продажи рабов. Более позднее упоминание указывает на то, что была статья закона относительно взятия на поруки: «согласно царскому *dat* о залоге». В отношении всего остального в многочисленных коммерческих документах времен правления Дария или его ближайших преемников нет ни одного намека на то, что статьи свода законов Хаммурапи не остались в силе.

Долговечность законов Дария

До конца жизни Дарий продолжал гордиться своим Сводом хороших правил. Его репутация законодателя пережила его. Для Платона Дарий был законодателем, законы которого сохраняли Персидскую империю до времени жизни философа. В 218 г. до н. э., когда давно уже правили Селевкиды, царский *dat* еще цитировали как официальный.

Если это все, что мы узнаем о содержании свода законов Дария из клинописных табличек, то, возможно, мы найдем другие ссылки или даже несколько отрывков реального труда, включенного в иранский свод законов II в. до н. э., который продолжает использовать слово *dat* для обозначения «закона», так как он называется Видевдат, Антидьявольский закон. И снова сравнение со сводом законов Хаммурапи чрезвычайно поучительно.

Хаммурапи начинает цитирование прецедентов с тех, которые относятся к даче показаний. В качестве теста на надежность свидетеля применяется испытание: обвиненного свидетеля бросали в реку. Антидьявольский закон приказывает проводить испытание кипящей водой, а апелляция подается другому богу солнца, не Шамашу, а Митре, гаранту соглашения. В случае преступления, караемого смертью, Хаммурапи наказывает лжесвидетеля смертью. Более поздний свод законов наказывает лжесвидетеля в этом мире практически равнозначно — семью сотнями ударов кнутом, а в мире загробном такими тяжкими страданиями, что они были бы хуже отрубания конечностей ножом, хуже распятия на кресте и пробивания тела гвоздями, хуже сбрасывания вниз со скалы или сажания на кол. Жестокие наказания за лжесвидетельство, когда-то введенные царским судом Ахеменидов, оказались перенесенными в жизнь иную.

Другой раздел гражданского права посвящен нападениям и побоям. Древность его положений показывает тот факт, что, подобно прецедентам, процитированным Хаммурапи, каждое начинается со слов «если человек», наводя на мысль о том, что весь раздел взят из свода законов Дария. Сначала определены термины: если человек поднимается с оружием в руке, он называется «хвататель», если он размахивает им, то он «махатель», если он ударяет человека со злым умыслом, он «ударятель»; при нанесении пятого удара он становится «негодяем», закоренелым преступником.

Наказание за то, что встал с оружием в руках, — пять ударов кнутом на первый раз, десять — на второй, и так далее до девяноста ударов кнутом. Если ему удается нанести до восьми ударов, не понеся никакого наказания, он становится закоренелым преступником и получает соответствующее наказание — двести плетей. За размахивание оружием в первый раз дают десять плетей, после чего их число увеличивается в той же пропорции. За побои до появления крови, перелома кости или смерти человека обвиняемому полагается двести плетей.

Также просматривается связь с кодексом Хаммурапи того раздела, который определяет наказания врачам. Хаммурапи заявляет, что, если врач оперирует человека бронзовым ножом и человек умирает или теряет глаз, врачу отрубят кисть руки; таким образом, ему весьма эффективно не дают возможности дальше заниматься хирургической практикой. В соответствии с нашим иранским кодексом, без сомнения взятым из свода законов Дария, смерть трех дьяволопоклонников во время обучения врача его ремеслу лишает его права практиковать в дальнейшем, а если он тогда осмелится оперировать правоверного, то наказание последует как за умышленное убийство.

Хаммурапи также установил прейскурант на различные операции, который основывался — как и среди современных хирургов — на способности людей платить. То же самое отношение взято автором кодекса и приведено в этом разделе Антидьявольского закона. Хозяин дома оценивается как дешевый бык, деревенский старшина — как бык средней стоимости, городской голова — как дорогостоящий бык, а правитель части провинции — как колесница, запряженная четверкой лошадей. Если врач лечит их жен, то плата несколько ниже: цена ослицы, коровы, кобылы или верблюдицы. Лечение наследника

большого рода обойдется в цену дорогого быка.

Согласно Хаммурапи, ветеринар, который спасет жизнь быка или осла, должен получить от владельца спасенного животного одну шестую часть шекеля, но, если от операции животное умерло, он должен заплатить владельцу четверть стоимости животного. Так и в нашем кодексе: он должен вылечить дорогого быка и получить в качестве платы цену дешевого быка, дешевого быка — за цену овцы, овцу — за цену куска мяса.

Окончательная компиляция канонического Антидьявольского закона произошла во время правления Митридата Великого, царя царей, правителя Парфии. Естественно, его особенно интересовал Митра, хранитель данного слова; так началось изложение гражданского права путем договоров. Тем не менее важно, что в более раннем источнике он на самом деле приписывает составление списка из шести форм договоров Ахурамазде, которого Дарий уже давно провозгласил истинным божественным автором своего собственного закона. В эти шесть форм входят словесный договор, «ручной» договор и договор на цену овцы, быка, человека и поля. Очевидно, составитель не понимает точное формально-юридическое значение, которое мы можем, предположительно, вложить в документы времен Вавилонии Ахеменидов. Перед тем как упомянуть договоры на доставку товаров и покупку жены, в отрывке вне всякого контекста он вспоминает об оставленных в залог и незаконно задержанных быке или предмете одежды. Что до шести видов договоров, наш составитель знает лишь то, что в списке они расположены по своей важности, что самый низший в списке договор отменяется вступлением в силу вышестоящего договора в списке, а за его неисполнение возмещение убытков последует тоже как за неисполнение вышестоящего договора. Один вопрос особенно интересует его: как долго ближайшие родственники — до девятого колена — считаются ответственными за нарушение договора? От трехсот до тысячи лет, а сам нарушитель получает от трехсот до тысячи плетей в зависимости от тяжести преступления. Тот, кто не возвращает заем кредитору, является его вором; каждый день и ночь, которые он держит собственность своего соседа в своем доме, как свою, он повторяет свой грех. В кодексе Дария кража, видимо, наказывалась в соответствии с предписаниями Хаммурапи — кратным возмещением убытков или смертью.

Хаммурапи приводит прецедент, связанный с соблазнением помолвленной девушки, которая еще жила в доме своего отца; обидчик должен быть убит, а женщина — быть свободной. Иранский юрист смотрит на такой случай несколько иначе: если мужчина соблазняет девушку, зависящую от главы семьи или нет, обещанную другому мужчине или нет, и если она от него понесла, то она не должна делать аборт, боясь позора перед людьми; иначе и ее отец, и она сама понесут наказание за умышленное убийство. Если она сообщит о своем положении своему соблазнителю, и он посоветует ей прибегнуть к услугам старухи, и посредством ее снадобий произойдет аборт, виноваты все трое. Соблазнитель должен содержать ее, но лишь до того времени, пока не родится ребенок; пока еще нет и намека на публичное признание ребенка или последующую женитьбу. Если он не захочет содержать ее и ребенок умрет, то это преднамеренное убийство.

Из вавилонских документов того времени, из официальных записей Ахеменидов, из произведений греческих авторов и более поздних иранских кодексов мы собрали различные подсказки, указывающие на содержание закона Дария. Основным критерием был договор или умышленно переработанные прецеденты, приведенные Хаммурапи. Такой критерий уже прояснил элементы так называемого Договорного кодекса у евреев, которые таким образом тоже зависят от Хаммурапи; схожий критерий был применен к Дарию. Позже может быть обнаружен другой материал, но здесь представлено фактически все, что можно было собрать о когда-то известном Царском законе, подготовленном для Дария.

Принудительное проведение реформы

Как работали новые реформы, можно проследить по вавилонским документам. Кир оставил внутреннее управление без изменений, и местные чиновники сохранили свои

должности. Но его попытка влить новую жизнь в древние формы оказалась неудачной. Дарий приступил к широким реформам. К 21 марта 520 г. до н. э., как мы уже видели, Гобрий был смещен с поста сатрапа Вавилона и Заречья и заменен Гистаном. Вскоре персы появились на второстепенных постах и стали сидеть вместе с местными представителями на судейской скамье. Новые налоги вызвали появление новых чиновников.

Эти реформы может проиллюстрировать дело нашего старого знакомца, проходимца Гимиллу, сына Иннинашум-ибни, который, как мы теперь узнаем, был не кто иной, как крепостной богини Урук. В течение так называемого «первого года» правления Дария с 9 сентября по 27 ноября 521 г. до н. э. в Вавилонии полыхало восстание под предводительством последнего Навуходоносора. Гимиллу воспользовался последовавшим за этим крахом административной системы. Он получил 1000 *kur* семенного ячменя, 200 быков, приводивших в движение ирригационные механизмы, и железо для их изготовления. В обмен на это он должен был поставить Урукскому храму 10 тысяч *kur* ячменя и 12 тысяч *kur* фиников. После сбора урожая он отказался выплачивать долги, сказав, что не будет ничего платить, пока ему не дадут еще 400 крестьян, 600 быков и еще одну 1000 *kur* семенного ячменя. В этом случае он отдаст потом 10 тысяч *kur* ячменя и 12 тысяч *kur* фиников. «В противном случае я их не отдам. Дайте мне право на сдачу их внаем!» Но времена изменились. Такой же крепостной, который отвечал за «корзину» Эанны, предложил лучшие условия и 12 июля 520 г. до н. э. получил договор, который был передан ему в присутствии жителей Вавилона и Урука тремя высокопоставленными чиновниками: Белиддином — управляющим Эанной, Нергалшарусуром — его помощником и Барики-или, представителем царя.

Боясь ареста, Гимиллу бежал, но перед этим он передал документы с датами и платежами по полям, принадлежавшим богам Урука, своему брату Иддине. Жена Иддины Андия оставила эти документы в доме раба, который их похитил. Те же самые высокопоставленные чиновники потребовали документы. В присутствии собрания горожан Иддина поклялся Белом, Набу и царем Дарием, что их никто не брал, по крайней мере, он об этом ничего не знает. Когда его спросили, почему он не отдал документы кому следует, Иддина оправдал свои действия, заявив, что Гимиллу сам предупредил его: «Никому не отдавай эти документы!» С такими последними словами открытого неповиновения законным властям Гимиллу исчезает из поля нашего зрения.

Но документы были найдены. 3 сентября 529 г. до н. э., в тот же день, когда был написан последний документ, был составлен еще один, в котором было записано количество фиников, которые Гимиллу получил за последний год. Законная власть победила.

Глава 10
ИЗ ИНДИИ В ЕВРОПУ

Связи с европейскими греками

Еще до овладения Египтом Дарий подумывал о новых завоеваниях, чтобы округлить границы своей империи. Среди пленников, привезенных в Сузы, из числа слуг Ороэта был его личный врач, знаменитый Демосед из Кротона (Италия). О нем, затерявшемся в толпе рабов, вспомнили, когда египтянам, которые тогда обладали монополией на врачевание при дворе, не удалось вылечить растяжение связок ступни у царицы. И хотя он получил богатую награду и место за царским столом, Демосед думал только о доме. Благодаря посредничеству своей пациентки царицы Атоссы он убедил царя отправить его из Сид она на западное побережье с целью провести предварительный его осмотр. И хотя он сам бежал в Кротон, сопровождавшие его персы в конечном счете вернулись к Дарию с первыми сообщениями о европейских греках.

К счастью для Дария, как раз в это время в Сузах находился другой грек — Силосон,

брат Поликрата, который, будучи высланным с Самоса в Египет, отдал свой красный плащ копьеносцу Камбиса. Теперь, когда Дарий стал царем, Силосон напомнил о себе, царском благодетеле. Он не желал никакой другой награды, кроме возвращения на Самос. Ответственным за экспедицию был назначен Отан, а противники Силосона согласились покинуть остров без борьбы. Вероломное нападение на головной отряд персов заставило Отана истребить население Самоса, хотя позднее он помог Силосону с переездом.7 Был сделан первый шаг к завоеванию европейских греков.

Националистические движения в Иудее

Египет восстал, и его следовало вновь покорить. В качестве предварительного шага к успешному вторжению в Египет следовало прочно удерживать территорию, которая контролировала путь через пустыню к Нилу. Сирия была частью провинции Заречье, которая со времен завоевания Кира оказалась административно присоединенной к Вавилонии; объединившись, они образовали сатрапию Вавилон и Заречье. Ее лояльность, вероятно, была серьезно скомпрометирована двумя восстаниями в Вавилоне под предводительством двух Навуходоносоров. Если бы Палестину, единственный имеющийся в распоряжении персов плацдарм в пустыне, мог удержать в повиновении еврейский принц, который был обязан своим положением царской милости, вторжение в Египет должно было пройти так же гладко, как и при Камбисе.

При дворе Дария находился юный Зерубабель, сын Шеалтиля, старшего сына Иехонии, бывшего царя Иудеи, которого Амель-Мардук в качестве протеста против политики своего отца Навуходоносора планировал восстановить на троне. Этот Зерубабель был выбран правителем Иудеи. Вскоре после празднования Нового года 3 апреля 520 г. до н. э. он выехал с царского двора и менее чем через четыре месяца добрался до Иерусалима где-то в начале августа. Прибытие отпрыска рода Давидов разбудило националистические надежды. Вскоре после своего приезда, 29 августа, с Зерубабелем и верховным жрецом Иошуа, сыном Иехозадака, встретился пророк по имени Хаггай, который принес им «слово Божие». Восемнадцать лет спустя после заложения фундамента люди все еще оправдывались, говоря: «Еще не настало время строить дом Бога». Хаггай стал неистово упрекать их: «Как вы сами можете жить в хороших домах, когда *этот* дом стоит в развалинах?» Он объявил, что по этой причине Бог отказался благословить их на процветание; пусть они взойдут на гору и нарубят деревьев, чтобы построить ему дом, и тогда Бог будет доволен и явит Свое сияние.

Такое действие предвещало мятеж, намек на который содержался в последней фразе. Тем не менее работы по восстановлению начались 21 сентября, а шесть дней спустя был установлен и начал использоваться алтарь для жертвоприношений. Но новая постройка была настолько явно хуже старой, что старики, которые в молодости видели храм Соломона, плакали. Для противодействия этому чувству разочарования 17 октября Хаггай объявил новое «слово Божие»: «Кто среди вас видел этот дом в былые дни и каким он вам кажется теперь? Разве он не кажется вам жалким? Все равно будьте сильными и трудитесь, ибо я с вами, и мой дух обитает среди вас. Не бойтесь! Ведь так глаголет Господь Воинств: Еще немного, и я потрясу небеса и землю, море и сушу; я потрясу все народы. Также и сокровища всех народов придут, и *этот* дом я наполню богатством. Серебро и злато — мои; будущее богатство этого места будет больше, чем былое, и на *этом* месте я воцарю мир».

Те, кто были против этого безумного проекта — объявить о независимости Иудеи, могли ссылаться на вести об одной победе Дария за другой над различными мятежниками, объявлявшими себя местными царями. Среди этих противников был, очевидно, верховный жрец, который больше всех был в курсе текущих событий и после столь длительного признания единственным официальным главой еврейской общины едва ли был готов одобрить подчинение земному монарху.

---

7 Если Геродот прав, говоря, что восстание в Вавилоне произошло во время экспедиции на Самос, то тогда она состоялась в 521 г. до н. э.

Через несколько дней после предсказания Хаггая, где-то после 27 октября, его поддержал Захария, сын Иддо, который сам был жрецом. К этому дню писания пророков, которые жили во времена царства, стали поистине каноническими, и к ним воззвал Захария от имени Бога: «Не уподобляйтесь своим отцам, которым проповедовали предыдущие пророки: «Так глаголет Господь Воинств: Отвратитесь от ваших грешных привычек и деяний». Но они не прислушались ко мне. Ваши отцы, где они? И пророки, живут ли они вечно? Но мои слова и законы, которые я дал своим слугам и пророкам, разве они не овладели вашими отцами? Они раскаялись и сказали: «Как Господь Воинств предложил нам поступать по обычаям и делам нашим, так он и поступил с нами». Их потомки должны слушать Хаггая, как предыдущие пророки — того, кто произносил «слово Божие».

Тем временем представители смешанного населения, переселенного ассирийцами в Шехем, предложили принять участие в восстановлении храма. Предложение было сделано по доброй воле, потому что со времени депортации переселенцы поклонялись местному еврейскому богу, хоть и сохранили своих былых богов. Иошуа был, видимо, склонен принять их помощь, так как на протяжении всего царствования Ахеменидов верховные жрецы были обычно в хороших отношениях со своими соседями-самаритянами. Хаггай же, напротив, был не предусмотрительным руководителем, а неистовым пророком, жестким монотеистом и ярым националистом. 18 декабря он издал официальное предостережение от осквернения, которое будет навлечено на народ в случае принятия предложенной помощи. В тот же день появилось второе пророчество. Когда-то раньше он провозгласил, что небо и земля содрогнутся. К этому теперь добавились низвержение тронов языческих царств, уничтожение их народов, опрокидывание колесниц со своими седоками; кони и их наездники падут каждый от меча своего брата. Как символ того, что Иехонию покинул Бог, Иеремия использовал сорванное с пальца кольцо; для его внука символ был обратный: «В тот день, говорит Господь Воинств, я возьму тебя, о Зерубабель, слуга мой, и дам тебе знак».

Крушение надежд вавилонян на независимость после пленения и смерти второго Навуходоносора лишь еще больше подстегнуло ожидания еврейских националистов. К концу года из Вавилона в Иерусалим выехали четыре человека. Они везли золото и серебро, из которых впоследствии была сделана корона для долгожданного царя евреев. Их прибытие было объявлено Захарией 15 февраля 519 г. до н. э. в длинном пророчестве, полном апокалиптических образов. Тайна была отброшена; благодаря толкованию имени Зерубабеля через игру слов — «семя Вавилона» предполагаемый монарх был указан: «Так глаголет Господь Воинств: Узрите человека, имя которого Стремительный рывок, ибо он взлетит высоко и построит храм Божий. Он получит величие и будет править на своем троне». Другие пророки, имена которых неизвестны, выступили даже с еще более поэтическими обращениями для признания Стремительного рывка.

Живя при царском дворе, Зерубабель, вероятно, хорошо узнал силу персидской армии. Его долгое путешествие в Иерусалим дало ему еще больше знаний об империи. Поэтому его не могла соблазнить предложенная корона. Но фанатики если и непрактичны, то настойчивы; своими распространившимися пророчествами они поставили его в такое двусмысленное положение, что его на полном основании можно было обвинить в государственной измене своему царственному покровителю. То, что верховный жрец был по явно эгоистическим причинам холоден к попытке возвысить своего соперника, заставляло быть осторожным.

И хотя фанатики готовили для Зерубабеля независимое царствование, на самом деле он был лишь третьесортным правителем. Его непосредственным начальником был Таттенай, правитель Заречья, который, в свою очередь, подчинялся Гистану, сатрапу Вавилона и Заречья. Намеки на планируемый мятеж обратили на себя внимание царя; мы можем даже заподозрить, что сам верховный жрец не остался в стороне от этого. Когда все евреи были заняты на работах по реставрации храма, неожиданно появился Таттенай и потребовал: «Кто дал *вам* разрешение строить этот дом и заканчивать этот фундамент?» К его удивлению, старейшины смело ответили: «Мы слуги Господа небесного и земного. Мы восстанавливаем

дом, который был построен много лет назад великим царем Израиля. Но после того как наши отцы прогневали Бога небесного, он отдал их в руки Навуходоносора, царя Вавилона, халдея, который разрушил этот дом и выселил людей в Вавилон. Но в первый год своего правления царь Вавилона Кир издал указ о восстановлении этого храма Божьего. А золотые и серебряные сосуды храма Божьего, которые Навуходоносор забрал из храма в Иерусалиме и отдал храму в Вавилоне, Кир взял из храма Вавилонского; они были доставлены человеку по имени Шешбассар, которого он сделал правителем. И он сказал ему: «Возьми эти сосуды и верни их в храм Иерусалимский, и пусть дом Божий будет заново построен на его месте». Тогда пришел этот Шешбассар и заложил фундамент дома Божьего, что в Иерусалиме. И с того времени по настоящий момент он строится и еще не закончен».

Очевидно, Таттенай не поверил им, несмотря на умелую ссылку на Навуходоносора, которая наверняка должна была вызвать в памяти двух мятежников, носивших одно и то же имя, которые были усмирены. Однако он не мог немедленно отбросить утверждение, что восстановление храма было санкционировано самим основателем империи. Поэтому он приготовил отчет: «Таттенай, правитель Заречья, Шатрабурсана (вероятно, секретарь арамейского происхождения с иранским именем) и действующие чиновники Заречья — царю Дарию, мир тебе! Да будет известно царю, что мы ездили в провинцию Иудея к дому великого Бога, который строят из тесаных камней и дерева; и работы выполняются с усердием». Это было необычно крепкое сооружение; храм мог служить крепостью во времена бунтов, и правитель определенно намекнул на то, что, по его мнению, работа должна быть остановлена. Он уже записал имена старшин, которые руководили работами, готовый наказать их, если их утверждение окажется ложью. В заключение он написал: «А теперь, если царь сочтет это правильным, пусть в царских архивах в Вавилоне поищут указ, который якобы издал Кир о строительстве этого храма в Иерусалиме, и пусть царь выразит нам свою волю по этому вопросу».

Согласно принятой процедуре, отчет Таттеная прошел через руки его начальника, сатрапа Вавилона. Был проведен поиск в «доме книг» — в Вавилоне и Персеполе. Когда такой указ не был найден, вспомнили — к счастью для еврейских старейшин, — что перед началом его первого года правления Кир возвратился в Экбатану. Тогда поиск продолжили в крепости этого города, и их заявление подтвердилось. Настоящий указ на самом деле не был найден, но перечень указов был на месте. Датированным первым годом правления Кира оказалось извлечение из указа о восстановлении разных храмов, один абзац которого гласил: «Что касается дома Божьего в Иерусалиме, пусть он будет построен на том месте, где они всегда делают жертвоприношения; его высота должна быть 27 метров и ширина 27 метров с тремя горизонтальными рядами кладки из больших камней и одним — из дерева. И пусть он будет построен за счет царской казны. К тому же пусть золотая и серебряная утварь храма Божьего, которую Навуходоносор забрал из храма Иерусалимского и привез в Вавилон, будет возвращена храму Иерусалимскому, и каждый предмет пусть окажется на своем месте в храме Божьем».

Старейшины были полностью реабилитированы. Кир действительно санкционировал отстройку храма, а указом основателя империи нельзя было так просто пренебречь, особенно узурпатору, трон которого был еще шатким. К тому же еврейская община была небольшой, и ею управлял личный представитель царя, которому не следовало позволять втянуть себя в безнадежное восстание кучкой пророков с безумными глазами. Во всяком случае, Дарий собирался лично посетить Иудею до конца года. Он уже показал себя во всем своем царском великолепии, даже пророки должны понять, что мятеж уже больше невозможен.

Дальнейшие победы Дария

Этот же 519 г. до н. э. увидел новые победы Дария, которые были внесены в хроники. Когда Атамайта (Атта-хамиту) в Эламе начал мятеж, Гобрий задавил его в зародыше; мятежник был привезен к Дарию и по его приказанию предан смерти. В этом же году Дарий

вторгся в земли восточных скифов, пересек на плоту Каспийское море и нанес жестокое поражение сакам, «носящим остроконечные шапки». Беглецы были переловлены, связаны и отданы царю, чтобы встретить смерть, как и их вождь Скунка. Массагеты получили возмездие за то, что убили Кира, но время еще не пришло для организации второй скифской сатрапии: «По своей воле я назначил другого вождя; потом эта земля стала моей». Теперь сатрапия была разделена на Саку болотную и Саку равнинную.

Место на Бехистунской скале было использовано полностью. Теперь литература уступила место портретному искусству, и часть боковой надписи была срезана, чтобы добавить Скунку девятым к восьми мятежникам. На его голове надет дурацкий колпак высотой в половину роста самого Скунки, который дал его народу прозвище Кауда-тигра-барати — «носящие остроконечные шапки». Волосы на его затылке забраны в жесткий поднятый вверх завиток, заканчивающийся узлом; его ниспадающая борода необычно длинная; на нем надеты башмаки и короткая юбка. К пятой колонке текста было сделано дополнение. После этого последнего исправления вся поверхность скалы внизу была тщательно отшлифована, чтобы помешать напрямую добраться до надписи. Эта мера предосторожности спасла надпись и барельеф от вандализма, но она же и отсрочила изготовление ее точной копии до наших дней.

Мир в Египте и Палестине

Зимой 519/18 г. до н. э. Дарий отправился в поход на запад. На его пути лежала Палестина, и, без сомнения, он достаточно долго медлил с улаживанием ее дел. Возможно, у нас есть скрытое указание на то, что случилось, в пророчестве, которое Захария озвучил около года спустя: «До этого нельзя было нанять ни человека, ни животное [их привлекали на военную службу], и от врага не было безопасного места никому». Зерубабель, очевидно, был призван к ответу и казнен как мятежник, так как его имя исчезает из наших источников.

Решив еврейскую проблему, Дарий выбрал дорогу через Аравийскую пустыню и без помех добрался до Мемфиса. Его жители оплакивали смерть быка Аписа, обнаруженного во времена царствования Камбиса и умершего совсем недавно, 31 августа 518 г. до н. э. Полный решимости вернуть себе своих непокорных подданных, царь приказал выдать сто золотых талантов тому местному жителю, который найдет нового быка Аписа. Пораженные такой щедростью по отношению к своему богу, люди больше не помышляли о восстании, а подчинились Дарию. С почестями, которые оказывались всем его предшественникам, мертвый Апис был похоронен 8 ноября, хотя на стеле не значилось, как обычно, «имя Гора» перед именем Дария. Почти сразу же после этого Дарий покинул Египет, восстановив на посту сатрапа Ариандеса.

Дарий уже приготовил свод законов для Западной Азии. В Египте он обнаружил, что его там ожидали. Местные жители не только приписывали авторство законов Менесу, основателю объединенного царства на Ниле (совсем как евреи, которые приписывали авторство законов своему Моисею), но более поздние изменения в них приписывали таким монархам, как Сесострис, Шисхак и Бокхорис. Амасис планировал провести нормирование и стандартизацию египетских законов, но умер, прежде чем проект зашел достаточно далеко. Камбис обсуждал этот план, но расстался с жизнью по дороге домой.

До 30 декабря 518 г. до н. э. Дарий написал своему сатрапу Ариандесу: «Пусть ко мне доставят знающих людей из числа воинов, жрецов и писцов египетских, собранных из храмов, и пусть они запишут былые законы Египта до XLIV года во время правления фараона Амасиса. Законы фараона и людей пусть доставят сюда». В отличие от предыдущих кодексов свод законов Дария не должен был быть ограничен царскими указами; религиозная практика — то, что мы назвали бы «канонический закон», — и еще не оформленный письменно обычный порядок осуществления действий тоже должны были быть стандартизированы.

Проведя несколько месяцев у Нила, Дарий возвращался домой. По дороге он имел

возможность увидеть, что в Иерусалиме все спокойно. Надежда на воцарение национального царя была жестоко разбита, и с этого момента нужно было только приглядывать за верховным жрецом, единственным, кто был признан главой еврейского народа. Теперь устремления евреев сплотились вокруг Иерусалимского храма, завершить строительство которого мудро позволил Дарий. Захария в своем последнем записанном пророчестве 6 декабря 518 г. до н. э. оставил все мысли о мятеже и объявил, что народный Бог вернулся в свое старое жилище; только одним своим присутствием он принесет своим верующим неслыханное процветание. 12 марта 515 г. до н. э. строительство храма было действительно закончено — и народ утихомирился.

По всей вероятности, причиной столь короткого визита Дария в Египет стало то, что он получил весть с родины. Виндафарна, сын Вайаспары, стоял во главе заговорщиков, которые помогли Дарию узурпировать трон. Он утихомирил мятеж второго Навуходоносора, и на Бехистунской скале его имя стояло первым в почетном списке. Но он узнал, как легко можно завоевать себе трон, и решил попытать счастья для себя. Мы не знаем, когда он расстался с жизнью; греческий поэт Эсхил вставил Марафиса и Артафрена в перечень законных монархов, царствовавших в период между Мардосом (Бардией) и Дарием.

«Пока его величество Дарий был в Эламе, — снова подхватывает свой рассказ Уджахорресн, — он был великим царем всех чужеземных стран и великим монархом Египта — он приказал мне вернуться в Египет, чтобы восстановить часть разрушенного Дома жизни, связанную с медициной». Рассказчик подчинился этому приказу, так как «чужеземцы возили меня из страны в страну, и наконец мы прибыли в Египет, как повелел владыка двух стран. Я выполнил то, что приказал мне его величество. Я нашел кадры, сыновей видных людей — ни одного сына бедняка среди них не было. — Уджахорресн снобистски хвастается. — Я отдал их на попечение ученых мужей, чтобы те обучили их своим ремеслам. Его величество распорядился, чтобы им было дано все самое лучшее, чтобы заниматься своим делом. Я дал им все, что им может пригодиться, и инструменты, указанные в списке, какими пользовались раньше. Его величество сделал это, потому что знал, какое благородное это дело — помогать больному поправиться, навеки прославить имена всех богов, их храмы, жертвоприношения и праздники».

Завоевание Западной Индии

Со времен Кира Гайдара была самым восточным завоеванием Ахеменидов, единственной индийской территорией, находившейся еще под их властью. Из административных соображений она была присоединена к Бактрии, и лишь незадолго до 508 г. до н. э. она стала независимой сатрапией не под своим древнеиранским названием Парупаресанна, а под местным — Гайдара. Название большого города Гасака («Сокровище») намекало на богатство, которое сделало город Газни знаменитым в арабском мире в Средние века; но столицей был город Пукхала («Город лотоса»). После завоевания и образования сатрапии Хиндуш Гайдара сильно утратила свое значение. Но на всей индийской территории были найдены лишь несколько знаменитых золотых дариков (высокопробная персидская золотая монета, основа денежной системы державы Ахеменидов. — *Пер.*). Столица Пукхала уступала индийской столице Таксиле.

К юго-востоку от Гайдары простирались сказочные равнины Индии, знаменитые золотым песком, нанесенным ее реками. Были посланы шпионы с заданием совершить путешествие из Каспапируса (Гандарийская Пактика), расположенного в верховьях судоходного притока Инда Кабула, к его устью, где Инд впадает в Индийский океан. Тридцать месяцев спустя шпионы проплыли вдоль всего южного побережья Ирана, вышли из Персидского залива, полностью обогнули Аравийский полуостров и достигли порта Суэц. Капитаном их корабля был кариец Скилакс из Карианды, который после своего возвращения опубликовал на ионийском диалекте греческого языка свои записки *Periplus* , или «Кругосветное плавание», которые дали Западу первую достоверную информацию о

живущих на Востоке народах и вдобавок послужили впоследствии образцом для произведений географов и историков.

Информация, привезенная шпионами, склонила царя предпринять попытку других завоеваний на Востоке. Западная Индия была завоевана и до 513 г. до н. э. превратилась в сатрапию Хиндуш, которая вскоре стала поставлять в качестве ежегодной дани 360 талантов золотого песка. Открылась морская торговля; вскоре, как мы узнаем, некая индийская женщина по имени Бусаса открывает в Кише постоялый двор под полицейским надзором. Но Хиндуш — это еще не вся Индия. Провинция получила название по названию своей самой большой реки, могучего Инда (Синдху), и включала только территории вдоль его берегов и берегов его притоков. Сатрапия протянулась на восток до Ганга; даже река Гидасп, которая позднее стала границей царства Таксила, не упоминается ни разу. Во времена Геродота восточной границей оставался песчаный пояс, который в наши дни разделяет северную половину полуострова на Восточную и Западную Индию. Власть персидских Ахеменидов никогда не распространялась на юг огромного полуострова; так, Индия в описаниях современников была ограничена долиной Инда.

Строительство канала в Египте

В эпоху Среднего царства был вырыт канал от Факуссы на Пелусийском рукаве Нила для орошения плодородной вади Тумилат (вади — арабское название сухих русел рек и речных долин временных или периодических водных потоков, заполняемых, например, во время сильных ливней. — *Пер.*), расположенной на востоке, где позднее в Гошене поселились евреи. Нехо (фараон Саисской династии, правивший в 610–595 гг. до н. э. — *Пер.*) тщетно пытался продлить его через Горькие озера к Суэцкому заливу в качестве этапа той исследовательской политики, которая привела к плаванию финикийцев вокруг Африки. Совершив путешествие через Аравийскую пустыню в 518 г. до н. э., Дарий продолжил свой путь через вади Тумилат и таким образом увидел этот незаконченный канал. Его интерес оживился надеждой на более дешевый и прямой морской путь в Индию, и он принял решение завершить начатое.

Выкопанное по приказу Нехо было занесено песком. Сначала все нужно было расчистить и выкопать колодцы для рабочих. Когда, наконец, канал был открыт, он имел 46 метров в ширину и такую глубину, чтобы могло пройти торговое судно. Этот предшественник Суэцкого канала можно было переплыть за четыре дня.8

В память об осуществлении такого масштабного проекта через определенные промежутки на берегах канала были поставлены огромные стелы из красного гранита, которые должны были радовать глаз путешественника. На одной стороне дважды изображенный Дарий держит в руках свиток с написанным на нем клинописью своим именем под символом защиты Ахурамазды. На трех языках клинописью начертано: «Я перс. Придя из Парсы, я захватил Египет. Я приказал, чтобы этот канал был вырыт от реки под названием Нил, которая течет в Египте, до моря, которое начинается у Парсы. После того как этот канал был вырыт по моему приказу, корабли стали ходить по нему из Египта в Парсу, согласно моей воле».

На обратной стороне помещена более полная версия на египетском языке. Под изображенным спереди египетским солнечным диском, который в конечном счете изначально был символом Ахурамазды, протекают два Нила в традиционном ритуале «соединения двух стран». Один говорит Дарию: «Я дал тебе все земли, всю Финикию, все иноземные страны; все склонились перед тобой»; другой: «Я дал тебе все человечество, всех людей, все народы островов и морей». Использованные слова известны завоеваниями времен Восемнадцатой династии, но здесь они стоят для соответствия современной тому времени

8 Однако Диодор утверждает, что строительство канала не было завершено, потому что царю сказали, что уровень воды в Красном море выше, чем в Ниле, и поэтому Египет окажется затопленным, если канал действительно откроют!

географии. Царю дарованы «вся жизнь, богатство, здоровье, радость, приношения, подобные приношениям Ра, вся пища, все, что есть на земле хорошего, даже быть царем Верхнего и Нижнего Египта, подобно Ра, вечно; все земли и иные страны в знак благоговения перед ним».

Далее идет список сатрапий — их названия взяты из оригинала на арамейском языке. В хорошей египетской манере, подражающей спискам могущественных царей Восемнадцатой и Девятнадцатой династий, каждое название изображено в виде орнамента, зубцы которого указывают на завоеванный город; пленники в разных головных уборах стоят на коленях в благоговении. Дарий действительно царь царей, сын Гистаспа, великий царь, но он также носит и все древние египетские титулы. Он рожден от богини Нейт, покровительницы Саиса (тонкий комплимент Уджахорресну); он также являет собой образ Ра, который посадил его на трон, чтобы он завершил начатое. Когда он был в материнском лоне и еще не вышел на свет, ему было даровано все, что есть под солнцем, которое ходит по кругу, так как Нейт признала его своим сыном. Она пообещала ему, что с луком в руках он будет побеждать своих врагов каждый день, как она пообещала это своему сыну Ра. Он могуч, уничтожая своих врагов во всех странах, как сын Нейт он расширяет границы своих владений; народы с готовой данью предстают перед ним.

После упоминания города Парсы и Кира текст на стеле рассказывает о том, как обсуждалось строительство канала и как эта задача была выполнена. В Парсу были отправлены двадцать четыре корабля с данью. Далее следуют приветствия Дарию и написано, что были отданы распоряжения о возведении этих стел; ничего подобного раньше еще не было.

Война со Скифией

Пока египетские крестьяне рыли канал, Дарий подготавливал свою первую экспедицию в Европу. Незадолго до этого Ариарамн, сатрап Каппадокии, переплыл Черное море и произвел разведку северных его берегов для подготовки к нападению на европейских скифов. Дарий, соответственно, решил попытаться вторгнуться в их земли и лично возглавил армию. Выступив из Суз в 513 г. до н. э., он пересек Босфор по мосту, построенному Мандроклом с острова Самос, земляк которого Херил написал «О переправе Дария по мосту» (ведь к этому времени Самос полностью признал власть персов). На берегу были поставлены две стелы, одна с текстом на греческом языке, а другая с текстом, написанным «ассирийской» клинописью, — и на каждой свой список покоренных народов. Шестьсот кораблей, укомплектованных командами, состоявшими в основном из вассальных греков с материка и островных городов-государств, были посланы переплыть Черное море и дойти до Истра (древнегреческое название нижнего течения Дуная с VIII в. до н. э. — *Пер.*), где был построен второй мост. Здесь были покорены геты, а оставшиеся фракийцы сдались.

Переправившись через реку, армия вошла в Скифию, захваченную иранскими кочевниками, которые всегда жили в седле и возили свои семьи в повозках с навесами, запряженных быками. Спустя век их побережье было заселено колонистами из Милета, которые обменивали предметы роскоши на зерно. Но греческое искусство мало изменило дикие обычаи скифов. Они получали удовольствие от забродившего кобыльего молока, которое они пили из чаш, сделанных из человеческих черепов. Они также выпивали кровь первого убитого врага; его кожа шла на колчаны, а скальпы врагов они использовали в качестве салфеток и предметов одежды. Договоры скреплялись кровавой клятвой. Когда умирал вождь, убитых всадников сажали на умерщвленных коней, и ставили коней вокруг тела, покоившегося на колесах от колесницы; его наложниц, виночерпия, повара и скаковых лошадей убивали, чтобы они сопровождали своего хозяина в мир иной. Вокруг него устанавливали копья, на которые натягивалась крыша из шкур и досок; рядом с ним клали золотые кубки, выменянные у греков, и на все это насыпали могильный курган. Многие из таких курганов уже раскопаны.

Прорицания делали евнухи с помощью ивовых прутьев. Они чтили многих богов, но лишь у бога войны были места поклонения и алтари; его изображением служил древнеиранский меч, который устанавливали вертикально в вязанке хвороста, и ему приносили в жертву лошадей, а также людей.

При приближении Дария скифы опустошили свои земли и скрылись. Их конные лучники изводили его войска до тех пор, пока Великий царь не оказался вынужденным уйти. К счастью для него, ионийские греки охраняли мост сверх назначенного срока, и Дарий получил возможность вернуться через Фракию в Сестос, откуда он через Геллеспонт перебрался в Азию, оставив 80 тысяч воинов под командованием Мегабаза, сатрапа Даскилея, продолжать войну (513 до н. э.).

Образование Ливийской сатрапии

В это самое время Аркесилай, который сдал Кирену Камбису, был убит в Барке. Его мать Феретима обратилась к Арианду, сатрапу соседнего Египта. Этот случай нельзя было упускать. Чтобы внушить всему этому региону лояльность, требовались лишь местные вооруженные отряды — армия под командованием Амасиса и флот под командованием Бадреса из племени пасаргад. Город Барка сдался после девятимесячной осады, но с помощью уловки Амасис нарушил клятву; видные городские деятели были выданы разъяренной Феретиме, которая ужасно изувечила их женщин и, посаженных на кол, выставила их вдоль стен вместе с мужьями. Оставшихся жителей Амасис забрал в рабство и отправил к Дарию в Сузы, позднее они были сосланы в один из городов Бактрии, который они переименовали в Барку.

Настоящей целью экспедиции было завоевание ливийцев, из которых мало кто признавал зависимое положение. Во время девятимесячной осады Барки персидские войска проникли на запад до Евсперид (ныне Бенгази). И хотя персы понесли большие потери при отступлении, некоторые местные жители покорились; и греки с ливийцами вошли в новую сатрапию, которой было дано название Путайя (512 до н. э.).

По-видимому, стелы у канала начали изготавливать на обратном пути. На них было оставлено место только для двадцати четырех сатрапий, но это было на одну больше (Индия), чем в перечне, приведенном в автобиографии. «Те, что у моря» и Гайдара (хотя последняя была страной, из которой Скилакс отправился в долгое морское путешествие до запланированного выхода из Египетского канала) были пропущены, уступив место новым сатрапиям Кушия или Эфиопия и Путайя или Ливия. Парса еще считалась одной из сатрапий, и Сака считалась единой, хотя деление на болота и равнину признавалось.

Завоевание подступов к Греции

Тем временем Мегабаз начал систематическую расчистку пути к Европейской Греции. Перинф (самосская колония во Фракии. — *Пер.*), оказавший храброе сопротивление, был взят штурмом. Один за другим народы и города Фракии принимали условия договора. Поселения пеонов были захвачены, когда их воины отправились охранять другие подступы; по приказу Дария все они были депортированы во Фригию. К Аминтасу в Македонию были отправлены делегаты с требованием выразить свое подчинение, как принято, — принести дары земли и воды. Это было сделано, и, хотя сын Аминтаса Александр все же убил посланцев за оскорбление македонских женщин, это убийство скрыли от царя хорошей взяткой и браком сестры Александра с персидским полководцем Бубаресом, сыном Мегабаза.

512 г. до н. э. Дарий провел в Сардах. Гистией, тиран Милета, в награду за охрану моста через Истр получил Мирцин на реке Стримон (пограничная река Македонии на востоке до царя Филиппа. — *Пер.*), а Коэс стал тираном Митилен на острове Лесбос. Прибыл Мегабаз с депортированными пеонами и предупредил царя об опасности, которую представляет новое

строительство Гистиея в Мирцине. Поэтому Дарий отозвал милетского тирана и отвез его в Сузы под тем предлогом, что он теперь станет царским советником и будет сидеть с царем за одним столом.

Перед отъездом в Сузы Дарий назначил своего брата Артафрена сатрапом Сард с правом осуществлять надзор за ионийскими греческими городами. Вместо Мегабаза повелителем «людей вдоль морского побережья» стал сын Сизамна Отан или сатрап Даскилея. Города Византий, Халкедон, Антандрос и Лампоний были взяты, тем самым Отан взял за горло зерновую торговлю через проливы. В результате скифы потеряли доступ к ценимым ими предметам греческого искусства; милетские торговцы оказались отсеченными от выгодной торговли, а власть персов над проливами стала угрозой продовольственному снабжению Европейской Греции. С помощью кораблей с Лесбоса, предоставленных Коэсом, Мегабаз затем преградил путь через проливы, захватив острова Лемнос и Имброс, расположенные вблизи побережья (511 до н. э.).

К 513 г. до н. э. стена вокруг Персеполя была готова к тому, чтобы на ней выбить посвящение. На одном из монолитов с южной стороны Дарий поместил измененный список сатрапий. Никаких намеков на то, что уже пришла весть об официальном включении в состав империи Эфиопии и Ливии, здесь нет. В списке значится Хиндуш и временно появляется Сагартия. В добавление к Ионии, определенной здесь как «те, что на суше», и Даскилею — «тем, что на море» здесь мы имеем также «земли за морем». Завоевание Европы началось.

Глава 11
ПРОБЛЕМЫ ГРАНИЦЫ С ГРЕЦИЕЙ

Новое о войнах с Грецией

Греция и Персидские войны являются для нас захватывающей, хоть и несколько банальной историей. Читая ее, мы, естественно, отождествляем себя с греками, так как наши сведения основываются почти исключительно на том, что было написано греком Геродотом. Мы совершенно забываем, что мы сами давно уже прошли этап городских собраний, когда мы управляли собой во многом так, как афиняне, а теперь стали могучей мировой империей, столкнувшейся с проблемами персов. Мы не только должны заново перечитать восхитительные рассказы Геродота, широко распахнув глаза на трудности современной Америки, но и забыть на мгновение о победах, которые завершили для Европейской Греции Великую персидскую войну.

Необходимые коррективы к традиционной интрепретации также даны отчасти благодаря огромному количеству материала из восточных источников, обнаруженных не так давно. Исключительность источников, которые проливают свет непосредственно на греков, сама по себе имеет огромную важность. Каждое приращение наших знаний лишь подчеркивает ошеломляющую силу Персидской империи, выставленную против крошечных и разобщенных греческих городов-государств, которые до сих пор уцелели после предыдущих завоевательных походов; оно поощряет попытки выяснить, почему эти более поздние вторжения потерпели провал.

После того как более населенная, богатая и культурная часть греческого мира оказалась уже под властью персов, включение в Персидскую империю оставшихся территорий, вероятно, казалось Дарию неизбежным. Еще нескольких походов к границам под предводительством его полководцев, думал Дарий, должно быть достаточно для того, чтобы заставить тех греков, которые еще сохраняли независимость, признать власть Великого царя.

В то время как Мегабаз, а затем Отан неуклонно продвигались на юго-запад, Артафрен принял в Сардах посольство, которое предложило прямой доступ к сердцу континентальной Греции. После изнания в 510 г. до н. э. тирана Гиппиаса Афины под руководством Клейсфена

экспериментировали с умеренной демократией. Как и следовало ожидать, ультраконсервативная Спарта угрожала ей войной. Так как Спарта была объявлена врагом Персии, обозначился союз Афин с персами. Артафрен потребовал обычные знаки выражения подчинения — землю и воду. Посланники все выполнили, и первый договор греческой демократии и персидского империализма стал незабываемым благодаря обещанию новорожденной демократии принять вассальную зависимость от персов!

В течение какого-то периода времени общественное настроение изменилось; действия посланников были дезавуированы, и Клейсфен, по-видимому, стал изгнанником. Двумя годами позже (505 до н. э.) изгнанный тиран Гиппиас появился в Сардах и побудил Артафрена предпринять попытку восстановления его в правах. В ответ на эту угрозу противники демократии отправили свое собственное посольство с целью предостеречь сатрапа не верить афинским изгнанникам. Как и следовало ожидать, Афинам было приказано вернуть Гиппиаса на его место под угрозой нападения. Афиняне решили в открытую воевать с Персией.

Ионийский мятеж

Благодаря походу на скифов собралось вместе большое количество ионийских греков. Поняв наконец, что их сила в единстве, но не осознавая, что они упустили свой шанс теперь, когда волнения, связанные с приходом персов, улеглись, ионийцы решили начать восстание. Сопротивление тиранам, посаженным персами, возросло. Торговцы, поощряемые тиранами, уступали свой бизнес финикийцам и европейским грекам, и национальная землевладельческая аристократия воспользовалась сменой общественных настроений. Ее вождем был Аристагор, зять и заместитель милетского тирана, того Гистиея, которого царь в тот момент удерживал в Сузах. Аристагор получил свой шанс, когда изгнанники с Наксоса попросили у него помощи в возвращении на свой остров. Поэтому он убедил Артафрена послать с ним сотню кораблей и тем самым распространить власть персов на Кикладские острова.

Пока Милет был самым лояльным из всех вассалов, но у сатрапа были свои подозрения. План был передан царю, который одобрил сохранение прав за сатрапом; следующей весной (505 до н. э.) флот отплыл, но он состоял из двухсот трирем вместо запрошенных ста; корабельные команды состояли в основном не из греков, а командующим флотом был не Аристагор, а двоюродный брат царя Мегабат. Было неизбежно, что Аристагор и Мегабат поссорятся, изгнанники с Наксоса будут предупреждены, а планируемое вторжение закончится провалом.

Побуждаемый Гистиеем в Сузах поднять восстание, Аристагор созвал вождей, чтобы возродить Ионийский союз. Только Гекатей (древнегреческий историк и философ (ок. 500 до н. э.). — *Пер.*) высказался против этого предложения. Находясь в процессе подготовки своего «Путешествия по миру», этот историк узнал из первых рук о силе империи, и теперь он составлял список всех народов, подвластных Великому царю. Однако его протест остался незамеченным, и в результате голосования было решено упразднить тиранию. Аристагор отказался от своего поста в Милете, а другие тираны были убиты, заключены в тюрьму или изгнаны.

За поддержкой обратились к Спарте, которая на тот момент считалась самым сильным греческим государством. Несмотря на предыдущие угрозы Спарты в адрес Персии, царь Клеомен воздержался от оказания помощи. Должно быть, он понимал, что помощь восставшим ионийцам может помешать нападению персов в будущем на континентальную Грецию, но он был беспомощен. Его влияние как дома, так и за пределами Спарты было предельно слабым, и, даже если он лично считал, что война целесообразна, он не мог быть уверенным в том, что главные члены свободного Пелопоннесского морского союза Коринф и Эгина последуют примеру Спарты. Когда Аристагор продемонстрировал свою бронзовую карту мира, пытаясь возбудить в царе алчность, и неосторожно обмолвился, что это всего

лишь в трех месяцах пути от побережья Суз, он был изгнан. Аргос задал вопрос Дельфийскому оракулу и получил ожидаемый ответ: за свою дурную выходку Милет будет разграблен, а божий оракул в Бранхидах будет покинут. Афины, снова проявившие консерватизм и уже досадуя на требование Артафрена вернуть Гиппия, согласились с тем, что Милет «дочерний» город, и выделили двадцать кораблей.

Афинский флот при поддержке всего пяти трирем из Эретрии появился в 499 г. до н. э. Увеличившийся за счет ионийских и милетских кораблей флот приплыл к Эфесу, откуда армия отправилась пешком вверх по течению реки Кузу и через гору Тмолус в Сарды. Артафрен спрятался в крепости, пока союзники занимали нижний город. Дома в Сардах представляли собой тростниковые хижины, или это были строения из кирпичей под тростниковыми крышами; когда какой-то грек поджег один дом, весь город охватил пожар. Оказавшись в огненной ловушке, которая уничтожила знаменитый храм Кибелы на реке Пактол, персидский гарнизон спустился из акрополя и вместе с лидийцами собрался на рыночной площади, через которую текла золотоносная река на Гермскую равнину. Союзники были отброшены на Тмолус, откуда они отступили в сторону моря, но они не успели добраться до Эфеса, потому что в большом сражении были разбиты персидскими новобранцами, которых собрали по различным административным районам к западу от реки Халис три зятя Дария — Даурис, Гимей и Отан. Узнав, что между Эгиной и Афинами началась война, европейский контингент оставил союзников и отплыл на родину. Снова персидская дипломатия сделала свое дело.

Потеря поддержки Афин была более чем компенсирована присоединением греков из Геллеспонта и Византия, большинства карийцев, включая Каун, и киприотов под предводительством Онесила. Царем Саламиса был финикиец Торг, сын Херсиса, сын Сирома (Хирама), сын Эвелфона. Его младший брат Онесил после напрасной попытки убедить Торга поднять мятеж захлопнул перед ним двери и заставил его искать убежища у персов. Из кипрских городов лояльным остался лишь финикийский Амафус, и Онесил держал этот город в осаде, когда получил сообщение о том, что к Кипру приближается огромная армия под командованием Артибия. Просьба о помощи была отправлена ионийцам, которые прибыли со всем своим флотом. Вскоре после этого Артибий высадил свои войска, которые были перевезены из Киликии. Ионийцы отказались отправлять на берег своих моряков для оказания помощи при обороне подвергнувшегося опасности Саламиса, хотя им удалось нанести поражение финикийскому флоту. Сначала сухопутное сражение склонялось в пользу мятежников, Онесил лично убил Артибия. Затем тиран Куриума Стасенор покинул союзников, а за ним последовала знать на колесницах самого Саламиса. Онесил был убит, Торг вернул себе Саламис, а ионийцы вернулись по домам. Брошенные своими союзниками, мятежные киприоты были вынуждены сдаться, хотя город Соли продержался пять месяцев, прежде чем был взят благодаря подкопу (498 до н. э.).

Отсутствие флота в киприотской авантюре дало шанс, которым персы не замедлили воспользоваться. Даурис направился в Геллеспонт и через пять дней овладел пятью важными городами. Затем он нацелился на карийцев, армия которых была разбита у Белых Столбов на реке Марсия, месте их сбора. Интересно отметить, что одним из их вождей был Пиксодар из Синдии, отцом которого был Мавсол, а тестем Сиеннесис, царь Киликии; с тех пор его семье было суждено стать известной. С помощью вновь прибывших греческих союзников карийцы предприняли вторую попытку в Лабраунде в священной платановой роще Зевса Воинств, но потерпели поражение. Затем в Педасе они устроили ночную засаду на проходивших маршем персов, где Даурис встретил свою смерть (497 до н. э.).

Гимей взял мисийский Циус. После отъезда Дауриса из Геллеспонта в Карию Гимей продолжил свое дело и покорил эолийцев Троады (древнее название полуострова на северо-западе Малой Азии, который вдается в Эгейское море к югу от Мраморного моря. — *Пер.*) и Гергифа. Он умер от болезни, и в 496 г. до н. э. его место заняли сатрап Артафрен и Отан, который получил Клазомены и Сайм. Отчаявшись добиться успеха, Аристагор бежал из Милета и был убит в бою с фракийцами.

Гистией убедил Дария, что только он может подавить восстание, но Артафрена было не так-то легко одурачить. Он четко изложил свои подозрения, и бывший тиран бежал на остров Хиос, откуда отправил письма нескольким персам в Сардах, с которыми он ранее обсуждал восстание. Письма показали сатрапу; когда потенциальные мятежники послали ответ, их немедленно казнили. Милет отказался признать своего бывшего тирана, и тот получил ранение, когда попытался силой войти в город. Гистиею ничего не оставалось делать, как отправиться в Геллеспонт и там начать пиратские набеги (495 до н. э.).

Восстание близилось к своему концу, и персидские лидеры пришли к соглашению о том, что теперь Милет можно сокрушить. Все армии были объединены, собран громадный флот из финикийских, киликийских, египетских и недавно обретенных киприотских кораблей. Предоставив милетцам самим защищать себя от сухопутных сил, те греки, которые еще были вовлечены в восстание, собрались недалеко от острова Ладе в проливе перед городом. Половина греков, живших в Азии, была уже подчинена, или они заключили мир, и таким образом мятежники смогли выставить лишь триста пятьдесят три триремы против царских шестисот. Даже среди них встречалось вероломство и малодушие; самоссцы, лесбийцы и — самые последние — хиосцы разбежались по домам, и, фактически, сопротивление на этом закончилось.

Оракул Аполлона в Бранхидах, который еще поколение тому назад раболепствовал перед персами, получил должное вознаграждение за свое поведение; святыня была сожжена, а ее сокровища увезены в Сузы, где бронзовую статую Аполлона стали использовать для украшения местного «музея». Оттуда Аполлон давно уже исчез, но другая добыча сохранилась до наших дней — огромная бронзовая бабка весом около 96 килограммов с ручками наверху и с одной стороны; архаическими ионийскими буквами на ней имеется надпись: «Этот освященный предмет из трофеев Аристолох и Фрасон установили, десятую часть; а Циклес, сын Кидимандра, отлил его».

Аполлон Дельфийский не разделил унижения Аполлона в Бранхидах, и еще одного оракула Аполлона в Магнесии на Меандре миновала чаша сия. Несколько лет спустя Дарий счел необходимым написать царскому чиновнику в этом городе: «Царь царей Дарий, сын Гистаспа, говорит своему рабу Гадатасу: Я узнал, что ты не во всем выполняешь мои приказы, что ты обрабатываешь мою землю, пересаживая плоды с того берега Евфрата [греческий эквивалент арамейского Заречья]. Я одобряю твою цель, и по этой причине тебя ждет большая милость в царском доме. Но ввиду того, что ты пренебрегаешь моей политикой в отношении богов, ты получишь, если не изменишь свое отношение, доказательство моих оскорбленных чувств, потому что ты взял дань со священных землепашцев оракула Аполлона и приказал им копать неосвященную землю, не зная отношения моих предков к этому богу, который сказал всю правду персам».

Милет был взят благодаря подкопам, и южная его часть была уничтожена; за сожжение Сард последовало возмездие. Большинство жителей мужского пола были убиты, а их женщины и дети увезены в рабство; оставшихся в живых депортировали в Сузы, и в конце концов Дарий поселил их в Ампе неподалеку от устья Тигра. Карийцы в Педасе уже покорились, и в награду им была дарована гористая часть милетской территории. Эцис, сын Силосона, был возвращен финикийцами на место тирана Самоса. Карийцы, которые продолжали держаться до конца, теперь тоже покорились или были приведены к повиновению. Гистией совершал набеги на Атарней за продовольствием, но был вынужден сражаться у Малены; разгромленный и взятый в плен при попытке бежать недавно прибывшим Гарпагом, он был отвезен в Сарды, где Артафрен посадил его на кол.

Перезимовав в опустошенном Милете, следующей весной (493 до н. э.) флот с легкостью взял обессиленные острова Хиос, Лесбос и Тенедос. Каждый из них был оцеплен солдатами, которые, взявшись за руки, прочесывали остров с севера на юг, буквально устроив травлю населения. Мятежные ионийские города на материке тоже были захвачены. Самых привлекательных юношей сделали евнухами на службе при царском дворе, а самых красивых девушек взяли в царский гарем. Города вместе с храмами были сожжены. Затем

флот определил точно такое же суровое наказание городам к западу от Геллеспонта, как это уже делала армия. Опустевшие Византий и Халкедон стояли в дыму, хотя Кизик уже пришел к соглашению с Эбаром, который возвратился в сатрапию своего отца Мегабаза Даскилей.

Подтвердилось предсказание Гекатея об исходе, поэтому этот историк был единственным человеком, который заключил мир с сатрапом. Артафрен заявил, что хочет забыть причиненные обиды и мятеж, пообещал вернуть их законы, но за это он должен оказаться на заседании ионийских представителей. До сих пор ионийцы пользовались довольно значительной степенью местной автономии; теперь они должны были войти в состав сатрапии. О войнах между государствами следовало забыть, вместо этого они должны подчиняться третейскому суду. Персия последовала примеру Ассирии, проведя перепись населения с целью налогообложения. Такая перепись была в конце концов навязана Ионийской сатрапии, которая была измерена в парасангах — расстояние, которое можно пешком пройти за час, или около пяти с половиной километров. Дань была установлена приблизительно на довоенном уровне, но наказание мятежных городов из-за передачи значительных земельных площадей негреческим государствам, набегов армии и флота и уменьшения численности населения от смерти, бегства и депортации сильно увеличило налоговое бремя сравнительно немногих уцелевших. По мере того как население снова стало медленно увеличиваться и процветание вернулось, этот гнет уменьшился, так как величина дани оставалась неизменной до времен Геродота.

Реорганизация сатрапий

Состояние сатрапий в это время становится понятным благодаря перечню сатрапий, приложенному к надписи из Суз. Парса уже больше не включена в сам список; Геродот сообщает нам, что Персис была единственной страной, которая не платила налогов. Сагартия исчезла; очевидно, она была объединена с Мидией. Скифия была поделена на две сатрапии, Саку Хаумаваргу — Амиргийскую Саку, в которой «готовят священный напиток *haoma* », и Саку Тигракауду, или Саку «высоких скифских колпаков». В добавление к Ионии, «тем, что у моря», появляются две совершенно новые сатрапии. Одна из них — Скудра (Фракия и Македония), которая получила свое название по македонскому городу Скидра; последняя в списке — Каркa, получившая название от хеттского названия карийцев. От этого периода сохранился бронзовый лев весом в эвбейский талант (эвбейский талант равен 26,19 кг. — *Пер.*), на котором есть надпись на арамейском языке: «В точности согласно царской сатрапии», так как он был найден в Абидосе на Геллеспонте; вероятно, он был свидетелем аналогичной финансовой реорганизации также и в сатрапии Даскилей.

Успехи и неудачи персидской дипломатии

Мардоний, юный сын Гобрия, недавно женившийся на царской дочери Артозостре, заменил офицеров на театре военных действий весной 492 г. до н. э. Он объявил новый политический курс. В некоторых греческих городах в Азии Дарий заметил тенденцию экспериментировать с устаревшей демократией. Сторонники демократа Клейсфена обещали ему землю и воду; их афинские противники дезавуировали договор и оказали помощь ионийским мятежникам. Когда эта помощь навлекла на них угрозу мести персов, враги нынешнего консервативного правления, друзья изгнанного тирана Гиппия, и члены молодой демократической партии показали зубы, наложив большой штраф на Фриниха за постановку трагедии с названием «Захват Милета» и запретив ее дальнейшее исполнение. Поэтому Дарий поручил Мардонию избавиться от тираний, полезность которых, очевидно, уже канула в прошлое, и преобразовать ионийские города-государства в демократии. Впервые в истории демократия завоевала большую и важную часть греческого мира, и этот крепкий младенец удобно устроился под защитой «варварской» монархии! Неудивительно, что Геродот называет этот политический курс большим чудом, полным опровержением тех

греков, которые отказались верить его более раннему утверждению, что Отан убеждал персов принять демократическую форму правления.

Возможно, Дарий надеялся, что этот намек не останется незамеченным для Европейской Греции, где в большом количестве государств демократические фракции начинали занимать видное положение и, вполне возможно, могли радушно встретить того, кто их освободит от ненавистных консерваторов. К тому же греческие города в Азии будут оставаться спокойными, только если освободятся от постоянного искушения, предлагаемого независимыми сородичами, всегда готовыми посочувствовать, если и не всегда оказать помощь консервативному антиперсидскому противодействию. Чтобы раз и навсегда уничтожить надежду на помощь извне, по горячему следу захватчика нужно пройти до его дома.

В то время как Мардоний в сопровождении огромного флота из шестисот кораблей отплывал из Киликии, чтобы объявить ионийцам новую свободу, громадная сухопутная армия направлялась к Геллеспонту. Когда она подошла к проливу, флот помог ей с переправой. В Европе Мардоний публично объявил о своей цели — завоевании Эретрии и Афин. После того как он даровал Ионии демократию, были основания полагать, что демократы в городах, которым угрожала персидская опасность, воспользуются первой же возможностью выдворить консерваторов и посадить своих собственных лидеров под властью своего доброго друга Великого царя.

Выделив достаточно времени на то, чтобы сработало влияние демократов, Мардоний продолжил политику медленного, но верного продвижения с севера под защитой флота. Остров Фасос сдался флоту без сопротивления, Македония еще раз признала власть персов. Эти успехи уравновешивали потерю 300 кораблей — половины огромного флота, 20 тысяч матросов в результате внезапной бури недалеко от горы Афон. Одновременно армия потерпела в Македонии серьезное поражение от бригов — фригийцев, которые остались в Европе; сам Мардоний оказался в числе раненых. И хотя бриги были в конечном итоге покорены, в конце этого года Мардоний возвратился в Азию.

До того момента персидская дипломатия и стратегия были безупречны, но теперь началась серия грубых просчетов, которые привели в конце концов к беде. Ввиду чисто временной неудачи было решено прекратить верное, хоть и медленное продвижение с севера и предпринять внезапный бросок через Эгейское море, чтобы напасть на Афины и Эритрею.

Сначала ничто не указывало на то, что совершен промах. Глашатаи, посланные на материковую Грецию в 491 г. до н. э., имели заметный успех. Лишь в Спарте и Афинах их бросили в колодец и велели им там взять нужные им землю и воду, но почти все другие государства без исключения предоставили символы своей покорности персам. Так же поступили и острова, среди них была Эгина, которая когда-то оказала Персии добрую услугу, начав войну, которая отозвала силы Афин из Ионии. Афины пожаловались Спарте, царь которой Клеомен попытался вторгнуться в Эгину; когда его соправитель Демарат (царь Спарты в 510–491 гг. до н. э., лишенный Клеоменом царского сана. — *Пер.*) запретил эту акцию, Клеомен сместил своего соперника, и Демарат, как и Гиппий, нашел прибежище у Дария, который даровал ему поля и города.

Мардония заменил мидиец Датис и племянник царя — младший Артафрен. В 490 г. до н. э. они прибыли на Алеанскую равнину в Киликии, где армия, которая пришла с ними, была размещена на транспортных средствах вместе с лошадьми. Здесь был собран и доукоплектован до шестисот трирем огромный флот, который понес потери у горы Афон. Богатые дары от двух полководцев украсили Родоссий храм в Линде, чтобы склонить на свою сторону жрецов оракула.

Из Ионии флот проплыл мимо Самоса к Наксосу; его жители бежали в горы, и захватчики сожгли город вместе с храмами. Делийцы нашли прибежище на острове Тенос, но персы упросили их вернуться и предложили 300 талантов ладана и золотое ожерелье их доброму другу Аполлону. Каристос (приморский поселок и порт на юге острова Эвбея. — *Пер.*) был вынужден покориться.

В своем отношении к приближающейся угрозе Феогнид из Мегары (древнегреческий поэт-лирик. — *Пер.*) был типичным средним греком, проживающим на материке. Сначала он все призывал к пирушкам и веселью, не боясь войны с мидийцами. Увидев наконец опасность, он мог лишь взывать к богу — из всех богов именно к Аполлону! — моля о защите своего города от дерзкого мидийского воинства; он испугался, когда увидел отсутствие здравого смысла и кровопролитные междоусобные конфликты греков.

Как и был уверен Мардоний, Эритрея оказалась разделенной на группировки. В конечном счете консерваторы победили в конфликтной ситуации, но стояли за политику обороны, а не нападения. После шестидневной обороны города от массированных персидских атак город был взят благодаря предательству двух демократов — их оправдывало лишь то, что они надеялись, что их партия теперь станет у власти.

Первая цель этого военного похода была достигнута, осталось только покорить Афины. Датис вполне мог надеяться, что Афины также будут переданы им друзьями — либо сторонниками Гиппия, в тот момент находившегося в армии, либо вождями демократов Алкмеонидами (аристократический род, игравший большую роль в политической жизни Афин. — *Пер.*). Эти обоснованные надежды разбились из-за второй и даже еще более глупой ошибки — разрушения эритрейских храмов и города и порабощения его населения. Вряд ли можно было ожидать, что какой-нибудь афинянин, демократ или торговец, мог остаться равнодушным к сожжению и разграблению своего любимомго родного города и порабощению людей.

Поэтому, когда Датис переправился через узкий пролив и, ведомый Гиппием, высадился на Марафонской равнине, жители которой считались дружески настроенными к персам, он увидел, что его вышло встречать все афинское ополчение. Помощь, обещанная Афинам спартанцами, не пришла, так как *им* нужно было дождаться полной луны, так что только платейцы (жители древнего города Платеи в Беотии. — *Пер.*) оказали помощь Афинам. После промедления, которое красноречиво свидетельствовало о все еще разобщенной тактике действий, Мильтиад (афинский государственный деятель и полководец из рода Филаидов. — *Пер.*) повел войска в наступление, думая о судьбе Эритреи. Персы и саки прорвались в центре, но фланги афинян сомкнулись за ними и нанесли им жестокое поражение. Отступавших персов преследовали до кораблей, семь из которых были захвачены.

Датис, который даже теперь не осознал в полной мере последствия своей излишней жестокости, подумал, что город может сдаться, если появится флот в отсутствие афинской армии. Лидеры демократов Алкмеониды подали сигнал щитами с мыса Суний, и армия поспешила назад вовремя. В течение нескольких дней персидский флот находился вблизи пристани Фалер, затем, убедившись наконец, что надежды на предательство больше нет, разочарованные захватчики отплыли домой.

Вместо того чтобы вернуть себе доверие демократов, возвратив пленных эритрейцев, персы увезли их в Сузы и поселили в 47 километрах от города в местечке Ардерикка в Киссии, на родине древних кашшитов (или касситов — древних племен, обитавших в горных местностях Западного Ирана, в верховьях реки Диялы и ее притоков у северо-западных границ Элама. — *Пер.*); в 8 километрах находился колодец, из которого при помощи ворота и кожаного ведра доставали жидкость, которая, будучи налитой в чан, давала соль, асфальт и нефть. Здесь в I в. н. э. Аполлоний из Тианы и нашел их, еще помнивших свою былую родину и говоривших на языке своих предков.

Глава 12
ТРИ СТОЛИЦЫ: ЭКБАТАНА, ВАВИЛОН И СУЗЫ

Со времени открытия Персеполя европейцами (постепенный процесс, начавшийся с конца XV в.) его великолепные руины в глазах западного мира означали Персию. Поэтому

испытываешь потрясение, поняв, что у греков не было точных знаний об этом городе, пока в Персеполь не приехал Александр — лишь для того, чтобы завершить его уничтожение. Для греков того времени тремя столицами монархов-Ахеменидов были Вавилон, Экбатана и Сузы. Не будем обвинять их в невежестве; о Персеполе нет упоминаний в сохранившихся документах из Вавилонии, Финикии, Египта. Для евреев точно так же персидскими столицами были Вавилон, крепость Экбатана и Шушанский дворец.

Дворец Дария в Вавилоне

Раскопки Экбатаны еще предстоят, и случайные находки учат нас немногому. В Вавилоне Дарий сначала поселился во дворце Навуходоносора, расположенного в самой дальней северной оконечности города, если можно судить об этом по обнаруженной там прекрасной диоритовой стеле, на которой высечена аккадская версия его автобиографии. Незадолго до этого, однако, Дарий построил свой собственный дворец в южной цитадели к западу от дворца Набопаласара, как раз перед массивной стеной со рвом, которая называлась Имгур-Бел. На песчаную подушку был положен фундамент из крепких кирпичей, по которому можно восстановить *appa danna* , или колонный зал с портиками по бокам и спереди, который охраняли квадратные башни и к которому с юга вели лестницы, как и во дворце Навуходоносора. Таким образом, в персидской архитектуре появился план первого этажа ападаны (многоколонного с плоским деревянным перекрытием парадного зала — основной части царских покоев Ахеменидов. — *Пер.*). Из того же дворца Навуходоносора Дарий позаимствовал тройной пол: грубый слой гальки и известкового раствора, затем еще один более деликатный слой раствора и поверх всего тонкий слой превосходной красной краски, уже знакомой нам в Греции, которая стала отличительной чертой построек Дария. Фрагменты оснований колонн из черного известняка доказывают, что это искусство, знакомое в Персеполе, уже использовалось. На других фрагментах цоколей, на которых стояли колонны, была надпись самого Дария.

У Навуходоносора Дарий также позаимствовал разноцветные кирпичи не из глины, а из известняка, смешанного с песком, на которые наносили ту же самую блестящую глазурь, которую использовал его великий предшественник для украшения Дороги шествий и Врат Иштар. Как и в оригиналах Навуходоносора, фигуры животных играли немалую роль. Некоторые из них были плоскими, а некоторые — в виде барельефов; полосы черной глазури разделяли сцены. Цветочные мотивы и колонны с двойными ионическими капителями с завитками, а также фигуры Десяти тысяч Бессмертных в богатых одеяниях покрывали стены. Ктесий, врач Артаксеркса II, описал роскошные глазурные картины, хотя он приписывал их не Навуходоносору и не Дарию, а Семирамиде, которую, по его утверждению, он признал, увидев белое лицо женщины, найденной при раскопках.

Местонахождение столицы Сузы

Дарий перенес всю строительную технологию в Сузы. Если Сузы и не занимали такое центральное положение в империи, как Вавилон, они были расположены лучше, чем Экбатана, Парсагарда или Персеполь, и находились близко к родной персидской земле. Удобная дорога вела почти точно на запад в Вавилон через широкую равнину. Тропа в Экбатану шла на север до верховьев реки Хоаспы через земли независимых уксиев (разбойное племя на границе Персиды. — *Пер.*). Летом другая тропа в Персеполь и Парсагарду вела на юго-запад через высокие горы, разбойным обитателям которых даже персидские монархи платили за проход. Когда снег заваливал перевалы, в распоряжении имелся кружной путь вдоль Персидского залива, так как в это время прибрежная равнина утрачивала свою нездоровую влажность.

Немалая часть богатства Суз появилась благодаря торговле с Персидским заливом, которая была более ограниченна, чем теперь. В V и IV вв. до н. э. четыре великих реки этого

региона — Евфрат, Тигр, Хоаспа и Евлей (последняя в нижнем течении продолжается как Паситигр) — текли не так, как сейчас, впадая в реку Шат-аль-Араб и затем в Персидский залив, а в огромное болотистое озеро, которое находилось гораздо дальше к северо-западу и прибрежные острова которого образовывали различные выходные каналы (стоки). Торговцу с Персидского залива, который переплыл через озеро, в то время оставалось преодолеть еще 600 километров вверх по течению Евфрата до Вавилона. С другой стороны, Сузы находились лишь в 100 километрах от Бит-Иакина или Агинис в устье Тигра, и часть расстояния вниз по Паситигру уже можно было проплыть на корабле.

Равнина, на который стоит холм с Сузами, развертывается с Вавилонской аллювиальной равнины, но она совершенно не похожа на нее по характеру. Благодаря своей близости к горам и чуть большему подъему обломки, нанесенные реками, здесь остаются в виде гравия, и лишь более мелкие по своей структуре наносы достигают Вавилонской равнины. Таким образом получается сильная почва, плодородие которой почти неистощимо; древние утверждали, что ячмень и пшеница регулярно давали здесь стократно больший урожай, а иногда, что поразительно, и двухсоткратный. Но на протяжении девяти месяцев в году жара здесь почти невыносимая. За исключением горного прохода, расположенного на юго-западе и соединявшего Сузы с Вавилоном, равнина была полностью окружена горами. На западе и северо-западе находился длинный и узкий горный хребет Кабир-Кух, прямо на севере — горные цепи Загроса, протянувшиеся в юго-восточном направлении, а к востоку и юго-востоку от них — еще более высокий горный массив. В туманной дымке на южном горизонте можно было увидеть низкие холмы из гравия и красноватого песчаника, которые обозначали понижение к наносной равнине.

Как признавали древние, высокие горы, которые почти кольцом окружали Сузы, отсекали прохладные северные ветры на протяжении большей части года, хотя южнее их дыхание можно было почувствовать. Летом горячий сухой ветер из Вавилонии и с Персидского залива дул через южное ущелье, иссушивая всю растительность и вынуждая жителей искать убежища в узких комнатах, в которых хоть и было душно, но которые давали защиту от пылающего солнца под крышами из пальмового дерева с метровой земляной насыпью сверху. Если верить одному греческому автору, ящерицы и змеи сгорали заживо, если пытались пересечь улицу в полуденную жару. Холодная вода, выставленная на солнце, мгновенно нагревалась так, что в ней можно было принимать ванну. Ячмень, высыпанный для просушки, с треском лопался, как зерно, поджариваемое в печи.

В этом рассказе, возможно, есть преувеличение, но ни один европеец не может доказать это своими наблюдениями. Те, кто отваживается остаться здесь до июня, сообщают, что температура здесь переходит за сотенную отметку (по Фаренгейту, более 38° по Цельсию. — *Пер.*). К этому времени реки высыхают. Вода в лужах, которые покрывают их песчаные берега, очень соленая, так как она прошла через гипс и известковую глину, которые покрывают подножие гор. Подобно современным туристам с Запада, в древности представители высших классов находили себе убежище в близлежащих горах — не в душных и опасных для здоровья долинах, которые идут параллельно главным горным цепям, а, скорее, в небольших горных долинах, расположенных часто на высоте до 1,5 тысячи метров над уровнем моря, как раз под заснеженными вершинами.

К ноябрю на равнине становилось прохладнее по мере того, как ветры начинали дуть на северо-восток, а пшеница и ячмень созревали. К середине месяца выпадали первые дожди, а ветер менял направление на юго-восточный и южный. По мере приближения зимы до равнины могли долетать редкие снежные шквалы. Чаще шел град, и время от времени температура падала ночью ниже нуля, и утром землю покрывала пленка льда.

На протяжении января и февраля сильные бури, возникшие в Индийском океане, иссекали землю. Они наносили сильный ущерб земле, превратившейся в порошок во время летней жары, и домам из глиняных кирпичей. Но они также приносили и долгожданный дождь, который превращал пустыню в клумбы очаровательных ирисов. Повсюду пробивалась грубая трава. Снова начинали зеленеть пальмовые, акациевые, тамарисковые и

тополиные рощи. К концу марта дожди прекращались, и растительность снова начинала меняться. К концу апреля созревал урожай. В более защищенных долинах на краю равнины какое-то время продолжал цвести розовый олеандр с блестящими зелеными листьями, в другое время растительность представляли лишь пожелтевшая трава, колючая мимоза и чертополох.

Слон, страус, дикие бык и осел уже давно исчезли из-за неумеренной охоты на них. В настоящее время редко можно увидеть львов, столь широко представленных в искусстве Суз, и то лишь в зарослях вдоль рек. Но медведь, пантера, дикий кабан, волк, рысь, лиса и дикобраз еще встречаются, хотя и в уменьшившихся количествах. По ночам здесь шакал тоскливо подвывает дикой собаке. Можно охотиться на турача и красноногую куропатку; выносливыми оказались орел, сокол, гриф и ворона. Водоплавающие птицы посещают эти края зимой и вместе со многими мелкими певчими птичками улетают на время долгого лета.

Самих по себе дождей недостаточно, чтобы заставить посевы плодоносить. И снова на помощь приходят горы. Их растаявшие снега текут по каналам дорогостоящей ирригационной системы. Однако по большей части эти края орошают при помощи каналов, протянутых от горных рек, они заставляют плодоносить абрикосы, виноград, дыни и огурцы. На первом месте здесь стоит река Хоаспа, которая в настоящее время называется Керка. От своего истока, находящегося недалеко от скалы Бехистун с надписью Дария, она бежит сначала на юго-запад, затем на юго-восток и, наконец, точно на юг, следуя параллельно долинам между горных цепей до тех пор, пока не прорывается в трехсотметровое ущелье, и затем повторяет свой маневр. В изучаемое нами время ее чистые ледяные воды протекали близко от западной окраины Сузских дворцов. Ничего удивительного в том, что мы узнаем, что монархи-Ахемениды пили воду лишь из реки Хоаспы, а кувшины с ее водой сопровождали их в поездках.

Другой рекой, которая протекала вблизи Суз, была Улай (для греков Евлей), в окрестностях города она сближается с рекой Хоаспой на расстояние 3,5 километра лишь для того, чтобы снова повернуть в другую сторону и влиться в большое озеро через отдельное устье. Вокруг Суз эти две реки были соединены сетью каналов, вдоль насыпных берегов которых можно было увидеть отдельные холмы, соединенные обломками, оставшимися от строительства домов рабочих; остатки разбросаны по такой обширной площади, что мы уже почти готовы согласиться с древней оценкой длины этого контура, равной 24 километрам.

Цитадель Дария

В отличие от Персеполя Сузы не были основаны царем. С доисторических времен на этом месте жили люди, красотой расписной керамики которых мы восхищаемся сейчас. На холме, который постепенно образовался из мусора, оставленного ими, последующие поколения возвели храмы и дворцы, записи о строительстве которых дают возможность написать подлинную историю Элама. Эти постройки, в свою очередь, обрушились, и ко времени правления царя Дария главный курган поднялся на высоту почти 30,5 метра над уровнем русла Хоаспы, которая в те времена омывала его крутой западный склон. Здесь, подобно сменившим его Селевкидам, Дарий поместил свою цитадель. В надписи, которая описывает его преобразования империи, Дарий повествует: «Многие крепости, которые до этого лежали в руинах, я реконструировал. Разрушенную цитадель я построил заново. Я построил форты Гурнама и Аллануш».

Греки называли это место Мемнонием, которое было основано Титоном, отцом того Мемнона, который прибыл в Трою, чтобы помочь ее защитникам-фригийцам. Из всех укреплений цитадели были найдены лишь слабая линия стен, очевидно даже без единой башни по краю.

В период наивысшего расцвета Элама другие курганы выросли к северу от него, востоку и югу. Они тоже были использованы Дарием для строительства, который к концу 521 г. до н. э. сделал Сузы своей резиденцией. Однако все они были так сильно разрушены,

что совершенно невозможно составить о них четкое представление. Восточную стену холма к востоку от цитадели длиной 915 метров прорезали в центре ворота, по обеим сторонам которых стояли крепкие башни. На стенах этих башен (если мы допускаем аналогию с Вратами Иштар, построенными Навуходоносором в Вавилоне), вероятно, из обожженных кирпичей были выложены выпуклые фигуры шагающих и сидящих львов, крылатых быков и грифонов с козлиными рогами, львиными передними лапами и хвостом и орлиными когтями вместо задних лап. Здесь тоже были найдены кирпичи меньших размеров, на глазури которых изображены те же самые животные, а также геральдическая эмблема в виде льва, убивающего белого быка с золотыми копытами.

Створки дверей были сделаны из дерева и покрыты бронзовыми пластинами, со вкусом украшенными остроконечными розетками. Они вращались на дверных косяках, обитых бронзой, которые были установлены в каменные углубления, стоявшие друг от друга на расстоянии полутора метра. Под одним таким углублением была найдена мраморная ваза высотой 10 сантиметров в том месте, где когда-то было замуровано вложение в фундамент. Похожие фрагменты кирпичей высокого обжига, из которых были сложены похожие животные в виде барельефа, наводят на мысль о существовании других башен на южной стене, в цитадели и других местах.

Только на искусственном холме севернее цитадели мы обнаруживаем здание, план и дата постройки которого вполне определенны. В фундаменте имеются несколько небольших замурованных вложений, датированных периодом правления Ахеменидов, но завершение ее строительства Дарием подтверждает уникальный документ, сохранившийся в ларце, скрытом в фундаменте; это почти единственный читабельный образец персидской клинописи на глиняной табличке. Другие тексты этого же документа, написанные на каждом из трех официальных языков империи, можно найти в любом месте этого поселения: в самом дворце, в цитадели, в царских покоях и даже в так называемом донжоне (главная башня средневекового замка. — *Пер.*), расположенном в юго-восточном ее углу.

После обычного введения Дарий приступает к строительным деталям и рассказывает о различных народах, которые участвовали в возведении цитадели: «Этот дворец *hadish* я построил в Сузах. Его украшения были привезены издалека. Землю копали на большую глубину, пока не достигли скального дна. Когда произвели раскопки, уплотнили гравий в одной части на глубину 18 метров, в другой — 9 метров. На этом гравии я построил дворец. Копали землю, уплотняли гравий и с помощью форм делали кирпичи вавилоняне. Кедровая древесина была привезена с гор Ливана; ассирийцы привезли ее в Вавилон, а из Вавилона карийцы и ионийцы доставили ее в Сузы. Тиковое дерево было привезено из Гайдары и Кармании. Золото, которое использовалось для украшения, привезли из Сард и Бактрии; камень — лазурит и сердолик — из Согдианы, бирюзу — из Хорезма, серебро и медь — из Египта, украшения для стен — из Ионии, слоновую кость — из Эфиопии, Индии и Арахозии, каменные колонны — из местечка под названием Абирадуш в Эламе. Ремесленники, которые тесали камни, были ионийцами и сардийцами; ювелиры, которые работали с золотом, были мидийцами и египтянами. Инкрустации делали сардийцы и египтяне, кирпичи (с фигурами) обжигали вавилоняне, стены украшали мидийцы и египтяне. В Сузах был сделан заказ на великолепную работу; она и получилась великолепной. Да защитит Ахурамазда и меня, и моего отца Гистаспа, и мою землю».

Гистасп был еще жив, когда составлялась эта надпись; значит, дворец был построен в начале правления его сына. Многие кирпичи, которыми замощены дворцовые дворики, имеют надписи только на персидском языке, хотя они и были сделаны по вавилонскому обычаю — отштампованы; это, а также по-разному сформулированные надписи доказывают, что большая часть дворца построена при Дарии. К сожалению, на том месте, где они были найдены, нет никаких доказательств, и невозможно использовать их для уточнения хронологии строительных операций. Мы можем только заметить, что, в то время как некоторые из коротких надписей, вырезанных на цоколях колонн, называют эту постройку *hadish* из колонн или просто *hadish* , в одной из них используется слово *tachara.*

Развалины дворца находятся в ужасном беспорядке. Как сообщает нам Дарий, дворец был возведен на манер вавилонского — на большой искусственной возвышенности. Место древнего эламитского кладбища было выравнено, и получилась площадка 150 × 250 метров; для закладки гравийной подушки дворца земля была вынута на глубину 8 метров. При составлении плана первого этажа Дарий следовал принципам, заложенным своими ассирийскими и вавилонскими предшественниками: это была цепочка из трех двориков, окруженных большими залами и небольшими помещениями из кирпичей; но ориентация была принята северная, при который боковые стороны дворца смотрели по сторонам света. Так, три дворика протянулись с востока на запад, а все сооружение окружала стена из кирпичей из иловой глины.

С востока, где изображения из глазурованных кирпичей повторяют копьеносцев Бессмертных, которые когда-то охраняли ворота, мы входим в служебный двор шириной 53 и длиной 55 метров, замощенный известковым цементом, в который были вмурованы кусочки бракованных обожженных кирпичей. С северной стороны находился портик из восьми деревянных колонн на каменных фундаментах; на стене позади них с помощью глазурованных кирпичей были изображены крылатые быки, подобные тем, которых можно увидеть на больших Вратах Иштар в Вавилоне. Здесь, очевидно, была сокровищница, которую разграбили Александр Македонский и его последователи.

От восточных ворот широкий коридор вел прямо через служебный двор вдоль оси дворца на запад к центральному дворику площадью 32,5 × 36 метров. Когда посетитель входил, то в северо-восточном углу под солнечным диском Ахурамазды он видел двух сфинксов с телами львов в коронах с тремя рогами, бородой и распушенной шерстью на шеях, их морды повернуты так, чтобы выпуклые глаза заставляли отступить силы зла, а их раскрытые крылья красиво изогнуты. На северной стороне есть две длинные узкие комнаты для приемов — типично южная архитектурная форма, — соединенные проемом и ограниченные с западной стороны мощеным двориком. Этот дворик был окружен открытой галереей с колоннами, прилегающей к зданию.

Анфилада небольших помещений ведет в приватный дворик размером 28 × 35 метров, он замощен кирпичами; его окружают панели из глазурованных кирпичей с изображенными на них крылатыми грифонами. Соединяющие вестибюли также вымощены кирпичами, а личные апартаменты — бетоном, покрашенным в характерный красно-охряный цвет. Севернее дворика находился гарем, где жили надменные женщины царского двора. Два длинных помещения отделяли его от двух главных залов; меньший из них имел вход с севера и двумя передними по обоим концам, а большой зал имел вход в северо-западном углу и вспомогательные помещения с южной стороны. Пройдя через несколько небольших вестибюлей, мы обнаруживаем три входа, ведущие вниз в уединенный дворик, потому что весь гарем поднят выше на 25,5 сантиметра (возможно, это более поздняя реставрация) из-за слоев бетона, кирпичей и снова бетона.

К югу от уединенного дворика, за крылатыми быками, стражами и грифонами располагаются две параллельные прилегающие длинные комнаты, замощенные кирпичом, выкрашенным красно-охряной краской, и окруженные такими массивными стенами, что помещения при ширине лишь 9 метров имеют длину 33,5 метра. Южнее их находится царская комната отдыха.

К северо-западу от дворцового комплекса был расположен тронный зал. В него вели деревянные ворота, обитые бронзовыми пластинами, которые вращались в каменных гнездах, как и другие. Основание для трона еще можно узнать в камне с привычной строительной надписью. Подобно ападане в Персеполе, основание колонн имело форму колокола, а сами колонны были рифлеными; вертикальные волюты под стоящими на коленях быками, расположенными спина к спине, завершали эту сложную капитель, на которой покоились балки кровли. Следы красной краски доказывают, что глаза быка были украшены орнаментом. Огромная тронная комната имела площадь 18 квадратных метров, ее крышу поддерживали шесть рядов по шесть мощных колонн в каждом. С восточной и западной

сторон к тронному залу примыкали портики из двух рядов по шесть таких же колонн на глубину 17,5 метра. К северу и западу от нее ниже уровня возвышения остались следы беседок, которые указывают на то, что здесь был уголок отдыха или сад, который легко можно было поливать из близлежащей реки, а защищала его башня в северо-западном углу.

В настоящее время Сузы представляют собой беспорядочную груду развалин; план города очень трудно восстановить. Камень мало использовали в самом дворце, и от ападаны мало что осталось. Золото было разграблено Александром, а от кедровой древесины осталась лишь пыль. Сохранились по большей части лишь незатейливые кирпичи.

Но если разноцветные драпировки, описанные в Книге Эсфирь, рассыпались в прах, то глазурованные кирпичи во всем своем великолепии могут быть восстановлены по многочисленным фрагментам. Слишком часто мы не знаем, куда их следует поместить, но, по крайней мере, узоры можно собрать. По ним мы можем составить себе какое-то представление о буйстве красок, которое ослепило глаза греческих послов, уехавших домой с осознанием богатства и силы Великого царя. «Царь Дарий говорит: То, что было сделано мной, чего не случалось раньше, я не смог бы завершить, если бы Ахурамазда не помогал мне… По милости Ахурамазды да будет сделанное мною необычайно прекрасным».

Но Сузы был чужой город в чужой стране. У него была долгая история и древние монархи другого народа. Дарий вскоре устал от его зверской жары, кирпичных построек и их чужеземных украшений. Он начал мечтать о столице в своей родной стране, которая будет основана им самим.

Глава 13
ПЕРСЕПОЛЬ

Место расположения новой столицы

Парсагарда слишком красноречиво напоминала о вытесненной династии, и Дарий стал искать новое место для своей столицы. 40 километрами ниже по извилистому ущелью Мидийской реки, которая питала водой равнину Парсагарды, вырубленная в скалах дорога вела в другую более широкую равнину. По ней текла более крупная река Араке, орошая плодородную почву, а затем поток исчезал в огромном соленом озере на юго-западе Персии. Два кургана вблизи границы гор на востоке скрывали доисторические поселения, которые свидетельствовали о том, что здесь в древности жили люди. На скале, расположенной на севере, можно увидеть скальный барельеф, появившийся там приблизительно двумя тысячами лет раньше. На изображении двое верующих стоят перед двумя сидящими змеями-богами, за которыми стоит прислужник, а позади верующих сидит женщина в короне.

Перед тем как Мидийская река попадает в северо-восточный угол равнины, открывается долина. В этом укромном уголке, где разноцветные черепки видели другое доисторическое поселение, Дарий, по-видимому, основал Стакхру («Крепость»), которая стала предшественницей знаменитой средневековой столицы Истакхра. Стена из массивных камней закрывала разрыв между горой и городскими укреплениями и образовывала Ворота. Здесь путешественник должен был заплатить за проезд через единственные ворота, находившиеся под башней. Колесницы и вьючные животные могли пользоваться центральным проходом с двусторонним движением, деревянную крышу которого подпирали колонна и два столба; пешеходы пользовались пешеходной дорожкой под низкими каменными перемычками по обеим сторонам. От древнего города, предшественника Истакхра, сохранилось немногое. Самым существенным является рифленая колонна без основания, все еще сохраняющая капитель в виде двух быков, которой нашли применение в большой Пятничной мечети. Согласно преданию, на этом месте стоял доисламский храм огня. Высота колонны почти 8 метров — это гораздо меньше, чем любая из колонн, сохранившихся в Персеполе. Другие путешественники сообщают о капителях в форме

быков, основаниях в виде колоколов, нишах, дверных косяках, антах (выступы продольных стен здания, ограждающие вход. — *Пер.*) из огромных обтесанных блоков и прекрасных сосудах из камня — все с характерными чертами эпохи Ахеменидов.

С этого места горы слева поворачивают на юг и отступают. Через 5 километров почти точно на юг — и скрытая от города выступающими горными отрогами отдельно стоящая скала, протянувшаяся с северо-северо-запада на юго-юго-восток, образовывает естественную террасу у подножия горы Милости. Здесь царь решил основать свою резиденцию. И землю, и новый дворцовый комплекс должен был называться Парса. Древние греки назвали его «городом персов», или Персай. Позднее авторы стали следовать намеренно искаженному переводу поэта Эсхила и называли город Персеполем («Разрушитель городов»), и вместе с ними мы также называем это место Персеполем.

Строительство столицы

Как только восстания в начале правления Дария были подавлены, на террасе начались работы. Вдоль выступающего края площадки длиной 460 метров и на глубину, которая была меньше длины на одну треть, скала была скошена, и, возможно, был вырыт ров вдоль ее основания. Вдоль эскарпированной таким образом линии были положены огромные каменные глыбы из местного темно-серого известняка, которые образовали главную стену крепости. И хотя эти блоки намеренно были сделаны многоугольными, чтобы добиться большего сцепления, они были аккуратно вытесаны, укреплены и соединены в правильные ряды, которые удерживались вместе без строительного раствора посредством раздвоенных скоб из свинца или железа. Этот же тип постройки стен был известен на восточном побережье Эгейского моря и в западной части Малой Азии в конце VI в. до н. э.

Путешественнику, подъезжающему к городу с севера, новая столица демонстрировала лишь высокую сплошную каменную стену, завершавшуюся еще одной стеной — из кирпичей, — благодаря которой общая высота стены достигала 18 метров. Такая же точно кирпичная стена с южной стороны полностью скрывала царскую резиденцию от праздных глаз. Путешественнику, подъезжавшему к городу с западу, везло больше: здесь на широком пространстве стена была не нужна, так как обрывистая скала и огромные каменные блоки поднимали площадку над равниной на 15 метров; благодаря этому пространству издалека можно было мельком увидеть возвышающиеся дворцы.

У подножия террасы с северной, западной и южной сторон выросло поселение — не настоящий город, как в Стакхре, а просто отдельные дворцы знати с каменными основаниями для колонн. Их окружали глинобитные хижины, в которых жили слуги и работники, находившиеся под их надзором. Следы тонких стен наводят на мысль о том, что это поселение, возможно, не было сильно укреплено.

К востоку от этой площадки вдоль подножия горы Милости протянулась вторая стена — на этот раз только из глиняных кирпичей. Для удержания откоса от нависающих склонов существовала сначала тонкая кирпичная стена на основании из больших камней и с наклоном наверху. За ней шел ров, который собирал воду, стекавшую со склонов гор, и направлял ее в огромный туннель шириной чуть больше метра и высотой около 2 метров, вырубленный в живой скале и покрытый грубыми вырубленными плитами. Главную линию укреплений охраняли башни площадью 18 метров с плотно набитой булыжниками серединой и облицовкой из глиняных кирпичей правильной формы; они были соединены стеной, которая имела 10 метров в толщину и 18 метров в высоту.

С внутренней стороны этой стены в небольших, беспорядочно выступающих комнатах размещался гарнизон. Большое количество бронзовых и железных наконечников для стрел, железных наконечников для копий и лезвий мечей, фрагментов железных и бронзовых доспехов в достаточной мере указывают на их назначение. Бронзовые удила показывают, что здесь также размещалась кавалерия. Но знаменитые Десять тысяч Бессмертных не наслаждались роскошью в своих казармах. Канализация была примитивной, так как

небольшие кирпичные сточные трубы выходили на открытую улицу шириной 6 метров, которая шла вдоль неровной линии казарм. То, что полы подметали редко, подразумевает резкий подъем уровня пола посредством нового покрытия или просто случающегося время от времени выравнивания поверхности. Нет никаких указаний на мебель; должно быть, солдаты спали на полу, а превосходные доспехи, вероятно, сваливали в кучу или вешали на деревянные гвозди. То, что Бессмертные много пили, показывает керамическая посуда — высокие, с узким горлышком винные кувшины с остроконечными донышками для того, чтобы вставлять их в глиняный пол, низкие и широкие кувшины для повседневного использования, большие кувшины с краями в виде трилистника, плоские солдатские фляги и кубки, через носики которых жидкость попадала прямо в рот, так как, похоже, в чашках не было нужды. Система укреплений была завершена возведением третьей стены — и опять кирпичной, — которая следовала вдоль гребня горы Милости.

Вот такие надписи с посвящениями были вырезаны приблизительно в 513 г. до н. э. на одной огромной глыбе, вделанной в южную стену крепости:

«Великий Ахурамазда, главный над богами, поставил Дария царем и дал ему царство. По милости Ахурамазды Дарий царь.

Говорит Дарий-царь: Эта прекрасная страна Парса, которую мне даровал Ахурамазда, в которой есть добрые кони и хорошие люди, милостью Ахурамазды и благодаря мне, царю Дарию, не страшится врагов.

Говорит Дарий-царь: Да поможет мне Ахурамазда вместе с другими богами, и да защитит Ахурамазда эту страну от враждебного полчища, от злодея и Лжи. В этой стране пусть не покарают они ни враждебное полчище, ни злодея, ни Ложь! С этой мольбой я обращаюсь к Ахурамазде и всем богам, да откликнется на нее Ахурамазда и другие боги.

Я Дарий, великий царь, царь царей, царь многочисленных стран, сын Гистаспа, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: Милостью Ахурамазды, этими странами я владею вместе с персидской армией, которая страшится меня; мне они принесли дань. [Парса уже сюда не входит, добавились Асагарта и Хиндуш, и таким образом закреплена приблизительная дата.] Если ты думаешь так: «Не дай мне убояться никакого врага», тогда защити армию персов; если она находится под защитой, тогда да не кончится процветание на долгие годы, и да снизойдет оно на этот дом».

До сих пор надпись шла на персидском языке. Далее Дарий продолжает на эламитском: «Крепость построена на этом месте, где раньше крепости не было. По милости Ахурамазды я построил эту крепость; Ахурамазда повелел, чтобы эта крепость была построена… и вот я построил ее; я построил ее надежной, красивой и такой, как я хотел».

Надпись заканчивается на аккадском языке. В основном она состоит из знакомых фраз, но вместо списка подвластных стран мы читаем: «Парса, Мада и другие страны, где говорят на других языках, страны горные и равнинные, эта сторона Горькой реки (Персидский залив) и другая сторона Горькой реки, этот край пустыни и другой край пустыни».

Доступ на территорию дворца был только с западной стороны. Войти можно было через сдвоенную лестницу, установленную на платформе под нависшими бастионами. Лестницы, окаймленные зубчатыми перилами, имели 7 метров в ширину, но ступени были такими удобными — каждая из ста одиннадцати ступеней была 10 сантиметров шириной, — что на коне можно было въехать на широкую площадку наверху лестницы. Здесь пользующийся благосклонностью царя посетитель слезал с коня, и его вели к искусственному водоему, вырубленному в цельной скале, где ему предписывалось совершить омовение и надеть обязательные белые одежды, прежде чем он мог получить аудиенцию у Великого царя.

Ряд подземных водных каналов соединяет различные сооружения на террасе и доказывает, что весь этот грандиозный план был задуман неизвестным гениальным архитектором. Этот план так и не был завершен в полной мере, его реализация едва началась в первые годы правления Дария. К счастью, обнаружение архивов того времени,

сохранившихся в башне на северной стене, дает возможность получить более чем мимолетное представление о строительстве. Самые первые таблички датируются десятым годом правления царя (512 до н. э.), а последние — двадцать восьмым (494 до н. э.), но огромное их большинство относится к периоду между девятнадцатым и двадцать пятым годами, тем самым доказывая, что в период с 503 по 497 г. до н. э. происходило самое интенсивное строительство.

Царские архивы

К нашему удивлению, ни одна табличка из архивов Персеполя не написана персидской клинописью, используемой при составлении царских надписей. Из этого необычного факта мы можем сделать вывод лишь о том, что персидская письменность была искусственной. Теперь мы также можем понять, почему тексты на персидском языке постоянно сопровождают его версии на эламитском и аккадском языках.

Огромное большинство надписей сделано на эламитском языке. По счастливой случайности уже давно появилась возможность сравнить эламитскую версию царских надписей с ранее расшифрованными персидским и аккадским вариантами и тем самым узнать, что во времена Ахеменидов было принято писать на эламитском языке. Чуть раньше архивы были откопаны в Сузах. Эти письменные материалы вместе с еще более древними царскими надписями собраны в карточный каталог-словарь.9 Толкование табличек из архивов Персеполя еще больше облегчается, когда мы узнаем часто употребляемые персидские слова-заимствования.

Как получилось, что эти таблички были написаны на эламитском языке, становится ясно из случайного письма. Наверное, самым интересным является письмо, в котором упоминается дочь Дария: «Говорю Арриене, главному дворянину: Фарнак (Парнакка) говорит: «Царь Дарий приказал мне: Сто овец, принадлежащих мне, отдай моей дочери Артистоне (Ирташдуне)». А теперь Фарнак говорит: «Как царь Дарий повелел мне, так и я повелеваю тебе — отдай его дочери Артистоне сто овец по приказу царя». Месяц Адуканиш, 16-й год [апрель 506 г. до н. э.]. Эту табличку написал Напирсукка после того, как она была переведена».

Эта недавно обнаруженная дочь Дария носит то же имя, что и его любимая жена Артистона, дочь Кира. Она родная сестра Арсамеса и Гобрия, один из которых возглавил арабов и эфиопов, а другой — каппадокийцев во время вторжения в Грецию Ксеркса. На тот момент ей было лет шестнадцать, и этот подарок, возможно, был приданым.10

Еще более интересным оказывается обычай, о котором говорится в письме. Приказ *отдан* Дарием устно. Он *устно* же повторен Фарнаку. Затем он *устно* переведен переводчиком, и только после этого он записан одним из официальных эламитских писцов. Однако должное установление подлинности дает приложение печати. Мы помним, как в своей автобиографии Дарий рассказывает нам, что она была написана и *прочтена* ему.

Среди других документов из этого архива, написанных на эламитском языке, есть несколько, в которых приведен список таких натуральных продуктов, как растительное масло и овцы из разных городов, которые размещались под присмотром сторожа складского помещения. Однако в основном это записи об уплате десятникам различных бригад рабочих, среди которых — что довольно любопытно — были ассирийцы, которые были заняты на постройке зданий на террасе. Обычно оплата производилась натуральными продуктами — столько-то мер зерна, столько-то муки, масла, кувшинов вина или пива. Расчет производился за месяц или несколько месяцев; иногда сохранены эламитские имена, но есть тенденция заменять персидские месяца; обычно используется система интеркалирования.

Насколько мы можем судить по жалованью, эти трудяги зарабатывали почти так же

---

9 Такой словарь был подготовлен Джорджем Дж. Кэмероном до обнаружения архивов в Персеполе.

10 Так как не было принято, чтобы мать и дочь носили одно и то же имя, мы можем заподозрить, что имелась в виду Артозостра, дочь Дария, которая действительно вышла замуж за Мардония незадолго до 492 г. до н. э.

хорошо, если не лучше, чем такие же рабочие в Вавилонии, хотя имеется широкий диапазон различий, особенно между жалованьем мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Во многих документах фигурирует раздача фуража для многочисленных лошадей и ослов, необходимых на строительстве. Большинство рабочих носят эламитские имена, как и писцы, но надсмотрщики — персы; кое-кто из них высокопоставленные чиновники. Из них, как явствует из более поздних текстов, самым главным являлся царский казначей.

И хотя таблички написаны главным образом на эламитском языке, представлены и другие языки канцелярии. По крайней мере, на одной табличке нацарапаны ионические греческие буквы, характерные для того времени. Хотя арамейский язык использовался в канцелярии для написания царских указов еще со времен Кира, он был плохо адаптирован к глиняным табличкам, на которых чернила быстро исчезали. Его широкое использование доказывают около пятисот треугольных табличек. Их форма наводит на мысль о том, что это простые ярлыки, но они все же дают нам понять, что арамейский алфавит использовали писцы, как и в указах Эзры того времени.

Многие из этих табличек выполняют функцию черновиков для предварительных вычислений. На других нет ничего, кроме оттисков печатей, ведь практически на каждой табличке есть печать, как правило, высокопоставленных чиновников и время от времени с надписями на арамейском языке. Когда весь этот материал будет собран и опубликован, в нашем распоряжении будет целый музей, чтобы представить новое искусство Ахеменидов.

Надписи и барельефы на постройках Дария

В то время как именно этот архив не проясняет вопрос об отдельных зданиях, построенных по приказу Дария, он все же подтверждает, что работы шли с 512 по 494 г. до н. э., максимум активности которых пришелся на 503–497 гг. до н. э. В таком случае мы обращаемся к надписям и барельефам, найденным в этих постройках, чтобы уточнить даты и найти подтверждение в архитектуре различных зданий.

Мы можем предположить, что самой первой постройкой, возведенной на площадке, был первый элемент административного здания, «сокровищница», построенная из точно таких же кирпичей, какие применялись в Сузах. По ту сторону улицы, которая соединяла казармы Бессмертных, поднялся ее внушительный фасад высотой 11 метров и толщиной 2,5 метра. Чтобы нарушить однообразие, длинный пролет стены был через небольшие интервалы разбит четырехступенчатыми нишами, которые чередовались с вертикальными прорезями. Подобно внутренним стенам интерьера, фасад был покрыт зеленоватой краской. Некоторые пороги были сделаны из обожженных кирпичей или хорошо отполированного камня. Поверх цементных полов был положен слой красной краски, что характерно, как мы уже видели, для построек Дария. Колонны были целиком деревянными, поставленными на каменный торус в форме диска, под которым, в свою очередь, возможно, лежал квадратный постамент. Как и в Парсагарде, дерево часто покрывали штукатуркой, которую раскрашивали ярко-синими, красными и белыми ромбовидными узорами; розетки, выполненные в тех же цветах, окаймляли некоторые двери. Квадратные балки были опорой для циновок или сухих ветвей, на которые была уложена глиняная крыша; казалось, что единственным источником света были крошечные окошки, расположенные высоко под крышей. Возможно, здесь жил Дарий, пока возводили его личный дворец из более постоянного материала — камня.

С огромной входной лестницы, которая вела на площадку, посетителя, желавшего попасть на аудиенцию к Великому царю, вели на юго-восток мимо куч камней, приготовленных для будущего строительства к другой двойной лестнице. Его взгляд был прежде всего направлен в центр фасада, где под прочной стеной с бойницами в окаймлении розеток должна была помещаться царская летопись строительства. Подобно другим местам, предназначенным для надписей в этой части террасы, оно остается пустым по сей день, так как Дарий умер, прежде чем надпись была сделана, а его сын не считал себя обязанным

вспоминать достижения своего отца. По обеим сторонам от центра фасада четверо Бессмертных салютуют несуществующей царской надписи, поставив копье в положение «на караул»; на них надеты рифленые шапки и длинные одеяния, а в левой руке они держат щиты в виде восьмерки. Над рамкой из розеток прямо под зубчатой стеной два небольших крылатых сфинкса стоят, почтительно подняв правые лапы. Позади каждого из них имеется ряд стилизованных растительных символов, которые отделяют ряд богато одетых чиновников, членов Семи и их домочадцев, которые входят в пиршественный зал через монументальный Тройной портал.

Поднимаясь по ступеням, мы мельком видим первый образец геральдической эмблемы Персеполиса — льва, разрывающего заднюю часть быка. Дикое совершенство этой часто повторяющейся сцены странным образом противоречит наставлению Зороастра относиться с заботой и любовью к священным коровам. По углам фасада стоят ряды стилизованных пальм.

С внешних сторон этих двух лестниц сцены идут в обратном порядке: пальмы, лев и бык, узкое пространство для надписи, а затем Бессмертные. Последние здесь чередуются, будучи одетыми либо в одинаковые наряды, но с колчаном и луком, либо в высоких круглых шапках, тунике и штанах. Короткий персидский меч прикреплен к поясу на правом бедре, а грубый футляр для лука свешивается с левой стороны. Другие Бессмертные, чередуясь таким образом, изображены на углах с восточной и западной сторон лестницы.

Вверх по ступеням в радостном предвкушении близкого пира по одному или по двое идут знатные люди — их семьдесят шесть с каждой стороны обеих лестниц. Справа от нас, когда мы поднимаемся по восточной лестнице, изображены аристократы в высоких рифленых шапках и длинных одеяниях, которые более детально изображены на Бессмертных; те, что слева, одеты в высокие круглые шапки, иногда слегка сдвинутые на лоб, с клапаном, закрывающим шею. Плотно облегающая тело туника спускается до колен и удерживается на талии завязанным кушаком, не очень узкие штаны и остроносые башмаки завершают костюм. У некоторых одеяние с каймой доходит до лодыжек, а пустые рукава свисают по бокам; это почетное одеяние, так как длинная одежда на мужчинах другой группы не имеет рукавов. На некоторых также надеты широкие или узкие крученые металлические ожерелья — еще одно почетное отличие. В основном изображенные люди безоружны, хотя у некоторых имеется налучник; к этому у некоторых добавлен короткий меч, или есть лишь он один.

У нашего художника острый глаз и испорченное или несколько грубоватое чувство юмора. Некоторые придворные явно позируют, других он застал в совершенно неформальных позах. Одетые в почетные одеяния чопорно идут вперед, подняв одну руку. Чиновники более старшего возраста поднимаются по лестнице, поставив одну ногу на следующую ступень и положив руку на колено, чтобы помочь себе взобраться. Некоторые хлопают по руке или плечу впереди идущего человека, приглашая его остановиться и перекинуться парой слов, другим такого приглашения не требуется. Некоторые резко толкаются в раздражении, другие более неторопливы и позируют обернувшись. У одного левая рука лежит на грубом налучнике, чтобы он не болтался; еще один оказывает такую же услугу для своего товарища, идущего впереди. Какой-то приезжий схватил за руку идущего позади него друга. Идущие люди время от времени смущенно касаются своих бород, чтобы убедиться в том, что завивка по-прежнему крепко держится на них; менее деликатно еще один мужчина дергает за бороду своего приятеля. Все изображенные несут цветы, как и полагается во время празднования Нового года. В то время как некоторые крепко и неловко их сжимают, другие с удовольствием нюхают их. Один человек несет огромное яблоко, его товарищ за углом резко обернулся, чтобы увидеть редкое лакомство.

Все это смело и забавно — такое остается общее впечатление от изображенного; более внимательное изучение показывает, насколько грубое исполнение. Стремясь заполнить неровные места, художник прибегнул к любопытному приему. Под балдахином, который увенчивает каждый блок, стоит группа людей, имеющих головы больше обычного размера;

они построены в прямую линию, а их шапки касаются балдахина; так как ступени поднимаются наверх, эти люди разного роста, а их тела часто оказываются искривленными. Первые три группы состоят из четырех фигур каждая: высокого чиновника в длинном почетном одеянии, второго человека в тунике, который должен был быть такого же роста, но он поднимает ногу на следующую ступеньку, и его левое бедро оказывается короче; третий в этой группе явно карлик, который оборачивается назад через плечо и наступает на ногу четвертого, тоже карлика, почти скрывая его идущую вперед фигуру. В трех группах, которые следуют за этой, длинное одеяние надето на второй фигуре. Последние четыре группы людей на лестнице варьируют по количеству человек в них от трех до четырех, хотя начиная с четвертой группы уже нет двойных профилей, а ритмичность достигается чередованием карабкающихся и шагающих фигур. Из угла лестничной площадки придворный в витом ожерелье оглядывается назад на поднимающихся чиновников. С этого момента уже нет проблемы с фигурами, отличающимися по росту, из-за ступенек; теперь в группах по пять человек, третья фигура в них одета в длинное платье, две последние — сдвоенные.

При близком рассмотрении смелость замысла в резком контрасте с незавершенностью становится даже еще очевиднее. Помимо искажения ноги, бедра и плеча, мы замечаем отсутствие запястья, руку, соединяющуюся с кистью другой руки без всякого перехода, неумение дифференцировать большой палец, процарапанные костяшки пальцев руки — и никакой попытки дальше как-то дорисовать кисть целиком, уродство бороды и усов со схематичным изображением их кудряшек и руки, просматривающиеся через драпировку. Складки длинных одежд ниспадают вдоль рук, вниз от центра юбок расходятся дополнительные круглые складки, а кожаные башмаки обвязаны шнурками вокруг лодыжек. Стебли цветов ни разу правильно не соединяются с чашечкой цветка, которая представлена как простой круг или даже квадрат, иногда заполненный штрихами. Персидские скульпторы еще не нормировали рисунок и пространственную ориентацию. Техническое совершенство превосходного «классического» искусства было еще в будущем. По крайней мере, нет намека на застой, который предстояло пережить скульптуре Ахеменидов.

На верхней площадке, где соединяются две лестницы, придворные проходят мимо рядов Бессмертных, одетых в длинные одеяния и рифленые шапки; все они стоят по стойке смирно, что говорит о хорошей армейской дисциплине; один отряд держит в руках щиты, у другого их нет. Гости уже достигли монументального здания с тройными воротами. Подобно портику на южной стороне, северный портик поддерживают две тонкие впечатляющие колонны: нижняя часть каждой из них — рифленая, а наверху — в последовательности многолепестковых цветов ряд из четырех вертикальных завитков и капитель, которую образуют передние части двух стоящих на коленях быков с человеческими головами, стоящие друг к другу спиной. Вдоль стен портика размещены сиденья для тех, кто утомился после тяжелого подъема по лестнице.

Под символом Ахурамазды выступает вперед сам Дарий со скипетром и лотосом в руках, чтобы приветствовать своих гостей и произвести смотр Бессмертным. Двое слуг следуют за ним, держа над его головой золотой зонт от солнца и неся мухобойку и салфетку, которой, по ассирийскому обычаю, должен был пользоваться монарх. Позади него расположен массивный Тройной главный вход с крышей, которую поддерживают четыре высокие колонны. К западу от южного портика находятся комнаты обслуги.

Еще дальше на юг расположена крошечная лестница. На ее внешней стороне стоят Бессмертные, облаченные в длинные одеяния и выстроенные на ступенях с копьями «на караул» и колчанами с луками за спиной. Барельефы на внутренней поверхности лестницы дают понять, что она ведет в пришественный зал. По ступеням поднимаются слуги, одетые то в длинные одежды, то в туники; на слугах одной группы надеты головные уборы вроде чалмы, перехваченные широкой лентой под подбородком, с клапаном, закрывающим шею, а на слугах другой — башлык, тоже перевязанный под подбородком. Под мышкой одного из них находится живой козленок, его передние ноги крепко перехвачены, чтобы не брыкался;

другой несет под мышкой ягненка. Мы видим большой винный бурдюк, повешенный через плечо, в то время как более редкие напитки осторожно несут в открытых чашах. Приготовленной пище не дают остыть, поместив ее под специальный чехол. Такая возбуждающая аппетит картинка, должно быть, ускоряла шаги даже самого медлительного гостя.

Подобно барельефам вдоль монументальных лестниц, трактовка изображений смелая, но без должного внимания к деталям. Глаза фигур огромны и изображены в анфас; веки широко раскрыты, рты прямые, руки большие и неуклюжие.

Из литературы того времени мы узнаем еще больше об этих царских «винных пиршествах». Самый большой пир устраивали в день рождения царя, когда миропомазанный царь вручал дары своим соотечественникам-персам; говорили, что в таких случаях на пир могли быть приглашены пятнадцать тысяч человек, а обходился он казне в 400 талантов. Из гостей, приглашенных отобедать с царем, большинство ели за пределами дворца на виду у всех, тогда как немногие избранные находились во дворце в компании царя. И даже тогда царь вкушал пищу в одиночестве в отдельной комнате за портьерой «белого, зеленого и синего цвета, прикрепленной на шнурах из тонкого холста и пурпура», сквозь которую он мог видеть гостей, оставаясь невидимым сам. Только по народным праздникам все ели в большом зале вместе с царем.

Когда он устраивал «винное пиршество», дворяне трапезничали отдельно, как и раньше, но затем по зову евнуха им позволялось продолжить возлияния в присутствии царя. Они сидели на «полу, выложенном синими, белыми, черными и красными камнями», а царь возлежал на кушетке с золотыми ножками. Напиток царю подавал в золотом кубке высокопоставленный придворный, евнух-виночерпий, после снятия с него пробы официальным дегустатором. Пока дворяне напивались обычным вином, их господин наслаждался марочным, произведенным из винограда шалибон, растущего на солнечных склонах гор над Дамаском. После пира царский управляющий исполнял почетную обязанность по укладыванию пьяного хозяина в постель.

Обычно царь завтракал и обедал один, хотя иногда к нему присоединялась царица или сыновья. На протяжении всей трапезы его развлекали наложницы, которые пели или играли на лире: одна исполняла соло, а другие образовывали хор. Тысячи животных ежедневно забивались при царском дворе; этот список включал лошадей, верблюдов, быков, ослов, оленей, арабских страусов, гусей и петухов. Небольшое количество мяса ставили перед каждым гостем, которому разрешалось взять домой то, что он не мог съесть. Это не было расточительством, так как большая часть продуктов шла в качестве платы гвардии Бессмертных и легковооруженным воинам, которые ожидали во дворе. Было принято, чтобы самые уважаемые представители знати присутствовали на царском завтраке, чтобы позже они могли развлекать своих собственных гостей точно таким же образом. Они ставили всю еду на стол, а после трапезы служитель, ответственный за стол, отдавал остатки рабам и слугам, которым таким образом платили за их работу.

Тем временем Дарий строил свою постоянную резиденцию с видом на равнину с западной стены. Она стоит на своем собственном отдельном возвышении и, в отличие от большинства построек Персеполя, смотрит на юг, чтобы ловить зимнее солнце. Сохранились два ряда из четырех каменных оснований, указывая на расположение деревянных колонн, которые когда-то поддерживали портик, с балюстрады которого Дарий мог насладиться прекрасным видом на равнину и горы в дальнем ее конце. На концах — монолитные угловые пилястры, выемки в которых свидетельствуют о том, что они держали на себе балки кровли. Дверные проемы под выкружкой с узором из тройных перьев и декоративными формами в виде яиц и стрел в тройной раме охраняют два Бессмертных огромного роста. В кирпичные стены вставлены монолитные каменные ниши тоже под выкружкой из декоративных форм и украшенные крошечными надписями. Окаймленный по обеим сторонам двумя изящными окнами, вход в главный зал показывает нам Дария под зонтом от солнца, и на этот раз символ Ахурамазды заменен надписью.

Три ряда по четыре деревянные колонны в каждом поддерживали крышу этого центрального зала квадратной формы. На единственной двери, расположенной с восточной стороны, царь убивает ножом льва, стоящего на задних лапах; в сцене напротив он сражается с чудовищем, у которого голова льва, когти орла и хвост скорпиона. На дополнительной двери в этой стене изображена сцена борьбы с быком. С восточной и западной сторон располагаются другие личные покои, небольшие и узкие, в которых на стенах тесных коридоров изображен царь, крепко держащий в руках львенка, когда-то пойманного вавилонским Гильгамешем, и собирающийся убить его ножом.

Личные покои есть и с северной стороны, куда ведут две двери, на косяках которых мы видим царя со скипетром и цветком в руках и слуг с мухобойкой и салфеткой. То, что эти покои личные, говорит характер барельефов. На одном косяке изображен прекрасно нарисованный мальчик, короткие кудрявые волосы которого схвачены широкой повязкой, в его ухе кольцо, в одной руке он несет высокий и тонкий алебастровый кувшин для благовоний, поверх другой его руки лежит салфетка. Лицом к этому барельефу по другую сторону дверного проема изображен мужчина с жаровней и ведром. Части дворца настолько отполированы, что оправдывают свое современное название Зеркальный зал.

Напротив двери с быками есть еще одна, такая же узкая, охраняемая двумя Бессмертными громадного роста. С нее открывается небольшая лестница, спускающаяся на более низкий уровень над западной стеной, огораживающей цитадель. Барельефы и надписи на южном фасаде сделаны не Дарием, а его сыном. А мы посетили все постройки Дария на террасе Персеполя.

Глава 14
БАРЫШНИК

Великий рассказчик Геродот сообщает нам, что Кир и Камбис официально не облагали данью покоренные народы, но любили принимать подарки. Дарий, однако, определил размер дани и других поборов, и за это его прозвали барышником. Как это случалось со многими другими явно несмешными анектодами этого историка, только недавно обнаруженная информация дает нам правильное объяснение. Дарий был не только великим законодателем и администратором, но и выдающимся финансистом.

Стандартизация мер и весов

Редко среди древних монархов можно найти правителя, который так глубоко понимал, что успешное государство должно стоять на крепком экономическом фундаменте. Он понимал, что в первую очередь необходимо провести стандартизацию мер и весов. Как мы уже видели, «царская мера» (равная приблизительно нашему бушелю) уже начинала вытеснять различные частные меры землевладельцев. Важно, что к концу правления Дария процесс перехода уже почти завершился. У нас есть официальный пример «царского локтя» — нечто вроде линейки из черного известняка длиной 45,7 сантиметра, подлинность которого подтверждена именем и титулами Дария. Три ассирийских царя — Тиглатпаласар III, Салманасар V и Синахериб подготовили бронзовые гири в форме льва, на которых на арамейском языке были написаны их имена и число *mana* (вес); они были узаконены тем, что к надписи было добавлено слово «царские». Такой лев, только гораздо тяжелее, был найден в Сузах вблизи большой бронзовой гири, когда-то предназначенной для Аполлона из Бранхид; на ней тоже есть ручка, с помощью которой ее ставили на весы для проверки, но ее огромный вес (211 килограммов) показывает, что она должна представлять семь талантов. Другая гиря в виде льва была найдена в Абидосе у Геллеспонта; на ней есть надпись на арамейском языке: «Точная, согласно царской сатрапии», а ее вес показывает, что ее единицей измерения является эвбейский талант (равен 26,19 кг. — *Пер.*).

Дарий также ввел новую меру веса — *karsha.* Были найдены семь великолепно отполированных и покрытых надписями гирь: в сокровищнице Персеполя, в Кермане и других местах. Они выполнены в форме пирамидок, аккуратно скругленных на вершине. По образцу, обнаруженному в сокровищнице Персеполя, мы узнаем, что его вес, чуть меньший 10 килограммов, представляет 120 *karsha* , что, согласно аккадской версии, является эквивалентом 20 *mana* , то есть «сверхтяжелым». Более ранние и поздние периоды дали нам большое количество гирь в форме уток; такая гирька из белого известкового камня с оттенками серого и розового тоже была найдена в сокровищнице, она весит около половины *karsha.* Интересно отметить, что на другом конце империи, в Элефантине на южной границе Египта, торговцы евреи платили свои долги «согласно камню (мере) царя». Самой маленькой единицей веса был *ballur* (боб), также известный в Вавилонии того времени. 10 *ballurin* составляли одну четверть, 4 четверти — 1 шекель, а 10 шекелей — 1 *karsha.*

Развитие монетной системы: стандартизация при Дарии

Взвешивание драгоценных металлов как форма денежного обмена уже не было в ходу. На самом деле отчеканенные монеты не были в новинку в более развитых частях империи, где давно уже использовали чеканку денег. В самом начале письменной истории Вавилония прошла ступень меновой торговли и достигла более развитой экономической ступени со всеми явлениями, которые мы считаем необходимыми для денежной экономики. Сама письменность связана с ее появлением; таблички, которые дают нам первые примеры чего-то, мы можем считать чем-то вроде (копий) дубликатов самых примитивных пиктографий, содержащих примеры древнейшей бухгалтерии.

Первой единицей обмена была «мера» ячменя. Со временем иногда ее могли заменять драгоценные металлы. Их регулярно отмеряли, и когда началась чеканка монет, названия были взяты из старой системы весов. 160 *she* составляли *shiqlu* , или более знакомый для нас библейский шекель. 60 *shiqlu* составляли 1 *mana* , а 60 *mana* — 1 *biltu* , или талант. Наивысшая единица талант весила 30 килограммов; поэтому *mana* весила около 500 граммов. Что же касается шекеля, то вес серебра имел бы в монетном выражении около четверти доллара в современной валюте, хотя, конечно, нам следует помнить, что его покупательная способность в древние времена была во много раз больше.

В начале 2-го тысячелетия до н. э. балансы храма бога солнца в Сиппаре подсчитывались в «кругах», или «головах Шамаша», серебра — мы предполагаем, что это была отчеканенная монета. Пять веков спустя на египетском барельефе мы видим, как трофеи или дань отмеряют в виде серебряных колец. Вскоре ассирийцы, использовавшие серебро для важных займов, стали применять свинец для менее значительных сделок. Затем свинец был вытеснен медью, а потом место меди заняла бронза. Описывая легкость, с которой он отливал огромных бронзовых быков, Синахериб утверждал: «Я сделал глиняную форму и налил в нее бронзу, как для изготовления монет достоинством полшекеля». Кусочки серебра под названием «головы Иштар» упоминаются в отчетах о сельскохозяйственных займах, выданных во времена последней Ассирийской империи. Как они выглядели, можно понять по кусочкам штампованного серебра, откопанного в Ашуре.

Греческие поэты классической эпохи воспевали реку Пактол, богатую золотом, которая протекала мимо Сард, столицы Лидии. Золото, смываемое водой с горы Тмол, можно было еще собрать, но возросшая стоимость трудовых затрат сделала его добычу невыгодной. Ничего удивительного, что, имея относительно большое количество драгоценного металла чуть ли не у порога дворца и возможность распоряжаться дешевым трудом рабов, в начале VII в. до н. э. цари Лидии начали чеканить деньги, в то время как ассирийские монархи хвастались своими полушекелями, а люди знатного происхождения давали взаймы «головы Иштар». Подходящие способы отделения золота от менее ценного серебра еще не были открыты, и первые лидийские монеты были отчеканены из природного сплава золота и серебра, в котором золота содержится от 40 до 60 %. На лицевой стороне монеты был

изображен герб Лидии — передняя часть рычащего льва, на ее обороте был выбит квадрат — отметка матрицы.

От лидийцев об искусстве чеканки монет узнали греки. Они, вероятно, узнали также и названия величин веса, так как *biltu* превратился в *talanton, mana* — в *mna, siqlu* — в *siglos,* а «голова Иштар» стала *stater* . Последний стал новой лидийской единицей, вес которой равнялся приблизительно 217 гранам (1 гран равен 0,0648 г. — *Пер.*). Небольшие изменения были внесены в форму третьих, шестых, двенадцатых, двадцать четвертых, сорок восьмых и даже девяносто шестых частей статера. Монетная система была явно основана на вавилонской шестидесятеричной системе; девяносто шестая часть была такой крохотной, что весила чуть больше 2 гран.

Последний царь Лидии Крез стал бессмертным благодаря тому, что на Западе стали употреблять его имя как нарицательное для обозначения миллионера. Своим бессмертием он обязан выдающейся денежной реформе. Лидийцы изобрели новые способы очищения золота от примесей, Крез решил использовать это для чеканки *как* золотых, *так* и серебряных монет. Так как статер был теперь из чистого золота лишь с небольшой долей сплава, чтобы предотвратить разжижение металла, то увеличилась его стоимость и снизился вес, который составил около 164 гран. Реформу провозгласил новый рисунок на лицевой стороне монеты — лев, стоящий напротив быка. Золотые денежные единицы меньшего достоинства после этого могли быть сведены к половинам и третям статера. Серебряные статеры стали весить 163 грана, хотя полустатеры были более популярны и у греков превратились в *sigloi.* Двенадцатая часть статера была предшественницей обола, который греки носили за щекой вместо кошелька.

Золотые и серебряные монеты Креза, которые случайно избежали участи стать добычей солдат армии Александра Великого, были найдены в сокровищнице Персеполя. Они также встречаются в хранилище, который Дарий сделал под ападаной. Таким образом, они стали свидетелями появления его собственной монетной системы. Греческие государства Кизик, Митилена и Фокея продолжали следовать древней лидийской традиции чеканки монет из сплава золота с серебром. Их бледные «кизикены» можно было легко отличить от новых желтых «статеров Дария». Дарик весом 129 гран содержал 98 % 231/4-каратного золота. В качестве серебряной денежной единицы Дарий предпочел полустатер, шекель или *siglos,* у которого был сохранен его прежний вес 83 грана. Эти монеты тоже чеканили из очищенного от примесей серебра, которого содержалось в них более 90 %. Более мелкие монеты составляли треть, четверть, шестую и двенадцатую части полустатера. Золото отмеряли по эвбейскому стандарту, в то время как серебро — по вавилонскому таланту, который весил 78 эвбейских мин. Двадцать *sigloi* равнялись 1 дарику, соотношение серебра к золоту составляло 13,3 к 1.

Дарий также установил типы монет для своих преемников. На лицевой стороне изображен стройный бородатый царь в полубегущей-полусклоненной позе. На нем царские одежды, а на его слегка наклоненной голове — военный венец. В правой руке над правым плечом он сжимает копье, держа его острием вниз; колчан висит на его левом плече, и в левой руке у него натянутый лук, от которого эти монеты получили прозвище лучник; их часто использовали для подкупа греческих государственных деятелей. На более позднем варианте монеты появилось изображение короткого обнаженного кинжала. Как и на первых монетах Лидии, на обратной стороне был выбит лишь квадрат; в серебряных монетах пробито отверстие. Из огромного количества драгоценных металлов, получаемых в виде дани, лишь немного использовалось для чеканки монет, остальное хранилось в слитках в качестве резерва.

Денежная реформа затронула немногих жителей империи. В глухих уголках империи торговля продолжала идти на условиях обмена. На обширных пространствах по берегам Нила и Тигра практика использования денег отражалась в терминологии торговых документов, но в основном это была простая бухгалтерия, и можно было сомневаться, держали ли в руках когда-нибудь крестьяне, которые обрабатывали землю, настоящие

деньги. Даже ремесленники, которые работали на царских стройках, обычно получали плату натуральными продуктами, хотя плата рассчитывалась в денежном выражении.

Выгоду получили только купцы. Они получили определенные преимущества из того, что был установлен стандарт денежных единиц, и из того, что монеты, бывшие в обращении, имели одинаковые вес и чистоту. При этом правители торговых городов предпочитали чеканить свои собственные монеты в качестве доказательства своей независимости. Таким образом, дарик и его более мелкие производные имели большое значение не столько сами по себе, сколько в качестве стандартов для такой чеканки на местах. Там, где мы находим эти «независимые» монеты, находятся центры торговли, в частности большие торговые города Финикии и Греции. Но это те самые города, история которых увлекает нас больше всего, так как эта история независимой чеканки монет дает нам много нового и важного.

С денежной реформой Дария была тесно связана стандартизация стоимости драгоценных металлов. Случайная табличка из сокровищницы Дария — единственная из сохранившихся табличек, которая написана на аккадском языке, — ярко иллюстрирует радикальный характер переоценки и наводит на мысль о несправедливости, от которой при этом, вероятно, страдал налогоплательщик.

В течение девятнадцатого и двадцатого годов правления Дария (503–502 до н. э.) четыре человека платили в царскую сокровищницу налоги, очевидно от имени определенных групп людей, с которых они были собраны. Деньги, которые они приносили, естественно, были в обращении на рынке, так что степень чистоты тех денег, которые принимали торговцы, была разной. Мы должны надеяться на то, что налогоплательщик иногда проверял ее качество, прежде чем принять ее в торговой сделке, хотя очевидно, что слишком часто он этого не делал. По крайней мере, сокровищница не принимала монеты по номинальной стоимости, а сама улучшала их качество, и наш документ свидетельствует об уценке. Сначала фиксируется номинальная стоимость монет, представленных к оплате налога, затем идут такие категории, в которые попадают представленные монеты, как белое или чисто серебро, второсортное и третьесортное серебро, затем следует уценка для каждой десятишекелевой монеты относительно официального *karsha* , и, наконец, идет итоговый вычет из выплаты суммы всего налога. На нижнем поле таблички мы еще можем разглядеть числа, с помощью которых писец делал свои вычисления, и они могут доказать, что они не всегда были совершенно правильными.

Например, 30 декабря 502 г. до н. э. Индукка, мать Туту, старшины купцов в каком-то эламитском городе вроде Суз, заплатила очень приличный налог в размере 6,5 килограмма серебра, предполагая, что все это — белое серебро; это был первый взнос в счет выплаты налога. Однако, когда серебро было очищено от примесей, его стоимость снизилась на четверть шекеля на каждые 10 шекелей серебра; общая недостача составила 200 граммов и 2 шекеля, и ее нужно было возместить. Вторая выплата в размере 4 килограммов и 53 шекелей второсортного серебра сильнее пострадала от недостачи — четверть шекеля и одна восьмая на каждую десятишекелевую монету; а при выплате 2 килограммов и 3 шекелей монетами из третьесортного серебра потеря достигла одной десятой. Таким образом, при выплате полной суммы налога в размере 13 килограммов и 49 шекелей женщина понесла потери в размере 500 граммов 241/4 шекелей, или почти 5 %! Такой же серьезный убыток понес Мид Паттемиду, «сын пастуха», при выплате 19 килограммов и 50 шекелей. Ничего удивительного, что несчастные налогоплательщики прозвали Дария барышником!

Несмотря на такой значительный пересчет, мелкие монеты не исчезли с рыночной площади. В этой связи особенно важными являются папирусы из Элефантина. Дважды нам попадаются ссылки на новые монеты, в 471 и 411 гг. до н. э., когда мы узнаем об «очищенном от примесей серебре». В других случаях на протяжении всего периода, в течение которого хранились папирусы, мы видим стандартное предписание сделать платеж «по царскому весу», но с вычетом «двух четвертей (шекеля) на десятишекелевую монету» или «две четверти на *karsha* », что доказывает сохранение монет должного веса, но недостаточной чистоты.

Архивы Дария, найденные в стенной башне, заканчиваются этим двадцать восьмом годом его правления. К тридцатому году (492 до н. э.) мы начинаем находить таблички в его сокровищнице. Их изменившиеся формулировки дают дальнейшие доказательства финансовой реформы: «Говорит Барадкама: Выдать столько-то *karsha* , столько-то шекелей серебра такому-то… в Парсе». Но в то время как бухгалтерия ведется в условиях монетной системы, реальные платежи продолжают вносить в виде продуктов питания и напитков: «Эквивалентом являются овцы и пиво; одна овца — за 3 шекеля, один кувшин — за 1 шекель». Зафиксированы месяца, за которые внесены платежи, и год правления царя, хотя его имя опущено. Время от времени нам не дают возможности засомневаться: «Царь Дарий приказал дать им это». Так как все таблички написаны на эламитском языке, то естественно, что у писца эламитское имя; однако печати в основном персидские. Но одна печать — на арамейском языке, хотя имя ее владельца вполне персидское, начинающееся с божественного слова Арта. Когда мы сравниваем сумму жалованья, выплаченного этим дворцовым рабочим, с жалованьем обычного поденщика в Вавилоне, мы обнаруживаем, что не было никакой выгоды в участии в постройке зданий Персеполя.

Изменения в населении

Поверхностное изучение груд табличек из Вавилонии с надписями, относящимися ко времени правления Дария, создает впечатление, что дела идут как обычно. Более тщательное исследование подтверждает, что под однообразным повторением формулировок можно обнаружить существенные события.

Стоит даже читать скучные списки полупрофессиональных свидетелей, так как посредством этих списков мы узнаем об изменениях, произошедших в населении. Среди них мы встречаем сыновей и внуков представителей крупных семейных кланов, с которыми мы познакомились во времена Кира. У нас есть причины заподозрить, что основателями многих из них были люди, родным языком которых был арамейский; появление большего числа арамейских имен в более поздних поколениях усиливает это подозрение. Наличие на арамейском языке «описей партий товара с указанием владельца» на клинописных табличках с конца VIII в. до н. э. стало считаться доказательством того, что даже писцам было легче читать написанное по-арамейски, чем более сложную аккадскую письменность, долгое использование которой в консервативной Вавилонии вынуждало их применять ее; по крайней мере, одна такая опись была составлена в годы правления Дария. Одного человека просто назвали «арамеец».

Естественно, возникает вопрос: сколько таких людей с арамейскими именами были на самом деле евреями-изгнанниками? Был ли Зербабили родственником современного ему иудейского принца с таким же именем — Зерубабеля, как он назван в наших иудейских документах? Давно было высказано предположение, что самая известная семья банкиров Вавилона — семья Эгиби — была еврейского происхождения и что основатель рода носил имя, которое на его родном языке звучало как Яков. В то время глава семьи был известен как Мардук-насирапал — хорошее вавилонское имя, выражавшее почтение Богу Вавилона. Любопытно, что первое появление «второго имени», столь знакомого в период Селевкидов, связано с «Шириком, второе имя которого Мардук-насирапал, сыном Иддины, потомком Эгиби». В других документах Ширик назван только своим арамейским именем, хотя в тождестве не может быть сомнений. Но до этого момента мы знали его отца лишь как Итти-Мардук-балату; тогда Иддина, что соответствовало бы иудейскому Натану, должно быть его первым именем.

То, что потомки Эгиби носят «вторые имена», которые взывают к Мардуку, не является доказательством того, что толкование неверное; скорее это указывает на то, что они отступники. Есть другая влиятельная семья, предок которой был Белиау; это имя — вызов язычеству, и его можно перефразировать так: «Наш Бог Яхве — истинный Бог, а не ваш так называемый бог Мардук». И все же несколько его потомков носят имена, выражающие

почтение Набу!

В табличках более раннего времени не упоминаются иранцы, приход к власти Дария выдвинуло их на первый план. К 521 г. до н. э. в окрестностях Вавилона появился «дом персов», на следующий год в этом городе появляется мидиец Какиа. К 508 г. до н. э. перс Партамму становится там владельцем дома. В начале 505 г. до н. э. Уммадату, сын Удунату, и Артабан (Артабануш), сын Багадату, становятся судьями в Вавилоне. В 504 г. до н. э. обработанную землю Артагата рабыня Арташаты берет в аренду. В 501 г. до н. э. Шишшия становится мажордомом Багасару, который получает титул *ganzabar* , или казначей, — вот пример заимствования персидского слова. В 499 г. до н. э. мы узнаем о мидийце Нинаку, в 496 г. до н. э. — о Багину, сыне Адраты, в 494 до н. э. о том, что Гамбия, дочь Фарнака, вышла замуж за арамейца Зеруту. Сравнение с более древними табличками говорит о настоящем вторжении в Вавилонию иранских поселенцев.

В Вавилонии существовали другие, новые этнические проблемы, которые вызывали напряжение. Одного человека, мелькающего довольно часто, называют просто «египтянин». Люди, в именах которых есть слово «Ашшур», вероятно, сирийцы. Шаму, сын Убазу, кашшит. Есть город под названием Набату, поселение набатеев; другой, под названием Гандаруйтум, напоминает нам о стране Гайдара, откуда поступало тиковое дерево для дворца в Сузах. Есть упоминания о кардаках или курдах, лукшу, инахуд и ханана, которые были наемниками на царской службе.

Радикальное изменение в экономической жизни

Внутренняя торговля в империи внезапно сделала рывок вперед. Например, Мардукназирапал дает в долг деньги двоим мужчинам на торговлю «на дороге». Сколько бы они ни заработали серебра в городе или сельской местности, половина прибыли идет ему; но они несут совместную ответственность за предоставленный капитал, хотя *им* не разрешено заниматься каким-то другим бизнесом. Естественно, что торговля с Эламом играет большую роль в наших документах. Вот пример: Кусурру за счет Ширика («первое имя» того самого Мардукназирапала) должен сопровождать колесничих Белапалиддина, «мэра» Вавилона, в Элам с 50 шекелями серебра для торговли. В 505 г. до н. э. шесть человек отправляются в Элам на корабле, груженном ячменем; им вверены 11,3 килограмма шерсти. В 511 г. до н. э. в Шушане (Сузах) составлен долговой документ. Частые продажи храмовых пребенд (доход духовенства в Западной Европе с земель, домов, церковных сборов, треб и т. д. — *Пер.*) даже на небольшую часть одного дня напоминают нам о похожих сделках, совершаемых через наши фондовые биржи с ценными бумагами нецерковными корпорациями.

Возросшее вмешательство в экономическую жизнь страны очевидно. В 520 г. до н. э. гонцу сатрапа даны финики. Четыре года спустя при продаже рабов к обычным гарантиям стали давать дополнительные гарантии, чтобы раба не призвали на царскую службу. В 508 г. до н. э. есть квитанция за ячмень, полученная на царском складе. В том же году землю продают, меряя ее «царскими локтями». При продажах ячменя или фиников регулярно используют «царскую меру 1 π», сокращенно «царская мера» или «мера 1 π». К 497 г. до н. э. большая церемониальная улица Набу в Борсиппе становится официально известной как «улица бога *и* царя». Когда царский писец арамеец Наназерибни продает землю, покупатель должен оговорить, что проданное таким образом обработанное поле не является царской собственностью, а было куплено на серебро; среди свидетелей этого факта значится перс Шишшити, сын Каммака. Там и сям мы видим указания на то, что кодексом законов Дария пользуются; то, что персы нужны для его должного толкования, показывает появление двух таких иностранцев на скамье судей в самом Вавилоне.

Наши глаза, открытые для восприятия значения денежной реформы, видят новое и зловещее применение часто встречающейся «одной восьмой». Это та самая одна восьмая, которую царская казна вычитает из номинальной стоимости монет, когда те идут в уплату налогов. Мы постоянно читаем о «девальвированном белом серебре полушекелевых монет».

Само по себе «белое серебро» означает только, что монеты были отчеканены с правильным весом, согласно царскому стандарту. Редко его чистота, а также вес эквивалентны чистоте и весу монет, отчеканенных на царском монетном дворе; тогда определенно утверждается, что монеты и «из белого серебра являются законным платежным средством» или что они «являются законным платежным средством для производства и приема платежей». Гораздо чаще «белое серебро» не является «законным платежным средством»; в таком случае мы можем найти «меньше четверти шекеля». Естественно, есть случаи, когда некоторые монеты были из «белого серебра», а другие из «серебра и являлись законным платежным средством».

Мы осознаем полную меру этого правительственного вмешательства в бизнес только тогда, когда мы составляем график цен. Они показывают, что уровни цен медленно поднимались на всем протяжении Халдейского и Раннеахеменидского периода. Но столь ужасающ и внезапен их скачок в начале правления Дария до уровня, который с того момента стабилизировался до конца этого периода, что мы больше можем не сомневаться, что эти исполненные благих намерений «реформы» внесли свой вклад в грядущую экономическую дезинтеграцию.

Глава 15
ПУТИ БОГОВ

Дарий и монотеизм

Зороастр был настоящим монотеистом. Для него Ахурамазда был буквально одним-единственным богом. Если он говорил о Благой мысли, Набожности и тому подобном, это было как уступка свойственной человеку трудности абстрактного мышления; в реальности они были просто атрибутами уникального высшего божества. Дэвы, которых почитали его противники, были всего лишь демонами, которых он ненавидел со всей убежденностью и пылкостью монотеиста.

Дарий был таким же монотеистом в душе. Ни один бог, кроме Ахурамазды, не упоминается по имени в его многочисленных царских надписях. Почти в каждой строчке гимнов воспевается великий творец и законодатель, скромно признается зависимость от божественной помощи или выражается просьба оказать божественную защиту ему, его семье и всей его деятельности. Возможно, он ненавидел демонов, которым поклонялись его политеисты-подданные, так же неистово, как и его великий учитель. Но если Зороастр был пророком, единственной целью которого было завоевать приверженцев одной истинной вере, то Дарий должен был управлять внезапно обретенной империей, большинство населения которой были явными политеистами. Можно было привести государственные соображения, которые объясняли бы недружелюбное отношение к их храмам и слишком могущественным жрецам, но ему приходилось скрывать свои личные чувства; ему даже приходилось лицемерно подыгрывать им, иногда упоминая «Ахурамазду и других богов». Возможно, не будет слишком большим преувеличением представить, как он диктует эту фразу, бормоча шепотом: «Боги язычников — это ничто». Редактор эламитской версии царской автобиографии прекрасно знал, что Ахурамазда был «богом арийцев».

Места поклонения Ахурамазде

Хотя Ахурамазда так часто упоминается в царских надписях, а его крылатая фигура или символ постоянно парит высоко в воздухе во дворцах Персеполя и Суз, а также на скале Бехистун или могиле Дария, мы мало знаем о ритуалах поклонения ему и не можем даже сказать наверняка, где ему поклонялись. С некоторой долей достоверности разрушенная постройка из двух или трех террас между Тройными вратами и личными покоями Дария

считается открытым святилищем вроде тех, которые лучше сохранились в Парсагарде. На барельефе гробницы в Накши-Рустаме изображен царь, приносящий жертву на простом алтаре, а над ним парит Ахурамазда; это означает, что церемония происходит на открытом воздухе. Геродот прямо утверждает, что у персов не было храмов.

И тем не менее существовал храм Ахурамазды и других иранских божеств, к этому времени отождествляемых с их греческими родственниками — Зевсом, Герой, Афиной, Аполлоном, Гелиосом, Артемидой, на равнине к северо-западу от возвышенности Персеполя; он относится к началу Позднеахеменидского периода. Когда в чистом поле мы находим очень похожую постройку, конструкция которой показывает, что она была возведена Дарием или его сыном, мы можем быть уверенными в том, что она тоже была предназначена для отправления религиозных обрядов. Галерея, на колоннах которой сидели деревянные львы, вела через открытое пространство к главной постройке с портиками с восточной, северной и западной сторон и помещениями по углам и позади святилища. С северного портика, если глядеть через дверь, можно было увидеть основание алтаря между третьим и четвертым рядами из шестнадцати колонн. С восточной стороны чуть ниже находился двор, ограниченный на востоке кирпичной стеной, а на южной стороне был низкий зубчатый парапет со ступенями; ступени имелись также и с северной стороны.

Под курганом, находящимся в 4 километрах к северо-востоку от Суз, сразу за бывшим руслом реки Евлей была найдена еще одна постройка. Прежде чем попасть на мощеный двор площадью 5,6 квадратных метра, нужно было пройти по узкому коридору длиной 29 метров и шириной менее 2 метров, стены которого были украшены нишами. В дальнем конце двора находилась широкая лестница, которая вела к крыльцу под двумя колоннами, вестибюлю и в замкнутое помещение с четырьмя колоннами. С точки зрения архитектурного решения можно предположить, что эта постройка была возведена при Дарии, и многое можно сказать в пользу того, что это один из *ayadana* («дом богов»), согласно вавилонской версии; говорят, что ее разрушили маги, а Дарий восстановил. Добавив точную копию храма огня в Парсагарде, построенного Дарием рядом со своей гробницей, мы собрали все имеющиеся архитектурные доказательства материальной стороны религии персов.

Религия «общины» Зороастра

Какое бы сильное влияние ни оказало на Дария учение Зороастры, он, безусловно, не был членом «общины» пророка. В то время как сподвижники пророка были еще живы, община, вероятно, довольствовалась устной передачей высказываний своего учителя, особенно потому что точность, возможно, была гарантирована их метрической формой, в которую они были облечены. Когда же сподвижники пророка умерли, когда официальные религиозные обряды империи столь явно отклонились от истинной веры и возникла опасность оппортунистической ереси, единственная надежная гарантия того, что истинное учение учителя сохранится, состояла в том, чтобы изложить его письменно. По мере того как все больше и больше гат Зороастры декламировались во время обрядов, необходимость точной их передачи становилась все более настоятельной. Это не означает, что гаты стали «Библией» и обязательно читались набожными верующими-зороастрийцами; скорее несколько рукописей, составленных жрецами-писцами, хранились как скрижали учителя; по ним можно было свериться во время декламации устной части обряда.

Из этой первой общины вышли три молитвы — Ахуна Вайрья, Ашем Воху и Айрьема Ишьо — самые древние зороастрийские документы после гат:

«Как он (Ахурамазда) самый лучший Бог, так и он (Зороастр) Судия, согласно священной Праведности, он тот, кто приносит деяния Благой мысли Мазде в Царство Ахуры, кого они сделали пастырем бедняков.

Праведность — самое лучшее Добро; да будет она согласно нашему желанию, по нашему желанию она будет для нас, Праведность для Наилучшей праведности (спасения).

Пусть возлюбленные братья придут на помощь верующим-зороастрийцам, мужчинам и

женщинам, на помощь Благой мысли; какой бы драгоценной награды ни заслуживал сам человек, для него я молю желанную награду — Праведность, которую дарует Ахурамазда».

Верные ученики Зороастра остаются бедными и неприметными. Община не могла рассчитывать на награду от светских правителей. Тем больше оснований у ее членов с нетерпением ожидать компенсации, которую Зороастр обещал в блаженной жизни по ту сторону могилы тем, кто выдержит испытания жизни земной.

Та же самая ситуация просматривается в других молитвах, написанных на том же диалекте, что и тот, который использовал Зороастр для написания своих гат, но пророческое вдохновение иссякло, и теперь они изложены в прозе:

«Вот что мы хотим выбрать — Ахурамазду и прекрасную Праведность, чтобы мы могли думать, говорить и совершать только самые лучшие поступки для обоих миров. Мы стремимся к награде за самое лучшее деяние, чтобы коровы были сыты и спокойны, приказано это было или нет, будь то правитель или подданный. Поистине самому лучшему из правителей принадлежит Царствие, так как мы отдаем его Ахурамазде и Лучшей праведности [подразумевается, что не светскому Великому царю, вроде Дария]. Поскольку мужчина или женщина знают, что есть правда, то пусть они с рвением делают то, что праведно для себя и для всякого, кого они смогут в этом убедить. Чтобы воздать тебе, Ахурамазда, почести и вознести хвалу и дать корм скоту, мы считаем тебя самым лучшим. Ради тебя мы трудимся и просвещаем разум другим, как только можем. Вместе с Праведностью, в общине Праведности посчитай каждого понимающего человека с наилучшим утешением обоим мирам. Эти слова откровения, Ахурамазда, с размышлениями о Праведности мы будем провозглашать; однако тебя, Зороастр, мы считаем учителем, давшим заповеди. Желая Праведности, и Благой мысли, и Царствия тебе, Ахура, возносим нашу хвалу за хвалой, изречение за изречением, молитву за молитвой».

«Теперь, Ахурамазда, помни и выполни то, что вызывает наше беспокойство, под своим покровительственным присмотром, какую награду ты назначил общине, к которой я принадлежу. Дай нам это в этой жизни и духовной, чтобы мы достигли единения с тобой и Праведностью навеки. Помоги, Мазда-Ахура, воинам поверить в Праведность, в то, что они могут достичь Праведности; да станут крестьяне твоими постоянными, рьяными и верными слугами; пусть они подчинятся нам как истинные верующие! Точно так же да будут люди знатного происхождения, крестьянские общины и светские общества, членами которых мы являемся — да будем мы, Мазда-Ахура, верующими в Праведность. Ниспошли нам то, чего мы желаем!»

«Гимны, песни и хвалу мы посвящаем Ахурамазде и Лучшей праведности. В твоем Благом царствии, Мазда-Ахура, да пребудем мы на все времена. Пусть добрый правитель, будь то мужчина или женщина, властвует над нами в обоих мирах, о самый милостивый из созданий! Подобно благословенному богу (Язата), идущему об руку с Праведностью, мы призываем тебя. Да пребудешь ты, самый милостивый из созданий, с нами в обоих мирах. Да будем мы служить тебе и постоянно получать от тебя помощь; да станем мы благодаря тебе энергичными и сильными. Продолжай помогать нам столько, сколько мы захотим, самый милостивый из созданий! Твоими панегиристами и пророками, Ахурамазда, мы называем себя; таковыми мы и будем и с готовностью занимаем это место, Мазда-Ахура, за ту плату, которую ты обеспечил общине. Это ты даешь нам и в этой жизни, и в духовной, чтобы мы достигли единения с тобой и Праведностью навеки».

Маленькая церковь Зороастра процветала под патронажем Гистаспа, в то время как он оставался мелким царьком и, возможно, даже после того, как он стал сатрапом. Однако, когда сын Гистаспа Дарий был признан монархом всей империи, он забыл общину, в которой был рожден, даже если он еще помнил кое-что из учения пророка. В течение этого периода забвения были сочинены молитвы, приведенные выше. Даже на родине представители знати, воины, крестьяне, не говоря уже о светских объединениях, к которым принадлежали обращенные, оставались равнодушными. Обескураженные вожди общины не могли понять этого пренебрежения: их великий пророк обещал определенные награды в этом мире, равно

как и в мире ином. Им досталась пророческая мантия, и они сами открыто признавали, что хотят выполнять свои функции, — но они все же ожидали обещанного вознаграждения. В конце концов они дошли до того, что уже были готовы признать, что Великий царь — это Язата, менее значительное божество, которому предназначались церемонии поклонения. Но момент был неподходящий: Зороастр сам должен был стать божеством еще до победы маздаяснийской веры.

Религия и календарь

Если сам Дарий не испытывал уважения к вавилонским храмам и их жрецам, он не мог полностью игнорировать их солидный вклад в практические науки. У них он искал писцов, которые превращали надиктованные им слова на персидском языке в аккадский и трудились над его новым сводом законов. У них он также взял ученых, которые сделали его календарь более точным.

Наука не была соперницей религии на Древнем Востоке, скорее она развивалась в тени храма. Астрология уже давно познакомила вавилонских жрецов с небесами и разработала терминологию. Необходимость в календаре привела к тому, что стали использовать восьмилетний, а затем девятнадцатилетний цикл, чтобы как можно больше сблизить лунный и солнечный годы и привести их к почти точному согласованию. В 747 г. до н. э. эта система была принята для использования на практике вавилонским царем Набунасиром, и после этого девятнадцатилетний цикл оставался стандартом. Несколько позднее ассирийские астрономы начали вести поиск данных чисто научными способами, хотя основы по-настоящему научной астрономии были заложены не раньше Халдейского периода.

Наблюдения халдеев могут проиллюстрировать эфемериды (книжка для ежедневных записей, сборник таблиц, содержащих значения переменных астрономических величин, вычисленных для ряда последовательных моментов времени. — *Пер.*), датированные 568 г. до н. э. «На восемнадцатый день месяца Дилбат (Венера) находилась на 2 градуса 55 минут над Царем, Регулом, самой яркой звездой в созвездии Льва». «Ночью восьмого Син (бог Луны) стоял на 6 градусов 15 минут ниже Северных Весов». «Десятого числа вечером Меркурий заходит за Больших Близнецов», садится вместе с солнцем; «Меркурий движется дальше на восток». Траектории движения планет уже вполне определенно установлены в градусах и минутах со ссылкой на созвездия и звезды.

Более развитые знания показаны в книге «Появления планет», написанной Лабаши, сыном Белшарибни. В 577 г. до н. э.: «Появление бога Сина, 27 дней обращения», то есть лунный цикл равен 27 дням. «Появление богини Дилбат, через 8 лет она вернется» — Венера возвращается в ту же точку на небе через 8 лет; но «4 дня ты вычитай и наблюдай» — истинный цикл составляет 8 лет без 4 дней. «Меркурий возвращается через 6 обычных лет» — Меркурий самая непонятная планета, и Лабаши знает, что это безнадежно приблизительно, так как добавляет: «Время его появления ты будешь выяснять, за временем его появления ты должен наблюдать и установить его» — надеясь, что будущие астрономы окажутся более удачливыми. У Марса период обращения 47 лет без 12 дней. Сатурн возвращается в ту же точку через 59 лет, «нужно наблюдать день за днем»; то же самое указание дано и для двадцатисемилетнего цикла «Звезды-Стрелы» — Сириуса. Были известны с поразительной точностью не только периоды обращения всех планет, кроме Меркурия, но астрономы не были удовлетворены результатами своих наблюдений и стремились сделать их более точными. В дальнейшем он открыли *sar* (сарос по-прежнему используется современными астрономами) — период из 6585 дней, или чуть больше 18 лет, после которого затмения повторяются почти точно в таком же порядке.

Не удовлетворенные этими наблюдениями (хотя они были более точными, чем те, что были проведены впоследствии до изобретения телескопа), вавилонские жрецы предвосхитили своих современных последователей, усовершенствовав свои результаты с помощью сложных математических расчетов, разработанных пятнадцатью веками ранее.

Поэтому их астрономические таблички почти точно предугадывают таблицы современных эфемерид. Возьмем, например, табличку за 523 г. до н. э. Первой идет таблица для каждого месяца, довольно непривлекательная, так как состоит только из цифр и нескольких идеографических значков:

нисанну	1	дир		30	ши
ина	1	кас			на
ми	13	дир	ина	9	ме
	13		2	30	шу
ми	14	дир	8	20	ми
	14		7	40	на
	27	дир	ина	16	

Разбирая эти аббревиатуры и взяв вторую группу чисел, посчитанных в минутах, мы переводим: «1 апреля — заполнено», то есть имеется период из «двух часов от захода солнца до захода луны. 1 апреля два часа до захода луны. Вечер 13-го, период, равный 36 минутам, от восхода луны до захода солнца. 13-го 10 минут от захода луны до восхода солнца. Вечер 14-го, 33 минуты 20 секунд от захода солнца до восхода луны. 27 — интервал в 1 час 4 минуты». Похожие таблицы есть и для других месяцев. Для аддару (февраль) мы читаем: 13 шу *u* на *la ishu* — «13-го не было ни восхода солнца, ни захода луны»; солнце взошло и луна зашла в одно и то же время. В конце месяца мы находим цифры 26 23 27 12; эти загадочные цифры означают, что наш астроном не знал, когда вышла последняя луна, то ли 26-го, то ли 27-го, и сделал расчеты для обоих дней.

Затем он берется за планеты: «Год VII (Камбиса), Абу 22, бог Мулубаббар перед ликом Шеруа вошел»; мы объясняем, что Юпитер заходит вместе с солнцем к западу от созвездия Девы. «Улулу 22, он появляется позади Шеруа»; Юпитер восходит вместе с солнцем к востоку от созвездия Девы. «Тебету 27, перед ликом Весов он стоит неподвижно»; он достигает своей первой критической точки, в которой невооруженному глазу он кажется стоящим неподвижно в течение 4 или более дней. «Год VIII, Айру 25, он стоит неподвижно на месте Шеруа» на своей второй критической точке; «Улулу 4, он входит позади Весов» в подземный мир; он садится вместе с солнцем.

«Год VIII, Симану 10, богиня Дилбат вечером вошла в голову Льва; Симану 27, утром она появилась на месте Рака»; Венера исчезла как вечерняя звезда и через 16 дней вновь появилась как утренняя звезда. Позже она переместилась со своего места в хвосте созвездия Рыб в качестве утренней звезды на место вечерней звезды в созвездии Колесницы (в Древней Греции так называлось созвездие Большой Медведицы. — *Пер.*). Точно так же описаны перемещения Кайману (Сатурна) и Салбатану (Марса). Затем мы находим положения луны в стольких-то локтях и пальцах позади или впереди, выше или ниже соответствующей планеты. И наконец, затмения. «Год VII, Дузу, ночь 12-го числа, 1 и 2/3 двойных часов [3 часа 20 минут], после наступления ночи было затмение Син, целое установилось, движение диска пошло на север». Эта самая табличка, возможно, была основным источником, из которого Гиппарх почерпнул свои знания об этом лунном затмении.

Где-то в начале V в. до н. э. появился первый великий вавилонский астроном, имя которого запомнили греки — Набуриманни, сын Балату, «потомок» жреца бога луны, который видел важные документы в Вавилоне в 491 и 490 гг. до н. э. Страбон называл его Набурианом и дал ему заслуженный титул математика, так как если записи в его табличках основывались на наблюдениях, то детали являются результатом самых тщательных вычислений. Его система разъясняется в учебнике, переписанном в самом начале правления Селевкидов; в нем даны указания для построения таких таблиц лунных вычислений и

затмений, какие сохранились со времен конца правления Селевкидов и раннего Парфянского периода.

Задачей, которую поставил Набуриманни, было определение верной даты новой или полной луны, с которой было связано определение лунных или солнечных затмений. Таким образом были составлены два набора несколько похожих таблиц, один из которых отражал положения луны, а другой имел отношение к «14-му дню», когда при полной луне видны лунные затмения. В законченном виде цифры были собраны в семнадцать или восемнадцать колонок.

В первой колонке на таблицах с префиксом «пять месяцев» стояли даты, когда по движению назад линии точек пересечения орбит наступает затмение через пять (а не шесть, как обычно) месяцев после последнего. Вторая колонка представляет изменение видимого диаметра лунной поверхности в единицах, соответствующих четверти нашего градуса; «дроби» часто удлинялись до шести порядков шестидесятеричной системы. Так, минимальный диаметр составляет 1 57 47 57 46 40 или 29′ 26″,9 против современной цифры 29′ 30″, максимальный — 34′ 16″,2 против современного 32′ 55″, средняя величина — 31′ 31″,5 против современного значения 31′ 12″,5. Насколько поразительно близко к правде подошел Набуриманни в те давние времена, можно понять по тому факту, что эти результаты гораздо более точны, чем расчеты Птолемея, Коперника или даже Кеплера до того, как он применил телескоп. Таблица составлена путем сложения или вычитания из предыдущего числа, когда линия отмечена словом *tab* (плюс) или *lal* (минус), постоянная разница 02 45 55 33 20 в восходящем или нисходящем арифметическом ряду к максимуму или минимуму или от них. Так как максимум находится в перигее (ближайшая к Земле точка орбиты небесного тела, обращающегося вокруг Земли, в данном случае Луны. — *Пер.*), а минимум в апогее (наиболее удаленная от центра Земли точка орбиты Луны. — *Пер.*), мы можем путем вычислений обнаружить аномальный месяц Набуриманни (время, за которое луна проходит от перигея до апогея и возвращается), который длится 27 дней 13 часов 18 минут 31,9 секунды. При помощи этой колонки апогей и перигей фиксируются для дальнейших вычислений движений Луны.

Третья колонка таблиц Набуриманни представляла положение новой или полной луны в градусах в созвездиях, расположенных вдоль линии движения Солнца, — эклиптики, которые теперь стали знаками зодиака. На тот момент среднее неменяющееся движение Луны принимается в вычислениях изменений в движении Солнца. Из руководства мы узнаем, что от одной полной луны до следующей следует прибавить 30°, когда Луна находится между 13° Рыб и 27° Девы; для оставшейся части круга — только 27°7′30″; это предполагает, что максимальное движение Солнца на несколько секунд слишком мало, а минимальное — на несколько секунд слишком велико. Каким бы грубым ни было приближение, ошибка в любой данный момент времени была незначительной; оно сводило вместе истинные лунный и солнечный годы в конце девятнадцатилетнего цикла, когда после 12 обычных лет, состоящих каждый из 12 месяцев, и 7 эмболистических лет, состоящих каждый из 13 месяцев, Солнце и Луна так точно возвращались в одно и то же положение на эклиптике, что потребовалось 236 лет на то, чтобы свести ошибку к 1°.

С помощью этой колонки вычислялись цифры для четвертой, содержащей значения различной длины дня. Когда Солнце находится в 10° в Овне, три дня длятся 12 часов, гласит руководство; после этого в восходящей или нисходящей последовательности к количеству часов прибавляется число минут или вычитается. Самый длинный день длится 14 часов 24 минуты — почти на 15 минут длиннее, а самый короткий — 9 часов 36 минут — более чем на 13 минут короче современного значения. Но это можно извинить, когда мы вспоминаем, что у вавилонян не было телескопа или других современных инструментов, что время они вычисляли при помощи водяных часов, что они не понимали действия рефракции или ошибки вследствие ведения наблюдений с высоких храмовых башен, и того, что ошибка была бы менее очевидной, если бы они не брали для наблюдений верхний край солнечного диска. При помощи *ziqpu* , вертикально расщепленной палки, они обнаружили, что самую

короткую тень предметы отбрасывают в полдень в день летнего солнцестояния, самую длинную — зимой; и путем повторных наблюдений и вычислений они получили среднее значение. Они узнали, что времена года имеют неодинаковую длину; их осень была лишь на полчаса короче современного значения, их весна и лето — длиннее на полдня, а их зима — почти на день короче.

Пятая колонка таблиц Набуриманни рассчитывает положение Луны выше или ниже эклиптики на два периода года. В руководстве приводится пример: «Даны 3°52′11″ 39‴ выше эклиптики, 1°58′45″ и 42‴ из среднего вычесть, и получается 1°53′25″ и 57‴. Если его сделать меньше чем 2°24′, то есть из 1°53′25″ и 57‴ вычесть 30' 34" и 3‴ , то получается 1°22′51″ и 54‴ выше эклиптики. Далее, установив 3°52′11″ и 39‴ над эклиптикой, прибавить 30′ 34″ 33‴ к 1°58′45″ и 42‴ , получается 2°29′19″ и 45 ‴ ниже эклиптики». Эта колонка основана на драконовском месяце, равном 27,23039 дня, что на 26 минут больше современного значения.

На табличках с затмениями есть еще одна колонка, так как астрономы обнаружили, что затмения, предсказанные каноном сароса, не всегда были видимы в Вавилоне, и они стремились выяснить, до какой степени это правило работает в данной местности. Для наблюдаемых затмений они указали размеры тени, которая поднимается и опускается в близком соответствии с современными значениями. Естественно, пробелы заполнялись только тогда, когда луна не поднималась выше 1°44′24″ от эклиптики — они понимали, что иначе затмения быть не могло.

Теперь мы должны получить движение Луны по отношению к Солнцу на основе аномалистического месяца, так как от этого зависят затмения. Во второй колонке значился видимый диаметр луны: самый большой, когда она приближается к Земле, в то время как в этой же самой степени видимое движение Луны возрастает. «Чтобы изменить (ежедневное) движение Син, — говорится в руководстве, — нужно прибавить или вычесть 42′ ». Предел, идеальный максимум в перигее установлен как 15°56′54″ 22‴ 30⁗ ; идеальный минимум в апогее составляет 11°4′4″ 41‴ 15⁗ ; из них следует вычитать или к ним добавлять 42'. Когда диаметр луны, взятый из второй колонки, составляет 2 17 4 48 53 20, ежедневное перемещение Луны устанавливается как 11°4′4″ 41‴ 15⁗ , и то же самое на единицу изменения диаметра. В руководстве приведены числа до очень мелких порядков, в таблицах они округлены до секунд.

На основе аномалистического месяца вычисляется длина синодического месяца на гипотетическом допущении, что Солнце движется назад точно на 30° в месяц. Здесь снова перед нами попытка подогнать взаимосвязь с изменяющимся видимым диаметром луны посредством арифметической прогрессии, но ошибка становится такой большой к пределам, что приходится прибегать к эмпирической коррекции. Девятая колонка исправляет это для двух половинок зодиака, и мы узнаем, что посредством вычислений средняя продолжительность месяца составляет 29 дней 14 часов 44 минуты — приблизительно на 1 час 49 минут 57 секунд длиннее современного значения.

Десятая колонка дает поправки для изменяющегося времени захода солнца, так как, подобно обычному дню, астрономический день по-прежнему рассчитывали по исчезновению солнечного диска. Для шести месяцев таблицы дают плюс, для шести — минус с прохождением через 0; максимум, минимум и нули имеют место при смене времен года, а так как в этой системе сезонные изменения наступают при 10° соответствующих знаков, то максимум бывает при 10° Весов, а минимум — при 10° Овна. Так, самый ранний заход солнца бывает в день зимнего солнцестояния, самый поздний — летом; для шести месяцев плюс — на удлинение дней и для шести — минус на их сокращение.

Теперь мы подготовлены к одиннадцатой колонке, которая дает превышение сверх 29 дней предыдущего месяца и тем самым позволяет нам вычислить самый длинный и самый короткий синодические месяцы. Если вычесть из данной величины в данной последовательности из восьмой колонки величину из девятой колонки, приплюсовать или вычесть величину из десятой, то мы получим цифру для одиннадцатой колонки. Когда Луна

дважды проходит перигей, мы имеем самый короткий месяц, равный 29 дням 7 часам 17 минутам; когда она дважды проходит апогей, то месяц получается самый длинный — 29 дней 17 часов 13 минут.

В двенадцатой колонке представлена конечная цель всех этих вычислений: точная дата новой или полной луны, полученная путем прибавления к числу в предыдущей строке из предыдущей колонки числа в этой же самой строке той колонки. На лицевой стороне таблички ряд чисел идет от аддару к аддару (последний месяц вавилонского календаря, соответствующий приблизительно нашему февралю — марту. — *Пер.*), так как новая луна последнего месяца старого года определяет новую луну в начале нового года. С обратной стороны числа идут от нисанну к нисанну (первый месяц вавилонского календаря, соответствующего приблизительно марту — апрелю. — *Пер.*), так как первое полнолуние в новом году определяется его первым новолунием. Последующие колонки подводят основу под реальное новолуние, так как с него, а не с уже вычисленного астрономического новолуния вавилоняне начинали свой месяц. Чтобы получить это, они наблюдали на востоке последнее появление старой луны в виде тонкого серпа на утреннем небе. Пока эти колонки и соответствующие части в руководстве не опубликованы и не получили объяснение от профессиональных астрономов, мы не можем полностью оценить колоссальную работу Набуриманни.

Тем не менее мы можем отметить доклад одного астронома того времени. В соотношении Луна — Солнце данные Набуриманни на 9,8 секунды отставали от современного значения, в соотношении Солнце — точка пересечения его орбиты с орбитой Луны — на 4,6 секунды превышали его, в соотношении Луна — точка пересечения ее орбиты с орбитой Солнца — на 5,2 секунды отставали, в лунном перигее превышение значения составляет всего 19,9 секунды, солнечный перигей не дотягивает до современного значения 3,9 секунды, перигей Луна — Солнце — 13,7 секунды. Для тех из нас, кто не является астрономом, такая точность вычислений невероятна. Профессиональные астрономы отдают дань уважения своему такому талантливому предшественнику, который работал без имеющихся в их распоряжении современных преимуществ высокоспециализированных инструментов и еще более развитой математики.

Астрономия была единственной наукой, которую Восток дал Западу в развитом виде, единственной наукой, самые большие победы которой были достигнуты на нашем Востоке позднее. Наши отрывочные источники не позволяют точно так же обрисовать положение дел в других областях знаний в изучаемый нами период времени, но до нас дошло достаточно материалов, чтобы доказать, что в чистой математике, ботанике, медицине и грамматике знания древнего прошлого не были забыты, а в важных направлениях были достигнуты успехи.

Соприкосновение греков с восточной культурой

Греция всегда была восприимчива к влиянию Востока. Минойский Крит был во всех отношениях признанным членом восточного мира, а жители микенской Греции находились с ним почти в такой же тесной связи. Наши данные не ограничены материальными следами прошлого, ведь легенды даже еще более поучительны. Фивы были основаны не египтянами, а финикийцем Кадмусом — что на его родном языке означает Житель Востока», — который привез в Грецию «кадмейские буквы» — алфавит. Пелопоннес получил свое название от лидийца Пелопса, сына Тантала. В Аргос (город в Греции. — *Пер.*) прибыли из Египта данаиды (50 дочерей Даная, сына египетского царя Бела. — *Пер.*). С героями легенд пришли также и восточные легенды: дочь Тантала Ниобея рыдает, обращенная в камень, под горой Сипилус; ликиец Беллерофонт на своем крылатом коне Пегасе сражается с Химерой или чудовищем Тифоном, которое воевало с богами с Олимпа и было заточено в Корикийскую пещеру в Киликии.

Последней крупной победой Микенской империи был захват «фригийской» Трои. В

рассказ о ней Гомер и другие поэты вплели истории о таких восточных героях, как эфиопский Мемнон. Греки завоевали восточную часть Эгейского моря, и в легенде отражена память о том, как они женились на местных женщинах. От своих жен греки-захватчики научились поклоняться анатолийским божествам, вроде многогрудой Артемиды Эфесской и Матери богов. Сидонские торговцы появились на Эгейском море с товарами для торговли и привезли вместе с ними их названия. Они привезли также способы украшения, которые видоизменили техники изготовления керамики, металлических предметов и статуй.

Морские разбойники принесли Гомеру вести об огромном городе, в который ведут сто ворот, в котором много драгоценных металлов и воинов; его они называли странным словом Фивы, как и столицу Беотии. Финикийские торговцы привезли с собой культ своего бога Адониса, которого Гесиод называет сыном Феникса, «финикийцем». Ни одна финикийская женщина не жаловалась Адонису с большим пылом, чем Сапфо: «Печаль — это Адонис!», «Умирает, Китера, нежный Адонис! Что нам делать? Бейте, девы, себя в грудь и разрывайте хитоны!», «Скорбите по Адонису четыре месяца!». Вместе с финикийским хитоном Сапфо позаимствовала и финикийскую веру.

Завоевание Лидии еще больше сблизило ионийских колонистов с восточными культурами. Их художники позаимствовали лидийские орнаменты, а их дельцы — искусство чеканки монет. Естественной реакцией Ксенофана (древнегреческий странствующий поэт и философ. — *Пер.*) было объявить, что его соотечественников-колофонцев (жители ионийского города Колофона. — *Пер.*) погубило то, что они познали роскошь Лидии — использование притираний, украшение волос золотыми и пурпурными покровами. Поэт Фокилид из Милета осмелился утверждать, что «небольшой город на скале, живущий по надлежащему порядку, более силен, чем глупая Ниневия (Нин)».

Другие греки торговали с Египтом, подобно брату Сапфо Хараксу, который долго жил в Навкрате (древнегреческая колония в западной части дельты Нила. — *Пер.*); они привозили на родину из Египта такие сувениры, как статуи, которые копировали греческие скульпторы в своих архаических «Аполлонах». Третьи в качестве наемников сражались за египетских царей Саисской династии. Здесь они почитали богов этой страны, а один грек в дельте Нила установил бронзовую статую быка Аписа с надписью: «Панепи (Пехе-н-Хапи), Сокилид посвятил мне». Некоторые греки служили халдейским монархам, вроде Навуходоносора — Антимениду, например, который убил великана неподалеку от Аскалона. Его брат-поэт Алкей приветствовал его возвращение с края земли. Не только золото везли скитальцы назад в Грецию, и не случайно логическое мышление среди греков зародилось в Ионии.

Влияние восточной науки и религии в Греции

Самые древние авторы утверждают, что первый греческий философ Фалес из Милета был финикийцем по происхождению. Это утверждение сомнительно, но правдой, по крайней мере, является то, что, как подданный лидийских царей Альяттеса и Креза-Фалес был в курсе развития научной мысли на Востоке. Брат-наемник Алкея предполагает путь, по которому шло самое последнее открытие халдеев — открытие сароса, знание которого позволило ионийскому философу предсказать солнечное затмение 28 мая 585 г. до н. э.

Другие авторы заявляют, что Фалес учился у египетских жрецов, от которых он научился геометрии. Его новые знания были использованы, когда он поставил свою трость у края тени огромной пирамиды и на двух треугольниках, образовавшихся из пересекающихся солнечных лучей, показал, что высота пирамиды так же относится к длине палки, как их тени друг другу. Сообщают, что царь Амасис был чрезвычайно восхищен этим новым способом измерения пирамиды.

Фалес был первым греком, который вписал прямоугольный треугольник в окружность. Он также определил путь солнца от одного солнцестояния до другого и тем самым установил времена года; в этом его предшественниками были вавилоняне. Его деление года на 365 дней

было более точным, чем существовавшая в то время практика деления его лишь на 360 дней, но в этом его обогнал Египет два тысячелетия назад. Опять же от халдеев он, вероятно, получил данные, которые позволили ему вычислить размер солнца как 1/720 солнечной орбиты и луны — как такую же часть лунной. То, что он первым нашел Малую Медведицу, может быть истинным только для греков, так как финикийцы уже на протяжении веков вели по ней свои корабли.

Со времен Гомера греческая литература наполнена названиями созвездий и рассказами о них, которые знакомы нам с детства. Лишь недавно мы узнали, что эти названия являются в основном переводами или адаптациями вавилонских названий этих самых созвездий. Со времен Третьей династии Ура к концу 3-го тысячелетия до н. э. вавилоняне составляли календари на основе нерегулярных включений дополнительных месяцев, согласно приближенному циклу из восьми лет. К VII в., когда вавилоняне уже стали использовать девятнадцатилетний цикл, греки приняли у себя этот более ранний цикл, который они назвали *octaeteris*. Их главной целью было упорядочить установленные религиозные праздники. Со временем они стали понимать, что эта система оставляет желать лучшего. К концу VI в. до н. э. мы узнаем о реформаторе по имени Клеострат из Тенедоса, который, видимо, удвоил этот цикл, так как один год стал исчисляться как 3657/16 дня.

Тем временем Пифагор с Самоса и его ближайшие последователи полностью расстались с мыслью о практическом календаре. Говорили, что Пифагор, второй великий философ поколения Фалеса, также посещал Египет и Вавилон. В визите на берега Нила можно не сомневаться. Он выучил египетский язык во время правления фараона Амасиса и учился у Энуфиса из Гелиополя. Он был первым греком, который признал тождество вечерней и утренней звезды — факт, который стал известен вавилонянам пятнадцатью веками раньше. Знаменитая теорема, носящая его имя, была нова только для греков.

Твердо убежденный в мистическом значении чисел, Пифагор решил основать совершенно новый хронологический период на элементарной математике. 59 было «прекрасным» числом, так как было простым. К этому добавился несомненный факт: когда мы считаем дни *и* ночи в каждом из лунных месяцев, в сумме всегда получается 59; и тогда и учителю, и ученикам стало очевидно, что «большой» солнечный год, после которого светило возвращается в свое точное первоначальное положение, должен точно так же равняться 59 обычным годам. Затем простое умножение доказало, что эти 59 лет были равны 729 месяцам по 59 дней и ночей в каждом — итого 43 011 дней и ночей. То, что число 729 представляло собой мистическую комбинацию 9 × 9 × 9, стало окончательным подтверждением. Простое деление — вот все, что было нужно в дальнейшем, чтобы получить длину одного года — 364,5 дня.

Нилоксен из Навкратиса был приехавшим в гости другом Фалеса и собеседником Солона в Египте. Солон сам посещал Египет, обеспечивая себя торговлей. Он учился у ученых жрецов Псенофиса из Гелиополя и Сончиса из Саиса и однажды нанес официальный визит Амасису. Скептики могут подвергнуть сомнению поездки Фалеса и Пифагора в Египет. То, что Пифагор когда-либо приезжал в Вавилонию, невероятно, а история о визите Солона к Крезу имеет налет греческого морализаторства. Однако они не могут сомневаться в посещении Солоном Египта, потому что существует стихотворение, в котором он рассказывает, как он жил «на берегах Нила у Канопа».

И все же если греческие мыслители и присвоили себе восточную науку, как правило, без особой благодарности, то была существенная разница в их подходе. Вавилонский астроном или человек, измеряющий веревки, со своим прозаическим поиском конкретных фактов, простыми, но эффективными инструментами, подавлением личного тщеславия и претензий на первенство открытия в процессе векового накопления данных — прежде всего со своим постоянным использованием высокоразвитой математики для решения задач — вскоре начал бы чувствовать себя как дома в компании современных ученых.

Греки почти всегда видели что-то мистическое в числах. Доведенное до абсурдной крайности Пифагором и его учениками, это было почти в равной степени заметно в

мышлении Платона и членов его академии. Восточная наука развивалась в направлении, которое всегда лежало в тени храма. Если она всегда оставалась практической, то для ума восточного человека «практической» потребностью был показ таинственных путей звездных богов образованным людям.

Восточная наука никогда не подвергала сомнению существование богов; с самого своего зарождения греческая философия была агностической, если не явно атеистической. Восточные ученые довольствовались тем, что повторяли учения о Вселенной, почитаемые с древних времен, которые приписывали Сотворение мира своим божествам. Новая греческая религия — орфизм также придерживалась учения о Вселенной, удивительно похожего на учение финикийцев. Ионийским мыслителям, напротив, пришлось открывать для себя строение Вселенной. И все же даже в их поиске изначальной субстанции они не могли полностью освободиться от влияния восточного мышления. Фалес нашел эту субстанцию в воде, первозданной мгле, знакомой нам по библейскому рассказу о рае. Его соотечественник Анаксимандр представил грекам полезные восточные изобретения — солнечные часы, карту Земли и схему расположения небесных тел, — но когда он определил *свою* превозданную субстанцию, она была «безграничной», порожденной Тиаматом, вавилонским хаосом.

Вскоре после персидского завоевания Гераклит из Эфеса дает нам первый намек на то, что греки соприкоснулись с персидской религией, потому что он ставит в один ряд магов с лунатиками, *Bacchae, Lenae* и *Mystae.* Завоевание не препятствовало развитию ионийской философии. Анаксимен из Милета, Ксенофонт из Колофона и Гераклит Эфесский были известными философами при первом поколении персидских правителей, а Анаксагор — при втором. Поиск изначальной субстанции продолжался, и весь спектр возможностей был рассмотрен в поиске предположений. Научные открытия по-прежнему делались или адаптировались. Но ионийская философия уже шла своим собственным путем и погружалась в метафизику.

Греческие путешественники на Востоке

Были другие думающие путешественники, которые проникали глубоко в страны Восточного Средиземноморья. И хотя Скилакс из Карианды был карийцем, он на греческом языке описал свои путешествия в Индию. Гекатей из Милета пересек всю Персидскую империю и после своего возвращения составил список географических мест, которые он посетил или о которых он слышал. Периодически он добавлял исторические или этнографические комментарии, похожие на перечни, которые появляются на древних вавилонских табличках. Его труды и таблички утрачены, но большая часть информации, изложенная Геродотом, очевидно, восходит к этим двум источникам.

Из кратких выдержек, приписываемых непосредственно Гекатею более поздними составителями, обнаруживается поразительное знание Внутренней Азии. Хна (Ханаан) представляет собой бывшее название Финикии, городами которой являются Габала, Сидон, Дора, Эга, Гинглимот и Финикуссы. Кардитис и Канитис — большие города Сирии. Камарены — это арабские острова, Кир — остров в Персидском море. Персидские города — это Патрикан, Ханданак и Ситтак, хотя мы знаем, что последний находился на самом деле в Вавилонии. Этнографические описания Геродота были на самом деле предвосхищены: кашшиты одеваются как персы; Мидия — это страна вблизи Каспийских ворот; народ Ниопии одевается как пафлагонийцы; поблизости от гордийцев находится город Матиены; рядом с матиенцами живут колчи из народа месхов; мисийцы расселились неподалеку от реки Араке, катанийцы — у берегов Каспийского моря; вокруг Гирканийского моря стоят высокие, покрытые лесами горы, на которых растут колючие артишоки; к востоку от парфян живут хорезмийцы, которые владеют как равниной, так и горой, заросшей деревьями, артишоками, ивняком и тамариском, их столица — Хорезм. Большую часть этой информации Гекатей, возможно, почерпнул из рассказа Скилакса. От него он, безусловно, получил свои сведения об индусах, обитателях Гайдары и города Гандарики, о городе

Каспапире, который расположен напротив владений скифов, об индийском городе Арганте и народах Калатии и Опиэи, живущих неподалеку от реки Инд, и их обнесенной стеной столице, а также о пустыне, которая оттуда простирается до Инда, где тоже растут артишоки.

Во время своих странствий Гекатей посетил египетские Фивы, и там с ним приключился интересный случай. В типичной для греков манере он попытался произвести на варваров впечатление, похвастав божественным предком в шестнадцатом колене. Жрецы привели его в храм и указали на триста сорок пять деревянных статуй верховных жрецов, каждый из которых был сыном предыдущего, причем каждый из них был человеком, сыном человека, а не бога. Гекатей онемел, когда осознал седую древность Востока.

Глава 16
КСЕРКС — НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ

Избрание наследника

Вскоре после своего восшествия на престол Ксеркс разрушил часть сокровищницы Дария в Персеполе и построил гарем. На церемонии основания он положил на пласт серы и ароматной древесины глыбу отличного известняка, она имитировала глиняную табличку, так как на ней он велел написать свою собственную версию того, как его отец избрал его своим преемником: «Говорит царь Ксеркс: Моим отцом был Дарий. Отец Дария носил имя Виштаспа. Отец Виштаспы носил имя Аршама. Виштаспа и Аршама были живы, когда Ахурамазда своей волей сделал моего отца Дария царем Земли». Это был прецедент: «У Дария были и другие сыновья, но по воле Ахурамазды мой отец Дарий сделал *меня* самым великим после себя. Когда мой отец Дарий умер, по воле Ахурамазды я стал царем на троне моего отца».

Так-то оно так, да только это не вся правда. По персидским законам персидский монарх должен был обязательно назначить преемника, прежде чем он осмелится рисковать своей жизнью в войне на чужбине. Старшим сыном Дария был Арробазан; он уже был признан преемником к 507 г. до н. э., когда в одном вавилонском документе упоминается «царский сын Элама». Против его преемничества мог выступить тот факт, что он родился в то время, когда его отец еще жил своей частной жизнью и даже не ожидал, что когда-либо окажется на троне, а его матерью была простолюдинка, безымянная дочь Гобрия. Младший сын Ксеркс (Кшаярша) родился, когда его отец стал императором, а его матерью была Атосса, дочь основателя империи. На Востоке это сильные аргументы, и, когда между сторонниками двух кандидатов на трон возникла жестокая ссора, никто не удивился, когда в конце концов наследником был избран младший сын от более высокородной жены.

Дарий последовал примеру отца царицы Атоссы, который сделал Камбиса своим личным представителем в Вавилонии, когда тот был «царским сыном». Мы узнаем, что к 23 октября 498 г. до н. э. в Вавилонии уже шло строительство дома царского сына. Без сомнения, это был дворец Дария в его центральной части, которую мы уже описали. Два года спустя в коммерческом документе из близлежащей Борсиппы мы находим упоминание о «новом дворце» как уже завершенном. В это время Ксерксу едва ли исполнилось двадцать лет.

Последние постройки Дария в Персеполе

В последующие годы Ксеркс появился в искусстве Персеполя. На косяках ворот на восточной части Тройного портала, которые вели на тот уровень, где впоследствии был построен гарем, были вырезаны два барельефа. Над изображением парит крылатый Ахурамазда, протягивающий кольцо, которое даровало верховную власть наследному принцу. Ниже находится балдахин над троном, поддерживаемый по углам тонкими

колоннами. В рамке из двенадцатилепестковых розанов повторен символ Ахурамазды, но на этот раз без человеческой фигуры. Искусно сделанные консоли являются еще одним украшением.

На троне сидит Дарий, облаченный в царские одежды и готовый к проведению аудиенции. Позади него стоит Ксеркс как признанный очевидный наследник, одетый в точно такие же богатые одежды и с точно такой же длинной квадратной бородой. Так как на сцене изображен открытый прием, на гостях надеты ожерелья, браслеты и *cidaris* ; на барельефах они когда-то были очерчены золотом. Ниже их платформу, на которой установлен трон, поддерживают представители народов, входивших в империю Дария.

Приблизительно в то самое время, когда эти рельефы были вырезаны, Дарий завершил первую пристройку к своей сокровищнице. С четырех сторон ее окружали крытые галереи, крышу которых поддерживали четыре деревянные колонны на каменных основаниях; их полы имели красноватый оттенок, который предпочитал этот монарх; они выходили на открытый прямоугольный двор, вокруг которого и размещалась вся пристройка. Ее единственное напольное покрытие составляла белая штукатурка. Со стороны западного и северо-восточного входов в ряд стояли фигуры; по всей вероятности, это были леопарды или другие животные из семейства кошачьих, удобно растянувшиеся на животах ниже платформы, хотя сейчас на их месте можно увидеть только углубления.

Крытые галереи с южной и восточной сторон, напротив, демонстрируют барельефы в рамках на вертикально поставленных плитах, как в Парсагарде, но гораздо более тонкой работы. Наш взгляд немедленно привлекают две фигуры в центре — это Дарий и Ксеркс. Небольшое возвышение поднимает их над толпой людей, от которых они отличаются также чуть большим ростом. Попытки добиться портретного сходства нет, у всех изображенных человеческих фигур одинаковые преувеличенно большие глаза, бросающиеся в глаза брови, слегка загнутый нос и благородный рот, полускрытый свисающими усами с аккуратно завитыми концами. Но если у других людей бороды с заостренным концом, то у Дария и Ксеркса более длинная борода, тщательно завитая по ассирийской моде и доходящая до груди, где она обрезана так, что имеет квадратную форму. Волосы, завитые с той же тщательностью, закруглены на шее и тугими кольцами лежат на лбу под высоким головным убором с плоской тульей — *cidaris.* В наши дни на их лицах есть отметины, являющиеся результатом намеренного вандализма воинов Александра Македонского.

Так как это частная аудиенция, золотые украшения отложены в сторону. Отец и сын одеты в простые, но богатые одежды, спадающие до щиколоток изящными складками, сквозь которые мелькает надетая под ними туника, плотно схваченная у правого запястья. Их ноги обуты в мягкие башмаки без застежек. В цветовой палитре одежд, как мы узнаем, царский пурпурный цвет играет большую роль.

Трон, на котором сидит Дарий, есть не что иное, как стул с высокой спинкой. Предполагают, что он был сделан из чистого золота с серебряными ножками в виде львиных лап, хотя ступеньки доказывают, что, подобно тронам его ассирийских предшественников, этот трон сделан из дерева и покрыт позолотой. Царь на нем сидит в чопорной позе, явный дискомфорт этой позы, удерживаемой долгое время, слегка облегчает подушка и подставка для ног с ножками в форме бычьих ног с копытами. В своем могучем правом кулаке Дарий крепко сжимает длинный изящный скипетр, тоже позолоченный, с украшенным драгоценными камнями набалдашником, повернутым в пол. Так же крепко его левая рука держит лотос с двумя бутонами.

На невысоком помосте, поддерживающем трон, который усиливает впечатление от царского величия, стоит Ксеркс. На нем надета точно такая же одежда, *cidaris* , и у него точно такая же борода лопатой, в левой руке он держит еще один лотос. Так скульптура подтверждает его собственное утверждение, что «отец сделал меня самым великим после себя». Но в конце концов, он еще всего лишь наследный принц и должен скромно стоять позади своего сидящего отца, к трону которого он протягивает свою правую руку ладонью вверх — это обычный жест поклонения, который делали правящие цари по отношению к

Ахурамазде.

Перед троном установлены две курительницы для ладана сложной формы. Высокие рифленые стойки с желобчатыми полусферическими верхушками поддерживают собственно горелку — ступенчатый конус, из которого дым выходит через крышку, пронзенную, будто стрелами. Тонкая цепочка прикрепляет затычку в форме наковальни к голове утки на конце стойки. Использование ладана (ежегодно арабы присылали царю в дар 30 тысяч килограмм этой смолы) в присутствии царя является еще одним намеком на то, что в Персии монарха почитали как кого-то, кто был больше, чем человек.

Склонившись над курительницами и держа руку у рта в знак того, что он делает свой обычный ежедневный доклад, стоит *hazarapat* — греки называли его «хилиарх», — который, являясь начальником царской стражи, был самым могущественным чиновником при дворе. Он пришел из своей, если можно так выразиться, штаб-квартиры, расположенной на южной стороне, из которой ворота в восточной стене сокровищницы напрямую ведут к казармам, где в мирное время были расквартированы Бессмертные. Вполне возможно, что позолоченные железные пластины, обнаруженные в соседнем помещении, были с его золотой кирасы; отличная уздечка с двумя рядами отверстий на боковых планках и кольцами с каждой стороны для вожжей и соединенными удилами, возможно, принадлежала его коню. Под его надзором находились складские помещения, тысячи предметов в которых полностью иллюстрируют приемы ведения войны персов.

Во время мятежей, которыми было отмечено восшествие на престол и первые годы правления, мидиец Такхмаспада командовал армией в отсутствие Дария. Возможно, к этому времени он был уже *hazarapat* ; по крайней мере, чиновник, который склонился перед своим владыкой, одет в мидийское платье, стянутые ремешками башмаки и в ушах носит серьги. На его бедре виден короткий персидский меч, и в руке у него жезл, означающий его высокое положение.

Позади Ксеркса стоит виночерпий, которому в более поздний период эпохи Ахеменидов суждено было обладать даже еще большим влиянием, чем главнокомандующему. Он одет в длинный наряд, его башмаки застегнуты на ремешки и пуговицы; его головной убор весьма необычен: длинный шарф три раза проходит под подбородком, а затем обматывает голову на манер тюрбана; короткий конец шарфа свисает на затылке, а другой доходит на спине почти до штанов. Несмотря на этот замысловатый покров, его безбородое лицо выдает, что он евнух. Его левая рука лежит на правой, которая крепко держит знак его должности — сложенную петлей салфетку.

Из барельефа на гробнице Дария, вырезанного на камне приблизительно в это же время, мы узнаем, что офицер, который идет следом, — это Аспачана (Аспатин), он держит царский боевой топор и налучник. Через его левое плечо перекинут налучник, заканчивающийся птичьей головой; в то время как ремень с треугольным предохранительным приспособлением он держит в левой руке, похожее бронзовое приспособление, украшенное ногами двух соединенных вместе каменных козлов, было обнаружено в арсенале сокровищницы. В правой руке он держит *sagaris* — двойной скифский боевой топор, одно лезвие которого имеет форму рыбы, торчащей из широко раскрытого клюва утки, а другое — форму наковальни, но с раздвоенным концом; рукоять топора сделана из дерева и покрыта треугольными насечками, чтобы ее удобнее было держать.

На его правом бедре висит короткий меч, ножны свисают на кожаном ремне со спущенного двойного пояса с застежкой-розеткой. Огромная заклепка удерживает оружие в торчащем положении у приспособления, украшенного цветами лотоса. Рукоять меча — плоский овал с двумя горизонтальными желобками и квадратными и треугольными насечками, чтобы обеспечить ее более плотный охват. Лезвие спрятано в ножнах, скифский орнамент которых непривычно замысловат. На их верхней трети, имеющей форму лука, изображены два стоящих на задних лапах грифона спиной к спине, но глядящих друг на друга; у них головы ястреба, а тела и передние лапы льва; на задних ногах видны когти. На

оставшихся двух третях изображены девять резвящихся каменных козлов в декоративном окаймлении. На конце ножен находится бычья голова, рог образует цветок с девятью лепестками в форме сердца, а ниже условно изображен лев; чтобы ножны не болтались, их удерживает плетеный кожаный ремешок, обвитый вокруг правого колена.

Еще дальше позади Ксеркса в обычном положении по стойке смирно видны двое Бессмертных с древками копий, упертых в палец ноги. Противоположный конец этой сцены завершает еще один Бессмертный и одетый в похожее платье служитель, который несет металлическое ведро, из которого он добавляет драгоценный ладан в курильницы. Балдахин, который когда-то покрывал всю эту сцену, утрачен, остались только столбы и консоли. Эти барельефы, по сути, одинаковы, главное отличие состоит в том, что на одном из них более важные персонажи повернуты лицом вправо, а на другом — влево.

С восточной, южной и северной сторон дворика располагаются архивы. В одном помещении с юго-восточной стороны когда-то находились папирусы и пергамента, все они были сожжены солдатами Александра, которые радовались, глядя на большой костер, а стены этого помещения были тому свидетелями. Сейчас лишь несколько обугленных обрывков ткани остались от драгоценных документов; пятнадцать глиняных шишек создают впечатление, что это были печати, некоторые из них можно приписать Дарию или Ксерксу. Но огонь, который уничтожил папирусы и пергамента, также невольно сохранил более многочисленные, хотя, в сущности, менее важные документы, написанные на необожженных табличках, которые крепко закалились в огне. Огромное их количество было найдено в том виде, в котором они хранились, в одной комнате, размеры которой были больше обычного. Этот новый архив начинается с 492 г. до н. э.

С западной стороны дворика находится большая комната, крыша которой держалась на девяти рядах по одиннадцать колонн в каждом; ее можно назвать выставочным залом. Огромное количество драгоценных или редких предметов, которые потоком поступали в качестве военных трофеев, вскоре потребовали второй пристройки к зданию сокровищницы — второго выставочного зала, который занял фактически всю северную сторону двора. Если первый зал был почти квадратным, то второй — длинным и узким, с пятью рядами по двадцать колонн в каждом. В обоих залах деревянные колонны стояли на круглых дискообразных фризах, которые, в свою очередь, покоились на квадратных цоколях с вырезанным на них индивидуальным клеймом мастера.

В основном невозможно определить, какие из сохранившихся предметов первыми появились там во время этого правления. Солдаты Александра грабили так основательно, что не сохранилось ни одно крупное произведение искусства из драгоценного металла. Многие превосходные кубки из камня с именем Ксеркса были намеренно разбиты, хотя, к счастью, большое их количество можно составить из осколков. Из трофеев, захваченных в успешных войнах, некоторые появились здесь из Египта. У кремовой алебастровой чаши с каймой белого и светло-серого цвета около небольшой ручки есть картуш с именем Нехо (фараон Древнего Египта, правивший в 610–595 гг. до н. э. — *Пер.*).

Имя этого же монарха появляется затем на основании статуэтки из синей глины. Амасис упоминается на алебастровой подставке для ваз и сложном алебастровом сосуде. Из столовой последнего великого ассирийского царя сюда попала чаша для питья из черно-белого крапчатого гранита с четырьмя ручками в виде львов. Надпись на ней гласит, что она когда-то принадлежала Ашшурбанипалу. Это же имя можно найти на исполненных по обету цилиндрах и на одном из исполненных по обету «каменных глаз», сделанных из агата, оникса или сардоникса. Другой цилиндр был сделан несколько веков раньше в Сухи, расположенном в среднем течении Евфрата. Благодаря своему стилю три соединенных бронзовых льва и два скачущих бронзовых коня тоже следует считать произведениями античного искусства ассирийских времен.

Реформа судебной системы в Египте

Такая же необходимость реформ, как в Вавилонии, ощущалась в Египте. Огромный папирус, датированный 513 г. до н. э., уносит нас за кулисы и показывает истинное качество «правосудия», которое существовало на берегах Нила. В тот год некий Ахмоси приехал из Птореса в город Тевзой с апелляцией к управляющему главе храма (*lesboni*) Зевбестефонкху: «Обычно мне давали мою пребенду каждый год с тех времен, когда сатрап стал пророком Амона». Глава храма ответил: «Да будет процветать твоя жизнь, и да живет Амон, покоящийся здесь, хотя сейчас месяц сбора урожая, в амбаре Амона нет зерна, а в сундуке Амона нет серебра». Чтобы заплатить пребенду, потребуется заем под процент. Многие городские мошенники уже сидят в тюрьме. «Наша ли вина в том, если рядом с ними в городе есть другие?» Тогда Ахмоси поинтересовался, кого ему спросить, чтобы понять, насколько разорен город? Ему было сказано, что храмовый писец Петеси — единственный человек, который скажет правду.

Однако Петеси был слишком опытен, чтобы говорить правду без принуждения; ввиду того, что случилось потом, мы не можем его винить в этом. Упорствующего писца увезли силой на корабль, где Ахмоси предупредил его: «Я не бил тебя, потому что ты старик и можешь умереть». У него был план получше, несчастного Петеси привезли в столицу нома Хнес и держали под пылающим солнцем до тех пор, пока он не возопил: «Пусть мне дадут папирус, и я напишу все, что произошло!» Ахмоси прочитал его показания и поклялся: «Да будет здрав Пхре, я понял, что ты прав». Эти двое запечатали папирус и отправили его сатрапу.

Если Петеси удалось избежать гибели от солнца, то теперь он должен был столкнуться с гневом нечестных жрецов, которые, как он опасался, захотят убить его. Возможно, он уже слышал о планируемых Дарием реформах, но опыт научил его: даже при дворе сатрапа берут взятки. Как только Петеси возвратился домой, появился Пкоип с точно таким же папирусом, который Ахмоси послал сатрапу! Вместо бывшего настоятеля храма был назначен Иенхароу, а вместе с Петеси его сын, четверо братьев и Зевбестефонкх были брошены в тюрьму!

На празднике Псхоу все в Тевзое пили пиво. Стража заснула, и Зевбестефонкх скрылся. Это сделало положение других пленников только хуже. Иенхароу привел братьев Петеси в храм, в то время как оставшихся пленников там были палками. Полумертвых их бросили в старую башню рядом с храмовыми воротами, которую затем должны были на них обрушить. Но сын Петеси сказал обидчикам, что они не могут убить шестерых жрецов без того, чтобы об этом не стало известно сатрапу или царю. Угроза сработала, и всех отвезли домой, хотя прошли три месяца, прежде чем Петеси выздоровел.

Тогда он ночью ускользнул из дому и отправился в столицу в лодке, нагруженной хворостом. На протяжении семи месяцев Пкоип умудрялся помешать ему попасть на аудиенцию к сатрапу. В конце концов Петеси был узнан Семтутефнакхтом, который лично привел его ко двору сатрапа. Четыре раза вызывали виновных, но напрасно; на пятый раз они не осмелились больше тянуть. Каждому было дано по пятьдесят плетей, и все были брошены в тюрьму. Взятка в размере пяти храмовых пребенд — должным образом засвидетельствованная на папирусе! — сменила настроение Семтутефнакхта, и теперь он ходатайствовал перед сатрапом об их освобождении. Не утративший смелости после этой неудачи Петеси затем обратился за возвращением своей собственной пребенды, которая, по его утверждению, составляла шестнадцать долей пророков Амона и других шестнадцати богов Тевзоя; они были дарованы его предку, но утеряны, когда этот предок посетил Сирию с царем Псамметихом. Сатрап приказал ему написать историю этого дела, но подкупленный Семтутефнакхт убедил Петеси принять вместо этого письмо от Ахмоси, пророка Гора. По пути домой Петеси узнал, что его дом сгорел. Он снова обратился к сатрапу, и снова виновным были приказано прибыть ко двору. Гонец был подкуплен, и приехал только Иенхароу. И хотя он отрицал, что ему что-то известно о пожаре, он получил еще пятьдесят плетей и снова попал в тюрьму.

Ахмоси потерял терпение и саркастически потребовал у Петеси: «Ты хочешь умереть, решая эти вопросы?» Чтобы избежать судебного процесса, который, как намекнул Ахмоси,

никогда не закончится, Петеси помирился с Иенхароу, который поклялся все уладить. Как только тот получил свободу, он, естественно, забыл о своей клятве. В последний раз Петеси отправил длинное прошение с рассказом об истории своей семьи, в котором процитировал две весьма сомнительные надписи своего предка, которые, по его утверждению, стерли жрецы, и представил последние доказательства по делу. Мы не знаем, выиграл ли он дело в конечном итоге. Насколько корректным было его представление обстоятельств дела, мы можем сомневаться, так как у нас есть только его рассказ, но у нас все же есть яркая иллюстрация того, что взяточничество все еще процветало в Египте. Нужен был новый свод законов.

По приказу Дария писцы принесли законы и переписывали их на папирусный свиток до 503 г. до н. э. Почему на это ушло в Египте больше времени, чем в Вавилонии, становится ясно, когда мы осознаем, что здесь не было такого свода законов, который служил бы образцом, как кодекс Хаммурапи. Даже тогда казалось, что в то время собирали воедино только царские указы, так как вся работа продолжалась еще в течение восьми лет до 495 г. до н. э. Один экземпляр был написан на папирусном свитке ашшурским письмом (под ним подразумевался официальный арамейский язык канцелярии Ахеменидов), другой — буквенным письмом, которое греки называли демотическим. С той поры Дарий считался последним из шести великих египетских законодателей.

Для иллюстрации этих законов изучаемый нами период правления предоставляет немалое собрание деловых документов. Одна занятная их группа имеет отношение к частным делам водоносов в долине Нила, Фиванскому некрополю. Например, Пшнеси заключает брачный контракт с Тсененхор, которая дает ему три находящиеся в обращении серебряные монеты из сокровищницы Птаха в качестве приданого; если он разлюбит ее и бросит, он должен возвратить деньги и треть всего, что у него есть, а также треть своих доходов водоноса некрополя. Он сделает Роуру, свою дочь от Тсененхор участницей в своих прибылях наряду с другими детьми, которые еще могут родиться. Затем Тсененхор признает права своего собственного сына от предыдущего брака.

Пшнеси отдает своей жене половину незанятого места для дома к западу от Фив рядом с гробницей царя, где он собирается строиться; мы обнаруживаем, что два года спустя он еще не купил его! Другой член общины пишет своей жене: «Я бросил тебя, я ушел от тебя, у меня к тебе нет претензий. Я сказал тебе: бери себе мужа в любом месте, куда ты сможешь уехать. Я никогда не буду стоять на твоем пути». Другие документы из этого архива связаны с выдачей ссуд зерном; процент по такой ссуде будет расти, если ссуда не выплачена до урожая. Третьи документы имеют отношение к продаже скота и рабов с гарантиями от будущих претензий, продажам храмовых пребенд или обменом личных земель на первый урожай с земель, находящихся во владении храма Амона в Фивах.

Наш первый документ из говорящего на арамейском языке еврейского военного поселения в Элефантине, датированный 495 г. до н. э., свидетельствует о законодательной реформе. Две женщины обмениваются землями с третьей; все три получили их от царских судей и командира гарнизона. Гарантийная формулировка, подтверждаемая свидетелями, гласит: «В дальнейшем мы не станем преследовать тебя по суду по вопросу твоей доли и говорим: мы тебе ее отдали. Ни брат или сестра, ни сын или дочь, ни родственник или чужой человек не сможет предъявить тебе иск. А всякий, кто начнет преследовать тебя по суду по вопросу твоей доли, которую мы отдали тебе, должен будет заплатить тебе сумму, равную 5 *karash* , — а доля твоя». Здесь также можно обнаружить и финансовые реформы Дария.

В этом еврейском поселении имелся папирус с арамейской версией автобиографии Дария. Несомненно, это была официальная копия, присланная им по приказу самого царя. Ею явно дорожили и часто использовали, так как, когда она истрепалась, была подготовлена вторая копия, хоть и с пропусками в тех местах, где первоначальный папирус стал неразборчив.

Строительство в Египте

Дарий последовал примеру своих предшественников, проявляя почтительность к египетским богам и их храмам. Огромные каменоломни Вади-Хаммамат (высохшее в древности русло правого притока Нила. — *Пер.*) — черное ущелье на дороге через пустыню между Коптосом (город в 43 км севернее Луксора. — *Пер.*) и Красным морем эксплуатировались всеми великими правителями прошлого, которые присылали сюда экспедиции для поиска самого лучшего строительного материала; они добавили свои барельефы и надписи к изображениям животных, вырезанных на камнях теми, кто побывал здесь в доисторические времена. По приказу Дария эти каменоломни неоднократно посещал руководитель строительных работ на территории всей страны — архитектор Кхнумибр. Вместе со своим отцом Ахмоссанейтом он уже разрабатывал эти каменоломни на сорок четвертом году правления Амасиса; его положение при местном царе давало ему преимущества, и в течение 496–492 гг. до н. э. он неоднократно побывал в вади. Количество титулов у него росло, и в конечном счете среди них появились звание пророка разных богов, титул полководца и руководителя всех художественных работ. Упоминание Мина, Гора и Исиды — богов Коптоса и Амона, Мут, Хонсу и Гарпократа — богов близлежащих Фив наводит на мысль о том, что храмы некоторых местных богов, возможно, были реставрированы этим архитектором.

Оазис на юге начал процветать как центр торговли в пустыне благодаря недавнему появлению здесь верблюдов, а также введению системы орошения с помощью каналов *qanat* , которая давно уже была в ходу на Иранском нагорье и хорошо адаптировалась к засушливому региону. В его столице Хебте уже был небольшой храм Амона; приблизительно в 490 г. до н. э. Дарий заменил его гораздо лучшей постройкой из песчаника, и в нем его почитали как любимца Амона, владыку Хебта. В его строительстве Дарий следовал, естественно, местному плану постройки, но вместо привычного тройного святилища была только одна святая святых. Из древней простой капители уже расцвел более сложный тип в зачаточном варианте. На настенных барельефах царь изображен предлагающим дары богам, или его сопровождает богиня Хатхор, а его собственный «двойник» приносит жертву Амону, Мут и Хонсу. Также на стенах был написан гимн, в котором эпитетами, взятыми из Книги мертвых, все боги названы простыми олицетворениями Амона — прекрасная иллюстрация развивающегося синкретизма.

По приказу Дария работы также проводились в Бусирисе (греческое название религиозного центра Джеду. — *Пер.*); его картуш оставлен в портике в Эль-Кабе. Он значится как один из покровителей Эдфу в 507–504 гг. до н. э. На стеле изображен какой-то человек, стоящий на коленях перед Гором-ястребом и уреем и через них просящий царя даровать ему жизнь.

Мятежный сатрап Ариандес

И хотя Дарий проявил себя как человек, сильно стремящийся к тому, чтобы расположить к себе жрецов, рассказа Петеси достаточно, чтобы показать, что в суде сатрапии существовала коррупция, в которую почти наверняка был замешан сам сатрап. Геродот сообщает нам, что Ариандес был казнен как мятежник, хотя истинной причиной было то, что он подражал Дарию в чеканке монет. Подобно тому, как царские золотые монеты были известны своей чистотой, так и репутация серебряных монет Ариандеса долго оставалась на высоте. На самом деле такие монеты не существовали; в действительности все факты четко доказывают, что египтяне в период правления Ахеменидов вели свои дела, используя только взвешенные слитки. Но пока, согласно официальному стандарту чеканки монет, серебро считалось допустимым в соотношении тринадцати к одному, стоимость его слитка в Египте была гораздо выше. Поэтому было высказано предположение, что настоящее преступление Ариандеса состояло в том, что он расплавлял драгоценные царские монеты, на которых была выбита фигура царя, и продавал их с огромной прибылью в виде слитков — а

это уже была государственная измена.

Ариандес был казнен в период между 511 и 492 гг. до н. э., когда сатрапом стал Ферендат. Ему, жрецу Хнума, повелителю Йеба (Элефантина), подавали список жрецов для выбора из них согласно указу царя Дария настоятелей различных храмов. Большинство из них Ферендат отказался одобрить, некоторые бежали после назначения, а другие заявили, что они уже служат на схожих должностях.

Царские надписи

В Сузах было закончено строительство великолепной ападаны. Теперь Дарий предложил построить в своей новой столице еще одну ападану, на этот раз в более долговечном камне, который позволит в большей степени развить настоящее персидское искусство. На церемонии заложения новой постройки Дарий поместил в угловой камере две пары золотых и серебряных табличек, покрытых изящными письменами, площадью 84 квадратных сантиметра. В его последнем списке количество сатрапий не увеличилось, но произошли некоторые изменения в номенклатуре: собственно Иония по-прежнему следовала в перечне за Сардами, но «Те, что за морем» стали называться Саки; «Те, что у моря» стали *Yauna takabara* , что в вавилонской версии трактуется как «вторая Иония, жители которой носили щиты на головах» — так называли мягкие греческие шляпы *petasos*. Теперь с законной гордостью Дарий хвастался: «Это царство, которым я владею: от саков за Согдианой до Эфиопии, от Индии до Сард — его даровал мне величайший из богов Ахурамазда». Важно то, что Дарий не считает греков достойными специального упоминания.

И все же именно эти греки рассказывают нам, как часто Дарий приезжал в Экбатану. Пока на ее руинах не проведены должным образом раскопки, мы получаем информацию благодаря случайным находкам. Золотая и серебряная таблички, спасенные в последний момент из плавильного тигля, предоставляют запись, аналогичную тем, что были помещены Дарием в основании ападаны Персеполя. Дальнейшие сведения о такой постройке в бывшей столице Мидии можно найти в упоминании ападаны его внуком в найденной там надписи. Высоко над городом, на склоне горы Аурвант на некотором расстоянии от старой дороги в Вавилонию Дарий также приказал вырезать на скале свою надпись.

Более того, он приказал выровнять поверхность огромной скалы, обращенной к озеру Ван с востока, где бывшие халдейские цари оставили многочисленные надписи, прекрасно выполненные их родной клинописью. После смерти Дария надпись не была вырезана, так что его благочестивый сын распорядился исправить это. Ксеркс также упоминает много прекрасных зданий, которые были построены при его отце; возможно, это указание на еще один дворец рядом с надписью. Греческие авторы добавляют к списку царских дворцов другие подобные постройки в Габе — современном Исфагане — и Таосе на побережье Персии рядом с границей Кармании, но никаких следов этих дворцов найдено не было.

Приготовления к войне с Грецией

Тем временем быстрым ходом шли приготовления к войне с Грецией. С точки зрения Дария, Марафон был лишь временным регрессом в до сих пор успешной политике постепенного продвижения границ. Он полагал, что нужна лишь большая по численности армия под надлежащим командованием и тогда после сокрушения оставшихся городов-государств весь греческий мир будет включен во все расширяющуюся Персидскую империю. Так как его полководцы потерпели такую горестную неудачу при попытке наказать непокорных афинян, Дарий решил лично возглавить поход-реванш.

В немногое остававшееся у него время Дарий поспешил поставить скульптуры вдоль северного фасада ападаны и начал с северного края (и центра) восточного фасада. Одновременно он заканчивал строительство своего дворца.

Вопрос о преемнике не стоял, так как Ксеркс был уже признан наследным принцем с

498 г. до н. э. и был изображен — но без имен — на барельефах Персеполя. Теперь пришло время для полного признания, и на косяке средних дверей дворца напротив портрета его отца появилось изображение Ксеркса в таком же царском одеянии, которое отличалось только краткой надписью на нем: «Ксеркс, сын царя Дария, Ахеменид».

Подготовка к войне с греками, разумеется, требовала введения новых налогов. В июне 486 г. до н. э. некий вавилонянин сообщил домой, что Шатамаксу и дворецкий Набугаза уведомили его о том, что по царскому закону он должен уплатить новую пошлину на ячмень, пшеницу и горчицу — товары, которые он должен забрать со склада на вавилонском канале.

Восстание в Египте и смерть Дария

На похоронах быка Аписа, которые состоялись, видимо, в 488 г. до н. э., генерал Ахмос (Амасис) сопроводил божество в зал бальзамирования, а затем с эскортом из лучников и отобранных солдат — в некрополь. Ахмос ночей не спал, стремясь сделать что-то хорошее. Он пробудил уважение к богу в сердцах египтян и чужеземцев из всех иных стран, проживавших в Египте. Он также послал гонцов к правителям городов и номов Верхнего и Нижнего Египта, и они привезли свои свои дары в зал бальзамирования.

Несмотря на эти привилегии, египтяне утверждали, что Персеполь, Сузы и Экбатана были построены благодаря богатствам Египта. В 486 г. до н. э. *saris* (евнух) из Парс по имени Атиявахи опять работал на каменоломнях Хаммамат. Но 5 октября этого же года Кхнумемакхет написал Ферендату из Элефантина письмо, приведшее его в замешательство. Высокопоставленный египтянин по имени Осорвер в присутствии сатрапа приказал ему взять Артабана, персидского командующего еврейским гарнизоном, и пойти на корабле в Нубию, чтобы охранять зерно. Артабан приказал морякам выгрузить зерно на берег. Кхнумемакхет протестует: пусть сатрап прикажет Артабану поставить стражу у зерна на корабле и выгрузить на берег только такое количество зерна, которое можно перевезти на судне в Сиену. Если не принять меры предосторожности, ночью придут бунтовщики и унесут зерно; они уже разбили лагерь напротив и осмелели настолько, что показываются даже днем.

На этом зловещем предупреждении египетские документы заканчиваются. В следующем месяце Египет взбунтовался, так как новые налоги оказались не по нраву местному населению. Не успев подавить бунт, Дарий сам умер — в ноябре 486 г. до н. э. Ему было шестьдесят четыре года, но из них он правил тридцать шесть лет. Снова фортуна улыбнулась европейским грекам и дала им неожиданную отсрочку.

Дарий подготовил себе гробницу заранее. Северный конец равнины, на востоке которой он построил свою новую столицу, загораживала низкая горная цепь, которая спускалась на юго-запад и представляла собой прямую скалу, уже использованную для вырезания барельефа каким-то эламитским царем. Под этой скалой Дарий уже приготовил прямоугольный участок, огороженный кирпичной стеной, самой важной постройкой внутри которого был храм огня, точно копировавший храм, построенный Киром в Парсагарде.

По какой-то причине Дарий не стал делать себе могилу такой формы, какая была у Кира, и вернулся к скальной гробнице. Чуть восточнее храма огня его гробница была вырублена в скале; ее фасад имел форму греческого креста шириной 18 метров и высотой 21. Горизонтальная часть представляла собой дворцовый портик. По ее концам стояли пилястры, между которыми располагались четыре тонкие гладкие колонны на постаменте и высоком валике с ободком; наверху стоящие на коленях быки держали выступающие балки, затем шли четыре балки ахритрава — третья балка с зубчатым орнаментом. Дверь, три балки сбоку и наверху перекрывал карниз с серпообразным профилем; но грубый проем, который открывает доступ вовнутрь, высотой около двух пятых от ложного входа создает такое неприятное впечатление, что изначально, как можно заподозрить, он был замаскирован.

В верхней части креста находился тщательно вырезанный трон, которые поддерживали тридцать представителей народов империи. «Если сейчас вы задумаетесь, сколько стран

захватил Дарий, — гласит его надпись в гробнице, — взгляните на изображение тех, кто поддерживает трон. И тогда вы узнаете, что копье персидского воина улетело далеко. Тогда вам станет известно: персидский воин разбил врага далеко от Парсы». Когда-то каждая из тридцати фигур была помечена; в наши дни сохранились имена лишь ограниченного их числа, но все еще можно различить перса, мидийца, эламита, парфянина, скифа в остроконечной шапке, вавилонянина, ассирийца и человека из Мака.11

Над троном была помещена сцена жертвоприношения. Слева на самой верхней из трех ступеней стоял Дарий во всех царских регалиях, включая *cidaris* ; в левой руке он сжимал лук, а правая была поднята с раскрытой ладонью в молитвенном жесте. Справа также на трех ступенях был изображен священный огонь на алтаре. Над сценой парил Ахурамазда; сбоку от него, над алтарем с огнем старая луна покоилась в руках молодой луны.

Двенадцать высокопоставленных чиновников, изображенных один над другим по трое в ряду, ассистировали в этой церемонии. Все, кроме одного из них, были одеты в те же самые одежды, что и царь. С одной стороны шесть невооруженных фигур протягивали правую руку в молитвенном жесте, а левая висела вдоль тела; с другой — армейские офицеры крепко держали копья в руках. Командира одной тройки звали «Гаубарува (Гобрий), копьеносец царя Дария»; другого — «Аспахана (Аспатин), несущий боевой топор, который держит налучник царя Дария».

Низкая дверь в центре ведет в уже осквернённую погребальную камеру. Внутри находятся четыре вырубленные в скале ниши, в них стоят три массивных саркофага, предназначенные для Дария и более привилегированных членов его семьи. Но здесь нет никакой надписи, которая рассказала бы нам, в каком саркофаге когда-то лежало тело Великого царя.

Глава 17
ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ И ЕГО АРМИИ

Ксеркс (486–465 до н. э.), согласно преданию, слабый монарх, послушный воле своих евнухов; помнят о нем главным образом из-за его безумного нападения на Европейскую Грецию. Восточные источники изображают совершенно другую личность. Во время восшествия на престол Ксеркс был во цвете лет — около тридцати пяти. Быть наследником трона его научили двенадцать лет активной управленческой деятельности в качестве наместника царя в Вавилоне. В результате его правление выделяется значительными административными переменами; если Дарий начал эпоху правления Ахеменидов, введя свой закон, Ксеркс отметил свое правление даже еще большим разрывом с прошлым.

Одной его военной неудаче в Европе, которая произвела не такое уж сильное впечатление на его подданных, как на более поздние поколения, следует противопоставить целый ряд побед, включая возврат себе двух самых богатых и все еще самых цивилизованных народов в его обширной империи и сохранение власти над большинством самих греков. В области культуры картина та же. Если архитекторы его отца разработали грандиозный план террасных построек в новой столице Парсе, то именно Ксеркс довел строительство главных зданий до конца и приступил к строительству большинства остальных. Под его руководством план был изменен в важных аспектах. Только благодаря ему появились великолепные барельефы, которые отодвигают в тень более грубую работу скульпторов его отца. Одним словом, Персеполь, которым мы восхищаемся, был делом рук сына, а не Дария. Если ему не удалось понять экономические силы, которые уже подрывали мощь империи, он был ничуть не хуже, чем другие древние правители.

Восшествие на престол Ксеркса

11 Список можно восстановить, а другие изображения идентифицировать при помощи точной копии, сделанной для гробницы Артаксеркса III.

Первым долгом нового набожного царя было завершение строительства в Сузах дворца его отца, для которого нужно было изготовить еще несколько колонн. Алебастровая ваза с его надписью и коммерческий документ, касавшийся займа и написанный в начале 483 г. до н. э. в Сузах, но найденный в Вавилонии, свидетельствует о его давнем проживании в бывшей столице. Затем он обратился к объекту своей истинной любви, Персеполю.

В начале своего правления Ксеркс составил надпись, чтобы увековечить свою новую власть. Первые абзацы следуют образцу его отца:

«Велик бог Ахурамазда, сотворивший эту землю, человека, мир для людей, сделавший Ксеркса царем, одним царем над многими, одним владыкой над многими.

Я Ксеркс, великий царь, царь царей, царь над странами, в которых живут много людей, царь на этой земле, сын царя Дария, Ахеменид, перс, сын перса, ариец от арийского семени.

Говорит царь Ксеркс: По милости Ахурамазды я царь этих земель за пределами Парсы».

Даже на могильном барельефе его отца перс является лишь первым представителем народов империи, которые поддерживают царский трон, хотя надпись вполне определенно исключает Парсу из списка сатрапий; в этом Ксеркс следует примеру Дария. «Я управлял ими, они приносили мне дань, они делали то, что я приказывал им; закон мой держал их крепко».

Список показывает подвижки на северо-восточной границе. К амиргейцам и сакам — «остроконечные шапки» прибавилась третья сатрапия восточных кочевников — дахаев, живших за Араксом. Еще одним прибавлением к империи были жители Горной страны (Акауфака), которая расположена, вероятно, севернее Кабула в современном Афганистане.

«Говорит царь Ксеркс: Когда я стал царем, среди этих стран, перечисленных выше, была одна, которая доставляла мне беспокойство. Потом Ахурамазда дал мне помощь. По милости Ахурамазды я покарал эту страну и поставил ее на место».

Страной, доставлявшей ему беспокойство, была Бактрия. При восшествии Ксеркса на престол его брат Ариамен выехал из этой сатрапии, чтобы оспорить трон. Убежденный при помощи подарков и обещания, что он будет вторым в царстве, Ариамен возложил корону на голову нового монарха. С той поры он оставался верным царю и, будучи адмиралом огромного флота, встретил геройскую смерть в битве близ острова Саламин.

Ксеркс далее рассказывает нам, что «в этих странах было место, где раньше поклонялись дэвам. Потом милостью Ахурамазды я уничтожил ту общину и провозгласил: Вы не будете поклоняться дэвам. Там, где раньше поклонялись дэвам, я стал поклоняться Ахурамазде и священной Арте». Очевидно, что упоминаемая страна должна находиться на иранской границе, где верховенство Ахурамазды еще не было признано; в народе, поклоняющемся дэвам, мы поэтому должны видеть еще не покоренных дахаев.

«И было другое дело, которое было плохо сделано, а я сделал хорошо. То, что я сделал, я сделал милостью Ахурамазды. Ахурамазда оказывал мне помощь, пока я не закончил работу».

Реформа религии

Ксеркс убеждает своего преемника принять его религию, делая акцент на священную Арту: «Ты, который придешь после меня, если будешь думать: «Да буду я счастлив при жизни и после смерти, да буду я благословен» — уважай тот закон, который установил Ахурамазда» — закон, который открыл Ахурамазда его отцу Дарию. «Поклоняйся Ахурамазде и священной Арте. Человек, который уважает священный закон, установленный Ахурамаздой, и священную Арту, будет счастлив при жизни и благословен после смерти». Чтобы внушить это убеждение своему сыну и преемнику, Ксеркс назвал его Артакшатрой (Артаксерксом), что означает «царство Арты».

Таким образом Ксеркс описывает еще одну реформу. Он подчеркивает значение Арты,

которая приблизительно соответствует Праведности в мышлении зороастрийцев. Он также показывает нам, что дэвы больше не являются традиционными богами древних арийцев; большая их часть опустилась до уровня демонов.

Правда, некоторые были возвращены и возродились в официальной религии, описанные для нас современником той эпохи Эсхилом, в последующем поколении — Геродотом и Ксенофонтом и Ктезием, жившими в годы правления второго Артаксеркса, который не привнес, однако, никаких важных изменений. Очевидно, эта реформа сопровождалась ритуалом. По крайней мере, в Ясне семи глав сохранились некоторые молитвы на гатическом диалекте, которые резко контрастируют с молитвами, приписываемыми зороастрийцам, и которые соответствуют официальной религии того времени.

И Дарий, и Ксеркс почитали Ахурамазду как бога, «который сотворил эту землю, то небо, создал человека и дал ему благоденствие». Наш псалмист поклоняется Ахурамазде, который сотворил Коров и Праведность, Воду и Полезные растения, Свет и Землю и все, что есть на ней хорошего, посредством своей суверенной власти, величия и прекрасных деяний. Он будет поклоняться также и самым священным именам, произошедшим от Ахуры и приятным Мазде, Фравашам или Душам мужчин и женщин, которые верили в Праведность, Самую лучшую праведность, прекрасную Спенту Амешу, Благую мысль, Благое царствие, Благое житие, Благое вознаграждение и Благочестие. По мысли Зороастра, эти древние божества стали бледным абстрактным проявлением одного высшего божества; здесь, напротив, они сохраняют во многом свой оригинальный антропоморфный характер, а шесть из них, самые главные божества, признаны Амеша Спентас (в зороастризме: «многочисленные бессмертные», которые окружали Ахурамазду и имели его черты. — *Пер.*), которые являются объектами отдельного поклонения.

В этой молитве сохранилось еще больше от древнего культа природы: «Мы поклоняемся этой Земле, которая носит нас, и твоим женам, Ахурамазда, отличающимся Праведностью благодаря их рвению в вере, активности, независимости, преданности Благочестию, а вместе с ними Благому вознаграждению, доброму желанию, хорошей репутации, достатку. Мы поклоняемся Водам, бьющим струей, текущим и убегающим, которые произошли от Ахуры, они сами Ахура, совершающий добрые дела — вас легко перейти вброд, переплыть, в вас хорошо искупаться; вы дар для обоих миров. С именами, которые Ахурамазда дал вам, когда создавал вас как творец всего хорошего, мы поклоняемся вам, с ними мы молим вашей милости, с ними мы проявляем свое уважение и благодарим вас. Вас, Воды, мы призываем как несущих благо, как Матерей, подобных молочным коровам, которые заботятся о бедных, вскармливают всех, самых лучших и самых прекрасных. Спуститесь, вы, добрые создания, при помощи длиннорукого раздатчика даров, вы, которые оказывают действенную помощь как вознаграждение в бедах, вы — дающие жизнь Матери!»

Вместо сурового, безучастного Ахурамазды Зороастра мы видим восточного Царя царей, гарем которого полон матерей-богинь.

Душа Быка не подчинена Ахурамазде. Она по-прежнему является отдельным объектом поклонения, и с ним души домашних животных (помощь которых человеку с благодарностью признается) и даже души полезных диких животных имеют такую же важность в понимании нашего псалмиста, как и души праведных мужчин и женщин, лучшая часть которых уже стала или вскоре станет победителями в вечной борьбе между Добром и Злом.

Огонь Атар почитается во всей Ясне, посвященной ему одному: «Благодаря этому Огню мы впервые приближаемся к тебе, Мазда-Ахура, благодаря твоему Святейшему Духу; для того, для кого ты готовишь муку. Пусть *этот* человек радостно приближается к награде, Огню Ахурамазды, с радостью самых радостных и покорностью самых покорных пусть он подходит к величайшему из испытаний. Как Огонь Ахурамазды ты желанен нам, как его Святейший Дух ты приятен нам. Какое из твоих имен наиболее подходяще, Огонь

Ахурамазды, с ним мы подойдем ближе к тебе. С Благой мыслью, Благодетельной праведностью, делами, словами и учением мы подходим ближе к тебе. Мы молимся и признаемся тебе, Ахурамазда, в своей вине; со всеми благими мыслями и всеми хорошими поступками мы подходим к тебе».

Во всех этих Яснах мы находим намеки на то, что они подверглись поверхностной корректуре, чтобы привести их в соответствие с более поздним зороастризмом. Но, безусловно, ни один истинный верующий в послание пророка еще не достиг той точки, когда он мог вознести молитву: «И вот мы выражаем тебе наше желание, самому прекрасному телу из всех тел, этим небесным Огням и высочайшему из высоких — Солнцу», так как, несмотря на имена людей, которые почитали проявления бога-солнца Митры, он не был официально признан до правления Артаксеркса II.

Возвращение Египта

Египет еще нужно было возвратить. Как часто бывало, восстание на берегах Нила привело к беспорядкам евреев в Иерусалиме. Можно сомневаться, закончились ли бы они открытым бунтом; этой возможностью воспользовались «народы суши», которые теперь начали активно проявлять враждебность к вновь появившимся поселенцам, и в год восшествия Ксеркса на престол — в период с 1 декабря 486 по 5 апреля 485 г. до н. э. — они послали ему обвинительное письмо против жителей Иудеи и особенно Иерусалима. Мы можем предположить, в чем состояло обвинение, но не можем предугадать, какое воздействие оказало письмо на царя. Во всяком случае, до конца года Ксеркс был уже в Палестине на пути к долине Нила.

Египет был возвращен к 9 января 484 г. до н. э. Возвращение каменоломен у ущелья Хаммамат вернувшимися Атиявахи и Ариуртой доказывает строительство определенных зданий по царскому приказу. Но собственность многих храмов была конфискована, и обращение с местным населением стало жестче. Очевидно, Ферендат погиб во время восстания, так как Ксеркс сделал правителем Египта своего брата Ахемена.

До сей поры персидские монархи льстили народам с древней культурой, выдавая себя в их странах за местных царей. Ксеркс полностью порвал с этим обычаем, и это одно из самых важных изменений, произошедших во время его правления. Как работала эта новая политика, хорошо проиллюстрировано в Египте.

Благодаря необыкновенной щедрости Дария жрецы Аписа получили возможность приготовить саркофаг из черного гранита небывалой красоты для быка, найденного в 488 г. до н. э. Снаружи он был отполирован до зеркальной поверхности. Крышка была простая, но с каждой стороны были изображения саркофагов с изогнутыми карнизом и полукруглым фризом. По бокам и с одного его конца была обшивка; другой конец изображал фасад дома с небольшой запертой дверью в нижней части по центру. Но надписи и украшения — по контрасту с великолепным материалом — были грубо нацарапанными.

После обычных титулов шли отрывки из Текстов пирамид, которые по-прежнему использовали уже более двух тысяч лет: «О, Апис-Осирис, кто-то будет стоять позади тебя. Твой брат будет стоять позади тебя; он стоит и не умрет позади тебя. Ты не умрешь; ты не скончаешься во веки вечные, Апис-Осирис. О, Апис-Осирис, Гор идет на помощь к тебе; он принес тебе сердце богов. Не плачь. Гор дает тебе свой глаз, чтобы с его помощью ты мог унести корону к Девяти богам. О, Апис-Осирис, Гор открывает за тебя твои глаза, чтобы ты мог видеть. Сотис помогла Апису-Осирису полететь на небеса вместе с его братьями-богами. Апис-Осирис, Гор помог тебе заключить в объятия каждого бога. Гор любит в тебе своего отца. Он не страдает от того, что ты уходишь, и не уходит от тебя. Да будешь ты жить, как живет жук *ankh* , и да продолжишься ты в Бузирисе. Защити Гора, чтобы он сделал тебя духом и отправил тебя на небеса, Апис-Осирис. О, Апис-Осирис, ты вернешься в свой собственный облик, и боги сделают твое лицо».

Пока изготавливали саркофаг, близился конец долгого правления Дария. По всей

вероятности, он умер раньше быка; поэтому для имени его преемника было оставлено пустое место. Затем в Египте началось восстание, и он был повторно завоеван персами. Ксеркс отказался принять обычный египетский свод правил; в отместку, когда бык в конце концов умер и был погребен в приготовленном саркофаге, разгневанные жрецы «забыли» вписать в пустое место имя нового монарха.

Закат Вавилона

В отличие от Египта Вавилония лояльно отнеслась к своему новому царю, сыну Дария, которого они давно знали как наместника. Менее месяца прошло между последним известным нам коммерчерским документом, на котором значилось имя отца, и первым документом, датированным Ксерксом 1 декабря 486 г. до н. э. Сначала местным писцам было разрешено использовать обычный титул «царь Вавилона, царь стран». Однако вскоре после его восшествия на престол Ксеркс заново посетил Вавилон и вошел в «гробницу Белитана», под которой мы должны понимать храм Мардука в Эсагиле. Что-то пошло не так, так как по возвращении в Экбатану Ксеркс отдал приказ внести тревожное изменение в титул: «царь Парсы и Мады» — такая приставка должна была стоять перед «царем Вавилона, царем стран». Вариации в написании и сомнение в том, являются ли Персия и Мидия городами или странами, выдают то, что эта формулировка была необычна для писцов. Несомненно, другие репрессивные меры сопровождали эти изменения в формулировке титула, но его одного было вполне достаточно, чтобы доказать, что новая политика была принята. Хотя формулировка «царь Вавилона» еще сохранялась, теперь она стояла после Персии и Мидии; вполне мог возникнуть вопрос, долго ли — ввиду того, что недавно произошло в Египте, — Вавилону будет позволено сохранять даже эту слабую тень ее былой независимости.

Пока Ксеркс был еще в Экбатане, пришла весть о том, что Вавилон взбунтовался, а сатрап Зопир убит. Мятеж возглавил некий Белшиманни, именем которого — как «царя Вавилона», к которому можно было добавить титул «царь стран», — датированы таблички из Дилбата и Борсиппы от 10 до 29 августа 482 г. до н. э. К 22 сентября его сменил Шамаш-ериба в Борсиппе и до 20 октября в Вавилоне — с тем же самым титулом или титулами.

К счастью для Ксеркса, у него был зять Мегабиз — величайший полководец в империи. Он был сразу послан в мятежный город, который он быстро взял. Вавилон был страшно наказан. Великолепные городские укрепления, построенные по приказу Навуходоносора, были разрушены и стали совершенно бесполезны. Эсагила с ее возвышающимся зиккуратом была снесена, как и другие храмы. Статуя Бел-Мардука высотой 5,5 метра и весом 12 талантов (почти 363 килограмма) цельного золота была увезена и расплавлена в слиток. Жрец Эсагилы, выразивший протест против такого кощунства, был убит. Так как Мардука уже больше не было, то никакой будущий мятежник не мог узаконить свое правление, взяв за руки Бел-Мардука на новогоднем празднике.

Имущество торговых магнатов и горожан было конфисковано и отдано персам. Вавилония была так основательно разграблена, что едва полудюжина табличек уцелела от остатков правления. Сирия была отделена от Вавилона и превратилась в полностью независимую сатрапию. Вавилония сама потеряла свою индивидуальность из-за слияния с Ассирией и с той поры была обложена драконовскими налогами.12

В Вавилонии, как и в Египте, никаких официальных надписей не было сделано на протяжении всего срока правления. Единственная надпись, которая хоть как-то может считаться официальной, — на трехъязычных печатях и в виде кратких констатаций собственности на четырех языках, сделанных на великолепных вазах из египетского алебастра, — гласит лишь: «Ксеркс великий царь».

Персидская армия

12 Из классических источников Ктезий дает правильную дату восстания — до военного похода на Грецию.

При подавлении этих восстаний мощная военная машина, созданная Дарием, еще больше укрепилась. Из местного персидского источника, возможно через Зопира, который был внуком генерала с таким же именем, Геродот получил копию официального реестра. Он действительно стоит детального изучения, и не только в связи военными событиями. Соединив его с датами с барельефов Персеполя, которые увековечивают появление подвластных империи народов на новогоднем празднестве, мы получаем бесценную географическую и этнографическую картины далеко раскинувшейся империи.

Бессмертные

Ядро армии составляли сами персы, так как они больше не платили дань, они платили налог на кровь. Самой главной ее частью, которой непосредственно командовал Гидарн, сын Гидарна, главнокомандующий, или *bazarapat* , была знаменитая гвардия — Бессмертные, которые получили такое название, потому что их число всегда составляло десять тысяч, а заболевшему или убитому всегда была готова замена. Они не только носили роскошные одеяния, расшитые золотом, но и во время походов им было разрешено брать с собой своих наложниц и слуг, которые ехали в повозках, а продукты питания везли верблюды и другие вьючные животные.

В Десять тысяч Бессмертных входили не только отряды персов, но и мидийцев и эламитов. Разноцветные глазурованные кирпичи в Сузах оживляют облик эламитских воинов. Некоторые из них смуглые, почти черные, у других более светлый оттенок кожи; но все они вооружены и одеты одинаково. У них непокрытые головы, волосы повязаны перекрученной лентой зеленоватого цвета; короткие бороды завиты, на затылке волосы завязаны в узел; их отличительным знаком является золотое кольцо в ухе. Каждый солдат стоит навытяжку; обе руки, украшенные большими золотыми браслетами, крепко держат копье из кизилового дерева с серебряным наконечником, тупой конец которого упирается в палец ноги — это является доказательством того, что они входят в эти Десять тысяч. На левой руке у них висит лук, а через левое плечо перекинут колчан. Замысловатое одеяние скрывает все тело от шеи до запястий и лодыжек, показывая лишь полоску голого тела над мягкими кожаными башмаками, застегнутыми или перехваченными шнурками, с высоко торчащими языками.

В изображении колчанов, одежд и башмаков точная симметрия забыта, а рисунок на ткани и цвета просто буйствуют. Кусочки кожи, вырезанные в форме полумесяцев, украшают колчаны, они могут быть бледно-желтого или бледно-голубого цвета на коричневом фоне разных оттенков или коричневыми на белом фоне. Весь колчан может иметь тот же дизайн и цвет, за исключением ленты из чередующихся треугольников — бело-коричневых или бело-голубых, — с кольца которой свисают вниз разноцветные шнурки и кисточки. Башмаки могут быть желтыми или синими. Иногда их одежды имеют желтый или очень светлый пурпурный цвет; в таком случае на грудь накинута богатая мягкая коричневая накидка с зеленой каймой, украшенная рядами белых кружков; она проходит под рукой и закрывает бедро. Более замысловатые одеяния усыпаны узорами — белые или желтые звезды на синих или темно-коричневых кругах или большие, близко расположенные друг к другу квадраты, поделенные на половинки или четверти коричневыми линиями, нашиты на желтые или белые ткани.

Можно представить себе такие цвета на персах и мидийцах — Бессмертных в Персеполе. Здесь воины, которые охраняют надписи, поднимаются по лестницам, выстраиваются в ряд для аристократов, пришедших к их владыке, или стоят по стойке смирно на царском смотре — на них на всех надеты головные уборы: рифленая или сдвинутая набок шапка из фетра. Согласно происхождению, их наряд представлял собой или персидский халат, или индийскую куртку со штанами. Они могут быть вооружены только копьем или иметь только лук и колчан; и то и другое может комбинироваться, и может быть добавлен налучник. Среди них имеется Одна тысяча, откуда возникло название *bazarapat* ,

так как эти воины отличались от остальных Бессмертных тем, что носили золотые гранаты.

Контингенты сатрапий

Следующей за Бессмертными шла персидская пехота, одетая в свободные фетровые шапки, разноцветные туники с рукавами (*kithones*) поверх чешуйчатых железных доспехов и штаны. В качестве средства обороны они имели плетеный щит; длинный лук и колчан с тростниковыми стрелами, короткое копье и короткий меч, свисавший с пояса на правом бедре, оказывали помощь при наступательных действиях. Пехотой командовал Отан, отец царицы Аместрис.

Армии сатрапий находились под командованием каждая своего сатрапа. Сравнение со списками Дария указывает на определенные административные изменения. Каждая армия была поделена на отделения по десять человек, команды по сто человек, полки по тысяче человек и в случае необходимости — бригады по десять тысяч человек. Все вместе образовывали шесть армейских корпусов, которые находились под командованием Мардония, сына Гобрия, Тритантехмена, сына Артабана, Смердомена, сына Отана, Масиста, сына Дария и Атоссы, Гергиса, сына Ариза, и Мегабиза, сына Зопира, который недавно возвратил царю Вавилон.

Тигран Ахеменид командовал мидийцами, одетыми и экипированными как персы, которые фактически позаимствовали у них их вооружение. Киссийцев — это древнее название кашшитов, которое здесь используется для обозначения эламитов, — возглавлял Анаф, сын Отана. Геродот пишет, что они были одеты как мидийцы, за исключением повязки на голове (*mitra*), которая была вместо шапки. На барельефах в Персеполе они носят мидийское платье, только круглые шапки ниже и обвязаны широкой лентой. Двое из них имеют луки и короткие мечи, идущий следом эламит подгоняет львицу, идущую на поводке, которая обернулась назад, чтобы посмотреть, все ли в порядке с ее двумя львятами, которых несут на руках служители.

Восточный Иран демонстрирует начало объединения сатрапий, что наводит на подозрение об ухудшении положения на этой границе. Гирканийцы, экипированные как персы, были отделены от Парфии. Этих умелых воинов возглавлял Мегапан, который позднее был послан в Вавилон. Вместо Гиркании теперь Хорезм соединили с Парфией под властью Артабаза, сына Фарнака. Согдианцев возглавил Азан, сын Артея, гандарийцев и дадикеев — Артифий, сын Артабана, а бактрийцев и амиргийских саков — царский брат Гистасп, сын Дария и Атоссы.

Подобно большинству иранцев, бактрийцы носили головной убор почти так же, как мидийцы, и имели на вооружении тростниковые луки и короткие копья. На барельефах в Персеполе они стоят, объединившись в почти такие же группы — волосы на непокрытой голове стянуты ремешком, усы смотрят концами вниз, борода коротко острижена, на них очень короткие туники, мешковатые штаны и невысокие башмаки. Некоторые из них ведут огромных двугорбых верблюдов, которые фыркают поверх их голов; другие несут ткани, кубки, чаши или ведут лошадей. Арийцы, возглавляемые Сизамном, сыном Гидарна, несут мидийские луки.

Из трех сатрапий саков, перечисленных Дарием, остается одна, которая соединяется с Бактрией. На барельефах в Персеполе саки изображены в высоких остроконечных шапках, из-за которых они получили прозвище «Носящие шапки»; эти шапки выглядят еще более необычно благодаря клапану на затылке и ремешку под подбородком с бородой-лопатой, хотя короткие прилегающие куртки, длинные штаны, низкие башмаки, лук с налучником, кинжал и меч, свисающий с пояса — типично иранские. В Персеполе в казармах был найден боевой топор *sagaris* ; такие носили высокопоставленные персоны, как показано на барельефе. На барельефе также видно, что один сак ведет коня с заплетенной гривой и хвостом, сбрую которого составляют оголовье уздечки, плюмаж в виде цветка лотоса и колокольчик. Следующий сак несет в дар два ожерелья; трое других — необычные халаты.

Сарангийцами в одежде ярких цветов, котурнах и с мидийскими луками и копьями, командовал Ферендат, сын Мегабаза.

Индусы мало что добавляли к боевому порядку. Их одежда была из хлопка, их единственным оружием — луки и стрелы с железными наконечниками. Их командир на барельефе в Персеполе имеет на голове ремешок, грубо завязанный на затылке, который удерживает его длинные прямые волосы; он одет в халат поверх короткой туники, зашнурованной сбоку, и тапочки; на его слугах лишь шнурок на голове и квадратный кусок ткани, обернутый вокруг бедер, пропущенный между ногами и заткнутый на талии. С коромысла, которое нес на плечах первый индус, свисают две плетеные корзины, наполненные баночками с притираниями; второй ведет дикого осла, которого третий индус подгоняет поднятой палкой; последний поднял вверх два коротких меча. Их сатрап Фарназатр, сын Артабата, возглавлял также и восточных эфиопов, экипированных так же, как и индусы, но в надетых на голову уборах из конского волоса и со щитами из журавлиной кожи. Утийцы и микийцы находились в подчинении у сына Дария Арсамена, парфяне — Сиромитра, сына Эобаза, и все были экипированы как пактийцы. Жители островов Персидского залива и островов Ссылки были одеты как мидийцы, и их возглавлял Мардонт, сын Багея.

Если на северо-восточной границе имели место серьезные потери, то их компенсировали успехи на севере, где лучшая организация разбросанных по территории племен очевидна. На севере и востоке Армении жили алародцы (название которых сохраняет Урарту времен владычества Ассирии и библейский Арарат) и саспейры — вдоль течения Аракса, — и те и другие находились под командованием Масиста, сына Сиромитра. Они носили деревянные шлемы и были вооружены небольшими щитами из сыромятной кожи, короткими копьями и мечами. У Геродота нет упоминаний о кардучах, или курдах, которые играют важную роль в позднем периоде правления Ахеменидов. В те времена мы также узнаем о наемниках, которых называли кардаками, но записи доказывают, что наемники-кардаки были наняты еще в 515 г. до н. э., когда лукшу и кардаки получали серебро за своих овец, муку, соль, горчицу, растительное масло и хорошее финиковое бренди — все это за первые три месяца седьмого года.

Моски и тибарены были оттеснены с тех времен, когда они сражались с ассирийцами; теперь их возглавлял Ариомард, сын Дария и Пармис. Подобно макронам и мосинекам, жившим на южном побережье Черного моря и служившим под началом Артайкта, сына Херасмиса, который позднее стал сатрапом Сеста, все они носили деревянные шлемы и были вооружены небольшими копьями и щитами. Колчиане, обитавшие на восточном побережье, были экипированы как алародцы; вместе с марами (которые носили плетеные шлемы и были вооружены маленькими кожаными щитами и дротиками) ими командовал Ферендат, сын Теаспа. Каспийцы под командованием Ариомарда, сына Артабана, носили кожаные куртки и имели на вооружении кривые сабли и тростниковые луки, тогда как пактийцы были одеты в шкуры и были вооружены местными луками и кинжалами; их возглавлял Артайнт, сын Итамитра. Дот, сын Мегасидра, стоял во главе пафлагонцев и матиенов, которые носили плетеные шлемы, котурны и имели на вооружении небольшие щиты и копья или дротики и кинжалы. Большое число сатрапий и знатное происхождение их сатрапов указывают на военный характер их контингентов.

Армяне и фригийцы находились под командованием царского зятя Артохмеса. Армяне возглавляли вторую часть барельефа в Персеполе, их одежда была типично иранская, за исключением необычной шапки с тремя свешивающимися выступающими частями и широким клапаном, закрывающим шею, и ленточками. Один из них вел коня, которыми всегда славилась Армения, другой нес прекрасную вазу с двумя ручками, вырезанными в форме крылатых грифонов. Гобрий, сын Дария и Артистоны, возглавлял каппадокийцев, кабаллийцев — их также называли меонцами и ласонцами — и милиан; они носили кожаные шапки, а их одежда застегивалась на пряжки; на вооружении у них были ликийские луки и короткие копья. Сюда же мы можем поместить писидийцев; их бронзовые шлемы с

гребнями, бычьими рогами и ушами, маленькие щиты, обтянутые сыромятной кожей, копья для охоты на волков и пурпурные краги придавали им необычный вид. Никакой сатрап не упоминается в связи с этими дикими горцами, которые, вероятно, сражались исключительно ради добычи под командованием своих собственных вождей.

Сарды включали Лидию, воины которой имели почти греческое вооружение, и Мисию, где в экипировку воина входили шлем, небольшой круглый щит и деревянное копье с закаленным в огне концом. Бывшая «вторая Иония» представлена в списке лишь «азиатскими фракийцами» (битинцами), которыми командовал Бассак, сын Артабана; они носили головные уборы из лисьих шкур, туники под разноцветными плащами и котурны из шкур оленя и были вооружены небольшими щитами, дротиками и кинжалами. Из других источников мы узнаем, что сатрапия со столицей в Даскилии продолжала существовать.

Сатрап Сардов также осуществлял общий контроль за Первой Ионией, в которую входили как эолийские, так и ионийские греки; дорийцы вместе с ликийцами и памфилийцами, по-видимому, были поставлены в один ряд с карийцами как одна часть этой Ионии; это подразумевало, что Карка больше не являлась отдельной сатрапией. Большинство народов в этой расширенной Ионии были вооружены на греческий манер, но карийцы (подчинявшиеся непосредственно своим принцам Гистиэю, сыну Тимна, Пигру, сыну Гиссельдома, и Дамаситиму, сыну Кандаула) и ликийцы (под командованием Киберна, сына Коссикаса) в добавление к этому имели короткие широкие кривые мечи, кинжалы, луки из кизилового дерева и стрелы без оперения, а одеты они были в козлиные шкуры, шляпу с пером, ножные латы и нагрудники. После завоевания ликийцев оставили под властью представителей их местной династии; некоторые из них, вроде Киберниса, чеканили монеты по лидийскому образцу, но пониженного качества.

Киликией по-прежнему правил местный царь, который носил наследуемый титул Сиеннес; теперь это был сын Оромедона. Киликийцы в шерстяных туниках и шлемах, вооруженные двумя легкими копьями, египетским мечом и небольшим щитом, обтянутым сыромятной кожей, составляли личный состав важной морской эскадры. Киликийцы на барельефах в Персеполе носят короткие бороды, их тщательно завитые волосы собраны в пучок; узкая лента четырежды обвивает голову. Простой халат с короткими рукавами, четырежды опоясанный кушаком, заправленным с правой стороны, доходит до колена; низкие башмаки имеют застежку сбоку. Руководитель их делегации несет шерстяной халат, а два других киликийца ведут превосходных баранов, выращенных на плодородной Киликийской равнине.

Сатрапия Заречье, отделенная от Вавилона после восстания 482 г. до н. э., снова стала располагаться на западном берегу Евфрата. Гораздо более важной частью была Финикия. Ее главными городами были Сидон, которым правил Тетрамнест, сын Аниса; Тир, находившийся под властью Меттена, сына Гирама III; и Арвад — под властью Марбаала, сына Агбаала. Финикийские торговые магнаты признавали ценность членства во всемирной империи и охотно посылали своих представителей на большой ежегодный праздник. На барельефе мы видим у них на голове необычные высокие тюрбаны, намотанные широкими полосами и наклоненные назад; ленточка за ухом привлекает внимание к стянутым в узел кудрям и короткой бороде. Поверх туники, доходящей до колена, с вертикальными складками они носили накидку, задрапированную по диагонали, чтобы показать край туники; у их башмаков слегка заостренные носы. Один финикиец несет две прекрасные вазы с горизонтальными ложбинками и ручками в виде голов грифона. У следующих двоих — две невысокие чаши, у третьего — два больших браслета. Конюх, в более низком и плоском тюрбане и плаще поверх туники, ведет двух коней, запряженных в колесницу. Финикийские корабли составляли ядро флота — триста трирем из тысячи двухсот; в них была морская сила персов. Их команды были вооружены легкими копьями и для защиты носили шлемы греческого образца, полотняные нагрудники и щиты без оправы, но их главное умение как в наступательных, так и оборонительных действиях состояло в способности маневрировать кораблями. Более надежные, чем греки, финикийцы процветали, как никогда раньше.

Кипр и Сирийская Палестина также были включены в сатрапию. Попытки сделать отдельную сатрапию из Аравии были оставлены, но арабские погонщики верблюдов были задействованы в кавалерии для несения пограничной службы и имели на вооружении длинные луки. На барельефах Персеполя мы видим арабов в длинных, складками ниспадающих халатах, стянутых поясами с узорчатым краем. Они несут в дар ткани, а юноша ведет одногорбого верблюда. В армейской структуре они стояли в одном ряду с эфиопами под командованием Арсама, сына Дария и Артистоны. Эти дикари шли в бой с раскрашенными телами — одну половину тела они красили мелом, а другую — киноварью. В качестве одежды они носили львиные и леопардовые шкуры и были вооружены почти двухметровыми луками, сделанными из жил пальмовых листьев, стрелами с каменными наконечниками и копьями с наконечниками из заостренного рога антилопы или дубинками с шишкой на конце. Одетые в кожаную одежду ливийцы, единственным оружием которых было легкое копье с закаленным в огне концом, находились под командованием Массага, сына Оариза. Курчавые безбородые негры на барельефе в Персеполе в длинных халатах и башмаках ведут в дар необычного жирафа, но нет никакой вероятности того, что Пунт на сомалийском побережье когда-то представлял собой обычную сатрапию.

За финикийцами египтяне со своими двумя сотнями трирем считались у персов важной морской силой, имевшейся в их распоряжении. Большинство их моряков носили кирасы (у них персы их и позаимствовали) и были вооружены длинными мечами; к этой экипировке прилагались плетеный шлем, щиты с широким ободом, копья, приспособленные к морским сражениям, и огромные секиры. Сатрап Ахеменес выступал в роли адмирала.

Колония наемников в Египте

Читая этот перечень, мы должны были сделать вывод, что Египет поставлял в персидскую армию только моряков. К счастью, Геродот упоминает и сухопутную армию. По всей вероятности, эта армия была в основном, если не полностью наемная, так как сами египтяне не были хорошими воинами, и им нельзя было доверить сражаться за своих господ. Для нас поэтому большая удача обладать архивами такого поселения наемников — удивительно, но это были евреи, — которое находилось в Элефантине у первого порога.

На первый взгляд эти евреи представляют собой обычную общину. С ними живут их жены и дети; они женятся и, как можно предположить, разводятся. Они покупают и продают дома и имущество, на которое у них, по-видимому, распространяется абсолютное право собственности. Их дома теснятся вокруг храма их национального бога. В их контрактах используются обычные формулировки, и имеется большое количество судебных тяжб.

Но в то время как египтяне по-прежнему пользовались своим местным демотическим письмом, эти евреи пишут не на иврите, а на бывшем в обиходе в то время арамейском языке, официальном языке их персидских хозяев. Формулировки в их документах, включая периоды правления царей, ближе к ассирийским, нежели египетским. Они не граждане, обычно их называют «арамеи из крепости Син (Сиены)» или «арамеи из крепости Йеб (Элефантин)». Отдельный воин является «господином штандарта», что эквивалентно птолемейскому клеруху или военному колонисту. Их военная организация была поделена на «сотни», а те — на «штандарты» (*degel*), которыми всегда командовали офицеры с персидскими или вавилонскими именами. Всем гарнизоном командовал «командующий войском» (*rab baila*), который подчинялся правителю нома — *fratarak.* В спорных случаях последней инстанцией являлся «наш владыка» — сатрап, который время от времени посылал свои распоряжения. Споры можно было выносить на рассмотрение обычных судей, хотя обычно они улаживались старшими офицерами. Мы узнаем о заместителе правителя (*sagan*), которого ассоциировали с судьей, о писцах этого нома, архивариусах, счетоводах казначейства, «ушах» или инспекторах, «тех, кто исполняет приказы» и простой полиции.

Питались они за счет государства. В 484 г. до н. э. два еврея из Йеба признали, что получили от египетского лодочника пятьдесят пять ардабов ячменя и бобов для двух «сотен»

солдат — каждый из них должен был получить чуть более двух мер. Они довольны, они доставят зерно и отчитаются перед командиром «сотни», вождями царского дома и писцами казначейства под угрозой уплаты штрафа в размере сотни *karash* чистого серебра, поклявшись своим богом. Наверное, самым поразительным доказательством их лояльности своему персидскому владыке является подарок — тщательное сохранение и переписывание автобиографии Дария.

Другие армейские и флотские подразделения

В то время как египтяне по-прежнему пользовались доверием, по крайней мере как моряки, солдат, которые назывались бы вавилонянами, уже не было. После последнего восстания Вавилон исчез как независимая сатрапия и был присоединен к Ассирии. Ее войска были смешаны с войсками Ассирии, чтобы предотвратить другие восстания, и теперь они стали известны как халдеи, так как с 482 г. до н. э. само название Вавилония было официально под запретом. Из увеличившейся провинции, управляемой Отаспом, сыном Артахея, была набрана пехота. Геродот счел их бронзовые шлемы странными. Эти пехотинцы носили полотняные нагрудники и защищались щитами; к своим копьям и кинжалам на манер египетских они добавили деревянные дубинки, усыпанные железными остриями.

Кипр дал флоту 150 кораблей. Его цари — Торг, сын Херсиса, и Тимонакс, сын Тимагора, носили тюрбаны и туники; другие киприоты одевались и были вооружены, как греки. Киликийцы и памфилийцы дали по 100 кораблей, ликийцы — 50, а карийцы — 70. Из греков дорийцы прислали 50 кораблей, эолийцы — 60, жители островов — только 17, хотя ионийцы и греки с Геллеспонта и Понта дали еще по сотне. Финикийцы, египтяне, анатолийцы и греки, таким образом, предоставили триремы и довели численность огромного боевого флота до 1200 кораблей. К тому же были корабли по 50, 30 и менее весел, а также транспортные корабли для воинов и лошадей — всего еще 3 тысячи судов. Было подсчитано, что на каждой триреме находился экипаж в количестве 200 моряков, а пятидесятивесельные корабли везли 80 матросов. Для того чтобы охранять триремы и не допускать дезертирства, на борту каждого корабля также были 30 моряков — персов, мидийцев и саков. Вот имена четырех адмиралов: Ахемен командовал египтянами, Ариабигн — сын Дария и дочери Гобрия — ионийцами и карийцами, а остальными — Прексасп, сын Аспатина, и Мегабаз, сын Мегабата. Всем огромным флотом как единым целым командовал брат царя, его бывший соперник Ариамен.

Большинство этих народов также предоставили этой армии свою кавалерию. Первыми были персы, мидийцы и киссийцы, экипированные точно так же, как и пехотинцы, вот только некоторые из них носили шлемы из кованой бронзы и железа. Сагартийские кочевники имели только кинжалы и плетеные кожаные лассо. Если индийцы обычно воевали в кавалерии, то их аристократы не забыли древний арийский обычай и воевали на колесницах, запряженных лошадьми или дикими ослами. Колесницы были также в ходу у ливийцев. Кавалерией командовали Гармамитра и Титэй, сын Датиса; третий командующий — Фарнух не участвовал в этом военном походе, так как он был ранен и должен был оставаться в Сардах.

Хоть этот армейский список и длинен, он совсем не скучен. Он не только содержит ценные сведения о военной организации, но и дает в равной степени ценные дополнения к перечню провинций, составленному Дарием и Ксерксом. Удивительные народы, обычаи и наряды появляются на каждой странице. Случайному читателю имена отдельных людей могут показаться утомительными, но они вознаграждают специалиста почти полным перечнем «Кто есть кто» в персидской чиновничьей системе. Со многими из этого перечня мы познакомимся получше в ходе нашего повествования. Наконец, есть много знакомых имен — это потомки героев народов более древней культуры, друзья или враги греков и отдельные персоны, известные из Библии.

Когда под командованием этих полководцев огромное полчище начинало движение через мирные страны, обоз шел первым, за ним — половина пехотных дивизий. Через некоторый интервал шли тысяча отборных всадников и тысяча отборных пехотинцев, перевернутые копья которых выделялись золотыми набалдашниками. Следом шли десять жеребцов, выращенных на Несейской равнине в Мидии. Восемь белых коней везли священную колесницу Ахурамазды; колесничий стоял на ногах, так как ни один смертный не смел занять сиденье. За ней двигалась колесница его наместника на земле Ксеркса, также запряженная несейскими лошадьми. Ее возница Патирамф, сын Отана, стоял рядом со своим владыкой. Устав, Ксеркс на время удалялся в повозку. Царскую свиту охраняла другая тысяча отборных пехотинцев (их копья не были перевернуты) с золотыми гранатами, тысяча отборных всадников и, наконец, Десять тысяч Бессмертных. У девяти тысяч этих Бессмертных были копья с серебряными гранатами, и они были окружены еще тысячей с золотыми гранатами. После еще десяти тысяч кавалерии вторая половина армии замыкала походную колонну.

Во время обычного военного похода во вражескую страну царь брал с собой свой собственный запас продовольствия и стада. Кипяченую воду из реки Хоаспы, протекавшей через Сузы, только для царя доставляли в серебряных сосудах на тележках, запряженных мулами. Высокие чины и Бессмертные тоже везли с собой свой провиант и своих слуг, и даже наложниц. Но, несмотря на всю эту кажущуюся роскошь, войско, которое великий царь вел в сражение, представляло собой грозную военную силу.

Глава 18
НЕУДАЧА В ЕВРОПЕ

Ксеркс был больше заинтересован в том, чтобы завершить великолепное строительство, начатое его отцом на террасе Персеполя, нежели испытать в деле грозную военную машину, уже созданную им, но — не судьба. Его двоюродный брат Мардоний, стремившийся стать сатрапом новых завоеванных территорий, подгонял его. Эмигранты из Афин пали так низко, что наняли уже дискредитировавшего себя предсказателя. Царьки Фессалии прислали свое приглашение. Наконец, Ксеркс неохотно приготовился следовать отцовской политике экспансии на северо-западной границе.

Приготовления к вторжению

Прямое нападение через Эгейское море завершилось провалом, и Ксеркс продемонстрировал свою мудрость, вернувшись к прежней политике постепенного продвижения вперед армии при поддержке флота. Должен был быть задействован весь флот — финикийский, египетский и греческий, а также половина регулярного войска — три из шести армейских корпусов приблизительно по шестьдесят тысяч человек в каждом.

Чтобы избежать еще одного кораблекрушения у Афоса, Бубарес — сын Мегабаза и Артахей — сын Артея получили приказ выкопать канал за мысом. На выполнение этой задачи были потрачены три года; местные жители получили сильные впечатления при виде подневольного труда из-под палки. На расположенном поблизости лугу раскинулся рынок, на который из Азии привозили уже молотое зерно, а продукты питания хранили в стратегических пунктах, расположенных вдоль фракийского побережья. Через сухопутный перешеек в конце полуострова была прочерчена линия длиной 2,5 километра, и представителям каждой народности был выделен сектор; только финикийцы были достаточно опытными, чтобы расширить траншею наверху для предотвращения земляных осыпей. От канала, достаточно широкого для прохождения двух трирем на веслах, в наши дни осталось лишь несколько мелких прудов.

После общего сбора в Криталле (Каппадокия) армии переправились через реку Галис

(сейчас Кызыл-Ирмак) и через Фригию достигли города Келены, где находился исток Меандра и его притока Катарректа, который возник на месте рыночной площади. Там также можно было увидеть кожу силена Марсия (в греческой мифологии: человек с лошадиными ушами, хвостом и копытами, родственный сатиру. — *Пер.*), которая была содрана с него Аполлоном. Затем они миновали Анаву и озеро, из которого добывали соль, большой город Колоссы, где река Ликус протекала под землей около километра, и город Кидрару, где была установлена стела Креза с его надписью как ориентир границы с Лидией. Затем армии переправились через Меандр и мимо Каллатеба, где делали мед из пшеницы и тамариска, достигли Сард.

Видя такую угрозу, греки тщетно пытались создать действенную антиперсидскую коалицию. Естественно, они обратились за советом в Дельфы, и Аполлон превзошел самого себя. Спарта, предупрежденная Демаратом, получила сообщение о приближении врага, могучего, как Зевс, которого не могли победить ни быки, ни львы и который уничтожит либо город, либо одного из спартанских царей. Предсказание Афинам было еще ужаснее: афинянам был задан вопрос, почему они медлят, они должны бежать из своих домов и этого города на край земли; их город будет уничтожен огнем, укрепления и храмы будут сожжены, будет течь черная кровь — они должны немедленно бежать. Посланцы попросили дать более благоприятный ответ, и снова им было велено отступать и бросить свою страну, хотя появится надежда в деревянных стенах, а божественный Саламин уничтожит детей, рожденных от женщин. Фемистокл убедил афинян, что под деревянными стенами Аполлон имел в виду их флот. Аргос (город в Греции на Пелопоннесском полуострове. — *Пер.*), который уже подозревали в пособничестве персидскому вторжению после ошеломляющего поражения, нанесенного ему Спартой, получил совет занять позицию вооруженного нейтралитета. Критяне спросили, выиграют ли они от оказания помощи материковой Греции; оракул прямо ответил, чтобы они не были такими глупцами, какими показали себя, когда помогали Менелаю в Троянской войне. Корабли Керкиры «задержали» непопутные ветры. Гело из Сиракуз многое обещал — если его сделают Верховным главнокомандующим — и послал три небольших корабля вести наблюдение за исходом. Удрученные этим равнодушием, проявленным немногими западными греками, которые еще сохраняли свою независимость, союзники еще больше испугались самоуверенности Ксеркса, который, поймав в Сардах трех шпионов союзников (481 до н. э.), приказал показать им все огромное войско, а затем отпустил их, чтобы они рассказали об увиденном на родине. Весной 480 г. до н. э. армия оставила лагерь и из Сард и по долине реки Каик вошла в Мизию, затем по Атарнею (плодородная береговая полоса в Мизии напротив острова Лесбос. — *Пер.*) — в Карену, оставив гору Кан слева, потом прошла через Фиванскую долину, мимо Адрамиттея и Антандра (город у Адрамиттского залива в Мисии. — *Пер.*) и наконец достигла Илиона. Когда-то знаменитый Скамандр (речка в древней Трое, впадает в Эгейское море. — *Пер.*) оказался слишком маленьким, чтобы напоить войско. Ксеркс взобрался на трон Приама и принес в жертву тысячу быков Троянской Афине, а в это время маги делали возлияния духам тех, кто погиб, защищая Трою. Так Ксеркс объявил себя защитником Востока в новой Троянской войне.

Вторжение в Грецию

Оставив слева Ретий, Офриней и Дардан, а Гергифы справа, армия достигла Абидоса. Между Абидосом и Сестосом (города, расположенные на разных берегах Геллеспонта. — *Пер.*) финикийцы и египтяне построили два моста, удерживаемые льняными и папирусными канатами; когда эти мосты разметал шторм, ответственные за строительство были обезглавлены. Грек Гарпал построил новые мосты из кораблей, соединенных по схеме нос — корма следующего корабля огромными канатами с промежутками для прохода лодок. На них были положены доски, поверх них — ветки и сверху — земля; позже были добавлены перила.

Собравшись на Коринфском перешейке, который пелопоннесские члены альянса уже сочли единственной надежной линией обороны, союзники получили от фессалийцев просьбу о помощи в охране Олимпийского перевала. Десять тысяч гоплитов при поддержке морских сил и фессалийской кавалерии — представителей консерваторов заняли долину Храмов. Как и можно было предположить, они обнаружили у простого люда Фессалии проперсидские настроения. Александр Македонский оказал хорошую услугу своему персидскому хозяину, уговорив союзников не оставаться на месте, чтобы не оказаться растоптанными царским войском. И хотя Ксеркс был еще в Абидосе, через несколько дней союзники возвратились на перешеек.

Сидя на троне из белого камня на холме неподалеку от Абидоса, Ксеркс осмотрел свои войска. На мостах, усыпанных миртом, был зажжен ладан, и на заре царь совершил возлияние из золотого кубка, помолился, обратив лицо к восходящему солнцу, и бросил в море кубок, чашу и меч.

Семь дней и ночей воины бесперебойно переходили по одному мосту, а их багаж переносили по другому. При поддержке флота они пустились в путь по дороге вдоль побережья, разделившись на три части. Продовольствие должно было поступать из городов, расположенных вдоль дороги, из расчета 400 талантов за один прием пищи в день. За несколько месяцев до этого вперед были посланы гонцы с целью приготовить зерно, скот и птицу для царского стола. Шатер был только у Ксеркса, все остальные спали под открытым небом.

Второй смотр и счет войска состоялся в Дориске, со времен военного похода на скифов занятого гарнизоном, а теперь находящегося под властью Маскама, сына Мегадоста. Из Дориска три части войска последовали параллельными маршрутами; одна под командованием Мардония и Масиста — вдоль побережья, поддерживая связь с флотом, вторая под командованием Смердомена и Мегабиза охраняла Ксеркса и шла дальше от побережья, а третья под командованием Тритантехма и Гергиса — в глубине материка. Стримон (в настоящее время Струма — река в Болгарии и Греции. — *Пер.*) был перейден по мостам, в то время как маги приносили в жертву реке белых коней на удачу.

У Девяти путей богам подземного мира были принесены в жертву девять детей. Артахей, построивший канал, умер, когда армия была в Аканфе, и армия устроила возлияния на его могиле. С его смертью, вероятно, связан тайник с золотыми дариками, отчеканенными Дарием и его сыном. В Терме Ксеркса встретили гонцы, принесшие землю и воду из покинутой Фессалии, Локри и всей Беотии, за исключением Платеи и Феспии, так как уже было ясно, что жители Пелопоннеса не собираются оказывать серьезного сопротивления к северу от перешейка.

Победа казалась персам бесспорной. Они не только держали под своим контролем всех греков в Азии и Африке, корабли которых входили в их флот, но и уже половину европейских греков, которая покорилась им. Осталось подчинить себе лишь несколько упорствующих государств на Пелопоннесе, так как теперь стало ясно, что вся территория к северу от перешейка покинута населением. Дельфийский Аполлон был их верным другом. Афины с демократическим режимом, в которых правил Фемистокл, безусловно, перейдут к лидеру демократов, как только пелопоннесцы уйдут за перешеек. Так как афинский флот благополучно был в руках персов, стену на перешейке можно было обойти; Аргос заявил бы о себе в открытую, между Спартой и Коринфом был бы вбит клин, и каждого из них можно было бы победить поодиночке.

Остановка в Фермопилах

Ситуация не изменилась, когда движение в южном направлении возобновилось. Потеря Фессалии забросила царя Леонида на север к Фермопильскому ущелью с тремястами спартанцами и небольшой частью союзных войск, но кое-кто громко провозглашал, что арьергардные стычки с врагом предназначены лишь для того, чтобы задержать, а не

остановить врага; наступление до стены на Истме (древнее название перешейка, соединяющего полуостров Пелопоннес с Балканским. — *Пер.*) было остановлено. Дельфийский оракул, наконец испугавшись, впал в патриотизм и предрек, что греки должны молиться ветрам, которые окажутся для них могучими союзниками.

Флот союзников занял позицию неподалеку от мыса Артемисии, но отошел в более узкий пролив Эврип, как только сигнальные костры возвестили приближение передовой персидской эскадры. Огромный флот бросил якоря вблизи мыса Сепий. На заре начал дуть восточный ветер с Геллеспонта и дул три дня, приведя к крушению сотен боевых кораблей, транспортов и судов с зерном. Корабли союзников вернулись к мысу Артемисии, но даже знак благосклонности богов, проявившийся в уничтожении такой большой части вражеского флота, не внушил уверенности Леониду. Пелопоннесцы потребовали немедленно вернуться на перешеек, и только негодующие протесты фокийцев и локрийцев вынудили царя остаться, чтобы завоевать себе посмертную славу. Появился Ксеркс и приказал мидийцам и киссийцам атаковать маленький отряд в Фермопилах, но они понесли серьезные потери; Бессмертные под командованием Гидарна тоже не добились успеха. Затем персам сообщили о тропинке в горах, ведущей в тыл союзникам, и на рассвете Бессмертные застигли охранение из фокийцев врасплох. Поняв, что они обречены, спартанцы яростно защищались. Многие из нападавших, которых гнали в бой кнутами, были затоптаны до смерти или сброшены в море — среди них были два сына Дария от Фратагуны, дочери его брата Артана; их звали Аброком и Гиперанф. В конце концов Леонид был убит, Гидарн победил спартанцев с тыла, фиванцы сдались и были заклеймлены в рабство, и проход оказался открыт.

Тем временем двести кораблей получили приказ идти вокруг Эвбеи (остров в Эгейском море. — *Пер.*), чтобы зайти союзникам в тыл. Эта тайна стала известна, и эвбейцы уговорили Фемистокла подкупить капитанов судов, чтобы те отказались от своего планируемого отхода. Когда фланговая эскадра не появилась, флот принял решение атаковать персов снова у мыса Артемисии. Союзники потеряли тридцать кораблей, и поврежденные суда были вынесены на берег вечерней бурей, которая также уничтожила и фланговую эскадру. На следующий день были потоплены киликийские корабли. Ксеркс решил, что пролив должен быть преодолен любой ценой. В полдень весь персидский флот выстроился полукругом и начал наступление. Египтяне захватили пять кораблей, и половина афинских кораблей была выведена из строя, когда на закате дня пришла весть о том, что Фермопильский проход открыт. Союзники отступили.

Фокия была сильно опустошена по настоянию фессалийцев, и персы вошли в Беотию, которую надежно удерживал Александр Македонский. Летучий отряд направился в Дельфы, чтобы вознаградить Аполлона за его проперсидские прорицания и поддержать его в дальнейшем — или разграбить сокровища, как позднее объясняли жрецы, что было похоже на правду. Как он и обещал, бог защитил своих; он бушевал и швырял вниз на варваров камни, которые бежали, неся большие потери, — такова была, по крайней мере, дельфийская версия после поражения персов.

Обвиненные фиванцами, покинутые Платея и Феспия были сожжены Ксерксом, который, четыре месяца спустя переправляясь через Геллеспонт, ступил на землю Аттики. Он обнаружил ее также покинутой, так как флот союзников ушел к острову Саламину, просто чтобы эвакуировать гражданское население. Мужчины призывного возраста уже находились на борту кораблей, и только несколько фанатиков забаррикадировали Акрополь досками, следуя сомнительному пророчеству Аполлона. Баррикады были подожжены с Ареопага с помощью стрел с горящей паклей, а когда условия, предложенные сторонниками Гиппия, были отвергнуты, защитники взобрались на обрывистую скалу и встретили свою смерть как просители в храме Афины. Весь Акрополь был сожжен, прежде чем изгнанники с армией получили возможность совершить жертвоприношение.

Отпор у Саламина

Огромный флот бросил якоря недалеко от Фалера (пригород Афин. — *Пер.*), и союзников охватила паника. Саламин был настоящей ловушкой, и все, кроме заинтересованных афинян, жителей острова Эгины и мегарийцев, приняли решение спасаться бегством, прежде чем она захлопнется. Только угроза Фемистокла уйти вместе со всем афинским флотом и знание того, что этот деятель-демократ способен выполнить свою угрозу, заставили спартанского адмирала Эврибиада отдать команду готовиться к сражению.

На совете персов только Артемисия, правительница-тиран Галикарнаса, была против немедленного наступления. Перспективы были самые благоприятные. Спарта теряла одного союзника за другим, и готовность, с которой каждый из них выдвигал свои условия, указывала на сильные проперсидские настроения, до сих пор подавляемые. Афинские корабли были укомплектованы простолюдинами, а возглавлял их лидер демократической фракции. Подвергаясь на каждом шагу насмешкам пелопоннесцев, Фемистокл должен был быть готов вернуть себе нормальное отношение своих сторонников, тогда как теперь было предельно ясно, что пелопоннесцы решили бросить афинян в беде. Сразу же после сражения при Фермопилах они начали строить стену через перешеек, а персы были настолько уверены в том, что последнее реальное сопротивление им будет оказано в этом месте, что в ту самую ночь, когда был собран военный совет, сухопутная армия была отправлена к Коринфу.

Ожидаемое сообщение было быстро получено от педагога детей Фемистокла: он был другом царя, который желал его успеха. Греки растеряны и готовы бежать — пусть царь предотвратит это! Начались разногласия, и вскоре сторонники персов стали нападать на врагов царя. У Ксеркса не было причин сомневаться в этих проявлениях верности.

И все-таки и письмо, и решение о немедленном нападении были ошибками. Если бы Ксеркс не предпринял вообще никаких действий, немногие оставшиеся союзники ушли бы к перешейку. Афиняне, мегарийцы и эгинцы оказались бы вынужденными принять условия. С их помощью стену на перешейке можно было бы обойти, и осталось бы только провести операцию по очистке захваченной территории от противника.

Такими же эффективными были и реальные действия Ксеркса. Восточный выход из пролива был заблокирован тройной линией кораблей; египтяне, «жители болот, умелые гребцы галер», на двухстах кораблях отплыли, чтобы заблокировать западный выход и напасть на союзнический флот с тыла. Теперь весь флот союзников был заперт, и можно было ждать, когда у него иссякнут припасы и взаимные обвинения сделают свое дело. Он будет вынужден либо сдаться, либо — если он попытается прорвать окружение — появится возможность перебить корабли по одному. Основываясь на реальной ситуации, можно объяснить то, что персы отправили свою пехоту и кавалерию провести решительное сражение на перешейке.

К несчастью для Персии, Ксерксу этого было мало; он должен был одержать впечатляющую победу, и поэтому он приказал напасть на загнанных в ловушку людей, которые отчаянно сражались за выход из пролива. Пехота высадилась на острове Пситталея, расположенном посреди пролива, чтобы убивать тех, кто мог спастись с тонущих кораблей. Аристид прорвался, чтобы сообщить о полном окружении, и моряки союзного флота угрюмо готовились к сражению.

Было 22 сентября, и Ксеркс приготовился наблюдать за сражением с трона на серебряных ножках, установленного у подножия холма рядом с проливом. Союзники выдвинулись, но при первом виде врага отступили, пока афиняне не начали сражение. Первое нападение было успешным для персов, так как ионийские греки несогласованно действовали со спартанцами. Позже афиняне прорвали линию фронта и в свою очередь атаковали захватчиков. Двести кораблей былы потоплены — треть огромного флота. Союзники потеряли лишь сорок. Много персидских моряков утонуло, так как лишь некоторые из них умели плавать. Среди погибших был командующий флотом Ариабигн, брат царя. Аристид с гоплитами доплыл до Пситталеи и перебил всех персов, среди которых было три племянника царя.

Просчеты дипломатии

Само по себе Саламинское сражение было остановкой на пути расширения персами границ своей империи, и не более. Не были потеряны недавно захваченные территории, армия была цела, флот был еще могуч и нуждался только в реорганизации. Союзники, несомненно, воспрянули духом после этой неожиданной победы, но они понесли потери, и на следующий год им суждено было быть завоеванными.

Саламинское сражение делала важным не сама победа, а его воздействие на умонастроение Ксеркса. И хотя только он, и никто другой был ответствен за поражение, отдав приказ перейти к активным действиям, когда простая блокада оказалась бы более действенной, он совершенно потерял голову и казнил финикийских капитанов за мнимую трусость. Разгневанные таким отношением к себе, финикийцы вернулись домой; за ними последовали египтяне. Именно это объяснимое дезертирство, а не поражение при Саламине открыло Эгейское море для флота союзников и дало возможность провести действительно решающие сражения в следующем году.

По-настоящему поражение при Саламине было благом для персов. Лишенный уверенности в себе, потерпевший фиаско Ксеркс поспешил по суше в Сарды, где он провел следующий год, наблюдая за Ионией. Прямое ведение войны было передано не годившимся в полководцы царем закаленному вояке Мардонию, который взял себе только один армейский корпус, состоявший из Бессмертных, персов, мидийцев, бактрийцев и индийцев — армию, состоявшую почти исключительно из иранцев, а значит, самых лучших воинов. Даже уменьшившись таким образом, она по численности превосходила армию союзников; ее также поддерживали войска континентальной Греции. Вторая армия под командованием Артабаза, сына Фарнака, сторожила длинную прибрежную дорогу — только по ней могли поступать припасы. Третья армия под командованием Тиграна поддерживала порядок в Ионии.

В Потидее началось восстание, и Олинф грозил последовать ее примеру. Артабаз взял Олинф и передал его руины халкидийцам. Друг персов провел отряд под стенами Потидеи при отливе, но прилив наступил слишком скоро, и тех, кто не утонул, перебили с кораблей.

Из своего зимнего лагеря в Фессалии Мардоний послал афинского проксена (так греки называли лиц, которые, будучи чужеземцами, оказывали какому-нибудь государству услуги, например гостеприимство его гражданам и послам. — *Пер.*) Александра из Македонии, который должен был предложить Афинам полное помилование, восстановление сожженных храмов, возврат территории с любыми по желанию дополнительными землями и равноправный союз в статусе автономного свободного города. Такие щедрые условия, вероятно, очень понравились представителям бедных классов, для которых новое вторжение могло означать лишь новые несчастья и потерю того немногого, что у них оставалось.

Но демократия потеряла власть. Известно, что Фемистокл написал письмо великому царю, побуждая его к сражению у Саламина; и хотя теперь он стал утверждать, что это была хитрость, ему не поверили. Будучи высланным из страны, он снова заявил, что действовал как друг Персии; на этот раз ему поверили, и сын Ксеркса Артаксеркс богато наградил его! Поэтому власть перешла к консерваторам, которые тянули с ответом Александру до тех пор, пока не прибыли спартанцы. Стали распространяться пророчества, что мидийцы и афиняне выдворят всех дорийцев с Пелопоннеса. Напуганные такими прорицаниями, спартанцы послали посольство, которое обвинило афинян в том, что они начали войну своей неудачной экспедицией по поддержке ионийских мятежников, и которое пообещало помогать их гражданскому населению в течение войны. Афиняне отвергли предложение, привезенное Александром, но снова предупредили спартанцев, чтобы они прислали армию для вторжения в Беотию, прежде чем на Аттику снова будет совершено нападение.

Фиванцы посоветовали Мардонию остаться в Беотии и расположить к себе упорствующих греков посредством взяток их руководителям. Это был здравый совет, основанный на глубоком знании их национального характера. Отказ Мардония был еще

одним звеном в цепи просчетов персов. Десять месяцев спустя после первого вторжения, в июле, Афины снова оказались в его руках, и снова отказ пелопоннесцев оказать соответствующую помощь заставил горожан искать убежища на кораблях или на острове Саламин. Мардоний повторил свои предложения, надеясь на то, что его присутствие с армией может помочь его друзьям сделать афинян покладистыми, но демократа, который просто уговаривал обдумать их, забили камнями вместе с женой и детьми. И все же у Мардония еще была надежда. Как обычно, спартанцы «отмечали праздник»; стена на перешейке была закончена и могла служить защитой, как они наивно предполагали, от афинского флота. Даже после победы при Саламине казалось, что неспособность Спарты понять самые элементарные движущие силы ситуации приведет Афины, невзирая на консерваторов, к союзу с персами. В конце концов после дальнейших проволочек разочарованные афинские послы сказали Спарте, что именно так они и сделают. К своему удивлению, посланцы узнали, что некий тегеец (Тегея — местность в Аркадии, известная культом Пана. — *Пер.*) убедил спартанцев в том, что они совершают глупость и что войска уже в пути. В самый последний момент удача снова отвернулась от персов.

Дружески расположенный к персам Аргив передал эту информацию Мардонию, который до сих пор воздерживался от грабежа Аттики, лелея обоснованную надежду на то, что промедление спартанцев — если не действительная измена союзнику — заставит Афины прийти к соглашению. Вновь разочарованный, он еще раз сжег Афины и удалился в Беотию, где, имея в качестве базы снабжения Фивы, он мог получить достаточно припасов. Были срублены деревья для постройки укрепленного лагеря площадью более 2,5 квадратных километра, и Мардоний стал ждать последующих шагов союзников.

Поражение при Платеях

Войско союзников прошло по всей Аттике и разбило лагерь на северных склонах Киферона — напротив персов, расположившихся на берегу реки Асоп. И немедленно эскадрон за эскадроном персидской конницы под командованием Масистия атаковал мегарийцев в низине, которая была самым слабым местом линии обороны союзников, в надежде прорваться к ущелью и отрезать греков от их припасов. Подошло афинское подкрепление, и Масистий был свален с коня и убит; золотые удила и пурпурная мантия поверх золотой кирасы стали трофеями. Ободренные этим первым успехом, союзники спустились ниже по склонам, где легче было разбить лагерь и где текла вода. Персы двинулись им навстречу. Прорицатели обещали обеим армиям победу, если те останутся в обороне.

И снова Мардонию был дан совет — на этот раз Артабазом — отступить и прибегнуть к подкупу; и снова полководец по ошибке отверг совет. Положение союзников уже было отчаянным. Они испытывали нескончаемые кавалерийские набеги; в результате одной такой атаки оказались закрытыми проход в ущелье и дорога домой с Пелопоннеса, был захвачен столь необходимый грекам обоз с продовольствием. Продуктов питания не хватало; источник Гаргафия был засыпан, и бойцы страдали от жажды. Полководцы решили ночью отступить, и отступление прошло беспорядочно. Основная часть войска заблудилась; упрямый военачальник задержал выход из лагеря спартанцев, которые на заре оказались в весьма невыгодном положении. Если бы у союзников была возможность спокойно отойти, коалиция, без сомнения, распалась бы, так как афиняне пришли бы к соглашению с персами, пелопоннесцы отошли бы к перешейку, а отдельные государства можно было бы поработить по очереди.

И снова забрезжил конец войны. Снова персидский командующий недооценил боевые способности отдельно взятого грека, припертого к горе, снова соблазнился надеждой на немедленную и эффектную победу и отбросил преимущества политики выжидания.

Решив, что отступление — это бегство, Мардоний вывел свои войска в спешке, не остановившись даже для того, чтобы выстроить их в боевой порядок. Когда они

приблизились к спартанцам, персы выстроили стену из плетеных щитов, и из-за нее в противника полетел дождь стрел. Павсаний попросил у афинян помощи, которые отправились к нему на подмогу, но подверглись нападению греков, бывших на службе у персов. Даже когда тегейцы, а за ними и спартанцы прорвались через стену плетеных щитов, персы продолжали сражаться, ломая вражеские копья голыми руками. Отсутствие у них защитных доспехов не помешало им нападать на одетых в кольчуги греков. И тогда Мардоний совершил свою последнюю и роковую ошибку: он лично вступил в сражение и вместе со своей охраной из тысячи отборных воинов был убит.

Лишенные командира, персы побежали к окруженному частоколом лагерю. Узнав об их бегстве, греки у Гераэума (храм или святилище богини Геры. — *Пер.*) в беспорядке поспешили разделить победу; коринфяне благополучно настигли спартанцев, но мегарийцев и флиасийцев рассеяла фиванская конница, и они бежали в ущелья. Со своих башен в укрепленном лагере персы долго еще удерживали на расстоянии спартанцев. Ход событий изменился, когда подошли афиняне, хотя тегейцы первыми проломили стены — их наградой были трофеи Мардония. Персы были безжалостно перебиты. Павсаний стал национальным героем; никто и подумать не мог, что не пройдет и года, как он задумает предать своих соотечественников-греков ради чести стать зятем персидского царя.

Сразу же после сражения полководцы — представители своих государств собрались в Платеях и образовали новую организацию. Естественно, Павсаний, как спартанец и победитель в недавнем сражении, председательствовал на этом собрании, но движущей силой на нем был афинянин Аристид. Существовавший военный союз должен был сохраниться и превратиться в «симмахию эллинов» (военный союз, заключавшийся между полисами. — *Пер.*). Представители договаривающихся государств должны были каждый год собираться на празднование годовщины блестящей победы, а войну с варварами следовало закончить, собрав с помощью всех входящих в союз греков армию, состоящую из десяти тысяч гоплитов, тысячи всадников и сотни кораблей. За Спартой сохранялось главенство.

Как и предыдущие сражения, битва при Платеях сама по себе также не была решающей. В ней была задействована только одна персидская армия, вторая даже не вступила в бой. И все же вместо того, чтобы бросить свежие силы на измотанных в боях союзников и быстро отбросить их на самую южную оконечность Пелопоннеса, Артабаз отступил, и война в Европе была проиграна. Причина была в том, что до него дошли вести из Азии.

Катастрофа у мыса Микале

Весной 479 г. до н. э. новый союзнический флот был уже готов. Афинское войско находилось под командованием Ксантиппа. Слава Фемистокла как победителя в сражении при Саламине не спасла его от подозрений в запланированном предательстве, и это способствовало реакции консерваторов. Сначала капитаны боялись плыть за Делос (остров в Эгейском море в группе Кикладских островов. — *Пер.*), даже когда им была предложена возможность низложить самосского тирана. В распоряжении Ксеркса была половина огромного флота, но он состоял главным образом из ионийцев, верность которых сильно пошатнулась после сражения при Саламине. Флот перезимовал в Киме (приморский город в Эолиде к юго-востоку от острова Лесбос. — *Пер.*), но теперь под командованием Мардонта, сына Багея, Артаинта, сына Артахея, и его племянника Ифамитра он отважился направиться к острову Самосу.

Союзники набрались храбрости приплыть на этот остров, и персы удалились. Все еще недовольным финикийцам было разрешено отплыть на родину, другие вытащили на берег свои суда на мысе Микале, где они построили укрепление из камней и стволов деревьев, окружив его глубоким рвом; там они находились под защитой третьей армии под командованием Тиграна. Союзники не отставали. Вестник призвал ионийцев к восстанию. Самосцы были разоружены подозрительными персами; милесийцы, сильно разгневанные

передачей сокровищ Дидимейского Аполлона Ксерксу, были посланы охранять караваны. И тогда 27 августа 479 г. до н. э. союзники атаковали. После отчаянного сопротивления афиняне снесли плетеную стену и стали преследовать своих бегущих в укрепление врагов. В то время как другие подданные персов бежали, а ионийцы обратились против них же самих, урожденные персы погибли почти все до последнего человека, и вместе с ними — Мардонт и Тигран. Укрепление и корабли были сожжены. По их просьбе милесийцы, предавшие Дидимейского Аполлона, остались на поселении в Согдиане, где они построили новый город Бранхиды, и оракул Аполлона замолчал.

Союзники вернулись на Самос и устроили совет. Пелопоннесцы предложили, чтобы ионийцы были переселены в Европейскую Грецию на земли тех греков, которые служили персам. Афиняне возразили, и вместо этого в военный союз были приняты самосцы, хиосцы, лесбийцы и другие лояльные жители островов.

Еще не поняв, что сражение на мысе Микале было решающим, союзный флот поплыл в Геллеспонт, чтобы узнать, есть ли опасность нового вторжения, и разрушить мосты. Обнаружив их разрушенными, пелопоннесцы вернулись на родину, но афиняне решили окружить Сестос (город на берегу Геллеспонта, самый удобный пункт для переправы из Азии в Европу. — *Пер.*), удерживаемый сатрапом Артаиктом, сыном Херасма, и полководцем Эобазом. Осада длилась до зимы, когда голод заставил вождей попытаться выскользнуть из города в надежде присоединиться к Артабазу; его армия шла не останавливаясь, так как Иония теперь была лишена войск, и переправилась через Босфор неподалеку от Византия (греческий город-колония на европейском берегу Босфорского пролива. — *Пер.*). Эобаз был схвачен фракийцами и принесен в жертву их богу. Артаикт был взят в плен у реки Эгоспотамы и распят на кресте, потому что ранее он конфисковал сокровища и земли в окрестностях гробницы Протесилая (царь одного из племен Фессалии, участник Троянской войны. — *Пер.*) в Элае (крепость близ Калидона в Этолии. — *Пер.*). Затем афиняне отплыли на родину, захватив с собой в качестве трофея мостовые канаты (479 до н. э.).

Сражение на мысе Микале, а не битва при Платеях было на самом деле решающим. Две из шести персидских армий были полностью уничтожены. Третья должна была покинуть Европу, чтобы охранять недовольную Западную Азию. Поистине союзники могли бы сказать, что за них сражались боги. Война была проиграна персами из-за неоднократных военных и дипломатических промахов, а не выиграна нерешительными, неумелыми или вероломными полководцами союзников. «Вы знаете, — напомнил великий афинский историк Фукидид своим современникам в следующем поколении, — что Варвар потерпел неудачу главным образом по своей вине». Но как бы она ни была завоевана, это была победа, и начался новый этап греко-персидских отношений.

Глава 19
ДЕЛИЙСКАЯ ЛИГА ПРОТИВ ПЕРСИИ

Предательство Павсания

События на мысе Микале заронили надежду на то, что власть персов рухнет и империя распадется так же быстро, как и образовалась. Из шести армейских корпусов три самых лучших перестали существовать; от других, дислоцированных дальше и худших по качеству, вряд ли можно было ожидать серьезного сопротивления. Если война теперь будет перенесена на вражескую территорию, следующим этапом боевых действий станет морское сражение. Огромный флот персов потерпел поражение и находился в укрытии, тогда как флот Эллинской лиги никогда не был так силен. Будущее казалось таким же безоблачным для объединившихся в союз греков, каким оно было тревожным для персов.

Уничтожение мостов через Геллеспонт самими персами наконец убедило Леотихида,

главнокомандующего военно-морскими силами лиги, что война на самом деле подошла к концу. Прежде чем закончился 479 г. до н. э., он возвратился в Спарту, забрав с собой все пелопоннесские войска. Власти Спарты иначе и более дальновидно оценили эту ситуацию. Грекам в Азии было обещано освобождение, и, чтобы выполнить свое торжественное обещание, члены лиги должны были быть готовы продолжить войну. К тому же лига предложила Спарте исключительную возможность увеличить свою мощь сверх того, что разрешалось в рамках предыдущей Пелопоннесской лиги, и нельзя было позволить, чтобы руководство военно-морскими действиями, столь необходимыми теперь для закрепления недавних побед, было передано в случае отказа Спарты соперникам-афинянам, которые своей блокадой Сестоса показали более чем готовность выполнить новую задачу.

Таким образом, весной 478 г. до н. э. был прислан новый главнокомандующий силами Эллинской лиги. На первый взгляд выбор был отличный. Никакой другой спартанец не мог соперничать с авторитетом Павсания. Он был не только почитаемым победителем в сражении при Платеях, но и был признан председателем правомочного собрания нового эллинского союза; и, как командующий всеми ее силами в новой войне, он лишь заканчивал выполнение задачи по освобождению греков. Его успех был так же велик, как и при Платеях. Греческие города на Кипре были очищены от персидских гарнизонов, и Павсаний был так же удачлив в Византии.

И все же, несмотря на эти впечатляющие успехи, события быстро доказали, что избрание Павсания было ужасной ошибкой со стороны греческих властей. Не удовлетворившись всеми возданными ему почестями, Павсаний устремился к власти над всей Грецией. Этого можно было добиться лишь при поддержке — финансовой даже более, чем военной, — Персидской империи, и Павсаний готовился предать греков, которых он недавно освободил при Платеях! Надеясь на щедрое приданое, годное для дачи взяток, он обручился с дочерью Магабата, сатрапа Даскилея. Вскоре его надежды взлетели еще выше. Несколько родственников царя, которые были пленниками в Византии, были тайно возвращены на родину, и спартанец-предатель пообещал сделать всех греков персидскими вассалами, если ему отдадут в жены царскую дочь.

В качестве награды за успешное отступление Артабаз получил сатрапию Даскилей вместо Мегабата, где он стал основоположником рода сатрапов, пост которых передавался по наследству. С собой он привез это письмо: «Так царь Ксеркс говорит Павсанию: Благодаря тому, что ты спас моих людей из Византия, в нашем доме ждет тебя милость, записанная навечно, и твоими словами я весьма доволен. И пусть ни ночь, ни день не помешают тебе выполнить то, что ты обещал мне; и пусть этому не помешают никакие расходы золота и серебра, ни размер армии, где бы она ни оказалась под рукой. Вместе с Артабазом, достойным человеком, которого я послал к тебе, смело решайте мои и свои проблемы самым наилучшим образом».

Можно сомневаться, показалось ли исполнение честолюбивых планов Павсания Ксерксу таким же невозможным, как и нам, в свете последующих событий. Со времени самого первого контакта с греками персидские монархи были прекрасно осведомлены о знаменитой слабости греческих государственных деятелей — их восприимчивости к взяткам. А теперь, когда Ксеркс потерпел ряд сокрушительных военных поражений, в игру должна была вступить персидская дипломатия при поддержке золота империи. То, что греческий герой должен использовать свой шанс стать царем, казалось совершенно естественным, а то, что он должен купить себе дорогу к трону ценой покупки армии и флота, оправдывало обещание крупных субсидий. Если в обмен он желал получить в жены дочь Великого царя, то как еще с большей пользой можно было распорядиться одной из женщин обширного гарема Ксеркса?

Как будущий зять Великого царя, Павсаний последовал царскому совету действовать смело. Он стал носить мидийское платье, перенял застольные обычаи персов, а из мидийцев и египтян сформировал свою личную охрану. Но Ксеркс так и не понял другую черту характера греков — верность отдельному городу-государству и такую же преданность

«свободе». К тому же он не придал значение растущему расколу между Афинами и Спартой.

Главенствующая роль Афин

Стало ясно, что Павсаний собирался принести в жертву своему честолюбию вновь принятых членов своей собственной лиги. Афиняне несли ответственность за расторжение договора о вассальной зависимости империи и признание власти Эллинской лиги. Соответственно, ионийцы призвали афинян исполнить свои обещания об освобождении, встав во главе планируемого похода.

Афиняне осторожно ответили, что они будут защищать ионийцев, но в тот момент проигнорировали предложение возглавить военную кампанию. Вместо этого Аристид и Кимон (полководец и политический деятель Афин периода Греко-персидских войн. — *Пер.*) потребовали отзыва и суда над Павсанием Спартой. К тому времени, когда Спарта предприняла что-то, ущерб уже был нанесен. До конца 478 г. до н. э. была образована Делийская лига не как замена Эллинской лиги, которая давно уже существовала более или менее формально, а как совершенно новая организация в ее рамках.

Новая лига, образованная под руководством Аристида, должна была состоять только из тех государств, расположенных по берегам Эгейского моря, интересы которых были преимущественно морскими, а намерения состояли в том, чтобы отомстить персам за нападение и вести войну на вражеской территории до тех пор, пока все греческие города в Азии не будут освобождены от власти варваров. Помимо Афин, поднявшихся теперь до положения «лидера» или «начальника штаба» новой организации, а также островов Самос, Хиос и Лесбос, независимость от Персии которых была недавно признана, в лигу вошли другие города, расположенные недалеко от побережья Азии — Милет (самый богатый и могущественный из ионийских городов. — *Пер.*) на южном берегу Малой Азии и Абидос, Кизик и Халкедон на северном, — но огромное большинство греческих городов на материке продолжали оставаться под властью Персии.

И хотя Афины удерживали бесспорное «лидерство», каждый город оставался «автономным». Ни одно действие не могли предпринять Афины, будучи главой союза, без формального одобрения собрания представителей входящих в союз государств, которые регулярно собирались в храме Аполлона на священном острове Делос. В качестве «лепты» в расходы на планируемую освободительную войну государства вносили корабли или деньги; сумму определял Аристид Справедливый. Собранные суммы (маленькие государства не давали кораблей) должны были быть оставлены на том же священном острове под контролем «эллинских казначеев», которыми, однако, сначала были исключительно граждане Афин. Члены лиги поклялись, что у них одни и те же враги и друзья. На то, что этот союз, предназначенный для наступательных и оборонительных целей, с самого начала должен был стать постоянным, указывала торжественная церемония: с корабельных алтарей, на которых их командиры только что приносили клятвы верности, в море были сброшены железные болванки в знак того, что этот союз будет длиться до тех пор, пока железо не появится в волнах. Спарта не выразила никакого протеста, но весной 477 г. до н. э. все же послала Доркиса на место опозоренного Павсания; когда новые союзники отказались принять его в качестве своего главнокомандующего, спартанцы не стали возражать, охотно передав выполнение неблагодарного дела — ведения новых военно-морских действий своим добрым друзьям афинянам.

Возобновление войны

Очевидно, на родине афиняне точно так же отнеслись к ответственности, которую недавно возложили на себя. Требовалась пропаганда в пользу продолжения войны, и в 476 г. до н. э. под покровительством Кимона Фриних (древнегреческий трагик, умер ок. 470 г. до н. э. — *Пер.*) сочинил свою трагедию под названием «Финикийские женщины», в которой

была заново рассказана история Саламинского сражения. Среди сохранившихся фрагментов мы видим: «Это водная обитель персов», «Прощание с сидонским городом и водным Арадом», «Покидание сидонского корабля». Был разбужен такой интерес, что в следующем, 475 г. до н. э. Кимон получил возможность повести флот лиги в Эион (гавань города Амфиполиса близ южного берега Фракии. — *Пер.*), откуда он заставил отступить фракийцев, которые складировали в нем запасы провианта. Его стены были подмыты водами Стримона, который перекрыли плотиной, но, пока хватало продовольствия, Богес не прекращал энергично сопротивляться; затем он убил членов своей семьи и сжег их тела на погребальном костре, бросил свое золото и серебро в реку и умертвил себя, предоставив жителям города попасть в рабство. Однако Маскамес сохранил Дориск (город во Фракии у устья реки Герба. — *Пер.*) как последний оплот персов в Европе.

Затем интересы афинян переключились на наращивание мощи Делийской лиги как инструмента растущей власти Афин или на возобновление борьбы между консерваторами и либералами. Даже постановка в 472 г. до н. э. трагедии Эсхила «Персы», прославлявшей победу в сражении при Саламине, в котором участвовали многие ее зрители, не смогла пробудить воинственный дух. Во время дебатов не было забыто письмо, посланное Фемистокл ом Ксерксу; Эсхил мог расточать свои хвалы на великого вождя-демократа, но обвинение в медизме сохранилось. Павсаний, которого во время его первого отзыва в Спарту судили и оправдали, после чего он возвратился в Византий, был изгнан из города в 471 г. до н. э. Когда его предательство было разоблачено, обнаружились и его отношения с Фемистоклом; на следующий год сам Фемистокл был подвергнут остракизму.

После этой победы над своим соперником-демократом Кимон стал в Афинах всемогущим. Под его руководством в 466 г. до н. э. Делийская лига возобновила войну. И снова, казалось, были все основания для ее успеха.

Гаремные интриги

Прекрасное обещание Ксеркса, данное им в молодые годы, не было исполнено. Провал похода в Европу подстегнул гаремные интриги с их ужасными последствиями. Во время отступления с мыса Микале брат царя Масист возложил вину за поражение на адмирала Артаинта и сказал ему, что тот хуже, чем женщина, — смертельное оскорбление для перса. Артаинт начал смывать оскорбление кровью, но ему помешал Ксенагор из Галикарнаса, которому в качестве награды за спасение царских родственников было даровано право управлять Киликией.

Масист вскоре оказался в еще большей опасности. Прохлаждаясь в Сардах, Ксеркс влюбился в жену его брата. Будучи добродетельной женщиной, она отвергла знаки его внимания, после чего царь выдал замуж ее дочь Артаинту за своего старшего сына Дария в надежде на то, что мать станет более сговорчивой.

После того как двор вернулся в Сузы, непостоянные симпатии Ксеркса переметнулись с матери на дочь, и Артаинта оказалась более покладистой. Ксеркса обманом вынудили дать несчастной девушке парадную мантию, которую Аместрис соткала своими собственными царственными руками. Царица разгневалась и, обвиняя в этом обмане мать, потребовала жену Масиста на новогоднем пиру, когда царь должен был дарить все, что у него ни попросят в дар. Несчастная женщина была умерщвлена ужасным образом; Масист вместе со всей семьей бежал в Бактрию с намерением поднять восстание, но, прежде чем он успел добраться до своей сатрапии, он был перехвачен и лишен жизни.

Пример царя оказался заразительным. Сатасп, сын Теаспа, представитель рода Ахеменидов, нечестно поступил с целомудренной дочерью Зопира, сына Мегабиза. Ксеркс приказал посадить преступника на кол, но мать Сатаспа, сестра Дария, уговорила своего племянника заменить наказание приказом повторить плавание финикийцев вокруг Африки. Взяв в Египте корабль, Сатасп отправился на запад через Столбы Геракла, а затем на юг вдоль западного побережья Африки в страну пигмеев. Прошло много месяцев, Сатасп

испугался и вернулся ко двору. Ксеркс не поверил его рассказу о том, что кораблю помешала плыть дальше какая-то сила. Ко времени его возвращения царь уже потерял шанс выдать себя за покровителя захватывающего географического открытия. Царский приказ не был исполнен, и поэтому было исполнено назначенное наказание.

Характер Ксеркса все более и более менялся к худшему. Увеличившийся, но по-прежнему переполненный гарем в Персеполе рассказывает свою собственную историю. На какое-то время к нему вернулся интерес к завершению строительства Персеполя. К концу его правления он уже находился под влиянием командира своей охраны гирканийца Артабана и евнуха Аспамитра.

Катастрофа у Евримедона

Это ухудшение характера не могло укрыться от европейских греков. Фемистокл уже не стоял у него на пути, и в 466 г. до н. э. Кимон отплыл с двумястами кораблями в Карию. Греческие города было легко склонить к восстанию и принятию гарнизонов, но те, в которых были в ходу два языка, остались верными Персии, и к ним следовало применить силу. Например, Кимон начал осаду Фаселиса (приморский город Ликии у Памфилийского залива. — *Пер.*), когда хиосцы, давние друзья фаселитийцев, стали посылать им письма, привязанные к стрелам, в которых уговаривали жителей города заплатить 10 талантов и принять участие в освободительных войнах.

Очнувшись от своей летаргии, Ксеркс отправил против Кимона большое войско под командованием Ариоманда, сына Гобрия. Ферендат командовал сухопутными войсками, а флотом из двухсот финикийских, кипрских и киликийских судов — Тифрауст, родной сын самого Ксеркса. Так как ожидалось прибытие еще восьмидесяти финикийских кораблей с Кипра, Ариоманд отказался от сражения и отступил к устью реки Евримедон. Когда греки собрались его преследовать, он снова появился. Изобразив видимость сражения, персы вытащили свои корабли на берег, и большая часть моряков спаслась бегством. Пехота кинулась к ним на помощь, и Кимон высадил своих гоплитов, которые после долгого сражения взяли лагерь персов. Затем он отплыл, чтобы найти недостающие восемьдесят кораблей, которые он обнаружил еще в Тибре на Кипре. Город был захвачен врасплох, и суда были захвачены вместе со своими командами (466 до н. э.). На следующий год лишь с четырьмя кораблями Кимон заставил отступить тринадцать персидских кораблей от Херсонеса, хотя им и помогали фракийцы.

Сражение у Евримедона было решающим. За исключением Дориска, который по-прежнему принадлежал персам в то время, когда Геродот писал свою «Историю», Европа оказалась потерянной для империи; и теперь большое количество азиатских греков вместе с карийцами и ликийцами становились членами быстро расширяющейся Делийской лиги. Когда, например, Афины дали новую конституцию Эритрее, советники были вынуждены поклясться, что они не примут назад тех, кто бежал к мидийцам без разрешения афинского народа.

Греческое влияние в Азии

После Киберниса отдельные инициалы или монограммы не дают нам возможности идентифицировать представителей ликийских династий, которые выпускали монеты с изображениями реальных или мифологических животных, вроде сфинкса, химеры, крылатого коня ликийского героя Беллерофонта или любопытных трискеле (древний символический знак, представляющий собой три бегущих ноги, исходящие из одной точки. — *Пер.*). Однако имена представителей династий того времени написаны полностью, и из них известны около пятнадцати. Вступив в Делийскую лигу, ликийцы тешили свою гордость, выводя происхождение слова «Ликия» от афинского героя Ликуса, сына Пандиона. Афинское влияние часто проявляется, например, на монетах Кареги, которые были

отчеканены в Ксанфе или Антифелле. На лицевой стороне монеты сидит Афина со своей совой, или мы видим Ареса в шлеме или бородатого и рогатого Амона Египетского.

Греческое влияние даже еще больше заметно на гробнице полководца Кареги Мараха. В главной сцене изображены четыре устремившихся вперед коня с плюмажами, запряженные в колесницу; Марах в доспехах собирается убить копьем льва; на его вознице надет фригийский колпак. Выше мы снова видим Мараха; вокруг его лысины — длинные волосы. Он откинулся на кушетке, его туфли стоят сбоку, он держит чашу, а слуга в изножье кушетки представляет ему посетителя. Жена Мараха сидит позади него на стуле без спинки, положив ноги на скамеечку и держа у подбородка платье; перед ним находится их младший ребенок. Старший, одетый в химатион, подпоясанный на талии, возлагает венок на голову обнаженного безбородого атлета; эта нагота сама по себе является признаком эллинизации, ведь Фукидид сообщает нам, что даже до его дней азиатские варвары носили набедренную повязку, участвуя в соревнованиях по боксу и борьбе. Юноша с коротко остриженными волосами и бородой протягивает руку к пожилому мужчине, сделавшему легкий ответный жест; два старика — один из них согбенный от возраста — пожимают друг другу руку; другой согбенный старик протягивает руку к хозяину, который сидит рядом со скипетром в руке и собакой у ног.

Эллинизация так же быстро шла и в Карии. Местный алфавит, которым пользовались карийские купцы для написания букв карийского языка в Египте Саисского периода, исчез, то же произошло и с языком для вежливого общения. Скилакс из Карианда (греческий путешественник-исследователь, писатель. — *Пер.*) дал первое описание Индии на греческом языке. Пигрес, брат галикарнасской тиранши Артемисии, хоть и был урожденным карийцем, проявил свою греческую культуру, выпустив любопытную продукцию, в которой за каждой строчкой гекзаметра «Илиады» Гомера следовал элегический пентаметр. Некоторые ученые даже считали его достойным авторства «Маргита» и «Битвы лягушек и мышей», обычно приписываемых Гомеру.

Восток тоже становился более понятен европейским грекам. Фриних уже продемонстрировал свою трагедию «Египтяне». Эсхил переработал древние легенды и модернизировал истории об античных героях Востока. В его трагедии «Молящие о защите» девушки бегут на Аргос с песков семи рукавов устья Нила, с далеких пастбищ, столь близких к Сирии. На них льняные покрывала из Сидона, и они похожи на женщин, живущих у Нила, или разъезжающих на верблюдах кочевников, обитающих рядом с эфиопами. Ио бродит по Азии — овцеводческой Фригии, Мизии и низинам Лидии, Киликийским горам и Памфилии. Она приходит к одноглазым аримаспам, которые охраняют золото; это темнокожий народ, живущий у солнечных вод реки Эфиопе, у порога, где с библейских гор Нил катит свои священные воды, которых не касается никакая болезнь, и она приходит в Каноб и Мемфис. Там у нее рождается священный теленок Эпаф, которого греки также называют Аписом. Эсхил знает о растении папирус, о крокодиле и египетской пчеле. Он слышал, что Фасис — это граница между Европой и Азией, что ладан привозят из Сирии и что есть море, которое называется Эритрейским.

Трагедия Эсхила «Персы» — рассказ о сражении при Саламине — дает больше возможности показать (представить) новую информацию. Он упоминает «город Парсу», хотя и не уверен, отличается ли он от «стены сузийцев», экбатанцев или киссийцев. Золотые Сарды и Вавилон произвели на него огромное впечатление. Он может правильно изложить родословную персидских царей. Царица-мать Атосса — это жена персидского бога и мать бога; на Земле ее сын Ксеркс был подобен богу, рожденному в Сузах богу персов. Умерев, ее муж правит богами потустороннего мира; более ясного (понятного) доказательства того, что персы переняли обожествление царя от своих предков, не было найдено.

Он рассказывает также о возлияниях земле и умершим в виде молока от коровы без единого пятнышка, воды из нового источника, старого вина, меда, оливкового масла и о ритуальном использовании венков. Атосса дарит свои приношения нижестоящим богам и льет вино в подземные камеры. Тем временем старейшины поют гимны, умоляя поводырей

мертвых милостиво выслушать их молитвы, и просят подземных демонов — Землю, Гермеса и царя мертвых — позволить духу Дария узреть свет. Пиндару (один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции, родился в Фивах в 522/518 г. до н. э. и умер в 448/438 г. до н. э. на Аргосе. — *Пер.*) было известно о Фасисе (основанная в VI в. до н. э. милетская колония в устье одноименной реки на побережье Колхиды, неподалеку от современного Поти в Грузии. — *Пер.*) и Ниле из таинственных источников, о Вавилоне и храме Зевса-Амона, о многих городах, основанных Эпафом в Египте; его песня улетает за море, как финикийские товары.

Эсхил написал, что персы жаловались: «Те, кто живут в Азии, недолго останутся под властью персов или будут платить дань по принуждению свого господина или кланяться до земли и выражать свое почтение, так как царская власть уничтожена». Только для греческих земель это хвастовство соответствовало действительности. Консервативные антиперсидские элементы обладали всей полнотой власти в Афинах. Делийская лига развила свою деятельность. Персидское влияние на Западе явно закончилось. Симонид (один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции (556–468 до н. э.). — *Пер.*) написал стихи «Царства Камбиса и Дария», «Морское сражение с Ксерксом» и «Морские битвы при Артемисии и Саламине», не говоря уже о множестве эпитафий павшим героям Великой персидской войны. Харон из Лампсака (греческий историограф из числа предшественников Геродота. — *Пер.*) написал «Историю Персии», а Дионисий и Милета — отчет о «Событиях после Дария», словно история Персии завершилась. На самом деле вскоре Персия должна была изменить всю политическую картину греческого мира.

Глава 20
НОВЫЙ ГОД В ПЕРСЕПОЛЕ

Дарий составил генеральный план возведения построек в Персеполе, но Персеполь, как нам известно, был результатом трудов Ксеркса. Первые восемь лет его правления были действительно посвящены главным образом войне и управлению, в которых он лично принимал участие. Но уже в 485 г. до н. э. на дворцовой террасе работы были возобновлены, и, не пренебрегая делами империи, в течение оставшихся тринадцати лет власти, он испытывал, очевидно, настоящий интерес к строительству новой столицы.

Архивы Ксеркса

К данным, полученным из истории архитектуры и редких надписей, сделанных по приказу Ксеркса, мы можем теперь добавить около двухсот глиняных табличек с надписями на эламитском языке, которые были найдены в здании архива вместе с небольшой коллекцией каменных сосудов с надписями на арамейском языке. Несколько подобных документов дошли до нас со времен царствования Дария, но период наибольшей активности — это последние три года правления Ксеркса.

Эти документы представляют собой предписания высокопоставленных чиновников казначею (*ganzabara*) оплатить труд рабочих на террасе. Платежи производили за месяц или несколько месяцев, указывая суммы в шекелях серебра и их долях. На самом деле, как нам иногда ясно дают понять, это только бухгалтерия, так как платежи производили в виде вина или овец, согласно расценкам. Поэтому мы можем противопоставить заработки в Вавилонии заработкам в Парсе, чтобы определить уровень жизни. Также интерес представляют имена чиновников, национальности рабочих, порученные им работы и даже указания на здания, на строительстве которых они были заняты.

В последние дни правления Дария главной фигурой стал Барадкама, который получил титул казначея. Ему в 483 г. до н. э. Аспафин сообщает, сколько нужно заплатить 313 рабочим за шесть месяцев, а потом 470 рабочим за месяц; 66 рабочим из последних было

заплачено по 1 шекелю, 112 — по три четверти шекеля, а 292 рабочим — по половине шекеля. По сравнению с заработками в Вавилонии рабочим в Парсе платили явно меньше, особенно если мы примем во внимание огромный рост цен на продукты питания, который последовал за персидским завоеванием и еще не был выровнен.

Мы узнаем об одном человеке, очевидно искусном ремесленнике, который прибыл в Парсу из Суз. В тот же год 201 рабочий прибыл из страны хеттов, Египта и Ионии, чтобы работать на строительстве одного из зданий. Если среди них были греческие скульпторы, то ничто не указывает на то, что им заплатили слишком много. На следующий год во главе 34 рабочих — резчиков по дереву, изготовлявших деревянные скульптуры, — мы видим некоего Шакку; в этом случае была использована трехъязычная печать Дария. В 480 г. дон. э. Шакка получает годовую плату для двух мастеров, изготовивших железные двери в Парсе; каждый из них заработал в месяц по полтора шекеля. Рабочие из страны хеттов снова участвуют в строительстве. В 479 г. до н. э. Шакка сообщает о 28 рабочих, изготовлявших каменные скульптуры — возможно, барельефы на ападане, а также украшения для деревянных скульптур в Парсе.

К этому году «человек из Парсы» стал преемником Барадкамы на посту казначея. Его просят заплатить 11 рабочим, которые делают украшения из дерева; оговоренная сумма (две трети, половина и одна треть шекеля) составляет лишь треть их общего заработка. В 476 г. до н. э. Шакка имеет в подчинении 18 человек, изготовляющих каменные скульптуры и выполняющих резьбу по дереву. К началу 473 г. до н. э. Вахуш, который в 480 г. до н. э. занимал подчиненное положение, получил повышение и стал помощником казначея; и теперь мы узнаем о «царской казне». У Артатакхмы 20 человек занимаются работами по бронзе. Читраваху в 471 г. до н. э. отвечает за 238 человек, работающих в казначействе. Двое из них — надсмотрщики и получают высокое жалованье в размере 2 шекелей; 22 человека получают 1 шекель, другие — две трети, половину и треть шекеля; но 159 человек — всего лишь четверть шекеля. Последние — это дети, которые выполняли работу серебряных дел мастера. Фигурируют женщины, которые зарабатывают 1 шекель — среднее жалованье ремесленника-мужчины. К этому времени печать Дария уже не используют для установления подлинности; на новой печати надпись гласит: «Я Ксеркс, великий царь».

За два последних года его правления (467–466 до н. э.) скопилось много табличек. Постройки все еще в процессе возведения, и одна бригада рабочих из казначейства в Парсе достигла численности почти 1350 человек. Казначей Вахуш находится в «Крепости» — это другое название Парсы, и там он получает от Мегабиза просьбу выплатить жалованье 12 рабочим в размере 21/4 шекеля, 9 мальчикам — 12/3 шекеля, еще девяти — 21/4 шекеля, 17 женщинам — 1 шекель и 17 девочкам — две трети.

Артатакхме нужны деньги для его карийских ювелиров. Надсмотрщик получает 41/16 шекеля; 26 человек — два с половиной. Как и на современном Востоке, мальчики и женщины не только делают большую часть работы, но и получают необычно хорошие деньги. В то время как 4 мальчика получают пять шестых шекеля, а пятый — пять двенадцатых, 27 женщин получают жалованье, сильно превышающее заработок среднего мужчины, — 12/3 шекеля; пять девочек-мастериц — 11/4 шекеля, четверо — четыре пятых и еще четверо — пять двенадцатых шекеля.

Артатакхма занимает более высокое положение, чем Мегабиз, у которого 12 мальчиков получают в месяц 45,5 шекеля (почти 4 шекеля на каждого), но это ничто по сравнению с надсмотрщиком, который получает в месяц 7,5 шекеля! В подчинении у Ферендата есть ремесленники, которые вырезают из камня скульптуры или делают украшения для железных и деревянных дверей. Но в то время как золотых дел мастера получают такие непомерные суммы, а серебряных дел мастерам платят жалованье выше среднего, мастера, которые делают великолепные барельефы, не получают даже такой платы, которой хватало бы на жизнь, по сравнению со средним вавилонским крестьянином, если только не допускать (иногда мы должны это делать), что плата, о которой идет речь, — это лишь часть общего заработка.

Барельефы ападаны

Дарий начал строительство ападаны Персеполя, но умер вскоре после того, как были закончены скульптуры вдоль северного фасада. Ксерксу была предоставлена возможность возвести великолепную постройку, которая занимала его интересы, и таким образом на террасе появилось самое впечатляющее строение.

Чтобы добраться до его более высокого уровня, были предусмотрены монументальные лестницы с северной и восточной сторон. С каждой стороны две обращенные друг к другу лестницы сходились в центре, тогда как еще две были расположены глубже по углам. На протяжении 89 метров вдоль северного и восточного фасадов терраса была уставлена скульптурами, которые демонстрируют персидское искусство в его расцвете. Те, что были расположены с северной стороны, были первыми, которые видели посетители, но они теперь являют собой грустное зрелище, подвергшись атмосферному воздействию. Те, что стоят с восточной стороны, повторяют все сцены, но в обратном порядке. Благодаря почве, которая защитила их после беспричинного уничтожения Александром, недавно проведенные раскопки снова вернули их к жизни во всей их первозданной красоте.

Под центральной площадкой виден символ Ахурамазды — здесь без его божественной фигуры; крылатый грифон с поднятой лапой в знак благоговения склонился перед пальмами, расположенными по обеим сторонам. Прямо перед божественным символом должен был находиться отчет Ксеркса о строительстве; двое Бессмертных охраняют голые плиты, но в других местах на восточном и северном фасадах были сделаны надписи, восхваляющие Ахурамазду и царя. Среди пальмовых стволов, стоящих в треугольниках, образованных лестницами, видны львы, вцепившиеся зубами в задние ноги вставших на дыбы быков. Деревья, похожие на кипарисы, но с хвоей, шишками и корой сосны, растут на внешних парапетах между рядами розеток пониже зубцов.

Все это лишь подготовка к главной теме — процессии воинов, придворных и покоренных народов, идущих, чтобы поздравить своего владыку с новогодним праздником. С одной стороны в обрамлении розеток видны три секции по три ряда. Первое место в каждом из них занимает отряд Бессмертных в полном облачении — доходящем до щиколоток одеянии, схваченном на боку и ниспадающем на руку и ниже талии глубокими складками, и зашнурованных башмаках. Каждый из девяноста двух Бессмертных в отряде держит копье древком у пальца ноги — это жесткое положение по стойке смирно, которое свидетельствует о дисциплинированности войска.

Приятным контрастом являются представители знати и служители. Все они должны быть представлены церемиониймейстерами или булавоносцами, которые в знак своей должности держат в руках жезл с набалдашником и носят крученое металлическое ожерелье. Один ведет трех служителей с кнутами в правой руке, чтобы отгонять толпу; они же несут засунутые под мышку правой руки зонты от солнца; такими были бело-сине-зеленые драпировки, которые прикреплялись льняными шнурами к серебряным кольцам и мраморным колоннам. Четвертый служитель несет на спине царскую золотую скамеечку под ноги, на которую царь поставит свои ступни, когда сядет на трон или на которую он наступит, выходя из колесницы во время похода, чтобы перебраться в более удобную повозку. Скамеечка была необходима, потому что существовало правило, согласно которому монарх не должен был ходить пешком за пределами дворца.

У следующего церемиониймейстера, правая рука которого лежит на его левом запястье, есть только жезл. Он ведет трех конюхов, которые любовно положили руки на спины крошечных несейских жеребцов, единственной сбруей которых является оголовье уздечки из круглых и плоских бусин и небольшой колокольчик. Третий церемиониймейстер идет впереди двух пустых колесниц: одна для невидимого Ахурамазды, а другая для царя. Сбруя для священных белых коней остается простой — недоуздок и золотые удила; уздечка украшена золотом, а кони иногда покрыты вышитыми попонами. Чтобы вожжи не спутались, они

вставлены в похожий на гребень металлический диск. Остальная сбруя состоит из ремешка вокруг груди и другого ремешка, украшенного кисточками, за передними ногами. В качестве дополнительного украшения челка у коней забрана в хохолок, вроде цветка лотоса, а грива подстрижена и образует гребень. Дышло колесницы вставлено прямо в ось, которая прикреплена к колесу штифтом в форме голого карлика. Двенадцать спиц образуют необычное число по сравнению с ассирийскими образцами, в которых колесный обод усеян огромными шипами, чтобы добиться более плотного контакта с землей. Львы шествуют вокруг колесницы, на борту которой висит царский колчан. Сзади имеется ремень, который помогает монарху взобраться в колесницу, а металлическая ручка дает возможность держаться устойчиво, так как, раз корпус колесницы поставлен прямо на ось, тряска, вероятно, была ужасной.

Придворные, поочередно мидийцы с персами, завершают эти два нижних ряда барельефов. Некоторые напыщенно идут вперед, полные чувства собственного достоинства, в своих алых, малиновых и пурпурных одеждах (перемешанных иногда с более строгими серыми), оттененных золотыми кольцами и ожерельями. Время от времени можно увидеть, как кто-то идет полуобернувшись и держа за руку друга. Другой специально позирует — его левая рука с небрежной грацией лежит на рукояти крепкого меча, засунутого за кушак; тем самым он наилучшим образом выставляет напоказ замысловатые складки одежды, ниспадающие на его левую руку, при этом в левой руке он держит какую-то редкость, которую он собирается преподнести своему царю. Идущий следом за ним человек несет лишь цветок, подходящий дар для весеннего праздника, и одобрительно кладет руку на плечо этого франта. Впереди идущий придворный с болтающимся на поясе налучником резко обернулся, чтобы узнать причину всего волнения.

На противоположной стороне центральной лестницы изображены двадцать три группы представителей различных подвластных персам народов, идущих, чтобы преподнести свой ежегодный «царский подарок»; причем каждая сцена выделена стилизованными кипарисами. Каждую группу ведет церемониймейстер, который в правой руке сжимает жезл с набалдашником, а левой рукой крепко держит за руку главу группы. Представители каждой делегации одеты в свои национальные одежды, уже описанные Геродотом, и несут самые прославленные свои изделия — ткани, изделия из металлов, вазы, но прежде всего животных — самых больших, послушных и лучших.

Художественные условности

На этих барельефах персидское искусство достигает своей наивысшей точки. Они иллюстрируют как его силу, так и слабость. Было бы абсолютно несправедливо осуждать его недостатки, так как мы должны понимать, что люди, изготовившие их — хоть им и недоплачивали, и обращались с ними как с простыми ремесленниками, — были тем не менее людьми, одаренными художественными талантами. Чтобы с запозданием воздать им должное, мы должны изучить их работу в подробностях.

По сравнению с барельефами на лестницах тройных ворот Дария имеется определенный художественный прогресс даже на более раннем и грубом северном фасаде ападаны. Грубоватый юмор почти полностью исчез, а вместе с ним пропало и странное чередование высоких, средних и низких толстых фигур. Прекратились попытки изображать карабкающиеся фигуры; бедра у людей уже не разной длины, их фигуры уже не перекрывают друг друга, никто никому не наступает на пальцы. Группировки делаются более систематично и тонко, анатомические подробности более точны, драпировки искуснее проработаны, и общее впечатление более приятное.

Северная и восточная стороны были спланированы мастерами-проектировщиками, которые, очевидно, нацарапали очертания всей композиции, прежде чем раздать поручение разным скульпторам выполнять отдельные фигуры. То, что их именам монарх не придал никакого значения, приписав всю славу себе, является лишь еще одной иллюстрацией тех

трудностей, при которых древний художник делал свою великолепную работу. Раз он думал главным образом об архитектурном украшении, было неизбежно, что это украшение будет сделано в виде рельефных полос, а внутри этих полос следовало добиться ритма путем математических пропорций, хотя и не настолько механически, чтобы оказалась потерянной гибкость.

На менее сохранившемся северном фасаде фигуры более ранние и поэтому композиция менее изысканная. В нижнем ряду фигуры объединены в группы по пять и шесть человек, в середине — по три человека, за исключением одной — в ней пять фигур. Нет никакой связи между фигурами, стоящими в одном и том же положении на различных полосах, а те, что изображены на одной полосе, тоже нечасто связаны между собой даже соединенными руками. Фигуры тонкие и отделены друг от друга широкими пустыми пространствами. Все линии рук находятся в горизонтальной плоскости, даже когда они согнуты в локтях или лежат на плече товарища. Головные уборы квадратного покроя; драпировки чаще всего ниспадают естественными складками по обе стороны от рук, хотя уже появляется и более продвинутый прием — гладкие рукава с локтя свисают четырьмя складками; видна подкладка внизу, отмеченная одной рассеченной линией. Волосы на голове и бороды изображаются по-разному; обычно человеческая фигура изображена в профиль, при этом линия руки продлена почти до ожерелья. Браслеты на руках большие и без украшений; кисти рук крошечные, когда сжаты в кулак, и огромные, когда ладонь раскрыта.

Гораздо более тщательно продуман и изготовлен более поздним мастером рисунок похожей процессии знатных людей на восточной лестнице. На первой полосе кони и колесницы богов и царя, как обычно, сделаны излишне большими, и поэтому они заполняют пространство, на котором поместились бы пять человек из нижних полос. В колесницы меньших размеров впряжены кони, занимающие место, на котором уместились бы четыре человеческие фигуры; но схему из пяти фигур завершает служитель, стоящий впереди. В средней полосе шестая фигура справа повернута лицом назад и тем самым закрывает брешь между двумя большими колесницами, изображенными над ней, но в нижнем ряду эта фигура — седьмая. Первая и последняя из четырех маленьких фигур в середине первой полосы указывают на положение первой и шестой фигур следующей полосы, тогда как фигура, несущая скамеечку для ног, стоит между фигурами следующей полосы. В двух нижних рядах постоянно повторяются два этнических типа; их руки соединены через одни и те же интервалы, колчаны — у одних и тех же фигур, широкие плечи указывают на все ту же связь. Прямые линии контрастируют с косыми: аристократ нюхает цветок или касается плеча своего соседа.

Пять разных скульпторов оставили следы своих различных стилей на одной этой сцене. Основной художник любил изгибы. У его фигур длинные красивые пальцы, изящно изогнутые. Изогнутая линия отличает ладонь руки от всей руки; другой изгиб указывает на ниспадающий рукав. Драпировка скруглена и сглажена, шапкам придана глубина. Между головой, повернутой в профиль, и плечами, изображенными в анфас, туго натянут столб шеи. Грудь прорисована через драпирующую ее ткань. В то время как линный и узкий кончик бороды оставлен грубым, концы усов навощены и закручены; вокруг ушей видно множество небольших завитков.

Наш следующий художник любит плоские поверхности и прямые линии. У него острые, длинные и глубокие углы; кисти рук с длинными пальцами — неуклюжи; короткие бороды — тяжелы и разделены как горизонтально, так и вертикально; волосы на голове соединяются с бородой несимметрично; развевающийся вымпел — плоский. Третий художник изображает тонкие фигуры, плечи, головы и юбки которых чрезмерно узки; все изображение очерчено многочисленными небольшими дужками. У него узкие и длинные цветы и такие же складки на юбках; пальцы у человеческих фигур короткие, а ступни маленькие; выделены вертикальные линии бороды. Четвертый изображает короткие тяжеловесные вымпелы, простые браслеты, мощные руки и небольшие ступни; его драпировки состоят из линий, он лепит торсы и делает пальцы рук изящно загнутыми. И

последний в этом списке бедный подражатель, чьи преувеличенно большие головы, приземистые фигуры, цветы на коротких стеблях и двойные браслеты не несут на себе и следа оригинальности.

С точки зрения декоративного искусства группы данников на восточном фронтоне удались гораздо хуже, чем те, что на северном. На последних экспериментировали с деталями, хотя фигуры более тонкие и менее реалистичные. Тенденция главного художника добавлять одну фигуру к каждой группе — благо для специалиста, изучающего национальный костюм. Этот мастер эффективно использует широкие ровные поверхности и точно соотносит перпендикулярные линии со всей сценой, делая ее плавным целым. По его плану требовалось использовать для каждой группы фигур такое пространство, на котором их уместилось бы десять, и эти группы отделялись друг от друга стилизованными кипарисами.

Проектировщик таких же групп на восточном фасаде использовал пространство, на котором уместились бы девять фигур, в котором три или четыре его сектора были отведены животному. Не прилагалось никаких усилий к тому, чтобы соблюдать точные расстояния, чтобы каждая фигура располагалась точно под фигурой сверху. В результате потеряно чувство ритма из-за беспорядочного скопления фигур в одном месте и следующих за ними пустых поверхностей. Так как фигуры здесь следуют в обратном порядке по отношению к барельефу на северном фасаде, они видны с правой стороны; одни держат свои жезлы вертикально, другие наклонно. На северном барельефе одежды короче и ожерелья лежат на плечах, а не свисают вниз. Глава каждой делегации на восточном фасаде часто изображается с левым плечом в анфас и с правым — в профиль, чтобы показать нагрузку руки на плечо; на северном фасаде таким способом изображена только одежда, хотя задрапированные плечи фигур на барельефе прямые.

В изображении животных можно различить две главные школы. Мастера одной школы делали царских коней на облицовочной панели, коней из Армении и Пунта, арабского верблюда, жирафа, антилопу, рогатых быков. Другая школа представлена скифскими и каппадокийскими лошадьми и индийским ослом, хотя многие животные представляют собой комбинацию обеих школ. Первая школа изображает челку коня полосками, падающими на лоб. Глаза изображают лунками с небольшими круглыми глазными яблоками, верхнее веко перекрывает нижнее, верхняя часть слезного канала больше нижней, и вокруг глаза имеется глубокая выемка; от слезного канала к носу идет вниз линия. Уши прямо приставлены к голове, изогнутые линии уходят под подбородок, и глубокие линии отделяют шею от головы. Контур губ четкий, рот слегка приоткрыт, ноздри сходятся к острому кончику. Двойные линии разграничивают мускулатуру внутренней стороны ноги, снаружи это небольшая одинарная линия. Тела длинные и узкие, кажется, что животное вот-вот встанет на дыбы. Гривы тщательно подстрижены. Ноги служителей видны отчетливо.

Животные в изображении другой школы являют собой почти полную противоположность. У скифских лошадей линии челки идут из центра, пряди распределяются вперед и на лоб. Глазные яблоки крупные, и глаза просто выгравированы. Простая точка находится напротив слезного канала, затем толстая прерывистая линия идет от слезного канала к носу. Уши не так прямо приставлены к голове; прямая линия отделяет подбородок от шеи и продолжается через всю морду. Губы не прорисованы, рот насильно открыт или плотно сомкнут, и ноздри обозначены простым изгибом. Ножная мускулатура слеплена без линий; тела крупные, ноги тяжелые. Это рабочие кони, на что также указывает неподстриженная грива. Другой характерной чертой этой школы является то, что пятки служителей не видны за копытами лошадей. Другие животные по внешним признакам изображены в той или иной манере.

Тщательный анализ этого величайшего памятника искусства эпохи Ахеменидов доказал, что кажущееся однообразие — это намеренная иллюзия. Благодаря этому анализу мы обнаружили отдельного мастера, узнали присущие ему особенности и увидели различные способы, с помощью которых он решал свои художественные задачи. Когда все иранское

искусство пройдет такой же терпеливый анализ, мы получим возможность впервые отдать должное высокому качеству классической ахеменидской скульптуры и отвести ей достойное место в истории древнего искусства.

Зал для аудиенций — ападана

С неохотой отводя взор от самых прекрасных образцов искусства эпохи Ахеменидов, мы в сопровождении лучников идем вверх по северной лестнице, чтобы посмотреть, что находится за высоким зубчатым парапетом. Перед собой мы видим крытую галерею, по обеим сторонам которой стоят угловые башни из кирпича, покрытого разноцветной глазурью, образующей сцены или надписи. На расстоянии 9 метров в стороне поднимаются два ряда по шесть колонн в каждом; и хотя они имеют 2 метра в диаметре, они возвышаются на 20 метров — самые впечатляющие и при этом самые стройные и воздушные колонны, когда-либо созданные руками человека. Такие же крытые галереи расположены с восточной и западной сторон. У всех колонн имеется основание в форме колокола, покрытое орнаментами, простой полукруглый фриз, суживающийся к одному концу рифленый ствол и капитель в виде двух стоящих на коленях спиной друг к другу животных. В боковых портиках это все выглядит легко и просто, при этом капители в виде быков у колонн на западной стороне, а в виде рогатых животных из семейства кошачьих — на восточной. На портике фасада верхняя половина ствола колонн украшена консолями и двойными вертикальными завитками сомнительной красоты. У стоящих на коленях животных на капителях имеются бронзовые рога, а глазные яблоки покрыты золотом; между ними две длинные балки держат антаблемент высотой в две или три балки. Еще выше можно узнать изогнутые концы стропил, над ними — карниз из трех или четырех балок для поддержания кровли из уплотненной глины, которая удерживает прохладу в помещениях, расположенных внизу. Зубцы скрывают золотые и серебряные плитки, которые покрывают крышу.

Две двери ведут внутрь с северной крытой галереи и по одной — с восточного и западного крыльца. Шесть рядов по шесть колонн в каждом покоятся на квадратном основании и цоколе, вырезанном из того же самого камня, но иначе, чем у колонн фасадного портика. Колонны поддерживают крышу, обшитую панелями из ароматной кедровой древесины, привезенной из Ливана, и придают залу для приемов площадью 13,5 квадратных метра некий «лесной» облик.

Все это мы можем уверенно реконструировать из сохранившихся до наших дней остатков. Но в настоящее время ападана представляет собой руины. Из леса колонн сохранились лишь несколько, которые высоко вздымают свои необычные капители к открытому небу. Золотое покрытие, которое когда-то скрывало голые кирпичные стены, давным-давно разграблено, и несколько кусочков золотого листа — это все, что осталось от былого богатства, расточавшегося здесь. Резьба по дереву, над которой трудилось так много ремесленников (это мы узнаем из архивных табличек, на которых записаны жалкие гроши, выдаваемые им маленькими порциями), стала обугленными балками и пеплом в результате пожара, устроенного македонцем-завоевателем. Великолепные драпировки можно восстановить только по еврейским и греческим описаниям. Толпы людей, которые когда-то заполняли эти внутренние дворики, временно заменили несколько сотен рабочих, необходимых для проведения современных раскопок. Вскоре на этой террасе вновь воцарится ее вековая тишина. Но мы перечитываем древние источники, изучаем барельефы, а затем поднимаемся в ападану. Когда мы видим одинокие колонны на фоне заходящего солнца и смотрим на равнину, не требуется больших усилий, чтобы представить себе, будто мы древние гости, получившие привилегию ожидать церемониального входа Ксеркса в огромный зал для аудиенций.

Царское великолепие

Из дворца, расположенного южнее, где царь по большей части живет в уединении, подобно богу, приватный коридор приводит его в ападану. На его голове надет высокий головной убор *cidaris* , к краю которого завитые волосы начесаны на лоб и взбиты на шее; иногда на нем бывает вертиальная тиара, вокруг которой обвита диадема, синяя лента с белыми крапинами. На нем золотые серьги с драгоценными камнями.

Если мы будем стоять достаточно близко к царю, мы обнаружим, что у него выпучен один глаз, очерчены брови, слегка изогнут нос и жесткий рот. Усы свисают вниз, но их концы закручены. Его борода обрезана прямо на уровне талии и в подражание ассирийской моде завита горизонтальными кольцами. Его верхнее одеяние кандис окрашено дорогой финикийской краской в пурпурный цвет, оно тяжелое от золотой вышивки, изображающей дерущихся ястребов или чудовищ; по слухам, оно стоило 12 тысяч талантов. Это одеяние надето поверх пурпурного хитона с белыми крапинами, предназначенного только для царя. Пурпурная кайма есть и на его белых или малиновых штанах, которые видны из-под одежды. На нем простые башмаки на каблуках, с заостренными носками синего или шафранового цвета. Золотые браслеты и ожерелье добавляют впечатления, в то время как за золотой кушак засунут короткий персидский меч, ножны которого, по слухам, сделаны из цельного драгоценного камня. В правой руке царь держит тонкий золотой скипетр с набалдашником, в левой — лотос с двумя бутонами.

Когда наконец мы отводим глаза от этого сверкающего видения, которое убеждает нас, что мы на самом деле смотрим на владыку всей земли, мы замечаем двух его спутников. На них надеты халаты и пурпурные башмаки, но их головные уборы ниже, а бороды округлые, а не квадратные. Один держит над головой своего господина царский зонтик от солнца с изогнутыми спицами и плодом граната на верхушке — ассирийское заимствование, которое необходимо сопровождает царя даже в военном походе; другой — служитель, который держит в руках салфетку и мухобойку.

Царь усаживается под балдахином, украшенным драгоценными камнями и поддерживаемым золотыми столбиками; розетки окаймляют две полосы, где ревущие львы приветствуют божественный символ; край балдахина обрамляет вуаль, с краев которой тяжело свисают кисти. Изогнутые ступени, ведущие к трону, доказывают, что они из дерева и обшиты золотом, хотя греки утверждают, что они целиком из драгоценного металла. Ножки трона представляют собой львиные лапы, стоящие на серебряных шарах. Спинка трона прямая, и подлокотников нет, хотя некоторое удобство придает подушка. Ступни царя покоятся на скамеечке на ножках в виде бычьих копыт. Когда царь поднимает правую руку со скипетром, чтобы показать свою благосклонность, с правой стороны талии становится видна его туника; ее длинные рукава свисают вниз, а кандис изящными складками спускается до лодыжек.

При входе царя все должны благоговейно упасть ниц, так как по древнему восточному обычаю царь считается божеством. На протяжении всей аудиенции руки следует прятать в рукавах, чтобы исключить угрозу убийства от руки наемного убийцы. После того как царь удалился, мы можем осмотреть трон, хотя нас предупреждают, что сесть на него будет означать смерть; запрещено даже наступать на сардский ковер, по которому он ходит.

Резиденция великого царя

Во время первых лет его правления, когда вся его энергия была направлена на завершение строительства огромной ападаны, задуманной его отцом, Ксеркс жил неподалеку во дворце Дария, расположенного к юго-западу от террасы. Так как дворец был не совсем закончен, сын должен был добавить лестницы вдоль южного фасада, которые его мастера украсили своими характерными барельефами. На огромном угловом пилястре, которым завершался с обоих концов портик, Ксеркс не забыл даже написать, что этот дворец начал строить его отец Дарий.

Завершив строительство ападаны, Ксеркс сменил место действий. Новый дворец

начали возводить с восточной стороны между Тройным порталом его отца, пиршественной залой и его сокровищницей. Их северные фронтоны были так расположены, что казалось, будто они образуют ступени с запада на восток. От огромных тройных ворот Дария боковой вход вел к ступеням, по которым можно было попасть в главный зал нового здания. С западной и восточной сторон располагались длинные узкие помещения. С северной — открытая галерея с одним рядом из четырех колонн, казалось, служила доступом в служебные помещения, но на самом деле вела лишь в одну комнату, похожую на коридор. Упомянутые выше ступени, соединявшие тройные ворота с этим местом, вели к длинному узкому коридору, из которого посетитель возвращался в маленький дворик, расположенный с восточной стороны коридора, а затем в главную комнату, находящуюся еще дальше на восток, своды которой держались на двух колоннах и которая была украшена нишами, похожими на ниши на внешних стенах сокровищницы.

Южнее внутреннего двора находился вход в сам дворец с двумя рядами из четырех деревянных колонн в каждом между двумя угловыми пилястрами. За ним располагались помещения охраны, на дверных косяках которых были изображены соответственно двое Бессмертных. Проходя мимо знакомой сцены с изображением царя под зонтиком от солнца, посетитель входил в огромный зал, похожий на лес из-за трех рядов по четыре колонны в каждом. Десять каменных ниш окружали зал; справа и слева в длинные и узкие комнаты можно было попасть через двери с изображениями сражений царя со львом или чудовищем-демоном со скорпионьим хвостом. Несимметрично расположенная с правой стороны единственная дверь, на которой можно было узреть царя и его слугу с мухобойкой и салфеткой, вела в узкое помещение, которым завершалась полуофициальная часть дворца. Ни на одном барельефе нет подписей, хотя по стилю и содержанию они очень похожи на барельефы во дворце Дария, который эта постройка сильно напоминает в горизонтальной проекции. Из него Ксеркс взял дверную ручку из искусственного лазурита, надпись на которой гласила, что она была сделана для «дома Дария», а его сын приказал изготовить дубликат, на котором значилось его собственное имя.

К западу от здания сокровищницы, отделенный от него улицей, располагался гарем, который Ксеркс завершил для своей властной царицы Аместрис. В окружении комнат, где жили бдительные евнухи, находился ярус из шести апартаментов, в которых жили наложницы царя. Каждые апартаменты состояли из крошечного холла, крышу которого поддерживали только четыре колонны, и такой маленькой спальни, что, даже если внутри ее находился всего один человек, дышать в ней, вероятно, было нечем. Другие апартаменты такого же размера и вида располагались дальше в западном направлении, где в одном месте изначальная высота постройки указана зарубками в стене коренной породы.

Врата всех стран

Когда мы изучаем генеральный план построек Персеполя, причина для изменения фундамента становится очевидной: Ксеркс разрабатывал строительный проект даже более амбициозный, чем проект ападаны его отца. В изначальном плане Дария посетитель, который взобрался на возвышение по лестнице, сразу же должен повернуть направо и затем подняться по северной лестнице к ападане. Ксеркс завершил этот план, но столь превосходна была работа его мастеров, что только барельефы на восточной лестнице стали достойны внимания.

Пока северная и северо-западная части возвышения оставались неиспользованными. Ксеркс заполнил большую часть этой пустоты. Прямо на оси лестницы, ведущей на возвышенность, он поместил монументальный портал шириной 25 и высотой 12 метров, в котором были лишь боковые ворота, ведущие к ападане. По обеим сторонам от входа посетитель видел огромных быков высотой 6 метров, наполовину выступающих из камня. Над ними можно было прочитать: «Я Ксеркс, великий царь, царь царей, царь стран многих народов, царь этой огромной земли во все стороны. Милостью Ахурамазды я построил эти

Врата всех стран. Много красивых зданий построено в этой Парсе мной и моим отцом. То, что построено сейчас и выглядит красивым, мы построили милостью Ахурамазды».

Под четырьмя высокими колоннами с вертикальными завитками и капителями в форме быков высокопоставленный посетитель мог ожидать, когда его позовут, на одной из скамеек, стоящих вдоль стены. В середине северной стороны ступенька и пьедестал, наверное, имели царский символ для поклонения царю. Затем посетителя вели в восточном направлении между двумя быками с человеческими головами. Подобно их ассирийским предшественникам чуть меньших размеров, у этих быков было по три рога, символа высшего божества, высокие короны из перьев с розетками и длинные завитые, обрезанные прямо бороды. Их тела также были покрыты перьями, а крылья были изогнуты и подняты высоко вверх. И снова посетитель проходил почти точно на восток к воротам меньших размеров, которые в настоящее время, к сожалению, разрушены.

Зал ста колонн

Отсюда посетитель резко поворачивал на юг и входил в массивное новое здание, строительство которого было начато Ксерксом на закате его правления — оно известно в наши дни как Зал ста колонн. Перед залом для аудиенций, расположенном севернее, было крыльцо с двумя рядами по восемь колонн с капителями в виде двух быков с человеческими головами. Угловые пилястры в двух его концах представляли собой переднюю часть громадного быка. Туловище зверя выполняло чисто архитектурную функцию и было выполнено соответствующим образом, но голова, к нашему удивлению, доказывает, что персидский художник понимал, что такое отделка скульптурной композиции, которая, как мы до сих пор думали, была изобретена греками. В результате каждая голова слегка повернута к зрителю, который, проходя между ними, при каждом шаге видит различные ее очертания. Более подробное изучение показывает, что эта отделка была использована намеренно. Если с макушки головы опустить перпендикуляр вниз, то станет заметно, что правая сторона не совсем такая, как левая, так как голова слегка наклонена набок, и детали ее наружной стороны не так тщательно выполнены, как внутренней, что с большей вероятностью может заметить случайный прохожий.

Двери в караульные помещения за угловыми пилястрами были защищены лучше, чем быками, по крайней мере на взгляд нашего современника — их охраняли двое великанов-Бессмертных. Мы можем войти в огромный зал через одни из двух ведущих в него дверей, ведь с каждой из четырех сторон в него ведут две двери. Лишь небольшие промежутки грубой кирпичной стены оставалось втиснуть в раскопанные выступы сорока четырех дверей, окон и складских ниш из камня, близко расположенных друг к другу. Колонны, от которых пошло современное название постройки, стояли в десять рядов по десять колонн в каждом. Они были похожи на колонны в ападане, хоть и были гораздо меньше и поставлены ближе друг к другу. Северные и южные ворота изображают сцену аудиенции: царь сидит под балдахином и крылатым диском, два служителя — позади него, а знатные люди — перед ним; на северной стороне пять рядов стражи — персы попеременно с мидийцами — повернуты лицом к проходу, который ведет наверх, к их господину, но на южной вместо них изображены представители двадцати восьми народов, поддерживающих царя. На косяках боковых ворот царь, подпоясанный широким кушаком, изображен с золотым кинжалом в руке убивающим свирепых зверей — быка, льва, крылатого льва с орлиными когтями и демона со львиной головой и скорпионьим хвостом. Все эти скульптуры являются плодами труда художников, обученных в школе Ксеркса, и являются самыми прекрасными образцами классического искусства Ахеменидов. Их пристальное внимание к самой крошечной детали и гладкая полировка не могут не восхищать нас. Возможно, она немного излишне гладкая, так как утрачена сила и мы можем предвидеть быстро приближающееся разрушение.

В развитии персидского искусства скльптуры гаремного дворца Ксеркса являются промежуточным звеном между Залом ста колонн и ападаной Дария и Ксеркса в его молодые

годы. Они последовательно объясняют, почему юго-западный угол нового зала для аудиенций соединен ступенями с северо-западным углом гаремного дворца: чтобы быть легкодоступными для царя. Всплывает другой важный факт, когда мы сравниваем зал для аудиенций с ападаной в горизонтальной проекции. И хотя общие планы во многом похожи, в них есть существенные различия. К залу аудиенций есть только один подход — с севера, и вся обработка угловых пилястров, капителей и колонн неодинаковая. Вместо крылечек с других сторон есть только узкие комнаты, похожие на коридоры. Колонны огромного зала гораздо меньше и ближе стоят друг к другу. Новым также является широкое использование каменных ниш, чтобы минимизировать участие в строительстве сырой глины. Самым поразительным является то, что в зале для аудиенций помещены барельефы, которые до этого считались подходящими лишь для украшения дворца-резиденции. (То, что Ксеркс заложил фундамент этого здания, а его сын продолжил и завершил его строительство, явствует из недавно обнаруженной надписи Артаксеркса I; стиль барельефов указывает на то, что Ксеркс сыграл большую роль в строительстве. — *Пер.*)

Последний дворец Ксеркса

Характерный план первого этажа и стиль барельефов доказывают, что последняя резиденция, которую Ксеркс построил для себя на самой высокой точке возвышенности, относится к этим последним годам его правления. Почти точно на запад от внутреннего дворика гаремного дворца лестничный пролет ведет наверх к небольшим воротам под четырьмя колоннами, которые открывают доступ к длинному, но довольно узкому приподнятому внутреннему двору, который заканчивается на западе лестницей, ведущей вниз, во двор, расположенный к югу от дворца Дария; лестница продлена, чтобы соединиться с северо-западным углом нового дворца. Надписи на этих лестницах гласят, что именно Ксеркс построил эту резиденцию, тогда как стиль барельефов, изображающих служителей пиршественной залы, так же отчетливо указывает на их относительно позднюю дату создания. Чтобы провести воду в этот дворец, через весь двор вдоль оси дворца был вырублен туннель, который ответвлялся от туннеля, который вел во дворец Дария.

Южнее этого внутреннего двора расположена одинокая крытая галерея — двенадцать колонн в два ряда между угловыми пилястрами с надписями, похожими на те, что были обнаружены на лестнице. С северной стороны две двери, на косяках которых изображен царь под зонтом от солнца, ведут в квадратный главный зал, пол которого представляет собой цельную скалу, а крышу поддерживают шесть рядов по шесть деревянных колонн. По бокам от каменных окон стоят служители, несущие блюда с яствами; те, что сзади, ведут козлов. С восточной и западной сторон зала есть дверь, которая открывается в спальню с четырьмя колоннами; как и во дворце Дария, назначение этих комнат раскрывают барельефы на дверных косяках, где изображены молодые люди с курильницей, ведром, салфеткой и бутылочкой благовоний. С северной и южной сторон от спален расположены комнаты — их всего двенадцать, — которые представляют собой не что иное, как жилые комнаты. На большинстве из дворцовых барельефов — даже на царских драпировках — мы находим одну и ту же надпись. Из узкого коридора вдоль южной стены, когда-то защищенного каменной балюстрадой, открывается прекрасный вид на равнину. С двух его концов узкая лестница резко спускается на нижний уровень к западным комнатам гарема.

Дарий может претендовать на похвалу за выбор этого места, строительство массивных опоясывающих стен и общий план. Главные постройки были начаты, но он должен был оставить завершение строительства своему сыну. Ксеркс является великим строителем Персеполя, и к нему следует относить важные изменения в плане. В годы его правления искусство Ахеменидов достигло классических высот. Но его планы были слишком амбициозными. Работы замедлились в последние годы его жизни, и он умер прежде, чем были полностью готовы и Зал ста колонн, и его дворец.

Глава 21
НЕПОМЕРНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Бегство Фемистокла

Победа у реки Евримедон стала успехом Афин в войне с Персией и триумфом власти консерваторов. После победы Кимона над его могучим противником в 470 г. до н. э. Фемистокл удалился на Аргос, откуда он продолжал свою антиспартанскую политику. Преследуемый Спартой и проспартанской партией, которая теперь обладала всей полнотой власти в Афинах, он должен был бежать, чтобы спасти свою жизнь. Справедливо или нет, но своими политическими врагами он был обвинен в медизме и решил воспользоваться этим обвинением, чтобы найти себе безопасное убежище в единственном месте, где это казалось возможным, — под защитой великого царя.

После ряда захватывающих приключений он в конце концов бежал в Эфес. Так как он все еще боялся погибнуть от рук наемных убийц, его увезли в Сузы, спрятав в палатке и выдавая за персиянку, сопровождаемую свитой. Здесь он подружился с всемогущим Артабаном, *bazarapat* , или командиром дворцовой стражи. Но пока он во дворце целый год изучал персидский язык и обычаи, в нем произошел дворцовый переворот.

Вступление на престол Артаксеркса I

Ближе к концу 465 г. до н. э. Ксеркс умер от рук наемного убийцы в своей спальне. Во главе заговорщиков стоял Артабан, которому помогал другой фаворит евнух-дворецкий Аспамитр и Мегабиз, сын Зопира, царский зять, которого возмутил отказ Ксеркса предпринять какие-либо действия в связи с тем, что он обвинил свою жену Амитис в адюльтере. Ксеркса похоронили в гробнице, вырубленной в скале восточнее гробницы его отца. Хоть на ней и нет надписи, работа мастеров даже еще лучше.

Его преемником должен был бы стать его старший сын Дарий. Но Дарий имел веские причины ненавидеть своего отца, который соблазнил его жену Артаинту, и Артабану было нетрудно уговорить восемнадцатилетнего Артаксеркса убить своего брата как отцеубийцу. Вскоре Артабан поссорился с новым монархом и попытался и его убрать с дороги. Артабан теперь жаждал захватить трон для себя, но его выдал его подельник-заговорщик Мегабиз, который не хотел смены династии.

И хотя Артабану удалось ранить Артаксеркса, он погиб в последовавшей за этим потасовке. Аспамитр умер от бесчеловечного наказания под названием «лодка». В последнем сражении три оставшихся в живых сына Артабана погибли, а Мегабиз был опасно ранен. Забыв, что он однажды обвинил свою жену в небезупречном поведении, Мегабиз помирился с Амитис, и при посредничестве ее брата Артаксеркса, ее сестры Родогуны и их матери Аместрис он вылечился благодаря искусству Аполлонида, придворного врача с острова Кос. Другой сын Ксеркса Гистасп поднял в Бактрии восстание. Первое сражение закончилось вничью, но во втором Артаксеркс при поддержке сильного ветра, дувшего прямо в лицо его врагам, добился победы.

Приезд Фемистокла

Роксан, новый начальник охраны, был непримиримым личным врагом Фемистокла. Несмотря на его противодействие, Фемистокл использовал свои недавно приобретенные знания персидского языка, чтобы завоевать симпатии царя в личной беседе. Артаксеркс поверил его заявлению, что он отправил сообщение Ксерксу с искренней верой в его многочисленные обещания на будущее. Фемистокл получил почетное звание «друга царя», а также власть над некоторыми подчиненными персам греческими городами. Вместо

материальной поддержки при дворе он получил доходы от этих городов. Магнесия оплачивала ему расходы на хлеб — 50 талантов, Миус снабжал его рыбой, Лампсак — своими знаменитыми винами, Перкота и старый Сцепсис возмещали расходы на постель и одежду. Сатрап Фригии Эпиксий попытался подослать к нему наемных убийц у Львиной Головы, но Фемистокл благополучно добрался до Сцепсиса. Он поселился в Магнесии, где женился на персиянке, дочь которой он посвятил в жрицы Дидимены, Матери богов. В различных городах были учреждены праздники, о которых долго помнили жители, а в Магнесии он чеканил от своего собственного имени монеты с изображением фигуры обнаженного стоящего Аполлона — бога, которого почитал Дарий.

Список податей от Геродота

В целом Артаксеркс следовал административной политике своего отца. В Вавилонии он был единственным «царем стран», хотя Иштар в Вавилоне возвеличили установлением стелы, а к 462 г. до н. э. оказалось, что вернулись жрецы Бела-Мардука, и им были возвращены некоторые их земли. В его редких надписях в Египте используется единственный картуш для обозначения его имени, но в надписях на вазах на четырех языках он добавлял слова «Великий фараон».

По сравнению с шестью списками сатрапий, опубликованных Дарием, списком Ксеркса и его войсковым реестром официальный список податей, составленный Геродотом, демонстрирует несомненные административные изменения. Как и при Кире, число сатрапий снова стало равно двадцати, но большее количество сатрапий Дария было сокращено путем объединения некоторых сатрапий, до этого бывших обособленными. Этот процесс, уже заметный по войсковым реестрам Ксеркса, но ускорившийся в податном списке Артаксеркса, снова наводит на мысль о потере территорий.

Восточные сатрапии

Персия уже давно перестала платить налоги. Огромная сатрапия Мидия, включая теперь париканов (гирканцев) и «людей в вертикальных шапках», саков-тиграхаудов, должна была платить дань в размере 450 талантов, к которым добавлялись еще 100 тысяч овец и корм для 50 тысяч царских несейских лошадей. Сузы и страна киссейцев платили 300 талантов. Армения с Пактиикой (северо-западная часть Индии. — *Пер.*) и все земли до Черного моря платили 400; ежегодно эта сатрапия присылала царю 20 тысяч несейских жеребят для праздника Митры. Матиенцы, саспейрийцы и алародцы должны были выплачивать 200 талантов; москийцы, тибареньены, макроны, моссинеки и мары — 300. Каждые пять лет колхийцы преподносили «дар» в виде ста мальчиков и ста девочек, которые были предшественниками киркассийских красавиц во времена Турции.

Если в этом регионе укрепление власти персов, уже проявившееся в армейских списках Ксеркса, происходило и дальше, то объединение сатрапий в Восточном Иране, начатое отцом и продолженное сыном, указывает в противоположном направлении. Каспийцы, павсики, пантимафы и дариты платили 200 талантов; саки и каспии — 250; парфяне, хорезмийцы, согдиане и арийцы — 300. Тот факт, что четыре сатрапии Дария оказались объединенными в одну, указывает на серьезные трудности в сборе налогов, если не на реальные их потери на этой границе. И снова три бывшие сатрапии соединены в одну, включающую сагартийцев, сарангов, фаманейцев, утиан, микийцев и бесплодные острова в Персидском заливе, и эта обширная территория платила 600 талантов. Отсутствие в списке Арахозии представляет собой еще одну причину для подозрений. Две сатрапии объединились в одну в случае с саттагидийцами, гандарами, дадиками и апаритами и должны были платить дань в размере 170 талантов. Что касается эглов в Бактрии, то они платили 360 талантов; париканы, верующие в отвратительных духов пустыни, пайрики и азиатские эфиопы, согласно реестру, должны были казне невозможную сумму — 400

талантов.

Таким образом, гандары последний раз появились в списках Артаксеркса в качестве данников Персии, хотя эти края были известны под названием Гайдара до классических индийских времен. Тем не менее индийцы из Хиндуша оставались верными Персии до правления последнего Дария, который признавал их верность и умение воевать, ставя их следом за тысячью Бессмертных, которые были его личными телохранителями. С Западом поддерживались достаточные контакты почти до конца V в. до н. э., чтобы Геродот имел возможность заявить, что по своей численности индийцы превосходили все другие народы, известные грекам, что они платили своим персидским владыкам самую большую дань (360 талантов золотого песка), что индийских собак использовали в персидской армии и что при его жизни четыре вавилонские деревни были выделены специально для того, чтобы их содержать. Он заметил изменение в приемах ведения войны: от арийцев, разъезжавших на колесницах и прославленных в индийском эпосе, до смешанной с ними квалерии, тогда как к 480 г. до н. э. индийское войско состояло уже из кавалерии и пехоты. Геродот рассказывает об удивительно больших муравьях, которые выкапывают золото в пустыне и вынуждают местных жителей, которые пытаются украсть его, спасать свою жизнь бегством. Но у него очень мало сведений об индийских племенах, которые жили за пределами Персидской империи. Он слышал об индийцах, которые не убивают никаких живых существ, и о чудесном хлопковом дереве, благодаря которому они имеют возможность ткать себе одежду. Однако у него нет никаких упоминаний о главном городе Хиндуша Таксиле, который быстро занял место Певкелы, бывшей столицы Гандары.

Вавилония

После своего последнего восстания Вавилония была присоединена к Ассирии и утратила свою индивидуальность. Ее выплаты в виде серебра были самыми высокими в империи — 1000 талантов, а унижающий ее «дар» монарху представлял собой пятьсот мальчиков, будущих евнухов. Плодородие ее почвы и близость к Сузам в те времена, когда сухопутная перевозка продуктов питания на большие расстояния была почти невозможной, накладывали на нее также и тяжелое бремя обеспечения двора продовольствием в течение четырех месяцев в году. Геродот рассказывает нам, что в его время, когда Тритантехм, сын Артабаза, правил этой сатрапией, она давала ему ежедневно 1 *artaba* серебра. Крестьяне также должны были содержать его боевых коней — его восемьсот жеребцов и шестнадцать тысяч кобыл. Четыре большие деревни были освобождены от других платежей и должны были кормить его индийских собак.

У Геродота есть рассказ о том, что в былые времена вавилоняне продавали с торгов своих девушек, обеспечивая приданым некрасивых девушек из сумм, полученных за красавиц. Этот рассказ, возможно, недостоверен, но не его утверждение о том, что теперь, чтобы не дать своим дочерям пострадать от насилия и оказаться увезенными в иноземные города, местные жители стали отдавать их в куртизанки, так как с начала персидского завоевания простые люди подвергались такому плохому обращению со стороны своих господ, что их семьи разрушились.

Заречье и Египет

Заречье, отделенное от Вавилонии одно поколение назад и теперь включающее в свой состав Кипр в добавление к Палестине — Сирии, платило дань, установленную в размере 350 талантов. Ливия, включая Кирену и Барку, была снова объединена с Египтом, и увеличившейся сатрапии было назначено платить 700 талантов; к этому следует прибавить доходы от сданных в аренду рыбных промыслов на озере Мерис и 120 тысяч мер зерна, поставляемых персидскому гарнизону Белой крепости в Мемфисе и наемникам-евреям в Элефантине. Каждые три года эфиопы, жившие на границе, привозили свой «дар» — 2

choenices чистого золота, двести бревен эбенового дерева, пять мальчиков и двадцать слоновьих бивней.

Аравия

Давным-давно перестав быть сатрапией, платившей дань, Аравия ежегодно преподносила царю «дар» в виде 1000 талантов ладана. Геродот рассказывает, что деревья, дающие ладан, защищают крылатые змеи и гадюки, которых можно отогнать, только если поджечь стиракс. Мирру легко получить, зато кассия растет в мелких озерах, охраняемая похожими на летучих мышей животными, от которых можно скрыться, прикрыв тело и глаза шкурами. Корица (это финикийское слово) состоит из стеблей, которые уносят огромные птицы — птицы рок из более позднего рассказа — в свои гнезда из глины, свитые на скалах. Арабы выкладывают огромные куски мяса для этих птиц, чтобы они могли их унести, но под их весом гнезда ломаются, и тогда можно собирать упавшую корицу. Лабданум получают из козлиных бород. Есть две породы овец, у одной из которых есть хвост шириной 46 сантиметров, а у другой — 137 сантиметров длиной; пастухи помещают под эти хвосты тележки, чтобы возить их.

От этих рассказов путешественников, содержащих мало правды, но намеренно сочиненных набатейскими торговцами, чтобы отпугнуть иностранцев, которые могли позавидовать тому, что они контролируют доходную торговлю специями с Южной Аравией, мы можем обратиться к местным архивам. Алфавитное письмо зародилось на Синайском полуострове в VIII в. до н. э., когда для нужд своего языка часть местного населения стала использовать неполный алфавит, состоявший из согласных, который уже сформировался в Египте для написания иностранных имен и слов. Местные имена писали с помощью пиктографических знаков, которым по акрофоническому принципу приписывали значения согласных. В то время как форма, из которой развился наш собственный алфавит, появилась в Финикии, другой алфавит появляется в VIII в. до н. э. в порту Соломона на Красном море Эцион-Гебере (существовал в X–V вв. до н. э. — *Пер.*). К середине VI в. до н. э. жители Дедана, расположенного далеко на севере Аравийской пустыни, использовали в своем североарабском диалекте эту развитую синайскую форму письма вместо грубых надписей. Одна такая надпись дает нам имя деданского царя. Цилиндрическая печать, найденная в Ане в среднем течении Евфрата, прежде чем он попадает на территорию Вавилонии, доказывает, что в этом направлении осуществлялась торговля, и то, что Вавилон оказывал влияние на арабскую культуру. Скарабей с надписью на деданском языке «Велик Адад» показывает, что похожие отношения существовали с Египтом. Есть несколько других надписей, в основном из Дедана, современного Эль-Ула.

Даже еще более близкой к изначальным синайским символам и, очевидно, приблизительно того же возраста является самая ранняя форма так называемого таммудского алфавита, короткие записи на котором найдены неподалеку от Тэмы. Вот они: «Его имя Ибн Фаги», «Его клеймо Ибн Фаги», «Самрафа дал ему имя», «Якфурил дал ему клеймо», «Биафар, сын Гилфа, томится по нему от любви» (что весьма неожиданно), «Он встал лагерем у Самды», «Рагимил, сын Бусрата, встал лагерем в Дедане».

Другие надписи проливают свет на религию. Надпись «Наамил, сын Хафраза. Аллах всевышний» представляет нам бога мусульман за тысячу лет до Магомета. В имени Самда почитается Сам, представленный знаменитым камнем из Тэмы. Ему дан ответ: «Салм ничтожный бог», «Салм нечистый бог». Возможно, это соперничество между племенными богами является причиной того, почему Наамил утверждает, что Аллах — всевышний.

Если верить Геродоту, единственными богами у арабов были Ороталт, соответствующий Дионису, и Алилат (Афродита). Верующие обрезают себе волосы и бреют виски, как у бога. Они дают обеты, обязательные для друзей и соплеменников; третий человек, посредник, надрезает острым камнем второй палец; клочком химатиона от размазывает кровь по семи камням, разложенным перед ними, вызывая этих двух богов.

По-видимому, до конца этого века царей Дедана вытеснили в самом Дедане цари Лихиана (древнее арабское царство, существовавшее в Северо-Западной Аравии на территории современной саудовской провинции Табук во 2–1-м тысячелетиях до н. э. — *Пер.*). Несколько их надписей, выполненных более ранним письмом, найдены неподалеку от Хегры (комплекс археологических объектов на северо-западе Саудовской Аравии. — *Пер.*). Вот типичные надписи: «Абдманат достойный доверия; даруй ему долгую жизнь, о Бог, и удачи»; «Даруй благоденствие работникам»; «Баалсамин освятил скалу, и ни одна женщина не может взойти на нее — жрица Бахиани»; «Ниран, сын Хадиру, написал свое имя во времена Гашма, сына Шахара, и Абда, правителя Дедана»; дата установлена точно, это араб Гешм, соперник Нехемиаха.

Сатрапии Малой Азии

Особый статус Киликии, которой снова стал править местный правитель Сиеннес, отражает дань, которую она должна была платить Персии. Из 500 собранных талантов 140 оставались в провинции для выплаты жалованья местной кавалерийской гвардии; белые кони в количестве 360 голов были еще одним «даром». На границе между Киликией и Сирией находился Посейдий, который, как говорят, был основан Амфилохом, сыном Амфиаравса, местного киликийского божества, которого отождествляли с греческим богом.

Каппадокия и ее «сирийцы» слились в единое целое, как это произошло с мариандинянами, пафлагонцами и азиатскими фракийцами или вифинийцами — греками с Геллеспонта. Бывшая Вторая Иония была известна грекам как Даскилей, и эта огромная сатрапия платила в качестве дани 360 талантов. Собственно Иония включала также магнесийских и эолийских греков, а также карийцев, ликийцев, милийцев и памфилийцев, которые уже не входили в сатрапию Карка. Расширившаяся административная единица могла позволить себе платить 400 талантов, тогда как 500 талантов не были слишком большой суммой для сатрапии Сарды, которая теперь объединяла в себе в добавление к лидийцам мисийцев, ласонцев, кабалиев и гитеннов.

Согласно Геродоту, лидийцы, карийцы, каунцы и мисийцы говорили на одном языке, но пользовались не совсем одними и теми же буквами. Вскоре после того, как греки позаимствовали алфавит у финикийцев, по крайней мере к середине VIII в. до н. э. фригийцы, в свою очередь, позаимствовали алфавит у восточных греков. «Золотой» Мидас, соперник ассирийского Саргона, оставил запись в Тиане (Каппадокия) и на своей гробнице в Городе Мидаса. Так как он говорил на индоевропейском языке, схожие звуки легко могли быть представлены схожими буквами. Несколько позже памфилийцы позаимствовали западный вариант алфавита для своего кавказского языка.

Три других народа, говорившие на кавказском языке, последовали другому принципу; они позаимствовали такие буквы, которые приблизительно подходили для их звуков, но приспособили или изобрели новые буквы для более многочисленных гласных и дополнительно носовых гласных, которыми был так богат их язык. Их первыми стали использовать в своем языке карийцы, который нам известен главным образом по нацарапанным именам наемников, служивших фараонам Двадцать шестой династии в Египте, и по нескольким монетам и более официальным надписям, относящимся к раннему периоду эпохи Ахеменидов.

Лидийцы позаимствовали или адаптировали свой алфавит из двадцати шести букв у жителей острова Родос. Краткие надписи на вазах или постройках относятся к местным царям, но все более длинные надписи сделаны в период Ахеменидов. Одна надпись из Сард сделана в годы правления Артаксеркса II на двух языках — арамейском и лидийском и помогает нашей расшифровке, но еще нельзя утверждать, что эти надписи можно прочитать свободно. У двадцати шести ликийских букв есть много общего с лидийскими, но лишь начальные буквы или монограммы царских имен на монетах указывают на то, что они использовались так давно. Достоверные надписи, которых в настоящее время насчитывается

сто пятьдесят, следует отнести ко второй половине V или IV в. до н. э.

Все эти надписи все еще находятся в процессе расшифровки. Значение их символов можно узнать из кратких надписей, сделанных на двух языках — греческом и лидийском, греческом и ликийском, греческом и арамейском, или из транслитераций греческих или иранских имен. Они устанавливают значение некоторых слов и дают мимолетное представление о структуре языка. Несмотря на соблазнительное сходство с индоевропейской системой, кажется несомненным, что мы имеем дело с кавказскими языками, возможно далекими родственниками халдейского и настоящего хеттского языков. Это явствует из широкого использования носовых звуков и назализованных гласных и вспомогательного характера некоторых звуков, создающих трудности при транслитерации иностранных имен, которые следует писать через «б» или «п», «д» или «т», «г» или «к». Это еще более отчетливо видно в грамматике (если ее таковой можно назвать), в которой отсутствует изменение формы слова в нашем понимании и понятие рода, а есть различие между одушевленным и неодушевленным предметами; в ней глагол совершенно иначе указывает на отличия знакомой нам категории наклонения и времени.

Геродот приводит нам некоторые особенности языка кавнийцев, которые принадлежали этой группе народов. Они слыли людьми, которые находят себе главное развлечение в том, чтобы устраивать поединки «кто кого перепьет» — мужчины, женщины, дети в своих компаниях по отдельности. Можно было наблюдать занятную церемонию, когда они изгоняли чужеземные религии и богов за пределы своей территории при полном параде, потрясая в воздухе мечами.

Разорительное налогообложение

Из сатрапий постоянно тек в казну серебряный ручеек, оцененный Геродотом как 9880 эвбейских талантов, которые, очевидно, были равны 7600 вавилонским талантам. Подсчитывая вместе с ним соотношение золота к серебру как тринадцать к одному, можно получить, что золотой песок из Индии составлял 4680 эвбейских талантов, а всего — 14 560 талантов. Наше недавнее изменение цен на золото усугубляет трудность древних изменений этих цен и делает совершенно невозможным вычислить эту сумму в современных цифрах, но, если мы назовем цифру около 20 миллионов долларов с покупательной способностью в несколько раз большей, мы можем составить себе некоторое представление о богатстве персидских монархов.

Малая часть этой огромной суммы возвращалась в сатрапии. Существовал обычай переплавлять золото и серебро и наливать их в кувшины, которые затем разбивали, а слитки хранили. Лишь из небольшой части драгоценных металлов чеканили монеты, и в этом случае это делалось для найма чужеземных солдат и подкупа иностранных государственных деятелей. Так что, несмотря на вновь добытые драгметаллы, из империи быстро вытекало золото и серебро. Наши документы, найденные в Вавилонии, недвусмысленно свидетельствуют о снижении использования драгоценных металлов. На время кредит делал возможным продолжение бизнеса, но неразумное требование реального серебра при уплате налогов привело все возраставшее число землевладельцев к ростовщикам, которые давали деньги в обмен на залог — использование поля или раба, труд которого таким образом пропадал до погашения невероятного долга. Так как отчеканенные деньги стали редкостью, хранившейся у ростовщиков, кредит подпитывал рост инфляции, а быстро растущие цены делали ситуацию еще более невыносимой.

Глубокие перемены, навязанные Ксерксом и смутно различимые в немногих документах из Вавилонии, которые пережили разрушение Вавилона, кажутся совершенно застывшими в более многочисленных переменах времен правления Артаксеркса. Впервые большая часть земель, которой владели граждане, находилась в руках персов, хотя время от времени мы узнам о «доле», по-прежнему принадлежавшей бывшему владельцу. Существовала тенденция включать в состав судей в основном персов. Появляется большое

количество новых чиновников (обычно с персидскими титулами) с персидскими именами (хотя у их отцов они могли быть вполне вавилонские), но так же часто их помощники были рабами. Вавилония стала поистине многоязычной страной, так как в ней широко распространены иранские, египетские, арамейские и еврейские имена. Естественно, нас прежде всего интересует большая еврейская колония, но другие этнические группы расселены в «Доме тирийцев», «Доме киммерийцев» и т. п. Но самое значительное изменение состоит в сборе новых налогов новыми чиновниками. В Персеполе мы видели блестящее шествие покоренных народов, несущих свои дары Дарию и Ксерксу к новогоднему празднику. Вавилонские документы представляют собой обратную сторону этой картины; «дар царскому дому» добавлен как нечто само собой разумеющееся к другим обременительным налогам и был включен в общий итог без каких-либо комментариев. Мы можем увидеть, как землевладельцы занимают деньги на уплату налогов и «подарок» под 40 % в год (удвоенный стандарт 20 % со времен Хаммурапи) у таких ростовщиков, как семья Мурашу из Ниппура, архивами которой нам посчастливилось обладать. Тем временем доход с отданных под залог земель шел в карман ростовщиков до тех пор, пока владельцы не теряли право собственности на землю. Когда дополнительные поля возвращались государству ввиду невозможности уплатить налоги, они на самом деле сдавались в аренду коррумпированными чиновниками тем же самым ростовщикам! Персидские землевладельцы были освобождены от этого гибельного налогообложения не больше, чем местные жители. Неизбежным результатом стало то, что весь этот период представляет собой перечень восстаний угнетенных подданных.

Транспортные артерии империи

В течение какого-то времени недовольные сатрапии держались в повиновении при помощи все еще действенной администрации и армии. Одним из наиболее эффективных элементов этой системы подавления была разведывательная служба, благодаря которой вести быстро распространялись по империи. Каждый гонец скакал в течение дня, ко времени вечерней остановки был готов уже другой конь с другим гонцом. День и ночь, невзирая на погоду, такие посты поддерживали связь столицы с самыми отдаленными частями империи.

Они следовали по наезженным путям — едва ли мы можем назвать их дорогами, — так как если ассирийцы мостили дороги и ставили камни с указанием расстояния, по крайней мере возле городов, то ничто не указывает на то, что персы следовали их примеру, как они сделали при налаживании переписки между провинциальными чиновниками и царским двором. Еще из одного официального документа Геродот взял описание «царской дороги», свободной от разбойников, с прекрасными местами для ночлега и почтовыми станциями, где можно было взять свежих лошадей. Подобно похожему маршруту, проходившему южнее на восток, который описал Ксенофонт в своем произведении «Анабасис» (о походе Кира Младшего против Артаксеркса. — *Пер.*), похожему на «Парфянские станции» Исидора из Харакса и еще более поздние римские *itineraria* , расстояние на нем обозначали в *stathmoi* , стадиях, а также в парасангах от одной станции до следующей. Геродот подсчитал, что парасанг равен 30 стадиям (4 километра). На самом деле, подобно современному *farsakh,* это расстояние, которое можно пройти пешком за час. Его оценка дневного перехода, равного 150 стадиям, или чуть менее 30,5 километра, вероятно, не слишком преувеличена.

Из Сард, имевших связь с эгейским побережьем, дорога шла через Лидию и Фригию к реке Халис, протянувшись на 20 переходов, 94,5 парасанга, или 380 километров, что поразительно близко к реальному расстоянию. Перед переправой через реку было ущелье, охранявшееся сильной крепостью; очевидно, более старым мостом перестали пользоваться.

От реки Халис дорога пересекала Каппадокию огромной петлей, которая свидетельствовала о том историческом факте, что когда-то перекрестком дорог была столица хеттов; затем она доходила до границы с Киликией, где два укрепления контролировали два ущелья. Это описание четко подходит к Киликийским воротам, но пройденное расстояние —

28 переходов, или 104 парасанга, или 402 километра — совершенно неправдоподобно. По сравнению с предыдущей частью пути на местности больше нет никаких препятствий, и все же реальное расстояние составляет лишь около половины этой цифры. Согласно Геродоту, после этого дорога проходила по Киликии всего на расстояние трех переходов, или 15,5 парасанга, или 61 километр — это совсем не то расстояние, которое можно было легко преодолеть по равнине из Киликии до Аманских ворот (долина у верхнего конца Иссийского залива, сейчас залив Скандерун, из которой два перевала ведут в Сирию, Киликийские и Аманские ворота. — *Пер.*).

Мы могли бы ожидать, что затем дорога пойдет через Северную Сирию и Месопотамию, но вместо этого мы пересекаем границу Киликии и Армении у Евфрата. Это невозможно, так как Киликия никогда не простиралась до Евфрата и была отделена от него массивом Антитаврских гор (собирательное название двух параллельных хребтов Центрального Тавра в Турции. — *Пер.*). Но теперь мы понимаем, что случилось. Геродот выехал из Мазаки (позднее Кесария в Каппадокии), выбрав на перекрестке дорог южное направление, по которому шел Кир Младший, и двигался так до Аманских ворот. Затем он вернулся на главную дорогу, которая пересекала Евфрат за Мелитеной (область и город в северной части Малой Армении между Антитавром и Евфратом. — *Пер.*); именно объединение двух маршрутов в один дает такое длинное расстояние — 418 километров.

«Царская дорога» проходила через юго-западный край Армении всего на 15 переходов, или 56,5 парасанга, до Элазиз-Харпута, а затем шла на юг через два высокогорных перевала преграждающей путь горной цепи, откуда открывались прекрасные виды на окруженное снегами озеро Голджик. Укрепление находится, вероятно, на главном перевале.

Далее длинный участок пути проходит через Матиену — 34 перехода, 137 парасангов. Нужно на пароме переправиться через четыре реки, первая называется Тигр. Одна течет из Армении, это Западный Тигр, который появляется из скального туннеля и течет через горную цепь по необитаемой местности в Амида-Диарбекир, где дорога пересекает ее. Отсюда дорога шла вдоль северного берега реки до ее впадения в Западный Тигр с восточным притоком, который брал свое начало в Матиене к юго-западу от озера Ван. Третий Тигр это Верхний Заб; эта река настолько полноводная, что спешивший путешественник ее вполне мог принять за дополнительный приток; через эту реку переправлялись у Арбелы, которая какое-то время была столицей Ассирии. Затем следовало переправиться через реку Гиндес (Диалу). После этого путешествие по стране киссийцев (11 переходов, 42,5 парасанга) приводило путешественника к реке Хоаспе и Сузам с дворцом Мемнона.

Здесь Геродот заканчивает свой рассказ о дороге. Позднее Ктесий описал весь маршрут с востока на запад от Эфеса до Бактрии и Индии, но он был утерян. Ксенофонт описывает важный южный путь, который проходил в юго-восточном направлении через Малую Азию, нырял в Киликию и проходил через Северную Сирию, затем вниз по течению Евфрата в Вавилон и через равнину в Сузы. Если напоследок мы продолжим этот великий путь на юг через Сирию и Палестину в Египет, то окажется, что мы проследили все главные транспортные артерии Персидской империи, важные как для торговли, так и управления государством.

Глава 22
ПОБЕДЫ ДИПЛОМАТИИ

Кимон и Перикл в Афинах

Со времени окончательной победы над персами у Евримедона Кимон стал признанным проводником политики Афин. Когда восстали илоты в Спарте, он убедил афинян послать ей на помощь войска, согласно условиям военного союза, образованного на острове Платея, так

как в его понимании Эллинская лига продолжала существовать, несмотря на наличие Делийского союза, которую он сам же и помогал организовывать. Но в Спарте были люди, которые думали иначе; предложенная помощь была оскорбительно отвергнута, а афинское войско — отправлено назад. В таких обстоятельствах было неизбежно, что растущее недоверие между Спартой и Афинами достигло апогея. Можно было утверждать, что Спарта сама расторгла существовавший военный союз; новые союзы были заключены к 462 г. до н. э. с Фессалией и Аргосом — и та и другой были известны своими проперсидскими настроениями во время войн с «варваром».

Влияние Кимона, который оставался верным своей политике дружбы со Спартой, стало уменьшаться, и консерваторы под его руководством потеряли свое главенствующее положение. Эфиальт (афинский государственный деятель. — *Пер.*) привел к власти демократов. Их победа привела к изгнанию Кимона весной 461 г. до н. э. Но это не означало, что Афины были готовы возвратиться к традиционному для демократов дружескому отношению к «варварской» империи.

Будучи демократом во внутренней политике, Перикл был в душе аристократом и империалистом. На самом деле если не в теории, то на практике Делийский союз уже превратился в Афинскую империю, и Афины решительно подавили первую попытку «союзника» выйти из союза. Перикл не мог не бояться того, что Артаксеркс попытается возвратить власть над греческими городами в Азии, которые теперь платили дань Афинам, ведь их утрата так и не была признана официально.

В течение короткого периода, когда руководство страной осуществлял Эфиальт, афинский флот под его командованием плавал на восток в тщетной попытке найти огромный персидский флот, и Перикл последовал его примеру. Война с «варваром» была таким образом возобновлена, и первоначальная цель Делийского союза была тем самым оправданна. Тем не менее великий демократ совершил серьезную ошибку, когда продолжил менять традиционную политику демократов. Если бы на самом деле существовало «греческое дело», можно было бы подчеркнуть, что Делийский союз, какие бы недостатки в нем ни были, был единственно возможным действенным противовесом персидскому империализму. Но в то время как чрезмерное налогообложение дало новый импульс национализму, которому было суждено спровоцировать новые восстания на всей территории империи, греческий национализм продолжал ограничиваться отдельным городом-государством. Даже здесь граждане испытывали верность скорее партии, нежели городу, особенно когда у власти была оппозиция. К этому времени все подданные Афин чувствовали неудовлетворенность; враги Афин всегда могли поднять показной крик с требованием «свободы», которая на практике означала лишь свободу отдельному городу-государству при антидемократическом антиафинском руководстве. Такая ситуация была создана для вмешательства персидской дипломатии, как всегда подкрепленной золотом.

Восстание в Египте

Теперь, когда переговоры в Сузах потерпели неудачу, Перикл собрал флот из двухсот кораблей с намерением возобновить войну, начав с вторжения на Кипр. Перед отплытием грекам представилась лучшая возможность доставить Персии беспокойство. Иенхеру, или Инар, сын Псамметиха и, предположительно, потомок древней Сансской династии, обладал непрочной властью над ливийцами. Вскоре после появления надписи на Хамамматских каменоломнях, датированной Артаксерксом, пришла весть о восстании в Бактрии. С помощью другого претендента на престол по имени Амиртей, который тоже был из Саиса,13 Инар выгнал ненавистных сборщиков налогов, собрал наемников, и вскоре весь Египет был охвачен восстанием. Затем Инар попросил помощи у Афин (460 до н. э.).

Союз с Египтом давал возможность получать зерно, доставка которого не была такой рискованной, как из Южной России через опасный Геллеспонт. Корабли, предназначенные

13 Амиртей II из Саиса был, по-видимому, его внуком.

для ведения войны на Кипре, поэтому были переправлены в Египет для оказания помощи повстанцам. Сатрап Ахеменес погиб в отчаянном сражении в дельте Нила у Папремиса, и его поруганное тело было послано его царственному племяннику. Мемфис был взят без труда — весь, кроме Белой стены, которая оставалась в руках персов и верного им населения (459 до н. э.).

Во время восстания один из евреев в Элефантине счел необходимым вести переговоры о займе. Так как эти евреи не пользовались любовью местного населения, условия были жесткими. Каждый месяц необычно высокий процент должен был вычитаться из жалованья заемщика прямо из казны. Если выплаты не производились бы вовремя, то проценты должны были бы прибавляться к сумме займа. Единственная уступка состояла в том, что квитанцию следовало выписывать на все проценты и на все платежи основной суммы. В знак освобождения Египта были выданы деньги не в царских стоунах, а в единицах Птаха. Занижение стоимости денег — 1 шекель на 10 или замещение обычного количества основного металла, разрешенного в чеканке монет, — было неприятным симптомом нездоровой финансовой основы нового мятежного государства.

Деятельность Эзры в Иудее

К восстанию в Египте добавилось нападение Афин на Финикию. В Иудее анонимный пророк, которого мы называем Малахи, предсказывал приход «дня Бога» и призывал к открытому восстанию. Таким образом, внимание было сфокусировано на острой ситуации в Иудее. Как раз в это время Эзра представил ко двору план реорганизации Иудеи, который очень понравился Артаксерксу.

В официальной иерархии Эзра занимал двойную должность. Он был жрецом, признанным религиозным лидером своего народа — евреев Вавилонии, предком «главы изгнанников» в более поздние времена. Он также был переписчиком закона Бога Небесного, или, как мы могли бы сказать, госсекретарем по делам евреев, ответственным перед царем за свою общину. И хотя он был заинтересован в настоящей колонизации слабого Иерусалима, его главным желанием было дать евреям Палестины еще неизвестный им Закон Моисея (Тору), изложенный в новом своде законов.

Евреи в Вавилонии часто были состоятельными гражданами. В отличие от местных жителей в их лояльности можно было быть уверенным. Некоторые из них занимали невысокие управленческие посты. Персия толерантно относилась к различным национальным религиям, но настаивала на том, чтобы эти культы были хорошо организованы под руководством ответственного лица и чтобы эта религия не маскировала планы восстаний. Глава еврейской общины в Вавилонии должен был применять законы из нового свода, который многозначительно был озаглавлен *data* , как и царский закон. Он должен был быть верным царскому своду законов, которому он был обязан своей властью, как кодексу, который установил процедуру еврейской религии.

Как государственному служащему, Эзре были дарованы необычные привилегии: «Артаксеркс, царь царей, жрецу Эзре, писцу закона Бога Небесного, полный мир. [А теперь к делу:] Я издаю указ о том, что всякий в моем царстве из числа народа Израиля и их жрецов, кто пожелает отправиться с тобой в Иерусалим, может сделать это, так как ты был послан царем и его семью советниками, чтобы узнать все об Иудее и Иерусалиме в соответствии с законом твоего Бога, который у тебя есть, и привезти серебро и золото, которые царь и его советники предложили Богу Израиля, дом которого находится в Иерусалиме, и все золото и серебро, которое ты найдешь в провинции Вавилон, а также свободные подношения людей и жрецов дому своего Бога в Иерусалиме. На эти деньги ты купишь волов, баранов и ягнят (чистокровных, для жертвоприношений), еду и питье для них и принесешь их на алтарь дома твоего Бога в Иерусалиме. А с оставшимся золотом и серебром делай, что сочтешь нужным для себя и своих братьев по вере, согласно предписанию твоего Бога. А также утварь, которую дали тебе для отправления обрядов в доме твоего Бога, передай Богу

Иерусалимскому. И что бы еще ни понадобилось для дома твоего Бога, что ты сочтешь нужным даровать ему, возьми это из царской казны. И я, царь Артаксеркс, издаю указ всем казначеям Заречья: что бы ни попросил у вас Эзра, жрец и переписчик закона Бога Небесного, это следует выполнять со всем тщанием в размере до ста талантов серебра, ста *kors* пшеницы, ста *baths* вина и ста *baths* масла, а соли — бессчетно. Что бы ни приказал Бог Небесный, пусть это будет сделано в точности для дома Бога Небесного, так как зачем навлекать гнев бога на царство царя и его сыновей?

Мы также повелеваем в отношении жрецов, левитов и служителей этого дома Бога: незаконно облагать их денежной данью, натуральным оброком и пошлиной [новые подати, постоянно упоминаемые в современных той эпохе документах из Вавилонии]. Аты, Эзра, согласно мудрости своего Бога [своду законов], что находится в руке твоей, назначай магистратов и судей, чтобы они судили людей в Заречье, то есть всех тех, кто признает законы твоего Бога, и обучай тех, кто не знает их. А кто не будет выполнять законы твоего Бога, равно как и закон царя, пусть падет на него кара, будь то смерть, или изгнание, или конфискация товаров, или тюремное заключение».

Процитировав этот указ на языке оригинала — арамейском, Эзра обращается к священному древнееврейскому языку, чтобы выразить свои чувства: «Благословен будь Владыка, Бог наших отцов, в Иерусалиме, который даровал мне милость царя, его советников и всех могущественных принцев царя». Получив такую поддержку от Бога, он говорит, что собрал старейшин еврейской общины, чтобы они сопровождали его в экспедиции. Они собрались у реки Ахавы, где стояли лагерем три дня. Левитов не было, и представителей следовало вызвать из Касифии (первое упоминание будущей столицы Ктесифона). Был объявлен пост для молений об успехе путешествия. Эзра простодушно объясняет: «Мне было стыдно просить царя дать нам отряд солдат и кавалерии, чтобы охранять нас от врагов в пути, потому что мы сказали царю: «Наш Бог простер руку над всеми, кто ищет Его ради добра, но Его сила и гнев направлены против тех, кто отрекся от Него».

19 апреля 458 г. до н. э. пополнившаяся экспедиция покинула берег Ахавы. Их Бог действительно простер над ними Свою руку и спас их от врагов и разбойников на дороге. Утомительное путешествие закончилось 4 августа, а четыре дня спустя Эзра, подобно заботливому руководителю, каким он и был, передал золото, серебро и утварь в руки местного жреца.

Ко 2 октября Эзра был готов представить новый свод законов. Естественно, он был написан на древнееврейском языке, так как все священные предписания теперь приписывались великому законодателю Моисею. Конечно, большинство слушателей Эзры не совсем поняли их, так как они говорили на арамейском языке, который был тогда в ходу. Так что вместе с первым представлением нового свода законов у палестинских евреев стало заведено делать их перевод на родной язык. «Изначальные» слова Моисея *читали* , безусловно, на священном языке, но перевод делали *устно,* и мы можем быть уверены, что с самого начала была приготовлена письменная копия на арамейском языке в помощь переводчикам, дабы гарантировать точность перевода.

День за днем продолжались чтения и перевод до тех пор, пока задача не была выполнена. Эзра проделал огромную работу, и свод законов Моисея с тех пор был признан официальным. Его влияние невозможно переоценить. Кто бы ни считался автором этого свода законов — к которому на самом деле на протяжении веков приложил руку не один человек, — Эзра справедливо считался вторым основателем иудаизма после самого Моисея. Ему не удалось прекратить деятельность пророков, к которым вновь и вновь возвращались мечты о грядущем независимом национальном царстве, но он указал единственный путь спасения иудаизма — оставить националистические надежды, примириться с правлением чужестранцев, быть верными власти и полностью принять уникальное положение евреев как хранителей нравственного закона Бога. К счастью для мира, последующие поколения в основном следовали его руководящим принципам; реакционное меньшинство, которое время

от времени поднимало вопрос о национальной независимости, только увеличивало несчастья своих соплеменников-евреев.

Огромная работа Эзры — введение закона — была завершена. Оставалось только провести его в жизнь. Из необходимых реформ самой насущной было запрещение смешанных браков, которые на протяжении веков являлись самой опасной угрозой иудаизму.

Со «смешиванием священного семени с дочерьми других народов» можно было бы мириться в общине, в которой мужчин было большинство, но имущим классам было непростительно быть главными нарушителями этого правила. Было издано воззвание, призывающее людей собраться в Иерусалиме; отсутствие наказывалось «пожертвованием» имущества и исключением из религиозного братства. Собрание проходило под дождем 19 декабря 458 г. до н. э., на котором в принципе было принято решение о разводе мужчин с нееврейками; подробное рассмотрение каждого отдельного случая началось 30 декабря и закончилось 27 марта 457 г. до н. э.

Тогда Эзра вернулся в Вавилонию, где, как гласит предание, он умер и где и по сей день можно посетить его предполагаемую могилу. Свод законов был принят, но проблема смешанных браков осталась. Элиашиб, верховный жрец в Иерусалиме, открыто не подчинялся реформе, хотя его сын Иоанн встал на позицию Эзры. Ратуя за принятие браков с чужеземками, оппоненты Эзры могли взывать к историческим разделам самого свода законов. Один из этих оппонентов рассказал историю, красота которой не должна помешать нам увидеть ее намеренно пропагандистскую направленность; в ней есть эпизод, в котором Руфь-моавитянка (моавитяне — родственное евреям семитское племя, обитавшее на восточном берегу Мертвого моря — Моава. — *Пер.*) стала прародительницей великого еврейского царя Давида.

Успехи персов в Египте

Тем временем Артаксеркс сделал ответный ход на действия афинян и послал в Спарту некоего Мегабиза (458 до н. э.). Его деньги были приняты и использованы для нанесения поражения Афинам у города Танагры в Беотии (457 до н. э.) спустя два или три месяца после завершения реформ Эзры, хотя два месяца спустя сражение при Энеофите восстановило авторитет Афин. Успех Эзры в умиротворении Иудеи позволил безопасно перейти границу огромной армии, собранной Артабазом и Мегабизом, назначенным теперь сатрапом Сирии. В 456 г. до н. э. Инар был ранен в серьезном сражении, и афиняне были вытеснены из Мемфиса на большой остров в дельте Нила Просопитис неподалеку от Папремиса. Здесь они попали в блокаду, которая длилась полтора года. Когда в канале, который соединял два рукава Нила, образуя остров, была спущена вода, афиняне сожгли свои корабли. Некоторые из них бежали в Кирену. Оставшимся в живых Мегабиз обещал безопасное возвращение на родину, и они сдались, как сдался Инар, поверивший персидскому слову чести. Элбо, крошечный остров площадью едва в 2,5 квадратных километра, был оставлен как единственный плацдарм, с которого Амиртей мог совершать набеги на болота в дельте Нила. Таннирас, сын Инара, и Павсирис, сын Амиртея, были официально назначены вместо своих отцов и стали второстепенными принцами-вассалами.

Новый сатрап Арсамес прибыл с большими силами, состоявшими из финикийских кораблей и сухопутных войск. Афины выслали на помощь своим эскадру из пятидесяти трирем под командованием Харитимидеса. Не зная о том, что сопротивление афинян сломлено, этот неумелый командующий встал на рейде у Мендесского устья Нила. Арсамес напал на афинян всеми своими объединенными силами, и мало кто избежал смерти. Мегабиз вернулся с победой в Сузы, везя с собой Инара и греческих полководцев. Жестокая королева-мать Аместрис потребовала их казни, но ее зять Мегабиз заметил, что он связан обещанием, и на какое-то время казнь пленников была отложена (454 до н. э.).

Афинская империя

В зените своей славы Афины получили сокрушительный удар. Афиняне были так же подавлены, как и радостны до этого. Благодаря последней победе персов Восточное Средиземноморье снова стало финикийским озером. При одном только слухе о приближении финикийского флота афиняне в приступе страха поспешно увезли казну лиги с беззащитного Делоса в безопасный афинский Акрополь. Это перемещение стало вехой исчезновения последнего показного проявления единства Делийской лиги, состоящей из равных партнеров, а преобразование в Афинскую империю было указано в бесценном помощнике историка — списках податей, которые начали составлять летом 454 г. до н. э.

Афины были слишком истощены, чтобы бороться. Когда они дали конституцию Эритрее, советники должны были поклясться, что они никогда не примут назад тех, кто искал убежища у мидийцев. Милет вернулся к своему союзу с персами. Эвантес проиграл Саламин финикийцу, который на своих монетах чередовал свой родной язык с кипрским диалектом и греческими буквами. Лапетом правил финикиец Сидкимилк. Баалмилк I стал царем Китиона вскоре после окончания этой большой войны. Он изображал на своих монетах обнаженного Мелькарта Тирского с львиной шкурой и луком, а на обратной стороне — сидящего рычащего льва и свое собственное имя. С помощью персов Баалмилк напал на Идалий, но был отбит. Его царь Стасикипр осыпал почестями врача Онасила, сына Онасикипра, и его братьев, которые выхаживали раненых в войнах с мидянами.

Кимон возвратился из своего десятилетнего изгнания в начале 451 г. до н. э. Под его влиянием договор с Аргосом был расторгнут и заключено перемирие со Спартой. Афины становились все более консервативными, и можно было ожидать, что они будут проводить более активную антиперсидскую политику. Артмий, сын Питонакса, был проксеном, официальным другом Афин, приехавшим из Каппадокийской Зелеи. Он был послан в Грецию с достаточной суммой денег, чтобы противодействовать этой тенденции. Разъяренные афиняне проголосовали за то, чтобы считать «бесчестными людьми и врагами афинского народа и его союзников его (Артмия. — *Пер.*) и его семью, потому что он привез золото от мидийцев пелопоннесцам». В Акрополе была установлена бронзовая пластина с выгравированным на ней указом, к ней часто обращались за справкой и цитировали ораторы в следующем веке.

После такой победы консерваторов стало ясно, что в начале 450 г. до н. э. афиняне проголосуют за возобновление войны и командование вооруженными силами будет передано Кимону. Шестьдесят кораблей были посланы Амиртею, который по-прежнему сидел в болотах Египта. Оставшиеся от двухсот трирем корабли пошли с Кимоном на Кипр, где он обнаружил, что остров удерживает Артабаз с тремястами кораблями из Финикии при поддержке киликийских войск Мегабиза. Несмотря на явное численное превосходство противника, Кимон без колебаний напал на него. Марий был захвачен, а Китион осажден, и провианта не хватало; Кимон умер, и осада была снята (449 до н. э.). Гордость афинян успокоилась, когда было отбито нападение одновременно с суши и моря, но экспедиция после этого возвратилась домой, подобрав по дороге эскадру, посланную на помощь Амиртею. После отступления афинян сын Баалмилка Азбаал наконец захватил Идалий. В знак победы Китиона он заменил непокорного льва на монетах своего отца торжествующим финикийским львом, пожирающим греческого оленя.

«Мир Каллиаса»

Теперь, когда Кимон, ярый противник Персии, был устранен, не могло быть серьезных препятствий к выдвижению мирного предложения. Логика тяжелых событий наконец убедила Перикла, что Афины при поддержке Делийской лиги, в которой уже появились признаки центробежных тенденций, не были равны по силам «варварской» империи с ее огромными ресурсами. Обе империи пришли к пониманию того, что пограничные столкновения не имеют большого значения по сравнению с тем бесспорным фактом, что

Спарта с ее Пелопоннесской лигой их общий враг. Чтобы избежать ее вторжения, им обеим было выгодно заключить прочный мир, который должен был свести к минимуму возможность пограничных споров.

В начале 449 г. до н. э. в Сузы было отправлено посольство, возглавляемое Каллиасом. Благодаря, без сомнения, спланированной «случайности» одновременно с ним там появилось посольство с Аргоса, союзника Афин. Аргосцы напомнили Артаксерксу об их былой дружбе с отцом царя и поинтересовались, продолжается ли все еще эта дружба, или он теперь считает их своими врагами. Их уверили: «Конечно, она продолжается! Никакой другой город я не считаю для себя большим другом, чем Аргос!»

Мы можем быть уверенными, что при поддержке аргосцев Каллиас с послами затем заключил с Артаксерксом договор, который с тех пор стал известен грекам как «мир Каллиаса». Обе стороны сделали уступки, чтобы добиться этого шедевра мудрой государственной политики. Сам мир был заключен на основе *status quo ante bellum* (положение, существовавшее до начала войны, — *лат.*). Персия впервые признала потерю греческих городов в Азии, которые были приняты в Афинскую империю, тогда как Афины, в свою очередь, перестали претендовать на «освобождение» тех городов, которые по праву принадлежали Великому царю.

Этот вовсе не подразумевало, что эти греческие города были бессердечно брошены на произвол судьбы. Те, что находились под властью Афин, конечно, имели автономию, которую гарантировала конституция Делийской лиги и которую никогда формально не отказывались признавать; и хотя Афины, естественно, предпочитали, чтобы эта автономия осуществлялась через демократическое правительство на родине, все еще существовали консервативные исключения. Афины поэтому находились в отличном положении, чтобы требовать от Персии разрешить похожую автономию ее греческим вассальным государствам, и, чтобы убедиться в том, что она не будет подвергаться опасности со стороны честолюбивых сатрапов, Артаксеркс добавил еще одно условие: даже набранным в сатрапии рекрутам не позволялось находиться к побережью ближе трехдневного перехода. В Делийской лиге величину «взносов» отдельных входящих в нее государств определяла власть, за которую проголосовали как за «руководство»; и когда лига превратилась в империю, эти «взносы» превратились в «дань», и суммы налогообложения увеличились. Городам, которые оставались под властью Персии, повезло больше. Артаксеркс пообещал, что размер *их* дани останется таким, каким он был установлен два поколения назад после почти забытого Ионического восстания, и теперь эта дань была просто формальной ввиду возросшего благосостояния греческих государств под властью Персии.

Чтобы избежать споров в будущем, договаривающиеся стороны приняли нечто вроде государственного плана создания демилитаризованной зоны вдоль границы двух империй. Недавние раскопки современных той эпохе развалин показывают, как тщательно соблюдался приказ, запрещающий строительство фортификационных сооружений, и как вследствие этого стали процветать города. Регулярные войска не могли перейти на западе реку Халис, в то время как даже рекруты сатрапии — мы это уже видели — должны были находиться на приличном расстоянии от моря. Огромный флот был распущен, и не имело значения, что его действия с тех пор были ограничены акваторией Средиземного моря к востоку от Фаселиса (приморский город Ликии у Памфилийского залива, дорийская колония. — *Пер.*), рекой Нессус, Кианейскими скалами и Каледонскими островами. Мы можем быть уверенными в том, что договор также ограничивал и афинский флот. Что еще более важно, Афины специально отказались от помощи в будущем мятежникам в Египте или Ливии.

Дипломатия в Египте и Заречье

Защищенный этим договором, Артаксеркс взялся за решение проблемы Египта. В 449–448 гг. до н. э. было приказано доставить камни для строительства из Хаммаматских каменоломен. Арсамес был призван к царскому двору и вернулся, везя с собой Инара и

пленных греческих полководцев. Царица-мать Аместрис постоянно требовала их казни, но в течение пяти лет Артаксеркс противостоял ее настойчивости. Потом Инара посадили на кол, а пятьдесят греков были обезглавлены. На цилиндрической печати Артаксеркса изображена сцена убийства мятежника в двойной египетской короне, а связанные веревкой греки ожидают наказания. Позднее Таннирасу были дарованы владения его отца.

Данное им слово было нарушено из-за интриг царицы-матери, и Мегабиз возвратился в свою сатрапию Заречье и поднял восстание. Его сыновья Зопир и Артифий отважно помогали своему отцу, но против него был послан египтянин Усирис с огромной армией. Двое командующих сразились в поединке, в котором Усирис вогнал копье в бедро своего противника, но и сам был ранен в бедро и плечо. Оба упали с коней, но Мегабиз защитил своего врага и приказал пощадить его. Взявший в плен и пленник стали такими добрыми друзьями, что, когда царь обратился с просьбой вернуть своего полководца, Усирис был ему возвращен.

Второе войско было послано под командованием Меностана, сына Артария, брата царя и сатрапа Вавилона. Меностану повезло даже еще меньше, так как в неизбежном поединке он один был ранен выстрелом в плечо и голову и едва спасся бегством вместе со своей армией. Так как честь Мегабиза была удовлетворена двумя громкими победами, Артарий счел, что настало время предложить вновь стать лояльными царю; Мегабиз заявил, что он готов, но лишь при условии, что он останется в своей сатрапии. Царица Аместрис и всемогущий фаворит двадцатилетний евнух из Пафлагонии Артоксар присоединили и свои просьбы об этом. По ее предложению сам Артарий, жена сатрапа Амитис, Артоксар и сын Усириса Петисис нагрянули к Мегабизу, который после долгих уговоров и многих обещаний явился к царю и был конечно же прощен. Но трагикомедия на этом не закончилась.

Деятельность Неемии

Все усилия Эзры не убедили фанатичное меньшинство в том, что соблюдение недавно введенного закона — адекватная замена национальной независимости. Возбужденные успешным неповиновением царской власти Мегабиза, горячие головы восстановили стены Иерусалима, готовясь еще к одной попытке восстания. Иудея находилась под прямым управлением Самарии, ее правитель Рехум через своего секретаря Шимшая послал предупреждение царю. Сначала они в приветствии напомнили Артаксерксу о том, что жители Заречья — лояльные бывшие вавилоняне и эламиты, депортированные из Урука, Вавилона и Суз ассирийским царем Ашшурбанипалом, которые по его приказу поселились в Самарии и других городах этой провинции. Затем они перешли к делу: «Да будет известно царю, что евреи, которые пришли от тебя [сподвижники Эзры], прибыли в Иерусалим, мятежный и грешный город. Они отстраивают его и восстанавливают стены. Пусть царь поймет, что, если город будет отстроен заново, а стены завершены, они не будут платить ни денежную дань, ни налоги натурой, ни пошлину и в конце концов это принесет вред царям. Раз мы едим дворцовую соль и не можем смотреть, как грабят царя, мы поэтому посылаем гонца и сообщаем обо всем царю, чтобы он провел поиск в книге записей своих отцов; так царь обнаружит в книге записей, что это город бунтовщиков, приносящий вред царям и провинциям, и что они там бунтовали с давних времен, и по этой причине город был разорен. Если этот город будет отстроен заново, а стены закончены, то у царя не будет Заречья».

Артаксеркс ответил: «Письмо, которое ты послал нам, было мне переведено. По моему приказу был произведен розыск. Было установлено, что этот город с древних времен был зачинщиком восстаний против царей и что эти бунты и мятежи планировались в нем. Могущественные цари, которые правили Заречьем, бывали в Иерусалиме, и им жители города платили денежную дань, налог натурой и пошлину. Сейчас распорядись остановить этих людей, и пусть они не восстанавливают город, пока я не издам указ. Не будь нерадив, чтобы цари не понесли убытки». По получении царского приказа строительство в городе

было остановлено.

Евреи не были лишены друзей из числа местного населения. С помощью персидского чиновника по имени Митридат некий Табиил получил из местного архива копии двух писем, которые были приведены выше, а вместе с ними копии более ранних предписаний Кира и Дария. Таким образом он доказал, что город был заново заселен, а храм восстановлен по приказу основателя империи и его великим преемником. Он также доказал, что вопрос о правах евреев уже поднимался и был решен Дарием в пользу евреев на основании более раннего указа Кира. Эти документы, написанные священными буквами древнееврейского языка, были переписаны более новыми арамейскими буквами (все еще мало используемыми в Иудее) и приложены к официальному прошению Артаксерксу. Само прошение было написано на арамейском — официальном языке царской канцелярии.

Так как Рехум контролировал официальную почту, письмо можно было доставить в Сузы только частным образом. Делегацию по его доставке возглавил Ханани, сын Хакалии, брата Неемии, виночерпия Артаксеркса, влияние которого должно было оказаться решающим. Делегация прибыла в интервале между 17 декабря 446 и 14 января 445 г. до н. э. У Неемии, вероятно, имелись подозрения относительно того, что замышляют его соотечественники, так как он немедленно потребовал вестей о Иерусалиме и тамошних евреях, потомков и тех, кто избежал депортации Навуходоносора, и тех, кто недавно вернулся из изгнания. К своему ужасу, он узнал, что изгнанники в провинции пребывают в ужасной печали: стена Иерусалима была разрушена, а его ворота сожжены!

Очевидно, царя не было в городе, так как услуги Неемии не потребовались до новогоднего праздника, 13 апреля 445 г. до н. э. В течение трех месяцев можно было рыдать и причитать, поститься и молиться. В его мемуарах сохранились сами слова молитвы, и они также показывают нам, что Неемия пользовался молитвой только как прелюдией к действию, и нас не удивляет, что его молитва заканчивается надеждой на то, что его бог будет благоденствовать и дарует ему благоволение со стороны его владыки.

По его положению царского виночерпия, которому было позволено прислуживать женщинам из царской семьи, мы можем заключить, что Неемия был евнухом. Несмотря на известную простоту речи, в его воспоминаниях во многом чувствуется хитрость евнуха. На первый взгляд было очевидно, что письмо Табиила не годится, так как оно недвусмысленно требовало отмены царского указа, что было неслыханным при дворе. Требовались более тайные средства. Страшась и трепеща (ведь его план был опасным), он со скорбным лицом появился перед царем на празднике. Артаксеркс участливо поинтересовался у своего фаворита причиной этого. «Да будет царь жить вечно», — был учтивый ответ. Затем, собравшись с духом, Неемия продолжил: «Почему моему лицу не выражать грусть, когда город, где находятся могилы моих предков, опустошен, а его ворота пожрал огонь?»

«Что ты просишь?» — резко спросил царь.

Исполнившись еще большим страхом, Неемия прошептал поспешную молитву Богу Небесному и ответил: «Если царь соблаговолит оказать милость своему рабу, пусть он пошлет меня в Иудею, в город, где находятся могилы моих предков, чтобы я мог строить его».

Неемия получил ответ на свою молитву, потому что он тщательно планировал линию своего поведения. К этому времени вино, которым столь щедро потчевал виночерпий своего хозяина, вероятно, проявило свое действие. А также рядом с мужем сидела царица — без сомнения, по предварительной договоренности. К счастью, подвыпивший царь не сообразил, что родной город Неемии в Иудее — это Иерусалим, стены которого он приказал разрушить. Он задал лишь один вопрос: как долго хочет отсутствовать его фаворит? Время было обговорено, и разрешение дано. Неемия не тратил время зря: «Не соблаговолит ли царь дать мне письма к правителям Заречья, чтобы они позволили мне пересечь их территорию и попасть в Иудею, а также письмо к Асафу, смотрителю царского райского уголка, чтобы он дал мне древесину на балки для ворот крепости, принадлежащей храму [на месте, где позднее появится башня Антония], для городской стены и дома, в котором я буду жить».

Сформулированная таким образом, просьба выглядела достаточно безобидной, и разрешение было дано.

С отъездом нечего было тянуть. Вера Неемии не была такой, как у Эзры, и он предпочел, чтобы его сопровождала царская конница. Так как Мегабиз уехал из Сирии, чтобы помириться с царем, Неемия без труда добрался до новых правителей Заречья, которым он вручил царское разрешение. Двое из них — харранит Санбаллат, его непосредственный правитель в Самарии, и Тобия, такой же правитель в Амоне, — сразу проявили враждебность. «Их огорчило то, — пишет Неемия, — что прибыл какой-то человек, добивающийся благополучия детей Израиля». Возможно, они утверждали, что причины, приведенные Рехумом, были обоснованны, но капитуляция восставшего сатрапа лишила этот аргумент прямой силы, и приказу царя должно было повиноваться. Возможно, они между собой шептались, что их предупреждение, сделанное из верноподданнических соображений, осталось без внимания из-за гаремных интриг, но им ничего не оставалось, как прибегнуть к политике создания препятствий. К противникам Неемии вскоре прибавился араб Гашм, сын Сахара, с которым мы уже познакомились в качестве правителя Дедана. Угроза возрожденного Иерусалима была реальной опасностью для торговли его подданных с побережьем; по этой же причине жители морского порта Ашдода негодовали на антиеврейскую оппозицию.

В самом Иерусалиме мнения в отношении выполнимости предложенного восстановления города разделились. Верховный жрец Элиашиб все же встал во главе этого проекта, и Неемия приводит внушительный перечень влиятельных евреев, которые последовали его примеру. Однако многие видные горожане держали Тобия в курсе того, что происходит в городе. Пророки, разумеется, были полны воодушевления, так как они приняли деятельность Неемии за прелюдию к восстанию. Некоторые уже провозглашали: «Царь в Иудее». Другие — и среди них прорицательница Ноадия и пророк Шемайя, которые убеждали его укреплять храм на случай осады, — призывали Неемию быть осторожным с чиновниками. Но у бывшего виночерпия не было иллюзий относительно возможности восстания, он с гневом заявил, что так называемые приготовления к мятежу — бесстыдные выдумки Санбаллата. Что касается предложения спрятаться в храме, он ответил: «Станет ли такой человек, как я, убегать и входить в храм, чтобы спасти свою жизнь?» Он заявил, что узнал, что Санбаллат и Тобия дали взятку Шемайе. Когда правитель пригласил его на встречу, Неемия резко ответил, что он слишком занят. Он также открыто говорил, что боится нападения, организованного Санбаллатом, так что его рабочие имели при себе оружие при выполнении работ. К 2 октября 445 г. до н. э. строительство стены было закончено, а ворота были на своем месте. Было проведено церемониальное шествие для освящения стены, и огромная задача Неемии была выполнена.

Восстановительные работы заняли пятьдесят два дня. Очевидно, стены не были столь сильно разрушены, как мы могли подумать, и ремонтные работы производились с величайшей спешкой. Никто не обращал внимания на красоту или даже качество. Воодушевление и забавно-наивная самооценка в мемуарах Неемии не могут скрыть от нас тот факт, что Санбаллат и его коллеги имели достаточно серьезных доказательств для судебного преследования. Но стены были построены, и у евреев теперь было надежное убежище. Несмотря на то что ремонтные работы велись в спешке, Неемия сохранил изначальный план города до времен вавилонского пленения; и так все и было без существенных изменений до тех пор, пока не прошло несколько лет после смерти Иисуса. И еще одним мы обязаны ему — подробным описанием топографии города; с его помощью мы лучше представляем Священный город таким, каким он был во времена Иисуса.

«Отец истории» в Афинах

В тот же год (445 до н. э.) в Афинах появился Геродот. Его изначальное «Кругосветное путешествие» превратилось в полную историю великой войны, в которой европейские греки

успешно сражались с персидскими захватчиками. После его путешествия по Персидской империи он посетил поля сражений в Европе и наконец добрался до Афин, которые стремительно превращались в центр просвещения, так как азиатские города пребывали в упадке под чужеземной афинской или персидской властью. Его рассказ о том, как Афины почти без посторонней помощи сумели отразить нашествие могучих орд Дария и Ксеркса, встретил самый радушный прием, так как, несмотря на неофициальный мир, о котором договорился Каллиас, Персию и Афины снова сносило к войне. Геродот публично прочитал свою историю в 445 г. до н. э. и получил за нее награду.

Глава 23
ВОСТОЧНЫЕ СКАЗКИ И НЕБЫЛИЦЫ

Путешествия Геродота

Геродот — «Отец истории». Его родной город Галикарнасс был наполовину карийским; среди представителей знати карийские имена были широко распространены, и было бы странно, если бы в нем самом не текло хоть несколько капель карийской крови. Безусловно, он симпатизировал народам Анатолии. Вместе со своим дядей, поэтом Паниасисом, он был изгнан тираном Лигдамисом и нашел убежище на Самосе. И хотя Лигдамис был признан Афинами, Геродот позднее способствовал его выдворению. Воспользовавшись своим статусом подданного Персии, он путешествовал по всей империи, содержа себя, очевидно, за счет торговли. Наконец он решил написать «Кругосветное путешествие» — лучше, чем у Гекатея (Гекатей Милетский (546–480 до н. э.) — греческий географ и историк. — *Пер.*).

Гекатей приезжал в Египет, эту страну древних знаний, которая столь многому научила ионийских философов, и Геродот последовал по этому же пути. По-видимому, он добрался туда, когда афинское войско пришло на помощь мятежному Инару (459–456 до н. э.); он был готов восторгаться. Ни в одной стране, как он пишет, нет такого большого количества чудесных достопримечательностей. Его опорным пунктом был, конечно, Навкратис, древнегреческая колония в дельте Нила; ваза, подписанная его именем, сохранилась до наших дней и свидетельствует о его посещении. Он везде вел расспросы, от Саиса на побережье до Элефантина ниже первого порога на Ниле. Когда, например, жрецы Мемфиса рассказали ему интересную историю, он отправился в Гелиополь и Фивы, чтобы проверить их рассказ.

Египет, по его словам, — это дар Нила. Он знает, как образовалась дельта; доказательством является его знаменитая черная земля и морские раковины вдоль скал Нила, хотя он приписывает их образование историческим временам. Никто не мог объяснить причину подъема воды на Ниле, который каждый год превращает Египет в море. Только чиновник-регистратор священных сокровищ Афины (Нейт) в Саисе утверждал, что описал исток Нила. Он заявил, что между Сиеной и Элефантином находились бездонные источники, из которых одна река текла в Египет, а другая — в Эфиопию. Геродот не был вполне уверен, что этот человек не шутит, но, если бы он посмотрел более внимательно, когда был в Фивах, он обнаружил бы изображение этого самого источника бога речного порога.

Он тщательно отмечал необычную одежду, пищу, обычаи и религию, столь часто являвшиеся полной противоположностью греческим реалиям. Он осматривал диковинных животных, вроде бегемота и крокодила, а также феникса, хотя бы только на картинках. Врачи, которые специализировались в какой-то области, были для него в новинку. Религия особенно интересовал а его. Он посетил все доступные храмы и увидел все церемонии, открытые для публики. Он видел скандаливших лодочников и лодочниц в Бубастисе, Праздник огней в Саисе и храмовые бои в Папремисе. Естественно, он приравнял египетских богов к греческим, но Исида, Гор и Осирис были такими диковинными, что он оставил им их

настоящие имена. Он сообщает нам, что тайны мистерий он разглашать не будет, создавая ничем не подтвержденное впечатление, что он стал одним из посвященных. Он узнал об оракулах, гаданиях и гороскопах. Во всех ужасных подробностях он описывает процесс мумификации как животных, так и людей и вынос мумии на празднике.

Столкнувшись нос к носу с ошеломляющими фактами далекого прошлого, Геродот уже не мог хвастаться превосходством грека над варваром. К его удивлению, он обнаружил, что египтяне называли всех чужеземцев, которые не умели говорить на их языке, «варварами», и он не мог возразить! Его проводники нашли в нем жадного, всему верящего слушателя. Следует бояться, что печально известное чувство юмора египтян не соответствовало их происхождению.

Они доказали Геродоту, что Египет был колыбелью цивилизации. Египтяне первыми назвали двенадцать богов, которые были позаимствованы у них греками. Благодаря звездам они первыми обнаружили существование солнечного года, поделенного на двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом, и добавили еще пять дней к году, чтобы смена времен года происходила упорядоченно. Геродот признает, что это лучше греческого обычая прибавлять полный месяц через год. К удовлетворению своего гостя, египтяне доказали, что они первыми установили у себя алтари, идолов, построили храмы и поставили скульптуры. Религиозные церемонии, праздники, мистерии, вера в бессмертие — все это зародилось в Египте. В довершение всего жрецы в Фивах повторили для своего скромного ученика урок, который получил хвастливый Гекатей, и показали ему триста сорок пять деревянных статуй своих прямых предков.

Теперь Геродот был готов принять правду об истории Египта в изложении жрецов Гелиополя. Сначала Египтом правили боги, последний из которых был Гор, сын Осириса, который сверг свирепого Тифона. Мен, первый царь из числа людей, отвел русло Нила, чтобы основать Мемфис с его храмом Гефеста (Птаха). Из папирусного свитка, похожего на дошедший до наших дней Туринский папирус, жрецы затем прочитали список из трехсот пятидесяти царей, которые не оставили после себя никаких памятников, кроме последнего, который выкопал искусственное озеро Мерис и воздвиг пирамиды.

Сенусерт завоевал всю Азию, а также Скифию и Фракию и оставил памятники в Палестине и Ионии, которые Геродот благочестиво посетил. Некоторые из его воинов образовали поселения в Колхиде, и об этом помнили как жители Колхиды, так и египтяне. По возвращении Сенусерт отправил пленников на рытье каналов, и с тех пор никому не разрешалось пользоваться лошадью или колесницей. Он также разделил страну на равные части и с них собирал арендную плату, в результате развилась геометрия. Рядом не оказалось вавилонян, чтобы оспорить эти нелепые утверждения, но Геродот настоял, по крайней мере, что солнечные часы — гномон и деление суток на двадцать четыре часа пришли из Вавилонии.

Он спросил насчет Троянской войны, и ответ был наготове. Протей, внук Сенусерта, выгнал Париса, когда тот прибыл в Египет с украденной Еленой, но удержал у себя красавицу. Поэтому троянцы сказали правду, когда сообщили вторгшимся грекам, что не держат Елену в плену. И когда город был взят, Елена не была найдена, так что Менелай отплыл в Египет и там получил обратно свою жену. Еврипид подробно изложил эту историю в своей пьесе «Елена».

Во времена Рампсинита (Рамсеса) произошла история с находчивым вором. Милостивое правление и процветание сменились угнетением, когда Хеопс заставил своих подданных строить одну огромную пирамиду, а Хефрен — вторую. Строитель третьей пирамины Микерин был более добр. Затем в Египет из Эфиопии вторгся Сабакон (Шабака). Сет (Сети) был доставлен от царя арабов и ассирийцев Синахериба мышами, которые пожрали тетивы у луков агрессоров.

Каким бы необычным хронологическим смешением правды и лжи ни был этот рассказ, он задал стиль будущим греческим историкам, пишущим о Востоке. Особенно выраженным было его влияние на различные более поздние попытки соотнести греческие и восточные

легенды. Друг Геродота Софокл процитировал историка почти буквально, утверждая, что мужчины и женщины в Египте выполняли совершенно разную работу, которая распределялась не так, как было принято у греков. Он также знал и о египетских мумиях.

Потом Геродот отплыл в Тир, где восхищался храмом Геракла (Баалмелкарта) с его «изумрудными» колоннами из стекла. Он узнал, что финикийцы изобрели алфавит, и услышал о странном ритуале обрезания, распространенном у некоторых народов Палестины и Сирии. Вавилония не произвела на него такого сильного впечатления, хотя в Вавилоне он посетил внушительные развалины храма Бела и услышал рассказ о золотом идоле Бела, который увез Ксеркс. Он слушал рассказы об известных царицах Семирамиде и Нитокрис. Религиозная проституция в честь Милитты (прозвище Иштар) сильно потрясла его, и его глаза увидели ужасный упадок когда-то богатой страны под бременем тяжелых налогов.

Геродот — передатчик восточных сказок

Геродот, «Отец истории», был также большим рассказчиком древности. Современные и древние критики слишком часто не обращали внимания на его часто повторяющуюся фразу «Так они говорят, но я им не верю». Они утверждают, что его «болтливость», которая для его читателей является самым замечательным качеством, уменьшает доверие к нему как историку. Год за годом новые открытия со времен Древнего Востока доказали, что ошибались критики, а не историк. Более того, Геродот знал то, что его последователи узнавали медленно, — один хороший рассказ о некоем человеке, хотя он и не существовал в реальной жизни, может лучше раскрыть для нас чужую психологию, чем большая коллекция скучных рутинных фактов.

Если за недавние годы произошло какое-то осознание этого важного принципа, то по-прежнему никак не находит признание то, что в этих «недостоверных» рассказах мы имеем доказательство самых выдающихся фактов во всемирной литературной истории. Легендарная история Греции содержит много рассказов с Востока. Поэты и драматурги последовали этому примеру. Как единое целое, это скорее *истории о Востоке* , рассказанные жителями Западной Европы, нежели настоящие восточные легенды. Именно Геродот первым предлагает читателю множество подлинных восточных историй и тем самым играет главную роль в передаче восточных легенд и небылиц на Запад и, в конечном счете, нам.

До персидского завоевания ионийские греки входили в Лидийскую империю, и анатолийские истории становились знакомыми. Несомненно, истории о Крезе, которые мы знаем лучше всего, не относятся к этому циклу, они являются хорошо известной выдумкой греков для доказательства того, что восточные деспоты всегда злые и глупые. Но рассказ о том, как царь Гигес оказался вынужденным основать новую династию, никогда не мог быть выдуман греком. Гнев жены Кандавла, когда она узнала, что ее муж показал ее нагой своему фавориту, ее требование, чтобы ни один мужчина, который увидел ее голой, не был оставлен в живых, точно соответствуют восточному восприятию неприличного обнажения.

Из анатолийского цикла мрачных историй происходит рассказ о смерти сына Креза Атиса. Получив предупреждение во сне о том, что Атису суждено быть убитым железным копьем, царь принял все меры предосторожности. В конце концов Атис уговорил своего отца позволить ему поохотиться на кабана с мисийского Олимпа. По несчастливой случайности он был убит своим лучшим другом Адрастом, сыном фригийского царя Гордия, которого Крез принял как беженца, и тот сам ритуально очистился от вины братоубийства. Лидийский царь не стал винить Адраста, он признал наконец, что человек не может избежать предначертанной ему судьбы, как учат боги.

Другой цикл рассказов был иранским. Хорошим примером является история о Диокесе, который в реальной жизни был мелким деревенским старшиной, взятым в плен и увезенным в Сирию ассирийским царем Саргоном. Однако, согласно местной легенде, он был очень мудрым человеком, который в течение некоторого времени вершил суд среди жителей соседних деревень. Когда они привыкли уже принимать его решения, он отказался от этой

деятельности на том основании, что он тратит свое время безо всякого вознаграждения. Естественно, они сделали его царем Мидии, чтобы сохранить его как судью, после чего он стал жить уединенно во дворце, который он построил в Экбатане, и стал недоступен. Вторая типичная история — это рассказ о Мандане, матери Кира, которой приснилось, что из ее чрева выросла виноградная лоза, которая затенила всю Азию. Сон Кира, который он увидел непосредственно перед своей смертью от рук массагетской царицы и в котором он увидел Дария с крыльями за плечами — одно затеняло Азию, а другое Европу, — это самое древнее указание нам на веру в «царскую славу, внушающую благоговение», что для последующих иранских царей обычно предвещало: человек, на которого она снизошла, вскоре станет царем. Другая история объяснила неожиданное восшествие Дария на трон; в ней говорится о хитром способе, благодаря которому его конюх Эбар заставил своего жеребца заржать первым.

В вавилонских историях рассказывается о царицах Семирамиде и Нитокрис; о первой много писали более поздние авторы. Другой всемирно известный деспот, любивший роскошь, по имени Сарданапал впервые появляется в повествовании Геродота; он ассириец по происхождению, так как Сарданапал в своем лице объединяет двух ассирийских царей Ашшурназирапала (885–860 до н. э.) и Ашшурбанипала (669–633 до н. э.)

Подлинный египетский фольклор сохранился в рассказе о ловком воре, которому удалось жениться на дочери царя Рампсинита; спустя двадцать три с половиной века далеко в пустыне можно было услышать современный вариант этой истории из уст неграмотного и глупого погонщика верблюдов, дом которого находился на границе с Египтом. Геродот рассказывает нам, что от жрецов Гефеста в Мемфисе он узнал, как царю Псамметиху стало известно, каким был самый древний язык: он отдал двоих детей в семью пастуха, предоставив им учиться говорить безо всякого обучения; и язык оказался фригийский! Также, вероятно, от жрецов он услышал более типичную историю. Когда Египет был поделен между двенадцатью царями — это были мелкие местные правители до Сансской династии, — оракул объявил, что тот, кто выльет вино из бронзового кубка в храме Гефеста, станет царем всего Египта. В последний день праздника совершавший богослужение жрец выдал только одиннадцать золотых кубков, и Псамметих должен был использовать свой бронзовый шлем. Одиннадцать царей признали, что пророчество невольно сбылось, но тем не менее изгнали его в болота. На свой вопрос оракулу Лето в Буто Псамметих получил ответ, что первое пророчество исполнится, когда он увидит людей в бронзе, выходящих из моря. Приплыли одетые в бронзовые доспехи ионийцы и карийцы с целью грабежа; они были взяты в его армию в качестве наемников, и с их помощью Псамметих сделался правителем всего Египта, основателем Саисской династии. В рассказах местного населения отражен тот же самый период как время беспорядков. Не самым последним достоинством Геродота является эта передача восточных легенд на Запад.

Мудрость Ахикара

Приблизительно в это время в поселении наемников в Элефантине распространялась история, которой было суждено пользоваться даже еще большей популярностью. Она основана на надежной фактической основе. В 698 г. до н. э. некий Ахикар был вторым по значимости чиновником в ассирийском городе Бархалзе и чиновником в городе Битсинибни, который упоминается в одном письме. Без сомнения, он является прообразом легендарного Ахикара, «мудреца и писца», слова которого в арамейском варианте очень ценились этими еврейскими колонистами. Он был советником всей Ассирии и хранителем печати царя Синахериба, который полагался на его советы. Синахериб умер, и его преемником стал его сын Эсархаддон. У Ахикара не было сыновей, и поэтому он взял сына своей сестры Надина и воспитал из него своего преемника. И действительно, писец Надин появляется в деловом документе, датированном 671 г. до н. э.; он также пишет письма Эсархаддону и Ашшурбанипалу. Надин стал мудрецом, и к нему была проявлена великая милость. Перед

царем и его придворными он сидел в воротах дворца с Ахикаром. Ахикар велел Надину приблизиться к царю и научил его, как надо отвечать на царские вопросы. Эсархаддон полюбил его и сказал: «Да здравствует Ахикар!» Услышав это, Ахикар почтительно поклонился; так как он был стар, он попросил, чтобы Надин стал его преемником.

Но Надин сказал царю: «Этот старик настроил страну против тебя», и Эсархаддон исполнился гнева. Он призвал Набусумискуна, одного из военачальников своего отца, который ел его хлеб; он тоже хорошо известен как «соправитель» Синахериба и автор нескольких писем к царю. Эсархаддон приказал Набусумискуну найти Ахикара и убить его. Набусумискун вскочил на своего резвого коня и обнаружил Ахикара, гуляющего в винограднике. При виде его чиновник разорвал на себе одежду с горестными стенаниями.

Ахикар признал, что испугался, но напомнил Набусумискуну, как тот сам спасся от незаслуженной смерти, когда Синахериб разгневался и захотел убить его; тогда Ахикар спрятал беглеца в своем собственном доме, объявив, что преступник убит. Прошло много дней, и он привел Набусумискуна к Синахерибу и рассеял перед царем все его прегрешения; и царь не причинил ему зла, а даже был доволен, потому что тот остался жив. Теперь очередь Набусумискуна сделать то же самое для него. Царь Эсархаддон милостив; более, чем кто-либо другой, он будет помнить Ахикара и нуждаться в его советах. Пусть вместо него будет убит раб-евнух; потом Эсархаддон вспомнит об Ахикаре и захочет получить его совет; он будет печалиться и скажет своим придворным и вождям: «Я дам вам столько богатства, сколько песка в пустыне, если вы найдете Ахикара».

На этом месте повествование папируса обрывается, но из более поздних версий мы узнаем, что все случилось так, как предсказывал Ахикар. Эсархаддон выразил желание выслушать совет Ахикара. Набусумискун привел якобы умерщвленного мудреца, который рассказал, как было дело. Надин был опозорен и отдан своему дяде, чтобы тот наказал его. Наказание для нечестного Надина было суровым: каждый день он должен был слушать нескончаемые изречения своего дяди.

Эти изречения менялись с каждым разом до тех пор, пока «Мудрость Ахикара» не стала сборником самых лучших произведений мировой литературы на арамейском, сирийском, арабском, армянском и эфиопском языках. Его цитирует Демокрит, им пользуется Эзоп, ему подражает современное издание Тобита (одно из побиблейских произведений еврейской литературы, не вошедшее в еврейский канон. — *Пер.*), Новый Завет полон его мудрыми высказываниями, и Иисус из Назарета снизошел до того, чтобы воспользоваться им.

В Элефантинском папирусе сохранилась только небольшая часть изречений, и нет сомнения в том, что гораздо большее их число из «оригинала» можно обнаружить в других произведениях. Но те, что содержатся в этом папирусе, по крайней мере, должны по большей части быть переводами еще более древней вавилонской мудрости, так как если рассказ ассирийский, то таковыми должны быть и изречения:

«Что крепче, чем вино, пенящееся под прессом? Сын, которого воспитывают и учат и на ноги которого надеты кандалы, будет благоденствовать. Не воздерживайся от битья своего сына, если не можешь удержать его от дурных поступков. Если я ударю тебя, сын мой, ты не умрешь, а если я позволю тебе делать то, что тебе вздумается, ты не будешь жить. Удар для раба, нагоняй служанке, а для всех твоих рабов — дисциплина.

От страха передо львом осел бросил свою поклажу и не хочет нести ее. Ему будет стыдно перед своим сородичем, и на него нагрузят не его поклажу, а груз верблюда.

Две вещи достойны одобрения, а третья — удовольствие Шамашу: человек, который пьет вино и дает его другим; человек, который слышит слово и никому не раскрывает его.

Даже для богов мудрость драгоценна. Ей навеки принадлежит царство; на небесах она ценится высоко, так как Господь в Его Святости превозносит ее.

Что касается твоих уст, будь осторожен, пусть они не навлекут на тебя гибель. Более всего следи за своим языком и относительно всего, что ты услышал, закали свое сердце, ведь слово как птица: вылетит — не поймаешь. Считай тайны своих уст, потом дай совет своему

брату о помощи, так как сильнее засады уст засада боя.

Не замалчивай царского слова, пусть оно будет лекарством твоему брату. Мягка речь царя, но острее и сильнее его слова, чем обоюдоострый нож. Узри, перед тобой что-то твердое; в присутствии царя не мешкай, его гнев быстрее молнии, проявляй осмотрительность. Пусть твои слова не вызывают его гнев. Если царь тебе что-то приказал, это пылающий огонь; поспеши сделать это. Не надевай на себя власяницу и прячь руки, так как слово царя идет с гневом из сердца.

Ежевика сказала Гранату: «Что толку от твоих многочисленных колючек тому, кто касается твоих плодов?» Гранат ответил: «А ты сама вся сплошная колючка для того, кто дотронется до тебя». Праведный среди людей; все, кто встречают его, оказывают ему помощь. Дом злого человека в бурю будет разрушен, а в минуты затишья его ворота будут сломаны, ведь они — трофей праведников.

Мои глаза, которыми я смотрю на тебя, и мое сердце, которое я отдал тебе, полны мудрости, которую ты презрел. Если злой человек схватит тебя за полу одежды, оставь ее в его руке. Затем приблизься к Шамашу; он возьмет свою и отдаст ее тебе.

Кто-то сказал дикому ослу: «Дай мне прокатиться на тебе, и я покормлю тебя». Осел ответил: «Оставь себе свою еду и свое седло, я не буду катать тебя». Не позволяй камушку, попавшему в твой башмак, причинить тебе рану; пусть богач не говорит: «Я славен своим богатством».

Не показывай арабу море или сидонцу — пустыню, потому что они занимаются разным делом. Тот, кто давит виноград и делает вино, и должен пробовать его, а тот, кто разливает его в бутылки, должен охранять его.

У тебя, сын мой, есть голова на плечах и пшеница, которую ты можешь есть и кормить ею своих детей. Не бери в долг у плохого человека, а если берешь, не давай покоя своей душе, пока не выплатишь его. Заем хорош, когда в нем есть нужда, но его выплачивать — все равно что наполнять дом.

Все, что ты слышишь, ты можешь испытать своими ушами, так как красота человека есть его верность, а его мерзость есть ложь, слетающая с его губ. Сначала лжец сидит на троне, но в конце концов его ложь обрушится на него же, и люди будут плевать ему в лицо. Лжец подобен южной девушке, которая скрывает свое лицо, или человеку, который бранится.

Не презирай свой жребий и не скрывай что-то большое, которое утаено от тебя. Не увеличивай богатства и не распаляй свое сердце. Тот, кто не гордится именем своих отца и матери, — да не будет солнце светить на него, потому что он дурной человек.

Сын моей плоти выследил мой дом, и что я скажу чужестранцам? Против меня злосвидетельствовали, и кто оправдал меня? Из моего собственного дома вышел гнев, с кем буду я бороться и трудиться? Не открывай своих секретов друзьям, чтобы они не ценили тебя низко.

С тем, кто стоит выше тебя, не теряй самообладания в ссоре. Не соперничай с тем, кто сильнее и благороднее тебя по происхождению, так как он возьмет твое и присоединит это к своему. Смотри! Тот человек мал, который соперничает с большим. Не будь слишком лукав, и пусть не гаснет твоя мудрость. Не будь сладким, чтобы тебя не проглотили, не будь горьким, чтобы тебя не выплюнули. Если ты, мой сын, возвысишься, смирись перед Богом, который смиряет высоко взлетевших и возвышает униженных.

Человек с хорошим характером и добрым сердцем подобен сильному луку, который согнут сильным человеком. Если человек в плохих отношениях с богами, как тогда его спасет его собственная сила?»

Глава 24
НАУКА БЕЗ БОГОСЛОВИЯ

Противодействие новой науке в Афинах

Новая наука с Востока получила в Афинах более подходящий прием, чем тот, который этот город вскоре оказал ионийской чародейке Таргелии и ее сестре-куртизанке. Вавилонские солнечные часы с двенадцатичасовым днем были удобными и даже консервативными; Спарта позволила Анаксимену (греческий философ (585–525 до н. э.). — *Пер.*) установить одни такие в своей столице. В это же время его ученик Анаксагор выехал из Клазомен (родина Анаксагора, один из 12 ионийских городов на побережье Малой Азии. — *Пер.*), чтобы посетить Афины, которые поднимались к славе под властью Перикла.

Там Анаксагор учил, что Разум привел в порядок то, что до этого пребывало в хаосе, и что Вселенная состоит из крошечных однородных частиц. Когда, однако, он обратился к небесным телам, заявляя, что звезды движутся во вращающемся куполе, в котором небесный полюс изначально находился прямо над головой, и начал пытаться объяснить Млечный Путь, кометы и метеоры вместе с метеорологией, ветрами, громом и молнией, он вступил на более опасную почву. Затем он объявил, что Луна получает свет от Солнца и на ней есть горы, овраги и даже жилые дома, а Солнце представляет собой массу раскаленного металла, которая по величине больше Пелопоннеса. Это было слишком для суеверных афинян. В то самое время, когда Геродота приветствовали в Афинах и вручали народный дар, Анаксагор был вызван в суд, на котором его должны были судить за безбожие при преподавании астрономии и проперсидские настроения, и он бежал, чтобы спасти свою жизнь.

Исправление вавилонского календаря

В то время как Афины объявили само изучение астрономии незаконным, Восток продолжал улучшать свои научные результаты. В области практической редакции календаря Вавилония со времен «эры Набунасира» (747 до н. э.) пользовалась преимуществом девятнадцатилетнего цикла. Сначала ее ученые были удовлетворены грубым чередованием «пустых» и «полных» месяцев по 29 и 30 дней соответственно и скорректировали свой календарь по отношению к «солнечному году», добавляя 7 дополнительных месяцев в течение этого цикла. Неоднократные опыты показали (самое позднее к 443 г. до н. э.), что самым практичным способом распределить эти семь дополнительных месяцев было вставить шесть из них в конце третьего, шестого, восьмого, одиннадцатого, четырнадцатого и девятнадцатого годов цикла в качестве второго аддару, который начинался с новолуния в марте и заканчивался также в апреле.

Только в ходе семнадцатого года традиционный второй улулу (шестой месяц вавилонского календаря. — *Пер.*), начинавшийся с новолуния в сентябре, разбивал год на две равные части.

Начиная с Третьей династии египтяне уже знали, что в году 365 дней. Еще в годы Первой династии астрономы, по-видимому, начали сверять свой год с гелиакическими восходами Сириуса, который «открывает лунный год». К этому времени они были уверены в том, что к году следует добавлять несколько часов и минут, чтобы длина солнечного года соответствовала действительности. Также к этому времени они уже подсчитали, что этот временной отрезок составляет одну треть дня. И хотя на практике девятнадцатилетний цикл был неудобен, он явно давал более точные результаты.

Расчеты Набуриманни были такими точными, что у нас нет причин ожидать какого-то значительного продвижения вперед на протяжении жизни одного-двух поколений. На самом деле существуют несколько астрономических текстов, которые, по-видимому, относятся к непосредственно следующему периоду. Один из них, датированный благодаря современным вычислениям 425 г. до н. э., является простым примером использования системы Набуриманни на практике. Это совершенно современный «календарь», содержащий заранее вычисленные даты, которые представлены в форме таблицы.

Горизонтальные линии делят каждый месяц. Эти линии пересечены вертикальными

линиями, которые образуют две колонки. Левая колонка показывает длину предыдущего месяца — 29 или 30 дней — и тем самым фиксирует появление следующей новой луны. Затем мы узнаем день полнолуния — это или четырнадцатый, или пятнадцатый день, а потом указан день последнего появления в небе старой луны. Колонка справа указывает день, когда пять планет и Сириус «сияют» в гелиакическом восходе или «входят» в подземный мир в момент своего последнего заката в конце своего периода обращения.

Каждое из этих вычислений правильно до дня, что является доказательством того, что даже в те древние времена вавилонские астрономы обладали точными таблицами периодов обращения планет. Таким же точным является вычисление дня осеннего равноденствия — 27 сентября. Однако летнее солнцестояние, выпадавшее на 29 июня, опаздывает на один день. Солнечное затмение 23 октября нельзя было увидеть в Вавилоне, потому что оно произошло после заката солнца; астроном знал это, но ради полноты картины он включил его в таблицу, хотя и не побеспокоился повторить свои вычисления. С другой стороны, лунное затмение было полным, и его можно было увидеть в Вавилоне. Согласно современным подсчетам, оно началось в 18 часов 36 минут (время вавилонское), в то время как по вавилонским данным оно имело место лишь на четыре минуты раньше!

Даже убедившись в точности этих вычислений восхода и захода планет в этом обычном «календаре», мы не готовы к более совершенному учебнику, который представляет нам короткие и длинные «световые дни», периоды обращения планет-богов. Период луны составляет 684 года — относительно несложное вычисление. У Юпитера длинный период составляет 344 года; на самом деле Юпитер делает 29 обращений плюс 4° 33 ' за 344 года, тогда как 344 обращениям Солнца не хватает 19'. Это удивительно хорошие показатели, хотя двенадцатилетний период лучше, а восьмидесятитрехлетний еще более точный; его короткий период составляет 63 месяца 10 дней. Различные периоды приписываются Венере: 7 дней, 14 дней, около 21 дня, 63 месяца и 20 дней, тогда как благодаря более тщательным вычислениям огромный период достигает 6400 лет. Марсу приписывается короткий период, равный 65 месяцам, и длинный, равный 284 годам. Наш астроном понимал непостоянство этой планеты, но его большой период более точен, чем обычный, равный 79 месяцам, так как если мы вычтем 2 дня из 284 юлианских лет, то Солнце будет делать 284 оборота плюс 11 ', а Марс — 141 оборот плюс 1°22′. Чтобы получить большой период Сатурна, наш астроном умножил на десять пятидесятидевятилетний период, затем вычел лишние 1°13′; его очевидная ошибка — 38' — не может дискредитировать древних ученых, так как современные астрономы подсчитали, что под влиянием возмущений Юпитера в течение 930 лет период планеты может отклоняться от своего среднего значения на 49' 10" в плюс или минус.

Афины заново устанавливают связь с астрономией Египта

Ионийское восстание, его продолжение в Греко-персидских войнах и ответные нападения Делийской лиги нарушили связь со странами, находившимися под властью Персии. Поддержка Афин мятежного Египта открыла снова дорогу к Нилу. Вскоре после 459 г. до н. э. пифагореец Энопид с Хиоса, молодой современник Анаксагора, был среди тех, кто посетил Египет. Ему довелось своими глазами увидеть разлив Нила, и на основе этого полученного знания он развил необычную теорию относительно его причины. Он также учился там у геометров и решал определенные задачи, которые, по его мнению, оказались бы полезными для астрономии. Анаксимандр впервые привлек внимание греков к тому необычному факту, что эклиптика имеет угол наклона. Энопид провел демонстрацию, хотя его предположение, что Млечный Путь представляет собой сгоревшие остатки прежней орбиты солнца, так и не было принято.

Календарная реформа Энопида

Однако Энопид был более известен своей реформой календаря. Он безоговорочно принял календарь своего учителя, такой прекрасный и логический. Его пребывание у египтян заставило его осознать, что их астрономы ошибаются. Согласно египетским астрономическим канонам, год состоял не из 364,5 дня, а из 365 и одной трети. Как верный пифагореец, Энопид столкнулся с необходимостью доказать, что вера его сподвижников находится в полном согласии с самыми последними достижениями науки.

Основание нового священного цикла было логической схемой числа 59. Это прекрасное число можно было сохранить, если бы Энопид принял настоящую длину года как 365 и 22/59 дня — этот «довесок» был почти точно равен одной трети дня, то есть 8 часам и 57 минутам. Таким образом был спасен пятидесятидевятилетний цикл, хотя и за счет еще более красивой комбинации 9 × 9 × 9 (месяцев), что давало 729; число месяцев в цикле тогда становилось 730, каждый из них увеличивался до 59 и 44/730 суток, а общее количество дней и ночей составляло 43,114.

Этот компромисс не имел успеха. Ученые не обратили внимания на попытку реабилитировать пифагорейский «большой год», хотя философы вроде Платона, возможно, еще питали к нему уважение. В измененной форме о нем могли забыть даже быстрее, если бы Энопид в 456 г. до н. э. не изобразил свой «большой год» на бронзовой табличке и не представил ее на обозрение тех греков, которые умели читать, когда те собрались со всех уголков Земли, чтобы своими глазами увидеть гораздо более волнующие Олимпийские игры.

Демокрит из Абдеры

Те же самые причины, которые открыли Египет Энопиду, открыли его также и более великому ученому Демокриту из Абдеры, которому после долгих лет странствий было суждено оказаться в более цивилизованных странах Леванта (общее название стран Восточного Средиземноморья. — *Пер.*). Позднее он подытожил свои путешествия в «Кругосветном плавании по океану». Подобно другим, эта книга утрачена, но мы можем проследить маршрут его путешествий по названиям его трактатов (список которых сохранился); то, что Демокрит узнал во время своих путешествий, составило основу многих его публикаций.

«Фригийский трактат» доказывает знание внутренних областей Малой Азии. Пять лет научных занятий (возможно, после 459 г. до н. э.) с египетскими жрецами, которые были геометрами и астрономами, оставили свой след в виде ряда математических и астрономических исследований. Трактат «О жителях Мероэ», тогдашней столицы Эфиопии, показал его интерес если не к поездке, то просто к этой далекой стране в верховьях Нила.

На протяжении нескольких лет после так называемого трактата «Мир Каллиаса» (449 до н. э.) житель Абдеры, подданный Афинской империи, имел возможность свободно путешествовать по империи соперников-персов. Демокрит воспользовался этой возможностью и из Египта отправился в Вавилонию. К этому времени изначально слово, обозначавшее представителя этнической группы «халдей», получило значение «мудрый человек», а в этом веке — особенное значение «астроном». Поэтому Демокрит подвел итоги своих исследований в «Халдейском трактате». Другой научный труд был озаглавлен «О священной письменности вавилонян»; этим он имел в виду, разумеется, не египетские «иероглифы», а вавилонскую клинопись.

Способен ли был Демокрит на самом деле читать глиняные таблички в оригинале? Мог ли он разобрать числа и несколько идеограмм формального характера, необходимые для того, чтобы понять таблицы, которые выдающиеся современные ученые посчитали всем, что было нужно, или он положился на переводы?

Такие вопросы уносят нас далеко за границы истории науки. Демокрит увидел на стеле — что в данном случае должно означать клинописную табличку — высказывания мудрого Ахикара. Среди знаменитых нравоучительных изречений, приписываемых и Ахикару, и Демокриту, можно привести следующие: «Собачий хвост дает собаке пищу, ее челюсть —

камни. Не позволяй своему соседу наступать тебе на ногу, чтобы завтра он не наступил тебе на шею. Не будь слишком медоточив, чтобы тебя не проглотили; не будь слишком язвительным, чтобы тебя не выплюнули. Лучше споткнуться ногой, чем запнуться языком. Свинья отправилась купаться вместе с господином; когда она вышла, то увидела грязную лужу и извалялась в ней». Были ли эти не слишком трудные для понимания мудрые высказывания прочитаны в оригинальной клинописи? Или он был знаком с переводом на арамейский язык, сделанным евреями из Элефантина? Или все, что он знал, он почерпнул из каких-нибудь поговорок Ахикара, включенных в басни фригийского раба Эзопа? В конце концов, мы задаем вопрос: следует ли сохранившиеся цитаты отнести к «Фригийскому трактату»?

Из Вавилонии Демокрит отправился в Персию, где он узнал о религиозных обрядах достаточно, чтобы написать научный труд Mageia. Там он также расспрашивал об Индии (некоторые даже говорили, что он побывал там, хотя это совершенно невероятно), но в отличие от Ктесия полвека спустя Демокрита не обманули невероятные истории, которые ему рассказывали.

Демокрит первый известный греческий ученый, который лично посетил Вавилонию. Насколько велик был научный багаж, привезенный им назад, можно узнать из сохранившихся фрагментов его трудов и из списка его произведений, рассмотренных в свете современной ему научной клинописной литературы. Мы не можем ожидать, что найдем следы влияния Вавилона на его этические, философские или музыкальные труды. Когда мы видим, что несколько научных трудов под заглавием «Физика» начинаются с «Великого Diacosmus» его учителя Левкиппа, мы там больше ничего не будем искать.

Группа научных трудов, озаглавленная «Математика», кажется многообещающей. Если бы нам было известно содержание частей, озаглавленных «Геометрия», «Арифметика», «О геометрии», «О неделимых величинах и телах» и «О касательных к окружностям и сферам», мы могли бы определить вклад в науку египтян и вавилонян. С уверенностью мы можем утверждать лишь то, что он первым сформулировал грекам теорему о том, что объем конуса равен одной трети объема цилиндра с такими же основанием и высотой, что это правило также справедливо и для призм, и объявил, что знает, как соотносятся размеры двух близко расположенных друг к другу горизонтальных сечений конуса.

Его научные труды по астрономии, напротив, можно объяснить лишь терминами вавилонских табличек. Он начал с тетралогии («Уранография», «География», «Пология» и «Актинография»), включающей описания небес, Земли, полюсов и световых лучей или метеорологии. В первом трактате он описал звездное небо, постоянные звезды в своих созвездиях и несколько самых ярких звезд с названиями. Вавилонские астрономы уже поделили вогнутую небесную сферу на три концентрических полосы — «Путь Ану», бога неба, которая располагалась над полюсом, где двигались по орбите «звезды, которые видят полюс и никогда не заходят»; «Путь Энлиля», бога атмосферы, — эту полосу греки назвали эклиптикой, а еще позже — зодиаком; и «Путь Эа», бога глубины небесного океана. Вместе с «Уранографией», которую мы можем почти полностью восстановить благодаря Витрувию (римский инженер, архитектор, теоретик архитектуры I в. до н. э. — *Пер.*), шел ряд «планисфер», на которых были изображены, подражая вавилонским названиям, фигуры людей и животных, обозначавшие созвездия.

Естественно, Демокрит начинает свое описание с «Пути Ану»:

«Созвездие Колесницы закатилось, за ней Возничий. Недалеко от них Дева, на правом плече которой находится очень яркая звезда Протругетес; еще более яркая звезда — Спика. Напротив располагается другая звезда — Арктур — между коленями Возничего. Напротив ног Близнецов на концах рогов Тельца стоит Колесница. Точно так же на кончике левого рога Возничий держит у своих ног Козлят. Капра находится на его левом плече. Над Тельцом и Овном — Персей; его правая нога поддерживает Плеяд, а слева от него находится голова Овна. Его правая рука покоится на Кассиопее, а правой он держит голову Медузы над Тельцом и кладет ее к ногам Андромеды.

Рыба находится за Андромедой на уровне ее живота и спины Пегаса, брюхо которого срывает очень яркую звезду с головы Андромеды. Правая рука Андромеды лежит на Кассиопее, а левая — на Рыбе. Водолей расположен над головой Пегаса. Копыта Пегаса касаются коленей Водолея. Кассиопея помещена между ними. Высоко над Козерогом — Орел и Дельфин. По соседству с ними созвездие Стрелы. Рядом с ним Лебедь, правое крыло которого касается правой руки и скипетра Цефея, а левое покоится на Кассиопее. Под хвостом птицы скрыты ноги Пегаса.

Еще выше находятся Стрелец, Скорпион и Весы; Змея касается Короны кончиком своего языка. Посредине Змеелов крепко держит в руках Змею, левой ногой наступив на голову Скорпиона. Сбоку от головы Змеелова, недалеко, находится голова Геркулеса. Их макушки легко узнать, потому что их выделяют очень заметные звезды.

Ступня Геркулеса упирается в висок Скорпиона, в кольце клешней которого поймана Колесница. Среди них плавает Дельфин. Напротив клюва Лебедя размещена Лира. Между плечами Возничего и Геркулеса помещена Корона».

Демокрит пропутешествовал по небу от небесного Полюса до «Пути Энлиля» и теперь возвращается к «Пути Ану».

«В северном поясе находятся Колесница и Малая Медведица, они располагаются друг другу в затылок. Говорят, что между их концами находилась самая высокая точка (на небесной сфере). Здесь Змея растянулась во всю длину, и с нее светит звезда, которую называют Полярной, на верхушку Колесницы, а то, что находится рядом с Драконом (иное и изначальное название Змеи), опутывает его голову. Вокруг верхней части Малой Медведицы брошены складки, которые доходят до низа. Они также перекручены и изгибаются назад от верхушки Малой Медведицы к Колеснице. К тому же над Малой Медведицей находятся ноги Цефея, и там в наивысшей точке есть звезды, которые образуют равносторонний Треугольник над Овном. Однако многие звезды, входящие в Малую Колесницу и Кассиопею, перемешаны».

Описав положения созвездий между эклиптикой и Колесницей (мы бы сказали — Северного полушария неба, но он пишет «справа от востока»), Демокрит обращается к тем, что находятся «слева от востока к югу».

«Под Козерогом распростерлась Южная Рыба, обращенная к хвосту Кита. Над ним до Стрельца место свободно. Жертвенник находится под жалом Скорпиона. Передняя часть Кентавра соседствует с Весами и Скорпионом, в руках он держит Зверя. Дева, Лев и Рак опоясаны Гидрой, которая протянула свои извивающиеся щупальца через череду звезд; в районе созвездия Рака она поднимает свой клюв, напротив Льва она поддерживает Чашу, а ближе к руке Девы она поднимает свой хвост, который попал в созвездие Ворона. Звезды, расположенные над ее плечом, все одинаково яркие.

В нижней части ее брюха под хвостом находится Кентавр. Рядом с созвездием Чаши и Львом плывет корабль Арго, нос которого скрыт, но мачта и то, что расположено вокруг руля, выступают и хорошо видны. Судно с его кормой примыкает к кончику Малой Медведицы (в тексте дословно «к кончику хвоста собаки», потому что Собачий Хвост — название Малой Медведицы у многих народов древности. — *Пер.*). За Близнецами следует Малый Пес напротив головы Гидры, так как Большой следует за Малым. Орион растянулся, придавленный копытом Тельца; в своей левой руке он сжимает это копыто, а в правой у него поднятая палица, направленная на Близнецов.

У его ног сидит Пес, следуя на небольшом расстоянии от Зайца. Под Овном и Рыбами вытянулся Кит, от которого тянется тонкая смесь звезд, образующих так называемые Полосы, протянувшиеся к Рыбам; на большом расстоянии извивающаяся масса змей касается макушки Кита. Река течет, беря начало из Источника, расположенного у левой ступни Ориона. Вода, вылитая Водолеем, течет между головой Южной Рыбы и хвостом Кита».

В этом случае Демокрит отошел от вавилонского деления на пояса и сам поделил небо на Северное и Южное полушария. Видимо, ему и следует приписать приложение. Он уже описал те созвездия, восходы и заходы которых греки могли наблюдать собственными

глазами. Они были поделены на две группы, расположенные и изображенные в виде звездных фигур справа и слева от эклиптики, к югу и к северу от нее. Затем они были поделены на Северное и Южное полушария, что подразумевает наличие Северного и Южного полюсов. Подобно тому, как созвездие Колесницы вращается вокруг Северного полюса, не заходит и не уходит под землю (чтобы сойти в преисподнюю на какое-то время года, как объяснили бы вавилоняне), так и вокруг гипотетического Южного полюса должны вращаться другие созвездия. Но по причине наклона земной оси они всегда должны оставаться скрытыми от нас и ни сиять над горизонтом, ни подниматься над землей. Причиной этому то, что Земля мешает нам наблюдать их. Доказательством тому, что эта гипотеза верна, является тот факт, что Канопус (ярчайшая звезда в южном созвездии Киля. — *Пер.*), совершенно неизвестная грекам звезда в их широтах, ярко сияет над дельтой Нила в Египте, как это своими глазами мог видеть Демокрит; ее свет становится еще тем ярче, чем дальше на юг, как сообщали купцы.

Эта брошюра, явно полностью переводная, была просто руководством к изображениям, помещенным в «Планисферах». Если мы хотим знать, как они выглядели в изначальной вавилонской форме, нам нужно только изучить таблички эпохи Селевкидов, вроде той, которая изображает «Деву, стоящую перед лицом Меркурия» — довольно дородную даму с колосьями в руках, стоящую перед звездным символом бога. У нас нет таких данных для «Географии» и «Актинографии». «Причины» могли быть с точки зрения грека «небесными», «атмосферными» или «земными», но вавилонский принцип, состоящий в том, что метеорология и география — неотъемлемые части астрономии, был выражен даже более ясно. Преемники Демокрита, Эвктемон и Эвдокс, писали в основном о метеорологии; идеи последнего до сих пор сохраняются в стихотворении, написанном Аратом. Мы уже обнаружили, что в главной части поэмы, где дано описание небес, Арат в стихах изложил теорию Эвдокса, взяв за первичный источник Демокрита, и это же, очевидно, справедливо и в отношении метеорологического приложения.

Большее из того, что мы точно знаем о содержании его трактата «Полография», собрано по крупицам из вышеуказанного перевода. В других местах мы узнаем о том, что небесная сфера вращается вокруг земли на «петлях» ее оси. Северный полюс находится на огромном расстоянии от Земли на самой верхушке этой сферы за звездами созвездия Колесницы. Гипотетический Южный полюс находится под Землей в южных регионах. Мы также узнаем о гномоне, по тени которого определяются времена года. Это расщепленная палка, которую изначально использовали в качестве грубого теодолита для определения ориентации зданий с севера на юг, а позднее для получения угла возвышения звезд. Еще позднее термин *ziqpu* , буквально означающий «шест» в противоположность «балке», стал названием той теоретически существующей точки на небе, которая тогда находилась вблизи альфы Дракона, вокруг которой, как было обнаружено, вращалась небесная система.

«Споры о водяных часах», вероятно, имели отношение к различным способам подсчета времени с помощью клепсидры. В Египте количество воды *измеряли* по подъему или спаду уровней, помеченных с внутренней стороны, тогда как в Вавилонии количество вылившейся воды *взвешивали* в шекелях, при этом талант представлял целый день, состоявший из 12 сдвоенных часов. Это привело к вопросу об измерении времени. Научный труд под названием «Большой год», или проще «Астрономия», описан как *парапегма* — такая таблица, вроде бронзовой таблички, установленной Энопидом в Олимпии. Ее более поздний образец, по счастью сохранившийся до наших дней, показывает, что, подобно нашим собственным календарям, она также предсказывала движения Солнца, Луны и других планет, а также погоду. Похожий «календарь» в клинописной форме был составлен уже давно для 425 г. до н. э. Последний автор, который сообщает эти данные, неправильно их понял, но не может быть сомнений в том, что Демокрит первым ввел у греков девятнадцатилетний цикл.

Чтобы проверить этот цикл для себя, Демокриту нужно было понять движение Солнца, Луны и других планет во временном отношении. Эта информация была представлена в более

передовом учебнике «О планетах». Перед описанием созвездий, которое, как мы уже видели, приписывается именно Демокриту, Витрувий рассказывает о том, как Солнце, двигаясь через эти созвездия, увеличивает или сокращает месяц за месяцем длину дней и часов.

«Когда оно входит в Овен и странствует по восьмой части, оно приносит весеннее равноденствие. Когда оно движется к хвосту Тельца и созвездию Плеяд, из которого выступает передняя часть Тельца, пространство, через которое оно проходит, больше половины небесной сферы, когда оно направляется на север. Когда после Тельца Солнце входит в Близнецов во время восхода Плеяд, оно поднимается выше над Землей и увеличивает долготу дня. Затем от Близнецов оно попадает в Рака, который занимает на небе самое маленькое пространство [это доказывает, что он говорит о созвездиях, а не о знаках зодиака, расположенных на равных расстояниях друг от друга]. Когда оно входит в восьмую часть, оно завершает период летнего солнцестояния. Перемещаясь дальше, оно проходит через голову и грудь Льва, и эти секторы затем приписывают Раку. А выходя из груди Льва за пределы Рака, Солнце, двигаясь через оставшиеся части Льва, уменьшает длину дня и свою орбиту и возвращается на тот же курс (к темпу движения), который был при движении через Близнецов. Затем, переходя от Льва к Деве и перемещаясь к подолу ее платья, оно сокращает свой цикл, и этот отрезок его пути уравнивается с тем отрезком, который падает на Тельца. Двигаясь от Девы через подол ее платья, который занимает переднюю часть Весов, в восьмой части Весов оно завершает осеннее равноденствие. Эта часть его пути равна той части, которую оно совершило в созвездии Овна.

Однако когда Солнце входит в Скорпиона на закате Плеяд, то, двигаясь на юг, оно уменьшает длину дней. Из Скорпиона оно входит в Стрельца в районе его бедер и делает свой дневной путь короче. Когда оно начинает свой путь от бедер Стрельца, той части, которую приписывают Козерогу, в восьмой части оно проходит через самый короткий отрезок неба. Переходя от Козерога к Водолею, Солнце увеличивает длину дня. От Водолея оно входит в Рыбы в направлении, в котором дует западный ветер, и завершает путь, равный пути в Скорпионе. Таким образом, Солнце, странствуя по всем созвездиям, в определенное время увеличивает или уменьшает длину дней и часов».

Здесь нет ничего, что не было известно вавилонским астрономам того времени, и поэтому мы с полным основанием можем считать, что Витрувий и это тоже взял у Демокрита.

Научный труд «Причины небесных явлений» не имеет отношения к явлениям в нашем понимании этого слова. Мы должны перевести буквально: «сияние планет», то есть их гелиакические восходы. Из этого или другого трактата под названием «О планетах», вероятно, был взят последний параграф Витрувия, который, как мы можем предположить, был переведен из Демокрита.

Исключив определенные параграфы, в которых выражена, без сомнения, более поздняя мысль, мы читаем о первом из двенадцати созвездий, изображенных на пересекаемом Солнцем круге в середине небесной сферы и наклоненных к югу, — нашей эклиптике. Шесть из этих созвездий всегда находятся над Землей. В то время как созвездия постоянно вращаются с востока на запад, планеты Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн, каждая со своей орбитой, «странствуют» в противоположном направлении по небесной сфере — с запада на восток.

В заключение даны определения периодов, «больших лет» семи планет. Луна, сделав круг по небу, возвращается в созвездие, из которого начала свой путь, через 28 дней плюс около часа и тем самым завершает лунный месяц. Солнце проходит через каждое созвездие в течение месяца, и, когда оно возвращается в то созвездие, откуда оно стартовало, оно завершает год. Из этого становится очевидным, что Луна проходит по своей орбите 13 раз за 12 месяцев, тогда как Солнце только один раз за 12 месяцев.

Планеты Меркурий и Венера, описывая круги вокруг солнечных лучей, в своем движении возвращаются назад и приостанавливаются. Также из-за своих орбит они задерживаются в апогеях (на точках пересечения орбит) в районах созвездий.

Это особенно видно в случае с Венерой, так как когда она, следуя за Солнцем, сияет на небе после его захода, то ее свет в этот момент самый яркий, и ее называют «вечерней» звездой. В другое время она движется перед Солнцем и, восходя раньше рассвета, получает прозвище «приносящая зарю». По этой причине они иногда задерживаются на несколько дней в созвездиях (вавилоняне называли это «местом стоянки» планеты); в другое время эти планеты быстрее входят в другое созвездие. Поэтому они не бывают равное количество дней в отдельных созвездиях, теперь они ускоренно наверстывают то время, на которое они до этого задержались.

Планета Меркурий так быстро проносится по своей орбите на небесной сфере, что, проходя через секторы созвездий, на 360-й день она прибывает в то созвездие, из которого на своем предыдущем цикле она начала путь по своей орбите, и ее путь в среднем составляет 30 дней в каждом созвездии.

Венера проходит некоторые созвездия за 30 дней. В некоторых созвездиях она задерживается на 40 дней, когда делает остановку (в точке пересечения орбит); в значительной степени она наверстывает то время, которое потеряла во время задержек. Поэтому она завершает полный круг по небесной сфере снова на 485-й день в том созвездии, с которого начала свое движение.

Почти таким же языком нам сообщают о том, что период обращения Марса составляет 683 дня, Юпитера — 11 лет и 313 дней, Сатурна — 29 лет и около 160 дней. Те планеты, которые проходят по своей орбите над орбитой Солнца, особенно когда они находятся в Треугольнике, в который оно вошло, не движутся вперед, а возвращаются и задерживаются до тех пор, пока Солнце не перейдет в другое созвездие.

Юпитер, проходя по орбите между Марсом и Сатурном, следует по пути более длинному, чем Марс, и более короткому, чем Сатурн. По мере удаления от самой верхней точки небесной сферы другие планеты имеют орбиту ближе к Земле. По-видимому, они движутся быстрее, потому что каждая из них, проходя по меньшей орбите, чаще проходит под и над ней.

Все, о чем мы прочли, можно найти в трудах Набуриманни и его непосредственных преемников. И тогда нет причин отрицать, что слова Демокрита были похожи на эти. От Демокрита эти знания перешли к Эвктемону, Метону и Евдоксу, от которого они, в свою очередь, перешли к авторам, труды которых сохранились, — Арату, Гемину, Цицерону, Витрувию, Плинию и многим другим в последующие эпохи. Поэтому, когда у этих более поздних авторов мы находим данные, которые совпадают с данными в учебнике Набуриманни и его учеников и упускают еще более продвинутые исследования Эллинистической эпохи, у нас есть полное право приписывать их в изначальной форме Демокриту, первому греческому ученому, который передал своим соотечественникам открытия вавилонян.

В своем труде «Большой диакосмос» Левкипп разработал принципы атомной теории; его еще более великий ученик развил и исправил ее. «Человек — это то, что мы все знаем, — утверждал Демокрит. — Только атомы и вакуум существуют в реальности. Они образуют основу не только животных, но и всех сложных веществ». Атомы представлены в виде тел — твердых, неделимых, неизменных и неуязвимых. Не ограниченные размером и числом, их переносит через всю Вселенную вихрь, вакуум неопределенного объема, у которого нет ни верха, ни дна, ни середины, ни центра, ни окружности. Движение этих атомов таково, что они сталкиваются и таким образом связываются между собой; из этого процесса возникает все, что существует на свете. У этого процесса нет начала, так как он длится вечно.

Таким образом возникли огонь, вода, воздух и земля, которые поэтому следует считать сложными соединениями, а не изначальными элементами. Ничто не может начать существование из того, чего нет, и оно не может стать ничем — это первое утверждение современного закона сохранения энергии. Нет предела числу возможных миров, которые возникают, а затем исчезают. Солнце, луна, душа, которую Демокрит отождествлял с разумом, представляют собой не что иное, как соединение атомов. Необходимость — лишь

другое название созидающего вихря, а практическим концом изысканий философа является просто покой.

Никто другой, кроме греческого философа, не мог бы разработать теорию столь красивую и убедительную. Ни один греческий философ, следует поспешно добавить, не мог бы разработать такую теорию без предварительной работы вавилонян, которые предоставили теоретику не только прочную базу качественных знаний, но и большую часть необходимой терминологии. Грек и житель Востока сначала работали вместе на земле Вавилонии, результатом такого сотрудничества стала теория, которая в основном и по сей день принимается современными учеными.

Демокрита приветствовали на Востоке как соученика, и сокровища знаний Вавилона были для него открыты. На родине он завоевал себе выдающуюся репутацию, которая сохранится за ним в будущих поколениях. В красноречивой надгробной речи (439 до н. э.) Перикл выразил свою обоснованную гордость историей Афин, когда они в одиночку остановили персидского захватчика, ее демократией, империей, экономическим процветанием, литературой и искусством, венцом которого стал бессмертный Парфенон. Он хвастался тем, что Афины — это школа Эллады, так как этот город открыт миру и в нем чужестранцам предоставляются все возможности учиться; Демокрит услышал о приглашении и решил посетить новую школу. Он обнаружил, что предубеждение против науки еще сильно. На самом деле Перикл, очевидно, считал, что самим Афинам нечему учиться. Вот слова Демокрита: «Я приехал в Афины, а там меня никто не знал!»

Афинские астрономы более позднего периода

И все же следующим крупным астрономом, который, подобно Демокриту, объединил метеорологию и географию в своей астрономии, был афинянин по имени Эвктемон. Он провел свои собственные наблюдения за изменением положений планет и сделал вычисления длины времен года. Но Афины были такой бесплодной почвой для ученого, что в 436 г. до н. э. Эвктемон уехал из Афин и поселился в Амфиполе (древний город около устья реки Стримон близ побережья Эгейского моря, центр торговых путей. — *Пер.*).

Конечно, таблицы из альманаха Демокрита были совершенно неизвестны в Афинах. Фаэйн первым привлек внимание Метона (древнегреческий астроном, математик и инженер. — *Пер.*) к достоинствам девятнадцатилетнего цикла. Эвктемон предоставил в распоряжение своего соотечественника свои собственные вычисления, касавшиеся чередования планет и длины времен года; и именно благодаря последним, очевидно, Метон начал свой год с летнего солнцестояния, а не весной, как в Вавилонии. Он также начал не с семнадцатого цикла девятнадцатилетней системы — двадцать второго года правления Артаксеркса I (22 апреля 443 г. до н. э.), — а с летнего солнцестояния двенадцатого года, которое, по наблюдениям Метона, произведенным с помощью солнечных часов, имело место в тринадцатый афинский месяц скирофорион во время пребывания у власти архонта Апсевда 28 июня 432 г. до н. э. Цикл Метона состоял из 235 месяцев — 110 «пустых», или по 29 дней в каждом, и 125 «полных» — по 30 дней в месяце. Длительность одного года, равная 365 и 5/19 дня, была получена путем деления; остаток слегка больше, чем четверть дня, если быть точными, то 0,2632 дня. Это приблизительное значение лучше, чем то, которое узнал Энопид от своих египетских учителей, но оно все же на 30 минут 11 секунд больше реального; оно несравнимо с вычислениями Набуриманни, который в 492 г. до н. э. ошибся лишь на 6 минут 2 секунды.

Метон так и не дождался, чтобы его календарем стали пользоваться. В комедии «Тучи» (423 до н. э.) и в легком диалоге в «Птицах» (414 до н. э.) хитроумный, но ограниченный Аристофан подшучивал над Метоном. В следующем году Метона также высмеял Фриних в своем произведении «Отшельник». Такое отношение было широко распространено среди афинян, и их календарь не был реформирован.

Глава 25
РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

Возобновление войны персов с афинянами

Льстивый прием, оказанный Геродоту в Афинах, был публичным свидетельством того, что к 445 г. до н. э. Перикл снова стал склоняться к антиперсидской политике. В тот же год он заключил тридцатилетний мир со Спартой, по которому он уступил земельные владения Афин в обмен на защиту своего тыла. Подготовившись таким образом к возобновлению войны с Персией, он мог снова пуститься в египетскую авантюру, приняв в подарок золото и 45 тысяч бушелей зерна от ливийского мятежника Псамметиха. Еще более провокационным было образование областей, платящих дань Афинам, среди оставшихся городов, которые остались им верными, располагаясь вдоль границ бывших персидских сатрапий — Карии, Ионии, Геллеспонта и островов, — так как это было ясным указанием на то, что Перикл намеревается стоять на своем. Персия ответила на эту угрозу отделением Ликии.

Ссора между островом Самос, на котором все еще существовала авторитарная власть, и демократическим Милетом привела к поражению последнего. Милет воззвал к Афинам, и Перикл в конце 441 г. до н. э. провел военную операцию и переустроил остров, установив на нем демократию. Свергнутые олигархи в свою очередь обратились к Писсутнесу, сыну Гистаспа, сатрапа Сардов; с помощью семисот наемников, которых он позволил им нанять, остров был отбит, а афинский гарнизон передан сатрапу. Однако Перикл вернул себе Самос весной 439 г. до н. э., когда обещанная финикийцами морская помощь так и не пришла. Мир был открыто нарушен, и к концу 440 г. до н. э. Персия отвоевала себе Гаргару, Сцепсис, Себрен, Западную Зелею и Астак. Затем были захвачены все внутренние области Карии, а также такая часть побережья, что в списке данников из 440 наименований два года спустя вместо сорока девяти городов стало на двенадцать меньше, а Карийская область была объединена с Ионийской.

Перикл сделал попытку реабилитировать себя на Черном море. Амис был колонизирован как второй Пирей. Тиран Тимесилей был изгнан из Синопа, который также стал колонией (438 до н. э.). Гарнизон был размещен в Астаке, чтобы защищать греков от Дедалса, первого известного нам полунезависимого царя Вифинии (435 до н. э.).

Мегабиз

В интересной и иногда полной опасностей жизни Мегабиза произошел поворот, когда на охоте он спас Артаксеркса от напавшего на него льва. Далекий от выражения благодарности, царь помнил лишь о том, что ни один его подданный под угрозой смерти не может убить животное раньше своего господина. Был отдан приказ обезглавить нарушителя этого закона, но женщины снова пришли к нему на помощь, и приговор был заменен на ссылку в Кирту на побережье Персидского залива. Артоксар был изгнан в Армению за то, что осмелился защищать Мегабиза; Зопир последовал примеру своего отца и поднял восстание против царя. В 441 г. до н. э. Зопир посетил Афины, где, вероятно, и встретился с Геродотом, которому мог рассказать некоторые персидские легенды и передать официальные документы, которыми историк украсил страницы своего произведения. Его хорошо приняли в Афинах в память об усилиях его отца по спасению афинян, взятых в плен при капитуляции Египта. При поддержке афинской армии — хотя это означало открытые военные действия — Зопир напал на Кавн (город в Карии, в настоящее время его руины сохранились в Анталии. — *Пер.*). Интересно, что жители города высказывались за то, чтобы сдаться, хотя и не хотели принимать его союзников-афинян. Зопир отверг их условия и начал штурм города. Когда он карабкался на стену, он получил смертельный удар камнем по голове. Алкид, житель Кавна, который убил его, получил от Аместрис награду за смерть

внука — убийца был распят.

Пять лет уединения в ужасающе жарком городе Кирте оказались для Мегабиза слишком большим сроком. Притворившись, что заразился страшной болезнью — проказой, он беспрепятственно отправился в Сузы к своей жене. В последний раз царские жены вступились за него. В последний раз Артаксеркс простил его и вернул его ко двору, и Мегабиз снова стал принимать участие в царских трапезах. Трагикомедия кончилась, когда Мегабиз умер в возрасте семидесяти шести лет, о чем искренне сожалел его владыка. Амитис дожила до того момента, когда стала возлюбленной греческого врача Аполлонидеса. Терзаясь угрызениями совести, она призналась в своем грехе матери. Возмущенная Аместрис сообщила своему царственному сыну о том, что его сестра осквернила царскую кровь. Артаксеркс предоставил Аместрис наказать преступника, и она продержала Аполлонидеса два месяца в цепях, а затем приказала похоронить его заживо. Амитис умерла в тот же день.

Кризис в Иудее

На протяжении двенадцати лет Неемия оставался правителем Иудеи, будучи, очевидно, забытым царем. Перелом наступил в 433 г. до н. э. Чрезмерное налогообложение привело в Иудее к таким же тяжелым последствиям, которые мы уже наблюдали в Вавилонии. Вопль отчаяния этих евреев и их жен мог бы быть воплем всех народов Персидской империи.

Городские жители кричали: «Нас, наших сыновей и дочерей много; дайте нам зерна, чтобы мы могли питаться и жить!» Крестьяне заявляли: «Мы отдаем в залог наши поля, виноградники и дома, чтобы получить зерно, по причине голода!» Землевладельцы, которые, предположительно, были более богатыми представителями населения, на самом деле находились в худшем положении: «Мы взяли в долг серебро, чтобы заплатить царю дань деньгами; наша плоть такая же, как плоть наших братьев; наши дети как их дети, и все же мы должны делать *наших* детей рабами! Некоторые из наших дочерей уже отданы в рабство, и мы не можем выкупить их, потому что другие люди владеют нашими полями и виноградниками».

Ничего не зная о причинах своей нищеты, все винили в ней своих богатых соотечественников-евреев, которые на самом деле лишь только воспользовались предложенной возможностью. Так считал и Неемия, так как у него не было ни малейшего подозрения, что реальным виновником была бюрократия, поборы которой шли на содержание его самого. Так что он созвал предпринимателей и вылил на них свой гнев. В речи, полной самой отвратитительной самоуверенности, он сказал им, как, напрягая все свои силы, он выкупал своих соотечественников-евреев, проданных чужестранцам. Он давал взаймы и деньги, и зерно, не беря мерзкие проценты, которые взимают финансисты. Сей же день, настаивал он, они должны вернуть первоначальным хозяевам заложенные поля, виноградники, оливковые рощи и дома, которые они незаконно заняли, а также один процент текущих расходов, который они взимали на серебро, зерно, молодое вино и растительное масло. Поставленные на место горячим правителем, они могли только обещать выполнить его требования, хотя прекрасно понимали, что законный бизнес прекратится, если все договоры будут аннулированы, согласно его требованиям. Очевидно, Неемия не принял простое обещание всерьез, потому что он немедленно позвал жрецов и заставил предпринимателей дать клятву, к которой он прибавил для ровного счета свое собственное крепкое проклятие. Люди, которые слышали все это, стали прославлять Бога.

В то время как предыдущие правители, продолжает Неемия, возлагали на людей тяжкое бремя, забирая у них хлеб и вино на 40 шекелей, и даже их рабы действовали как хозяева, он и его помощники в течение двенадцати лет его пребывания у власти не ели хлеб правителя. Вместо этого он сам ежедневно кормил за своим столом сто пятьдесят евреев, простых и знатных, помимо гостей из-за рубежа. В доказательство он приводит статистические данные: каждый день забивались один бык и шесть отборных овец, а также

домашняя птица, а каждые десять дней раздавали вино всех сортов. «И за все это я не требовал губернаторского жалованья, потому что рабство было тяжелым бременем для людей». Неемия был одним из тех чиновников, которые наивно считают, что каким-то загадочным образом средства на расходы государство получает из воздуха, а не из карманов людей.

Если торговцы не осмелились публично возразить правителю, то они могли донести свои жалобы более высокопоставленным чиновникам, которые понимали, что и государство, и чиновничий аппарат существуют за счет налогов. Ненависть, проявленная Неемией к отдельным личностям из имущего класса, включая одного бывшего своего сторонника, верховного жреца Элиашиба, подсказывает путь, по которому жалоба достигла царского двора. По крайней мере, до конца 433 г. до н. э., в который он предпринял попытку осуществить свои реформы, Артаксеркс отозвал из Иудеи Неемию.

Гражданская война в Греции

По мере того как разрыв между Афинами и Спартой быстро ширился, несмотря на Тридцатилетний мир, правительство Персии послало в столицу демократии Таргелию (известную красавицу) и таких же, как она, куртизанок. Их радостно приветствовали руководящие государственные деятели, и самые глубоко хранившиеся секреты Афин вскоре были в распоряжении царя. Вдруг, хотя и не без предупреждения, в 431 г. до н. э. разразилась Пелопоннесская война. Ситуация на персидской северо-западной границе полностью изменилась, так как братоубийственная борьба, которая сотрясала весь греческий мир — вместе со спартанским боевым кличем и требованием «свободы» для подданных Афин, — не была нежданным благом для великого царя.

В тот же год Еврипид поставил свою «Медею». В ней Ясон холодно сообщил своей жене, что благодаря своему временному браку с ним она получила больше, чем дала сама! Она жила в Элладе, не варварской стране. Ее жизнь была регламентирована законом, а не силой. Она была известна всей Греции; это была слава, которую она не узнала бы, живя на краю земли. Едва ли это была хорошая пропаганда для того, чтобы добиться помощи от Персии. Из Эфиопии в Египет пришла чума, а оттуда — в Афины и на большую часть Персидской империи. Множество людей умерли, и экономическая жизнь, уже и так выбитая из колеи чрезмерным налогообложением, расстроилась еще больше.

Сын первого Фарнабаза Фарнак теперь по наследству стал сатрапом геллеспонтийской Фригии. Из ее столицы Даскилея, расположенной у реки Риндакус, до нас дошли барельефы интересного памятника, который относится ко времени правления его отца. Очевидно, двухметровые плиты из проконесского мрамора должны были стоять перед алтарем на открытом воздухе; до половины своей высоты эти плиты просто гладкие, покрытые архитектурным орнаментом в виде ионик с остриями в промежутках; а все это образует низкую и узкую, слегка утопленную полосу, на которой фигуры выделяются барельефом.

Мы видим колонну пленных женщин верхом на мулах, гривы которых коротко обрезаны и заплетены, а единственной их сбруей являются расшитые чепраки, на которых женщинам сидеть неудобно. Их волосы покрывает *sakkos* , который развевается вокруг лица, а вышитые химатионы натянуты, как покрывало, на голову. Похожая на хитон одежда с короткими рукавами прихвачена на талии поясом и образует напуск. Через одну перед женщинами идет конюх, его голова скрыта башлыком, а тело — одеждой до колен, в руке он несет вертикально какой-то большой предмет. Позади женщин едет охрана на лошадях, гривы которых подстрижены, а хвосты завязаны узлом. Они сидят на седельных одеялах, вытянув ноги. Под накидкой из шкуры без рукавов, вывернутой мехом наружу, можно увидеть тунику, штаны, свисающий кинжал и башмаки. Надпись слишком неразборчива, чтобы понять, кому она посвящена. Стиль и обработка изображения преимущественно иранские, основанные на греческих традициях. Только орнамент из ионик с остриями в промежутках и на вид ионический эпиграф демонстративно доказывают, что греческие

территории находятся близко.

Пелопоннесцы обратились к Фарнаку. Их посланцам, Николаю и Анеристу, он обещал оказать содействие в предложенной поездке к царю. Прежде чем они оказались под его защитой, они были захвачены в плен на Геллеспонте фракийским царем Ситалкесом, который передал их афинянам, чтобы те их казнили.

Спартанцы не оставили своих услилий, но Артаксеркс был более чем доволен, наблюдая за тем, как греки уничтожают друг друга. Он закрывал глаза на каперов с юго-запада Малой Азии, которые молились на торговые корабли, плававшие из Финикии и Фаселиса в Пирей. Однажды Софокл заметил сидонского торговца в Афинах, Иона — плащ из египетского льна, Ахей — египетские мази и напитки из Библа, Кратинус — вино из Мендеса; последний также рассказывал о путешественниках, направляющихся к сакам, и о сидонцах, которые везли халаты из Сирии. Теперь ввоз из Египта парусов и папирусов, ладана из Сирии, бальзамов из Фригии, желудей для дубления из Пафлагонии, миндаля, фиников и прекрасной пшеничной муки из Финикии, который так воспевал Гермипп (афинский комедиограф времен Пелопоннесской войны. — *Пер.*), был уже не такой безопасный. Ферекрат (актер, поэт древней аттической комедии. — *Пер.*) выражает свои опасения, что его друг рискует, путешествуя даже по Египту. То, что карийцы и ликийцы с презрением отказались платить дань Афинам, было явно выгодно царю.

Представители Ликийской династии

К этому времени Ликия была полностью вовлечена в дела, происходившие в мире. Ее города, расположенные каждый в небольшой долине или на скале, претендовали на обладание греческой культурой и управлялись представителем царской династии и местным сенатом. Свои гробницы, все еще сохранявшие в камне следы того, что изначально они строились из дерева, они украшали греческими архитектурными деталями. Могильных надписей, сделанных на местном языке, становилось все больше, и редко их сопровождал перевод на греческий язык. Одна двуязычная надпись, по счастью, сохранилась; она относится ко времени правления одного из представителей Лимирской династии Седарейи, герб которого с козлом и грифоном также имеется в нашем распоряжении. Надпись представляет собой погребальную формулировку в самом простом виде: «Этот памятник сделал Седарейя, сын Пармена, для себя и своей жены и своего сына Побелайи».

Обычно надпись бывает длиннее, хотя толкование не всегда точное. Чужестранцу под страхом наказания запрещено хоронить своего умершего в могиле с различными надписями — так много *ada* или шекелей следует заплатить городскому совету, казне, жрецам или похоронному обществу.

Надписи на монетах становятся длиннее и появляются чаще. Копрелли оставил нам огромное количество монет, чтобы доказать свою значимость. Надписи на его монетах показывают, что он чеканил их в Ксанте и Марра-Мире, а их типы указывают на другие города, вроде Тельмесса и Лимиры. Полное отсутствие афинских мотивов доказывает, что он уже не был афинским вассалом. Обычно с обратной стороны изображен ликийский герб, трискель. На лицевой стороне — совершенная смесь символов: египетский глаз Гора, дельфин, козел, летящий орел или нападающий вепрь, стоящий или лежащий конь, мул, корова с сосущим ее вымя теленком или национальный крылатый конь Пегас. Влияние Востока выражают Сфинкс, лев (часто крылатый или даже рогатый) и обнаженный крылатый дух. Персидское влияние можно увидеть в подражании «гербу» в Персеполе — лев, пожирающий быка, бык с человеческой головой, крыльями и рогами — и, прежде всего, капители в виде быков или быков с лошадьми. Тем не менее круглый щит с крылатым львом, Арес в шлеме, Гермес, несущий на плечах барана, обнаженный Геракл, Аполлон и Зевс-Амон дают понять, что греческое влияние не было незначительным.

Карей был сыном Арпакко или Гарпага — хорошее мидийское имя, которое может означать, что в тем текла отчасти иранская кровь. Гарпаг, по-видимому, не царствовал, так

как Карей обязан троном своему тестю Копрелли. Он чеканил монеты в Ксанте и Тлава-Тлосе. Обычно на их лицевой стороне изображена Афина в шлеме; в одном случае ее шлем увенчивает ветвь оливы, а с ней ее символ — сова. Также обычно на обратной стороне изображается бюст представителя правящей династии с длинной, завитой кольцами бородой, в тиаре с ленточками и оливковом венце победителя. Реже мы видим на монете Афину верхом на дельфине, быка (временами крылатого или даже с человеческой головой), орла или щит с двумя дерущимися петухами.

Изображение Афины не означало, что Карей был расположен к Афинам. В Ксанте он оставил нам надпись из двухсот пятидесяти строк; мы можем догадываться о том, что имел в виду этот ликиец, особенно когда он сообщает нам о своих союзниках. Его брат Трбенем, возможно, коллега Земо, так как на их монетах они изображают в одиночку или вместе голову льва и трискель. Позднее Трбенема стали связывать с Вадбом, а его сын Кроете построил гробницу в Лимире. Арббен чеканит монеты в Талаба-Тельмессе, на которых обычно изображена Афина в шлеме или Геракл в львиной шкуре; однажды его имя написано сокращенно карийскими буквами. Метрапта — это персидский Митробат, на монетах которого мы видим голову льва и трискель, реже — пурпурную раковину мурекса (игольчатый моллюск. — *Пер.*) и Аполлона. На монетах Ароватеяса также изображены голова льва и трискель, иногда — Афина в шлеме. Карей называет его *sttratakba,* по-гречески «стратег» или «полководец». Подобно Эте, монеты которой из Тельмесса несут на себе изображения дельфина и трискеля, Ароватеяс был родственником Карея. Последним союзником, также, по-видимому, из Тельмесса, был Татревеб; его эмблемы — голова кабана (иногда на щите), два дерущихся петуха, как девиз на щите, или голова Афины, хотя на обратной стороне всегда изображен трискель. Представляя этот длинный список членов династии с их необычными именами и описывая их монеты, мы добавляем новые интересные страницы как в повествование, так и в историю культуры.

Загаба и его вассалы, Этретомена и его вассалы, Птарра-Патара и его сенат объединились, и Трбенем уничтожил армию и Меласантру. Карей, как принц Ксанта и вождь ликийцев, командовал воинами из Тлава-Тлоса и Тарбеды и нанес поражение армии и Ваксапдему. Подобно Гераклу и Ахиллу, он отличился, этот принц-главнокомандующий. Мы читаем местный рассказ о том, как был убит афинянин Мелесандр, когда он пришел силой собирать дань с ликийцев (430 до н. э.). Два года спустя карийцы убили Лисикла, выполнявшего такое же поручение. В связи с этими одинаковыми событиями ликийский полководец Израза возвел в Тлосе пирамиду. На ее основании Израза изображен в кавалерийском плаще сражающимся с другим всадником, одетым схожим образом. На следующем барельефе он сражается уже пешим, его одежда прикрывает его левую руку, когда он пронзает копьем упавшего всадника. На третьем барельефе изображен поединок двух гоплитов с круглыми щитами, а на четвертом — штурм укрепления на горе.

Реформы Неемии

Неемия был отозван из Иерусалима ближе к концу 433 г. до н. э. В течение двенадцати лет он находился на требующем усилий посту правителя Иудеи; красота молодости, которая покорила чувствительное сердце Артаксеркса, поблекла, но он все еще сохранял способность к интригам. Через несколько дней — точную дату установить невозможно — он снова попросил у царя разрешения возвратиться в Иерусалим. Верховный жрец Элиашиб уже не был его другом; он помирился с Тобиахом и предоставил ему убежище в храме. Неемии никогда не были чужды прямые действия, и он быстро выбросил пожитки Тобиаха, приказал убрать комнаты и вернул на свое прежнее место хранения храмовую утварь, подношения в виде муки и ладан.

Он обнаружил, что левиты и певцы вернулись в свои края, потому что из храмовых доходов они не получали свою долю. Ответственные чиновники получили резкий выговор: «Почему заброшен дом Бога?» Левиты и певцы были возвращены, десятина в виде зерна,

молодого вина и оливкового масла была помещена в храмовую сокровищницу — к этому времени Неемия забыл о своей заботе о крестьянах, — и были назначены честные казначеи, чтобы заведовать их распределением.

В те дни Неемия видел, что Шаббат нарушался работой на давильном прессе, вязанием снопов и погрузкой их на ослов; в город везли вино, виноград и инжир. Жители Тира продавали свои товары, особенно рыбу. Неемия приказал запирать ворота в сумерках перед Шаббатом и не открывать их до конца священного дня. Когда мелкие торговцы разбили лагерь за воротами города, Неемия лично пригрозил им арестом, и они больше не приходили.

Его внимание привлекла проблема смешанных браков, которая уже поставила в тупик Эзру. Евреи брали себе в жены женщин из Ашдода, Аммона и Моаба, и их дети говорили не на еврейском языке, а на языке своих матерей. С характерной для него энергией Неемия ругал отцов, проклинал их, бил, вырывал волосы и заставлял клясться, что они изменятся.

Дружба Элиашиба с Тобиахом была скреплена брачным союзом. Сын Джехояда и внук Элиашиба Манассех женился на дочери Санбаллата Никасо, и Неемия выгнал его. Он убежал к Санбаллату, который на горе Герицим построил для него новый храм, долгое время поддерживавший тесную связь с более древней святыней в Иерусалиме.

В конце концов Неемия рассказывает, как он очистил народ от всего иноземного и дал указания жрецам и левитам, каждому в соответствии с его работой, относительно подношений в виде дров в должное время года, а также первых плодов. Все это и еще гораздо большее было утверждено восемьюдесятью четырьмя жрецами, левитами и народными вождями в официальном соглашении. Имя правителя, конечно, возглавляет список подписавшихся, но подпись Элиашиба, разумеется, отсутствует. С надеждой на то, что церковная организация теперь имеет под собой такую же крепкую базу, какими были стены храма, Неемия теперь мог вернуться в Сузы, так как смерть Артаксеркса была явно уже близка. Он должным образом заканчивает свое повествование: «Помни обо мне, о мой Бог, всегда».

Новые достижения в искусстве

Если мы можем доверять монетам, которые ему приписывают, Артаксеркс не был настоящим Ахеменидом. В противоположность красивому прямому носу своих отца и деда его нос был коротким и изогнутым. Черты его лица были грубыми, борода — жесткая. В начале своего правления он закончил строительство Зала ста колонн в Персеполе. Хорошо обученные рабочие его отца были еще в его распоряжении, и те скульптуры, которые оставалось изваять, были выполнены в самых лучших традициях развитого классического искусства. Следует, однако, отметить значительное изменение стиля. Ксеркс внедрил монументальную классическую скульптуру, ограниченную монументальной архитектурой и зависящую от нее, которую можно сравнить с искусством храма Зевса в Олимпии. В период правления Артаксеркса Фейдиас и его коллеги руководили созданием наружной и внутренней отделки Парфенона в Афинах, а скульпторы в Персеполе завершали отделку Зала ста колонн. В этом новом стиле скульптуры становятся менее величественными и более человеческими в пропорциях, а также независимыми от своего архитектурного окружения; их объединение в одно целое завершается совершенством деталей и техники исполнения.

К 461 г. до н. э. Артаксеркс переехал в Сузы и большую часть оставшихся лет своего долгого царствования оставался там, но ничего не строил. Ближе к концу его правления дворец, в котором Ксеркс и его сын принимали так много греческих посольств, сгорел дотла, и его не стали восстанавливать. После этой катастрофы Артаксеркс возвратился в Персеполь и поселился в бывшем дворце своего отца Дария, который, по-видимому, мало нуждался в ремонте после завершения строительства. Обломки барельефов, приготовленных для иллюстрации надписи Артаксеркса I, в настоящее время можно увидеть разбросанными вдоль стен внутреннего двора к югу от дворца. Они показывают, что художник заменил

более ранние монументальные стили новым изысканным и утонченным искусством. Чтобы определить дату создания этих барельефов, осталась одна группа обломков, на которых скопирована процессия данников, изображенная на стенах ападаны Ксеркса, но обрамленная линиями розеток, так как не было места для хвойных деревьев, разделяющих на оригинале каждую группу фигур. Здесь фигурки меньше по размеру, менее значительны и расположены с большими интервалами — тенденция, развившаяся в Эрехтейоне, расположенном на афинском Акрополе.

К этой надписи и еще к одной, обнаруженной в Зале ста колонн, мы можем добавить несколько эпиграфов, выполненных на вазах из алебастра и других материалов, серебряных чашах для питья, «сделанных для дворца» в Экбатане. Сделав это, мы собрали все сохранившиеся свидетельства этого царствования в виде надписей.

Перед своим концом Артаксеркс, по-видимому, возвратился домой в Сузы, чтобы там умереть. Однако похоронен он был в Накш-и-Рустаме, где в ходе раскопок была отрыта его гробница к западу от места последнего упокоения его отца и деда. На его гробнице, как и на гробнице его отца Ксеркса, нет никакой надписи.

Политика Греции и жанр комедии

Перед смертью Артаксеркс потерял интерес к гражданской войне в Греции. Он не возражал, когда Писсутнес в 430 г. до н. э. послал наемников, чтобы освободить порт Колофона Нотий от контроля Афин, и не предпринял никаких действий, когда Афины снова восстановили свою власть там в 427 г. до н. э., так как вскоре он вернулся к персам. Возможно, он улыбнулся, если услышал о том, что Ферекрат в своей пьесе изобразил персов в карикатурном виде и доставил этим неслыханное удовольствие беднякам, или о том, что Аристофан в 426 г. до н. э. назвал свою пьесу «Вавилоняне», потому что в ней был хор рабов, вывезенных из империи и задержанных на Самосе, или потому что он вывел на сцену послов, возвратившихся от царя. Утрата Керасуса и Трапезуса на южном побережье Малой Азии в 425 г. до н. э. представляла для Персии большую опасность. В тот год Еврипид победно заявил, что Азия служит Европе, как рабыня.

Осенью умирающий царь послал Артаферна (сын брата Дария, наместника в Сардах, который вместе с Датисом был полководцем в первом походе персов на Грецию и в Марафонской битве в 490 г. до н. э. — *Пер.*) к спартанцам с капризной жалобой на то, что он не может понять, чего они хотят. Из многих послов, добиравшихся ранее до царского двора, не нашлось двоих, которые сказали бы одно и то же. Если они будут говорить понятно, то могут отправить своих посланников с Артаферном. Гонец был в Эйоне перехвачен, а депеши, написанные «ассирийскими буквами» (то есть на арамейском языке), переведены на греческий. Аристофан в своей комедии «Ахарнейцы» снова вывел на сцену царского посла и спародировал Геродота. Афиняне в своих надеждах вознеслись высоко, но в Эфесе посланники узнали, что Артаксеркс умер, и в унынии возвратились домой.

Глава 26
РЕШЕНИЕ ДЛЯ СПАРТЫ

Восхождение на престол Дария II Оха

Вскоре после смерти старой царицы-матери Аместрис Артаксеркс и Дамаспия умерли в один и тот же день в конце 424 г. до н. э. Единственный сын Артаксеркса от царицы Дамаспии Ксеркс II был признан его преемником, по крайней мере в Сузах. Ксеркс II поцарствовал всего сорок пять дней и был убит, когда отсыпался после праздничных возлияний. Его убийцей был Секидиан, сын Артаксеркса от вавилонской наложницы Алогун, а помогал тому евнух Фарнакиас, фаворит его отца. Самый влиятельный придворный

бывшего монарха Багораз привез тела отца, матери и сына на повозке, запряженной мулом, в Парсу, где они были похоронены в могиле, приготовленной для Артаксеркса, к западу от гробницы Ксеркса в скале Накш-и-Рустам. По возвращении новый царь приказал забить Багораза камнями до смерти, потому что, по его утверждению, тело царя было погребено без его согласия. Бывший соперник Багораза Меностан стал новым *bazarapat.*

Другим сыном от вавилонской наложницы был Ох; имя его матери было аккадским — Космартидена, хотя оно означало, что эдомитский бог «Кос дал дочь». Артаксеркс женил его на Парисатис, его единокровной сестре от третьей вавилонской наложницы Андрии, и сделал его сатрапом Гиркании. Позже он уехал в Вавилонию.

Секидиан неоднократно требовал, чтобы он приехал в Сузы. Также неоднократно Ох обещал повиноваться, но искал лишь отсрочки, чтобы собрать армию и объявить царем себя. Ему удалось склонить на свою сторону командующего конницей Арбария, сатрапа Египта Арсамеса и евнуха Артоксареса, изгнанного некоторое время тому назад в Армению. К 13 февраля 423 г. до н. э. под своим новым именем Дарий он был признан в Вавилонии.

Хотя и Дарий, и Парисатис были по рождению наполовину вавилонянами, ничто не указывает на то, что эта сатрапия от этого получила какую-то выгоду. Вместо этого в Вавилон поспешил приехать Энлиль-надиншум, возглавлявший компанию ростовщиков клана Мурашу, чтобы приветствовать своего нового господина и проследить, чтобы привилегированное положение компании «Мурашу и сыновья» сохранилось. Чтобы поселиться так, как подобает его положению, 13 февраля он снял жилье на крепостном валу Бела вблизи развалин Эсагилы; у его домовладельца было хорошее вавилонское имя Апла, но его отцом был египтянин Гармахис. За этот дом «до приезда царя» он заплатил огромную сумму в размере 500 граммов серебра. Очевидно, на это время столица была переполнена народом. К несчастью для Энлиль-надиншума, он не понял, что толпы народу предвещали немедленный отъезд Дария в Сузы, и спустя одиннадцать дней мы уже обнаруживаем, что он едет назад в Ниппур и возмещает свои потери тем, что взимает с двух бедных женщин в два с лишним раза больший процент, чем обычно.

Если Энлиль-надиншум не засвидетельствовал свое почтение царю, то он, безусловно, «видел» некоторых из его высокопоставленных чиновников, так как в первый год правления Дария II (423–404 до н. э.) компания «Мурашу и сыновья» продолжала свою деятельность в «поклонных землях» в совершенно беспрецедентном масштабе. В последующие годы фирма продолжила подбирать остатки царских земель, которые все еще находились во владении первоначальных собственников.

Прибыв в Сузы, Дарий обнаружил среди солдат — несмотря на щедрые денежные пожертвования узурпатора — враждебные настроения, которые возникли из-за убийства законного правителя Ксеркса и их любимца Багораза. Меностан предупредил своего господина относительно нового претендента, но по совету Парисатис ее муж сумел заставить Секидиана принять обещание, что царство будет поделено. Дарий вскоре забыл о своих торжественных уверениях и схватил Секидиана, который успел поцарствовать всего шесть с половиной месяцев. Наказание было жестоким: Секидиана насильно напичкали едой и питьем, после чего его посадили на перекладину, висящую над бункером с золой, в который он и упал, когда наконец заснул.

Артоксар приехал в Сузы из Армении и, вопреки лицемерным протестам Дария, надел кидар (головной убор первосвященников у евреев в виде чалмы. — *Пер.*) на голову претендента. Другому претенденту на престол, его полному брату Арситесу, оказывал поддержку Артифий, оставшийся сын Мегабиза. Генерал Дария Артасирас после двух поражений подкупил греческих наемников Артифия, а так как Арситес не поддержал его, мятежник был вынужден сдаться. Парисатис ясно дала понять своему мужу, что будет неразумным нарушать клятву, пока и Арситес не окажется в его руках; когда он тоже был схвачен, все последовали за Секидианом. За свое участие в убийстве Ксеркса Фарнакиас был забит до смерти камнями. Смерть была наказанием и для Меностана, но прежде чем жестокая казнь состоялась, он спас себя, совершив самоубийство.

Теперь Дарий мог претендовать на роль законного мстителя за Ксеркса. На его монетах он изображен в профиль: глаз, выпирающий нос Ахеменидов, полная щека и длинная борода. Сильное влияние стали оказывать вновь воцарившийся при царе евнух Артоксар, а также Артибарзан и Атой, но настоящей хозяйкой была его сестра-жена Парисатис. Перед его восшествием на престол она родила ему дочь по имени Аместрис и сына Арсака, затем последовали сыновья Кир, Артост и Оксендрас — единственные дети из тринадцати, которые не умерли в детстве. Как часто бывает, любимцем матери стал не Арсак, самый старший сын, а Кир — самый старший порфироносный сын, которому она дала имя основателя империи.

Мир среди греков

Попытка нападения на Понтийскую Гераклею афинского полководца Ламаха летом 424 г. до н. э. во время периода гражданских беспорядков провалилась, когда стоявшие на якорях корабли блокирующего флота были уничтожены неожиданным штормом. В одной из своих комедий Аристофан рассказал о заговоре греков с мидийцами и царем. К 423 г. до н. э. дядя по материнской линии оратора Андокида Эпилик уже съездил во главе афинского посольства к Дарию и заключил договор о дружбе, согласно которому согласие (взаимопонимание) с Каллиасом было восстановлено; в связи с этим Аристофан узнал об очень дорогом одеянии *kaunakes* , которое ткали в Экбатане. Сатрап Даскилея Фарнак в 422 г. до н. э. подарил делийцам Атрамиттей на эгейском побережье, отторгнутый у них неблагодарными афинянами. В 421 г. до н. э. Аристофан обвинил Зевса в сдаче Греции мидийцам и заявил, что Солнце и Луна вступили в заговор с целью предать Грецию варварам, потому что они делали жертвоприношения только этим божествам. Однако в марте большая гражданская война между греками закончилась Никийским миром.

Царская власть в Египте и Вавилонии

Дарий последовал примеру своих предшественников, вмешавшись в отправление религиозных обрядов евреев. Через сатрапа Арсамеса, как было объявлено наемникам в Элефантине неким хананайцем, царь послал в 419 г. до н. э. предписание, навязывающее празднование еврейской Пасхи согласно своду законов, недавно введенных в Иудее Эзрой. Это вызвало новый интерес к религии и дало возможность собрать большую сумму для местного храма бога Яху.

Двумя годами позже (417 до н. э.) фирма «Мурашу и сыновья» в Ниппуре внезапно исчезла. Так как раб, который действовал в качестве их главного посредника, позднее назван в числе слуг одного персидского чиновника, мы можем предположить, что приезжали царские уполномоченные, забрали утраченные царские земли и наказали ростовщиков. После этого лишь несколько документов, имеющих отношение только к пастбищам, являются немыми свидетелями того, как поля вышли из категории пахотных земель из-за жадности ростовщиков и разорительного бюрократического налогообложения.

Возобновление войны в Греции. Власть Тиссаферна

В равной степени гибельная братоубийственная война греков утихла благодаря Никийскому миру. В 415 г. до н. э. Еврипид вспоминал, как Афина Паллада искушала Париса встать во главе фригийской армии, чтобы нанести поражение Элладе, а Гера обещала тиранию Азии и Европе, но тщетно. Афины сами нарушили неудобный для них мир безрассудной экспедицией на Сицилию, которая настолько ослабила их власть, что в 413 г. до н. э. война возобновилась. Тем не менее Афины по-прежнему господствовали на Эгейском море, и только помощь Персии могла принести победу Спарте и ее союзникам. Благодаря недальновидным греческим политикам в тот самый момент, когда уже

пошатнувшаяся империя должна была пережить новый всплеск восстаний, умелая дипломатия персидских вельмож при поддержке золота, отнятого у обнищавших подданных, сделало Персию диктатором Греции.

Первое из новой волны восстаний поднял Писсутнес — сатрап Сардов (413 до н. э.). Против него были посланы Тиссаферн, Спитрадат и Пармисес. Это восстание имело для греков больше чем местное значение, так как оно вывело на сцену Тиссаферна, сына Гидарнеса, самого талантливого и беспринципного дипломата, который когда-либо появлялся в Персии. Получив надзор над всем полуостровом, он быстро оправдал свое назначение; наемники под командованием афинянина Ликона были подкуплены, получив в дар несколько городов, и Писсутнес был вынужден сдаться. Поверив обещанию, что он не будет убит, он отправился вместе с теми, кто его пленил, в Сузы. Пренебрегши этой договоренностью, Дарий уготовал Писсутнесу смерть, как мятежнику, и тот последовал за своими предшественниками, упав в горящие угли. Его родной сын Аморгес держался до конца на побережье Карии благодаря помощи Афин; это последнее оскорбление побудило царя помогать спартанцам в борьбе против афинян.

Казалось, был подходящий момент потребовать дань, которую когда-то платили греческие города, которые Афины заставили поднять восстание — их потерю Персия так и не признала. Тиссаферн, теперь уже правитель Сард, получил распоряжение прислать задолженность. Вместе с посланниками в Спарту от восставших лесбийцев, хиосцев и эритрейцев он отправил своего собственного представителя и пообещал содержать то войско, которое спартанцы смогут послать в Азию. Его постоянный соперник Фарнабаз, который только что стал преемником своего отца Фарнака на посту сатрапа Даскилея, с помощью мегарийского и кизикенского изгнанника при своем дворе пытался уговорить спартанцев отправить их флот в Геллеспонт, где также и подданных Афин можно было склонить к мятежу. В ответ спартанцы пообещали Фарнабазу, что позже они совершат туда военную экспедицию, но сначала их корабли должны прибыть на Хиос, который возглавлял восстание против Афин (413 до н. э.).

В обмен на эту помощь Тиссаферн содействовал нападению на Теос (древний ионийский город на западном побережье Малой Азии. — *Пер.*) войск под командованием своего помощника Стагеса. Милет восстал, пока Еврипид заявлял, что варвары все как один — рабы и поэтому они не могут иметь никаких отношений с греками. Клазомены, Теос, Лебедос, Эфес, Фокея и Кирена приняли персидские гарнизоны и заплатили свои налоги. Спартанский адмирал Халкидей подписал договор между лакедемонянами с их союзниками и царем с Тиссаферном. Если бы существовало «греческое дело», оно было бы совершенным предательством: «Какие бы земли и города ни имел царь или предки царя — они должны принадлежать царю. Какая бы дань ни приходила афинянам в виде денег или чего-то другого, царь, лакедемоняне (они же спартанцы. — *Пер.*) и союзники должны совместно помешать Афинам получить ее. Более того, царь, лакедемоняне и союзники должны вместе начать войну против Афин, и война не закончится, пока обе стороны не придут к соглашению. Если на подвластных царю землях вспыхнет какой-то мятеж, то мятежники станут также и врагами лакедемонян и их союзников, и наоборот».

Выполняя этот договор, Тиссаферн разрушил стену Теоса, но потерпел поражение перед Милетом. Осенью внезапной атакой пелопоннесцами был захвачен Иасос, и город с мятежником Аморгесом был передан Тиссаферну, который радушно принял его наемников на службу сатрапии. Карей из Ксанта рассказывает о своей роли в разгроме ионийцев в Херсонесе, о людях с Иасоса, о том, как он помогал народу бога Тарку победить армию и Аморгеса. Тиссаферн, сын Гидарнеса, Отанес и Ариарамн распорядились, чтобы мертвые были похоронены должным образом после того, как персидский принц и спартанцы завоевали афинян — тех, которые победили армию чужеземцев. В неопределенном контексте мы узнаем о Дарии, Артаксерксе, двух полководцах-наемниках Сбареде и Согенесе и о спартанцах.

Полный рассказ о победе и погребальных почестях мертвым был выбит на колонне,

возведенной в Ксанте на священном огороженном месте рядом с театром. Когда-то ее венчали барельефы с изображением военных подвигов принца, который посвятил ее этой победе. В основном надпись сделана на ликийском языке, но в конце, где говорится о проклятии богов, — на более древнем диалекте с явно выраженной метрической системой.

В середине помещено стихотворение на аттическом греческом языке. Буквы представляют собой переход между древнеаттическим и ионическим языками (еще одно указание на дату). Это смесь из цитат и воспоминаний; первая строка убрана из стихотворения, написанного, предположительно, Симонидом в память о великой победе Эвримедона; на самом деле оно восхваляет последний подвиг Кимона на Кипре и дополнено строчками из Гесиода и «Трахинянок» Софокла. Наш перевод так же хорош, как и оригинал:

Со времен, когда Европа и Азия были разделены морем,
Никто еще из ликийцев не устанавливал такого камня
В огороженном месте — вечно живой памяти
О завоевании и войне.

Кроис, сын Гарпага, искусный во всем,
Своими руками, соревнуясь со своими соперниками-ликийцами,
Разграбил много городских укреплений вместе с Афинами,
Разрушитель городов, он своим родственникам отдал царскую долю.

Для чего, бессмертные боги, которые с благодарностью вознаграждают
За его справедливость, семь гоплитов он убил в один день — воинов
Аркадии?
Он Зевсу воздвиг памятник в честь победы, величайший из смертных,
И самыми прекрасными творениями он увенчал народ Карии.

Алкибиад, изгнанный из Спарты и надеявшийся, что его позовут Афины, стал советником Тиссаферна. Его совет совпал с собственным убеждением сатрапа в том, что одну сторону следует натравить на другую для получения царем максимальной выгоды. Спарта спокойно продолжала собирать дань, которую раньше платили греческие города, расположенные в Азии, Афинам. Это полностью противоречило Милетскому договору и установило прецедент, опасный для Персии. Взамен Тиссаферн взял на себя снабжение спартанского флота и выдал ему месячное жалованье.

Так как Милетский договор был таким образом аннулирован, недовольные спартанцы стали вести переговоры о втором договоре с царем Дарием, его сыновьями и сатрапом: «Ни лакедемоняне, ни союзники не должны воевать или причинять ущерб или взыскивать дань со страны или городов, которые принадлежали царю, или его отцу, или его предкам. Царь Дарий и те, кем он правит, не должны сражаться с лакедемонянами или причинять им или их союзникам ущерб. Если им нужно что-либо от царя либо царю нужно от них что-либо, то как они договорятся, так и будет. И воевать, и заключать мир они должны совместно. Какая бы армия ни находилась во владениях царя, куда она была призвана царем, царь должен нести расходы на ее содержание. Если какой-либо из городов в этом договоре пойдет против страны царя, другие должны помешать им и оказать царю помощь, насколько это будет в их силах»; и царь обещает то же самое.

Как только он добился от спартанцев отказа от их притязаний на дань с помощью этого древнего предтечи лендлиза, у Тиссаферна сразу же пропала охота платить флоту. Даже при

том, что простой моряк получал 3 обола в день, хоть и с задержкой, дисциплина хромала. В Книд, который Тиссаферн не так давно убедил стать его добровольным подданным, приехала специальная комиссия. Возглавлявший ее Ликас расторг два договора и предложил замену; его правительство никогда не ратифицировало бы позорный договор, который признавал притязания Персии на острова и Европейскую Грецию к северу от Коринфского перешейка. Такой договор свел бы на нет утверждения спартанцев, что они пришли как освободители, передав греческие города империи. Сам он не хотел получать финансовую поддержку такой высокой ценой. Тиссаферн, естественно, заключил, что Алкибиад сказал правду, когда заявил, что Спарта намеревается освободить греческие города в Азии, и покинул встречу в гневе.

Представители афинских консерваторов обратились к Тиссаферну, который поддержал их намерение устроить на родине переворот. Они надеялись, что Алкибиад выступит в роли посредника; однако, когда официальное посольство посетило сатрапа, Алкибиад как его представитель выдвинул такие невозможные требования — сдача Ионии и островов, — что переговоры прекратились.

Спарта получила урок. Весной 411 г. до н. э. был подписан третий договор за год. Он начинался так: «В тринадцатый год правления Дария», а лакедемонийский эфор (эфоры — один из пяти членов коллегии в Древней Спарте. — *Пер.*) упомянут во вторую очередь; изменение датировочной формулировки само по себе показало, что Спарта признала свое подчиненное положение по отношению к империи. Договор был заключен на Меандрской равнине не только с Тиссаферном и царским секретарем Гиераменом, но и с сыновьями Фарнака, Фарнабаза и его братьями. Дела царя признаны более важными, чем дела лакедемонян и их союзников. Страна царя в Азии должна принадлежать царю, и в отношении своей страны царь может поступать как захочет. (Это положение отвечало возражению Лихаса, исключая из договора Европейскую Грецию и острова, но тем более явно оно оставляло всю Азиатскую Грецию царю.) Тиссаферн согласился заплатить за все пелопоннесские корабли, имевшиеся на тот момент, и продолжать делать это до прибытия царского флота; после этого по их усмотрению они могли содержать свои корабли за свой счет или брать в долг то, что им нужно, у сатрапа в качестве военного долга, который должен быть оплачен в конце конфликта.

Финикийский флот, впервые собравшийся за эти годы в полном боевом составе — сто сорок семь судов, — воздержался, но платежи союзникам продолжали поступать нерегулярно. Фарнабаз сообщил, что он будет более подходящим казначеем, и корабли были посланы к его берегам. Милет был сильно возмущен этой ситуацией и захватил крепость, построенную Тиссаферном для охраны своих земель, а в это время Книд также изгнал персидский гарнизон. Послы Милета в Спарте выразили свой протест против дружбы Тиссаферна с Алкибиадом, временно отозванным Афинами; защищать себя сатрап послал карийца Гаулита, который говорил по-гречески.

Пока милетское посольство находилось в Спарте, поэт Тимофей из Милета пребывал в Афинах. Там он продемонстрировал «Персов» — почти наверняка на большом празднике Панафинеях в 410 г. до н. э. В качестве сюжета он взял победу флота при Саламине, который уже использовал Эсхил для пропаганды со сцены. В стихах были коварные выпады против его личных противников-спартанцев, которым его соотечественники выражали свой протест, в то время как в уста Фемистокла он вложил самодовольную похвальбу: «Арес хозяин! Элладу, по крайней мере, не страшит золото!» — ядовитая ссылка на субсидию, обещанную лакедемонянам по договору, но так и не выплаченную. Рассказ о сражении закончился установлением памятника, исполнением пеана (древнегреческий гимн. — *Пер.*) радостным хором и танцорами. Ничего удивительного, что, воодушевленные ободряющей картиной, афиняне отдали свои голоса за этого поэта в конкурсе чтецов. Победу при Саламине также прославлял Хорилий Самосский в своей поэме «Персы». Афиняне постановили, чтобы эта поэма была во всеуслышание прочтена на Панафинеях, наряду с сочинением Гомера.

К этому времени финикийцы достигли Аспенда, их прибытие позволило Тиссаферну

обойтись без дальнейших выплат субсидий. Это заставило немногие оставшиеся пелопоннесские суда последовать летом за своими товарищами и присоединиться к его противнику. Его командующий кавалерией Арсак не улучшил ситуацию, предательски убив вождей делийских изгнанников, поселившихся в Атрамиттее. Разозленные непомерными налогами и боясь схожей судьбы в результате ссоры, антандрийцы выгнали персидский гарнизон из своего акрополя. Подавление антандрийцев дало желанный повод Тиссаферну держать этого соперника в поле зрения, и он отправился к Геллеспонту.

Гаремные интриги

Тиссаферн объяснил отказ флота наступать в западном направлении его малочисленностью. Действительной причиной было то, что проблемы у Дария имелись гораздо ближе к дому.

Сначала это было восстание мидийцев, хотя оно было быстро подавлено. Затем Артоксар, кичившийся своим положением влиятельного лица, решил сам стать царем. Хоть он и был евнухом, он взял себе жену. Веря, как ребенок, что его примут за мужчину, если он будет носить бороду и усы, он дал ей указания изготовить их. Этого его жена вынести уже не смогла и вскоре выдала заговор. Парисатис приказала схватить его, и размечтавшийся евнух расстался с жизнью.

Гораздо более серьезным по своим последствиям был заговор Теритевхма, который получил сатрапию своего отца Гидарна — Гирканию, женившись на дочери царя Аместрис. Но Теритевхм по-прежнему любил свою прекрасную, хоть и мужеподобную, единокровную сестру Роксану. Так как с такой высокородной женой развестись было нельзя, он договорился с тремястами единомышленниками разделить вину за мятеж; они хотели засунуть Аместрис в мешок, который каждый из них должен был проткнуть мечом. Письма Дария к Удиасту, оруженосцу сатрапа, убедили его убить своего господина, и Аместрис была спасена. Ужасной была месть Парисатис за попытку покуситься на жизнь ее дочери. Роксана была изрублена на куски. Арсак просил оставить в живых его жену Статиру, которая тоже была сестрой мятежника, и в конце концов склонил на свою сторону свою мать, хотя его отец пророчески предупредил Парисатис, что она еще пожалеет о своей снисходительности. Мать мятежника, его братья Митрост и Гелик и все его оставшиеся сестры были зверски казнены. За свои огромные заслуги дипломата другой брат Тиссаферна на некоторое время получил пощаду, хотя Парисатис не скрывала своей ненависти. Остался в живых также и сын мятежника, ему сын Удиаста Митридат отдал город под названием Зарис.

Жалобы евреев-наемников в Египте

Другой Гидарн — Видарнаг по-арамейски — в 420 г. до н. э. был «командующим армией» в Сиене. Между 416 и 411 гг. до н. э. он поднялся до ранга *fratarak* или правителя округа в местечке Дамадин. Когда сатрап Арсамес вернулся к царю в июле 410 г. до н. э., Гидарн воспользовался возможностью поднять мятеж при поддержке жрецов Кхнуба и египетских знамен, которыми теперь командовал его сын и преемник Нефаян.

Помощь от египтян была получена, очевидно, благодаря обещанию уничтожить еврейский храм, столь оскорбительный для народных чувств, потому что в нем приносили в жертву животных. Нефаян возглавил своих египетских и иных подчиненных. Храм был разрушен до основания, его каменные колонны были разбиты, пять ворот храма, вырубленные из камня, снесены, двери (петли которых были окованы бронзой) и крыша из кедрового дерева сожжены, а золотая и серебряная утварь разграблена.

Еврейские старейшины радостно рассказывают, как быстро был подавлен мятеж. Они, их жены и дети надели власяницы, постились и молились Богу Небесному, который дал им увидеть, как исполнилось их желание в отношении этого Гидарна. Собаки сорвали ножные браслеты с его ног; все богатства, которые он накопил, были уничтожены, а все те, кто

разрушал их храм, были казнены.

Но это не привело к восстановлению храма. Даже еще до того, как мятеж был подавлен, Иедония и другие жрецы обратились к властям в Палестине за помощью. Преемником Неемии на посту правителя Иудеи стал Багохи, в то время как за врагом Неемии Элиашибом последовал его сын Иояда, а после недолгого пребывания на посту верховного жреца его сменил его собственный сын Йоханан. В письме, адресованном правителю, верховному жрецу и его коллегам (жрецам, которые находились в Иерусалиме), для большей убедительности значились имена Остана, брата Анани, и представителей иудейской знати. Естественно, никакого ответа получено не было, так как разрушение храма конкурирующей религии могло вызвать у них только одобрение.

Так что 25 ноября 407 г. до н. э. было послано второе письмо, на этот раз одному Багохи. В нем имелись обычные льстивые добрые пожелания: «Да дарует Бог Небесный здоровье твоей Светлости на все времена и милость царя Дария и принцев в тысячу раз большую, чем сейчас; и да дарует Он тебе долгую жизнь, и да пребудет с тобой счастье и процветание на все времена». Далее Иедония и связанные с ним жрецы рассказывают историю нападения. Они вспоминают, как их отцы построили этот храм в крепости Йеб перед нашествием персов и как никто не причинил вреда их храму, когда Камбиз вторгся в Египет и уничтожил все храмы местных богов.

Но на протяжении более трех лет с момента разрушения их храма они носили власяницы и постились, не мазали себя маслом, не пили вина; их жены жили как вдовы. Так как местные жители не позволят восстановить храм, они взывают к Багохи: «Посмотри на своих доброжелателей и друзей, которые живут здесь, в Египте. Пусть им будет послано письмо от тебя в отношении храма Бога Яху — чтобы его можно было построить в крепости Йеб, где раньше он стоял, и в твою честь на алтарь Бога Яху будет принесена мука и зажжен ладан. А мы будем молиться за тебя всегда — мы, наши жены, дети и все здешние евреи, если храм будет отстроен заново; и это будет твоя заслуга перед Богом Небесным Яху, большая, чем заслуга человека, который делает ему жертвоприношение ценой в тысячу талантов».

Однако они не полагались только на обещание действенных молитв, так как «что касается золота, то мы послали его и дали указания». Они также отправили еще одно письмо Делайе и Шелемийе, сыновьям Санбаллата, который все еще был правителем Самарии.

Официальный ответ не пришел. Посланец вернулся с устным распоряжением, которое он передал с нетерпением ожидавшим его сородичам-евреям: «Приказ от Багохи и Делайи: Они сказали мне: «Пусть это будет указанием вам в Египте поговорить с Арсамесом о доме Бога Небесного… чтобы построить его заново на том месте, где он стоял раньше, и чтобы люди могли делать на его алтаре жертвоприношения и зажигать ладан, как они это делали раньше».

Арсамес вернулся, чтобы разобраться с растущим недовольством. Требовалась политика умиротворения. Требование гонца, чтобы по совету Багохи и Делайи, второстепенных чиновников, подчинявшихся другому сатрапу, был восстановлен храм евреев, не было подкреплено никакой «писулькой». Более того, это было не их дело, и в стране, где царило такое брожение, восстановление храма было бы очень опасно. Ясное дело, Арсамес ничего не предпринял.

Не обращая внимания на надвигающуюся бурю, евреи продолжали писать письма. Иедония и четыре других руководителя общины отправили еще одно письмо высокопоставленному чиновнику, вероятно местному правителю Фив. Тон письма смиренный: если их храм будет восстановлен в первоначальном виде, они обещают не приносить в жертву овец, быков или коз, а только ладан, еду и питье. Даже при таких ограничениях они заплатят сумму денег, равную стоимости дома его светлости, и дадут 1000 *ardabs* ячменя. Когда они заняли место в воротах Фив, чтобы вручить свое прошение, их схватили, бросили в тюрьму и держали в ней, пока не был выплачен выкуп в размере 120 *kerashin;* их также лишили власти в их Йебе. И все же они надеются: «Мир твоему дому и

твоим детям, пока Бог не позволит нам увидеть то, чего мы желаем».

Финикии шли угрозы со стороны Египта и Аравии. Еще серьезнее была ситуация на Кипре. Приблизительно в 425 г. до н. э. Баалмилк II, сын Азбаала, сына Баалмилка I, был царем Кития и Идалия. Тогда Абдемон, изгнанник из Финикии, имея в Китии свой опорный пункт, захватил Саламин и убил правившего тирана. Не удалась его попытка схватить Эвагора, представителя бывшей царской семьи; он бежал в Солы, который взял с пятьюдесятью воинами. Через некоторое время Эвагор вернул себе Саламин (411 до н. э.). Озабоченный более близкими к Персии проблемами, Дарий не стал предпринимать попыток выдворить его, даже когда Эвагор отправил зерно враждебным персам Афинам и в качестве награды получил афинское гражданство (410 до н. э.).

Успех персов в войне с греками. Кир Младший

Все эти восстания серьезно затрудняли ведение войны с греками. Пелопоннесские моряки потерпели поражение вблизи Абидоса осенью 411 г. до н. э., и Фарнабазу самому пришлось прийти к ним на помощь. Их использовали в качестве береговой охраны; им дали одежду и двухмесячное жалованье. Им были также предоставлены деньги и дерево с горы Ида для постройки новых кораблей в Антандре. Для этого были отчеканены новые статеры (античная монета, имевшая хождение в Древней Греции и Лидии с начала V в. до н. э. до середины I в. н. э. — *Пер.*), украшенные изображением головы сатрапа и носа корабля, символа Кизика; голова Фарнабаза в короне сатрапа была выгравирована местным греческим художником так искусно, что его портрет и портреты сатрапов, которые пришли ему на смену, — Тиссаферна, Спитридата, Автофрадата и Датамеса — настолько превосходной работы, что могут равняться (если не превосходить) более известные портреты на монетах Раннеэллинского периода, который они представляют.

Тиссаферн добрался до Геллеспонта, и Алкибиад посетил своего бывшего друга, но был схвачен и увезен в Сарды. После месячного заключения он бежал, разделил пелопоннесский флот и вынудил Фарнабаза покинуть Кизик.

Когда адмиралы, стоявшие во главе сиракузского флота, были смещены ввиду смены правительства на родине, Фарнабаз дал средства для призыва на службу наемников и постройки кораблей для восстановления этих адмиралов в прежних должностях. Тиссаферн был обвинен в поддержке антиспартанского переворота в Фасосе (410 до н. э.). Весной 409 г. до н. э. афиняне начали решительное наступление. Фрасилл нанес поражение милетцам, взял Колофон и сжег созревающее зерно в Лидии. Не имея больше возможности зависеть от спартанцев, Тиссаферн собрал своих собственных новобранцев из провинций. Отряд под командованием Стагеса атаковал конницу, защищавшую фуражиров, и заставил их отступить до побережья. К этому времени на помощь сатрапу подошло достаточное подкрепление, чтобы оказать поддержку эфесцам в отражении нападения афинян, которые, однако, снова разбили Фарнабаза под Абидосом.

Оратор Андокид был насильно отправлен в изгнание в 415 г. до н. э. Будучи олигархом, он оснастил флот своей страны и тем самым оказал ценное содействие победе, одержанной неподалеку от Кизика в 410 г. до н. э. Когда случился голод — в период между январем 409 г. до н. э. и сентябрем 408 г. до н. э. — он появился перед афинским собранием с просьбой о своем восстановлении. Он рассказал о том, как он расстроил заговор с целью помешать отправке зерна с Кипра, и объявил, что четырнадцать кораблей с зерном готовы отплыть в Пирей, а следом за ними последуют еще другие. Однако к его возвращению афиняне еще не были готовы.

Уже к 416 г. до н. э. вифинийцы стали такими сильными, что жители Византия и Халкедона должны были сдерживать их набеги жестоким опустошением их земель, и теперь Алкибиад навязал им договор, согласно которому они уступили собственность, вверенную им халкедонянами, после чего он окружил сам Халкедон. Фарнабаз попытался снять осаду; потерпев неудачу, он согласился на перемирие, которое должно было продлиться до тех пор,

пока он не сопроводит афинских послов к царю. Горгиас произнес яркую речь перед толпами собравшихся в Олимпии от имени всего греческого мира, протестуя против союза с этим врагом с древних времен, но время было неподходящим (408 до н. э.).

Афинские и аргивские посланники встретились с соперниками из Спарты и Сиракуз в Кизике. Они все перезимовали в Гордии и весной 407 г. до н. э. начали поход заново, но только лишь встретились со вторым спартанским посольством с новыми жалобами на Тиссаферна. Афиняне и их коллеги могли ожидать доброжелательного приема, так как при дворе считали, что сатрапы потерпели неудачу в своей политике в отношении Греции. К тому же Тиссаферн, как брат мятежника Теритевхма, был объектом ненависти Парисатис, которая тоже вела свою собственную игру.

С начала правления Дария Арсак, старший сын царя и Парисатис, был признан кронпринцем и в качестве такового поселился в Вавилонии. Однако, когда Арсак спас свою жену Статиру от участи ее семьи, его мать отвернулась от него и сделала своим любимцем Кира.

В это время основная масса персидского войска воевала на западе. Если бы Кир стал его командующим, он получил бы возможность выиграть войну для Спарты и тем самым снискать себе благодарность и, следовательно, поддержку самых лучших профессиональных воинов в мире, когда выдвинул бы свои притязания на трон. Так, ради продвижения своего любимого сына Парисатис непатриотично оставила политику «разделяй и властвуй», которой столь мудро следовали Тиссаферн и Фарнабаз.

Молодому человеку — ему было, самое большее, едва шестнадцать лет от роду — были отданы сатрапии Лидия, Большая Фригия и Каппадокия, в то время как Тиссаферн в дальнейшем был ограничен Карией. И что еще более важно, у него было запечатанное поручение: «Я посылаю Кира в качестве *karanos* тех, кто взят на военную службу в Кастоле». Иными словами, Кир стал главнокомандующим всеми персидскими армиями, действовавшими в Малой Азии.

Новый спартанский полководец Лисандр поспешил в Сарды и пожаловался на действия Тиссаферна. Его уверили: Кир получил особые указания помогать Спарте, и на эту цель было выделено 500 талантов. Когда эти деньги кончатся, продолжал Кир, он откроет свой личный кошелек и при необходимости даже продаст свой золотой и серебряный трон. Каждый корабль должен был получать 30 мин (денежная и весовая единица в Древней Греции, Сирии, Вавилонии, Палестине. — *Пер.*) в месяц; каждый моряк — 4 обола в день, а месячное жалованье было выдано авансом. Тиссаферна осадили, когда он убеждал вернуться к прежней политике разделения, не более успешно прошла и его попытка представить афинских посланников. Но афиняне продолжали побеждать; Клазомены сдались Алкибиаду, а Фрасибул держал в осаде Фокею и Киму (407 до н. э.).

Преемник Лисандра Калликратидас посетил Сарды и потребовал еще денег. Прождав аудиенции два дня, в то время как Кир пребывал в тяжелом запое, он уехал в Эфес, проклиная тех, кто научил врага понимать власть богатства и быть надменным. Вернувшись, он поклялся, что сделает все возможное, чтобы примирить воюющих греков, чтобы они не просили помощи против друг друга; он пообещал сделать так, что этот варвар снова станет их бояться.

После того как Калликратидас разгромил Конона при Мишлене, Кир все же выдал ему деньги, но спартанский адмирал отказался от всех личных подарков, заявив, что он вполне удовлетворен официальной дружбой. Калликратидас погиб при Аргенузах, и Кир, все еще испытывавший потребность в своем друге, использовал это несчастье, чтобы обеспечить через своих послов возвращение Лисандра в конце 406 г. до н. э. Денежные средства, выделенные ему отцом, оказались меньше его расходов, но Лисандра приветствовали еще большим количеством подарков.

Над головой юного принца сгущались тучи. Он казнил двоих сыновей сестры царя Автобесака и Митрея, потому что они не спрятали руки в рукава в его присутствии; такой поступок заявлял о требовании царских почестей, и секретарь царя Хиерамен доложил

Дарию, что это предвещает восстание. Его отец был серьезно болен, и под этим предлогом Кир был отозван. Перед отъездом юный принц отдал Лисандру все свои имевшиеся в наличии деньги, равно как и дань с городов — в его личную собственность. Столь высоко ценили Лисандра греческие города в Азии, что в Эфесе была воздвигнута его статуя в храме Артемиды.

Еврипид демонстрировал своих «Вакханок» македонянам. В пьесе он рассказал, как Дионис с толпой эллинов и варваров проводил обряды великой матери Кибелы под музыку фригийских флейт и курящийся ладан из Сирии. Он также рассказал, как бог оставил Тмол, крепость в Лидии, сами золотые поля Лидии и Фригии, сожженные солнцем края персов, опасные земли мидийцев, счастливую Аравию и Азию ради своего нового дома в греческих Фивах. В пьесе «Ифигения в Авлиде» он утверждал, что греки должны править варварами, а не варвары — греками. Тем не менее в тот самый год (405 до н. э.) спартанцы, финансируемые Киром, выиграли сражение при Эгоспотамах и закрыли проливы для русского зерна. На следующий год (404 до н. э.) Афины из-за голода были вынуждены покориться. Благодаря своей дипломатии и деньгам Персия выиграла Вторую Греческую войну.

Глава 27
ДИКТАТОР ДЛЯ ГРЕЦИИ

Восхождение на престол Артаксеркса II Мемнона

Персия выиграла вторую большую войну с европейскими греками. Своей финансовой помощью Спарте она на самом деле продиктовала мир. Теопомп в своей комедии «Мидиец» полностью осознал возможности, которые получили персы после Пелопоннесской войны. Но эта помощь была оказана несмотря на предостережения ее самых мудрых дипломатов, и события немедленно доказали, что Тиссаферн и Фарнабаз были правы. Спарта не испытывала лояльных чувств по отношению к империи, лишь небольшую благодарность юному Киру; но даже маленькая помощь, которую она оказала претенденту, подставила наиболее важные центры империи для нападения греков, дала возможность разразиться восстаниям, которые почти разорвали империю на куски, и сделала общеизвестными те слабости, которые если всегда и игнорировали греческие политики, то были очевидны греческим публицистам и в конечном счете принесли ей гибель от рук Филиппа и Александра.

Кир догнал своего отца в Тамнерии (Мидия), куда он отправился, чтобы подавить очередное восстание, на этот раз кадусийцев (воинственный народ, живший на западном побережье Каспиийского моря к югу от Аракса. — *Пер.*) — самое сильное из иранских племен. Прежде чем это случилось, болезнь Дария стала опасной, и он уехал в дом своей матери в Вавилоне, где и умер в марте 404 г. до н. э. Он был последний из четырех царей, который был похоронен в Накш-и-Рустаме.

Взойдя на престол, Арсак взял имя своего деда — Артаксеркс, к которому греки добавили прозвище Мемнон — «Помнящий». Его первым публичным поступком был приказ казнить предателя Удиаста, который убил своего господина Теритевхма. Наказание было жестоким: ему полностью вырвали язык. Его сын Митридат публично проклял своего отца Удиаста и сохранил город Зарис для сына Теритевхма, хотя тот вскоре был отравлен разгневанной царицей-матерью. За свою верность Митридат получил в награду сатрапию своего отца.

На наказании Удиаста настаивала царица Статира, и царица-мать была в ярости. Вскоре представилась возможность отомстить. Согласно обычаю церемонии коронации должны были проходить в храме Анахиты в древней столице Парсагарде. Его жрецы должны были облачить нового монарха в наряд Кира Старшего, после чего он должен был съесть шесть

пирогов с инжиром, пожевать кусочек терпентиновой древесины и выпить чашку кислого молока. Перед началом церемоний Тиссаферн привел к Артаксерксу мага, который не так давно был домашним учителем юного Кира, и тот заявил, что его брат намеревается убить нового царя во время переодевания и облачиться в одежды основателя империи. Обнаруженный прячущимся в нишах храма, Кир был явно виновен в преступном замысле, и справедливо разгневанный Артаксеркс уже собирался казнить своего несостоявшегося убийцу. И хотя было совершенно очевидно, что именно коварный ум матери скрывается за этим заговором, жестокосердная женщина воспользовалась уважением, которое испытывал сын к родившей его женщине, и не только обеспечила своему любимцу прощение, но и заставила Артаксеркса разрешить ему возвратиться в свою сатрапию.

Мятеж Кира

Благодарности ожидать не стоило. Вскоре после своего возвращения летом 403 г. до н. э. Кир начал подготовку к тому, чтобы оспорить трон. Спарта отказалась от контроля над ионийскими городами, которые изначально принадлежали сатрапии Тиссаферна, и Кир смог склонить их всех на свою сторону, за исключением Милета, который удерживал Тиссаферн, изгнав из него знать. Их принял Фарнабаз, который дал каждому по золотому статеру и поселил в Клауде. Возвращение ссыльных было желанным предлогом для сбора армии, и Кир осадил Милет.

После падения Афин Алкибиад выучил персидский язык и стал носить персидское платье, чтобы втереться в доверие к Фарнабазу. Это ему удалось, и он получил фригийскую крепость Гриний с ежегодным денежным содержанием в размере 50 талантов. Обнаружив, что Спарта намеревается выполнять свои договорные обязательства по отношению не к царю, а к претенденту на престол, он вознамерился представить эту информацию на рассмотрение Артаксерксу. Лисандр угрожал расторгнуть договор, если Алкибиад не будет убит; и таким образом коварный афинянин встретил свою судьбу (402 до н. э.) и был похоронен в Мелиссе между Синнадой и Метрополем. Артаксеркс не был предупрежден, и Фарнабаза можно было считать мятежником.

К персидским войскам, находившимся под его командованием, Кир добавил тринадцать тысяч наемников из числа искавших приключения греков, которые с окончанием Пелопоннесской войны сидели без заработка. Весной 401 г. до н. э. он выступил на восток. Не осмеливаясь сообщить грекам об истинной цели, он сделал сначала вид, что экспедиция направлена против диких писидийцев (Писидия — историческая область в Юго-Западной Малой Азии, граничит с Лидией, Ликией, Памфилией и Карией. — *Пер.*), которые всегда представляли угрозу миру и безопасности. Затем целью стали мятежные тираны Киликии; для придания достоверности был мобилизован объединенный персидско-пелопоннесский флот, который также доставил отряды спартанской пехоты. Сиеннесис Киликийский послал к Киру свою царицу и одного сына с некоторым количеством войска, в то время как другой его сын отправился к великому царю и уверил его, что его отец к нему лоялен и поднимет восстание за спиной претендента на трон. Каждое продвижение в глубь материка означало новые требования терзаемых подозрениями наемников, которые удовлетворялись путем чеканки дариков. На этих монетах полугрек Кир был изображен без бороды; у него прямой и слегка вздернутый нос, на нем корона без острых зубцов и мидийское платье из грубого материала. На обратной стороне была вычеканена чисто греческая голова бородатого и рогатого бога Пана.

Естественно, греки могли только восхвалять характер Кира, который самым необычным образом проявился в случае с афинянином Ксенофонтом, империю предков которого юный принц помог уничтожить. С точки зрения персов, Кир был хуже предателя. Он пошел войной на империю с враждебными ей греками и сделал это в то время, когда империя испытывала немалые трудности. Под боком были все еще мятежные кадусийцы. Еще более серьезной угрозой был тот факт, что их примеру последовали египтяне.

Восстание в Египте

В 405 г. до н. э. в дельте Нила началось восстание во время правления Амиртея II (очевидно, это внук первого), шесть лет царствования которого летописцы считали Двадцать восьмой Сансской династией; «в его время был Закон» — утверждает местный летописец. Восстание быстро распространилось вверх по течению Нила; в Карнаке были построены ворота для расширения в южном направлении храма Монту. Несмотря на свои уверения в верности Персии и заявления о страданиях, причиненных им египетскими жрецами во время последнего неудавшегося мятежа, еврейские наемники в Элефантине были вынуждены изменить своей преданности. Согласно папирусу из их архивов, датированному 25-м числом месяца фаменота (седьмой месяц египетского календаря. — *Пер.*) пятого года Амуртис, сын Шаллома Менахем, арамей из крепости Йеб, находившийся под знаменами Набукудурри, обещает заплатить по иску своей жене Саллуа, дочери Самуаха, 2 шекеля, то есть 1 статер серебром. Если он не заплатит деньги в течение пяти дней, сумма будет удвоена. Использование статера в качестве единицы обмена доказывает наличие греческого влияния, которому суждено было постоянно нарастать в течение грядущего периода независимости Египта. Судьба колонии под властью националистически настроенных царей едва ли могла складываться счастливо.

Кунакса и поход Десяти тысяч

Сатрап Сирии Аброкомас собрал огромную армию, которая могла бы завоевать Египет. Когда появился Кир, Аброкомас отступил, и долина Нила получила долгую передышку. Не встретив серьезного сопротивления, оккупанты прошли вниз по течению Евфрата к городу Кунакса, расположенному всего в 97 километрах от Вавилона. Образовались толпы дезертиров, которые надеялись получить награду за то, что первыми встречают идущего победителя. Артабарий собирался последовать их примеру, но был замечен и брошен в раскаленные угли. Ободренный таким потоком дезертиров из стана врага, Кир приготовился встретить огромную армию, собранную его братом, с которым теперь объединился Аброкомас. Решающее сражение произошло 3 сентября 401 г. до н. э. Благодаря умелым маневрам Клеарха (спартанский полководец, участвовавший в походе Кира Младшего. — *Пер.*) наемники нанесли поражение своим противникам на правом фланге. Греческий полководец посоветовал Киру не подвергать себя без нужды опасности, но, когда Кир увидел напротив своего брата, он забыл об осторожности и яростно ринулся на него. Он ранил Артаксеркса, но сам был убит.

Артаксеркс лично изувечил его тело, но приказал отрубить голову и руку, которая нанесла ему удар, чтобы торжественно пронести их в доказательство своей победы. Парисатис впала в немилость. Пока Кир находился в своей сатрапии, стягивая войска для вторжения, Сатибарзан обвинил Оронтеса в том, что тот сделал царицу-мать своей любовницей. Царский врач Ктесий утверждает, что обвинение было безосновательным. Очевидно, Артаксеркс думал иначе, так как Оронтес был казнен.

Получив весть о том, что вторжение потерпело провал, а ее любимый сын мертв, Парисатис поспешила в Вавилон. После долгих прений она уговорила своего сопротивляющегося сына передать ей то, что осталось от тела Кира, и, по крайней мере, какая-то часть его была с почестями похоронена в Сузах. Не оставалось ничего, кроме мести, которую горюющая царица-мать не замедлила осуществить. Голову сына отрезал Багапат; и хотя он действовал по царскому приказу, царь слабо сопротивлялся, когда Парисатис выиграла его в игре в кости и приказала содрать с него кожу живьем и распять. Она замучила до смерти карийца, который якобы ранил Кира, а сатрап Митрадат, который, будучи навеселе, похвастался, что это он нанес смертельный удар, тоже был жестоко наказан.

Тиссаферн находился при дворе. Все его предупреждения оказались верными, и его

господину была нужна его помощь в решении самой насущной проблемы — в сердце империи находилась большая группировка хорошо обученных военному делу греков. Менона, раздраженного тем, что юный принц открыто отдает предпочтение Клеарху, легко было склонить на свою сторону. По настоянию простых солдат полководцы, включая полного подозрений Клеарха, были вынуждены прийти к Тиссаферну. Они немедленно были закованы в цепи и отправлены в Вавилон, где Артаксеркс поправлялся от ран. Ктесий сделал, что было в его силах, для Клеарха, которого Парисатис попыталась освободить, но ей меньше везло с друзьями, чем с врагами. Настойчивые речи Статиры взяли верх, и все, кроме предателя Менона, были убиты. Парисатис могла только почтить память Клеарха, приказав своим евнухам посадить пальмы вокруг его могилы.

Недостаточная дисциплина в рядах греков отправила их полководцев на смерть; самодисциплина свободных людей никогда не проявлялась лучше, чем в реакции армии на это несчастье. Путем голосования были выбраны новые командиры, и их приказам все подчинились, когда забытые наемники пробивались на север через холода, свойственные зимам в Армении. Весной 400 г. до н. э. Десять тысяч солдат добрались до желанного моря в Трапезусе.

Это был необыкновенный успех. Позднее ораторы не переставали восхвалять и снова упоминать поход армии Десяти тысяч, чтобы доказать, как легко может быть уничтожена внушительная Персидская империя. Но для городов, расположенных вдоль северного побережья Черного моря, не было ничего романтичного в этих оборванных, драчливых хулиганах-наемниках, негодяях, собранных со всех уголков греческого мира, с их постоянными требованиями продовольствия. Вместо ожидаемого признания за удивительно мужественный поступок с последующей наградой их поспешно отправляли из одного трепещущего города в другой.

Ариэй (друг и полководец Кира Младшего. — *Пер.*) был вместе с Киром во время его вторжения и принимал участие в сражении при Кунаксе. Он сыграл свою роль при захвате греческих полководцев и в качестве награды получил сатрапию Большую Фригию.

На следующий год (400 до н. э.) царица-мать завершила борьбу за влияние на слабого царя, отравив царицу за обычной трапезой в Сузах. Артаксеркс пришел в ужас и выслал Парисатис в ее родной Вавилон. Но после смерти Статиры ему нужен был кто-то сильный, на кого он мог опереться, и вскоре Парисатис вернулась ко двору.

Война между Персией и Спартой

И хотя Дарий II отдал больше чем 5 тысяч талантов Спарте, тем самым выиграв за нее войну с Афинами, она отплатила его законному преемнику самой низкой неблагодарностью. Спартанский флот заставил не желавшего этого Сиеннесиса выступить с открытым неповиновением, и Артаксеркс счел необходимым преобразовать Киликийское царство в обычную сатрапию. Войска Спарты вели вместе с претендентом на трон операцию вторжения и участвовали в сражении при Кунаксе. В том, что исход сражения был не в пользу претендента, или в том, что Кир расстался с жизнью, не было вины командующего греческими наемниками спартанца Клеарха. Правительство Спарты не могло законно пожаловаться, когда Клеарх был казнен и когда Артаксеркс расценил ее предательское поведение как открытое объявление войны.

Весной 400 г. до н. э. полностью реабилитированный Тиссаферн снова появился на западной границе. Теперь он был преемником Кира на посту правителя пограничного округа Анатолия. Естественно, он первым делом потребовал, чтобы ионийские города признали его власть. Боясь наказания за свою поддержку Кира, они отказались и обратились к Спарте, которая велела оставить города в покое. Действуя таким образом, Спарта, по общему признанию, проявляла самую черную неблагодарность, но весть о «десятитысячниках» и их неповиновении великому царю уже распространилась, и спартанцы не могли устоять перед искушением сравняться с их подвигами.

Тиссаферн ответил осадой Кимы. Осенью прибыл Фиброн с явным намерением освободить Азию. До того времени существование «десятитысячников» зависело от непредвиденных обстоятельств: они добывали себе пропитание угрозами неохотно уступавшим им городам, через которые они поспешно проходили, сражаясь самостоятельно с вифинийцами и подданными Фарнабаза за добычу или помогая за плату тиранам Пергамума. Теперь положение изменилось, и важно отметить, что весной 399 г. до н. э. они были включены в состав армии Фиброна в качестве наемников на приличном жалованье.

С этими закаленными в сражениях войсками Фиброн мог противостоять сатрапу на равных. Прежних подданных Персии можно было склонить на свою сторону. Командующий гарнизоном в Эолии сдал вверенный ему регион. Некоторые греки, эмигрировавшие из Европы, потому что их предки благосклонно относились к персам, также перешли на его сторону. Эвристен, внук спартанского царя Демарата, правил Пергамумом, отданным его деду после провала военного похода Ксеркса. Там он чеканил монеты, на которых были изображены фигуры Афины, Аполлона и его самого с бородой и в персидской тиаре. Его младший брат Прокл был вместе с Киром во время его неудачного наступления и поэтому стал мятежником; он бежал, помогал Ксенофонту и теперь владел Тевтранией и Галисарной, где чеканил монеты с фигурами Аполлона и изображением своей собственной головы, соперничая с тиарой своего брата. Гонгил из Эритреи был посредником Павсания, пытавшегося предать греков после сражения при Платеях. Когда это не удалось, он пришел в Азию и там получил Старый и Новый Гамбриум, Мирину и Гриний. Теперь его потомок Горгион правил Старым и Новым Гамбриумом, а его брат владел всем остальным. На монетах обоих правителей были изображения Аполлона или Артемиды. Так называемая египетская Лариса, где, как считалось, первый Кир поселил плененных египтян, устояла в осаде. Осенью Деркилидас сменил Фиброна, который был наказан и сослан по обвинению союзников в том, что он позволил войскам их грабить. В тот год (399 до н. э.) его враги уговорили афинского оратора, консерватора Андокида, возвратиться на место своей ссылки на Кипр, где он мог быть уверенным, что получит много хороших земель.

Новый командующий заключил перемирие с Тиссаферном и выступил против Фарнабаза, с котором у него были личные счеты. Раньше части Эолии принадлежали дарданийцу по имени Зенис. После его смерти его вдова Мания посредством великолепных подарков получила «сатрапию» от Фарнабаза и стала известной своей расторопностью, с которой она платила дань. С помощью греческих наемников она захватила Ларису, Гамаксит и Колоны, наблюдая за сражениями со своей боевой колесницы. Она сопровождала Фарнабаза в его походах против мисийцев и писидийцев, которые постоянно совершали набеги на царские земли, и даже была почитаема как советник. Когда ей исполнилось сорок лет, эта удивительная женщина была убита своим зятем Мейдиасом, который также убил и ее семнадцатилетнего сына и захватил города, в которых она хранила свои сокровища, Скепсис и Гергис. Другие города отказались признать узурпатора, и, когда Мейдиас вручал дары сатрапу, они были отвергнуты, а он предупрежден, что убитый друг будет отомщен.

Очень своевременно приехал Деркилидас, и через день его уже приветствовали в Ларисе, Гамаксите и Колонах. За ними последовали Неандрия, Илий и Кокилий, так как после убийства Мании к их греческим гарнизонам стали плохо относиться. В Кебрене был размещен гарнизон. Мейдиас предложил Деркилидасу союз на определенных условиях, и тот согласился, если только греки получат автономию. Войска узурпатора были выдворены из Скепсиса, где спартанский командующий на акрополе принес жертву местной Афине и возвратил власть в городе его жителям. В Гергисе он вынудил Мейдиаса открыть ворота. Наемники перешли к нему на службу, а благодаря сокровищам Мании он смог заплатить восьми тысячам солдат за год.

С наступлением зимы Деркилидас предложил Фарнабазу выбор: война или мир. Сатрап, встревоженный этой угрозой своим владениям во Фригии, поспешно заключил перемирие, после чего армия вошла в Вифинию, всегда враждебно относившуюся и к персам, и к грекам, и, не встретив возражений Фарнабаза, от души пограбила ее. Весной

было заключено другое перемирие, и Фарнабаз немедленно отправился к царю и стал настаивать на возобновлении войны на море.

Проводя свою политику эллинизации острова, Эвагорас уже принимал греческих беженцев на Кипре, а после сражения при Эгоспотамах оказал гостеприимство потерпевшему поражение афинскому адмиралу Конону. В 399 г. до н. э. он уже начал переписку с греческим врачом Ктесием. Были получены письма от Абулетеса, и Ктесий написал ответ, уговаривая помириться с киприотским принцем по имени Анаксагор. Обмен письмами продолжился, и Конон сказал Эвагорасу, что хочет поехать к царю. Затем Конон написал Ктесию, и, чтобы помочь своему другу, Эвагорас согласился заплатить давнюю задолженность по дани. При посредничестве Ктесия, его врача-коллеги Поликрита, лечившего Мендеса и Зенона, учителя танцев на Крите — обратите внимание, как много греков было при дворе, — Конон передал письма самому Артаксерксу с просьбой поставить его во главе персидского флота. Взятки от Эвагораса Сатибарзану, без сомнения, преследовали ту же цель. Ктесий прочитал письмо Конона царю и выступил с речью в его пользу.

Фарнабаз появился при дворе в 398 г. до н. э. и стал преследовать ту же политику. Он получил 5 тысяч талантов на постройку новых кораблей и указание строить их на Кипре, а после завершения постройки они должны были действовать под совместным командованием Конона и сатрапа. Радостные афиняне послали Конону моряков, чтобы укомплектовать корабли, и необходимое вооружение.

Тем временем ионийские посланники побудили спартанцев напасть на Карию, где находился Тиссаферн. Если война пошла бы на его территории, его можно было бы вынудить дать их городам независимость. Деркилидас, соответственно, получил приказ идти в Карию, а флот должен был оказать ему поддержку. Чтобы противостоять этой угрозе, Фарнабаз, побывавший при дворе, посетил Тиссаферна, который только что получил высочайшее повеление и пообещал преданно действовать вместе с ним как его подчиненный.

Чтобы заплатить своим наемникам, Тиссаферн в своей сатрапии чеканил монеты по родосскому стандарту. На них изображено мужественное лицо с орлиным носом, крепкими губами и подбородком, усами и короткой бородой; на голове — тиара и диадема, а также головной убор с ремешками, проходящими по щекам и завязанными под подбородком. На оборотной стороне изображены царь в образе лучника, сидонская трирема и надпись по-гречески «царская».

После того как в карийских крепостях были размещены войска для отражения внезапного нападения, два сатрапа напали на беззащитную Ионию. Деркилидас поспешил к ней на помощь. Полагая, что сатрапы находятся на пути к Эфесу, он беспечно шел походным маршем, когда внезапно с угрожающим шумом впереди появились персидские разведчики. Сатрапы выстроили свои армии — карийцев с белыми щитами, персов, греческих наемников и огромный отряд конницы — в боевом порядке прямо через дорогу рядом с городом Траллейсом. Ионийцы и островитяне под командованием Деркилидаса были сильно напуганы, некоторые из них побросали свое оружие среди высоких колосьев, которые росли в Меандрской долине, а другие уже были готовы спасаться бегством. Фарнабаз настаивал на немедленной атаке, но его начальник, пораженный боевыми качествами Десяти тысяч, предложил организовать встречу со спартанцами. Спартанцы потребовали «свободу» для греческих городов, сатрапы выдвинули встречное требование — увести армию и убрать спартанские гарнизоны из городов Азии. Под предлогом того, что лидеры обеих сторон должны посоветоваться со своими начальниками, была достигнута договоренность о годовом перемирии.

Ктесий — врач-историк

Пока спартанских послов все еще удерживали в Сузах (тем самым не давая просочиться вовне вести о проекте строительства кораблей), Ктесий посетил Кипр, чтобы

лично вручить царское предписание Эвагорасу (398 до н. э.). Весной 397 г. до н. э. он отправился в Спарту с другим царским письмом, которое еще больше сделало неясным истинное положение дел.

Ктесий не вернулся к исполнению своих обязанностей в качестве придворного врача. Вместо этого он вернулся в свой родной Книд и подробно описал все, что узнал за семнадцать лет жизни при дворе. Он утверждал, что его «История Персии» основана на царских пергаментах; на самом деле она передает придворные сплетни, которые он слышал от Парисатис и других своих друзей из числа персов. По поводу событий последнего века Ктесий дает нам много информации, которую мы должны пропустить, хоть и сожалея о том, что он не воспользовался своими возможностями лучшим образом. Для персидских источников он использует местные легенды, хоть и не как Геродот, которого он постоянно старается превзойти. Его «История Ассирии», напротив, представляет собой бурный любовный роман, героиня которого царица Семирамида. Несмотря на разумные сомнения, его талант рассказчика передался его преемникам, и то, что слыло историей Древнего Востока у греков, было больше обязано Ктесию, нежели Геродоту.

Подобным образом Ктесий написал произведение «О дани в Азии» — вклад в экономическую историю, — потеря которого невосполнима. Он готовил свое собственное «Кругосветное путешествие». Однако больше всего его помнят как автора опубликованной книги об Индии — необычного сочетания подлинной информации, почерпнутой у гостей из Индии, и рассказов, которые он собрал при дворе, плюс плоды живого воображения, которые привлекали, хоть и не убеждали тех, кто сильно нуждался в знаниях об этой далекой и загадочной стране.

Косвенные сведения из Индии

Наверное, не кажется странным, что у более поздних составителей, которые выбирали из приукрашенных рассказов Ктесия то, что они считали самым лучшим, не сохранилось упоминания о Таксиле, большом городе Хиндуша, который в более поздний период правления Ахеменидов занял место прежней столицы Гандхары Певкелы (Пукхалы). Когда в нее пришел Александр, Таксила уже была самым богатым и процветающим городом в плодородном крае между Индом и Гидаспом, то есть в Хиндуше. Вряд ли Ктесий не упомянул его, потому что у него имеется подробный рассказ об Инде и он знал о реке Гидаспе.

Холм, который покрывает развалины догреческого поселения в Таксиле, был опознан, и на нем произвели раскопки. Немного предметов, оставшихся от эпохи Ахеменидов, было найдено, но было получено много косвенных сведений. Например, надпись времен правления Буддиста Асоки, который почти сразу же пришел к власти за последним Дарием, выгравирована красивыми арамейскими буквами конца IV в. до н. э. и демонстрирует то же самое сочетание арамейских и персидских формулировок, которые, вероятно, были в ходу в царской канцелярии того времени. Она является доказательством арамейского происхождения знакомого нам письма кхарошти (древнеиндийское письмо V в. до н. э. — V в. н. э. — *Пер.*), распространенного в последующий период.

Во втором слое, представлявшем Позднеахеменидский и Раннемакедонский периоды, был найден большой склад монет. Один-единственный сильно потертый дарик доказывает, что отношения с родиной-Персией не прерывались, но более тысячи серебряных монет с отверстиями являются примером самых первых местных монет, которые варьировали от крошечных монеток чуть более двух гранов (которые, возможно, были скопированы с лидийских) до прямоугольных согнутых брусков, вырубленных из ввезенных серебряных листов, или многоугольных, квадратных и круглых настоящих монет; один только их вес подтверждает существование связей с Персией, потому что они представляют четверть, половину и двойной серебряный шекель. Вот такое серебро предложил правитель Таксилы Александру.

Раскопки не подтверждают ту точку зрения, что иранские элементы оказывали влияние на местное искусство на протяжении периода правления Ахеменидов. Но в этот период в районах Индии, расположенных за Хиндушем, стали появляться мощные религиозные движения, которым суждено было глубоко повлиять на всю страну. Победа буддизма состоялась через несколько лет после падения Персии, но в Таксиле Александр встретился с брахманами, которые соблюдали традиции аскетизма совсем как в джайнизме.

Вторая Троянская война Спарты

Приехавший из Финикии сиракузец прибыл в Спарту зимой 397/6 г. до н. э. Он сообщил, что видел, как собирается флот из трехсот кораблей — мечта Конона стала реальностью. Испуг был так велик, что Лисандр сумел убедить эфоров послать самого царя Агесилая оказать военную помощь Азии.

Надежды его вознеслись высоко. Как второй Агамемнон, он будет вести вторую Троянскую войну против Востока. Но если персидские воины стали хуже со времен завоеваний Кира, то о персидских дипломатах этого сказать было нельзя, и у них была поддержка в виде золота империи. Когда Агесилай начал свой поход вторым жертвоприношением в Авлисе (древнегреческий город в Беотии, современная Авлида. — *Пер.*), беотийцы силой остановили церемониал.

Появление Агесилая в Азии в начале лета 396 г. до н. э. было уже лишено великолепия. Когда он прибыл в Эфес, он получил от Тиссаферна просьбу о трехмесячном перемирии; дав клятву, сатрап пообещал вести переговоры о мире, согласно условиям которого греческие города в Азии должны быть независимыми, и простодушный спартанец поверил ему. Лисандру сопутствовал больший успех, так как на Геллеспонте он склонил на свою сторону подчиненного Фарнабаза по имени Спитридат, дочь которого, уже обрученную с младшим сыном царя, его вышестоящий начальник планировал захватить силой.

«Консультация» Тиссаферна со своим господином, однако, преставляла собой лишь просьбу о присылке еще войск. В начале года с первой эскадрой из сорока трирем, оснащенных Эвагорасом, Конон проплыл мимо Киликии в Кавн, где он находился в блокаде до тех пор, пока Артафрен и Фарнабаз не выручили его. К этому времени флот Конона увеличился до восьмидесяти кораблей, и появилась возможность отделить Родос от Спарты.

Ободренный этими успехами и прибытием подкреплений, Тиссаферн изменил свой тон и приказал Агесилаю немедленно покинуть Азию. Спартанец распорядился, чтобы города, расположенные на пути в Карию, обеспечили рынки. Предполагая, что второе вторжение в Карию состоится в недалеком будущем, Тиссаферн подготовил там оборону, но внезапно Агесилай стремительно появился во Фригии, где захватил несколько городов, принадлежавших Фарнабазу. Конная схватка неподалеку от Даскилея вынудила его отступить к побережью; нападениям войск Фарнабаза мешал только ультрасовременный способ — прикрывать идущих солдат со всех сторон пленниками.

Благодаря вторжению Кира на родину персов и войне со Спартой, которая развилась из этого, Египет остался независимым. Место Амиртея, единственного представителя Двадцать восьмой династии, занял самозванец из Мендеса Найфаайурут (Неферитес), который стал основателем Двадцать девятой. Он тоже был признан на всей территории Египта, а каменная плита и скарабей с его именем, найденные в Гезере (древний ханаанский город-государство и библейский город в Древнем Израиле. — *Пер.*), говорят о том, что он распространил власть Египта на Палестину. Когда Тамос, египетский адмирал флота Кира, бежал на родину после катастрофы, он был убит за свое предательство Псамметихом Мендесским, как греки называли Неферитеса.

Сцена жертвоприношения, обнаруженная в Тмуисе (столица Мендесского нома в Египте. — *Пер.*), представляет собой удивительно изящную резьбу, предваряющую прекрасное искусство Тридцатой династии. На второй год своего правления Неферитес похоронил быка Аписа. Ему он посвятил огромное гранитное святилище в Атрибисе, а в

Фивах восстановил небольшой храм знаменитого Тутмоса III. Все это свидетельствует о вновь начавшемся процветании Египта, когда его жители сами собирали свои налоги, и оправдывает хвастовство царя, что он любимец Птаха и Осириса. С тех пор как Артаксеркс построил корабли для афинянина Конона, Неферитесу было выгодно заключить союз с врагами Персии спартанцами. Он послал им такелаж для ста кораблей и полумиллиона мер зерна, но он не знал, что Родос был взят Кононом, который перехватил весь груз.

Зимой 396/5 г. до н. э. Конон уговорил Фарнабаза отправить родосского Тимократа с 50 талантами добиваться союза против спартанцев в Европе. Фиванцы, аргивцы и коринфяне приняли его дары, так как афиняне не требовали новых субсидий. Агесилай провел зиму в Эфесе, а весной начал угрожать Лидии. Подозревая еще один подвох, Тиссаферн снова приготовился защищать Карию, в то время как царь прошел через страну, лишенную войск, и взял богатую добычу. На равнине Гермуса вблизи Сардов персидская конница потерпела тяжелое поражение, потому что отстала ее пехота; лагерь, где находились деньги сатрапа и верблюды, которые Агесилай позже продемонстрировал удивленной Греции, попали в руки победителя. Тиссаферн отступил в город, а затем осторожно последовал за врагом, в то время как солдаты, забыв о званиях, на обратном пути в Приену вовсю грабили страну.

Все это время Парисатис, вновь занявшая прочное положение в сердце своего сына, строила заговор, чтобы убить последнего уцелевшего члена семьи ненавидимого ею соперника. До сих пор Тиссаферн сохранял доверие своего господина, который прекрасно сознавал, что тот спас и трон, и его жизнь, но неудачи последнего года стерли все воспоминания о благодарности, и Парисатис уговорила своего сына объявить сатрапа мятежником. Начальнику царской охраны Титрауста было предъявлено персональное обвинение в начале войны на границе. Штаб-квартирой Малой Азии стал город Колоссы (во Фригии на берегу реки Лик, притока Меандра. — *Пер.*), и сатрапу Большой Фригии Ариэю было приказано вызвать туда мятежного фаворита. В Келенах Тиссаферн был обезглавлен, а его голова отправлена царю. Парисатис свершила свою месть и могла умереть удовлетворенной, однако Персия потеряла своего самого талантливого дипломата.

Контрудары во Фригии

Титрауст бесцеремонно приказал Агесилаю отправляться домой. Их общий враг Тиссаферн был наказан, и царь согласился дать греческим государствам автономию при условии, что они заплатят давние долги. Агесилай ответил, что это невозможно, пока он не получит указания с родины. В ожидании указаний Титрауст решил, что спартанец мог бы опустошить земли Фарнабаза, и он подкрепил это предложение подарком в размере 30 талантов. Было заключено восьмимесячное перемирие, в течение которого Агесилай обещал не обижать лидийцев, а его армия вошла в геллеспонтийскую Фригию.

Но в эту игру могли играть двое. Незадолго до этого Фарнабаз проигнорировал настоятельные требования Колона финансовой помощи; теперь из конфискованных средств Тиссаферна он дал Колону 220 талантов. Оба союзника-грека были в тот момент на содержании Персии! Выполнив предписание, Титрауст возвратился на свой прежний пост ближе к концу года, оставив на местах Ариэя и Пасиферна полководцами с семью сотнями талантов для дальнейших дипломатических сделок. В результате в греческих городах в Азии снова были размещены гарнизоны. Конону грозила большая опасность от мятежных наемников на Кипре, но ему в конце концов удалось подавить мятеж. Чтобы в дальнейшем избежать затруднений из-за нехватки средств, Конон решил обратиться к Артаксерксу. Из Кавна он отплыл в Киликию, переправился через Евфрат у Фапсака (большой торговый город в Сирии, место переправы путешествующих в Вавилон и в глубь Азии. — *Пер.*), а затем продолжил свой путь вниз по течению реки до зимнего дворца в Вавилоне, где возвратившийся Титрауст приставил к нему стражу. Он был с почестями встречен царем, который дал Конону всю сумму денег, которую тот назвал, и решающий голос при ведении морских сражений (395 до н. э.).

А в это время осенью 395 г. до н. э. Агесилай переправился через реку Каиак, пограничную с сатрапией Фарнабаза, и предложил мисийцам присоединиться к вторжению. Земли тех, которые отказались, были разорены. Но пока он шел по трудной дороге через гору Олимп, местные жители напали на его арьергард, и пришлось вести переговоры о новом соглашении, чтобы получить проводников в Большую Фригию. У реки Сангарий его встретил Спитридат, который был теперь его союзником. Самое укрепленное поселение во Фригии Львиная Голова оказало сопротивление. Мы не удивляемся, когда видим его современный вариант Афион Кара Хиссар, Замок черного опиума, на одинокой вулканической скале, отвесно поднимающейся на равнине. Старая столица Фригии Гордий, защищенная укреплениями, построенными при Рафамесе, выдержала шестидневную осаду. Затем Спитридат повел армию в Пафлагонию, где был заключен союз с царем Отисом, преемником Кориласа, который не подчинился царскому приказу явиться в Сузы и с 400 г. до н. э. был фактически независимым. От Отиса Агесилай получил тысячу конников и две тысячи легковооруженных воинов; он также присутствовал на идиллической свадьбе юного царя с дочерью Спитридата.

Близилась зима, и Агесилай решил отступить. Десять дней войска в наказание грабили мисийцев в Киусе, после чего он прошел через геллеспонтийскую Фригию мимо Стены Милета и по долине реки Риндак к зимним квартирам у озера Даскилей. На его берегу находилась крепость, защищавшая дворец сатрапа, в котором сохранился интересный барельеф того времени.

Перед окном или нишей с тройной рамой и выпуклым орнаментом стоят два жреца, бородатый старец и его молодой коллега. У обоих поверх туники надеты меховой плащ и заметно широкие штаны. Голову каждого не только покрывает башлык, но и закрывает им рты, чтобы священный огонь не был осквернен человеческим дыханием. В левой руке каждый держит пучок священных ветвей, а правая рука поднята в молитве. Баран и бык, которых вскоре должны принести в жертву, подняли голову над оградой загона, куда их привели. Такая сцена не могла бы быть обнаружена в Персеполе, она иллюстрирует религию IV в. до н. э. в том виде, в котором она представлена в Яштах того времени, Ясне семи глав и других Яснах в прозе Авесты. Она также показывает контакты с греками, что видно из конфигурации оконных рам, изображения глаз в профиль, несимметричных складок одежды и сходящихся линий загона, которые исчезают на заднем плане как в перспективе.

Здесь также были парки для охоты, полные диких зверей. Рядом протекала река Одрисес, полная разной рыбы. Здесь в изобилии водились промысловые птицы, а вокруг располагались деревни с богатыми запасами зерна.

Единственным недостатком этого буквально рая было то, что фуражирующие команды часто подвергались нападениям конницы и боевых колесниц. Однажды, например, Спитридат обнаружил врага в большом селении Коэ. Гериппидас взял лагерь на заре с большой добычей, и Фарнабаз, боясь попасть в окружение, искал пристанища то в одном месте, то в другом, как кочевник, прячущий места своих стоянок. Затем Гериппидас совершил ошибку, лишив Спитридата и его пафлагонийцев их доли награбленного. Вся армия выступила из лагеря в Сарды, где почувствовала себя в безопасности с Ариэем, который сам поднял восстание против великого царя. Потеря пафлагонийцев изменила ситуацию. При посредничестве общего друга Аполлофана из Кизика царь и сатрап встретились, и Агесилай согласился уйти из сатрапии Фарнабаза.

Конец лидерства спартанцев

Весной 394 г. до н. э. перемирие, заключенное с Титраустом, закончилось. Поэтому Агесилай, как и обещал, отступил и разбил лагерь у святилища Афины Астирены на Фиванской равнине, где он начал собирать новое войско. Он мечтал о более глубоком вторжении на полуостров до Каппадокии, когда внезапно он был отозван.

Агесилай обнаружил для себя слабость персидского владычества, неверность сатрапов

и стремящихся к независимости местных жителей покоренных стран. Он не мог воспользоваться своими знаниями, так как уже давно персы сами обнаружили еще более пагубную слабость греков. В своей резкой эпиграмме Агесилай справедливо заявил, что он был изгнан из Азии десятью тысячами царских лучников; он имел в виду не Десять тысяч Бессмерных, а монеты с изображением царя-лучника!

Оставалось показать, что огромный расход человеческих жизней и денег в войне за освобождение привел к краткому знакомству с чужеземными странами и народами. Человека, изучающего историю Греции, вполне можно извинить, если он торопливо пропустит эту непоучительную главу. Для историка Персидской империи эта глава почти в такой же степени непоучительна, но фактически каждый абзац относящихся к этой эпохе греческих источников добавляет нам знаний о Востоке того времени. Деловых клинописных документов уже нет; своими рассказами об опустошенных полях и разграбленном имуществе в течение бесконечных войн и частых восстаний греческие источники объясняют, почему перестали писать деловые документы.

Враги Спарты в Европе с радостью приняли 50 талантов, привезенные Тимократом, и потратили их на войну. Потенциальный Агамемнон должен был довольствоваться ничего не давшей победой при Коронее (город в Беотии, где в 391 г. до н. э. Агесилай одержал победу над фиванцами. — *Пер.*) и ожидать упадка Спартанской империи. Конон добрался до морского побережья при поддержке бездонных ресурсов персидского золотого запаса и соединился с Фарнабазом. В августе 394 г. до н. э. их корабли, укомплектованные финикийскими и греческими моряками, сокрушили спартанский флот у берегов Книда и тем самым вернули Персии господство на море; знаменитая Могила льва в Книде знаменует эту победу. Гарнизоны, оставленные Агесилаем, были бесполезны. Конон и Фарнабаз плавали вдоль побережья, «освобождая» целый перечень азиатских городов Азии от их спартанских «освободителей». Были введены демократические формы правления, так что после долгого перерыва Афины и Персия возобновили свою обычную дружбу. Лишь сопротивление Абидоса и Сестоса омрачили конец года.

Из Азии Фарнабаз и Конон повернули в Европу. Темной ночью перед рассветом битвы при Саламине, когда войска персов достигли Коринфского перешейка, афинский флот заставил отступить персидский флот. Восемьдесят лет спустя персидский флот впервые опустошил Лаконию (ном в Греции, в южной части Пелопоннесского полуострова. — *Пер.*) под руководством афинян. Персидский гарнизон угрожал пелопоннесцам с близлежащего острова Китера. Фарнабаз дал денег союзникам, собравшимся в Коринфе, и возвратился на родину, а в это время Конон восстанавливал стены Афин на 50 талантов, используя в качестве рабочей силы моряков, предоставленных ему сатрапом. Греческие города в Азии присоединились к Афинам, мечты которых об империи начали возрождаться (393 до н. э.).

Изменение политики Персии

Во время отступления Десяти тысяч Тирибаз, будучи сатрапом Западной Армении, заключил с ними вероломный договор. Его почетной обязанностью было подсаживать на лошадь своего царственного господина. В 392 г. до н. э. его повысили, назначив на непростую должность сатрапа Сард, командующим приграничными боевыми действиями. К нему явились две делегации: одну возглавлял спартанец Анталкидас, а другую — афинянин Конон; были посланники также из Фив, Коринфа и Аргоса. Тирибаз объявил мир, который пожелал даровать царь, важной частью которого был уход греков из Азии. Анталкидас заявил, что спартанцы с радостью уступят Азию, если жители островов и европейские греки останутся независимыми. Столкнувшись с этим полным изменением политического курса со стороны спартанцев, которое явно выдавало лицемерие прежних притязаний на «освобождение», афиняне твердо ответили, что не примут мирный договор, в котором будет записано, что греки, живущие в Азии, находятся в царских владениях. Тирибаз понимал, что этот ответ подразумевает возобновившиеся претензии Афин на создание конкурирующей

империи, и посадил Конона в тюрьму, как провинившегося перед Персией. Втайне он дал Анталкидасу денег на строительство спартанского флота, который играл бы роль противовеса.

Спарта созвала съезд представителей Афин, Коринфа и Аргоса зимой 392/1 г. до н. э. Спартанцы выдвинули свои предложения, и афинский оратор Андокидес высказался за их принятие. Будучи консерватором, он, естественно, обошел молчанием сдачу азиатских греков. В Сардах его соотечественники-афиняне громко возражали, когда Лемнос, Имброс и Скирос были включены в число островов, которые должны были получить независимость. В представленном теперь проекте эти три острова были специально исключены из списка автономий и приписаны Афинам, которые этим должны были удовлетвориться. Афины, как доказывал Андокидес, недостаточно сильны, чтобы вернуть себе свою прежнюю империю своими собственными силами; они могут сделать это только с помощью Персии. Даже если Афины разгромят Спарту — но «у нас нет для этого сил» — «если допустить, что мы сделали это, что же тогда нас ждет от рук варваров?», Афины уже заставили царя воевать со спартанцами, персы помогали Конону нанести им поражение на море и положить конец превосходству их флота, и все же Спарта еще желает пойти на уступки, чтобы содействовать миру. Послы поддались на уговоры и ратифицировали предложенный проект договора, но по своем возвращении афинские делегаты были осуждены и высланы из страны, и Андокидес среди них.

Однако политика Тирибаза не нравилась Артаксерксу. Когда этой зимой сатрап поехал ко двору с докладом, он не был отослан назад. Заклятый личный враг Агесилая Струтас занял его должность сатрапа Ионии, которая теперь была отделена от Сард. В качестве сатрапа Струтас выступил как третейский судья в пограничном споре между Милетом и Миусом. Он оказался добрым другом Афин, и спартанцы быстро возобновили войну. Вернулся Фиброн и из Эфеса, Приены, Левкофриса и Ахиллеума начал опустошать территории, все еще верные царю. Эти набеги совершались без должного прикрытия; Струтас захватил Фиброна врасплох, когда тот после завтрака предавался игре с диском, и убил его. Его армия была практически уничтожена персидской кавалерией, но преемник Фиброна Дифридас защитил города, которые приняли предложение Спарты об «освобождении», и получил денежные средства для найма новых наемников благодаря выкупу Тиграна и его жены, дочери Струтаса (391 до н. э.).

По приезде Струтаса Конон получил возможность бежать на Кипр, где он вскоре и умер. Его попадание в опалу изменило положение его покровителя Эвагораса, который вслед за этим объявил себя мятежником, выпустив золотые монеты с изображением «царя Эвагоро», выражаясь древним киприотским языком; вдобавок на них был вычеканен бородатый Геракл со шкурой льва на голове и козел. Большая часть острова была теперь в его власти, и уцелевшие города — Амат, Солы и Китиум — обратились к Артаксерксу.

Хотя Афины формально все еще были другом Персии (при посредничестве Струтаса), они направили свои корабли на помощь мятежнику. Спарта, сражаясь с империей, остановила свой флот в пути (390 до н. э.). Ксенофонт справедливо замечает, что обе стороны действовали вопреки своим интересам; это лишь еще один пример странных противоречий, которые были характерны для этого этапа войны. Милкиатон, сын принца Баалрама и, наверное, дядя Баалмилка, который является последним из известных нам царей Китиума, скопировал Эвагораса, выпустив в обращение золотые монеты, и тем самым также заявил о своей независимости, не сказав ни слова. То, что эта независимость была получена не без сражения, доказывают золотая пластина, которую он подарил своему богу Решуп-Мекалу, «потому что он услышал его голос», и статуя — «потому что с его помощью он победил тех, кто вышел против него, и их помощников».

Приблизительно в то же время, когда прибыл Струтас, в администрации произошла дальнейшая реорганизация. В то время когда Струтас стал сатрапом независимой Ионии, Кария получила автономию под властью своего принца, семья которого давно уже была на первых ролях в Синдии. Сын Мавсола Пиксодар женился на дочери киликийского царя

Сиеннесиса. Идриэй был другом Агесилая. Приблизительно в 391 г. до н. э. его сын Гекатомнос, поселившийся в Миласе, был назначен сатрапом Карии, когда-то отделенной, как Иония, от Сард. На монетах Гекатомноса изображен местный Зевс Лабраундский с бородой и в лавровом венке, в длинном одеянии и плаще поверх левого плеча; в его левой руке находится длинный скипетр, а на правом плече у него *labrys* — сдвоенный боевой топор, который и дал ему его прозвище. Бог и его атрибуты — карийские, но манера изображения — греческая; такова и надпись, в которой назван сатрап, так как карийский алфавит и язык, похоже, вышли из употребления. Другие монеты со львом и условным изображением милетской розы наводят на мысль о том, что Гекатомнос правил также и Милетом.

Автофрадат в Ликии

Автофрадат стал сатрапом уменьшившихся Сард. Монеты с его сокращенно написанным именем подтверждают, что Лампсак и Кима принадлежали его сатрапии. Эфес был захвачен, пока его магистраты находились на совещании, на которое он их вызвал. Но самое странное то, что Ликия оказывается в его сфере влияния.

Представители Ликийской династии продолжали чеканить свои монеты. Приблизительно в 400 г. до н. э. Сппнтаза (такое имя) использует изображения коровы и сосущего теленка, головы Афродиты или Геракла в львиной шкуре. В Тельмессе есть запись о его пасынке Тавенази. Дданавала впервые использует изображения Афины в шлеме и Геракла в львиной шкуре, затем переносит Афину в лавровом венке на оборотную сторону, а на лицевой изображает себя в тиаре и с длинной бородой. Херома изображает Афину и Гермеса в головном уборе с крылышками; подобно Хмпраме, он оставил нам в Ксанте свою могилу и могилу своего племянника Ахккада. В Феллесе похоронен Сбеказери, сын Мракесы, полководца Ватапрддаты, в котором мы с некоторым трудом узнаем Автофрадата, сатрапа Сард!

Несомненно, самым интересным памятником того времени в Ликии является великолепный саркофаг, который Автофрадат приказал изготовить в Ксанте для Пайавы, «командующего армией народа трммилийцев». Сцены на его основании с поясняющими надписями, сделанными ликийскими буквами, представляют собой «жизнь Пайавы» в бессмертном камне.

На цоколе саркофага изображен Пайава с длинным щитом на бедре, наезжающий на коне на поверженного врага и нападающий на трех греческих гоплитов в шлемах с гребнями, но один из них обнажен, а остальные в хитонах. Обнаженный четвертый воин спешит к ним на выручку, в то время как за полководцем следуют три всадника. На передней части саркофага изображена сцена победы в сражении. Пайава опирается на свое копье, в то время как сатрап поднимает вверх правую руку, чтобы увенчать своего друга знаком победителя. За этой сценой с интересом наблюдают двое длинноволосых бородатых сопровождающих царя в хитонах до колен, кольчужной защите поверх бедер и наголенниках; их плащи висят за плечами. Далее нам показывают двоих сидящих сфинксов в коронах (которых мы должны представлять себе в цвете покрытых глазурью кирпичей из Суз), двоих сидящих мужчин, сидящую женщину — жену Пайавы в хитоне и химатионе до колен — и его обнаженного юного сына. Группа завершается изображением сидящего безбородого длинноволосого мужчины, левое плечо которого, рука и нижняя часть тела скрыты химатионом, хотя остальные части тела голые; его ступни стоят на скамеечке, а его поднятый скипетр указывает на то, что он царственный отец Пайавы.

Сам Автофрадат изображен сидящим на другой стороне цоколя. На нем надеты тиара, соответствующая его должности, и подпоясанный хитон, но плащ оставляет руки свободными; на его правом бедре висит меч; его правая рука касается бороды, как в Персеполе, а левая лежит на бедре. Перед ним движется похоронная процессия, представленная человеком, несущим чашу для возлияний, которые будут проходить во время

церемоний у могилы. Мертвый Пайава изображен еще живым; его юный сын, опирающийся на посох, замыкает группу. С обратной стороны цоколя мы видим охоту. Слуга спускает гончую, а другие верхом преследуют оленя, кабана и медведя, вставшего на задние лапы.

Эта композиция достигает своего художественного пика на закругленной крышке саркофага, где позади двух уходящих львов с высунутыми языками едет колесница на колесах с четырьмя спицами, запряженная четверкой вставших на дыбы коней; возница наклонился далеко вперед, чтобы подхлестнуть коней; Пайава в полном облачении выпадает из колесницы. Каким бы великолепным ни было изображение, оно не могло заканчиваться нотой поражения, так что «на загривке кабана» на самом верху мы видим финальную сцену мести — один всадник поражает врага, падающего на колено, а другой преследует бегущих врагов, ближайший из которых поднял руку в знак того, что сдается.

Автофрадат доверил украшение саркофага превосходному художнику, который, возможно, был урожденным греком. Если нет, то его, безусловно, вдохновляло греческое искусство. Для нас главный интерес представляет собой изображение представителя ликийской знати, жизнь которого больше чем наполовину уже стала эллинизированной.

Интриги афинян

Автофрадату было приказано подавить мятеж Эвагораса, и чтобы сатрап Карии Гекатомнос оказывал ему помощь в качестве командующего флотом. Ни один из них не добился успеха, и вскоре кариец втайне уже финансировал мятежника. Интриги Афин стали более открытыми. Фрасибул проплыл вдоль юго-западного побережья Малой Азии, собирая деньги с «друзей» и грабя тех, кто отказывался «вносить лепту». Наконец он бросил якоря в устье реки Эвримедон. Заставив жителей Аспендоса заплатить все сполна, он позволил своим солдатам их грабить. Он встретил вполне заслуженную смерть, когда разъяренные аспендийцы убили его ночью в его палатке. Тем временем, хотя Дифридас оставался командующим бездействующей армией, Спарта назначила Анаксибия правителем Абидоса и позволила ему собрать иностранный легион. С его помощью он отнял эолийские города у Фарнабаза, но сам погиб в засаде, устроенной Ификратом, известным командиром легковооруженных войск (389 до н. э.).

На следующий год Афины послали Хабриаса, другого воина-профессионала, помогать Эвагорасу в открытую. Были захвачены Амат и Солы, а афинский Демоникус занял место Милиатона на троне царя Китиума. Он выпустил монеты со своим собственным греческим именем, написанным финикийскими буквами, заменив местного Мелкарта изображением сражающейся Афины, почитаемой в его родном городе. Чтобы наполнить чашу зла до краев, Афины заключили союз с Египтом.

«Второй правитель после мидийца был фараон Неферитес; так как все, что он делал, было мудрым, его сыну было позволено последовать за ним». После шести лет правления (399–393 до н. э.) он был похоронен в Мемфисе в прекрасном саркофаге из черного гранита, который был наполнен фигурками ушабтиу с его именем (фигурки призваны исполнять роль слуг в загробном мире. — *Пер.*). «Через короткое время» — в 393–392 гг. до н. э. — его сын Мутес «был низложен из-за множества дурных поступков, совершенных во время его правления; из-за того что он отрекся от Закона, еще при его жизни ему назначили преемника. Четвертым правителем после мидийца был Псемут; он не стоял на пути Бога, и ему позволили быть правителем недолго». В год своего правления (392–391 до н. э.) Псемут начал строительство небольшого святилища к югу от Дороги тельцов, которая ведет от реки к Карнакскому комплексу; на стенах справа и слева, не замеченная спешащими туристами, видна сцена принесения ладана в виде дара к кораблю Амона.

Но «пятому правителю, который пришел после мидийца, Хакорису, владыке короны, было позволено царствовать до конца, потому что он был щедрым к храмам». Его щедрость подтверждают раскопки. Записи в Турре и Назаре показывают, как интенсивно он использовал каменоломни для строительства. Храм в Карнаке был завершен, хотя Хакорис

стер имя Псемута и написал свое собственное красной краской. К храму Тутмоса в Мединет-Хабу была добавлена одна камера, а гипостильный зал первого храма был превращен в дворик. Гипостильный зал в огромном храме Себека в Эль-Кабе был отстроен заново. Огромная базальтовая усыпальница и стела увековечили факт дарения земель богу Гераклеополя Магне. Бубастис, Гелиополь и Мединет-Хабу были украшены его статуями, а Мемфис был удостоен необычайно красивого базальтового храма.

Есть доказательства в пользу того, что, несмотря на все эти почести храмам, Хакорис по происхождению (391–378 до н. э.) был не египтянином, а ливийцем. Возможно, это объясняет, почему Сетекх-ирдис, сын Редетнеба, правителя зарубежных земель, восстановил находившийся в пустыне оракул Амона, который занял место Фив в умах ливийских греков.

Следуя примеру Амасиса, Хакорис правильно оценил Сирию и Кипр как самые важные аванпосты Египта. Его влияние в Финикии было публично заверено его надписью в эшмунском храме, расположенном севернее Сидона. Теперь его положение укрепилось благодаря союзу с Эвагорасом и Афинами.

«Мирный договор Анталкидаса» — «царский мир»

Союз Афин с такими опасными мятежниками, как Хакорис и Эвагорас, оказался слишком даже для беспечного Артаксеркса, и он решил перейти на другую сторону. Чтобы убрать возможную оппозицию, Фарнабаз был призван ко двору и награжден за свои победы браком с царской дочерью Апамой (387 до н. э.). Ариобарзан занял место сатрапа Даскилея, а Тирибаз — Автофрадата и Струтаса.

Спарта поняла намек, содержавшийся в возвращении Тирибаза, и назначила адмиралом Анталкидаса, который был известным другом *hazarapat* . Из Эфеса Анталкидас был препровожден своим другом лично в Сузы для встречи с царем. Афинское посольство также было в свите *hazarapat* , но его члены не могли быть правомочными. Поэт Платон в своем произведении «Послы» прямо обвинил Эпикрата и Формисия в том, что они получили много взяток от царя, а также в том, что они даже украли женщин из царской семьи. Какова бы ни была причина, афинское посольство потерпело фиаско, и Артаксеркс пообещал помочь Анталкидасу, если афиняне выступят против предложенных условий. Чтобы подкрепить угрозу, спартанский и сиракузский флоты сопровождали морские эскадры недавно назначенных сатрапов, когда Тирибаз и Анталкидас разгромили афинян, охранявших Геллеспонт. Афины тем самым подверглись опасности такого голода, который поставил на колени столицу империи и положил конец Пелопоннесской войне.

Тирибаз объявил, что он готов озвучить решение царя всем, кто этого пожелает. В начале 386 г. до н. э. делегаты из греческих городов поспешили собраться в Сардах. Начальник стражи показал царскую печать и прочитал короткий указ: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы города в Азии оставались в его власти, а также острова Клазомены и Кипр. Другие греческие города, большие и малые, получат автономию, за исключением островов Лемнос, Имброс и Скирос, которые исстари принадлежат афинянам. Тот, кто не примет этот мир, с тем я буду сражаться на суше и на море, с помощью кораблей и денег».

Современные историки предоставляют Анталкидасу сомнительную честь назвать своим именем мирный договор. С большей проницательностью древние обычно называли его «царским миром». Ни один современник не мог отрицать, что мир был навязан; «царь Ахасуэр [пишет еврейский автор свитка Эсфири] обложил данью земли и острова на море».

Без единого слова протеста густонаселенные и богатые греческие города в Азии были уступлены монарху, которого поэты и ораторы не уставали поносить как «варвара». Показное «освобождение» было забыто. Афины были неприятно выделены из всех государств как единственная упомянутая европейская страна, а также потому, что принцип всеобщей автономии был нарушен лишь в ее пользу, как уже было условлено на неудавшейся конференции в Спарте. Искренний друг Афин Эвагорас был подло оставлен его

врагам. Победы греков последних нескольких лет потеряли все свое значение. Хуже всего было то, что европейские греки признали за Персией право вмешиваться в чисто европейские дела — самый опасный прецедент на ближайшее будущее. Артаксеркс вполне мог похвастаться, что *ему* удалось то, что не удалось Дарию и Ксерксу!

Глава 28
ПОСЛЕДНЯЯ ЕГИПЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ

Начало эллинизации

Удивительно, но «царский мир» принес явные преимущества брошенным грекам в Азии. Европейская Греция насладилась короткой вспышкой славы, но условия мира полностью нарушили целостность Спартанской и Афинской империй. Золотые дни Перикла прошли безвозвратно. Подобие демократии сохранилось в Афинах, но оно все больше и больше показывало свою несостоятельность. Постоянные войны опустошили земли, уже истощенные чрезмерной эксплуатацией, и завершили уничтожение свободного землепашца, низведенного до жалкого положения той же самой движущей силой, работу которой мы видели в Персидской империи. Когда Перикл правил Афинской империей, вино и масло континентальной Греции вывозились через границу варварам в прекрасных расписных сосудах, а вместе с ними — много предметов роскоши — чаши и ювелирные изделия из золота, ткани и даже предметы повседневного обихода. Теперь варвары сами выращивали виноград и оливы, делали свои собственные сосуды, ювелирные изделия и другие предметы роскоши. Торговля греков увядала, и они мало что могли предложить для обмена на зерно и сырье, столь необходимые для самого их существования. Вдобавок ко всему из Вавилонии сюда проникло банковское дело; как и в Вавилоне, крупные банкиры были чужеземцами — по большей части финикийцами из Финикии или с Кипра. Афины переполнились подданными других государств, постоянно проживающими в городе. В 355 г. до н. э. Ксенофонт говорил о лидийцах, фригийцах, сирийцах и всевозможных других варварах. К концу рассматриваемого периода в Пирее существовала финикийская колония, которая оставила после себя надписи как на финикийском, так и греческом языке. С исчезновением свободного землепашца города переполнились беспокойным, плохо накормленным пролетариатом; государства были неплатежеспособны, и самым успешным руководителем был тот, кто умел сбалансировать бюджет.

Греческие города в Азии получили по крайней мере частичную компенсацию за персидское налогообложение. Опустошительное действие бесконечных «освободительных» войн закончилось. Членство в широко раскинувшейся Персидской империи снова предоставило торговые возможности. Неустроенные представители греческого населения шли служить наемниками в армии «варваров» — персидскую и армию ее соперника Египта в равном количестве; плата за службу и награбленное добро, которые они привозили домой, являлись вкладом в невидимый торговый баланс.

Было бы неправильно рисовать слишком идиллическую картину сложившейся ситуации. Чрезмерное налогообложение по-прежнему разоряло местных жителей и заставляло их поднимать восстания. Египет, части Кипра, а временами Финикия и Сирия сохраняли свою независимость. Мятежные сатрапы опустошали империю и способствовали упадку персидской системы управления. Классовая война поднимала полуголодный пролетариат на борьбу, которая жестоко подавлялась, слишком часто — тираном.

Но признаки нового процветания греческих городов в Азии можно увидеть на многочисленных прекрасно отчеканенных монетах. Экономическое благополучие, которое хоть часто и было ограничено правящими классами, дало толчок новому развитию культуры. Новый взрыв ионической литературы совершенно различного содержания смутно проглядывается во фрагментах сохранившихся произведений авторов того времени.

Развалины внушительных построек, помеченных все возрастающим количеством надписей, показывают, как процветание переводилось в архитектуру и искусство. Зачатки того, что мы называем эллинской цивилизацией, стали очевидны, и был замощен путь для эллинизации Востока, которую продолжили македонские правители.

Нигде эту тенденцию к слиянию Востока и Запада и сопротивление ей жителей Востока нельзя изучить лучше, чем в последней Египетской империи. Наверное, самым удивительным из всех удивительных фактов, которые зафиксированы в летописях этого весьма необычного периода, является то, что победа дипломатии Артаксеркса над греками была завоевана в тот самый момент, когда власти Персии был успешно брошен вызов внутри самой империи. Ни для кого не было секретом то, что мир был заключен для того, чтобы урегулировать египетскую проблему, в то время как по его условиям Кипр был законно уступлен Персии. Для Артаксеркса вернуть себе восставшие земли силой оружия представляло собой совершенно другую задачу.

Беспорядки в Иудее; неудача в Египте

Согласно договору Афины больше не могли оказывать помощь Эвагорасу, даже послав к нему на время Хабриаса. Такого пункта в отношении Египта в договоре не было, поэтому фараон Ахорис призвал к себе Хабриаса. Греческие наемники, которыми он должен был командовать, были собраны в большом количестве. Был заключен союз с недовольным Гекатомносом в Карии, греками из Барки и вечными мятежниками писидийцами.

Огромное войско было собрано в Сирии Фарнабазом, Титраустом и сатрапом Аброкомасом, получившим наконец возможность продолжить попытку отвоевать утраченное, сорванную Киром в 401 г. до н. э. После восшествия на престол Артаксеркса правитель Иудеи Багос поссорился с верховным жрецом Йоханаком и в результате пообещал передать его должность брату Йоханана Иешуа. Открытая война между приверженцами обеих сторон закончилась, когда Йоханан убил Иешуа в храме, но тогда Багос решил войти в священные чертоги и провести расследование. Подвергшись нападению евреев, защищавших свою святыню, он прямо спросил: «Разве я не более чист, чем труп человека, убитого в храме?» — и вошел в храм. В своем ответе на письмо элефантинских евреев, которые просили его помочь им восстановить их храм, Багос написал, что эту задачу станет легче выполнить, если они перестанут приносить в жертву животных. Он не осмелился зайти так далеко, когда дело коснулось более важного храма в Иерусалиме, но он, по крайней мере, мог успокоить свою совесть, назначив почти непомерный налог в размере 50 драхм за каждого ягненка, принесенного в жертву.

По всей вероятности, Йоханан был наказан за убийство своего брата, так как вскоре мы обнаруживаем, что его сын Иаддуа занял должность верховного жреца. Манассей, зять Санбаллата и теперь глава соперничающего храма на горе Гериким, представлял серьезную угрозу единству евреев, так как те, кто вступали в смешанные браки, — в равной степени жрецы и простолюдины — шли к Санбаллату, который давал им деньги и земли в качестве компенсации за то, что они потеряли. Старейшины в Иерусалиме приказали Манассею развестись с его женой-чужестранкой или отойти от активного выполнения своих обязанностей жреца, и в этом их поддержал Иаддуа. Отлучение от исполнения жреческих обязанностей не возымело практического действия, так как Манассей был вне юрисдикции Иаддуа. Правление самого Иаддуа было долгим и небогатым какими-либо событиями, так как он продолжал оставаться на посту верховного жреца вплоть до правления Дария III.

В Египте Хабриас был занят реорганизацией египетских армии и флота. Египетские моряки с помощью переводчиков обучались греческой тактике на гребных машинах. Укрепления, быстро возведенные между Пелусийским рукавом Нила и Сербонской топью, были еще в римские времена известны как «частокол Хабриаса», а «деревню Хабриаса» помнили в дельте Нила.

Ахорис вызвал Сопда, восточного владыку аравийского нома, который охранял дорогу

из Азии. В течение трех лет (385–383 до н. э.) продолжалась война, но в конце концов захватчики были изгнаны из Египта. Чтобы подтвердить свою власть над Палестиной и Южной Финикией, Ахорис оставил надписи в эшмунском храме, расположенном к северу от Сидона, и алтарную стойку из полированного серого гранита, привезенного из далекой Сиены в Аскалон. Тем временем Эвагорас захватил Тир и большую часть Северной Финикии и Киликии.

Мятежник Эвагорас

Хоть европейские греки и бросили Эвагораса, его положение было по-прежнему неплохим. Помимо союза с Ахорисом и царем арабов, имя которого мы не можем назвать, предоставленных Тиром двадцати трирем, а киприотами — семидесяти, Эвагорас смог собрать шесть тысяч наемников и много союзных войск; Гекатомнос тайно давал ему еще деньги. Тирибаз собрал триста кораблей. Из 2 тысяч талантов, данных ему на ведение войны, он стал чеканить монеты в Тарсусе, Солах, Марлусе и Иссе. На тех из них, где была надпись на греческом языке, он изобразил свой собственный бюст и голову Геракла. На тех, где на арамейском языке написано «Тирибазу», он изображает «Баал Тарза», «Владыку Тарсуса». Здесь древнее анатолийское божество, изначально известное как Сандон, выглядит полностью эллинизированным: он с бородой и полуобнажен, опирается на посох и простирает правую руку к орлу. С обратной стороны, однако, изображен Ахурамазда, хотя и он тоже эллинизирован: бородатый и обнаженный, он держит в руке лотос и возлагает венок на голову сатрапа. Армия находилась под командованием бактрийца Ароандаса, которого часто называют Оронтесом, — сына «царского глаза» Артасираса, который женился на дочери Артаксеркса Родогуне и по этой причине получил сатрапию Армения.

Из Фокеи и Кимы — Эфес был на тот момент независимым — Ароандас обрушился на Киликию, которая вскоре была полностью захвачена. Затем его армия на кораблях была переправлена на Кипр, где она взяла Китиум. Милкиатон вновь стал царем Китиума и Идалиума. При посредничестве дружественных ему пиратов Эвагорас проследил за тем, чтобы персы были отрезаны от поставок продовольствия. Таким образом было ускорено восстание ионийских наемников, но Глос, сын адмирала Кира Тамоса, начал снабжать лагерь из Киликии, и мятеж был подавлен. С флотом, численность которого увеличилась до двухсот кораблей (пятьдесят от Ахориса), Эвагорас напал на врага у берегов Саламина, и только талант Глоса как тактика обратил поражение в победу (381 до н. э.).

Саламин был осажден с суши и моря. С десятью судами Эвагорас выскользнул ночью и получил дополнительные денежные средства в Египте. Их было недостаточно, и в конце концов Эвагорас запросил мира. Тирибаз, который тем временем побывал в Сузах, предложил сделать его царем Саламина при условии, что он сдаст свои другие города, заплатит дань и, как раб, будет повиноваться своему хозяину. Эвагорас пообещал подчиняться как царь царю, но не захотел признать себя рабом, и Тирибаз взял назад свое предложение (380 до н. э.).

Пока шла война, Исократ выпустил в Олимпии свой «Панегирик» (380 до н. э.). Он призвал собравшихся греков к походу против Персии, вспоминая победоносный марш Десяти тысяч и предсказывая легкую победу. Он сокрушался о том, что эллинизатор Эвагорас находится в опасности, исходящей от армии, полной греческих наемников, и флота, который был почти исключительно ионийским. Как только мир будет заключен, настойчиво утверждал он, Афины смогут забыть о своей ненависти к врагам Греции, но они не смогут испытывать благодарности к Персии, даже получая от нее денежную помощь. Будучи на протяжении всей своей долгой жизни последовательным противником «варвара», которого он не мог признать человеком, но ставил его так низко, что даже обычная честность была не нужна, Исократ не был сторонником узкого партикуляризма (понятие, обозначающее всякое движение, которое ставит своей целью приобретение или удержание политической, административной или культурной автономии для тех или иных частей государства. — *Пер.*

). С пророческим предвидением он восхвалял афинян как учителей других народов, так как именно благодаря Афинам слово «эллин» обозначало уже не народ, а интеллект; и эллинами называются все те, кто разделяет греческую культуру, а не просто те, кто имеет общее происхождение.

Его высказывания прозвучали слишком рано, так как его никто не слушал. Афины, которые Исократ только что восхвалял, малодушно приказали Хабриасу возвращаться на родину под угрозой смерти, как только Фарнабаз пожаловался, что его присутствие в Египте является нарушением «царского мира» (379 до н. э.). Эвагорас был обязан своим спасением не помощи греков, а разногласиям среди персов. Завидуя популярности Тирибаза среди солдат, Ароандас обвинил его в том, что тот замышляет восстание. Возможно, когда он напал на Саламин и завладел им, он удовлетворился личным союзом со спартанцами. Он также посылал гонцов к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать об успехе планируемого восстания; наемников он склонял на свою сторону подарками. Обвинения звучали аналогичные тем, которые тщетно выдвигали против Кира, и Артаксеркс был введен в заблуждение. Он приказал заковать Тирибаза в цепи и отправить ко двору. Автофрадат был возвращен в Сарды, а Ароандас стал командующим армией на Кипре. В сражениях успех ему сопутствовал не больший, чем его предшественнику, и вскоре он был вынужден принять капитуляцию Эвагораса точно на таких же условиях, которые были отвергнуты Тирибазом (379 до н. э.). Глос был скомпрометирован опалой своего тестя Тирибаза, поэтому он отступил в Ионию, которую он занял, заключил союз с Ахорисом и попытался склонить на свою сторону спартанцев.

Восстание в Кадусии

Пока кадусийцы открыто бунтовали, их набеги стали такими опасными, что Артаксеркс должен был лично прибыть на место действия. Его присутствие только усилило отчаянное положение зачинщиков конфликта в туманных горах. Нехватка пищи в бесплодной местности заставила солдат убивать своих лошадей, и армию спасла только дипломатия обвиненного Тирибаза, который убедил двух кадусийских царей, разбивших каждый свой лагерь, заключить сепаратный мир. После многих страданий и потерь персы возвратились — и даже царь — пешком. Боясь влияния этого поражения на настроения народа, Артаксеркс казнил многих знатных людей, которые были заподозрены в недовольстве. Однако Тирибаз был восстановлен в прежних правах, тогда как Ароандас был вычеркнут из списка друзей царя. Глос погиб из-за предательства; это произошло, очевидно, во время сражения с Автофрадатом, и, хотя его армия какое-то время сплотилась вокруг некоего Тахоса в городе Левки, тот тоже позже был убит (378 до н. э.).

По возвращении из Кадусии кариец Камисарес расстался с жизнью. Его сын Датамес унаследовал его сатрапию — ту часть Киликии, которая располагалась по соседству с Каппадокией и которую тогда населяли «белые сирийцы», как их называли греки. Первым делом он выдворил из захваченного лагеря Автофрадата некоторых мятежников, предположительно Глоса и Тахоса. Его двоюродный брат со стороны матери Тий уже давно никому не подчинялся в Пафлагонии. Датамес попытался сделать его своим вассалом и едва спасся. Ариобарзан отказался от дальнейшей помощи от Даскилея, но в конце концов Датамес пленил Тия и отправил его вместе с семьей к царю.

Согласно египетскому документу, Ахорис был «низложен, потому что он отверг Закон и не считался со своими братьями; шестой правитель, который пришел после мидийца Неферита II, не был свергнут»; «случилось так, что они отреклись от Закона при жизни его отца, и его сына поразил грех». Спустя четыре месяца Неферит II был убит Некхтенебефом, которого греки называли Нектанебо I. Было объявлено, что он сын Неферита I, хотя на самом деле он был сыном полководца по имени Джедхор. Так было положено начало последней независимой египетской династии — Тридцатой династии из Тебнута, или Себеннита, которая была самой могущественной на протяжении века.

Некхтенебеф (378–360 до н. э.) сразу же обнародовал свою программу: он будет сильным царем, который станет защищать Египет, как бронзовая стена, с оружием в руках, подобно воину с саблей, который вырезает сердце у врагов и делает добро тем, кто ему верен, чтобы они спокойно спали, так как в их сердцах только замечательные деяния. Он способствует благосостоянию храмов и расспрашивает жрецов обо всех делах храмов; он усыпает их алтари ладаном и умножает их храмовую утварь; он подготавливает улучшение жизни по всем направлениям. Горы рассказывают ему, что скрыто в них, море дает свои дары, а пустыни — ладан. Витиеватые древние формулировки снова использованы совершенно уместно.

Его величество короновался во дворце в Саисе, а затем отправился в храм Нейт. Он явился перед своей божественной матерью, увенчанный красной короной, и принес в дар своему отцу Осирису, владыке вечности, напиток. Он провозгласил указ: «Пусть они отдают десятую часть золота, серебра, древесины и всего, что привозят с Ионического моря, — всего, что они облагают налогом, в сокровищницу города под названием Гент, а также десятую часть золота, серебра и всего того, что производится в Навкратисе, расположенном на берегу реки Ану, в дар моей матери Нейт. И пусть так будет всегда в добавление к тому, что было раньше, и пусть в качестве каждодневного подношения они дают одного быка, одного гуся и пять кувшинов вина. Оставшееся предназначено для сокровищницы моей матери Нейт, так как она является Владычицей моря, и именно она оказывает им поддержку. Пусть они запишут эти слова на этой стеле, которая будет установлена в Навкратисе».

Иными словами, это предписание налагает новый десятипроцентный налог на все товары — ввезенные или произведенные в Египте, готовые изделия или сырье. Эта надпись выбита красивыми буквами на черном граните. Справа царь в белой короне стоя приносит в дар вазы сидящей богине Нейт, на которой также надета белая корона. Слева Некхтенебеф — с рогами, шаром и перьями — дарит точно такой же Нейт оплечье с головой ястреба.

При милостивом правлении Некхтенебефа и его визиря Хорсиса, сына Онофра — жреца в Бабите, Египет вновь стал процветать. С одного конца долины Нила до другого длинная цепочка построек когда-то была помечена его картушем. В Верхнем Египте и по сей день существуют внушительные развалины, но гораздо более богато украшенную дельту реки можно мельком увидеть только с многочисленных, но разбросанных по большой территории фрагментов — это все, что сохранилось под разрушительной силой времени и человека.

В первый год своего правления он перестраивал для Гора храм в Эдфу. На третий год он начал осваивать каменоломни в Хаммамате, где он почтил Мина, Птаха, Гора и Исиду. В тот же и последующий годы его рабочие стали добывать камень в Туре; на шестой и девятый они работали на каменоломнях неподалеку от Амарны.

На шестнадцатый год правления он построил в Коптосе стену с красивыми воротами. Другие, такие же красивые, ворота были построены для южного храма. Для Мина Коптосского он подготовил гробницу из зеленой брекчии, привезенной из Хаммамата. Ее красотой мы можем полюбоваться, хотя две ее двери, сделанные из ароматной древесины и инкрустированные золотом, исчезли.

Одной из первых построек на острове Филе, теперь скрытой водами, поднятыми Асуанской плотиной, был небольшой, но изящный и прекрасный храм с колоннами с цветочными капителями. На ширмах изображен Некхтенебеф, совершающий жертвоприношение, а на первом пилоне сохранились его барельефы. Крыльцо принадлежало его матери Исиде, которую почитали в Абатоне как хозяйку Филе; оно также предназначалось для Хатхор из Сенмета.

Он расширил храм в Некхабе (Эль-Кабе) и украсил восточные ворота барельефами с изображением царя, молящегося своей покровительнице — богине Некхбет. В Мединет-Хабу он построил небольшие ворота во дворе первого храма, а в самом храме он установил расположенные группами колонны с капителями в виде бутонов и каменными ширмами. Там же он установил измеритель высоты уровня воды, чтобы определять высоту подъема вод

Нила в каждое время года. На большом столбе в Карнаке, возможно, изображена сцена жертвоприношения Амону и Мут, и там же он восстановил храм Тутмоса и Хонсу. В Дендере он начал строительство храма местного бога. В Абидосе были храм и гробница из серого гранита, в Гермополе — алтарь из известняка, в Летополе — необычайной красоты саркофаг из зеленой брекчии, в Даманхуре — усыпальница из черного гранита, а в Маскхуте — систрум.

По этим и другим памятникам можно судить об архитектуре времен Некхтенебефа. Статуи и барельефы требуют соответствующего изучения, прежде чем их великолепное искусство получит должную оценку. В то время как художники Саисского периода обращались за вдохновением к временам империи, те, которые творили во времена Тридцатой династии, нашли более простой его источник в искусстве Среднего царства. Если по сравнению со скульптурой более древнего периода их статуи отчасти лишены анатомической правильности, то в них больше натурализма, изящества и силы, что доказывает, что это очень жизненное искусство. Фрагменты барельефов демонстрируют ту же изысканную манеру. Апогеем этого искусства является великолепный лев из красного гранита, носящий его имя. В то время как искусство Западной Азии даже в столь ранний период находилось под сильным влиянием Греции, искусство Египта остается полностью независимым от чужеземных влияний. Этот последний расцвет чисто национального искусства является одним из величайших в долгой истории Египта.

Второй союз Афин

Так как Эвагорас уже не стоял у него на пути, Фарнабаз начал подготовку ко второму вторжению в Египет. В качестве первого шага Ификрата из Афин позвали возглавить греческих наемников (379 до н. э.). Все это было на пользу Афинам, которые скрупулезно придерживались буквы «царского мира», даже когда нарушали его дух. Например, согласно договору, заключенному с Хиосом в 383 г. до н. э., Афины признавали соглашения, которые царь, афиняне, лакедемоняне и другие эллины отвергали.

Афины исключали царских подданных в качестве приемлемых членов, когда на следующий год они организовали Второй Афинский союз (378 до н. э.). Так как военный альянс был в первую очередь направлен против Спарты, акцент был сделан на «свободу» и «автономию». Грехи, которые сделали ненавистной память о бывшей афинской империи, старались тщательно обходить. Члены союза, среди которых на тот момент числились Фивы, были полноправными союзниками и никогда подчиненными. Слово «дань» никогда не употреблялось. Все платили не слишком большие «взносы», которые находились в их собственных руках. Дела союза решались «общим советом союзников», в котором у Афин не было права голоса. Государство, которое официально было «руководителем», дало торжественное обещание, что у обездоленных афинян больше не будет клерухий (владения граждан какого-нибудь древнегреческого государства, находившиеся вне его пределов. — *Пер.*), никаких афинских «надсмотрщиков» и гарнизонов, а судебная апелляция к «руководителю» отклонялась. Под угрозой смерти запрещалась любая попытка внести поправки в это постановление.

И все же новый альянс был далек от совершенства. Афины по-прежнему держали в своих руках исполнительные полномочия и власть, которую они подразумевали. «Общий совет союзников» собирался в Афинах и поэтому подвергался местному давлению. Каждый голос должен был быть принят афинским собранием, равно как и «общим советом». И что хуже всего, каждое государство, независимо от своего благосостояния или численности населения, имело только один голос, а так как количество членов союза росло, то Афинам, как члену, обладающему исполнительной властью, становилось все легче управлять общим советом благодаря контролю над более маленькими, но в конечном счете более многочисленными государствами.

Раздробленность в Азии

В таких условиях было неизбежно, что Афины постепенно станут посягать на суверенные права членов альянса. Было также неизбежно, что новый союз в конце концов пойдет по стопам предыдущей Делийской лиги и станет врагом Персии. Однако на тот момент Афины оставались в хороших отношениях с Великим царем, в то время как в Азии явно продолжался процесс раздробления. Вифиния сохраняла свою независимость, когда Дедалса сменил Ботейрас, а того — Бас (377–327 до н. э.). Гекатомн был фактическим царем Карии и безоговорочно передал свои полномочия своему старшему сыну Мавсолу (377–353 до н. э.).

В Тельмессе мидиец Артомпара (Артембарес) чеканил монеты с изображением голов Афины или Геракла или заменял их своим собственным портретом, на котором он носит персидскую бороду и персидский же головной убор. Противоположностью ему был царь Лимиры, на греческие симпатии которого указывало его афинское имя — Парекла или Перикл, а на монетах которого были изображены трискеле, Гермес, сияющий Аполлон или Пан с козлиными рогами. В войне с тельмессийцами он запер их в городе и заставил прийти к соглашению.

По ликийским надписям мы можем прочитать обе стороны повествования. В Пинаре находится отдельно стоящая гробница искусной работы, построенная Дапссмой, который командовал армией ликийцев с Артембаресом, хотя могила его отца Падрамы находится в Ксанте. В Лимире находится двухъярусная скальная усыпальница Таборсала, потомка Зайи, в которой похоронены его приемный сын Лосантра (Лисандр) и полководец Перикла Кхнтабора. На соседней скале изображены десять сражающихся воинов, под ними помещена надпись о том, что Таборсал сделал этот барельеф, когда он с Периклом нанес поражение Артембаресу и его войску. Трое других мужчин, имена которых кажутся странными в ликийском правописании, тоже являются полководцами Перикла, а четвертый — его первый министр. К тому же Перикл захватил командующего наемниками Харименеса из Милета, когда тот пытался скрыться в Фаселисе (приморский город в Ликии на берегу Памфилийского залива. — *Пер.*), и не только разгромил его, но и, очевидно, взял город. Проклеанскими играми в Тельмессе были отпразднованы его победы.

Второе вторжение в Египет

В 374 г. до н. э. Артаксеркс навязал грекам другой мирный договор, который заключил с ним Дионисий-младший из Сиракуз. После своей капитуляции Эвагорас вел себя тихо, но в 374 г. до н. э. он и его сын Пнитагор были убиты евнухом. И хотя другой его сын Никокл затем вступил на трон, не только дела в его государстве находились в беспорядке, а казна была пуста, но он должен был бороться с неприязнью Артаксеркса. Тем не менее он сумел заплатить огромным количеством своих монет с изображением Афины и Афродиты — позже говорили, что сумма равнялась 20 талантам, — Исократу за сочинение панегирика его отцу.

Начиная с 379 г. до н. э. Фарнабаз собирал греческих наемников для похода в Египет. Чтобы заплатить им, он часто чеканил монеты по эскизам греческих художников, которые с некоторой долей успеха часто копировали знаменитые сицилийские оригиналы; столь путанны, однако, надписи на арамейском языке «Фарнабазу», «Килик», «Хилик» и «Баал Тарз», что трудно разобрать, что они должны были означать «Фарнабаз», «Киликия» и «Владыка Тарса». Бог изображен в виде, который впоследствии стал стандартным: полуобнаженный, он сидит на троне без спинки с замысловатыми резными ножками и держит скипетр, который заканчивается трезубцем или орлом. Временами греческий гравер неуместно заменяет сиракузскую нимфу Аретузу владыкой Тарса. С большей вероятностью голова воина в шлеме с гребнем подтверждает, что греческим наемникам платили этими монетами. На тех монетах, которые были выпущены в Нагиде, написано название города на греческом языке и изображена местная Афродита с длинными волосами и полностью одетая,

которая сидит на троне, украшенном сфинксом, и нюхает лотос; при этом она протягивает небольшое блюдце; на обратной стороне у выгравированной головы грека имеется надпись на арамейском языке.

Существовали трудности с продовольствием. Люди умирали в лагере. Исей (аттический оратор, ученик Исократа и учитель Демосфена, умер после 353 г. до н. э. — *Пер.*) упоминает афинского наемника, который погиб в Асе. Ификрат назвал двух предателей среди полководцев. Финикийцы были настроены враждебно. Но наконец к лету 373 г. до н. э. Фарнабаз собрал триста трирем, двенадцать тысяч греков и огромную армию воинов из стран Востока.

Сухопутные войска обнаружили, что семь рукавов Нила перекрыты и охраняются крепостями, окруженными рвами. Не сумев войти в Пелусийское устье с Суэцкого перешейка, флот высадил на сушу три тысячи человек пехоты в Мендесийском устье и захватил форт. От пленных Ификрат узнал, что в Мемфисе слабый гарнизон, и настоял, чтобы корабли прошли вверх по течению Нила и обрушились на столицу, прежде чем местные жители сумеют собрать войска. Это было слишком рискованно для стареющего Фарнабаза, и он решил подождать подхода всей своей огромной армии. Ификрат выступил с предложением возглавить наступление с теми войсками, которые уже имелись в его распоряжении, но к этому времени Фарнабаз стал уже сомневаться в его верности и снова отказался.

Из-за этой задержки к египтянам вернулась их храбрость. Мемфис имел соответствующий гарнизон, и нападающие понесли тяжелые потери. Наступило лето, а вместе с ним и разлив Нила. Фарнабаз обнаружил, что не может противостоять подъему воды, и ушел в Азию. Каждый полководец обвинял другого за это фиаско. Вспомнив, как был пленен Конон, Ификрат подкупил капитана судна, чтобы тот ночью увез его из лагеря, и к ноябрю возвратился в Афины.

Некхтенебеф приписал свою победу богу Аравийского нома Сопду, восточному ястребу, который поражает Менту и Фенкху (древние названия азиатов). В храме Сопда царь поместил великолепную раку из черного гранита, надпись на которой представляет собой египетскую версию рассказа о войне. Естественно, он несколько неясен в деталях, но там мы читаем, что Некхтенебеф пришел и убил чудовище Апопа; боги и богини радуются в его святилище, потому что он своими крыльями заковал в цепи своих врагов. Страна Востока радуется, потому что он перебил своих врагов. Он хороший бог, очень храбрый, сумевший выдворить неприятеля. Он мудрый и разумный, он сражается за Египет с мятежниками в провинциях, топчет ногами азиатов. Варвары лежат повергнутыми под его ногами, а его рука — самая смелая среди вождей Хаунебу (слово, которое когда-то применялось в отношении наводящих страх людей, пришедших с моря, но теперь им пренебрежительно названы их бывшие союзники — греки!).

Другой «царский мир»

Фарнабаз предложил пост, освободившийся после бегства Ификрата, более молодому воину-профессионалу — сыну Конона Тимотею. Так как он недавно не стал командующим афинскими армиями из-за возвратившегося Ификрата, Тимотей с радостью принял предложение и через шесть месяцев был уже в пути на восток (май 372 до н. э.). Там он оставался до 367 г. до н. э., хотя у нас нет и намека на какую-то особую деятельность.

В 371 г. до н. э. Артаксеркс навязал Европейской Греции другой «царский мир». Спустя годы Демосфен мог взывать к признанию царем и всеми греками собственности Афин на фракийский Херсонес и Амфиполь. На этот раз условия договора отказались принимать Фивы. В этот же год Эпаминонд победой в битве при Левктрах навсегда сокрушил власть Спарты и возвысил Фивы до главенствующего положения в Европейской Греции. Ясон из Фер объединил Фессалию и мечтал о завоевании Персии, которое, как доказал поход Десяти тысяч, казалось легким. Однако в своих расчетах он не учел мощь царских «десяти тысяч

лучников», и еще до конца 370 г. до н. э. он погиб от рук наемных убийц.

Фарнабаз умер в преклонном возрасте, и Тимотей вернулся в Афины. В качестве награды за захват Тия Датамес стал его преемником, встав во главе предстоящего похода на Египет. Начался сбор новых наемников, а для их оплаты чеканились новые монеты.

Таданму, как его имя значится в арамейских надписях, что, вероятно, ближе к изначальному карийскому произношению, чем более знакомое греческое, использовал в основном изображения, позаимствованные у Фарнабаза, особенно греческого солдата в шлеме с гребнем. Баал Тарз у него был изображен внутри зубчатой стены укрепления, под его троном находился лотос; в левой руке он держал колос и виноградную гроздь — символ продовольственных поставок армии. Датамес был изображен сидящим на троне с узорчатыми ножками; его лук находился перед ним, а двумя руками он сжимал стрелу. На голове у него была надета тиара с лентами, а сам он облачен в тунику и штаны, но обе руки его защищены нарукавными повязками, а для большей защиты над ним парил крылатый Ахурамазда. Другая сцена была изображена в храме с плоской крышей, увенчанной полукруглыми акротериями (скульптурное украшение, помещаемое над углами фронтона архитектурного сооружения, построенного с применением классического ордера. — *Пер.*): перед курильницей стоял бог Ану, бородатый и нагой, выставив повелительно указательный палец; перед ним полуодетый Датамес поднял руку ладонью к лицу в знак почитания.

Уже собравшись отправиться в поход на Нил, Датамес вынужден был вернуться на родину, чтобы сразиться еще с одним мятежником. Аспис удерживал лесистый край Катаонию с помощью сильных укреплений, обитатели которых разоряли окрестные земли и останавливали караваны, предназначенные для царя. Взяв с собой небольшой отряд, Датамес отплыл в Киликию, переправился через Таврские горы, двигаясь без остановок, и убедил Асписа сдаться и позволить передать себя царскому сыну Митридату.

После визита в Сузы спартанца Евтикла Артаксеркс сделал в 368 г. до н. э. еще одну попытку навязать мир Греции. Для осуществления необходимых подкупов с дипломатическими целями сатрап Ариобарзан отправил своего подчиненного Филиска из Абидоса в Дельфы с большими суммами денег. Через возвратившегося Тимотея Афины даровали гражданство Ариобарзану и Филиску и похвалили Дионисия Сиракузского, потому что он способствовал «царскому миру». Все оставшиеся европейские государства согласились на предложенные условия, но Диомеду из Кизика не удалось подкупить Эпаминонда, и снова Фивы выстояли до конца. После своего возвращения в Азию Филиск оставил после себя две тысячи наемников, которых он нанял, чтобы оказать помощь — подумать только! — когда-то непобедимым спартанцам! Астьянакс Милетский, трехкратный победитель Олимпийских игр в состязании по борьбе и боксу, был приглашен нанести визит Ариобарзану; чтобы выполнить то, в чем похвастался, он съел все, что было приготовлено для гостей на большом пиру.

Чтобы выразить несогласие с действиями Ариобарзана, Пелопид в 367 г. до н. э. возглавил посольство Фив в Сузы. Другие посольства собрались из Аргоса, Аркадии и Элиса, но Анталкид (а с ним Спарта и ее союзник на тот момент Афины) теперь был в опале. Артаксерксу напомнили, как, получив помощь от его отца, спартанцы помогли его мятежному брату, а затем вторглись в Азию. Здесь был прозрачный намек на то, что, подобно Киру, Ариобарзан вел свою собственную игру. Фивы же, напротив, всегда были лояльны к Персии и даже сражались на стороне персов при Платеях. Это подтвердил один из афинских посланников Тимагор. На вопрос, чего он желает, Пелопид заявил, что мессенцы должны быть независимы от Спарты, а афинян следует заставить сократить количество их боевых кораблей. В этот момент другой посол выкрикнул: «Клянусь Зевсом, афиняне, похоже, вам пора поискать другого друга вместо царя!» Царский секретарь перевел, и Артаксеркс добавил: «Если афинянам известно какое-то более справедливое решение, чем это, пусть они придут к царю и укажут ему его». Переговоры закончились провалом; Анталкид по пути на родину совершил самоубийство, а Тимагор, обвиненный в благоговении перед царем и получении от него взятки в размере 40 талантов, был осужден на

смерть.

Артаксеркс решил пограничный вопрос в пользу Элис и в ущерб Аркадии. Аркадийцы были меньше обеспокоены после того, как их посланник Антиох доложил их «десятитысячникам», что у царя более чем достаточно пекарей, поваров, виночерпиев и носильщиков, но в поисках воинов, способных сражаться, он просмотрел их всех и не нашел ни одного; что касается знаменитого золотого платана, то он не мог укрыть в своей тени ни единой саранчи.

Когда Артаксеркс наконец разорвал отношения с Афинами, престиж империи был ниже некуда. Теперь настала очередь Фив пытаться навязать самый последний «царский мир». На собрании, созванном для ратификации, представитель Персии показал царскую печать и прочел решение Артаксеркса. Несмотря на давление Фив, их собственные союзники заявили, что они полностью удовлетворены предыдущими условиями, и отказались давать новую клятву (367 до н. э.).

Стратон, царь Сидона с 370 по 358 г. до н. э., помогал афинянам как только мог и дал городу 10 талантов. Он был награжден официальным почетным титулом проксеноса (человек, у которого сограждане могли получить убежище и помощь. — *Пер.*), а сидонцы были освобождены от налога, которым облагались проживающие иностранцы. Абдаштарт — под этим именем Стратон был известен на родине — считал себя вполне греком. Он соперничал в стремлении к роскоши с сыном Эвагора Никоклом: привозил куртизанок с Пелопоннеса, а музыкантов из Ионии, проводил игры на греческий манер. Посольство привезло из Тира и Сидона статуи Делийскому Аполлону, на которых были надписи на финикийском и греческом языках.

Местные монеты были менее эллинизированы. Приблизительно в 475 г. до н. э. какой-то царь стал чеканить монеты с изображением сидонской галеры с одним или четырьмя парусами и великим царем Персии в колеснице. Ближе к концу V в. до н. э. другие цари, чьи сокращенные финикийские имена невозможно установить, перестали изображать паруса, хотя мачта осталась, так как галера теперь двигалась при помощи весел; галера была пришвартована у подножия зубчатой стены с башнями, окружавшей город. На монетах Бодаштарта стены исчезли, и галера плывет по высоким волнам. На обратной стороне за царской колесницей следует пеший царь Египта, изображенный вполоборота в коротком египетском платье и высокой белой короне; в левой руке он держит кувшин для вина, а в правой — скипетр с набалдашником в виде головы рогатого животного с открытой пастью. Точно такие же монеты чеканил впоследствии Абдаштарт, хотя позднее египтянина уже не изображали после того, как Некхтенебеф отказался стать пленником!

Измены персидских сатрапов

Продолжая мобилизацию войск для возобновления наступательных действий против Некхтенебефа, Датамес узнал, что его враги в Сузах строят против него козни. Снова дворцовые интриги обрушили на голову Артаксеркса еще одного мятежника. Оставив армию на попечение магнесийца Мандрокла, Датамес поспешил в Каппадокию и занял Пафлагонию.

Слабость Персии и мятежи против центральной власти дали благоприятную возможность для народов империи. Когда Датамес послал военный отряд против совершавших небеги на территорию империи писидийцев, был убит его собственный сын Арсидей. Его тесть, пафлагонец Митробарзан, переметнулся к этим самым писидийцам. На отряд было совершено внезапное нападение; в его лагере произошла большая резня, и он был взят.

Другой сын по имени Сесам или Сиссин получил приказ напасть на Синоп, расположенный недалеко на побережье. Горожане просили помощи у его отца, который уверил их, что ему нужны лишь на некоторое время ремесленники. С их помощью он построил корабли, но использовал их для осады их собственного города. Жители города

вооружили своих женщин и выставили их на стенах, чтобы доказать, что они хорошо защищены. Когда от царя прибыл приказ, запрещающий осаду, Датамес с таким почтением отнесся к письму, будто перед ним стоял сам царь, и совершил жертвоприношение, как в честь доброй вести и великого дара. На короткое время осада была снята, но вскоре сатрап вернулся, занял Синоп и сделал его своей столицей. Теперь на его монетах стали изображать нимфу и орла, схватившего дельфина. Позднее был захвачен и город Амисус.

Когда наемники Датамеса потребовали причитающуюся им плату, он пришел в богатый местный храм, расположенный поблизости (вероятно, Понтийские Команы), и на верблюдах и ослах вывез храмовую утварь стоимостью 30 талантов. Добыча была показана наемникам; однако сатрап заявил, что металл должен быть отвезен в Амисус для чеканки денег. Поскольку Амисус находился далеко и путь к нему пролегал по труднопроходимым тропам, он сумел держать свою своевольную армию в руках всю зиму, прежде чем они узнали, как их провели. Другой его умной политикой была монополия на наем ремесленников. Доходы маркитантов также были его.

Сиссин переметнулся к царю и предоставил ему первые бесспорные доказательства того, что его отец на самом деле мятежник. Сатрапу Автофрадату было приказано подавить бунт. Не сумев вовремя собрать войска, чтобы занять леса, в которых находились Киликийские Ворота (горный проход через Таврские горы на юге Турции. — *Пер.*), Датамес занял позицию, с которой он мог заблокировать узкое ущелье, не подвергая себя опасности. Произошли многочисленные стычки; однажды он спасся, переправившись через реку и оставив стоять свой лагерь. Наконец Автофрадат был вынужден предложить перемирие при условии, что к царю будут отправлены гонцы. Датамес отступил в направлении Фригии, но писидийцы заняли промежуточные перевалы, и только благодаря ложному отступлению он смог ночью захватить их.

Автофрадат был вынужден предложить Датамесу перемирие, потому что он столкнулся еще с одним бунтом. Ариобарзан уже находился под подозрением при дворе из-за сомнительных дел с Афинами и Спартой во время подготовки к предложенному «царскому миру» в 368 г. до н. э. Сын Фарнабаза от принцессы Апамы Артабаз наконец стал взрослым, и Ариобарзан получил приказ от Артаксеркса передать настоящему наследнику сатрапию Даскилей. Подобно Датамесу, Ариобарзан поднял бунт (367 до н. э.).

Через Агесилая Спарта подружилась с наследным принцем Египта Тахосом. Приготовившись таким образом к отпору Артаксерксу, Спарта отправила Агесилая к Ариобарзану как будто послом, а на самом деле в качестве командующего его наемниками. Афины дали Тимотею для Ариобарзана тридцать кораблей и восемь тысяч наемников, правда с особыми инструкциями — не нарушать договор с царем. Они обнаружили, что Автофрадат изгнал Ариобарзана с большей части его сатрапии и осадил его с суши и моря в городе Адрамити. Ариобарзан приказал своему гарнизонному командующему Птелеону сделать вид, что он сдает близлежащий остров; пока верный флот ожидал его капитуляции, Ариобарзан привез в город провиант и наемников, необходимых для его защиты. Тогда Автофрадат заставил Мавсола, «сатрапа» Карии (377–353 до н. э.), осадить Ассос с суши, в то время как фракиец Котис сделал то же самое в Сестосе. После приезда Агесилая Котис и Автофрадат отступили, а Мавсол не только увел свои корабли, но и отдал спартанские деньги. Агесилай обошел Лампсак и после долгой осады взял Фокею, отрезав ее от союзников.

Когда Тимотей обнаружил, что Ариобарзан открыто взбунтовался, он повернул к Самосу, который после десятимесячной осады, занявшей большую часть года, он освободил от Кипротемиса, командующего гарнизоном, посланным сатрапом Тиграном; и там Афины основали свою колонию. За незначительные услуги, которые оказал Тимотей Ариобарзану, ему был подарен Сеет, а Крифота — Афинам. Агесилай получил свою плату в твердой наличности. Тем временем Артабаз удерживал Троад (историческое название полуострова Бига в современной Турции. — *Пер.*) с помощью наемников под командованием родосцев Ментора и Мемнона, на сестре которых он женился. Карийцы послали ко двору посольство с

жалобой на Мавсола, но царь, все еще доверяя верности своего «сатрапа», наказал его обвинителей (366 до н. э.).

Гераклея с населением шесть тысяч человек, обладавших правами граждан, и флотом из сорока кораблей постепенно начала занимать более заметное положение как самый важный греческий город на черноморском побережье. У селян и крестьян из числа местного населения не было гражданских прав, поэтому богатые и бедные враждовали. Во время произошедших беспорядков сын Ариобарзана Митридат занял Гераклею, последовав тем самым обычному правилу персов поддерживать демократию (364 до н. э.). Сенат обратился к Тимотею, а затем к Эпаминонду за помощью в борьбе с населением.

Их просьбы остались без ответа, и в отчаянии сенат позвал Клеарха, ссыльного гражданина, который собрал вокруг себя банду наемников. Сначала он сделал вид, что правит в качестве командующего гарнизоном Митридата, но, когда прибыли персы, которые ожидали, что город будет им передан, он был заключен в тюрьму и оказался вынужденным заплатить непомерный выкуп. Затем Клеарх объявил себя истинным защитником демократии; на самом деле он правил как тиран (363–352 до н. э.). Шестьдесят членов сената умерли под пытками, рабам было даровано гражданство, а женщин из аристократических родов заставляли брать их в мужья. Рассказывают, что аконитом были отравлены так много граждан, что оставшиеся ели руту в качестве противоядия.

Тиэй и Киер под давлением быстро признали его тираном, а большая часть Пафлагонии приняла его власть. Его отношение к персидскому царскому двору было правильным, так что и Артаксеркс II, и Артаксеркс III принимали его послов. Клеарх основал библиотеку и покровительствовал литературе, потому что он был учеником Платона и Исократа; последний переписывался с его сыном Тимотеем. Но, несмотря на эти притязания на культуру, правление Креарха было жестоким. Под влиянием восточного представления о царе как боге он объявил себя сыном Зевса и назвал своего собственного сына Громом. Клеарх был символом и знамением, первым из группы авантюристов, которые воспользовались растущими экономическими трудностями (которые, в свою очередь, вызвали общественное недовольство), чтобы стать городскими тиранами.

Мятежи одного сатрапа за другим в Малой Азии были серьезной угрозой целостности империи и даже безопасности самого монарха. Когда на путь мятежа встал Ароандас, недовольный тем, что он был смещен с поста сатрапа Армении и переведен на должность помощника сатрапа Мисии, ситуация стала чрезвычайно опасной (353 до н. э.). Возглавив коалицию сатрапов, он стал выпускать золотые статеры (право, принадлежащее только законному монарху), бросая тем самым вызов Артаксерксу. На монетах из Лампсака изображены Пегас, Афина или Зевс; из Мисийских Кисфен — скачущий всадник; из Колофона — лира и греческое слово, означающее «царь»! На монетах из Клазомен он откровенно признал помощь со стороны наемников: на них изображен гоплит за щитом, стоящий на одном колене и выставивший копье, чтобы встретить вражескую атаку, как учил своих солдат Хабриас. С их помощью он захватил Пергамум.

Среди мятежных сатрапов был Мавсол. Получив приказ от великого царя прислать дань, он использовал эту возможность лишь для того, чтобы собрать больше денег. Сообщив по секрету немногим избранным — самым богатым людям — из своих подданных, что у него совершенно нет средств, чтобы заплатить, он предложил, чтобы они пообещали больше, чем они собирались на самом деле дать, и, сыграв на свойственном человеку желании соперничать, он вынудил других предлагать денег больше, чем они намеревались.

Миласа был городом, не окруженным стенами. Однажды Мавсол созвал его жителей и объявил, что на них идет великий царь; они должны дать ему денег на постройку стены, если они хотят спасти свое имущество от разграбления. Как только деньги оказались в его казне, жителям было сказано, что бог не позволяет начать строительство. Мавсол не упускал своей выгоды; восставшие сатрапы не могли ожидать реальной помощи.

Появление их лидера Ароандаса в Сирии (362 до н. э.) было встречено восстанием местного населения; ликийцы, писидийцы, памфилийцы и киликийцы последовали этому

примеру. Автофрадат оказался в ситуации, когда он был вынужден примкнуть к восставшим, и Артабаз был заключен в тюрьму. Египет сохранил свою независимость даже при том, что его царь смиренно шел пешком за колесницей великого царя — на финикийских монетах! Артаксеркс потерял половину своих доходов. Следующим шагом должны были стать объединение армий Некхтенебефа и Ароандаса, совместное вторжение в Месопотамию, а затем поход на Сузы за добычей.

В начале своего царствования Артаксеркс завоевал для Персии самую крупную дипломатическую победу. Он неоднократно навязывал Европейской Греции «царский мир», и она больше не оспоривала его право на греческие города в Азии. Спустя четверть века его трон и сама его жизнь оказались в опасности. Империя Ахеменидов, казалось, находится на грани распада из-за отсутствия внутренней сплоченности.

Глава 29
НЕДОЛГИЙ ПОДЪЕМ

Несостоявшаяся угроза со стороны Египта

Казалось, Персия находится на грани распада на составные части. То, что империи удалось на недолгое время вернуться к единству, не было заслугой ее слабого и стареющего монарха, а было результатом целой серии совершенно неожиданных случайностей.

Первой была смерть Некхтенебефа (360 до н. э.), который был похоронен в Мемфисе в саркофаге из зеленой брекчии, который был одним из самых прекрасных произведений искусства, появившихся в годы правления этой династии. После его смерти на трон взошел его сын Джедхор (361–359 до н. э.), которого греки называли Тахос или Таос. То, что он уже был в хороших отношениях как с афинянами, так и спартанцами, имело важное значение в меняющейся ситуации.

Тем временем летом 362 г. до н. э. Спарта потерпела сокрушительное поражение в Мантинее (древнегреческий город в Аркадии, известный также как Антигония. — *Пер.*) от сторонников Персии фиванцев. Новые послы от царя договорились еще об одном мире на общих условиях; Спарта заняла свое привычное место возражающей стороны, но возмущенные Афины подкупило то, что царь признал право Афин на Амфиполь. Желая возглавить еще одно нападение на персов, Агесилай появился в дельте Нила ближе к концу 360 г. до н. э. и заявил о своей готовности помочь своему другу Тахосу.

Хабриас закончил год полководцем в Афинах. К сожалению, как оказалось, затем он был отозван к своим прежним занятиям. Выгодный новый «царский мир» недостаточно примирил Афины, чтобы запретить его отъезд, и Хабриас получил возможность собрать еще десять тысяч наемников. Тахос собрал большую армию египтян и флот из ста двадцати трирем. Представитель мятежных сатрапов Реомитр добавил еще пятьдесят кораблей и 500 талантов.

Это было внушительное войско, которое собралось весной 359 г. до н. э., но в нем имелись и недостатки, которые нельзя было оставить без внимания. Начиная с первых контактов во времена Саисской династии между местными жителями и наемниками постоянно происходили стычки. Современные той эпохе авторы комедий показывают, как греки презирали египтян. Например, у Эвбула герой клянется Зевсом Медесским, что он пьян! Кратин Младший высмеивает Египтиад (в древнегреческой мифологии 50 сыновей царя Египта, женившихся на Данаидах против их воли и убитых ими. — *Пер.*), Сохареса и Паамилеса. Тимокл в своих «Египтянах» презрительно вопрошает: «Какую помощь могут оказать ибис или собака? Если те, которые грешат против них, не наказываются немедленно, кто же будет убит у алтаря простой кошки?» Анаксандридес рассказывает местным жителям: «Я не мог быть вашим союзником. Наш образ жизни и обычаи совершенно различны. Вы поклоняетесь корове; я приношу ее в жертву богу. Вы не едите свинину; я ее обожаю. Вы

обожествляете суку; я бью ее, когда она съедает мою еду. Наши жрецы пребывают в целости и сохранности; вы кастрируете их. Если вы видите, что кошка попала в беду, вы горюете; я бы с радостью убил ее и содрал с нее шкуру. Для вас полевая мышь сильна, для меня — нет!» Презрение к религии египтян, столь открыто проявляемое, не могло не возбуждать негодование.

И что еще хуже, все греческие наемники требовали плату в твердой наличности. Египет мало продвинулся к экономии денежных средств с тех пор, как цари Саисской династии стали брать на службу греческих и карийских наемников. С тех времен постоянное выкачивание драгоценных металлов персидской администрацией сдерживало любой импульс в эту сторону.

У умного, но беспринципного Хабриаса был готов новый план. По его совету Тахос сообщил жрецам, что большинство из них должны быть распущены, так как военные расходы вынуждают закрыть некоторые храмы. Естественно, каждый храм дал взятку, чтобы остаться открытым. Собрав с каждого храма немалые суммы денег, Тахос издал новый указ: каждому храму дозволялось в качестве акта царской милости сохранять одну десятую своих доходов, тогда как оставшиеся девять десятых должны были стать принудительной ссудой, которая, как было обещано, будет возмещена в конце войны. К прежним налогам Тахос добавил также налог на дом, подушный налог и плату в размере 1 обола как продавцом, так и покупателем с каждой артабы зерна (хлебная мера в Персии, равная 32 кг. — *Пер.*). Десятина на ввоз товаров по морю и готовые изделия, дарованная его отцом Нейт Саисской, была передана короне.

Все золото и серебро, находившееся в личной собственности, было изъято. Из драгоценных металлов отчеканили монеты, чтобы заплатить наемникам. Сохранился золотой дарик с именем Тао, написанным греческими буквами, и Афиной в шлеме и с совой. Те, кто бездумно сдал свои запасы, были «рекомендованы» монархам, которые, как считалось, должны были возместить им потери из местных налогов. Другим блестящим планом Хабриаса было набрать команды для ста двадцати кораблей, в то время как нужны были команды лишь для шестидесяти судов. Командам оставшихся шестидесяти было приказано обеспечить первый призыв припасами на два месяца. Если они этого не сделают, они больше не будут освобождаться от действительной службы. Еще перед завоеванием македонцами местным жителям дали понять, что станет с государственными финансами, если ими будет управлять группка умных молодых греков.

Тахос публично заявил, что он был призван на трон Онурисом Себеннитским. Но Египет мало попользовался собранными деньгами даже посредством строительства. Отец Тахоса добавил несколько сцен в храме Хонсу с Карнаке, а Тахос потребовал его украсить; есть следы его деятельности в области строительства, его статуи и барельефы в Гизе, у озера Мензала, в Атрибисе и Матарийе. Но это была маленькая компенсация за «реформы», которые в равной степени отдалили от него жрецов, торговцев и простолюдинов. Как будто этого было недостаточно, среди вождей существовали разногласия. Египтяне презирали простака Агесилая, который, как старший по возрасту и спартанец, потребовал себе командование всем войском и даже зашел так далеко, что стал настаивать, чтобы царь остался в Египте. У Тахоса были другие планы. Он объявил, что он возглавит экспедицию в Азию лично. Агесилай должен был встать во главе наемников, а Хабриас — флота, но местные рекруты должны были оставаться под командованием царского племянника Некхт-хар-хеби. Потребовалось много подарков, чтобы успокоить разгневанного спартанца.

Подробный план кампании был разработан в сотрудничестве с восставшими сатрапами. Тахос прошел по перешейку и захватил почти все крепости в Палестине и Финикии, затем он должен был присоединиться к Ароандасу в Сирии, чтобы вместе с ним вторгнуться в Месопотамию. Датамес переправился через Евфрат во главе авангарда. Столь серьезно было положение, что старому Артаксерксу пришлось лично взять на себя оборону. Младший сын царя по имени Ох попытался удержать в своих руках Финикию, но не смог противостоять наступлению греческих наемников. Казалось, что империя обречена.

Персия обязана своим спасением безымянному египтянину, брату Тахоса. Оставшись регентом в Египте, он воспользовался всеобщей ненавистью к налоговым «реформам» и объявил своего сына Некхт-хар-хеби царем. По наущению своего отца Некхт-хар-хеби (359–340 до н. э.) сам поднял мятеж в Сирии. Хабриас, автор ненавидимых «реформ», не мог ожидать пощады и бежал в Афины, где в 357 г. до н. э. он получил пост командующего. Тахос, обвиненный в поддержке чужеземного «финансиста», сдался Оху в Сидоне после года правления и был отправлен через Аравию в Сузы, где Артаксеркс оказал ему теплый прием. Агесилай, радовавшийся падению своего соперника Хабриаса, обратился с вопросом о своем будущем к эфорам (в Древней Спарте, а позже и в Афинах это выборные должностные лица, обладавшие широким и не всегда четко определенным кругом полномочий. — *Пер.*) на родине. Получив все полномочия, он выступил на стороне мятежника.

Мятеж разразился в новом месте, как только был показан пример бунта. Выступая против греков и их гнета, феодальные вожди отказались подчиняться Некхт-хар-хеби и выбрали царем принца Мендеса. Некхт-хар-хеби должен был оставить свои завоевания в Азии — а вместе с ними и союзников-сатрапов — и вернуться в Египет. Там он быстро оказался в осаде в Танисе, но Агесилай, совершив ночную вылазку, отогнал осаждающих, и мятеж затух. Выполнив свою задачу, спартанец отплыл на родину, но умер в пути в начале 358 г. до н. э. Артаксеркс отправил Тахоса назад в качестве царя-вассала, но тот тоже умер от дизентерии по дороге домой.

Провал восстания сатрапов

Благодаря этим двум роковым мятежам Артаксеркс получил возможность без страха выступить против Датамеса. Лишь медленное продвижение огромной царской армии и трудности со снабжением позволили бунтовщику снова переправиться через Евфрат, соединив вместе колесницы, которые ослабили силу течения.

Брошенный своими египетскими союзниками, Ароандас заключил мир, сдав других мятежников из своей компании, за что он был вознагражден тем, что остался сатрапом в своей сатрапии и вдобавок получил право контролировать эгейское побережье. И хотя его жена и дети остались заложниками в Египте, Реомитр отплыл в Левки на реке Герм вместе с кораблями и деньгами, данными ему Тахосом, взял в плен много мятежников и отправил их связанными к царю. Опасность, нависшая над империей, рассеялась так же внезапно, как и появилась.

Автофрадат освободил пленного Артабаза. Наемники, собранные Ментором и Мемноном, попали в руки искателя приключений Харидема, который взял с их помощью Сцепсис и Кебрен и сражался с восстановленным в своей должности Ароандасом. Подкупленный раб провел тридцать наемников, переодетых в пленников, в Илион. Другой авантюрист по имени Афенодор с острова Имброс, сражавшийся на стороне Великого царя, был предупрежден о заговоре. Он тоже пробился вперед в сумятице, но его люди не знали пароля, поэтому они были замечены и отброшены. Сам Афенодор потерпел поражение перед Атарнеем от знаменитого полководца Фокиона из Афин, но, когда он заставил своих наемников поклясться, что они победят или умрут, он выиграл второе сражение.

Артабаз выступил против Харидема, который взял за правило требовать плату для своих солдат с городов, которые он «защищал». После первого «взноса» жители заявили, что денег не осталось. Харидем прибегнул к уже оправдавшей себя уловке: перевозя под охраной свое собственное имущество, он притворился, что будет рад предложить такую же защиту, если горожане пожелают переправить свои деньги и ценности в более безопасное место. Как только караван оказался за пределами города, он взял то, что ему было нужно, и вернул то, что осталось. Другой уловкой, вызвавшей немалое восхищение, было объявление о наложении штрафа на горожан за владение оружием. После того как они пришли к заключению, что он не собирается придавать этому объявлению законную силу, был проведен повальный обыск домов, и собрана приличная сумма. В конце концов он был

осажден Артабазом, но, когда зятья последнего стали просить за него, ему было позволено скрыться во время перемирия еще до конца года.

Похожие тирании возникли и в других местах. Филиск при поддержке войск Ариобарзана взял Лампсак и другие греческие города, кастрировал в них свободных мальчиков, обесчестил женщин, но вскоре был убит. Его преемник Астианакс тоже был убит, так как не позаботился прочесть письмо, в котором раскрывался заговор. Пифо (древнее название области Парнас в Фокиде, где находился храм и оракул Аполлона Дельфийского. — *Пер.*) при помощи союзников захватил его родной город Клазомены, забаррикадировав его ворота повозками, груженными кувшинами с вином. Борьба между богатыми и бедными в Абидосе сделала Ифиада тираном. Им стал и Парий, когда телеги, груженные хворостом, подожгли ворота и отвлекли внимание горожан. Банкир Эвбул сделал себя тираном в Атарнее и Ассосе и успешно противостоял осаде Атарнея Автофрадатом.

Ариобарзана предал его собственный сын Митридат, который приказал распять отца. Артабаз захватил Пафлагонию и вторгся в Каппадокию. Однажды на Датамеса было совершено предательское нападение одним из его солдат в Аспенде, он сумел спастись благодаря тому, что переодел своего подчиненного в свою одежду и жестоко предоставил его своей судьбе. После многих других таких попыток он наконец был убит Митридатом на собрании, которое было созвано с целью продолжить восстание сатрапов. Его сын Сисинас получил сатрапию своего отца и под арамейским именем Абд Сусина чеканил в Синопе монеты по образу и подобию своего отца — с нимфой и орлом; несколько из этих монет были найдены при раскопках в Персеполе.

Стройки Артаксеркса

Артаксеркс приближался к концу своего долгого и, несмотря на многочисленные восстания, довольно успешного правления. Большая часть его богатств пошла на строительство. В начале своего правления он восстановил дворец Дария I в Сузах, уничтоженный пожаром в последние дни правления первого Артаксеркса. Даже в настоящее время можно узнать, где проводились реставрационные работы. В ападане их можно заметить по трехъязычным надписям на опорных постаментах колоссальных колонн из серого известняка, огромные капители в форме быков которых дают некоторое представление о скульптуре того времени. Другие надписи, полные грамматических ошибок, выдающих упадок литературного стиля, можно найти повсюду на территории дворца.

В самом дворце, расположенном к юго-западу от ападаны, при установлении даты постройки нам следует полагаться на кирпичи. Представляя собой резкий контраст по отношению к великолепным глазурованным кирпичам, произведенным для первого Дария, кирпичи эпохи второго Артаксеркса покрыты менее яркой глазурью и имеют менее изысканный оттенок. И все же производимый эффект грандиозен, а контраст ярких цветов глазури с мягкими розовым или серым тонами необработанной глины или обожженных кирпичей привлекает глаз.

Это искусство видно лучше всего в небольшой тронной комнате в западном крыле дворца. Как антаблемент вокруг стен (и на воротах, ведущих на запад) здесь когда-то был фриз из львов приблизительно в 24 метра над глиняными кирпичами, из которых были сложены нижние стены. Львы были реконструированы по фрагментам. И снова они гордо шествуют с открытыми пастями и заостренными кончиками задранных вверх хвостов. Все кирпичи сделаны по одному и тому же шаблону, но разнообразие получается благодаря чередованию цветов. Огромные выпирающие мускулы могли быть зеленого или синего цвета, грива — коричневая или зеленая, но большая часть тела — белая; орнаменты — бледно-зеленые, тускло-коричневые, соломенного или белого цвета, и все они выполнены на насыщенном бирюзово-синем фоне. В воротах над фризом имеется ряд открытых зубцов с бойницами, ниже которого находится бордюр из розеток, окаймленный с обеих сторон треугольниками, соединенными бутонами лотоса, и выступающей рамкой.

Артаксеркс также восстановил укрепления, включая сильный редут в юго-восточном углу огороженной территории дворца, а также дорожное покрытие и всю систему дорог около выдвинутой вперед стены по всему периметру. «Говорит царь Артаксеркс: Милостью Ахурамазды этот дворец я построил в годы своей жизни как приятное место уединения. Да защитят Ахурамазда, Анахита и Митра меня и мой дворец от всякого зла». Добавление богини и бога к божеству, которое в глазах Дария не имело себе равных, намекает на значительные изменения в религии. Это дворец, описанный еврейским автором свитка Эсфири; это также дом Великого царя, в котором Артаксеркс продиктовал условия своего «царского мира» грекам.

С помощью этой же самой троицы богов Артаксеркс построил в Экбатане новую ападану и поставил новые скульптуры. В течение большей части своей жизни он, по-видимому, не вел строительных работ в Персеполе, но как раз перед своей смертью он начал одно нововведение. Четыре его великих предшественника взяли себе самые лучшие места для гробниц в Накш-и-Рустаме. Его гробница была, очевидно, высечена в горе высоко над юго-восточной частью площадки Персеполя. Нижняя четверть обычного креста на фасаде была пропущена, в то время как верхняя балка антаблемента превратилась в шествие львов, выполненных еще с достаточным артистизмом, чтобы обладать некоторой привлекательностью. Гробницы Ксеркса, Артаксеркса I и Дария II в Накш-и-Рустаме не имели надписей. Артаксеркс II вернулся к практике Дария I, но лишь только для того, чтобы неправильно скопировать имена и барельефы подвластных ему народов, которые поддерживали трон его более могущественного предшественника.

Восшествие на престол Артаксеркса III Оха

От трехсот шестидесяти наложниц Артаксеркса (одна на каждый день календарного года) родились сто пятнадцать сыновей. Однако только трое из них — Дарий, Ариарат или Ариасп и Ох — были детьми царицы Статейры. По древней традиции старший сын Дарий получил царские полномочия, когда его отец ушел на Кадусийскую войну. После своего возвращения Артаксеркс жил слишком долго, и Тирибаз уговорил Дария вступить в заговор, к которому присоединились другие пятьдесят сыновей царя. Заговор выдал евнух, и Дарий был схвачен в царской спальне. Царские судьи провели расследование и дали письменное решение в отсутствие царя: Дарий был осужден на смерть. Ариасп был добр и любим народом; действуя через евнухов и фаворитов, Ох заставил его поверить, что отец гневается на него, и Ариасп отравился. Теперь в милости у царя был его побочный сын Арсамес, известный своей образованностью; по наущению Оха он был убит сыном Тирибаза Артапатом, и старый Артаксеркс умер от горя в 358 г. до н. э.

Ох уже показал свой жестокий нрав. Как Артаксеркс III он был известен как самый кровожадный из всех царей династии Ахеменидов. Его портрет на монетах — короткий прямой нос, коротко стриженные волосы, длинная заостренная борода и суровое выражение лица — не опровергает эту репутацию. Едва он только воцарился на троне, как перебил всех своих родственников без различия возраста или пола.

Его первыми официальными действиями как монарха, видимо, была еще одна попытка подавить продолжавшееся восстание кадусийцев. Эта попытка была успешной, и с тех пор отряды кадусийцев можно было обнаружить в армиях Ахеменидов. Вскоре после этого он приказал сатрапам в Малой Азии распустить своих греческих наемников. Вслед за этим Артабаз поднял восстание, и Ох приказал собрать во Фригии двадцатитысячную армию. Мятежник обратился к Афинам, где правительство серьезно обдумывало вопрос об использовании своих собственных наемников для оказания запрошенной помощи. В 380 г. до н. э. Исократ проповедовал священную войну против варвара-перса под эгидой Афин, с того времени его пыл поостыл. Теперь он с тревогой заметил, что варвары становятся враждебными Афинам; «что царь имеет против нас — он дал ясно понять в своих письмах, которые он прислал».

Эллинизированный восточный правитель: Мавсол из Карии

Мавсол из Карии был прощен, так как он не совершил явного предательства. Вскоре после неудавшегося большого мятежа сатрапов он начал расширять свою «сатрапию», которая превратилась фактически в независимое царство. Галикарнас, Иасс и Книд уже находились в его владении. Однако Кос господствовал над входом в Галикарнасскую гавань, и, хотя Мавсол попытался захватить остров, попытка не удалась. Милет оставался свободным, несмотря на усилия Эгипта совершить предательство. Эфес также успешно оказывал сопротивление, но даже это можно было использовать; выдвинув в качестве предлога тот факт, что эфесский Герофит собирается на него напасть, Мавсол завербовал триста горожан Геракл ей на горе Латмус, чтобы они в качестве охраны отправились в Пигелу, а затем захватил опустевший город, жители которого высыпали на улицы, чтобы увидеть его приближение. В его руки попала большая часть Лидии. После мятежа сатрапов Перикл из Ликии исчез, и Мавсол оккупировал его страну.

Тем временем Демосфен протестовал против плохого обращения Афин с союзниками: «Когда кто-то покупает должность триерарха, он уплывает на кораблях, чтобы опустошать и грабить; барыши он забирает себе, а вы, граждане, оплачиваете возмещение убытков. Вы единственные люди, которые никуда не могут поехать без жезла глашатая, потому что эти люди хватают заложников и тем самым провоцируют репрессалии. Если посмотреть на ситуацию правильно, то можно увидеть, что такие триремы уплыли не для защиты ваших интересов, а наоборот».

Его предупреждения остались незамеченными, и осенью 356 г. до н. э. союзники восстали. Мавсол воспользовался гражданской войной, чтобы отделить Родос, Хиос, Кос, Эритрею и Византий и образовать из них новый союз, который он и возглавил. На монетах, отчеканенных на Хиосе, изображен Мавсол в виде Геракла, что стало началом его обожествления.

Мавсол, который установил на будущее не один прецедент, является наилучшим примером сильно эллинизированного восточного правителя. Он был женат на своей сестре Артемисии — этот брак предварял брачные союзы братьев и сестер династии Птолемеев. Все его официальные надписи были сделаны на греческом языке, и даже в Ликии он добавил греческий к родному языку. Также греческими были внешний вид его монет и надписи на них. Он выдавал себя за покровителя греческой культуры. Например, известные афинский оратор Эсхин и математик-астроном Евдокс были какое-то время гостями при его дворе. Комедиограф Теопомп описал его деяния. На его монетах как дальнейшее доказательство его эллинистической позиции древний Зевс Лабраундский исчез со своего почетного места на лицевой стороне и переместился на оборотную сторону, уступив место Аполлону.

Одной из наиболее характерных черт эллинистического века стало объединение маленьких городов в один большой город. Мавсол перевел свою столицу из Миласы в Галикарнас, находившийся на расстоянии двенадцати часов езды от нее. Из восьми педасийских городов только Миласа и Минд сохранили свою индивидуальность. Сам Педас — известное место обитания прорицателей, Тельмесс, Евралион, Медамса, Сибд и Теангела-Сиангела обезлюдели, увеличив численность жителей расширившейся столицы (362 до н. э.).

Галикарнас был хорошо укреплен благодаря природным условиям и уже имел прекрасную гавань и отличный рынок. Если смотреть со стороны моря, то город поднимался вверх по склону террасами, как большой театр; его сценой была гавань, за которой располагалась рыночная площадь. В середине изгиба была широкая улица; после смерти мужа Артемисия построила в ее центре знаменитый мавзолей. На самом высоком месте города находился храм Ареса и гигантская мраморная герма (четырехгранный столб, завершенный скульптурной головой изначально бога Гермеса, откуда и название, затем других богов, а с V в. до н. э. портретными изображениями государственных деятелей. — *Пер.*) этого бога, обычно приписываемая Леохаресу, хотя некоторые считали ее творением

Тимофея. Справа стоял храм Афродиты и Гермеса рядом с источником Салмакиса. Слева располагался дворец, построенный по плану самого сатрапа из обожженных кирпичей, так отделанных штукатуркой, что последующим поколениям казалось, что они прозрачны, как стекло. Его облицовка была из проконнесского мрамора. Только из дворца можно было увидеть скрытую гавань под высокой скалой.

Все это строительство требовало денег, и Мавсол часто испытывал финансовые трудности, которые он разрешал согласно своему времени. Его управляющий Кондал имел обыкновение совершать поездки по стране. Когда в качестве дара он получал овцу, свинью или теленка, он записывал имя дарителя и дату, затем возвращал животное с просьбой сохранить его до его возвращения. Позже он спрашивал о животном, а также требовал налог на него! Деревья, которые падали на царские дороги или даже нависали над ними, продавали на древесину. Когда умирал наемник, Мавсол требовал плату в размере 1 драхмы за получение разрешения вывезти труп через ворота. Между прочим, это было отличной проверкой офицеров, чтобы помешать им требовать плату за уже умерших солдат. Ликийцы носили длинные волосы; Мавсол обнародовал повеление — будто бы исходившее от царя, который потребовал волосы для накладных челок, и тем самым навязал подушный налог, благодаря которому покупал волосы из Греции!

Союз греков с мятежником Артабазом

В своих интригах с союзниками афиняне, естественно, предполагали, что Мавсол действует в качестве представителя Оха. Когда их попытка отвоевать назад острова силой потерпела провал и должны были начаться мирные переговоры, Исократ мог только предложить принять условия «царского мира», которые он сам в 380 г. до н. э. столь категорически осуждал. Правительство думало иначе. Воспользовавшись растущей ненавистью к Персии, его руководители решили принять щедрую плату, предложенную мятежником Артабазом за помощь Афин. В воздухе носились слухи: Артаксеркс будет вторым Ксерксом, который планирует, что греки снова станут порабощать своих соотечественников греков. Распускатели слухов знали даже, что в пути уже находятся двенадцать тысяч верблюдов, везущих золото на оплату греческих наемников. Но, как и во времена Ксеркса, варвар снова будет легко побежден, а Персия — уничтожена, и на этот раз навсегда.

В 354 г. до н. э. Демосфен ответил на это предложение первой речью перед собранием. Некоторые ораторы выступали за священную войну против варвара. Демосфен был готов признать, что «царь — враг всех греков», но Афины не могут начать с ним войну в одиночку, особенно когда некоторые греки все еще являются его друзьями. Если бы они были уверены в том, что он действительно враг — так Демосфен выражает свои сомнения в том, что Мавсол действительно является представителем Оха, — другие государства могли бы присоединиться, но, если Афины начнут с ним войну, прежде чем это станет очевидным, царь даст им взятку, и они возьмут ее. Война с царем будет тяжелой, так как, хотя у Афин и лучшие воины, у царя больше денег. Многие греки будут сражаться против египтян или Ароандаса, но не против соотечественников-греков. Афины не должны давать царю возможность выступить в роли защитника греков.

Не требовалось испытывать проперсидских настроений, чтобы продемонстрировать простой здравый смысл этого довода, и все же речь не имела успеха. Афины заключили союз с мятежником, на помощь которому к концу года был послан полководец Харес. Войска вошли во Фригию, была одержана большая победа над войском царя, а владения верного ему сатрапа Тифрауста-младшего были опустошены. Харес написал на родину, что это сражение было сродни Марафонскому!

Однако Ароандас проиграл свое первое сражение с царской армией и отступил к горе Тмол, где разбил укрепленный лагерь. Выскользнув ночью из лагеря с кавалерийским отрядом, вооруженным пиками, он уничтожил вражеский провиант на дороге, ведущей в

Сарды. Затем, отправив предупреждение осажденным, он так расставил свои разрозненные войска, что оба отряда одновременно обрушились на осаждающих и совершенно их уничтожили. В Киме с десятью тысячами греков он отбил десятитысячную конную армию Автофрадата, а затем совершил нападение на Эфес. Вооружив местных жителей греческим оружием и отдавая команды на греческом языке через переводчиков, он отпугнул Автофрадата, который к этому времени стал испытывать здоровое уважение к греческим наемникам.

Ответный ход Оха состоял в том, что флоту из трехсот кораблей было приказано собраться, чтобы им могли воспользоваться враги Афин. Он также велел Афинам отозвать Хареса, пригрозив открытыми военными действиями. Возражения Демосфена оправдались, и Хареса попросили больше не воевать на стороне мятежных сатрапов. Перед отъездом он договорился об условиях соглашения между Артабазом и Тифраустом, а затем уехал на побережье в полученные в качестве награды Афинам Сигеум и Лампсак. Афины должны были подписать мир со своими бывшими союзниками, которые признали утрату последних крупиц своей бывшей островной империи (353 до н. э.). Демосфен получил удовольствие, выиграв частное дело в суде из-за навязанной Афинам смены позиции. Отправленные с посольской миссией к Мавсолу, Андротион и два его спутника захватили египетский корабль, шедший из Навкратиса. В Афинах стали считать этот корабль должной наградой, потому что Египет взбунтовался против великого царя, а Афины теперь были другом Персии!

После поражения в 355 г. до н. э. Фивы заняли место Афин в качестве союзника Артабаза, на помощь которому они прислали своего лучшего полководца Паммена с пятью тысячами солдат. Царские сатрапы были разгромлены в двух больших сражениях. В одном из них он увидел, что правый фланг персов сильнее, и поэтому поставил напротив него сравнительно слабый отряд, которому было приказано отступить при первом же нападении на труднопроходимую лесистую местность. С лучшей частью своей собственной кавалерии и пехоты Паммен обошел вражеский правый фланг и разгромил всю армию (354 до н. э.). Однако Артабаз подозревал, что фиванцы тайно связаны с верными сторонниками царя, так как его соотечественники всегда сочувствовали Персии. Паммен, обвиненный в том, что склонял на свою сторону солдат подарками и выдачей зерна, уехал на родину, передав командование брату сатрапа Оксифрасу (353 до н. э.).

Ароандас продолжал успешно вести восстание, но потеря поддержки со стороны Фив настолько ослабила Артабаза, что вскоре ему пришлось искать убежища у Филиппа в Македонии (355–336 до н. э.). Другими изгнанниками, нашедшими приют у Филиппа — который теперь быстро выдвигался в качестве долгожданного лидера в священной войне против Персии, — были Сиссенес, представитель сатрапа в Египте, и египтянин Минапис. В том же 353 г. до н. э. умер Мавсол, и его сестра-жена Артемисия стала его преемницей в качестве правительницы Карии, хотя его брат Идриэй стал сатрапом. На следующий год был убит Клеарх из Понтийской Гераклеи; так как его сын Тимофей был несовершеннолетним, в течение последующих семи лет (352–345 до н. э.) его регентом был его дядя Сатирос. Благодаря этим и другим подобным переменам был расчищен плацдарм для последнего штурма Египта.

Глава 30
ОТВОЕВАННЫЙ НИЛ

Последний расцвет египетского искусства

Некхт-хар-хеби снискал себе уважение жрецов благодаря обширному строительству. Надписи из Туры доказывают, что работы в каменоломнях продолжались почти постоянно. Из священной горы позади Абидоса было взято столько камня, что к пятому году своего

правления царь был вынужден издать указ, запрещающий его дальнейшую вырубку. Прекрасный красный гранит из мест, расположенных ниже первого порога Нила, везли через всю долину реки к дельте, которая была его любимым местом для проведения восстановительных работ. В настоящее время весь этот регион покрыт обломками красного и черного известняка, прекрасно отполированного и покрытого барельефами и надписями. Строительные остатки подтверждают возведение здесь огромных храмов, соперничавших с постройками Восемнадцатой династии.

От этих роскошных построек остались только обломки, но даже их слишком много, чтобы описывать в мельчайших подробностях. Столица Себеннитос могла похвастаться храмом из сланца. Бубастис мог продемонстрировать огромный зал из кварцита, святилища из красного и черного гранита и статую из черного сланца с магическими текстами и фигурами богов. В Бахбите, который, вероятно, был местом рождения царя, стоял огромный храм Исиды. Колоссальные потолочные блоки в Фарбете указывают на размеры разрушенного храма. В честь богини Бает в Бильбейсе были возведены храм и святилище из черного гранита, а в честь бога Тота — два обелиска в Гелиополе. В Тель-Маскхуте была установлена колонна из синего известняка со сценами жертвоприношений Атону, одна сторона которой была облицована тонким слоем золота.

В древней столице Мемфисе теперь стояли два обелиска. На второй год правления царь построил храм для живого Аписа. Он рассказывает, сколько золота, ладана и пива было принесено в дар богу. На второй, а также еще раз на восьмой год царствования бык Апис был со всеми положенными почестями похоронен. В Туне было построено святилище из розового гранита, в Мит-Рахине — еще одно, в Эхнасии — храм из красного гранита, в Коптосе — обелиск из коричневого гранита. В Абидосе сохранились статуи художественного уровня, почти равного лучшим образцам эпохи скульпторов Восемнадцатой династии.

В Карнаке его картуш ложно приписывает ему авторство возведения ворот, которые были пристроены Амиртеем II к храму Монту, хотя храмы Хонсу и Мут он отремонтировал. В Эдфу имелось гранитное святилище такой красоты, что им продолжали пользоваться и при Птолемеях. Храму в Эль-Кабе пристроили карниз. У Кхнума был храм в Элефантине. Следует проехать по долине из конца в конец, чтобы узнать, как этот последний всплеск национального египетского строительного искусства украсил всю страну.

На просторах западной пустыни картина такая же. В большом оазисе появился новый вход с пилонами. В более известном храме Амона, который вскоре посетил Александр, князь оазиса Вен Амон построил храм Уммабеда для Некхт-хар-хеби, «который дает покой сердцам богов и устанавливает для народа законы».

Мы ничего не знаем о стоимости всего этого строительства, но Египет, по крайней мере, выглядел процветающим, и было гораздо лучше, что налоги уходят на местные постройки, а не в сокровищницу далекого чужеземного царя. Некхт-хар-хеби заслужил саркофаг из зеленой брекчии, на котором изображены двенадцать частей Дуата (в мифологии Древнего Египта загробный мир. — *Пер.*) и тридцать семь из семидесяти воплощений Ра, хотя ему не суждено было быть использованным в качестве места последнего упокоения царя.

Есть доказательства возобновления интереса и к древней литературе. Со времен его правления до нас дошла копия знаменитой Книги мертвых. Стела той эпохи известна своими магическими текстами и пояснительными сценами.

Погребальные обычаи того периода иллюстрирует гробница Джедхора и его семьи в Абидосе. Джедхор, умерший в то время, когда Ох начал свое последнее вторжение, был новым человеком, так как у его родителей не было никакого титула, но сам он осыпал себя почестями: он наследный принц, единственный любимый друг, смотритель Нижнего Египта, инспектор земель, попечитель страны, которого царь возвысил за его мудрость, который сделал Владыку обеих стран богатым, которого царь сделал главным писцом, который решал все вопросы с чиновниками, наполняя оба уха Гора правдой. Когда на пятнадцатом году

правления он умер, царский писец Запада (Некрополя) при содействии командующего гарнизоном Селлы (хорошее доказательство того, что царь вел военные действия на границе с Азией в 344 г. до н. э.) сделал так, чтобы главный писец получил божественный статус в потусторонней жизни, и было приготовлено все, в чем он мог бы нуждаться в вечности. Вместе с ним был похоронен его карлик, которого тоже звали Джедхор и который танцевал в день праздника вечности, празднования смерти Аписа в Мемфисском Серапеуме и у священного озера Иерополя.

Галикарнасский мавзолей

В то время как ряд храмов, расположенных вдоль нижнего течения Нила, отражает последний блистательный расцвет чисто национального искусства, массивная постройка, возведенная Артемисией в Галикарнасе в честь своего брата-мужа, является преддверием других этапов приближающейся эллинской цивилизации. Архитекторами мавзолея были Сатирос и, позднее, Пифеас, который написал книгу о его постройке. По форме это была старинная, отдельно стоящая гробница на юго-западе Малой Азии на квадратном основании, тремя ступенями поднимающаяся к вершине, на которой стояла триумфальная колесница Мавсола, запряженная четверкой лошадей. Именно вторая ступень сделала Галикарнасский мавзолей одним из семи чудес Древнего мира, а само слово — названием построек такого рода для последующих поколений, так как среди его крытых галерей с колоннами можно было узнать статуи, сделанные самыми известными скульпторами того времени. Скопасу приписывали статуи на восточном фронтоне, Бриаксису — на северном, Леохаресу — на западном, а Тимофею — на южном.

Весь эллинский мир охватывали спортивные игры. Феодект из Фазелиса показал трагедию, названную именем умершего монарха.

Проводился конкурс за честь написания надгробной речи для чтения ее на похоронах сильных мира сего. Одни говорят, что первое место занял историк Феопомп, другие — Навкратис или Эритрея.

Провал Первой Египетской кампании

Тем временем Ох собирал огромную армию, решив предпринять попытку завоевать Египет. Надеясь на будущих наемников, фиванцы выдали субсидию на окончание священной войны с фокийцами. Некхт-хар-хеби также получил новых наемников, которых возглавили афинский полководец Диофант и спартанцы Ламий и Гастрон. Сначала Оху сопутствовал успех, и он оккупировал Финикию. Стратон из Сидона был скомпрометирован своим союзом с Египтом. При приближении персов он решил совершить самоубийство, но жизнь в роскоши ослабила его мужество, и именно жена приблизила его ужасную судьбу. На его место был назначен Теннес, который на своих монетах изображал себя смиренно идущим за колесницей своего господина.

Завоевать Египет было не так-то просто. Мы узнаем об одном эпизоде — о том, как Гастрон поменял греческое оружие на местное, так что персы хорошо сражались с греками, но бежали от вооруженных греческим оружием местных жителей. В конце концов, после года военных действий (351–350 до н. э.) Оху пришлось отступить. В своей столице Некхт-хар-хеби установил свою статую, стоящую между лап гигантского ястреба, изображающего бога Гора. В сопровождающей надписи он с гордостью хвастается тем, что является защитником Египта, который отбрасывает назад чужеземных завоевателей и наносит удар из девяти луков.

Артемисия Галикарнасская

И хотя Идриэй, как сатрап Кари, монополизировал чеканку монет, Артемисия сама

была независимой и таковой признавалась современниками. Ее правление было энергичным. Гераклея на горе Латмос снова была захвачена на этот раз войсками, которые спрятались, пока все жители города высыпали на улицы, чтобы посмотреть на царицу, которая в сопровождении своих евнухов, прислужниц, трубачей и цимбалистов торжественно шествовала к роще матери богов, расположенной в полутора километрах от города. Вступление женщины на престол, казалось, предоставило родоссцам возможность не просто вернуть себе свою свободу, но и захватить сам Галикарнас. Они обратились за помощью к своему недавнему врагу Афинам, и Демосфен взялся за их дело. Вскоре после отступления Оха оратор предстал перед собранием, на котором выразил свое удивление при виде людей, горящих нетерпением воевать с Персией в интересах египтян, но боящихся оказать помощь Родосу. Так как царю не удалось захватить Египет, предсказал он, Артемисия не станет совершать нападение на Родос.

Демосфен мог насмехаться над людьми, которые так горячо хотели воевать с персами в Египте, но Аристотель думал иначе. В качестве типичного примера здравой логики он приводит аргумент: «Следует готовиться к войне с Великим царем и не позволять ему захватить Египет; Дарий и Ксеркс не нападали на Грецию, пока не завоевывали Египет; поэтому, если Великий царь возьмет Египет, он также нападет и на Грецию». Этот довод полностью раскрывает *non sequitur* (нелогичное заключение. — *лат* .), таящееся в этой речи.

Что еще хуже, Демосфен не знал Артемисию. Когда самонадеянные родосцы появились у Галикарнаса, она приказала жителям города сделать вид, что они сдаются. Родосцы уже высадились на сушу и занялись грабежом рынка, когда по искусственному каналу, ведущему в потайную гавань, приплыл спрятанный карийский флот. Пустые корабли родосцев были захвачены, а со стен, протянувшихся вдоль моря, захватчики на рыночной площади были перебиты. Затем вместе с судами, укомплектованными карийскими моряками и украшенными лавровыми венками как бы в честь победы, Артемисия поплыла к острову и была пропущена в его гавань, прежде чем ее трюк был раскрыт. Руководители города были казнены, а Артемисия установила две статуи: одну свою, другую — Родоса с клеймом раба.

Восстание сидонцев

Поражение, нанесенное Оху, привело к ряду восстаний. Сидон, являвшийся штаб-квартирой завоевательного похода, в результате пострадал от наглой солдатни. Теннес наказал обидчиков, выдворил гарнизон и сжег фураж для кавалерии, собранный для новой попытки. Он также вырубил деревья «рая» на восточных склонах гор вокруг дворца, резные капители колонн в виде быков которого дошли до наших дней.

В качестве столицы их союза жители Аркадии незадолго до этого основали новый город Мегалополь с удивительно современным федеральным кварталом, в котором собирались их представители. Гораздо раньше финикийские города Арвад, Сидон и Тир объединили три небольшие деревни (известные ассирийцам как Махалата, Маиса и Каиса), которые образовали Атхар, Триполи для греков. Здесь также собирались делегаты — по сто человек от каждого из трех главных городов, — которые образовали общественный совет, или *синедрион* (у финикийцев); очевидно, греческое слово уже было адаптировано к финикийскому языку как *sanhédrin* , так как позднее его стали использовать евреи.

Депутаты теперь собрались в Триполи и проголосовали за то, что вся Финикия должна восстать. Благодаря своим огромным богатствам сидонцы снарядили большое количество трирем и наняли значительное наемное войско. Никоклес был убит на соседнем Саламине, предположительно своим братом Эвагорасом II, который стал его преемником. На протяжении четырех лет Эвагорас чеканил монеты со своим именем, сокращенным по-финикийски; на них изображались галера и звезда или Великий царь, сражающийся со львом или едущий в своей колеснице перед Эвагорасом с непокрытой головой. Затем другой член его семьи по имени Пнитагор заставил его искать убежища в Карии, и девять царей острова последовали примеру финикийцев и провозгласили свою независимость. Отдельные части

Киликии тоже присоединились к восстанию.

Филипп Македонский

Ароандас продолжал восстание; в 349 г. до н. э. Афины наградили его своим гражданством и золотой короной, так как город заключил с ним выгодный торговый договор. У Эвбула из Ассоса был евнух по имени Гермейас, который был послан в Афины, где его обучали философии Платон и Аристотель. После своего возвращения он отплатил своему хозяину за филантропию тем, что убил его и стал править вместо него. Аристотель, учитель сына Филиппа Александра, не считал позором искать гостеприимства при его дворе и кончил тем, что женился на племяннице евнуха-тирана. Другой философ — Ксенократ также приехал за щедрыми дарами тирана.

В начале 346 г. до н. э. благодаря мирному договору Филократа в войне на территории континентальной Греции наступило временное затишье. Филипп был признан у греков выдающейся фигурой, и Исократ поспешил опубликовать свой Philippus, в котором он призвал македонского царя продолжить завоевания на материке, возглавив долгожданную священную войну против варвара. Время, заявил он, благоприятное. Египет еще не завоеван. Кипр, Финикия и Киликия восстали. Теперь, когда Артемисия умерла, Идриэй (350–344 до н. э.) мог забыть о своей сомнительной верности, а он был самым процветающим среди жителей материка. После этого публицист с некоторой горечью замечает, что стыдно смотреть, как Азия преуспевает в материальном плане по сравнению с Европой, а варвары живут лучше греков.

На тот момент Идриэй действительно был дружески расположен к европейским грекам. В тот год — первый с той поры, как Дельфы были освобождены от грабежей фокийцев и снова стали открыты для даров внешнего мира, — милесийцы посвятили Пифийскому Аполлону бронзовые статуи своего повелителя Идриэя и его сестры-жены Ады, которые были сделаны для них парийским скульптором Сатиросом. Их фигуры и имена были изображены на барельефе Зевса Лабраундского, установленном в Тегее (древнегреческий город в Аркадии (Пелопоннес). — *Пер.*).

Филипп на самом деле очень серьезно думал о союзе европейских греков против общего врага, но он был слишком умен, чтобы проповедовать священную войну, прежде чем на родине будет достигнуто большее единство. Тем не менее он четко указал на то, что у него на уме, когда в Олимпии он построил Филиппеум в честь своих военных и спортивных побед и для его украшения позвал всех известных художников и скульпторов, которые нашли выгодную работу в Карии. Такая потеря не обрадовала бы Идриэя.

В отличие от Исократа его ученик Андротион не доверял карийцу. Будучи подданным Персии, он был подобен собаке, спущенной с цепи. Подобно тому, как она бросается на человека и кусает, так и Идриэй, освобожденный от оков, был опасен. Андротион был прав; еще до конца года Идриэй откликнулся, но не на приманку Филиппа, как предполагал Исократ, а на приказ своего хозяина. С собой он привел Оху сорок карийских трирем и восемь тысяч наемников под командованием афинского полководца Фокиана, ведь теперь по обеим сторонам баррикад были афинские полководцы! В течение какого-то времени на мятежном Кипре царил мир, и можно было ожидать богатой добычи; вскоре число наемников удвоилось. Типичным является герой пьесы Антифана «Солдат»: он хвастается, что всю войну он провел на Кипре и жил в Пафосе в роскоши.

Новое завоевание Финикии

В начале 345 г. до н. э. Ох собрал огромную армию в Вавилоне и выступил против Сидона. Для безопасности его жители отправили за границу свои деньги, вырыли вокруг города тройной ров и возвели стены. Были собраны более ста кораблей — не только триремы, но и недавно изобретенные квинкиремы с пятью рядами весел. Но Ментор и

Теннес вступили в заговор с целью предать город. По мере того как из города отправлялась одна группа знатных горожан за другой, всех их убивали поджидавшие их персы, но, когда сам Теннес бежал из города, чтобы получить свою награду, он получил лишь наказание как ненужный уже предатель.

Преданные горожане подожгли свои корабли, заперлись с семьями в своих домах и все сгорели. Оху остались лишь развалины, которые он продал спекулянтам, заплатившим ему много талантов за право искать расплавленное золото и серебро. Из Вавилонии до нас дошла табличка, которая гласит: «На 14-й год правления Оха, имя которого Артаксеркс, в октябре месяце пленники, которых царь захватил в землях Сидона, вошли в Вавилон и Сузы. В тот месяц 13-го дня (24 октября 345 до н. э.) несколько солдат, находившихся среди них, вошли в Вавилон. На шестнадцатый день многочисленные женщины, которых царь отправил в Вавилон, вошли в царский дворец». Табличка дает нам яркую картину страданий, перенесенных женщинами, подвергнутыми древней системе депортации; женщины вошли во дворец не за почестями, а как рабыни.

Затем Финикия была передана Мазею (персидский наместник в Киликии при Артаксерксе Охе. — *Пер.*) и объединена с Киликией. На своих первых монетах, отчеканенных в Киликии, Мазей впоследствии заменил греческого оленя, пожираемого азиатским львом или быком. Две стены с бойницами и четырьмя башнями на каждой истолковывались как Киликийские Ворота, хотя более вероятно, что они представляют собой сам Таре (древняя столица Киликии на реке Киднос. — *Пер.*). Надпись на монете гласит: «Маздай, правитель Абар Нахары и Хилик». Монеты с надписями на арамейском языке были отчеканены в Тарсе, Иссе и Маллосе, но на тех, что из Маллоса, есть надпись и на греческом языке. На монетах Мазея, выпущенных в Сидоне, начиная с шестнадцатого года его правления (343 до н. э.) и почти до конца его, изображали галеру прежних местных царей.

Конец последней египетской империи

Посланники от Оха появились в главных греческих государствах и запросили наемников. Афины и Спарта, полководцы которых уже находились в Египте, отказались оказать помощь, хотя Афины смягчили свой отказ, заявив, что желают сохранить мир с царем — при условии, что он не нападет на греческие города. Однако Фивы послали тысячу солдат под командованием Лакрата, а аргивяне — три тысячи под командованием Никострата, в то время как еще шесть тысяч прибыли из греческих городов в Азии, и их должен был возглавить предатель Ментор (344 до н. э.). Персами командовал Росакес, потомок одного из «Семи» и на тот момент сатрап Ионии и Лидии, и Аристазан. Главный евнух Багоас был главнокомандующим, в то время как всем огромным войском руководил лично сам Ох.

Потеряв значительную часть армии в Баратрах (согласно Диодору и Страбону, так назывались обширные болота недалеко от современного города Порт-Саида в Египте. — *Пер.*), царь достиг крепости Пелусий, которую защищал Филофон, стоявший во главе пятнадцати тысяч греков. Не сумев взять цитадель в первый день сражения, Ох разделил войска: одна часть под командованием Лакрата и Росакеса была оставлена для ведения осады пограничной крепости; Никострат и Аристазан были поставлены во главе второй части, в то время как основные силы продолжали оставаться под командованием Ментора и Багоаса. Чтобы противостоять им, Некхт-хар-хеби собрал под свои знамена двадцать тысяч греков, почти такое же количество ливийцев и шестьдесят тысяч египтян. У него также был большой флот кораблей на Ниле, аравийский берег которого удерживала цепочка крепостей.

Оборона была крепкой и, как это было в прошлом, должна была сдержать агрессоров. Но все оказалось бесполезным, потому что командующие наемниками афинянин Диофант и спартанец Ламий не смогли заставить царя согласиться с предложенной ими тактикой. В пику их совету немедленно атаковать противника Некхт-хар-хеби решил подождать близкого паводка на Ниле, уверенный в том, что поднявшийся уровень воды снова вынудит

врага отступить из разлившейся дельты реки.

На причину этой его уверенности — обещание бога войны Онуриса спасти Египет от надвигающейся угрозы — есть намек в народной сказке, которая дошла до нас только в греческом переводе на папирусе более позднего периода. В ней говорится, что в ночь с 21-го на 22-е число месяца Фармутхи, в полнолуние, на шестнадцатый год правления Нектанебо царь, проживавший в Мемфисе, совершил жертвоприношение и попросил богов открыть ему будущее. Современные астрономические таблицы доказывают, что в этот год правления Некхт-хар-хеби полную луну в месяц Фармутхи можно было наблюдать 5 июля 343 г. до н. э. Таким образом мы получили не только дату этих конкретных событий, но, фактически, ключ ко всей хронологии независимого Египта на протяжении IV в. н. э.

В ответном сне, ниспосланном ему, как говорится в сказке, Нектанебо увидел плывущий папирусный плот — по-египетски он называется «ромпс» (как поясняет переводчик), — который встал на якоре в Мемфисе. На нем стоял большой трон, на котором восседала Исида, богиня плодов и возлюбленная богов; все боги стояли вокруг нее по правую и левую руку. Один из них, ростом 20 локтей (1 локоть = 45 см. — *Пер.*), вышел на середину; его имя на египетском языке дано как Онурис, а на греческом — Марс (это еще одно пояснение). Упав лицом вниз, он заговорил так: «Приди ко мне, богиня богов, ты, обладающая величайшей властью, правящая всеми во Вселенной и дающая жизнь всем богам. Смилуйся надо мной, Исида, и услышь меня! По твоему приказу я безустанно наблюдал за этой страной и делал все, что нужно, для Нектанебо, царя Самауса, которого ты сделала правителем. Но он обходит вниманием мой храм и не слушает моих предписаний. Нет у меня храма, а работы в святая святых под названием Ферсо [Першу — «дом Шу»] закончены наполовину из-за нечестности вождя». Богиня ничего не ответила.

Нектанебо проснулся и поспешно призвал к себе верховного жреца и пророка Онуриса из Себеннита в глубине страны, который все еще оставался под властью Египта 6 июля 343 г. до н. э. Они сообщили, что ситуация не такая безнадежная, как намекает этот сон; все было завершено, за исключением священных букв, которые должны были быть вырезаны на каменных стенах, — иероглифов.

Пока это было, очевидно, воспоминание о реальном сне или пророчестве, посредством которого Онурис пообещал свою помощь Египту, хотя в этой версии надвигающаяся катастрофа уже предвосхищена. Теперь же мы входим в царство чисто народной сказки. Царь поспешно повелел созвать людей, искусных в резьбе священных слов. Когда они прибыли ко двору, их спросили, кто из них может быстрее всех закончить работу. Встал Петесий, сын Эргака из Афродитополя, и скромно сказал, что *он* может закончить работу за несколько дней. И его товарищи единогласно согласились с тем, что он говорит правду, так как ни один человек в этой стране не мог равняться с ним в мастерстве. И Нектанебо дал Петесию много денег, и тот отправился в Себеннит.

Будучи по натуре пьяницей, Петесий решил, что ему следует немного повеселиться, прежде чем приступать к работе. И случилось так, что, когда он прохаживался по храму, он встретил дочь изготовителя благовоний, самую прекрасную девушку, которую он когда-либо видел, — и здесь ученик писца, получивший задание, устал и вместо того, чтобы удовлетворить наше проснувшееся любопытство развитием любовного романа резчика, удовольствовался тем, что нарисовал карикатуру на нашего героя.

Приписала ли народная сказка недовольство местного бога войны и его последующий отказ защитить Египет исключительно несвоевременному любовному роману резчика и его неспособности закончить иероглифы вовремя? Этого мы сказать не можем, но не может быть сомнений в том, что ожидание Некхт-хар-хеби разлива Нила было роковым. Прежде чем его спасительные потоки достигли дельты, Никострат с восьмьюдесятью триремами нашел дорогу в тыл Египта. Клейниас напал на эту атакующую с фланга армию, но был убит, а с ним и пять тысяч греков. Оставив дельту, Некхт-хар-хеби отступил в Мемфис. Ментор пообещал брошенному гарнизону Пелусия почетную капитуляцию, если они откажутся сражаться, и угрожал судьбой Сидона, если они продолжат сопротивление. Египтяне не

сошлись с греками во мнении по вопросу о капитуляции, но наемники не признали никаких обязательств перед отступающим работодателем и вскоре приняли щедрые условия.

Персы и греки сражались за добычу. При разграблении Бубастиса наемники зашли так далеко, что пленили самого Багоаса, которого спасло только личное вмешательство Ментора. Но один за другим отдельные города приходили к соглашению. Захватив с собой все движимое имущество, Некхт-хар-хеби бежал к верховьям Нила в поисках убежища в Эфиопии. Последняя египетская империя рухнула, и Нилом в его нижнем течении стал править уже не египтянин.

Греческие наемники, состоящие на жалованье в Египте, получили прощение и были отправлены домой, а те, что находились на службе у персов, были щедро вознаграждены. Багоас стал визирем, а Ментору был поручен надзор за эгейским побережьем. Египет понес суровое наказание за свой бунт, который длился почти столетие. Стены городов были разрушены, а их храмы разграблены. Своей собственной рукой Ох заколол священного быка Аписа и на его место в качестве насмешки определил осла, которому повелел поклоняться местному населению. Был убит также и такой же священный баран Мендеса. Среди награбленного в храмах оказались священные свитки, которые Багоас позднее продал назад жрецам за непомерную цену. В конце 343 г. до н. э. Ох возвратился в Персию, где он поселил в качестве изгнанников видных деятелей Египта, которых он увез с собой, оставив сатрапом Ферендата.

Местное население по-прежнему отказывалось признавать Оха законным царем. Из своего убежища в Эфиопии Некхт-хар-хеби продолжал контролировать Верхний Египет. На восемнадцатый год царствования (341 до н. э.) его еще считали царем в Эдфу, где он подарил местному Гору земли, законность чего была позднее признана Птолемеями. При этих самых Птолемеях была написана так называемая Демотическая летопись, которая также приписывает Некхт-хар-хеби царствование в течение восемнадцати лет.

Однако были такие представители местной аристократии, которые не стыдились служить ненавистным всем чужеземцам. Например, Семту-тефнакхт из Гераклеополя Магны получил разрешение от своего местного бога Геришефа войти во дворец. Там он служил Некхт-хар-хеби, и сердце доброго бога — царя — было удовлетворено его словами. Но когда Геришеф лишил Египет своей защиты — о чем свидетельствует победа Оха над Некхт-хар-хеби, — Самту-тефнакхт заключил мир с новым монархом. Геришеф возвысил его над толпой, заставив любовь к нему появиться в сердце правителя Сетета (древнее название Азии), а царственные друзья его делали изменнику льстивые комплименты. Его возвысили до должности, которую занимал его дядя по отцовской линии Некхт-хенеб, до сана верховного жреца Секхмета на всей территории Верхнего и Нижнего Египта.

В 339 г. до н. э. Петосирис встал во главе самой влиятельной семьи в Гермополе — прошло меньше чем четыре года после персидского завоевания. Он тоже замирился с властями, но, делая записи в течение правления македонского Филиппа Арридея, он пишет о плохом правлении персов: «Я провел семь лет в качестве распорядителя бога Тота, управляя его имуществом без каких-либо промахов, хотя в Египте властвовал иноземный царь. И не было никого на его прежнем месте, потому что в центре Египта продолжалась борьба; на юге были беспорядки, а север восстал. Люди со страхом ездили куда-либо, в храме не было ничего, чем распоряжались бы те, кто заслуживал этого. Жрецы были далеко и не знали, что произошло. Я осуществлял функции распорядителя бога Тота, владыки Кхмуну, в течение семи лет; люди другой страны правили Египтом. Я все делал хорошо в его храме, пока чужеземцы управляли Египтом. Никакая работа не делалась (в храме) с тех пор, как пришли чужеземцы и вторглись в Египет».

Место минейцев в истории

Эта война между мидийцами и Египтом упомянута в надписи из Юго-Западной Аравии, и она решает, наконец, спорный вопрос о древности минейских записей.

Приблизительно в начале IV в. до н. э., когда еврейский автор Хроник заменяет в своей пересмотренной истории Мейним на более ранние названия племен из Северной Аравии; алфавит местных арабов, возникший на Синае, впервые появляется в Юго-Западной Аравии. Еще в начале VIII в. до н. э. в клинописных документах рассказывалось о царях Сабы (царская династия, правившая в Южной Аравии на территории нынешнего Йемена в VIII–I вв. до н. э. — *Пер.*), которые платили «дань» ассирийским монархам; но когда за себя начинают говорить местные памятники, выясняется, что этим уголком полуострова правили минейцы. На их родном языке эта земля называлась Майн, а народ — майнум. Их столицей была Карнаву, а Ятхиль занимала после нее второе место. Занимая положение к северу от Сабы, они контролировали Великий северный торговый путь к Средиземноморью. Дальше на восток вдоль побережья располагался Хадхрамаут, в котором уже использовались другой диалект и немного другая письменность. Их буквы имеют такое красивое начертание, что, вероятно, прошло какое-то время с тех пор, как грубые североарабские граффити были адаптированы к языку Юго-Западной Аравии, который так сильно отличается от языка ее северной части, что его следует считать скорее отдельным языком, чем просто другим диалектом.

В равной степени великим является другой уровень культуры, так как минейцы — это не просто кочевники, а высококультурные люди. Основой их жизни было сельское хозяйство. В Юго-Западной Аравии есть чрезвычайно плодородные районы, но их население было бы малочисленным, если бы не чрезвычайно продуманная система орошения. Там уже есть приличного размера города с внушительными постройками, защищенные крепкими стенами, архитектуру которых мы можем подробно описать. Нам известно кое-что о храмах, еще больше — об их богах и обрядах. Там также существовала продуманная система землевладения, основанная на рабском труде, как в пустынных оазисах.

Их кочевнические корни ясно прослеживаются в их пристальном внимании к генеалогии, родословной, семье и отношениям в племени. При помощи их генеалогических записей и приведенных перечислений лиц и исторических событий в хронологическом порядке можно передать удивительно подробно хитросплетения политических отношений начиная с IV в. до н. э.

Приблизительно в 400 г. до н. э. или, возможно, немного раньше мы узнаем о первом царе страны Майн Ильяфе Ятхи, который, согласно принятому обычаю, затем появляется вместе со своим сыном Абиядой Ятхи. При их совместном правлении Ядхкарил построил город Яфуш из дерева и рубленого камня и сделал надписи-посвящения богам. Маадкариб и его сын Хаматхат сделали подобную надпись в Ятхиле. Алтарь был посвящен Матабнатьяну через владыку Маадкариба Райдана и Хавтаратхата, царя Харимуна.

Когда Абияда правил один, он побратался с Маадкарибом, который теперь оказывается царем Хадхрамаута. То, что это побратимство было на самом деле не равноправным союзом, а союзом, в котором один подчинен другому, доказывает тот факт, что Маадкариб оставил надпись в минейской столице, хотя он сохранил письменность и диалект, свойственные его Хадхрамауту. В ней он также рассказал, как он посвятил оракулу Атхтару дху Кабдиму башню, построенную его дядей Шаххарумом Алланом, сыном Садикиля — царя Хадхрамаута, в ком мы можем увидеть независимого современника Ильяфы Ятхи, который был старше его по возрасту.

Другая надпись Абияды дает нам возможность понять систему минейского управления. Алман, сын Аммикариба, из семьи Хадхар и племени Габсан был «другом» Абияды Ятхи, царя Майна. Он построил по обету и посвятил Атхтару дху Кабдиму и Вадду и Никархуму шесть башен и шесть соединяющих земляных валов в системе укреплений городской стены Карнаву. Их местонахождение дается точно: рядом с каналом квартала Рамсаву, от башни, возведенной «сыновьями исследователей душ» (какой-то совет), до «места пересечения трех дорог» в черте города. Алман построил укрепление, покрыл его деревом и рубленым камнем и закончил прикрывающую стену откоса. Это было сделано на доходы от податей, которые установил Атхтар дху Кабдим, а также на те деньги, которые Алман добавил от себя.

Ладан воскуряли для Вадда, и жертвоприношения делались в честь Вадда и Атхтара дху Кабдима во дворе перед храмом. Причина состояла в том, что Абияда Ятхи подарил Алману на большом совете Майна бразды управления и контроль над тем, что было предписано во время войны и мира его богу, покровителю его племени, его царю и его племени. Более того, царь передал ему для управления землю, полученную с доходов от царских прядилен, протяженностью 47 × 14 локтей и полномочия распоряжаться продовольствием, согласно закону Майна.

Затем подробно описаны границы как по сторонам света, так и по водным ирригационным каналам; и все это изложено поверх ранее написанного документа. Клятву дают приобретающий вес Атхтар, троица, состоящая из Атхтара дху Кабдима, Вадда и Накархума, все боги Майна и Ятхиля, царь, племена Майна и Ятхиля, которая направлена против всякого, кто захочет изменить толкование и подтверждающие надписи, во все дни на земле все отдается под защиту богов.

Гораздо более важную надпись о своем правлении оставил Аммисадик, сын Хаматхата, член семьи Яфан, и Саад, сын Валига из семьи Дхафган. Оба они были чиновниками *kabir* в Мусране и Маан-Мусране — «египетском районе» в окрестностях Дедана и северного города, названного так для минейцев, неуклонно продвигающихся на север, влияние которых уже было показано в Дедане, где в некоторых лихианийских граффити проявились черты минейских букв; вскоре минейская письменность уже главенствовала в оазисе.

Аммисадик и Саад посвятили Атхтару дху Кабдиму коридор, названный Танум, который соединял две башни городской стены. По фасаду он был украшен деревом и рубленым камнем, а контрэскарп был сделан из грубого камня. И что для нас более интересно, авторы дают объяснение: путешествуя в Миср, Ашур и Ибр-Нахаран — в которых мы без труда узнаем Египет, Ассирию и Заречье, — их боги Атхтар дху Кабдим, Вадд и Накархум спасли их богов и повели их в борьбе против Сабы и Кхаулана, которые стремились захватить их добро и верблюдов. Это произошло во время путешествия между Майном и Рагматумом, когда шла война между мидийцами (Мадхай) и Египтом. Это одно из нападений, совершенных Артаксерксом II или Артаксерксом III. Его дата — не позднее 343 г. до н. э., хотя, может быть, и значительно раньше; но, по крайней мере, сейчас мы с точностью до полувека установили время появления самой первой династии Майна.

Их боги вернули их в целости и сохранности на землю города Карнаву. Атхтар дал понять, что он доволен их приношениями, и два чиновника-кабира из Маан-Мусрана отдали свои товары и деловую документацию под защиту богов и царя. И снова Аммисадик предпринял такое же путешествие и спокойно возвратился. И опять два кабира помогли в строительстве городской стены; они также построили себе дома и города и выкопали колодцы и свой собственный личный водоем.

Следуя обычаю, Абияда Ятхи в конце своего царствования стал править вместе со своим сыном Вакахилом Риямом. Саад, спутник Аммисадика в его путешествиях, дважды занимал должность кабира в Маан-Мусране. Когда цари и совет Майна на Большом совете доверили ему собирать взносы, предназначенные для богов, покровителей племен и царей, он и его сын Хавфатхат на свои средства построили коридор и посвятили его Атхтару дху Кабдиму. Два царя сами освятили коридор, когда построили свой дворец Ягур в городе Ятхиле.

Если известная авантюра произошла в последний год независимости Египта, то к этому времени Александр уже совершал вторжение в Персию. Вероятнее всего, до его прихода мы должны распределить оставшихся монархов, место которых в династии установлено точной генеалогией. В свое время Вакахил стал править один, затем вместе со своим сыном Хуфнсадиком; Хуфнсадик также правил один, а затем вместе с Ильяфой Яфушем, одиночное правление которого завершает нашу связную историю. Можно установить царей более позднего периода этой династии, но Египет, который посетили их купцы, находился под властью Птолеемеев.

Глава 31
НАУКА ИСТИННАЯ И ЛОЖНАЯ

Сократ, Платон и восточные науки

Сократ изучал Архелая, был учеником Анаксагора и в молодые годы демонстрировал глубокий интерес к астрономии и физике. Это тот самый Сократ, которого в 423 г. до н. э. пародировал Аристофан в известной сцене, с которой начинается комедия «Облака». Даже после отречения Мелетос смог обвинить великого философа в неверии в богов предков и осудил на смерть. По утверждению Мелетоса, он изучал то, что находится в воздухе и под землей, — Демокрит уже написал «О заточенных в Гадесе» — и говорит, что солнце — это камень, а луна — земля. Говоря так, он напоминает книги Анаксагора, полные таких же высказываний.

В последнюю очередь мы должны сожалеть, что Сократ совершенно изменил свою позицию в преклонные годы, так как иначе европейская мысль была бы неизмеримо беднее. Однако в отношении науки результат был катастрофическим. До того момента ионийские философы и их последователи были явно научны в своих интересах, если и не всегда в методах. Теперь же Сократ решительно бросил вызов всей научной точке зрения и инициировал период конфликта — на этот раз не между наукой и богословием, а между наукой и философией.

Он больше не видел смысла изучать астрономию, орбиты небесных тел, планет и комет, узнавать их расстояния до Земли и периоды обращения. На самом деле Сократ неожиданно зашел так далеко в защите ортодоксальности, что заявил: исследовать то, что не предназначено Богом для человеческого знания, — дерзость; а Анаксагор был безумен, когда пытался объяснить механицизм богов.

В такой антинаучной обстановке Платон стал учеником стареющего Сократа. Как философ Платон был поистине одним из величайших. Он также был мастером превосходного стиля, но такой гений редко снисходит до прозаических трудов, которых требует наука. И все же, в отличие от своего учителя, на него произвели глубокое впечатление учения пифагорейцев, и в этой школе стало традицией придавать числам не только мистическое, но и квазинаучное значение, что было особенно очевидно в небесной механике и делении времени, чему учили небесные тела.

Конечно, мы напрасно ищем признаки серьезной восточной науки у Платона. В лучшем случае мы время от времени обнаруживаем техническую астрономическую терминологию. Если бы современный ему вавилонский жрец-астроном, знаток самой сложной небесной математики, мог прочесть его последний очерк «Тимей», он бы одобрил какие-то места, но чаще был бы неприятно удивлен. Он одобрил бы веру Сократа и Платона в противовес атеистам в то, что небесные тела — это боги, достойные поклонения и совершения обрядов в их честь. Вопреки Сократу он стал бы настаивать на том, что его благочестивым долгом является объяснить механицизм этих богов. Подобно всем ученым своего времени, он как аксиому принял бы тот факт, что Земля является центром Вселенной, хотя, возможно, он и не согласился бы с тем, что Земля — шар. Он остерегался верить в то, что орбиты планет образуют правильный круг, так как его собственные наблюдения и вычисления доказывали, что, по крайней мере, Солнце (а также, очевидно, Луна и другие планеты) движется по слегка уплощенному эллипсу.

Небесные тела давали знамения; многочисленные таблички предоставляли (для тех, кто умел читать специальное криптографическое письмо) доказательства, что астрология — наука, которая по-своему провела деление астрономии. Они также дали нам «измерители времени». Но восточный житель был бы потрясен, обнаружив, что греческий философ той поры столь отстал от времени, что считает, будто год длится только 360 дней. По-видимому, Платон еще не понял, что Вестник Зари был лишь еще одним олицетворением Венеры как

Вечерней Звезды. Он также не знал, что его порядок расположения планет от находящейся в центре мироздания Земли — Луна, Солнце, Вестник Зари, Гермес, Марс, Юпитер и Сатурн — не совмещается с данными эфемерид (астрономические таблицы, содержащие сведения о положении небесных тел на небе, скорости их движения и другие данные, необходимые для астрономических наблюдений. — *Пер.*), проверенными по другим эфемеридам, вычисленным ранее.

С некоторым трудом наш восточный ученый обнаружил бы, что под невразумительными «кругом Того же и кругом Другого», пересекающимися диагонально, Платон подразумевал всего лишь знакомые круги эклиптики и небесного экватора. Но что же у него значили орбиты планет, равные Солнцу, но противоположные по направлению, так что Солнце, Луна, звезда Гермес и Утренняя звезда регулярно догоняют и обгоняют друг друга? Он покачал бы головой, когда прочитал: «Но полеты по кругу этих же богов и их появление рядом друг с другом, и манера возвращения на свою орбиту, и их приближения, когда одни божества встречаются друг с другом, а другие находятся в противостоянии — здесь, наконец, появляются термины, которые он смог бы понять, — и порядок, в котором они проходят друг перед другом, и время, когда они скрыты от нас и снова появляются, — все это насылает на тех, кто не может вычислить их передвижения на небе (а также на тех, кто может это сделать, — добавил бы он), ужас и знамения грядущего, чтобы заявить: все это без видимых моделей этих же перемещений является попусту потраченным временем». Наш ученый мог объяснить многие из этих трудностей, так как *он* мог обратиться к имеющимся книгам и таблицам. Но когда он ломал голову над так называемыми экспозициями, он задал бы себе вопрос, подобно многим древним и современным толкователям со времен Платона, не замахнулся ли великий философ слишком далеко, когда осмелился вступить в сложную область астрономии.

К счастью, есть другие причины, по которым востоковеду следует внимательно изучить немало страниц трудов Платона. После осуждения его учителя — пятно на репутации Афин, которое не сотрется никогда, — Платон уехал в Египет, где зарабатывал на жизнь продажей масла и пользовался возможностью посещать тех, кто толковал волю богов — среди прочих, несомненно, были астрологи. Возможно, он думал о своем собственном жизненном опыте, когда писал об официальном визите Солона к царю Амасису в его дом в Саисе, построенном в дельте Нила там, где он делится на рукава, богиней Нейт (которую греки называют Афиной). Солон, такой же самоуверенный, как и Гекатей, вкоре явился в Фивы, где заносчиво изложил греческое представление о происхождении мира. Однако один из жрецов сумел спустить этого варвара с небес на землю точно так же, как и его фиванские коллеги следующего поколения. Вот его единственное замечание: «О, Солон, Солон! Вы, греки, всегда дети; нет старых греков!» Затем он пожурил Солона: «У вас нет ни одного древнего верования или древней науки».

Перед лицом таких претензий на глубокую древность перед другими культурами Платон, подобно Гекатею и до него Геродоту, удивительно робок. Он повторяет слова своих учителей: Тевт, древний местный бог Навкратиса, птицей которого является ибис, изобрел математику, геометрию и астрономию, а также игру в шашки и кости, не говоря уж о буквах. В то время царем Египта был Тамос, который правил в большом городе в верхней части страны, которую греки называли Фивами. К нему пришел Тевт, показал свои изобретения и потребовал, чтобы они стали известны другим египтянам. Каждое изобретение царь хвалил или критиковал до тех пор, пока не дошел до букв, которые, как он заявил Тевту, уничтожат их память.

В самом начале, по свидетельству самих египтян, они изучили первые принципы. Сначала они использовали гадание и медицину и первыми взяли на вооружение щиты и шлемы. Все египетские мелодии — Платон очень интересовался музыкой — как говорят, были сочинены самой Исидой; с тех пор эти мелодии было предписано исполнять в храмах. Художникам и скульпторам было запрещено вносить в свою работу какие-то изменения; скульптуры, изваянные десять тысяч лет назад — а Платон утверждает, что он буквально это

и имеет в виду, — выглядят точно так же, как и современные ему.

Он знает о египетском искусстве бальзамирования покойников и о делении на касты, о рыбных заповедниках на Ниле и в царских болотах, о том, что местные жители отпугивают чужеземцев пищей и жертвоприношениями, а египетские дети учат математику вместе с буквами. После перечисления всех этих чудес мы уже не удивляемся, когда Платон заставляет Федра обвинить Сократа в фальсификации рассказов о египтянах. И все-таки его окончательная оценка показывает, что Платон по-прежнему грек, сознательно пишущий о варварах; образование, по его словам, вместо мудрецов сделало из египтян и финикийцев лишь бездельников.

Геродот изложил египетскую версию Троянской войны и ее причин. Платону известна другая причина: троянцы начали войну в надежде на силу Ассирии, которую она набрала при их правителе Нине, так как Троя была частью Ассирийской империи, которой боялись тогда точно так же, как греки времен Платона боялись царя Персии.

В начале своего путешествия Платон собирался посетить магов, но ему помешали освободительные войны Спарты в Азии. По крайней мере, он мог поговорить с приезжавшими в Афины персами или даже прочитать трактат Демокрита об обрядах магов. Действие самой первой его книги «Первые Алкибиады» проходит во времена Артаксеркса I (ко времени царствования которого он правильно относит царицу-мать Аместрис, вдову Ксеркса), в которой продемонстрировано прекрасное знание персидских обычаев и религии. Персидские монархи, по его словам, являются потомками Ахеменеса, которого Платон, как грек, делает сыном Персея, сына Зевса. Он знает кое-что о системе управления в Персидской империи и рассказывает об одном участке плодородной земли шириной в дневной переход, который называется «пояс царской жены», другом участке под названием «ее вуаль» и приводит другие подобные названия.

Почти также, как Геродот и его современник Ксенофонт, Платон интересовался образованием и воспитанием в Персии. В возрасте семи лет наследному принцу дают коней и обучают езде и скачкам. В четырнадцать к нему приставляют четырех педагогов. Самый мудрый из них обучает его *mageia* Зороастра, сына Оромазды, которая есть почитание богов, а также умению вести себя по-царски. Самый справедливый педагог учит наследного принца всю жизнь говорить правду, самый сдержанный — самообладанию, а самый храбрый — бесстрашию.

Его интерес к восточным религиям, помимо египетской и персидской, ограничен. Теодор Киренский клянется своим *собственным* богом Амоном. В деле основания или перестройки города оракул Амона считается ниже лишь Дельфийского и Додонского оракулов. Платон слышал о том, как в середине лета в саду Адониса было посажено семечко, из которого появилось растение всего лишь спустя восемь дней. Ему известно, что греки, особенно те, которые живут под властью варваров, позаимствовали из их языка много слов. Платона фактически не интересовала восточная наука, но он все же посетил Восток и немало узнал. Было ли это влияние глубже? Некоторые доказывают, что скрытый дуализм Платона возник из вечного конфликта добра и зла, который проповедовал Зороастр.

Успехи в медицине

Гомер знал о медицине египтян. Геродот восхищался египетскими специалистами в этой области. В это время Гиппократ начал развивать научную медицину у греков. Его родной город Кос долгое время был центром асклепиад, которые образовали профессиональный союз врачей под покровительством бога целительства Асклепия. Гиппократ был современником Платона, и вскоре его признали как величайшего врача древности. Некоторые записи, собранные под его именем, безусловно, не были написаны рукой самого учителя, но они появились из его школы и в его время. Контраст с более древней восточной литературой поучителен.

Египетский трактат по хирургии, написанный, по крайней мере, пятнадцатью веками

раньше, поражает нас хладнокровным анализом случаев, которые являются несомненно излечимыми, возможно излечимыми или безнадежными. Такой же бесстрастный анализ мы находим в «Эпидемиях» Гиппократа, тогда как другой трактат «О хирургии» и по форме, и по содержанию напоминает нам о своем египетском предшественнике. Однако в основном различие между восточными и греческими способами лечения более очевидно, нежели сходство.

Гигиена не была чем-то неизвестным на Востоке, но главная надежда возлагалась на лекарства и инструменты. Многие из этих инструментов были грубыми предшественниками тех, которые все еще использовались, в то время как вавилонские названия лекарств появляются в литературе более поздних веков до тех пор, пока тогдашняя фармакопея не была заменена на производные каменноугольной смолы. В трактатах IV в. до н. э. поражает почти полное отсутствие лекарств и инструментов и настойчивое требование соблюдения режима.

Вавилонские медицинские трактаты были по-своему логичны в описании различных болезней, поражающих тело начиная с головы и кончая ступнями ног. Этот практичный метод был высмеян Гиппократом, который предпочитал свою собственную греческую логику. Восточные врачи до конца прибегали к магии, хотя время от времени они позволяют нам думать, что ее применяли больше для психологического воздействия, подобно тому как их современные последователи могут использовать хлебные пилюли для детей. Греческая медицина, даже находясь под эгидой бога Асклепия, коль скоро речь идет о произведениях Гиппократа, порвала со всем сверхъестественным.

Наверное, самым любопытным из этих древних греческих трудов по медицине является «Об эфирах, водах и местах». Его автор — Гиппократ или нет — перечисляет отличия, существующие между азиатами и европейцами. Согласно его объяснениям, разница лежит в климатических различиях. Однако он честен; он признает, что общественные институты вносят в это свой вклад, так как, хотя деспотизм и усмиряет людей, свободные азиаты, которые трудятся на себя, являются самыми воинственными из людей.

Открытия в области астрономии

Как только мы в наших исследованиях вавилонской астрономии доходим до IV в. до н. э., распространенными становятся более подробные эфемериды отдельных планет. В качестве примера мы можем взять: «Появления Мулу-баббар (Юпитера) начиная с года XVIII (387) Аршу, который называется именем Артакшатсу (Артаксеркса II), до конца года XIII (345) Умасу, который носит имя царя Артакшатсу (Артаксеркс III). Копия глиняных и деревянных табличек, наблюдения за церковными праздниками, написаны сыном Гимил-…. Глиняная табличка для сына Мардук-пакид-зера».

Вот типичный отрывок: «В год XX (385) 14 мая он появился во главе созвездия Мулмуллу. В ночь на 2 июня на заре он был над Таблицей на 2 локтя и 6 пальцев. Приблизительно 10 сентября точка остановки; на один и две трети локтя позади поверхности Быка в Северной Колеснице он стоял неподвижно. Последнее появление 8 ноября. Вечером 15-го при возвращении он находился над Таблицей на 1 локоть 20 пальцев. 1 января (384 до н. э.) он стоял на западе неподвижно; на расстоянии 1 локтя 8 пальцев перед поверхностью Таблицы он стоял неподвижно. 10-го числа начало обратного движения. Вечером 10 февраля на обратном пути он находился над Таблицей на расстоянии 1 и двух третей локтя. В ночь на 17 апреля он находился ниже Быка в Колеснице на два локтя. В год XXI 14 мая он вошел за Колесницей». Точно так же таблицы планет прослеживают движение каждого светила на протяжении одного цикла его движения вдоль эклиптики, начиная от его «воссияния» во время его гелиакического восхода (момент первого в году появления звезды над горизонтом на восточной стороне неба на фоне утренней зари. — *Пер.*) до точек, где оно «стоит неподвижно» на стыке и в оппозиции, а затем до заката, его «вхождения» в преисподнюю. Каждая точка его движения вдоль эклиптики отмечена в локтях и пальцах относительно

созвездий, которые по-прежнему представляют собой группы звезд, не став просто знаками зодиака.

Табличка, датируемая 379 г. до н. э., дает нам еще больше информации для определения продвижения планеты вдоль эклиптики: «25 ноября появилась Луна; за 58 минут до захода солнца появилась новая луна. В ночь на 26-е Ану (Марс) повернул на запад в своем возвратном движении ниже первой звезды созвездия Ку. Бог Луны Син находился ниже последней звезды головы Ку на 2 локтя 10 пальцев. В начале ночи на 5-е Син находился перед звездой Мат-ша-рикис (в созвездии Рыбы). В ночь на 7-е середина Сина была в овчарне; Ану стоял в середине». Здесь у нас первый пример смешения с метеорологическими наблюдениями, так как — и мы это уже видели — метеорология для вавилонца была просто подразделением астрономии. Элемент астрологии тоже присутствует: появление внутри ореола красной планеты (красный цвет был цветом траура и смерти) предвещало опасность «царю и царскому сыну правящего дома», особенно когда «земля была покрыта туманом».

«В ночь на 9-е, за 38 минут до захода солнца, вечером Син отставал от Таблицы на две трети локтя. Таже 9-го через 18 минут после зари луна зашла. Одиннадцатого появилась Мулу-баббар в созвездии Скорпиона, на востоке она была видна в течение 46 минут. В ночь на 12-е, на заре, Син находился ниже Близнецов и позади них на 1 локоть. В ночь на 13-е, на заре, он находился позади головы Льва на две трети локтя. Облака циррус. В ночь на 15-е на заре Син находился позади Царя [Регула, как мы и по сей день называем самую яркую звезду в созвездии Льва] на полтора локтя. Облака циррус. В ночь на 17-е, на заре, Син находился над Кайману (Сатурном) на два с половиной локтя. На востоке он стоял неподвижно. Также 17-го утром в Стрельце появился Сияющий Бык (Меркурий). К 17-му Ану находится в точке своей остановки на западе. В ночь на 19-е, на заре, Син находится позади Спики Девы на один и две трети локтя. В ночь на 21-е, на заре, Син находится перед звездой Каблу, расположенной в голове Скорпиона, на 2 локтя; перед ликом Дилбат (Венера) он проходит 3 локтя для входа».

Это не вычисления, а наблюдения, что доказывают метеорологические условия, используемые для практической астрологии. Ссылка на царского сына указывает на то, что наука все еще ограничивается предсказаниями для царей и что гороскопы для частных лиц еще в будущем. Эти описания так похожи на те, которые были переведены Демокритом, что таблицы в более простом виде, но в остальном точно такие же, вероятно, были в ходу. Есть одно новшество; в октябре, отмечает наш астроном, 15 ка кунжута продаются за 1 шекель, а в ноябре 52,5 ка ячменя за такую же цену.

Кидинну (Киденас), выдающийся астроном

Такие наблюдения и вычисления проложили путь для величайшего вавилонского астронома Кидинну, известного грекам как Киденас. В области астрономии его систему относят к 379 или 373 г. до н. э. Есть причина полагать, что он отвечает за очень незначительное изменение в девятнадцатилетнем цикле, которое было внесено в 367 г. до н. э. и повторялось с точностью до дня цикл за циклом до 45 г. н. э.! «Новая Лунная таблица Кидинну», воспроизведенная в 145 г. до н. э. в Сиппаре, по всей вероятности на его родине, дает нам возможность оценить его систему.

Кидинну начал с колонки, в которой фиксировалось изменяющееся положение Солнца от одной новой или полной луны до следующей. Путем сложения или вычитания 18′ числа следуют в арифметической прогрессии до максимального значения 30°1′59″ и минимального — 28°10′39″ 40‴ . От этих значений мы строим следующие колонки, чтобы определить местонахождение Луны среди зодиакальных созвездий. Например, шабату начинается в 21°17′58″ 20‴ в Рыбах. Если прибавить из первой колонки значение для следующего месяца аддару 28°57′17″ 58‴ , то результат будет 50°15′16″ 18‴ ; Луна теперь находится в следующем знаке зодиака, так что следует вычесть 30 градусов, и получится, что Луна находится на 20°15′16″ 18‴ в Овне.

Набуриманни поместил поворотные пункты времен года на 10° соответствующих знаков зодиака. Кидинну установил эту величину как 8°15′; это далеко от истинной величины 3°14′, которая получается от движения в обратном направлении на запад от самой эклиптики. И тем не менее изменение было внесено, а чуть позже величина 8°15′ была снова скорректирована до 8°0′30″. Хотя это исправление и не было достаточным, трудно не поддаться убеждению, что эти исправления делались благодаря смутному пониманию явления, которое мы называем прецессией равноденствий. Нет нужды говорить, что Кидинну не более, чем Гиппарх (которому всегда приписывают это открытие), имел хотя бы малейшее представление о реальной причине этого явления.

Другие таблицы показывают апогей, самое медленное видимое движение которого составляет 20° в Стрельце, и перигей, самое быстрое движение которого составляет 20° в Близнецах, — положение неправильное приблизительно на 10°. Для Кидинну орбита Луны представляла собой правильную окружность, вдоль которой ее движение равномерно ускорялось до максимума, а затем замедлялось до минимума. Среднее значение этой колонки, равное 29°6′19″ 20‴ , разделенное на 29,53059413° (Кидинну имеет в виду синодический месяц), дает ежедневную прецессию Солнца, равную 59' 8" 9‴ 36⁗ 47⁗‴ — точнее, чем у Набуриманни, на 1‴ 18⁗ , и меньше на 1‴ 57⁗ 9⁗‴ , чем современное вычисленное значение. Ошибка меньше одной тридцатой угловой секунды показалась бы достаточно точной большинству астрономов!

Это, в свою очередь, дает продолжительность сидерического года, равную 365 дням 6 часам 13 минутам 43,5 секунды — на полторы минуты точнее, чем у Набуриманни, но все же на 4 минуты 32,65 секунды длиннее реальной величины. Аномалистический год от перигея до апогея и обратно составлял 365 дней 6 часов 25 минут 46 секунд, что в точности совпадает с современной величиной. У него самая большая величина дневного передвижения Солнца составляет 1°1′19″ 56‴ — лишь 0,34 секунды не дотягивает до реальной цифры; самая маленькая величина дневного смещения Солнца — 56′56″ 7‴ , что на 14″ ,8 меньше реальной величины; у него средняя продолжительность сидерического месяца составляет 27 дней 7 часов 43 минуты и 14 секунд, что на 3 секунды длиннее реальной его продолжительности; у него сидерическое перемещение Луны, равное 13°10′34″ 51‴ 3⁗ , на 1‴ ,6 не дотягивает до современной величины. Эта последняя ошибка — приблизительно одна на десять миллионов. Только представив эти цифры, мы можем оценить необычайные математические способности этого выдающегося гения.

Третья колонка дает длину дня в единицах, равных 4 часам 4 минутам и 4 секундам. Предполагается, что весеннее равноденствие наступает в 8°15′ Овна, когда дни равны трем единицам, или имеют длительность 12 часов. Для каждого последующего градуса мы добавляем 36, или 3 минуты 24 секунды. В день Нового года, нисанну 1, Луна находится в 0°52′45″ 38‴ Тельца, а день имеет продолжительность 3 14 или 12 часов 56 минут. Мы продолжаем умножать число градусов на 36 до тех пор, пока не достигаем величины 10°15′, а затем на 24; прибавляя результат к 3 14, мы получаем 3 26. Для двенадцати отрезков времени, начинающихся в 8°15′ каждого знака зодиака, получаем ряд 36, 24, 12 плюс; 12, 24, 36 минус, 36, 24, 12 минус и 12, 24, 36 плюс; у Набуриманни было 8, 24, 40.

Теперь потребовалась четвертая колонка (длина половины ночи), так как Кидинну перестал перемещать закат солнца как начало дня и начал свой астрономический день в полночь. Число в третьей колонке вычитали из 6 (у вавилонян это эквивалент 24 часов), а результат делили пополам. Например, день аддару 1 имеет продолжительность 2 56; 6 минус 2 56 равно 3 4, что, будучи поделенным пополам, составляет 1 32, или 6 часов 8 минут — время от захода солнца до полуночи.

Пятая колонка дает положение новой и полной луны, так как Кидинну обнаружил, что чем ближе проходит путь Луны к эклиптике, тем выше вероятность затмения. Ему нужно было узнать продолжительность периода, после которого Луна возвращается в ту же точку пересечения орбит, так называемый «месяц дракона». В таблице цифры движутся от нуля, где Луна пересекала эклиптику, вверх или вниз (перед числительным стояли слова «над» или

«под»), до максимума 9 52 15, 4 градуса 56′ 7″ ,5 со знаком плюс или минус. Обычная разница составляет 3 52 40, поделенная, разумеется, на неравные части, когда восходящий или нисходящий ряд проходит через ноль. После точки «ноль» делается обычная поправка: 0 52 30 вместо 3 52 30. Вычисление показывает, что 5,458 синодического месяца равняются 5,923 «месяца дракона»; таким образом, у Кидинну «месяц дракона» длится 27 дней 5 часов 5 минут 35,81 секунды — ровно столько, сколько и у нас.

В шестой колонке давались ежедневные перемещения Солнца. Обычная разница составляет 0 36 до максимума в перигее 15°16′35″ и минимума в апогее 11°5′5″; это указывало на среднее значение 13°10′35″, но грек, который, очевидно, использовал утраченный учебник, дает «халдейскую» величину более точно — 13°10′34″ 51‴ 3⁗ , 6, что не дотягивает до реального значения всего на 1‴ 38⁗ ,4. Путем изучения максимумов и минимумов мы находим, что 251 синодический месяц равнялся 269 аномалистическим месяцам.

Седьмая колонка дает сумму, которую мы должны прибавить к 29 дням, чтобы определить самый длинный и короткий синодические месяцы; разница составляет 22 30, максимум — 4 29 27 5, а минимум 1 52 34 35. Поэтому у Кидинну синодический месяц равен 29 дням 12 часам 44 минутам 31/3 секунды, аномалистический — 27 дням 13 часам 18 минутам 34,7 секунды — на 1,9 секунды меньше современной величины.

Эта колонка предполагает, что движение Солнца постоянно, но следующая корректирует движение Солнца. Максимум 21, или 1 час 24 минуты, составляет в перигее, когда движение Солнца убыстряется, и у Луны уходит больше времени на то, чтобы пересечься с ним, поэтому на шесть месяцев знаки положительные; минимум той же величины находится в апогее, когда верно обратное. По мере смены знаков, плюса или минуса, мы прибавляем или вычитаем то, что стоит в этой колонке, из предыдущей строки в следующей колонке, чтобы получить в ней поправку к длине синодического месяца, которую дает седьмая колонка при допущении неизменяющегося движения солнца. Максимум теперь плюс или минус 32 28, или 2 часа 9 минут 52 секунды, что дает возможные вариации синодического месяца на протяжении изменяющегося движения Солнца в пределах 4 часов 19 минут 44 секунд.

Точные промежутки между двумя пересечениями или оппозициями показаны в десятой колонке, которая получается из седьмой путем прибавления или вычитания данных, содержащихся в девятой колонке. Путем прибавления к ее последней строке величин следующей строки в предыдущей колонке одиннадцатая дает дату астрономического новолуния. Так как седьмая колонка дает правильную продолжительность синодического месяца, но не аномалистическую траекторию движения Луны или длину месяца, и, так как девятая колонка недостаточно точно придерживается неправильной траектории движения Солнца, вычисленная дата отличается от наших расчетов от получаса до двух с половиной часов; это также объясняет разные варианты времени рассчитанных затмений.

Еще шесть колонок, которые еще не были должным образом изучены ни одним астрономом, вычисляют дату реального новолуния, так как на практике месяц по-прежнему начинался с ее появления. Таким образом, система Кидинну остается для нас незавершенной. К тому же наши вычисления должны основываться на грубых приближениях таблиц, так как руководство Киддину, в отличие от Набуриманни, не сохранилось, и одна греческая цитата из него доказывает гораздо большую точность вычислений по его системе. Но даже без его теоретических выкладок слава ему обеспечена.

Если точность вычислений Набуриманни удивительна, то точность вычислений Кидинну почти невероятная. Отношения Солнце-Луна превышает современное значение лишь на 1 секунду, Солнце — точка пересечения орбит на 0,5 секунды, Луна — точка пересечения орбит на 1,5 секунды, Луна — лунный перигей на 9,7 секунды, Солнце — равноденствие на 15 секунд, перигей Солнца — равноденствие на 18 секунд, а отношение Солнце — солнечный перигей лишь на 3 секунды меньше современного значения. Истинная величина его таланта видна лучше всего, если сравнивать с современными астрономами.

Хансен, самый известный астроном, изучавший Луну, в 1857 г. дал значения ежегодного движения Солнца и Луны, превышающие современные на 0,3 секунды; ошибка Кидинну была в три раза больше. Оппольцер в 1887 г. вывел закон, который мы обычно используем при датировке древних затмений. В настоящее время признано, что его величина передвижения от точки пересечения орбит составляла 0,7 секунды — слишком маленькая для годовой величины. Кидинну же был ближе к истине: его величина была на 0,5 секунды больше современного значения. То, что такой точности можно было достичь без телескопов, часов или многочисленных механических приспособлений, которые переполняют наши обсерватории, и без нашей высшей математики, кажется невероятным, пока мы не вспомним, что у Кидинну были в распоряжении более длинные ряды тщательно наблюдаемых затмений и других астрономических явлений, чем есть у его современных преемников.

Евдокс Книдский, предшественник Евклида

Евдокс Книдский начал свою карьеру в качестве врача. Он посетил Афины и там нашел себе учителя в Платоне, который по возвращении из Египта стал философом. Евдокс получил рекомендательное письмо от Агесилая к царю Некхт-хар-хеби и отправился в Египет вскоре после восшествия фараона на престол. Там он провел шестнадцать месяцев, сбрив бороду и брови, в качестве ученика Хонуфиса Мемфисского. Его обсерватория между Гелиополем и Керкесурой — башня для ведения наблюдений, где он делал записи о небесных телах, — все еще существовала более чем триста лет спустя.

В основном истории, которые рассказывают о Евдоксе, несерьезные и слишком часто вводят в заблуждение. Они не нужны, так как Евдокс сам по себе был великим человеком. Современные ученые считают, что его работа знаменует «начало научной астрономии».

То, что развилось такое мнение, нетрудно понять. Хотя труд Евдокса «Явления» утерян, он был реализован в основных элементах изложенного в стихах издания Арата; и это *есть* первый *греческий* трактат по астрономии, дошедший до наших дней. Но само заглавие «Явления» позаимствовано у Демокрита, а мы уже узнали от халдеев, каково, по всей вероятности, было его содержание. Картина небес у Арата, без сомнения, основана на картине Евдокса, но она в основных чертах уже была взята Демокритом у Набуриманни и его коллег. В отличие от Демокрита Евдокс не ездил в Вавилонию, и ничто не свидетельствует о том, что ему было что-то известно об уточнениях, сделанных его вавилонским современником Кидинну.

Несомненно, Евдокс заслуживает уважения, которое полагается за его оригинальную, но слишком сложную схему из двадцати семи концентрических сфер для объяснения необычных видимых передвижений Солнца, Луны, планет и установленных звезд. Но беглого взгляда достаточно, чтобы показать, что она основана главным образом не на его собственных наблюдениях, а на математической логике. Терминология, использованная Набуриманни и переданная через Демокрита, вся использована в ней: сферы, орбиты, эклиптика, угол наклона, небесный экватор, полюса, круговое движение, циклы, точки покоя, кажущееся движение планет с востока на запад, самая высокая северная и южная широта Луны. Вопросы, поставленные знанием Набуриманни о том, что движение небесных тел замедляется, а затем ускоряется на различных участках их орбит, решены Евдоксом посредством поразительного числа отдельных круговых циклов, связанных вместе отдельными полюсами, вращающимися вдоль различно наклоненных осей. Мы можем судить об этой системе по ее результату. По мере поступления новых трудностей эпицикл (вспомогательная окружность в геоцентрической системе мира Птолемея. — *Пер.*) громоздился на эпицикл до тех пор, пока не появилась средневековая система Птолемея со всеми ее инволюциями. Система Набуриманни была точна, так как она была основана на тщательных, подробных и длительных наблюдениях при поддержке такой же крепкой математической системы — хотя во многих отношениях она совершенно отличается по методике, — которую использовали греки. В конечном счете преемнику Набуриманни

Селевку из Селевкии на берегу Персидского залива суждено было открыть, что все эти циклы и эпициклы не нужны, как только стало ясно, что Земля движется вокруг Солнца.

Но если Евдокс и не был таким великим астрономом, как Демокрит, его слава заслуженна, потому что он был непосредственным предшественником Евклида. В настоящее время трудно сказать, в какой степени его появлению способствовали египтяне или даже вавилоняне. Мы обнаружили математиков на Востоке столь недавно, что мы еще находимся в состоянии удивления при виде их достижений, а история математики на Востоке — в гораздо меньшей степени оценка их вклада в греческую математику — еще в будущем.

Подобно предшествовавшему ему Демокриту, Евдокс был эрудитом, который взял почти всю сферу знаний в качестве поля своей деятельности. Он проложил путь для выдающегося научного гения древности Аристотеля. Если в его собственных трудах и работах его учеников суммированы все знания его предшественников, то величайшим вкладом Аристотеля является та прочная база, которую он создал для еще более великих открытий начала эпохи эллинизма.

Глава 32
РЕЛИГИИ УГАСАЮЩИЕ И ЖИВЫЕ

Религиозный синкретизм

Набуриманни и Кидинну заслуживают быть в первых рядах в истории чистой науки, но нам не следует приписывать им современную «научную философию». Такое отношение было возможно только у греческих философов-агностиков, которые при этом были впереди своего времени. Консервативные Афины в ответ изгнали Анаксагора за преподавание астрономии. Испытывая отвращение к своей былой неортодоксальности, Сократ заявил, что астрономические данные бесполезны, дерзостью является изучение того, что бог не предназначил для понимания человека, и что попытка объяснить механицизм богов — просто безумие.

Вавилония была даже еще более консервативна — на самом деле настолько консервативна, что так и не поняла, что возможен конфликт между наукой и богословием. Набуриманни и Кидинну были прежде всего жрецами; их жизнь была посвящена служению богу луны, богу солнца или другим божествам, воплощенным в небесных телах. Они поклонялись этим богам, осуществляя обряды, предписанные со времен далеких предков. Когда они обратились к более практическим вопросам «научной» астрономии, они не сознавали своей «дерзости»; их единственной целью было понять сам этот механицизм богов, что осудил Сократ, и тем самым буквально объяснить «пути» богов людям.

На фоне огромного научного движения вперед религия вавилонян продолжала оставаться на одном месте. Письма, административные распоряжения и деловая документация показывают, что в храмах все шло без изменений; единственное, что доставляло им беспокойство, — все возрастающий контроль за их собственностью со стороны правительства. Храмовые жрецы переписывали древние литературные произведения религиозного содержания до буквы. Бел-Мардук сохранял свои древние почести до тех пор, пока Ксеркс не уничтожил Эсагилу за подстрекательство к восстаниям в Вавилоне. За одно поколение культ был восстановлен, хотя и в более ограниченном виде. Ану и Богоматерь в Уруке, Шамаш в Ларсе и Сиппаре, Энлиль в Ниппуре и Набу в Борсиппе получали почести с долей былой роскоши. К тем же самым богам обращались с теми же словами, монотонно повторяя имена великих фамилий.

В долине Нила та же самая картина, усиленная лишь тем фактом, что Египет больше не был политически независимым государством, а египетские правители стремились и имели возможность восстановить храмы и вернуть культ. Тенденции возврата к старине, которые впервые появились в Саисский период, продолжались, и до сих пор забытые божества, вроде

Нейт в Саисе, вернули себе свое почетное положение. Другие немногие ссылки на иные части огромной империи указывают на схожую ситуацию для других этнических религий. И все же не покидает тревожная мысль, что, несомненно, статическая картина является таковой только благодаря нашему собственному невежеству — мы еще не увидели намеки на новые тайные движения, которые вскоре должны были появиться и оставить свой след в более поздние времена.

Личные имена могут рассказать историю о синкретических событиях. Еще в годы правления Артаксеркса I мы видим вавилонские документы, которые показывают нам, что многочисленные жители города почитают чужих богов. Среди них персидские Митра и Бага, арамейский Шамаш, еврейский Яхве, а также египетские Исида и Гармакис. Несомненно, в большинстве случаев эти боги сопровождают своих эмигрировавших приверженцев, но есть другие случаи, которые наводят на мысль об определенных изменениях в религии. Когда еврейский купец заменяет Набу или Мардука богом Яхве, это может быть просто синкретизмом — отождествлением одного бога с другим. Когда это случается неоднократно или когда отец-египтянин, поклоняющийся Гармакису, называет своего сына именем вавилонского божества, это начинает выглядеть как обращение в новую веру. И еще: отец признает Яхве, сын — вавилонского бога, а внук носит неопределенное иранское имя; здесь достаточно ясное доказательство того, как происходило смешение национальных религий.

В Египте ничто не указывает на то, что местные жители уже позабыли богов своих предков, но они заключали смешанные браки. Когда, например, Ашор взял себе в жены богатую еврейскую наследницу Мибтахиах, предполагалось, что она уйдет от своей родни и станет молиться богам своего мужа; позднее она развелась с Ашором и вернулась к своей родне, передав свое унаследованное богатство своему второму мужу, который был ее соплеменником-евреем.

В верхнем и нижнем течении Нила мы находим остраконы (осколки глиняных сосудов с нанесенными на них письменами. — *Пер.*), папирусы и могильные стелы сирийских купцов. Геродот знал о лагере тирейцев неподалеку от храма Гефеста (как он называл бога Птаха) в Мемфисе. В более поздних документах много говорится об Ашуре (обычное название сирийца), их острове и регионе. Имена самих купцов выдают синкретизм того времени. Например, Хадад-езер по-прежнему поклоняется сирийскому богу погоды, а Гори почитает теперь египетского Гора, хотя отец, который дал ему имя, носил доброе персидское прозвище Багабага; другого зовут Багадат. То, что эти арамейские торговцы были на самом деле обращены в новую веру, доказывают не только их имена. Хотя Анан, сын Элиши, был жителем (*baal*) сирийского города, названного по имени семитского бога Баала, он стал жрецом Исиды. Шейл, или Саул, родиной которого была Сиена, был жрецом вавилонского Небо. Герем-шезаб тоже был жрецом — очевидно, того божества, в честь которого он был назван. Поэтому, когда мы видим другие имена, напоминающие имена Анат (великая сирийская богиня), Ашима, Бетел или вавилонского Мардука, мы можем предположить, что когда-нибудь найдем жрецов и храмы этих богов на берегах Нила.

Все эти последние имена были найдены на особом арамейском кладбище к юго-западу от Мемфиса, где они были похоронены в глиняных, реже каменных или деревянных саркофагах, напоминающих человекообразную форму тех саркофагов, которые использовали местные жители. В основном тела мумифицированы, хотя бальзамирование плохое; внутренности упакованы в сверток (который иногда кладут в деревянный ящичек, раскрашенный в традиционные погребальные цвета) и положены на тело. Имена, родословная по отцу и титулы написаны чернилами или грубо нацарапаны, после чего саркофаг обкладывали кирпичами или даже делали над ним кирпичный свод.

Более богатые арамейцы, похороненные здесь или вокруг могилы Осириса в Абидосе, устанавливали обычные могильные стелы, которые полностью доказывают, что эти новообращенные были преданы земле с соответствующими обрядами, свойственными культу Осириса. Стиль и сопровождающие иероглифы могут выдать нетренированную руку «варвара»; сирийская одежда обычно сохранена, но обряд Осириса изображен в

сопроводительных сценах и выделяется через перевод на арамейский язык. Это так, даже когда старое вино учения об Осирисе наливают в новые бутылки арамейской поэзии:

Да будет благословенна Таба, дочь Та-хапи,
Преданно верующая в бога Осириса;
Ты не сделала никакого зла,
Ни одного человека ты не оклеветала;
Будь ты благословенна перед Осирисом,
Взяв у него воды.

Более искусно сделанные из этих могильных стел датируются от конца IV или начала III в. до н. э. и демонстрируют полное принятие культа Осириса. Более ранняя стела, датируемая 482 г. до н. э., имеет необычный вид. Под крылатым диском без обычного урея стоит умерший, а его жена молится перед Осирисом, Исидой и Нефтис. На ужасном египетском языке мы читаем: «Царское подношение, которое дает Осирис, первый из жителей Запада, великий бог, владыка Адоса. Он дает хорошие похороны в некрополе и доброе имя на земле, которое пребывает с великим богом, владыкой небес, почитаемой владычицей Акхтобу». Но покойный и его жена, а также присутствующие на похоронах носят сирийские головные уборы; кувшины, используемые на церемонии, сирийские, а не египетские, да и жрецы не выглядят как местные жители. Чужеземные также и погребальные носилки в форме львов с поднятыми хвостами, которые соединены стоящей между ними фигурой, которая тоже выглядит необычно. Мы начинаем подозревать, что существует синкретизм не только богов, но и обрядов.

Первая тайная религия

Наши подозрения недавно более чем оправдала эффектная расшифровка — она пока еще в самом начале — демотического папируса IV в. до н. э. И хотя в нем использованы демотические значки — по большей части алфавитные с изрядным количеством детерминативов (показатель при существительном, выражающий грамматическое значение определенности, — артикль, местоименное прилагательное. — *Пер.*) и идеограмм — в нем видна рука чужеземца. Скрытый таким образом язык оказывается тем, какой мы и должны были ожидать, — универсальный язык империи: арамейский.

Трудность представляет бедность демотического алфавита, использованного для транслитерации, а также другие многочисленные знаки, фигурирующие как настоящие идеограммы или их фонетические эквиваленты. Взамен нам оказывают помощь делители слов или групп слов, детерминативы бога, женщины или иноземной страны и фонетические дополнения к идеограммам, которые указывают на то, какие у них должны быть окончания при прочтении на арамейском языке. Мы уже уверены, что язык, скрытый таким образом, является древнеарамейским, на котором говорили в IV в. до н. э. при Ахеменидах.

Впервые мы можем прочитать текст, написанный на этом архаичном языке, с приблизительно правильным произношением. Местами добавлены буквы *y* и *w* — точно так же, как в наших рукописях еврейской Библии, чтобы показать, что следует читать гласные *i* , или *u,* или *o.* На самом деле все гласные *a* , столь часто встречающиеся в арамейском языке, обычно подтверждаются другим знаком.

Было переведено уже достаточно, чтобы получить удивительные результаты. Сохранившийся длинный отрывок — двадцать одна колонка текста общим объемом свыше двух тысяч слов — скрывает тайный культовый обряд. Верховный жрец дает указания, и затем разыгрываются мистерии. Можно заметить поэтическое построение текста («параллелизм членов» и реальный ритм); вокабуляр и содержание часто напоминают похожую более древнюю литературу Рас-Шамры (название холма в 12 км от Латакии в Сирии, под которым были найдены остатки поселений древнего торгового города-

государства Угарита. — *Пер.*), найденную не так давно при раскопках, но записанную клинописью.

Над всей композицией висит мрачная атмосфера, освещенная, однако, твердой надеждой на благословенную жизнь в будущем. Мы уже видели, как много арамейских изгнанников на берегах Нила поменяли свои семитские взгляды на тусклое и безнадежное существование после смерти ради благословенной жизни с Осирисом. Важно, что автор нашего текста взял знакомую нам сцену суда Осириса, для того чтобы перенести ее на свою «богородицу» Анат.

Везде наличествует полный синкретизм. В то время как прославленными героями являются эта богиня Анат и Баал, Мут или Смерть — враг. Тема этой мистерии — ее временная победа над Баалом и возвращение возлюбленного Анат к жизни. Часто упоминается другой бог — сирийский Баал Шамаин, «Владыка небес», как переводится его имя. Один раз появляются три супружеские пары: Баал Сафон («Владыка севера») и Падри из текстов Рас-Шамра, Бел из Вавилона и Богородица из Шингала (Эсагила), Набу из Борсиппы (Бар Сап) и Нана из «Эанны» (Аяку); к каждому божеству добавлено утешение: «Он (или она) благословит тебя».

Несмотря на большое сходство с обрядными стихами, найденными при раскопках Рас-Шамры, здесь есть одна заметная разница. Это *чужеземный* культ на чужой земле, и обряд — *тайный.* Египетский или вавилонский обряд мог понять каждый, достаточно образованный человек, умеющий разобрать написанное; лишь тайны практических знаний, вроде астрологии или гадании по печени, предназначенные для царской семьи, записывали необычными знаками вместо ключевых букв, предваряя особым предупреждением не сообщать эти знания непосвященным. Наш папирус, напротив, был написан в виде замысловатой криптограммы, которую ни египетский писец, ни арамейский не могли расшифровать, не столкнувшись с трудностями, которые почти невозможно было преодолеть, не имея ключа. Так что здесь перед нами первый известный образец подлинной «тайной религии».

Эволюция религии у евреев

Таким образом, у других народов Востока мы можем мельком увидеть скрытые движения под видимой спокойной поверхностью; но только у этих народов — персов, греков и евреев — мы можем проследить явную эволюцию религии. В годы, когда царства Израиль и Иудея обладали непрочной независимостью, они сохранили какие-то крупицы автономии, сталкивая соседний Египет с Ассирией или позднее с Халдеей. С точки зрения культуры евреи были частью — и в целом удовлетворенной частью — мировой цивилизации, которая существовала на берегах и Нила, и Тигра, и Евфрата, равно как и в менее значительных государствах на границах великих империй. Только по вопросу религии евреи были склонны в то время идти своим путем.

Появление иранцев сначала, казалось, не имело почти никакого значения. В основном иранская культура строилась на культуре более древних империй. Религия иранцев была, по существу, монотеистична, и они, вероятно, испытывали некоторую симпатию к религии малых народов, которые тоже верили в одного бога. Возможно, не только политические соображения сыграли свою роль в том, что мы находим так много иллюстраций персидского вмешательства в интересах еврейской ортодоксальности. В вопросах религии Персия была толерантна даже больше своих предшественников, она не преследовала другие культы, если только они не объединялись с угрозами национальных восстаний. Естественным результатом было то, что новые идеи легко воспринимались и закреплялись даже в самых ортодоксальных еврейских кругах.

Тем не менее, несмотря на толерантность персов, политическая ситуация навязывала растущее единство религиозной культуры. Под властью Ахеменидов цивилизованный мир подошел ближе к тому, чтобы оказаться под одной политической властью, чем когда-либо

раньше или позже. В случае с евреями весь восточный мир, на просторах которого они даже в настоящее время так широко рассеяны, признал общего хозяина. Значение этого фактора в эволюции религии евреев нельзя переоценить.

Еврейская диаспора зародилась давным-давно. Мы можем начать с самой Палестины. Половина этой страны была занята совершенно чужеземными народами — филистинцами, которые дали название Палестине, финикийцами, морские берега которых простирались далеко на юг за пределы бывшего Израильского государства, арамеями, пробивавшимися с севера, арабами с востока и эдомитами с юга. Колонисты, депортированные ассирийскими монархами, оккупировали столицы израильских царей. Естественно, они поклонялись Богу земли, равно как и своим месопотамским божествам, и хотели стать признанной частью восстановленной еврейской общины. Отвергнутые пророчествами Захарии и еще более решительно — Неемией, они тоже присоединились к врагам восстановленного Сиона.

Большинство евреев — крестьян — отдалилось благодаря «реформам» Иосии и особенно настоятельным требованиям существования одного законного святилища. Изгнание отрезало их от природных вождей. Их возмущали притязания на Сион, они крепко держались за свои крестьянские обычаи и часто поклонялись древним ханаанским богам, а также богам своих соседей-язычников. Когда они поняли, что вернувшиеся сионисты не настолько набожны, чтобы не воспользоваться растущим налогообложением, хотя они пренебрежительно окрестили их «людьми Земли», гораздо большая их часть снова впала в более или менее открытое язычество.

Много евреев нашили прибежище в Египте, в эпоху Ахеменидов они охотно служили в качестве персидских наемников и тем самым не снискали любви местных жителей. Когда египтяне подняли успешное восстание против своих персидских хозяев, судьба этих наемников не могла быть счастливой.

Никакой помощи им не оказал Иерусалим, так как эти евреи были неортодоксальными. Против одного-единственного храма, построенного благодаря реформе Иосии, они возвели в противовес ему другой — в Элефантине и стали поклоняться другим богам и богиням, а не Яхве.

Евреи-»пленники» в Вавилонии, с другой стороны, были гораздо более «ортодоксальными», чем сам Иерусалим, от которого время от времени отрекались такие люди, как Эзра и Неемия. Но при этом лишь немногие из вавилонских евреев были на самом деле правоверными. В Вавилонии, как и в Египте, богатые евреи переженились на язычницах и давали своим сыновьям имена, которые прославляли чужеземных богов. В Палестине банкиры без колебаний грабили своих соплеменников-евреев под самой сенью Священного города. Такие националистические надежды, которые продолжали существовать после исчезновения Зерубабеля, должны были сосредоточиться вокруг верховного жреца, но он стал даже более мирянином, когда власть приняла его как единственного представителя своего народа. Такими же мирянами были высшие жрецы, вполне удовлетворенные тем, что могут отправлять свой культ по-прежнему.

Если бы эти элементы иудаизма управляли будущим, евреев постигла бы судьба других этнических групп. К счастью, те же самые движения духа, которым суждено было возродиться в зороастризме у персов и мистических культах, позднее привезенных с Востока греками, присутствовали в еще большей степени среди определенной части поистине духовных евреев. Еврейские жрецы и деловые люди сыграли свою роль в политической и экономической истории после падения правления Ахеменидов, но история евреев была бы историей язычников, если бы не сформировались новые группировки.

Можно увидеть, что эти группировки представляют три совершенно различных идеала, смутно признававшиеся в более поздний период Ахеменидов. С одной стороны были «праведные», глубоко религиозные, верные храмовым традициям люди, но в душе более озабоченные правильным соблюдением Закона Моисея, введенного Эзрой. Для них спасение было возможно лишь через полное отделение (откуда и произошло позднее их название «отделенные» — фарисеи) ото всех, кто не соглашался с их учением, будь то равнодушные

жрецы или «люди земли». Браки с язычниками предавались анафеме. Писцы, обученные Закону, как Эзра, давали им наставления, и время их триумфа настало после разрушения Второго храма.

Другое крыло было представлено широкими церковными кругами. По-своему члены этой группировки были такими же религиозными, как и так называемые «праведники». Наверное, они были даже более преданы храму, его обрядам и всему тому, что они считали истинным иудаизмом. В отличие от «отделенных» они хотели распространить эти преимущества на весь мир.

В то время как «праведники» были явными пацифистами и никогда не противились чужеземному правлению до тех пор, пока разрешалась свобода отправления религиозных культов, у Хаггая, Захария и Малахи проявился в равной степени вполне определенный национализм. В произведениях Захария впервые появилось упоминание апокалипсиса среди евреев. Но Зерубабель исчез, а у Малахи не было преемника. Персидские налоги отвлекли все мысли на проблему простого выживания. Национализм и апокалипсис, казалось, были забыты у евреев, но, как часто случается, видимость обманчива.

Восточные культы у греков

Задолго до того, как эти религиозные движения начали свое развитие на Востоке, и прежде чем обратное движение из греческих земель начало свое медленное течение на восток, религиозное мышление Востока оказывало мощное влияние на греков. Мы начнем с Гесиода, который таким образом давно считал Адониса сыном Феникса, «финикийцем». Среди отрывков из Сафо мы читаем: «Горе Адонису!», «Умирает, Китера, нежный Адонис; что нам делать? Девы, бейте себя в грудь, рвите свои хитоны!», «Четырехмесячный траур по Адонису» в преисподней. Тимокреон Родосский, автор комедий и открытый соперник Фемистокла и Симонида, рассказывает нам, как после почестей Адонису, оказанных Афродитой на его похоронах, киприоты продолжали бросать в его погребальный костер живых голубей, которые улетали, но потом падали в другой погребальный костер и умирали. Согласно гимнам Праксиллы (женщина-поэт, процветавшая ок. 450 г. до н. э. — *Пер.*) из Сикиона (греческий полис на северо-востоке Пелопоннеса в глубине Коринфского залива. — *Пер.*), когда тени умерших спросили Адониса в преисподней, что из того, что он оставил на земле, было самым прекрасным, он ответил: «Самое прекрасное, что я оставил, — это солнечный свет; во-вторых, это свет звезд и луны; а еще зрелые огурцы, яблоки и груши». Антимах (греческий поэт и ученый из Колофона (V–IV вв. до н. э.). — *Пер.*) знал, что Адонис был правителем Кипра.

Задолго до конца V в. до н. э. метики (иностранные подданные, не имевшие прав граждан в греческих городах-государствах. — *Пер.*) финикийского происхождения ввели культ Адониса в Аттике. Аристофан вместе с мистериями Деметры Элевсийской упоминает о Зевсе в Олимпии и Адонисе. Он рассказывает об обрядах Сабация (фригийское божество, отождествляемое с Дионисом и Зевсом. — *Пер.*) и Адониса, которые проводились на крышах домов в тот момент, когда должна была отплыть злополучная экспедиция на Сицилию. Позднее авторы сочли зловещим тот факт, что погребальные церемонии Адониса, изображения которого пронесли по всему Пирею в толпе стенающих женщин, совпали с отъездом афинской молодежи и мало кто из них вернулся.

Ссылки на Адониса накапливаются в течение IV в. до н. э. Кратин (древнегреческий комедиограф (ок. 420 г. до н. э.). — *Пер.*) не хотел, чтобы в его свите шел хор даже во время праздника Адониса, хотя Дионис, тиран Сиракуз, сочинил трагедию под именем бога. Ферекрат (актер, поэт древней аттической комедии, жил раньше Аристофана и позже Кратина. — *Пер.*) писал: «Мы будем продолжать обряды в честь Адониса и оплакивать его». Антифан (греческий поэт-комедиограф с Родоса (405–330 до н. э.). — *Пер.*) сочинил комедию «Адонис», а в своих «Коринфянках» он рассказал о свинье, которая на Кипре считалась священным животным Афродиты. Эвбул (древнегреческий оратор, политический

противник Демосфена. — *Пер.*) объяснил, почему латук-салат — пища мертвых, в него на Кипре обрядили Адониса. Однако в «Адонисе» из Арара иноземный бог высмеян, так как «бог поворачивает свое рыло к нам». Филетер (полководец периода эллинизма, основатель династии Атталидов и Пергамского царства (343–263 до н. э.). — *Пер.*) показал пьесу Adoniazousae о женщинах — приверженках культа Адониса, а Филиск (скульптор с Родоса эпохи эллинизма. — *Пер.*) прославил «Браки Адониса». Дифил (греческий драматург из Синопа (III в. до н. э.). — *Пер.*) в своем «Зографе» рассказывает о самосских куртизанках, которые прославляли Адониса в публичных домах. Автор комедий Платон в своем «Адонисе» изложил пророчество Кинирасу, царю киприотов, о том, что его сын погибнет от рук Афродиты и Диониса. Сам Демосфен ссылался на Адониса. Никакое другое восточное божество не упоминается так часто, и мы без удивления узнаем, что в 333 г. до н. э. метики из Китиума наконец получили разрешение построить храм для своей собственной Афродиты.

Принятие Аттиса (в древнегреческой мифологии юноша необычайной красоты родом из Фригии. — *Пер.*) и его возлюбленной — фригийской Матери богов Кибелы тоже произошло давно. Уже в VI в. до н. э. Гиппонакс из Эфеса упоминает ее как Кибелис. Вскоре после большой Персидской войны появился государственный культ Матери в Афинах, так как оракул Аполлона попросил их жителей унять ее гнев, и они построили рядом с Агорой Metroon. Внутри была поставлена ее статуя работы Агоракита, ученика Фейдия, которая изображала ее сидящей на троне со львами у ног с тимпаном (музыкальный инструмент, напоминающий бубен. — *Пер.*) в руках; ее также можно увидеть на барельефах того времени.

Пиндар посвятил ей — под именем Диндимены — храм; ее трон и статуя из пентеликского мрамора были изваяны фиванцами Аристомедом и Сократом. Павсаний, автор греческого путеводителя, увидел ее святилище неподалеку от развалин дома Пиндара. Еврипид связывает ритуалы вакханалий с оргиями в честь Великой матери Кибелы; за ним, очевидно, последовал Диоген из Афин в своей «Семеле», когда упоминает Кибелу, Фригию, Лидию, Тмола, Галис, Бактрию и персидский закон. В начале IV в. до н. э. в Олимпии существовал Metroon. Теопомп (греческий историк. — *Пер.*) в Capelides пишет: «Я также заботливо отношусь к твоему Аттису». Однако, когда жрец Кибелы потребовал подаяния, Антисфен ответил: «Я не помогаю Матери богов, которой должны помогать сами боги!» Услышав насмешку в адрес своей матери-фракийки, тот же Антисфен парировал: «Даже Мать богов родом с горы Ида». Антифан в Metragyrtes показал просящего милостыню жреца Кибелы, через которого один из героев купил притирание от самой богини.

Вместе с Аттисом и Кибелой появились Сабаций и фригийские жрецы. В своей пьесе «Часы» Аристофан привлек к суду фригийского флейтиста Сабация и других чужеземных богов и изгнал их из Афин. Сосифей поместил сцену из своей «Дафны» или «Литиерса» в Келенах, древнем городе Мидаса. Уже Сафо воспевала Лина (в древнегреческой мифологии имя нескольких персонажей, близких по характеру. — *Пер.*) и Адониса.

Амон пришел несколько позже через греков Ливии. Возведя хвалу этому богу через его ливийских покровителей — амонийцев, Пиндар посвятил ему храм в европейских Фивах, в котором стояла его статуя работы Каламиса. Еврипид знал, что засушливые края, где обитал Амон, жаждут дождя. Аристофан, на этот раз не зубоскаля, ставит своего оракула на второе место только после Дельфийского оракула. Когда Афины послали к Амону официальную делегацию, а Гелланик написал путеводитель «Анабас» к его святилищу, спартанец Лисандр последовал его примеру и тоже посетил оракула. Нападки на Амона заметно отсутствуют у комедиографов.

Это тем более удивительно, потому что комедиографы были явно враждебно настроены по отношению к культам, привезенным с Востока. Аристофан обвинил женщин в том, что они принимают чужеземные культы, в то время как в «Тельмессцах» высмеиваются суеверия, которыми были печально известны его оракулы. К 355 г. до н. э. Исократ показывает контраст между великолепием празднеств в честь чужих богов и

пренебрежением национальными божествами.

Ослабление зороастризма

Дарий I вырос под влиянием Зороастра. Видимо, надписи на его гробнице являются цитатами из Гаты, и другие вещи, им написанные, показывают явные признаки мышления и языка Зороастра. Также ясно, что Дарий не всегда следовал учению своего учителя; вполне возможно, что он по-настоящему не понимал их. Он и его преемники не только призывали чужеземных богов по имени — на их родине это могло быть просто вопросом правил, — но и в официальных надписях не говорилось об Ахурамазде как единственном боге. Он скорее был «величайшим из богов», и рядом с ним они призывали «других существующих богов».

Запрещенный Зороастром Митра продолжал пользоваться народной любовью. Во время правления каждого монарха и на большинстве языков империи мы находим имена собственные, которые доказывают, что многие отцы отдавали своих сыновей под защиту древнего языческого бога солнца. Мы уже упоминали о ссылках на то, что этому богу поклонялись. Ко времени правления Артаксеркса I Митра официально уже стоит на следующем после самого Ахурамазды месте. Гимн Митре, сочиненный во времена языческого невежества, сохранился и теперь возродился, хоть и на диалекте, на котором не говорил пророк. Измененный еще раз в парфянские времена, он сохранился в своей более поздней форме и применяется в современных персидских обрядах.

Артаксеркс II был особенно предан Анахите, «Безупречной», которую обычно греки отождествляли с Артемидой. Он первым из персидских царей стал устанавливать ей статуи в Вавилоне, Сузах, Экбатане, Парсе, Бактре, Дамаске и Сардах. Такая статуя, очевидно, стоит за описанием богини в Яштах, воспетой в ее честь.

Здесь прекрасную Ардви Суру Анахиту ее верующие видят как прекрасную деву, подпоясанную широким поясом, очень сильную, зрелую, благородную, известного происхождения. На голове она носила золотую корону с сотней звезд с восемью лучами — звезда вавилонской Иштар — и развевающимися лентами. В ушах у нее квадратные золотые серьги, и золотое ожерелье обвивает ее прекрасную шею. Расшитое золотом платье скрывает ее тело, но под ним — белье из мягкой кожи трехсот бобров, которые родили по четыре детеныша, — в таком случае кожа самая лучшая. Ее талию плотно обхватывает пояс, отчего ее грудь приобретает хорошую форму. В руке она сжимает *baresma* — пучок священных ветвей. На ее ногах надеты туфельки, инкрустированные золотом.

Из звездных сфер так ее призывает Ахурамазда: «Спустись, Ардви Сура Анахита, со звезд на созданную богом землю. На ней могущественные правители, владыки земель и их сыновья будут поклоняться тебе. Сильные и храбрые мужчины будут просить у тебя быстроты для своих коней и ошеломляющей славы; атраваны (в зороастризме жрецы, которые поддерживали священный огонь, приносили жертвы и совершали обряды очищения. — *Пер.*) и жрецы будут просить у тебя знаний и мудрости. Женщины, лоно которых еще не плодоносило, будут просить, чтобы Владыка небесный стал могущественным мужем; женщины на сносях будут просить легких родов. Все это ты дашь им, Ардви Сура Анахита, потому что это в твоей власти».

Анахита спускается с небес по зову Создателя. Прекрасны ее белые руки, плотные, как плечо коня. Ей нужна вся ее сила, потому что Ахурамазда сотворил для ее колесницы четырех белых жеребцов, высоких и быстрых — ветер, дождь, облако и дождь со снегом. Держа вожжи в руках, она направляет свою колесницу вниз; ее кони сокрушают тех, кто ненавидит правоверных, будь то дэвы или люди, Ятус или Пайрикас.

С вершины горы Хукарий, окруженной золотыми пропастями глубиной, равной высоте ста человек, Анахита прыгает вниз. Затем она становится могучей рекой, которая несет свои воды и летом, и зимой, чтобы распределить их по семи частям света (Каршварам). Днем и ночью она льет вниз такие большие потоки, как все воды, которые текут по Земле.

У Анахиты есть тысяча ущелий и тысяча водных каналов, длина каждого из которых

равна сорокадневному переходу всадника на добром коне. У каждого канала стоит дом хорошей постройки, в котором горит свет в ста окнах; в нем тысяча колонн, которые укреплены десятью тысячами балок. В каждом доме постелена хорошая постель, издающая приятный аромат и полная подушек. Оттуда она стремительно несется к морю Воурукаша — океану, омывающему Землю. Море выходит из берегов, когда она вливается в него.

На земле у Анахиты другие задачи. Она готовит мужское семя и плод в женской утробе, чтобы он был готов родиться. Она дает всем женщинам возможность благополучно родить, а в их груди в нужный момент она вкладывает достаточное количество молока. Она дает человеку здоровье и увеличивает его водные каналы, поля и стада, его имущество и земли. Анахита ненавидит дэвов, которые когда-то были ее партнерами, и повинуется заповедям Ахуры.

Совершенно другую картину развития религии дают другие письменные источники, сейчас включенные в священную Авесту и названные Семичастная Ясна (Хаптангхати), которые, подобно подлинным словам Зороастра, сохранились на гатическом диалекте, но в прозе. В них мы можем, вероятно, найти официальные обряды империи Ахеменидов; по крайней мере, здесь нет прямой ссылки на великого иранского пророка, и учение не совпадает с его учением. В качестве введения мы читаем: «Мы поклоняемся святому Ахурамазде, Владыке Праведности. Мы поклоняемся Амеше Спентасу, который верно правит и распоряжается. Мы поклоняемся всему духовному и преходящему творению Праведности согласно обряду истинной маздаяснинской веры». Последний термин появляется раньше, так как незадолго до 410 г. до н. э. глава еврейской общины в Элефантине Иедония пишет своему корреспонденту, что чиновник, стоящий во главе нома Но или Фив, является маздаяснийцем.

А вот так начинается сама Ясна: «Мы выбираем Ахурамазду и Прекрасную Праведность, чтобы мы могли думать, говорить и делать то, что будет самым лучшим для обоих миров. Мы стремимся к награде за наилучшие деяния, чтобы скот находился в безопасности и у него был корм, независимо от того, приказано нам это или нет, будь то правитель или подданный. Поистине для самых лучших правителей предназначено Царствие, так как мы приписываем Царствие Ахурамазде и Наилучшей праведности. Так как мужчина или женщина знают, что есть правое дело, пусть они с усердием делают то, что правильно, для себя и для всякого, кого они могут привести к пониманию этого. Чтобы даровать тебе, Ахурамазда, почести и хвалу, корм скоту, мы считаем себя самыми лучшими. Для тебя мы будем трудиться и приносить свет твоего учения другим, стараясь изо всех сил. Рука об руку с Праведностью, вместе с Праведностью считай каждого понимающего твое учение человека наилучшим образом для обоих миров. Эти открытые нам слова, Ахурамазда, с размышлениями о Праведности мы будем провозглашать; однако тебе мы подчиняемся как учителю и дарителю заповедей. По желанию Праведности и Благой мысли, а также доброго Царствия мы будем возносить тебе, Ахура, хвалу за хвалой, максиму за максимой и молитву за молитвой».

Абстрактные проявления бога у Зороастра здесь очеловечены, и еще шесть самых выдающихся из них стали Амеша Спента (проявления Ахурамазды. — *Пер.*) с собственными реальными культами. Но другие древние индоиранские боги стали богами, стоявшими в божественной иерархии ниже самого Ахурамазды. Первым стоит Атар, бог огня, к которому обращена целая молитва: «Через действие этого Огня мы приближаемся к тебе, Мазда-Ахура, через твой Священнейший Дух, который также является мукой тому, для кого ты ускорил муку. Как самая большая радость да приди к нам, Огонь Мазды-Ахуры, с самой радостной радостью, с самой почетной почестью для величайшего из испытаний. Как Огонь ты есть радость Мазды-Ахуры, как Священнейший Дух ты есть его радость; какое из твоих имен наиболее подходящее, Огонь Мазды-Ахуры, с ним мы и приближаемся к тебе. С Благой мыслью, с Доброй праведностью, с хорошими делами и словами Доброй веры мы приблизимся к тебе. Мы выражаем тебе свое уважение, мы благодарим тебя, Мазда-Ахура; со всеми благими мыслями, со всеми хорошими словами, со всеми добрыми делами мы

приближаемся к тебе. Самое прекрасное тело из всех тел мы заказываем тебе, Мазда-Ахура: здесь свет, а там высочайшая из высот, которая называется солнцем».

Дарий почитал бога, «который сотворил эту землю, небеса, человека и дал ему благополучие». Наш псалмист поклоняется Ахурамазде, который сотворил Коров и Праведность, воду и полезные деревья, свет, землю и все хорошее для его высочайшей власти, величия и благих дел. К нему же будет обращаться автор псалмов со сборником молитв, имеющих отношение к Коровам, священным именам, полученным от Ахуры и приятным Мазде, к его плоти и его жизни.

Духов умерших предков, которых почитали с древних времен, Зороастр заменил на более духовную концепцию Собственных личностей; вернулась более древняя вера во фравашаев (духи праведных. — *Пер.*): «Мы поклоняемся фравашаям верующих в Праведность — как женщин, так и мужчин», как Наилучшей праведности, самой прекрасной Спенте Амеше, Благой мысли и Доброму царствию, хорошей жизни, достойной награде и доброму Благочестию.

Еще больше древняя вера проявляется в следующей Ясне: «Мы поклоняемся этой Земле, которая носит нас и твоих жен, Ахурамазда, столь прекрасных благодаря Праведности, их усердию в вере, поступкам, независимости, набожности, а также доброму благословению, доброму желанию, чувству удовлетворения от сделанного, доброму характеру и развитию. Мы поклоняемся сильной струе воды, сбирающимся и утекающим Водам, которые, будучи исторгнутые Ахурой, сами есть Ахура, который делает добрые дела; их легко перейти вброд, переплыть, в них хорошо купаться; это награда обоим мирам. Называя имена, которые Ахурамазда дал вам — как Сеятель Добра, — он сотворил вас; с ними мы поклоняемся вам, с ними мы молим о вашей милости, ими мы выражаем уважение вам, ими мы благодарим вас. А вы, Воды, мы просим вас как несущих жизнь, как Мать, как молочных Коров, которые заботятся о бедных, давая пососать вымя всем; вы самые лучшие, самые прекрасные».

Суровый и надменный Ахурамазда Зороастра снова стал восточным монархом с гаремом, полным матерей-богинь.

Душа Быка больше не подчиняется Ахурамазде, так как она тоже стала объектом поклонения: «А теперь мы приносим жертву Душе Коров и их телу. Мы также приносим жертву душам скота, которые годятся для жизни». Это не все:

«Мы поклоняемся душам прирученных животных, диких трав, душам святых, где бы они ни были рождены — и мужчины и женщины, — чья чистая совесть побеждает в борьбе с дэвами. Мы поклоняемся Доблестным Бессмертным, как мужчинам, так и женщинам. Так мы приближаемся к тебе вместе с нашими добрыми родственниками, Праведностью и благословенными, хорошим законом бережливости и энергии, добрым Благочестием и готовым разумом.

Мазда-Ахура, помни и прими нашу просьбу, которую ты сделал наградой за Самое Себя. Даруй ее в этой жизни и в будущей жизни духа, которой мы достигаем, чтобы объединиться с тобой и Праведностью на веки вечные. Пусть воины стремятся к Праведности, чтобы пастухи были пригодны к долгому братству и чтобы они рьяно содействовали нам! Таковыми могут быть знатные люди, крестьяне и жрецы, с которыми мы объединены в братство; таковыми можем быть мы все, Мазда-Ахура, как последователи Праведности; мы просим тебя даровать нам то, чего мы желаем.

Хвалу, гимны и благоговение мы несем Ахурамазде и Наилучшей праведности. Да достигнем мы навсегда твоего Благого царствия, и добрый Царь будет над нами. Пусть каждый из нас — мужчина и женщина — следует этому — ты самый милостивый из существ в обоих мирах. Мы исполняем для тебя, оказывающий помощь Язад, у которого есть хорошие приверженцы, обряд; да будешь ты для нас нашей жизнью и силой нашего тела. Благодаря твоей милости и воле да получим мы долгую жизнь, да станем мы могущественными. Призывай нас на помощь, надолго и со спасением. Да станут называть нас воздающими тебе хвалу и читающими мантры; этого мы желаем, и да достигнем мы

этого. Какую самую подходящую награду за нашу службу ты назначил Душам, которую ты дашь нам в этой жизни и жизни Духа, чтобы мы могли навсегда прийти под твою оберегающую опеку и под защиту Праведности».

Каким бы возвышенным все это ни было на самом деле, тем не менее учения Зороастра были выхолощены, и немалая часть была явным язычеством. В некоторых уголках сохранилась чистая вера, об этом мы узнаем из Трех молитв — Ахуна Вайриа, Ашем Воху и Айриема Ишьо, — возможно, это самый древний документ после Гатх. Здесь Зороастр в центре внимания: «Так как Он (Ахура) желанный Владыка, то он (Зороастр) — Судия согласно Праведности, творец деяний Благой мысли для Мазды и Царствия для Ахуры; он тот, кто дарован бедным как пастырь»; «Праведность есть величайшее благо; она будет существовать согласно нашим желаниям, Праведность для величайшего счастья»; «Пусть желанное священное братство поможет мужчинам и женщинам, знающим учение Заратуштры, поддержать Благую мысль, посредством чего совесть [я] может завоевать драгоценную награду. Я молюсь о драгоценной награде — Праведности, которую может даровать Ахурамазда».

Зороастр не был упомянут в Семи главах, так как, очевидно, они появились не из круга его непосредственных последователей. Когда их присоединили к его Гатхам, понадобилось приложение:

«Мы вам поклоняемся, Доблестные Бессмертные, имея Ясну, Семь глав. Мы делаем жертвоприношения источникам воды, речным бродам, дорожным развилкам и перекресткам дорог. Мы делаем жертвоприношения горам, по которым бегут потоки воды, защитнику и создателю Заратуштре и Владыке. [Здесь Заратуштра, по крайней мере, назван не как пророк, а как божество, достойное почестей наряду с самим Ахурамаздой.]

Мы делаем жертвоприношения земле и небесам, яростному ветру, сотворенному Маздой, вершине высокой Харайти, земле и всему хорошему, что на ней есть. Мы поклоняемся Благому Духу и духам святых, мы делаем жертвоприношения рыбе с пятьюдесятью плавниками и священному животному, которое стоит в Воуру-каше, и тому морю в Воуру-каше, где оно стоит, и золотому цветку Хаома, растущему высоко в горах, напитку хаома, который возвращает нам силы и помогает развитию этого мира. Мы приносим жертвы Хаоме, который отводит смерть [странное утверждение, противоположное словам Зороастра, который осудил «грязный напиток»], и водным потокам, высокому полету птиц и возвращению Жрецов Огня, идущих издалека к тем, кто ищет Праведности на земле».

Когда это было написано, уже пришел и ушел Александр. Зороастрийская религия, даже в измененном виде, уже не была признанной сектой ортодоксальной веры, поддерживаемой мощью государства. Рассказ о том, что Александр лично уничтожил главную рукопись священного писания, есть выдумка, объясняющая последующим поколениям то, как это писание почти исчезло. Зороастризм теперь стал просто одной из многих отдельных сект. Против него были выставлены все привлекательные черты греческой религии, опирающейся на великолепные храмы и пышные, пусть и поверхностные, обряды, а также разрушительные силы греческой философии; и те и другие, как факторы эллинистического влияния, субсидировались союзом македонских царей.

Зороастризму осталась только формулировка Общей веры — изложение фундаментального учения маздаяснийской веры в надежде преградить путь поднимающейся волне эллинизма. Затем настало время признать, что гатхический диалект стал мертвым священным языком; на том и закончилась эта эпоха.

Знания греков о персидской религии

Греки в IV в. до н. э. знали персидскую религию гораздо лучше, чем Геродот. Приблизительно в 390 г. до н. э. Платон рассказывал о *mageia* Зороастра, сына Оромазды. Очевидно, *mageia* к этому времени перестала уже быть религией магов. Так как этот термин сейчас применяется к Гатхам Зороастра, которые были собраны в требник, маздаяснийская

религия, вероятно, превратилась в официальный культ, хотя удивительно, что великий пророк так рано превратился буквально в сына Ахурамазды. В противопоставлении Царств зла и добра у Платона некоторые даже увидели признак зороастрийского дуализма.

Хорошее знание современной ему религии персов демонстрирует Ксенофонт в «Воспитании Кира». По распоряжению магов Кир сначала приносит жертвы Гестии (богиня семейного очага и жертвенного огня в Древней Греции. — *Пер.*), затем царю Зевсу и, наконец, другим богам. Таким образом мы узнаем, что в IV в. до н. э. Анахита стояла выше Ахурамазды. Есть очистительные жертвоприношения, сопровождающиеся возлияниями Земле, и другие жертвоприношения храбрым воинам, которые обитают на мидийской земле, — фравашам.

По правилам магов быков следует приносить в жертву Зевсу и другим божествам, а лошадей — солнцу. Есть священная колесница Зевса, которую везут белые кони под золотыми хомутами в гирляндах; за ней следуют колесница солнца и третья колесница в пурпурном убранстве, назначение которой Ксенофонт явно не знает; и в конце люди несут огонь на огромном переносном огненном алтаре. Когда процессия достигает священной территории, верующие приносят жертву Зевсу и убивают быков; они также сжигают быков в честь Солнца (но они делают жертвоприношение Земле, как велят маги), а затем в честь местных героев, потому что маги берут на себя ответственность за ту часть военной добычи, которая предназначена богам. Жертвенные знамения, небесные знаки, полет птиц и предсказания являются основой действий персов. Когда Кир почувствовал приближение смерти, он возвратился в Персай (Персеполь) и принес священные жертвы в одной последней церемонии древнему Зевсу, солнцу и другим богам в акрополе.

Ксенофонт знал, что клятву давали именем Митры, ежегодный праздник которого был также известен Ктесию и Дурису (Дурис Самосский, древнегреческий историк, жил ок. 250 г. до н. э. — *Пер.*). Дейнон объясняет, что маги приносят жертвы под открытым небом, потому что они верят, что огонь и вода — единственные символы божественности. Вместе с последователем Платона Гермодором он искал значение имени Зороастра в греческом языке и истолковал его как «Поклоняющийся звездам».

Как мы уже отмечали, Платон считал, что Зороастр был сыном самого Ахурамазды. Некоторые греческие ученые никогда не забывали, что великий пророк был современником отца Дария Гистаспа, но персы придумали для него квазибожество, и такая поздняя дата совершенно не подходила этому тезису. Теперь распространилось предание о том, что Зороастр родился в доисторические времена. Легковерные греки принимали восточную хронологию и пытались только увязать ее со своей собственной. Вскоре Гермодор и Гермипп установили дату его рождения за пять тысяч лет до падения Трои. Автор «Истории Лидии», которая приписывается Ксанфу, определил, что он жил за шесть тысяч лет до военного похода Ксеркса, и среди его многочисленных преемников поместил (вплоть до уничтожения Персии Александром) магов Останаса, Астрампсиха, Гобрия и Пазатаса; но что касается даты, возможно, он лишь копировал Евдокса.

Аристотель написал книгу, утраченную в настоящее время, под названием «Маг», хотя он и отрицал, что маги занимались тем, что уже становилось известным как «магия». Он не глотает смиренно утверждения египтян о своей глубокой древности, как Геродот и Платон, но с равной легковерностью принимает утверждения магов. Истоки истинной философии он вместо этого прослеживает до магов и вавилонских или ассирийских «халдеев». Вместе с Гермиппом, Евдоксом и Теопомпом Аристотель пишет, что маги верят в два принципа: благой дух, который есть Зевс или Оромазда, и злой дух — Гадес или Ариеманий. Теопомп и Евдокс прибавляют к магианству веру в жизнь после смерти и надежду людей на долгое существование мира благодаря их молитвам. Наконец, именно Теопомп первым описывает грекам персидскую эсхатологию (религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. — *Пер.*): на протяжении трех тысяч лет один из богов правит другими богами, затем три тысячи лет они сражаются друг с другом. В конце Гадес терпит поражение; люди счастливы, не нуждаются в пище и не отбрасывают тени. Бог, который принес это благословенное

существование, какое-то время отдыхает.

Влияние персидских верований

Храмы Анахиты, построенные по всей империи Артаксерксом II, вскоре соединились с культом других богинь плодородия. К концу эллинского периода религия магов стала известна греческим мыслителям. После этого религия персов, возможно, уже ограничивалась бы иранскими землями, если бы не вмешались некоторые факторы.

Мы узнаем, что после поражения саков в Армении персы основали город Зела и окружили его стеной. Там был построен храм Анаит и богов, которые разделяли с ней ее алтарь, — Омана и Анадата; ежегодный праздник сакея отмечался до христианской эры. Город был небольшой; его населяли в основном храмовые рабы, но из него религия персов проложила себе путь на запад в Каппадокию, потом на юг в Киликию, где пираты переняли культ Митры, а спустя несколько веков бог солнца царил над римскими армиями и стал соперником восточному Христу.

На протяжении этих веков зороастрийское учение сделало свой самый важный вклад в мировую религию. Семитская вера в жизнь после смерти озарилась истинным бессмертием. Обвинитель Сатана стал дьяволом. Египетский апокалипсис, завезенный в Иерусалим, трансформировался в настоящую эсхатологию, учение о воскрешении и Судном дне. Через евреев зороастризм вошел в христианское богословие.

Глава 33
СВЕЖИЕ ВЕТРЫ С ЗАПАДА

Победа арамейского языка

Над всей империей Ахеменидов дули новые ветры, прилетевшие из греческих земель. Самыми значительными были изменения в языке. Попытка писать официальные документы на персидском языке с помощью клинописного алфавита потерпела провал. Ни один царь после Дария Великого не пытался писать длинных сочинений, тем более автобиографию. Язык гораздо меньшего числа надписей Ксеркса показывает начало лингвистического упадка, и редкие официальные записи IV в. до н. э. указывают на почти полное незнание грамматики. Персидскую клинопись редко адаптировали к использованию на глиняных табличках и никогда не делали этого после первого Дария.

Задолго до Кира гимны в честь языческих арийских богов сочинялись на другом диалекте. В течение какого-то времени они официально стояли ниже Гатх Зороастра, которые декламировались на третьем диалекте. Когда древние боги вернули себе царскую благосклонность, вместе с ними ее получили и их гимны, хотя другие верующие продолжали исповедовать зороастрийскую веру на диалекте пророка, но теперь только в прозе.

В начале V в. до н. э. стали применять эламитскую клинопись не только как один из трех официальных языков царских надписей, но и как обычный язык деловых документов на родине и архивов в самом Персепое. В IV в. до н. э. эламитский язык у людей, владевших тремя языками, стал почти бессмысленной репродукцией обесцененного персидского оригинала. Среди народов Западной Азии только вавилоняне продолжали широко использовать клинопись, но почти полное изменение ряда административных и деловых документов в середине IV в. до н. э. подразумевает, что ее использование все более и более ограничивалось учеными людьми. Схожие тенденции к неупотреблению иероглифического, иератического и демотического письма были полностью остановлены возрождением независимости Египта.

Победа алфавита была почти полной. После веков, когда синайское письмо можно было увидеть лишь в виде грубых граффити в оазисах Северной Аравии, оно внезапно

расцвело в превосходных надписях развитых культур юго-западной части полуострова. Алфавит по «материнской» линии, финикийский, регулярно использовался в надписях и на монетах на родине и на Кипре и нашел новую жизнь в Карфагене и других западных колониях. В начале изучаемого нами периода евреи все еще писали на отличном древнееврейском языке; в конце его он уже не использовался в повседневной жизни. Когда делались попытки возродить его как священный язык, дата таких сочинений устанавливалась благодаря изобилию арамейских слов и выражений.

На самом деле будущее было за финикийским алфавитом, адаптированным арамеями, и за самим арамейским языком. Начиная со времени правления Кира официальные указы персидской канцелярии и дипломатическая корреспонденция писались обычно на арамейском языке. Сотни табличек из Персеполя, исписанные чернилами, являются свидетелями его использования в архивах в сердце империи. Этот язык можно обнаружить в виде текстов, написанных ручкой на глиняных табличках вавилонскими буквами; он выступает в роли легкочитаемого ярлыка для более трудной клинописи. Надписи на арамейском языке часто встречаются в Северной Сирии и Киликии, реже — в Каппадокии, Пафлагонии, Мизии, Лидии и Памфилии. Греческие наемники принимали монеты с арамейскими надписями, и, когда Великий царь писал грекам, его письма, вероятно, переводили с обычного официального языка. В течение какого-то времени арамейский язык угрожал Египту, но возрождение египетского национализма повернуло эту волну вспять. Когда клинописные таблички исчезли в самой Парсе, Гатхи и гимны свелись к письменности — и это была одна из форм арамейского языка. О том, что древние священные книги были зафиксированы в письменном виде до Александра, напоминает легенда о том, что захватчик сжег главные свитки.

Греческие язык и искусство на Востоке

Армейский язык никогда не занимал ведущего положения в Малой Азии, где, как в Египте, национальное чувство сохранило лидийские и ликийские буквы и языки для надписей. Но здесь все возрастающее использование греческого языка стало предзнаменованием грядущей эллинизации мира. Карийский язык исчез, уступив место греческому. Ликийские надгробные надписи время от времени делались и в краткой греческой версии. Монеты, выпущенные персидскими сатрапами для греческих наемников, иногда несут на себе только греческие надписи.

Независимый Египет под властью последней великой династии оставался свободен от каких-либо явных проявлений греческого влияния на искусство. Это же можно сказать и о Палестине, так как несколько черепков греческих горшков, привезенных греческими наемниками для вина и масла, не свидетельствуют об обратном. Стратон Сидонский был филэллином. Мы без удивления находим человекоподобные саркофаги, головы которых, безусловно, скопированы с греческих оригиналов; они относятся к шестидесятым и более поздним годам, хотя другие, относящиеся к этому же периоду, также явно египетские. Монеты из Западной Азии почти все без исключения отчеканены греческими штамповщиками, о чем нам неутешительно сообщают путаные восточные надписи. Их основные идеи без исключения чисто греческие, а когда они восточные, то их явно трактуют по-гречески. Божеств, без сомнения, восточного происхождения внешне нельзя отличить от их греческих аналогов, а их немногим восточным чертам придан греческий оттенок. На первый взгляд Баал из Тарса, например, вполне мог быть настоящим эллинским божеством, несмотря на его анатолийское происхождение и арамейское имя.

Медкарт из Тира быстро превратился в греческого Геракла. Ахурамазда, возможно, сохранил свой облик, который у него был в Персеполе, но его трактовка была всецело греческая.

Западное побережье Малой Азии было внешне эллинизировано. В ликийском искусстве сохранилось несколько указаний на его исконный, «вырубленный из камня»

характер, но греческие скульпторы или их способные ученики стали родоначальниками такого высокого искусства, что его безоговорочно принимают за эллинское. Мавзолей в Галикарнасе, украшенный четырьмя самыми известными скульпторами того времени, представляет собой вершину доэллинского искусства. В противоположность этому впервые иранские земли демонстрируют развитие в основном истинно народного искусства.

На протяжении этих последних лет западное побережье Малой Азии оставалось частью империи Ахеменидов. В наших источниках упоминаются персидские сатрапы и чиновники, а также военачальники наемников и тираны. И хотя в них часто говорится о внутренних беспорядках и набегах извне, они не должны вводить нас в заблуждение. Греческие города в Малой Азии процветали при персах, несомненно, потому, что их власть часто была формальной.

В поисках доказательств нам не нужно ходить далеко, достаточно взглянуть на храмы. Огромной постройкой того времени был храм Артемиды в Эфесе. После его намеренного сожжения Геростратом в 356 г. до н. э. он был отстроен заново жителями города на средства от выгодной продажи его старых колонн и женских украшений, и он стал еще более великолепным. Архитекторами были Деметрий и Пеоний. Весь алтарь храма был заполнен статуями и барельефами работы Праксителя. Фрасон построил часовню Гекаты и сделал восковые изображения Пенелопы и старухи по имени Эвриклея. На службе у многогрудой богини были евнухи-жрецы, которые по-персидски назывались «мегабизы», и их девственные помощники.

Почти в равной степени известный храм Аполлона в Дидиме близ Милета, разрушенный Дарием I после восстания ионийцев, поднялся из пепла благодаря трудам Пеония Эфесского и местного жителя Дафниса. Пифий построил огромное святилище Афины в Приене. Сохранившиеся до наших дней остатки этих и схожих с ними построек демонстрируют богатство и хороший вкус греков в последние дни персидского владычества.

Азиатские греки и эллинизированные варвары были покровителями изобразительных искусств. Мы уже встречались с Мавсолом Карийским, а также с великими скульпторами, которые украшали мавзолей. Говорят, что Скопас сделал много других статуй в Карии и Ионии. Вдобавок у нас есть упоминание о статуе Аполлона Сминфейского в Хрисе и еще одной — статуе Лето и ее няни в роще Ортигии неподалеку от Эфеса. Пракситель изваял Афродиту для неустановленного города в Карии, позднее ставшего известным у Латмоса как Александрия. В Патаре Бриаксис установил скульптурную группу, состоявшую из Зевса, Аполлона и львов. Сфеннис из Олинфа изваявл для Синопа фигуру его героя-основателя Автолика. Это все были европейцы, работавшие в Азии. Местные скульпторы — Фаракс из Эфеса и Миагр из Фокеи специализировались на статуях атлетов из бронзы.

Европейских скульпторов также вызывали для работы на европейских стройках. Милетцы наняли скульптора Сатироса, когда задумали устанавливать статуи Идриэя и Ады в Дельфах. Неизвестный ученик Скопаса вырезал барельефы тех же правителей для Тегеи. «Перс Митрадат, сын Родотата, посвятил музам бюст Платона, который сделал Силанион», — гласит скопированная надпись; его отцом был, вероятно, сатрап Оронтобат, а посвящение было сделано в академии в Афинах, родном городе Силаниона.

Не пренебрегали и малыми искусствами. Пока на иранских землях изготовляли превосходные бронзовые вазы, более бедные греки работали главным образом с глиной. Их художественный гений восторжествовал над их бедностью и сделал каждую отдельную вазу драгоценным сокровищем. Изящная словесность проигнорировала имена этих поистине великих художников, которые можно было бы собрать с подписанных ими произведений, и даже при этом многие прекрасные художники остаются анонимами. Например, фрагмент из «Чикагского художника по вазам» был признан в Палестине.

И хотя вазы по-прежнему были ограничены в основном территориями, принадлежавшими Греции, иногда их вывозили, так что они помогают датировать зарубежные места раскопок. Одна группа, датируемая началом века, представляет особый интерес. Ее обычно называют Керченской группой, потому что много ваз были найдены в

древнем Пантикапее в Восточном Крыму, но примеры ее особого стиля обнаружены по всему Средиземноморью. Из-за того, что одна такая ваза подписана Ксенофонтом Афинским, центром этой школы считались Афины. Что отличает эту группу, так это интерес к персам. Примечательна большая ваза, на которой изображен Дарий и его придворные. В целом рисунки на вазах в начале IV в. до н. э. показывают, что драпировки начинают занимать на Востоке большое место.

Расписчики ваз были не только греческие художники, которым покровительствовали скифские князья, имевшие золото. Многие их вазы и немалое количество ювелирных украшений выдают греческую манеру. Мотивы, однако, были почти исключительно иранские, и большая часть была сделана, очевидно, скифами по рождению с учетом их собственных этнических особенностей. Настоящие иранские ювелирные украшения находят по всей империи. Многочисленные образцы находят в Египте, немного на Кипре, а кое-какие рассеяны в других странах. Коллекцию предметов иранского искусства этого очень важного этапа еще предстоит собрать.

Говорят, что величайшим художником древности был Апеллес Эфесский. Среди историй, рассказанных о нем, была одна о том, как он унизил одного высокопоставленного персидского чиновника по имени Мегабиз, который посетил его мастерскую и попытался с умным видом рассуждать о свете и тени; указав на мальчиков, перетирающих краски, Апеллес заметил, что на них произвели сильное впечатление пурпурные одежды знатного человека, но теперь они смеются над ним, потому что он попытался рассуждать о предмете, в котором не разбирается. Почти таким же великим был Паррасий, тоже родом из Эфеса. Другими художниками были Андрокид — соперник Зевксиса, Поликл из Сизика и Теон из Магнесии, который нарисовал «Безумие Ореста».

Греческие авторы в восточном мире

Среди историков были Эфор из Эолийской Кимы и Анаксимен из Лампсака. Дейнон из Колофона и Гераклейд из Кимы писали историю Персии. История Лидии была написана Ксанфом по-гречески, но он был лидийцем и жил в этой стране. Филиск из Милета, ученик Исократа, писал романтические милезийские сказки. В ответ Исократу Амфиктионик написал «Искусство риторики». Основатель гедонистической философии Киренаики Аристипп когда-то жил в Азии, где в течение некоторого времени был пленником сатрапа Артаферна. Евбулид из Милета, ученик Евклида, говорят, был учителем Демосфена и противником Аристотеля; он пользуется сомнительной славой человека, поставившего многие сложные диалектические вопросы, которые во многом помогли выхолостить такие более поздние понятия, как Лжец, Притворщик, Электра, Скрытая фигура, Парадокс, Рогатый и Лысая голова.

Но греческая литература шла к тому, что ее начали писать «варвары». Ученик Исократа и друг Аристотеля Феодект из Фазелиса, пограничной с Грецией территории, начал как автор речей и закончил трагедиями, которых сочинил более пятидесяти. Среди них была трагедия «Мавсол», прочитанная на похоронах карийского принца. Он также написал работу о частях речи. Другой ученик Исократа, ритор Кратес, был родом из Траллейса.

Произведения этих, когда-то выдающихся авторов были утеряны — все, за исключением нескольких слов. Для наших ушей список их имен мало что значит. Картины, барельефы и статуи художников также утрачены, если бы не были восстановлены благодаря произведениям более поздних подражателей. Но другие статуи были вновь обретены в руинах храмов и общественных зданий. Их сохранилось достаточно, чтобы показать, насколько богата и важна была эта часть мира Ахеменидов на заре Эллинского периода.

Глава 34
ФИЛИПП И НАЧАЛО ВОЙНЫ

Неэффективность системы управления персов

Повторное завоевание Персией Финикии и Египта было ужасным ударом для Македонии и промакедонски настроенных греков в Европе. Финикийские и египетские триремы снова дали Персии власть над морями, а огромные богатства этих стран снова были в распоряжении ее дипломатов, которые прекрасно знали, как им воспользоваться. По всему было видно, что империя стала сильнее, чем была в течение всего века.

Раньше Филипп играл с идеей священной войны, которую проповедовал Исократ. Эта идея была на время отложена, и Филипп поспешил отправить посланников для заключения договора о дружбе и союзе с Великим царем. Мятежные цари Кипра вместе с Гермейасом из Ассоса и другими бунтовщиками, которые зависели от помощи Македонии, были тотчас брошены на мщение царя.

Оставшимся без поддержки киприотам не оставалось ничего, кроме как подчиниться внезапно возросшей власти своего бывшего владыки. В течение года после повторного завоевания Египта все города Кипра — за исключением Саламина, где все еще держался Пнитагор, хотя и находился в осаде, — заключили мирный договор. Эвагор II был отозван из ссылки в Карию, и ему был обещан освободившийся трон его отца — после захвата Саламина, — но вскоре против него было выдвинуто некое обвинение, и он впал в немилость; после чего Пнитагора оставили в покое.

За свое предательство в Сидоне и помощь в завоевании Египта Ментор получил подарок — 100 талантов и власть на Эгейском побережье Малой Азии. Благодаря его влиянию его брат Мемнон и зять Артабаз получили прощение и вернулись из своего убежища при дворе Филиппа, который на тот момент открыто заявлял о своей дружбе с Охом. Гермейас был справедливо обвинен в интригах; его заманили на встречу, на которой он был схвачен и распят (341 до н. э.). Аристотель скрылся и в честь своего погибшего покровителя сложил благодарственную песнь и сочинил надпись для статуи, которую Гермейас установил в Дельфах.

С помощью сфабрикованных писем с его печатью Ментор захватил город Гермейаса. Прежним чиновникам было позволено сохранять свои должности до тех пор, пока они, расслабившись от чувства безопасности, не показали то, что они спрятали или увезли в другие места; тогда Ментор арестовал их и все отнял. Вскоре Ментор умер, и его преемником стал его брат Мемнон, который женился на Барсине, дочери Артабана.

Мемнон захватил Лампсак, и ему потребовались деньги; с характерным цинизмом он заставил самых богатых горожан заплатить огромную контрибуцию, приказав им возместить свои богатства за счет менее процветающих сограждан, которым, в свою очередь, было обещано возмещение убытков в неопределенном будущем. Для другой контрибуции Мемнон отдал в залог доходы; когда доходы стали поступать, залог просто превратился в обещание будущих выплат с процентами. Он даже обманул наемников, сэкономив их месячное жалованье, — он отказался выдать им плату и даже пайки за «пропущенные дни» месяца продолжительностью 29 дней. Другой командир наемников по имени Стабелбий — мизийский полководец — оказался должником своих солдат; он пообещал офицерам плату в том случае, если они распустят своих рядовых и наберут новых, но потом «кинул» и офицеров. Путем этого постоянного обмана подданных и наемников Ближний Восток готовился принять любого захватчика, который предложил бы жесткое и эффективное управление.

После смерти Идриэя его сестра-жена Ада правила Галикарнасом до тех пор, пока ее не изгнал ее же младший брат Пиксодар (341–335 до н. э.), со времени правления которого до нас дошел двуязычный указ в Ксанте о десятой части какого-то налога для жителей Ксанта, Тлоса, Пинары и Кандайды.

Союз с Афинами против Филиппа Македонского

В начале 341 г. до н. э. Демосфен убеждает афинян послать посольство к Оху. Его противники утверждают, что тем самым он предает греков, но действительно ли они заботятся об интересах греков, живущих в Азии? Каждый афинский полководец вынуждает их делать взносы под лозунгом «благотворительности»; но на самом деле эти греки платят за то, чтобы обеспечить защиту своим торговым магнатам от грабителей на море!

Фракийцы, которым царь доверяет и называет «благодетелями», сражаются против Филиппа. Агент Филиппа, который состоял в заговоре с Гермейасом, был схвачен, и теперь царь знает планы Филиппа; пусть посол, которого собираются послать, уговорит Оха предпринять совместные действия против него. Ох должен понять, что, после того как Филипп возьмет Афины, его наступление на Персию сильно облегчится. Пусть его проверяющие забудут глупый лозунг «Варвар — общий враг всех греков» и посмотрят фактам в лицо. Они утверждают, что боятся человека, живущего в далеких Сузах или Экбатане, потому что он замышляет против них недоброе; на самом деле он однажды уже вернул Афинам власть и сейчас снова предлагает сделать это. Если афиняне проголосовали не принимать его помощь, это не вина царя; просто дело в том, что афиняне полагают, что от Филиппа не исходит опасность, которая наводит страх на оратора.

Посольство было отправлено, и Ох поддался на уговоры разорвать договор о дружбе и объявить войну Филиппу. Сам Великий царь был занят усмирением еще одного восстания в Кадусии, но Арситес отправил из Фригии наемников под командованием афинского Аполлодора, и тем самым Филиппа не пустили в Перинф (самосская колония во Фракии на берегу Мраморного моря. — *Пер.*) (340 до н. э.). Речь Демосфена подтвердилась.

Филипп обратился с жалобой к афинянам. Их действия непонятны, подчеркнул он, потому что недавно Афины приняли указ, приглашая Македонию объединиться с другими греками, чтобы помешать Оху вернуть себе Финикию и Египет. Демосфен в ответ напомнил своим слушателям о том, что азиатские сатрапы послали своих наемников, чтобы не пустить Филиппа, врага их города, в Перинф; если после этого Филипп завоюет Византий (греческий город-колония на европейском берегу Босфора, куда в 330 г. до н. э. Константин Великий перенес столицу Римской империи, переименовав Византий в Новый Рим. — *Пер.*), то тогда его друзья могут просить финансовой помощи у Оха, самого богатого из них. Если же Великий царь встанет на сторону Афин, то тогда ему будет легко победить македонца.

Постройки Артаксеркса III

Ох поставил в Экбатане каменные колонны ападаны под покровительством Митры. В Сузах он закончил фасад и заднюю часть дворца Дария, реставрацию которых начал его отец. Ни один Ахеменид не возводил в Персеполе детально продуманных построек со времен Артаксеркса I; даже неясно, жил ли кто-нибудь из них в течение долгого времени в сооружениях старой столицы. Можно не удивляться, если покинутые здания, разбросанные на возвышении, чем-то нравились мрачному Оху, который выстроил свой собственный дворец на самой высокой точке террасы, откуда он мог обозревать все развалины.

Вступление на престол Арсеса; вторжение Филиппа

В то время когда Филипп уничтожал независимость греков в Харонее (338 до н. э.), личный врач отравил Оха по приказу евнуха Багоаса. Ох был похоронен, видимо, в скале за платформой Персеполя, севернее гробницы его отца. Перед его собственной могилой располагались террасы из грубого камня, чтобы защитить от толпы простолюдинов мертвого монарха, спящего вечным сном высоко над любимыми им развалинами.

Каким бы кровожадным ни проявил себя Ох, он был талантливым правителем, и не будет большой ошибкой утверждение, что, убив его, Багоас разрушил Персидскую империю. Влиятельный евнух посадил на трон Арсеса, сына Оха от Атоссы, который на монетах

изображен с огромным крючковатым носом, широким лицом и длинной бородой с заостренным концом.

Убийство Оха изменило положение в мире. Когда представилась возможность возобновить священную войну, Филипп без долгих размышлений воспользовался ею. В конце 338 г. до н. э. в Коринфе образовался союз греческих государств, и Филипп потребовал компенсацию за помощь своим врагам в Перинфе. Отказ Арсеса рассмотреть это требование Филипп счел поводом для войны, и к концу 337 г. до н. э. он был избран главнокомандующим теперь уже популярным священным походом. В этот же год Тимофея (345–337 до н. э.) в Гераклее сменил его брат Дионисий (337–305 до н. э.), а преемником Ариобарзана (365–337 до н. э.) в Киосе стал Митридат (337–302 до н. э.).

Священный поход Филиппа начался без промедления. Десять тысяч македонцев под командованием Аттала и Пармениона при поддержке флота появились в Азии в начале 336 г. до н. э., объявив, что им приказано «освободить» греческие города, находящиеся под властью Персии. Им был оказан теплый прием в Кизике и Эфесе — которым теперь правил Геропит, — где на рыночной площади поставили статую Филиппа. Пиксодар решил, что вторжение — уже свершившийся факт, и чтобы защитить себя, предложил свою дочь Аду от каппадокийки Афенис в жены Аррхидею, незаконнорожденному сыну Филиппа. Законный наследник Александр, почувствовав заговор, который приведет к потере им благосклонности отца, поторопил поэта Фессала предложить его кандидатуру в качестве зятя. Кариец обрадовался более выгодному предложению, но у Филиппа не было намерения ставить под удар военный поход неподходящим союзом с вассалом Персии, и он положил этому конец. Александр впал в немилость.

Вступление на престол Дария III

Арсесу не нравился тиранический контроль со стороны влиятельного евнуха, и он попытался отравить его, но сам стал жертвой, не процарствовав и двух лет (ноябрь 338 г. — июнь 336 г.). Все его дети были убиты, и Багоас отдал пустующий трон сорокапятилетнему Дарию. Тот факт, что он был всего лишь сыном Арсама, сына Остана, брата Артаксеркса II показывает, что главная ветвь царского рода была полностью уничтожена Охом и Багоасом.

Новый царь уже продемонстрировал свой военный талант, нанеся поражение восставшим кадусийцам в одном сражении. За этот подвиг он получил в награду непокорную сатрапию Армению. На его монетах изображено лицо сильного зрелого мужчины с орлиным носом и короткой бородой; он мог бы оказаться хорошим правителем в обычных условиях. Во всяком случае он быстро нашел возможность показать свой характер. Встревоженный несговорчивостью нового царя, Багоас попытался и его отправить вслед за отравленным предшественником, но Дарий заставил самого евнуха испить из роковой чаши.

Тревоги Александра

Вскоре, в июле 336 г. до н. э., Филипп был убит — некоторые полагали, что не без ведома попавшего в немилость Александра или его матери, вспыльчивой Олимпиады. Сам молодой царь обвинял в убийстве агентов Дария, который хвастался этим поступком в перехваченных письмах. Была ли та похвальба настоящей или нет, но некоторые заговорщики все же стали искать убежища в Персии.

Двадцатилетний Александр не мог немедленно осуществить задуманный отцом военный поход. Греция угрожала поднять восстание, а с севера нависла опасность нападения варваров. И в Азии дела македонского войска шли не очень хорошо. Мемнон, теперь уже адмирал персидского флота, разгромил македонцев в генеральном сражении у Магнесии. По зову олигархов он затем вошел в Эфес; огромный храм Артемиды был разграблен, статуя Филиппа — сброшена на землю, а могила освободителя Геропита на рыночной площади — разрыта. Парменион добился мимолетного успеха, когда был захвачен Гриней по другую

сторону залива от Питаны, а его жители проданы в рабство. Но когда он попытался осадить саму Питану, Мемнон заставил его оставить эту затею. Затем Пармениона снова позвали сражаться в Европе. Мемнону не удалось занять Кизик под предлогом, что он преемник Пармениона Кал ас, но он победил самого Каласа в Троаде и заставил его отступить в Ретей (Ройт). Пиксодар был настолько уверен в том, что Персия окажется победительницей, что он выдал замуж Аду, которая когда-то была предложена в жены Аррхидею, за сатрапа Оронтобата в знак возвращения к вассальной зависимости от Персии.

Потеря и возвращение Египта Персией

Тем временем убийство Багоазом Оха вызвало быструю реакцию в Египте. Как рассказывает нам Петосирис (верховный жрец бога Тота в III в. до н. э. — *Пер.*), «на юге были беспорядки, север восстал». На юге страны в конце 337 г. до н. э. появился некий Кхабабаша, имя которого наводит на мысль об эфиопском происхождении. В месяце атхире (начинавшемся 14 января 336 г. до н. э.) был заключен брачный контракт с Теосом, пастофором (определенный класс кандидатов на посвящение. — *Пер.*) Амона Карнакского в Западных Фивах; этот документ подписан свидетелями собственноручно. Рогатка с именем Кхабабаши, найденная среди развалин дворца Априя в Мемфисе, наводит на мысль о том, что мятежник взял древнюю столицу штурмом. Мемфис не пострадал. Кхабабаша имел достаточно ресурсов, чтобы подготовить великолепный саркофаг из полированного черного гранита для теленка Аписа, который преждевременно умер на второй год его царствования в месяц, начинавшийся 12 января 335 г. до н. э., и был похоронен в соседнем Серапеуме (храм или другое культовое сооружение, посвященное эллинскому богу Серапису в Египте, соединявшему в себе черты Осириса и Аписа в образе человека, который был более привычен для греков. — *Пер.*).

Кхабабаша посетил дельту Нила и, чтобы держать на расстоянии азиатский флот, осмотрел каждый рукав Нила, который впадает в море. Во время своего визита он достиг Пе-Депа и прибыл в болотистую местность, которая называлась «земля Буто». И тогда его величество сказал своей свите: «Расскажите мне об этой местности».

И они рассказали его величеству: «Местность под названием «земля Буто» принадлежала богам Пе-Депа с давних времен, прежде чем злой Кшриш [на самом деле это был Артаксеркс Ох, не Ксеркс] отнял ее. Он не делал на ней никаких жертвоприношений богам Пе-Депа». Тогда его величество сказал: «Приведите ко мне жрецов и влиятельных людей Пе-Депа». Их привели к нему очень быстро. Его величество сказал: «Расскажите мне, что духи богов Пе-Депа сделали со злым человеком за его грехи. Смотрите, они говорят, что злой Ксеркс плохо поступил по отношению к Пе-Депу, отняв у него его собственность». Тогда они сказали его величеству: «Владыка наш! Гор, сын Исиды и Осириса, князь князей, царь царей Верхнего и Нижнего Египта, мститель за своего отца, владыка Пе, начало и конец богов, на которого не похож ни один царь, изгнал злого Ксеркса из его дворца с его старшим сыном. Это стало известно сегодня в Саисе, городе Нейт, матери богов». (Только что дельты Нила достигла весть о том, что весной 336 г. до н. э. Арсес последовал за Охом в царство смерти, а действия Багоаса приписываются гневу египетского царя богов!)

Но царь понимает, что он в действительности не Гор: «О Бог, могущественный среди богов, на которого не похож ни один царь, веди меня по пути Его Величества Гарендота, чтобы я жил за него». Тогда сказали жрецы и влиятельные люди Пе-Депа: «Пусть Ваше Величество прикажет, чтобы болота под названием «земля Буто» были возвращены богам Пе-Депа вместе с хлебом, питьем, быками, гусями и всем остальным».

Царь Верхнего и Нижнего Египта, подобие бога Тенена, избранного Птахом, сын Ра, Кхабабаша, да живет он вечно, преподнес эту болотистую местность богам, душам Буто, а вместе с ней и много царских подарков.

Пока Александр усмирял племена на северной границе, а Фивы с Афинами замышляли восстание, Дарий предпринял новый завоевательный поход против Египта. Кхабабаша

пытался защитить дельту Нила от азиатского флота, но тщетно, так как Дарий был признан царем Египта до 14 января 334 г. до н. э., когда документ, написанный демотическим письмом, засвидетельствовал от его имени смену права собственности, и Кхабабаша исчезает со страниц истории. Первый Птолемей признавал его законным правителем, но Манефон (древнеегипетский историк, верховный жрец в Гелиополе. — *Пер.*), делавший свои записи при втором Птолемее, отказался включить его имя в список царей, и он был совершенно незнаком грекам. Вновь назначенным сатрапом стал Сабак, который выпустил большое количество монет, готовясь к надвигающемуся македонскому вторжению в Египет; затем он отправился умирать за Дария в Иссе.

Деятельность Дария III по строительству Персеполя

Во время полученной передышки Дарий возвратился в Персеполь, где начал возведение своей гробницы и, очевидно, наспех построил подобие дворца, который он возвел на единственном свободном месте, оставшемся на террасе — в той ее части, где она ограничена с севера дворцом Дария I, с востока — Ксеркса, а с запада и юга — краем высокой террасы. В плане первого этажа его дворец был подобен дворцу Ксеркса, но в нем были значительные изменения. Он был меньше, и вместо огромной двойной лестницы, ведущей на север, его единственный вход представлял собой короткий и узкий лестничный пролет в северо-западном углу за дворовой стеной. Эти ступени вели в северный портик, как во дворце Ксеркса, дворовая стена вместо двойной лестницы закрывала прекрасный вид спереди. В нем не было места для расположенных в центре интерьеров, которые построили его предшественники, и поэтому большой зал для приемов с шестнадцатью колоннами, расположенный на западной стороне, не уравновешивает две небольшие комнаты отдыха на западной стороне, в одной из которых всего четыре колонны. Барельефы украшают дворовую стену вдоль фасада северного портика; вместе с другими фрагментами в этом западном дворике они являются доказательством отсутствия художественной целостности этой постройки, так как они были убраны из других мест. Также повторно использованы скульптурные блоки на соседнем восточном углу — перед продолжением лестницы, которая соединяет двор перед дворцом Ксеркса с двором между дворцами Дария I и Дария III. Эти скульптуры показывают, какая часть все еще зрелого искусства утрачена для нас из-за мародерства Дария III в Персеполе. Что касается барельефов на гробнице, которую он начал строить южнее, то они грубые и незаконченные, даже если мы попытаемся оправдать их тем, что это просто черновой набросок; они знаменуют собой конец удивительного искусства эпохи Ахеменидов.

Глава 35
АЛЕКСАНДР ПРОДОЛЖАЕТ СВЯЩЕННУЮ ВОЙНУ

Начало войны: сражение у реки Граникос

Афины попросили у Великого царя финансовой помощи на предполагаемое восстание против Александра, но Дарий, получив назад Египет, был настолько уверен в том, что от молодого македонца не может исходить никакая опасность, что ответил: «Я не дам вам золота, не просите, потому что вы его не получите!» Александр вернулся с севера с победой, восстание греков было подавлено, а Фивы в наказание он умышленно сровнял с землей. Тем не менее молодой завоеватель был вновь уполномочен лигой возглавить военный поход цивилизованных греков против персидских варваров. Очнувшись наконец, Дарий послал в Грецию 300 талантов. Официально Афины отвергли этот дар, хотя Демосфен взял себе 70; Спарта сопротивлялась меньше. Великий оратор написал полководцам в Азию, называя Александра мальчишкой и глупцом. Харидем бежал к Дарию.

Будучи преемником своего отца, Александр теперь возглавил великую священную войну. Включая союзников и греческих наемников, он имел в своем распоряжении приблизительно тридцатипятитысячное войско, основой которого была македонская фаланга, а самой важной составной частью — кавалерия. Греческая культура была в равной степени хорошо представлена в этом походе. Личные секретари, Эвмен из Кардии и Диодот из Эритреи, были готовы составлять эфемериды, ежедневные отчеты о продвижении экспедиции. Профессиональные историки, вроде Каллисфена, племянника Аристотеля, и Онесикрита, ученика Диогена, который уже написал трактат о воспитании Александра, тоже присутствовали, готовые украсить скучные военные отчеты всеми риторическими приемами, востребованными современной историографией. Дороги были измерены топографами — Баетоном, Диогнетом, Филонидесом и Амintом. Ботаники, географы и другие ученые увеличивали численность участников похода.

В 334 г. до н. э., вскоре после повторного завоевания Египта Дарием, война началась со всеми полагающимися церемониями. Ксеркс дал ясно понять, что его военный поход — это Троянская война наоборот; поэтому Александр, в свою очередь, сильно изменил детали этого самого известного из всех походов на Восток. Ксеркс перешел по мосту в Сеете; Парменион со своими транспортными средствами, охраняемыми ста пятьюдесятью триремами, теперь получил задание перевезти армию из Сеста через Геллеспонт в Абидос. При переправе Ксеркс совершил жертвоприношение; Александр принес в жертву Посейдону быка, а из другой чаши вылил в море жертвенный напиток для морской богини. Его продвижение вперед было остановлено Лампсаком, который остался верен своему персидскому владыке. За такие антиэллинские действия Александр пригрозил городу полным уничтожением, но горожане отправили в качестве посла историка Анаксимена, который обманом заставил нападающего даровать им прощение.

Илион, который теперь стал простой деревней с обветшавшим храмом, был первой остановкой. Точно так же, как маги Ксеркса делали жертвенные возлияния фравашам героев Трои, так и Александр лил жертвенный напиток героям из Греции и обежал обнаженным вокруг могилы величайшего из них — Ахиллеса. Кроме того, жертвы были принесены в честь местной Афины; в ее храме Александр освятил свои собственные доспехи и взял в обмен оружие, которое, как говорили, принадлежало греческим победителям. Жертвы были принесены и духу Приама с молитвой, чтобы он не гневался на потомка Неоптолемоса. Таким образом мир узнал, что эта Вторая Троянская война, подобно Первой, является священным походом цивилизованных греков из Европы против азиатских варваров.

Опытные полководцы — Арсамес, Реомитрес, Петинес и Нифатес — возглавляли персидскую армию и командовали местными новобранцами; какие-то из них были набраны Спитридатом, сатрапом Лидии и Ионии и братом прежнего сатрапа Ресака (его монеты чеканились в Лампсаке и Киме); другие — Арситесом, командующим кавалерией Геллеспонтийской Фригии. Усиленная двадцатитысячной персидской кавалерией и почти таким же числом греческих наемников под командованием Мемнона, огромная армия собралась в Зелее, в нескольких километрах юго-западнее Кизика.

Мемнон мудро посоветовал отступить, сжигая города и урожай, но Арситес напыщенно объявил, что не позволит уничтожить ни один дом в *своей* сатрапии. Персы, не доверявшие Мемнону, как греку, поддержали тактику Арситеса. Затем армия выступила на запад к реке Граник, за высокими берегами которой выстраивались войска.

Последовавшее сражение было именно тем, чего так желали македонские стратеги. В мае Александр выступил в поход, чтобы встретиться с противником. И хотя персидские войска не намного превосходили по численности македонские, первая попытка переправы потерпела неудачу. Когда наконец Александр сам перешел реку вброд, он подвергся нападению элиты персидского войска со всех сторон; его шлем был разбит, а он едва избежал смерти от руки Спитридата. Однако его усилия повернули ход сражения. Длинный список мертвых персов, включавший полководцев Нифатеса и Петинеса, сатрапов Спитридата и Митробарзана, дворян Арбупала, Митридата и Фарнака (соответственно сына,

зятя и шурина Дария) и Омара, командующего местными наемниками, показал, как персы умели жертвовать собой ради царя. Справедливо обвиненный в этом поражении, Арситес покончил с собой.

Преследовать персидскую кавалерию македонцы не стали, а сдавшихся добровольно персов отправили по домам. Вместо этого вся месть Александра обрушилась на несчастных греческих наемников, которые для взвинченных македонцев были предателями дела эллинизма, так как, вопреки общему желанию, они сражались за варваров против греков! Девять десятых из них — хотя они просили, чтобы это была одна четверть, — были перебиты; в живых остались только две тысячи, чтобы искупать свои грехи в качестве рабов в поместьях македонцев. Их родственники на родине в Греции не забудут такого зверства, а греческие наемники, находившиеся на службе у персов, получили предупреждение: с Александром они должны сражаться насмерть.

Адаптация персидских методов управления

Но уже видимость греческого мышления, воспитанного в Александре Аристотелем, начала улетучиваться. Александр уже начал понимать, что его будущие подданные — это, помимо македонцев и греков, еще и жители Востока. Сразу же после битвы при Гранике он положил начало политике, которой со временем стали придерживаться все больше и больше. Илион был хоть и чуждым грекам по образу мыслей, но свободным городом, в котором царила восстановленная демократия. Он был освобожден от выплаты дани персам; в нем стали строить новые здания, соответствующие его древней славе и новому значению, и Александр сам сделал посвящение Афине Полиас. Эта была первая из многих городских построек, предназначенная для того, чтобы рекламировать греческие городские учреждения и греческую культуру местному населению из внутренних районов страны.

Однако вместе с этой попыткой эллинизации шло принятие персидской системы управления сатрапией как единым целым. Сатрапом был назначен Калас, который получил приказ собирать те же самые налоги, какие были введены персами. Парменион занял брошенный Даскилей, который когда-то был столицей сатрапии. Жители Зелеи получили прощение, так как они не несли ответственности за сражение; такое милосердие было выгодно, так как во время похода Александр столкнулся с Митрином, командующим гарнизоном акрополя в Сардах, и целой делегацией жителей города, которые в ответ на его обещание позволить лидийцам соблюдать их древние обычаи отдали ему сокровища, хранившиеся в цитадели. Гроза над дворцом лидийских царей была предзнаменованием реставрации храма местного бога, который теперь отождествляется с Зевсом Олимпийским. В цитадели он нашел и другое сокровище — переписку между царскими полководцами и Демосфеном, в которой указывалось, сколько денег было послано оратору.

Наладив управление в Лидии, Александр сделал еще один шаг в подражание персидской системе администрирования. Сын Филотаса македонец Асандр был назначен сатрапом; в отличие от Каласа ему не было разрешено собирать налоги, взносы и дань — эту задачу должен был выполнять грек Никиас. Опять же следуя персидскому обычаю, Александр сделал еще одного македонца Павсания командующим гарнизоном крепости в Сардах. Таким образом было сохранено деление власти в сатрапии, как у персов, между тремя разными должностными лицами, каждое из которых было напрямую подотчетно царю, но новшеством было то, что финансами сатрапии стал заведовать грек.

Давно покинутая Смирна была вторым основанным Александром городом. Греческие наемники бежали из Эфеса; изгнанники были возвращены, а правительство вернулось к демократии. Однако бунты против сторонников Персии были подавлены. Было приказано отстроить заново храм Артемиды на средства налогов, которые горожане заплатили своим бывшим хозяевам. Говорили, что Александр предложил оплатить все расходы, если на храме была бы выгравирована надпись, увековечивающая его щедрость. Жители дипломатично ответили, что негоже богу делать приношения другим богам. После этого он расширил

пределы «спасительной» зоны вокруг храма на 1 стадий, лично совершил жертвоприношение Артемиде и провел свои войска торжественным маршем.

Завоевание побережья Эгейского моря

Парменион был послан принять капитуляцию Магнесии на реке Меандр и Траллейса. Лисимах проследовал далее в эолийские и ионийские города, имея приказ восстановить демократические порядки и древние законы, но только при условии выплаты прежних налогов. Наемники в гарнизоне Милета предложили сдаться, когда от берегов Лейда приплыл Никанор со ста шестьюдесятью кораблями. Тремя днями позже превосходящий по силам флот персов из четырехсот судов встал на якорь вблизи берегов Микале (мыс в Ионии напротив острова Самос, сейчас на территории Турции. — *Пер.*) и изменил ситуацию. Хегесистрат уже по существу сдал внешний город, но, когда появился персидский флот и дал надежду на помощь, он принял решение сражаться за центр города. Горожане заявили о своем намерении сохранять нейтралитет. На заре Александр начал штурм стен, в то время как его флот держал на расстоянии долгожданных персов. Большая часть наемников снова была перебита, но на этот раз они сражались до последнего. Некоторые бежали на остров, там они поступили на военную службу к Александру, который понял свою ошибку; так еще один идеал священной войны уступил суровой действительности! После этого Александр подверг себя огромному риску, распустив свой собственный флот; его оправдывало то, что у него не было достаточно денег, чтобы содержать дорогой флот, и он был совершенно уверен, что не будет большой опасности, раз он уже захватил береговые базы флота Мемнона. Милет уже сдался, а его давно молчавший оракул Аполлона в Бранхидах снова заговорил. Приена была освобождена от контрибуций, а Эритрея — от дани.

Пиксодар умер, и его зятю Оронтобату царь приказал взять бразды правления в Галикарнасе. Его притязания благодаря браку с дочерью Пиксодара Адой были отвергнуты другой Адой, вдовой Идриэя, который держался в мощной карийской крепости Алинде, расположенной к юго-западу от Алабанды. По дороге она встретила Александра и приняла его, как своего сына.

Галикарнас был хорошо укреплен Мемноном, в нем было много персов и наемников. Нападение на Минд, последовавшее за предложением сдаться, потерпело неудачу, и Александр вернулся к осаде Галикарнаса. Оронтобат и Мемнон подожгли город и скрылись в цитадели. Александр закончил разрушение несчастного города и оставил три тысячи наемников в качестве гарнизона Карии, которую он подарил Аде вместе с титулом царицы. Вскоре после этого Ада добилась капитуляции цитадели.

К этому времени уже наступала зима, а Александр готовился покорять воинственные горные племена. Сначала он взял Гипарну, снова пойдя на соглашение с наемниками. Тельмесс, Ксант, Пинара и Патара сдались. Возможно, причину можной найти в последней надписи, которая была сделана местными ликийскими буквами. Здесь Экова, сын Эпраседы, является потомком хорошо известного мидийца Артомпары; однако он является полководцем ликийской армии под командованием Алакхссантры, в котором мы узнаем Александра!

Милиас был разрушен, чтобы открыть узкие ущелья; его территория, хоть и принадлежала Фригии, считалась ликийской. Огромная укрепленная скала Мармариса далеко в глубине ее территории была захвачена. Фазелис послал победителю золотую корону. Александр напал на фригийский аванпост, который угрожал ликийцам. Все западное и юго-западное побережье было завоевано. Оказалось, что отказ от флота был оправдан, так как во время боевых действий на суше Александр захватил все морские базы на материке, и персидский флот вынужден был покинуть Эгейское море.

Когда Аминтас переметнулся к царю, он привез с собой письмо от некоего Александра, сына Эропа, братья которого участвовали в убийстве Филиппа. Дарий приказал Сисину отправиться к Атизиесу, сатрапу Фригии, и через него сообщить этому Александру, что если

он убьет своего великого тезку, то сядет на македонский трон и получит 1000 талантов золота. Однако Парменион взял Сисина в плен и узнал о заговоре; последовал арест предполагаемого претендента на трон.

В глубь Фригии

Считая, что побережье Эгейского моря защищено от опасности, Александр мог продвигаться к Перге — сильный северный ветер позволял идти вдоль самого берега моря у пресловутой Лестницы по пояс в воде. Посланцы из Аспенда обещали сдаться, но попросили, чтобы Александр пощадил гарнизон города; просьба была удовлетворена в обмен на 50 талантов на снабжение армии и коней, выращенных для Великого царя. Вдоль побережья он дошел до Сиде, затем повернул в глубь материка, где тщетно штурмовал Силлий (древний город в 34 км от Анталии. — *Пер.*); здесь он узнал, что аспендийцы приняли решение сражаться. Покинув нижний город, они собрались на крутом холме, возвышающемся над Евримедонтом (судоходная река в Малой Азии. — *Пер.*), но, когда Александр вернулся, они предложили сдаться на прежних условиях. Их предложение было отвергнуто, и они поняли, что теперь им придется заплатить контрибуцию в размере 100 талантов вместо 50, обещать повиноваться сатрапу и регулярно платить дань, а также будет проведено расследование в отношении их права на владение территорией, которую, по утверждению их соседей, они присвоили себе незаконно.

Чтобы добраться до Фригии, Александр снова повернул на север. Тельмессцы заблокировали дорогу между двумя высотами, на одной из которых был расположен их город. Когда македонцы разбили лагерь, большая их часть покинула его и, лековооруженная, захватила дорогу. Послам от сельгийцев и других писидийцев, враждебных тельмессцам, была обещана дружба. Тельмесс был покинут жителями, которые перебрались в Сагаласс, в котором жили самые воинственные писидийцы. Когда их объединенные силы потерпели поражение, Сагаласс был взят, а вместе с ним и другие писидийские города. Оказавшись более удачливым, чем его иранские предшественники, Александр на время укротил этих диких горцев.

У озера Аскания, где собирали соль, Александр достиг города Келены, за высокими стенами акрополя которого стоял гарнизон во главе с сатрапом Фригии. Город был занят Александром, но гарнизон, укрывшись в цитадели, пообещал сдаться, если осада не будет снята к определенному дню. В качестве своего собственного сатрапа Александр оставил в городе Антигона сына Филиппа с пятнадцатью тысячами воинов, чтобы тот присматривал за персидским сатрапом.

Недолгое отступление на эгейском побережье

Тем временем на эгейском побережье снова поднялась волна войны. Персидский флот действительно оказался бесполезным, так как Александр овладел его базами на суше, но он также считал, что его сухопутная армия может в достаточной степени защитить его коммуникации. Это оказалось совершенно не так. Вместо того чтобы отступить на Кипр и в Финикию, Мемнон благодаря предательству захватил Хиос и занял Лесбос — весь, кроме Митилены, которую он осадил. Многие другие острова присылали к нему дружественные посольства. В Европе спартанцы охотно принимали его золото. От этих новых баз исходила даже еще большая опасность того, что коммуникации Александра будут отрезаны; и теперь у него не было флота!

Но фортуна, в которую так верят в его возрасте, еще не забыла Александра. Именно в этот решающий момент Мемнон умер, и Дарий лишился его таланта тактика и энергии, хотя эта потеря не стала немедленно очевидна. Автофрадат и племянник Мемнона Фарнабаз продолжали блокаду Митилены, которая наконец сдалась на следующих условиях: столбы, на которых был выгравирован текст договора с Александром, должны быть убраны;

изгнанники должны быть возвращены (это означало, что проперсидски настроенные жители города снова были у власти), и им следует вернуть половину их прежнего имущества; митиленцы должны стать союзниками персов на условиях «царского мира». Ликомед с Родоса стал командующим оставленным гарнизоном, ссыльный Диоген стал тираном, состоятельные граждане должны были заплатить штраф, а простолюдины — общий налог.

Фарнабаз переправил наемников в Ликию, чтобы отнять у Александра его завоевания. Автофрадат одержал победу над некоторыми из оставшихся островов, которые до того момента оставались верными Александру, стоявшему перед лицом неминуемой гибели, когда Дарий совершил свою следующую ошибку, отправив сына Ментора Тимондаса принять от Фарнабаза командование наемниками и привести их прямо к царю. Хотя Фарнабаз и получил официально должность Мемнона, потеря наемников серьезно ухудшила его шанс на то, чтобы отрезать Александра от Македонии и подкреплений. Тем не менее он присоединился к Автофрадату и заставил Тенедос (небольшой остров в Эгейском море при выходе из пролива Дарданеллы. — *Пер.*), который был расположен ближе к базе Александра, уничтожить договорные столбы и принять «царский мир». Датамес был послан на Киклады, но Протеас захватил большую часть его кораблей и отбил нападение. План Мемнона провалился, когда руководящий разум великого стратега угас. Снова Фортуна вмешалась и распорядилась в пользу Александра.

В Киликию

Весной 333 г. до н. э. не подозревавший об угрозе его походу Александр был в Гордиуме, древней столице Фригии. В храме Зевса в акрополе он своим мечом разрубил узел, который связывал ярмо и дышло телеги царя Мидаса, и таким нетрадиционным образом, согласно поверью, завоевал господство над Азией. В Анкаре послы из Пафлагонии предложили ему свою капитуляцию, но попросили не приходить на их землю с армией. Им было приказано повиноваться Кал асу, сатрапу Фригии, но дань не была определена. Каппадокия тоже сдалась «дистанционно» и оказалась под властью сатрапа Сабиктаса; нет никакого упоминания об Ариарате, который стал преемником Абд Сусима на посту персидского сатрапа годом раньше. Но после того как Александр отправился дальше, ему пришлось вернуться. Перед тем как вступить в Киликию, Александр получил пять тысяч пехотинцев и восемьсот кавалеристов из Македонии; «дорога жизни», связывавшая с родиной, по-прежнему была в действии. Киликийские Ворота были захвачены: их защитники разбежались при приближении македонцев, и почти непроходимое ущелье было открыто. Сообщили, что сатрап Киликии Арсамес собирается разграбить и покинуть Таре; кавалерия и легковооруженные отряды поспешно двинулись вперед и предотвратили серьезный ущерб. Дальнейшему продвижению помешала опасная, почти смертельная болезнь Александра, вызванная купанием в ледяной воде реки Кидн.

Парменион поспешил на восток, чтобы занять Сирийские Ворота, в то время как Александр на досуге посетил гробницу ассирийского Сарданапала в Анхиале. Проперсидски настроенные Солы (город в Киликии. — *Пер.*) были оштрафованы на 200 талантов, а киликийцы, которые сидели в горах, были вытеснены оттуда. Пришла весть о том, что Галикарнас наконец сдался. По дороге в Таре Александр прошел через Алеанскую равнину к Пираму, сделав жертвоприношения в Магарсе местной Афине и в Маллосе местному герою Амфилоху. Внутренние разногласия в этих двух городах прекратились, и от дани они были освобождены, так как Маллое был аргосской колонией, а Александр утверждал, что он потомок аргосских гераклидов. Вскоре сатрапом Киликии был назначен сын Никанора Балакрус, который переправил ему заложников и 50 талантов штрафа, наложенного на Солы.

Александр теперь уже пересек Малую Азию. Его зигзагообразный путь был представлен с некоторыми подробностями, так как он дает возможность в последний раз полностью окинуть взглядом территорию, входившую в Персидскую империю. Для грядущей Эллинской эпохи эта картина важна в равной степени.

Битва при Иссе

В Маллосе Александр впервые узнал, что огромная армия, которую собрал в Вавилоне Дарий, теперь находится в Сохи (Северная Сирия) в двух днях пути от Аманских Ворот. Пока Дарий проходил через эти Ворота, Александр последовал за Парменионом через Сирийские Ворота, что в нескольких километрах южнее, и направился на восток к Сохи. Таким образом, когда Дарий достиг выхода из Аманских Ворот, он обнаружил, что находится прямо на пути отступления Александра и мог либо напасть на него с тыла, либо отрезать ему пути сообщения с Македонией. Македонский перебежчик Аминтас, сын Антиоха, правильно посоветовал Дарию оставаться на этом месте и следить за ходом событий.

Но фортуна Александра по-прежнему была на страже его интересов, а та же самая несчастливая звезда, которая привела к гибели Ксеркса и его полководцев, по-прежнему светила над Дарием. Он слушал своих подобострастных придворных, которые говорили ему, что Александр задерживается в Киликии от страха. Точно такая же весть достигла Афин: Дарий спустился к побережью со всем своим войском; Александр заперт в Киликии и испытывает нужду во всем. Поэтому Дарий вклинился за войском Александра и взял Исс, перебив или покалечив больных македонцев, оставшихся в лагере. Лагерь персов был разбит у Пинара — отличная позиция, так как простиравшаяся от моря до подножия гор равнина была шириной 2,8 километра; через нее наискосок протекала река Пинар, через которую можно было легко переправиться только в том месте, где она покидала склон, в то время как в верхнем течении она протекала через труднодоступные горы.

Александр вернулся по пройденному пути через Сирийские Ворота (расстояние равное 19 километрам), пустив вперед фалангу, затем кавалерию и в конце обоз. Достигнув равнины днем, он развернул фалангу сначала на тридцать два ряда в глубину, затем на шестнадцать и, наконец, на восемь. Дарий построил свои боевые порядки у лагеря, используя Пинар как защиту. У моря он разместил свою тридцатитысячную кавалерию, затем вдоль реки такое же количество греческих наемников, а легковооруженные отряды — вдоль гор.

Наемники первыми попадали под удар. Дарий, находившийся на полпути от передовой, призвал их к себе на помощь с того фланга, где они стояли. Кавалерия с правого фланга атаковала македонскую кавалерию, которая ответила контратакой. Наемники долго отбивались до тех пор, пока Дарий не бежал, бросив свою мать, сестру-жену, дочерей Статейру и Дрипетис, младенца-сына Оха, а также свою колесницу, лук, щит и плащ. Среди убитых были Арсамес, Реомитрес, Атизей, Бубак и Сабак — сатрап Египта. Это сражение обе стороны вели развернутыми фронтами — ситуация всегда фатальная для проигравшего. Большая часть персидского войска была перебита во время бегства в узких ущельях, по которым протекали многочисленные ручьи, стекавшие с гор.

Глава 36
ВОСТОЧНЫЙ БОГ-ЦАРЬ

Завоевание Финикии

Победа при Иссе означала овладение западной половиной империи. Следующим шагом в военном походе стала оккупация брошенных Сирии и Египта. Сын Кердиммаса Менон был назначен сатрапом Коеле-Сирии. Македонец-перебежчик Аминтас бежал в Триполи, а затем через Кипр в Мемфис, где и был казнен Мазакесом — новым сатрапом Египта. Царь Арвада Геростратушел вместе с другими финикийцами и киприотами служить на персидском флоте под командованием Автофрадата; теперь, когда они были отрезаны от всех, его сын Стратон встретил Александра с золотой короной и сдал ему островной город, равно как и города на

материке — Мараф, Сигон и Мариамн.

В Марафе, большом и процветающем городе, Александр получил письмо от Дария, в котором тот вспоминал, как Филипп и последний Артаксеркс открыто заявляли о своей дружбе и союзе, и, только когда царем стал Арсес, Филипп предпринял первый недружественный шаг. Когда Дарий взошел на трон, Александр не прислал к нему никаких послов, чтобы возобновить эту дружбу и союз. Это Александр вторгся в его страну; Дарий только обороняется. Как царь царю, пусть Александр вернет его семью и установит былую дружбу и союз.

Александр углубился в историю еще дальше. Предки царя умышленно вторглись в Грецию; как главнокомандующий греков, он намерен отомстить, совершив новый военный поход. Если вернуться к нынешним временам, то Дарий сам породил проблемы, встав на сторону Перинфа (что уже навредило Филиппу) и послав свои войска в македонскую Фракию. Затем Филипп был убит заговорщиками, подкупленными Дарием, — об этом он уже хвастался в своих письмах. С помощью Багоаса он убил Арсеса и незаконно узурпировал трон. Он подстрекал греков воевать против Александра; он давал деньги спартанцам, и они принимали их, тогда как другие — нет. Впредь Дарий должен обращаться к нему как к царю Азии.

Дарий отправил свои сокровища в Дамаск на попечение Кофена, сына Артабана, но они были захвачены Парменионом, письма которого к Александру содержат список награбленного. В нем упоминаются золотые чаши весом (в вавилонских единицах измерения) 73 таланта 52 мины, или около 2000 килограммов, и другие кубки, инкрустированные драгоценными камнями, весом 56 талантов 34 мины, или около 1,5 тысячи килограммов. В плен были взяты послы, отправленные к царю из Фив, Спарты и Афин — отличное указание на то, как именно к «греческому» походу относились в самой Греции. Была также захвачена Барсина, дочь Артабаза и вдова Мемнона, красота и греческое воспитание которой так пришлись по сердцу молодому царю, что она будто бы стала его наложницей и родила ему сына по имени Геракл.

По пути из Марафа Александр принял изъявления покорности Библа и приглашение от настроенных против персов сидонцев; вместо перса Стратона царем стал Абдалоним. Цари Кипра и послы из Тира также обещали повиновение. Не будучи вполне уверенным в честности последних — ведь Тир стал процветать после разрушения Сидона Охом, — Александр объявил, что посетит их остров и совершит жертвоприношение местному Гераклу. Они ответили, что жертвоприношение правильнее будет сделать в древнем храме Баалмелкарта, расположенном на материке в Старом Тире. Когда он стал настаивать на том, что он должен посетить остров, они заявили, что не пустят в свой город ни перса, ни македонца.

Александр принял решение начать осаду, так как с захватом Тира персидский флот будет отрезан от своей последней финикийской базы. Он начал строить дамбу. Тирские корабли-брандеры сожгли ее вышки, но из соперничавшего с Тиром Сидона были получены новые корабли. Герострат из Арада и Энил из Библа сообщили, что Александр взял их города, покинули Автофрадата и вернулись по домам. Получив весть о битве при Иссе, цари Кипра привели свой флот численностью сто двадцать кораблей к победителю; только Пнитагор с Саламина оказал поддержку Тиру. Еще восемьдесят судов из Сидона и десять с Родоса, из Сол и Ликии тоже были в распоряжении Александра.

Пока длилась осада, Александр совершил экскурсию в Аравию на гору Антилибан, где новые орды арабов прокладывали себе путь к обработанным землям; какие-то территории сдались добровольно, какие-то города были взяты штурмом, но он пробыл там только десять дней, оставив борьбу с арабской угрозой на будущее. Во время осады прибыли другие посланники от Дария, которые предложили выкуп в размере 10 тысяч талантов за его семью, передачу всей расположенной к западу от Евфрата части империи и его дочь в жены Александру в обмен на дружбу и союз. Александр конечно же снова отказался.

Теперь с помощью своих двухсот десяти кораблей Александр взял Тир в блокаду и с

моря. Вырваться из нее тиряне не могли. Царь Азмилх в поисках убежища бежал в храм Геракла и был прощен, а оставшиеся жители числом тридцать тысяч были проданы в рабство. Наконец, Александр мог совершить жертвоприношение Гераклу в его неосквернённом храме на острове. Он мог провести свою армию торжественным маршем и устроить парад своих военно-морских сил в честь бога, а также бега с факелами и игры на священном месте в доказательство того, что Баалмелкарт стал совершенно эллинизирован; он мог освятить стенобитное орудие и захваченный священный корабль. Проданные в рабство тиряне не могли понять, почему эллинизм Александра следует предпочесть жестокому обращению с Сидоном варвара Оха.

Недавно назначенный царем Сидона Абдалоним теперь стал и царем Тира. Завоевание Тира в 332 г. до н. э. открыло новую эру Александра в Финикии. Пнитагор был отправлен на родину, и следующим летом Саламином уже правил его преемник Никокреон (331–311 до н. э.).

Палестинская Сирия подчинилась Александру, за исключением Газы, укрепленной евнухом Батисом и охраняемой гарнизоном, состоявшим из арабских наемников, ведь Газа была теперь морским терминалом торговли пряностями, путь которой проходил через Набатейскую Петру. Сама Газа располагалась в 4 километрах от побережья и была отделена от моря глубокими песками; это был большой город с крепкими стенами, протянувшимися вдоль края высокой насыпи, которая скрывала остатки более древних своих предшественников. Сначала Александр приказал построить стену напротив этой с южной стороны города; после того как он был ранен, он завершил охват города стеной шириной 400 и высотой 76 метров. Орудия и подкопы, использованные обороняющимися, оказались бесполезными; наконец, стены были взяты штурмом и ворота открыты изнутри. Гарнизон по-прежнему продолжал сражаться; все погибли на своем посту. В обычной варварской манере женщины и дети были проданы в рабство, местность — отдана соседним племенам, но сама Газа оставалась необитаемой. Сотни талантов мирры и ладана были взяты в качестве добычи — огромная потеря для набатейских купцов.

Недовольство в Малой Азии

Тем временем персы, которые бежали из Исса, отступили на север и вновь захватили Пафлагонию и Понтийскую Каппадокию. Во главе их был их прежний сатрап Ариварат (Ариарат), который уже начертал свое имя на арамейском языке на монетах, на которых были изображены Синопская нимфа и орел, держащий в когтях дельфина, — мотив, использованный его предшественником Абд Сусимом. После ухода Александра Ариварат стал чеканить монеты с изображением восточного грифона, пожирающего греческого оленя. Побуждаемый идти в Таврские горы, он добавил к своему царству Южную Каппадокию. К нему в руки попали монеты, недавно отчеканенные в Тарсе Маздаем, и с них он скопировал полуобнаженного Зевса для изображения своего собственного Баала Газурского (или Газиурского); этот город он сделал столицей Каппадокии после того, как не стало Дария, его прежнего владыки.

Ариварат достоин того, чтобы о нем помнили как о первом члене династии иранских царей Каппадокии, которым суждено было сохранять независимость этой страны на протяжении всей Эллинской эпохи. Вместе с другими вернувшимися сатрапами он напал на Антигона — полководца Александра во Фригии. Они потерпели поражение, и Антигон снова усмирил Ликаонию. Калас, ставший теперь сатрапом Геллеспонтийской Фригии, отвоевал на время Пафлагонию, но затем был изгнан из нее другим восточным царем — Басом, анатолийским царем Вифинии. И снова прогноз на будущее был зловещим.

Завоевание Египта

Не обращая внимания на эти признаки недовольства в своем тылу, Александр

продолжал свой поход. Газа, эти врата в пустыню, была разорена, и после семидневного перехода он был в Пелусии, где к нему присоединился его финикийский флот. В Пелусии был оставлен гарнизон, и через Гелиополь он достиг Мемфиса. Прошло всего два года с того момента, когда Дарий завоевал Египет, и их было недостаточно, чтобы привести в порядок его оборонительные сооружения. Сабак погиб в битве при Иссе, а его преемник Мазак мог только радушно встретить Александра, передать ему дворец и 800 талантов. Греки давно были союзниками мятежных египтян, хотя их оплаченная помощь не всегда ценилась высоко; прошло едва десять лет с тех пор, как Ох осквернил священную утварь, перебил священных животных и так «закрутил гайки», что не было ничего удивительного в том, что персов египтяне ненавидели, а Александра встретили с воодушевлением. Вскоре местные жители уже хвастались, что новый царь на самом деле был истинным сыном Нектанебо, который пришел к его матери Олимпиаде в образе змеи. Так, Александра смогли короновать в Мемфисе как фараона по древнему обычаю. Для египтян он поклонялся быку Апису и другим богам, но он также устраивал литературные и атлетические состязания, на которые съезжались самые знаменитые чемпионы из Греции.

На месте разрушенного Тира — большого центра торговли Восточного Средиземноморья — Александр принял решение основать новую столицу, которая должна была носить его имя. Старый центр торговли Навкратис не имел хорошего местоположения для этой цели; более подходящее место было найдено чуть западнее Канопского устья Нила, которое со времен греческих героев было гаванью, куда приплывали торговые корабли из Греции. Раньше на этом месте стояла рыбацкая деревушка Ракотис, которая была передовым постом, который предупреждал о появлении греков и финикийцев и усмирял вечно непокорных скотоводов. Он располагался на известняковой гряде между морем и озером Мареотис, и поэтому там был сухой и полезный для здоровья климат. Остров Фарос длиной почти 5 километров защищал это место от опасных ветров и со своей подветренной стороны предоставлял отличную гавань. Короткий канал доставлял сюда питьевую воду и являлся средством прямой связи с Нилом. Но что также немаловажно, отсюда можно было кратчайшим путем добраться по морю из Египта в греческие земли, не только в Европейскую Грецию и греческие города-государства в Азии, но даже больше в западные колонии, которые должны были вступить в период своего величайшего расцвета.

Дейнократ, родосский архитектор храма Артемиды в Эфесе, последовал за Александром; ему было поручено все распланировать на этом длинном узком месте. Он применил принцип шахматной доски, недавно привезенной с Востока Гипподамом из Милета; ориентация этой схемы строго с востока на запад, возможно, оправдывает то, что греки приписывают ему всю систему. Были намечены линия стены, рыночная площадь и место для храмов греческих богов и Исиды. Праздник, приуроченный к 25-му числу месяца тиби (30 января) 331 г. до н. э., ознаменовал основание города. Прибыл Гегелох (полководец в армии Александра. — *Пер.*) с вестью о том, что остров Тенедос перешел на их сторону, Фарнабаз взят в плен на Хиосе, а Лесбос и Кос стали македонскими.

Александр в оазисе Аммона Сивахе

На протяжении предшествовавших веков храм Амона в оазисе Сивах, расположенном в Ливийской пустыне, заменил — по крайней мере, в глазах иностранцев — более древний храм в Фивах ста ворот. Лидийский царь Крез был первым чужеземцем, который обращался к его оракулу за советом, хотя, по греческой легенде, ими были Персей и Геракл. Камбису не удалось разграбить оазис, но ливийские греки сделали этот храм своим собственным, а через них бог Амон стал известен в Европе. Пиндар посвятил ему храм в Беотийских Фивах, а его статую, изваянную знаменитым скульптором Каламисом, еще можно было увидеть во II в. до н. э. Пиндар также написал гимн для амонийцев Ливии. Еврипид знал, что люди ходили за советом «в безводные края» к Амону, тогда как для жителя Кирены Амон был «нашим богом». Аристофан ставил этого оракула на второе место после Дельфийского. Во время

Пелопоннесских войн афиняне посылали к этому богу официальную делегацию, а спартанец Лисандр нанес ему визит лично. Гелланик (греческий историк V в. до н. э. — *Пер.*) написал путевые заметки, путешествуя через пустыню к храму, расположенному в оазисе. До этого Афины заплатили за новый храм и удлинили название священной триремы, назвав ее «Саламиния Амониас». Была веская причина, по которой Александр должен был во всеуслышание объявить о своем намерении нанести визит оракулу, особенно потому, что в это святилище приходили за советом его предки Персей и Геракл, а он сам мог претендовать на то, что ведет свой род от Амона!

При полном параде Александр повел свои войска вдоль пустынного побережья в Паретоний, который позднее стал утверждать, что Александр был его основателем. Оттуда он повернул на юг и пошел по дороге в пустыне, которой пользовались жители Кирены, чтобы добраться до оазиса. Неожиданный дождь утолил жажду людей; две вороны и две говорящие змеи направляли их путь — по крайней мере, согласно преданию. В своем самом широком месте оазис Амона протянулся всего лишь на 8 километров; он существовал благодаря источнику, который менял температуру — так говорили — по часам дня. Соль — единственный продукт, который экспортировал оазис, увозили к Нилу в корзинах из пальмовых листьев, потому что она была чище, чем морская.

Среди пальм и оливковых деревьев Александр увидел перед собой отдельно стоящий холм, на котором находился знаменитый храм внутри участка, окруженного сложенной из каменных брусков оградой, размером 36,5 × 45,5 метра. Храмовым служителям было велено переодеться в знак уважения и встать снаружи храма во двориках и залах с колоннами, а он один в обычной одежде вошел во внутреннее святилище в дальнем конце храма, которое имело размеры всего 4 × 4 метра. Под крышей из огромных блоков, украшенной необычными фигурами и еще более странными иероглифами, он в неверном свете увидел на алтаре золотой ларец, в котором хранилось изображение бога, сделанное из различных драгоценных камней. Вдохновленный самим богом, прорицатель заставил изображение давать ответ посредством наклонов головы и знаков и провозгласил, что Александр сын бога.

Через прорицателя Амон приветствовал Александра как отец, признавший своего сына. Не поняв приветствия, Александр подумал, что с ним говорит его отец Филипп, и спросил, избежали ли расплаты его убийцы. Прорицатель предупредил его не говорить так; его истинный отец не был смертным, и Александр должен изменить свой вопрос. Затем были процитированы письма к его матери Олимпиаде с целью показать, что он получил тайные ответы, которые он сообщит ей после своего возвращения. Можно подвергать сомнению подлинность писем, но не может быть сомнений в том, что ему было сказано, что он на самом деле сын Зевса-Амона. Сообщали также, что одним из его вопросов был: станет ли он властелином и повелителем мира, и бог ответил, что все это будет дано ему. От местного «философа» Псаммона, который, если верить грекам, учил, что все люди находятся во власти божьей, он узнал, что Зевс-Амон правил миром, который он передал своему вновь обретенному сыну.

Культ царя

Александр был принят как законный фараон, и, как таковой, он был физическим сыном бога. Его божественное рождение изображали на стенах храмов, чтобы все могли это увидеть, а самого фараона часто называли «добрым богом». В своем земном облике Александр был «царь юга и севера, Сетеп-эн-Амон-мери-ре, сын солнца, владыка восходов, Арксандр».

И хотя он лично никогда не приезжал в Фивы, его изображение стало знакомым его жителям. В святилище Луксора были убраны четыре колонны, и, хотя на стенах был оставлен барельеф Аменхотепа III, на свободном месте была построена часовня, открытая с обоих концов; в нее был помещен ковчег Фиванского Амона, а изнутри и снаружи стояли

статуи Александра перед различными богами Фив. В Карнаке вход в четвертый пилон был восстановлен и стал носить его имя. Справа от внутреннего святилища, в часовне, построенной Тутмосом III, находились несколько барельефов, на которых царь совершал жертвоприношения; пустые стены были заполнены такими же сценами, на которых Александр совершал богослужение. Исполнены они хорошо, потому что еще были живы скульпторы Тридцатой династии, а яркие цвета хорошо сохранились до наших дней. Похожая реставрация была осуществлена в храме бога Хонсу. Несомненно, Александру были показаны такие же, ныне утраченные, барельефы в Мемфисе и дельте Нила. Александр узнал, что для местного населения было само собой разумеющимся, что царствующего монарха провозглашают богом. Он был еще молод, но его завоевания были столь экстраординарны, что без божественной помощи они не могли бы осуществиться. Поэтому ему было легко осознать свою царскую власть как данную ему богом. Так в греческом мире возник культ царя.

Глава 37
ПЕРСЕПОЛЬ: КОНЕЦ ВОЙНЫ

Сатрапии в Западной Азии

Провозглашенный сыном Зевса-Амона Александр возвратился через Нитрийскую пустыню прямо в Мемфис, где проходил еще один спортивный и литературный праздник как доказательство того, что он еще не забыл эллинскую священную войну. Но он не мог обойти вниманием силу долины Нила, богатую природными богатствами и изолированную от остального мира. Он понимал, что будет опасно отдать такую богатую землю в руки единственного правителя, кем бы он ни был. Были возвышены два бывших номарха Долоаспис и Петисис; он поделил между ними гражданскую власть, тогда как другие номархи остались в столицах своих номов. Клеомен из Навкратиса, урожденный грек, был поставлен во главе стратегически важного нома Аравия вокруг Героополя; к тому же он должен был собирать дань со всех номархов Египта. Аполлонию, сыну Хариноса, был поручен надзор за Ливией.

И хотя местным жителям была передана удивительно большая доля гражданского управления, в вооруженные силы, требовавшиеся для такой сатрапии, набирали исключительно македонцев или греков. Полемон, сын Ферамена, командовал флотом, тогда как армия была поделена между Певкестасом, сыном Макарата, и Балакром, сыном Аминта. Панталеон из Пидны был назначен командующим гарнизоном в Мемфисе, а Полемон, сын Мегакла, — в Пелусии. Ликидас из Аркадии был поставлен командующим греческими наемниками; их писцом был Евгност, сын Ксенофанта; их кураторами — Эсхил и Эфипп из Халкиса.

Пока Александр занимался разделением Египта на зоны ответственности, самаритяне заживо сожгли Андромаха, сатрапа Сирии. Весной 330 г. до н. э. Александр поспешил в Сирию, наказал мятежников и сделал Менона преемником Андромаха. Еще одно спортивное и литературное состязание было проведено в Тире.

Сатрапии теперь были заново объединены в более крупные образования в целях налогообложения под надзором Гарпала, сына Махатаса. В добавление к Клеомену в Египте Коэран из Бероси должен был собирать налоги в Финикии, а Филоксен — в Азии за Таврскими горами. Цари Кипра — особенно Никокреон на Саламине и Пасикрат в Солах — тоже получили постоянные обязанности. Неарх стал сатрапом Ликии и земель до Таврских гор; Менандер — сатрапом Лидии, а Асклепиодор, сын Евника, был назначен сатрапом Сирии вместо Менона, который слишком медленно собирал продовольствие для планируемого похода на восток. Так Александр медленно прощупывал свой путь к более эффективной организации своей империи.

Гавгамелы

Мазей (персидский наместник в Киликии. — *Пер.*) с тремя тысячами всадников помешал завершению строительства двух мостов через Евфрат у Фапсака. Когда появился Александр с семью тысячами всадников и сорока тысячами пехотинцев, он отступил, опустошая при этом окрестности. Переправившись через реку, армия пошла вдоль нижних склонов Армянских гор, потому что здесь было прохладнее и легче добыть фураж. Пришло сообщение о том, что Дарий удерживает дальний берег, но при переправе через реку единственной трудностью было справиться с быстрым течением.

По какой-то непонятной причине Дарий решил не защищать сильную позицию на берегу Тигра. Вместо этого он разбил лагерь у более мелкой реки Бумод, расположенной на расстоянии четырехдневного перехода, где он приказал разровнять площадку для развертывания его огромного войска; очевидно, он ничего не понимал в тактике и предполагал ошеломить македонцев простым численным перевесом.

Благополучно переправившись через неохраняемую реку, армия Александра с благоговением глядела на высокий холм, на котором находилась Ниневия. Этот город, как было сказано македонцам, был построен Сарданапалом, что подтверждала колонна с надписью на халдейском языке. После осады она была разрушена Киром основателем. Оставив Тигр слева, а Гордейские горы справа, армия шла четыре дня через Атурию (Ассирию) до тех пор, пока разведчики не донесли о присутствии врага. Александр дал своим людям четырехдневный отдых, а на пятый день выступил на заре. В тот день армия шла по холмистой местности, которая эффективно скрывала ее от врага, пока она к нему не приблизилась. Как только с ним был установлен контакт, македонцы получили приказ вернуться в лагерь и тем самым обеспечили себе полноценный ночной отдых, тогда как Дарий продержал своих солдат всю ночь под ружьем для охраны выровненного участка, уже приготовленного для надвигающегося сражения. Сама равнина была известна как Гавгамелы — «место, где пасутся верблюды», а в предгорьях на севере можно было увидеть деревушку, развалины которой все еще хранят о ней память как о деревне Тель-Гомель.

Можно нарисовать четкую картину сражения (1 октября 331 до н. э.), потому что победители захватили и список личного состава имперской армии, и приказы для расстановки различных корпусов. Как это было со времен правления Ксеркса, войско каждой сатрапии находилось под командованием своего сатрапа. С краю левого фланга стояла бактрийская кавалерия под командованием Бесса, который также отвечал за индийцев и согдианцев. Затем шли скифские дахаи, а за ними арахозцы и индийцы с гор, возглавляемые Барсентесом. Персидская кавалерия и пехота стояли вперемешку; за ними размещались сузские и кадусийские отряды, которые, по-видимому, были отделены от своих собственных командиров.

В центре находился сам Дарий в окружении верных сородичей, персидских Бессмертных (на толстые концы копий которых были насажены золотые яблоки), и другие подразделения индийцев, депортированных карийцев и мардийских лучников. Рядом с царем и по обоим флангам персов были размещены греческие наемники. Позади центра стоял резерв, состоявший из уксийцев, которыми вместе с сузцами должен был командовать Оксиантр, сын Абулита, из вавилонян и ситтакенян под командованием Бупара (от которого были отделены карийцы) и из племен с берегов Персидского залива под командованием Окондобата, Ариобарзана и Отана.

На правом фланге располагались албанцы и сакесинийцы (которые, как и кадусийцы, должны были находиться под командованием Атропата); затем тапурийцы и гирканцы, возглавляемые Парфеем; мидийцы под командованием Атропата, который в начале Эллинской эры дал название Атропатенской Мидии и, косвенно, современному Адхарбайгану (возможно, это Азербайджан. — *Пер.*)\i0 *парфяне и саки и, наконец, новобранцы из Сирии, которых Мазей привел с собой, когда отступал.*

Это был передний край сражения. Перед ним находился мощный щит из кавалерии под командованием Фратоферна. Слева располагались союзники-саки, конные лучники, возглавляемые Манаком, другие бактрийцы и сотня наводивших ужас колесниц с торчащими лезвиями по бокам. По центру располагались наводившие еще больший ужас слоны и пятьдесят дополнительных колесниц. Справа, поддерживаемые другими пятьюдесятью колесницами, были выстроены армяне под командованием Митраустеса и Оронтеса (сын более известного сатрапа с таким же именем) и каппадокийцы, которых Ариак увел, подобно Мазею.

Многие из этих сатрапов носили благородные имена, давно известные в знаменитых семьях. Ничто не указывает на то, что они были менее храбры, чем их отцы, но они ничего не знали о тактике того времени. Мы можем обнаружить некоторые признаки попытки оторваться от старой системы призыва на военную службу, принятой в сатрапиях, но одного этого не было достаточно, чтобы выиграть битву.

В противоположность почти полному отчету о построении боевых порядков мы мало знаем о самой битве, которая состоялась 1 октября 331 г. до н. э. Попытка Дария обойти македонцев с фланга не удалась. Колесницы с выступающими лезвиями и слоны не повергли, как ожидалось, противника в ужас. Вместо этого Александр прорвал линию фронта прямо напротив царя; Дарий бежал в Исс, но его подданные сражались столь отважно, что македонцы были в очень трудном положении, а Александру самому пришлось спасать ситуацию. Он переправился через реку Ликус и разбил лагерь, в то время как Парменион занимался лагерем персов. К полуночи Александр снова поспешил со своей кавалерией к Арбеле, находившейся в 120 километрах. Когда он появился, то обнаружил, что Дарий ускользнул во второй раз, снова оставив — как в Иссе — свои колесницу и оружие. Вместе с бактрийской кавалерией, родственниками и Бессмертными Дарий бежал через горы в Экбатану.

Яркую картину панического бегства после сражения нарисовал Семтутефнахт, египетский жрец-врач, находившийся при Дарии в тот момент. Он благодарит своего бога Харсафа: «Ты защитил меня в сражении с греками, когда ты отбросил назад азиатов. Они убили много людей, находившихся рядом со мной, но никто не поднял руку на меня. Я видел тебя потом во сне. Твое величество сказало мне: «Поспеши в Эхнас; смотри, я с тобой». Я проезжал через чужие земли, я был один, я добрался до моря и не боялся. Я прибыл в Эхнас, и ни один волос не упал с моей головы». В храме его бога в Эхнасе он установил в его честь стелу и выразил надежду, что читатель произнесет имя того, кто посвятил ее богу. Его молитвы исполнились так, как Семтутефнахт едва ли мог мечтать: при одном из первых римских императоров эта стела была увезена в Италию и была использована для подтверждения подлинности пышного храма Исиды в Помпеях!

Битва при Гавгамелах была поистине решающей. Своим бегством Дарий отказался от всех притязаний на трон Персии. Пройдут месяцы, прежде чем о его смерти будет объявлено, а его тело похоронено — не в наполовину законченной гробнице, строительство которой он начал к югу от Персепольской террасы, а высоко на скале в могилах его предшественников.

Пройдут еще месяцы, в течение которых сатрап Бактрии Бесс будет бороться за утверждение своих притязаний на титул Артаксеркса IV. Пройдут годы, прежде чем на Иранском нагорье воцарится мир. Но великая война закончилась, и Александра самого большинство его подданных станет считать великим монархом Персии.

Для завершения похода нужна была финальная сцена. Арбела была столицей того края, где произошло решающее сражение. И хотя она располагалась в 120 километрах от поля битвы, ей была приписана честь дать ей название, ведь Гавгамелы была никому не известная деревушка. Близлежащая гора получила название Никаторий — «Гора победы». Из Арбелы — названной, как говорили греки, по имени ее основателя Арбела, сына Атмонея, — армия повернула на юг, переправилась через Капр, или Нижний Заб, и пришла к резервуару сырой нефти в Артакене, где в наши дни Мозульские нефтяные месторождения являются

предметом споров и где до сих пор возникают пожары, если почву слегка поцарапать. Затем на ее пути оказались святилище Анахиты — Сандраки, где находились дворец первого Дария Кипариссон и переправа через реку Гиндес, или Диялу, по дороге в Вавилон.

Капитуляция Вавилона и Суз

Когда победитель подошел к городу, вновь процветающему после разрушения Ксерксом, он был встречен жрецами и представителями знати, которые принесли свои дары и обещание отдать сокровища Вавилона. После этого персидский сатрап Мазей мог только формально утвердить уже свершившуюся капитуляцию города. Командующий гарнизоном Багофан вышел из крепости, в которой он охранял царские сокровища. Он приказал принести цветы для украшения улиц и изготовления венков для нового Великого царя. На серебряных алтарях был зажжен ладан и другие дорогостоящие благовония, маги пели гимны, а халдеи и вавилоняне им подпевали. К радости всего населения, Александр приказал отстроить заново храмы и прежде всего храм Бела-Мардука, который был в запустении со времени его разрушения Ксерксом.

Следуя прецеденту, установленному в Египте, где двум местным жителям были доверены разделенные властные полномочия, Александр наградил Мазея за немедленную капитуляцию, оставив его на должности сатрапа и предоставив Багофану оставаться на посту стража сокровищ. Однако военный контроль, как и в Египте, находился в руках македонцев — Аполлодора из Амфиполя и Менетаса из Пеллы; последний стал также главным куратором сатрапий, простиравшихся на запад до Киликии. Агафон охранял цитадель, а Асклепиодор, сын Филона, собирал налоги. Митрин, который сдал крепость в Сардах, был назначен сатрапом Армении, но, похоже, он так и не смог наладить в ней эффективное управление.

Старый учитель Александра Аристотель просил своего царственного ученика присылать ему на родину что-нибудь, что представляло бы научный интерес. Каллисфен в соответствии с этим отправил своему дяде «наблюдения» халдеев за тридцать одну тысячу лет; очевидно, это были вычисления, сделанные Кидинну или учениками его школы. Во всяком случае мы можем сравнить тридцать одну тысячу лет этих «наблюдений» с тридцатью четырьмя тысячами лет, которые, согласно древним спискам вавилонских царей, должны были пройти со времени Всемирного потопа. С Аристотелем был Каллип, который использовал эти «наблюдения» для расширения своих собственных в целях получения величин, определяющих длину года и синодического месяца. Несмотря на это подспорье, его величина синодического месяца была дальше от истины, чем те величины, которые были вычислены тремя веками раньше по Саросскому циклу (период повторения взаимного расположения Солнца, Земли и Луны. — *Пер.*).

Из Вавилона удобная дорога через равнину вела почти прямо на восток в Сузы. По дороге через Ситтакену Александр встретил сына Абулета, сатрапа Суз, и получил письмо от Филоксена, которого он отправил вперед; тот сообщал, что жители города сдали город вместе с сокровищницей. Проведя двадцать дней в пути из Вавилона, Александр прибыл лично и обнаружил, что сокровища во дворце Дария I составляли 40 тысяч талантов серебра и 9 тысяч талантов золота в отчеканенных дариках. Этот дворец был впоследствии брошен (как доказывают раскопки), но дворец Багоаса был отдан Пармениону для проживания. Абулет остался сатрапом, а Мазар — командующим гарнизоном, но над ним был Архелай, сын Теодора. Зенофил возглавил цитадель, а Калликрат — охрану сокровищ. В это же время Менее был назначен сатрапом объединенных Сирии, Финикии и Киликии. Жертвоприношения и спортивные соревнования, включая бег с факелами, продемонстрировали Сузам эллинские обычаи, и Александр был готов двигаться дальше.

Персеполь

Армия переправилась через Копрат и Паситигр, и уксийцы, которые жили в низине и были подданными персов, быстро сдались ей. Горцы-коссеи, которыми правил Медат, отказались пропустить ее, если не будут соблюдены условия персидского царя, который платил им хорошие деньги всякий раз, когда он проезжал из Суз в Персию. Александр счел такую плату недостойным шантажом. Ведомый сузцами, он прошел по тайной тропе, разграбил коссейские деревни и перебил многих их жителей; затем он захватил перевал, ведущий в Персеполь. Его спасшиеся бегством противники вернулись и пообещали платить ежегодную дань в размере ста лошадей, пятисот вьючных животных и тридцати тысяч овец — ожидая, без сомнения, что Александр никогда не вернется, чтобы забрать их.

Парменион отправился по главной дороге на восток, а Александр — по горам в Персеполь. Сатрап Ариобарзан перегородил Персидские Ворота стеной, но, проведенный по опасной тропе ликийцем, который знал греческий и персидский языки, Александр обошел его с фланга, в то время как основные силы атаковали стену и прорвались через нее. Вслед за этим гарнизон Персеполя не впустил отступающего Ариобарзана, а его командующий Тиридат послал к Александру гонца с просьбой поторопиться, иначе город будет разрушен. Был поспешно закончен мост через Араке, и македонцы ринулись в Персеполь, пока гарнизон не успел разграбить его для себя. Армия добралась до столицы к 1 февраля 330 г. до н. э.

Казалось, завоеватель давно уже позабыл о священном походе. Он везде выдавал себя за законного преемника династии Ахеменидов. Персидские сатрапы — Мазей в Вавилоне и Абулет в Сузах — за прошедшие несколько месяцев были оставлены на своих постах. Поэтому, когда Тиридат поторопил Александра занять город и тем самым спасти сокровища, он имел основания ожидать, что он тоже будет вознагражден: подобно Багофану в Вавилоне — должностью смотрителя сокровищницы или подобно Мазару в Сузах — разрешением остаться на посту командующего гарнизоном.

Его обоснованные ожидания не оправдались. В Сузах Александр забыл о священном походе, даже когда ему показали роскошный дворец, в котором Артаксеркс II диктовал условия своего знаменитого «царского мира» и в который так часто приезжали греческие послы, чтобы узнать царскую волю и принять денежную помощь. С другой стороны, Персеполь на протяжении последнего века оставался почти необжитым. Его название не ассоциировалось с какими-то событиями греческой истории, которые самый рьяный участник военной кампании мог бы счесть позорными. На самом деле его название, видимо, было неизвестно в западной части империи. И все же именно в Персеполе Александр официально закончил свой поход.

Можно было ожидать, что Александр конфискует огромное количество золота и серебра стоимостью 120 тысяч серебряных талантов, так как такой прецедент уже был. Согласно традициям того времени правильным было опустошить «царскую подушку» — большую комнату, в которой хранилось 5 тысяч талантов золота в головах кровати, и «царскую скамеечку для ног» — помещение меньших размеров, в котором хранилось 3 тысячи талантов в ногах кровати. Надлежало также забрать золотую виноградную лозу с гроздьями из драгоценных камней, которая простиралась над царским ложем. Но то, что все поселение (за исключением территории дворца), которое выросло у подножия террасы, было отдано солдатам на разграбление, требует объяснения.

Их добыча была огромна. Персеполь, как говорилось в последующих сообщениях, был богатейшим городом на свете; даже частные дома были полны всевозможных дорогих предметов, собранных за многие годы его существования. Мужчины были все безжалостно перебиты: оправданием этому были толпы страшно изувеченных греческих пленников, которых освободили солдаты. Женщины, конечно, попали в рабство, а македонцы дрались друг с другом за награбленное добро. Если бы Персеполь был взят на разграбление, а не был сдан командующим своим гарнизоном, с ним не могли бы обойтись хуже. Александр даже хвастался в письмах тем, что приказал перебить персидских пленных, что далеко не украсило его репутацию.

Во время пребывания в городе Александр совершил экскурсию в Парсагарду, где он снова, словно бы по праву, экспроприировал сокровища, собранные его великим предшественником, Киром Старшим, и назначил Кобата сатрапом этого древнейшего персидского поселения.

За варварством в Персеполе последовал акт чистого вандализма — сожжение великолепных дворцов, расположенных на террасе. Когда Александр обнародовал свое намерение уничтожить могучие постройки Ксеркса в Персеполе в отместку за разрушение им Афин и сожжение греческих храмов, Парменион стал убеждать молодого завоевателя пощадить их. Он утверждал, что будет неправильно, если Александр разрушит свою собственность; азиаты не захотят присоединиться к нему (Парменион это дал ясно понять, будучи зрелым и умным человеком), если о нем сложится впечатление, что он просто путешествует и не хочет сохранить суверенитет Азии. Это было настолько похоже на жестокую правду, что Александр отказался даже слушать.

Позднее историки попытались найти оправдание этому преступлению. Одни заявили, что сожжение было действительно преднамеренным, но Александр вскоре раскаялся и приказал погасить огонь, но тщетно. Более распространенная версия переносит вину на женщину по имени Тайс, любовницу полководца Птолемея, которая, как говорили, воспользовалась нетрезвым состоянием Александра на пиру и убедила его бросить роковой факел.

В самом Персеполе руины продолжают историю. Сожженные балки крыши по-прежнему хранят свои отпечатки на лестницах и скульптурах. Кучи пепла — это все, что осталось от кедровой обшивки стен. Стены из глиняных кирпичей, лишенные своего покрытия от горящих крыш, осели под действием дождей на таких же просевших дворах. Тройная линия стен, также сложенных из глиняных кирпичей, разрушилась, оставив только фундаменты из камня. Бронзовые ворота, поставленные с четырех сторон дворца, исчезли.

Поиски добычи были такими настойчивыми, что только горсть монет досталась тем, кто проводил раскопки. Еще несколько кусочков тонкого листового золота — это все, чем были вознаграждены труды по его поиску. Сотни сосудов, вырезанных из самых разнообразных и прекрасных камней, были вынесены во дворы дворца и умышленно разбиты. Прекрасная статуя сидящей женщины, изваянная из мрамора раньше, чем скульптуры Парфенона, была вывезена из Фокеи или какого-нибудь города неподалеку от Персеполя во время беспорядков, характерных для спартанских походов, которые, как утверждалось, совершались с целью освобождения Азии. Поставленная в музейный зал сокровищницы Персеполя, она оставалась в безопасности, пока не пришел Александр. Тогда македонские солдаты отбили у статуи голову и бросили торс в коридор, оставив только покалеченную руку статуи указывать на помещение, в котором она изначально стояла. Александр не мог нагляднее показать, насколько тонок на нем налет греческой культуры.

Сожжение Персеполя было для мира символом того, что великий военный поход достиг своего предначертанного конца. К сожалению, и символ, и военный поход в равной степени отстали от жизни. Свои первые завоеванные территории Александр обустраивал по образу и подобию персидских сатрапий. В Египте он узнал, что он сын бога и поэтому и сам Бог-царь. Он все больше подпадал под влияние восточных верований, и вскоре он уже перенял персидскую помпезность. В конце он уже мечтал объединить персидский и греческий народы и культуры. Восток одержал победу над своим жестоким завоевателем.

Превозносимая «удача Александра» обернулась против ее фаворита даже еще до его преждевременной смерти. Своими нескончаемыми войнами его преемники разрушили империю, которую он получил практически целой от последнего Дария, и даже римляне оказались неспособными восстановить ее. Его мечта о слиянии культур осталась мечтой для далекого будущего.

В то время как историки все больше и больше ставили акцент на значении сразу же наступившей Эллинской эпохи, правление Александра отступало все дальше назад перед ее истинным статусом прелюдии. В настоящее время нас меньше интересует характер

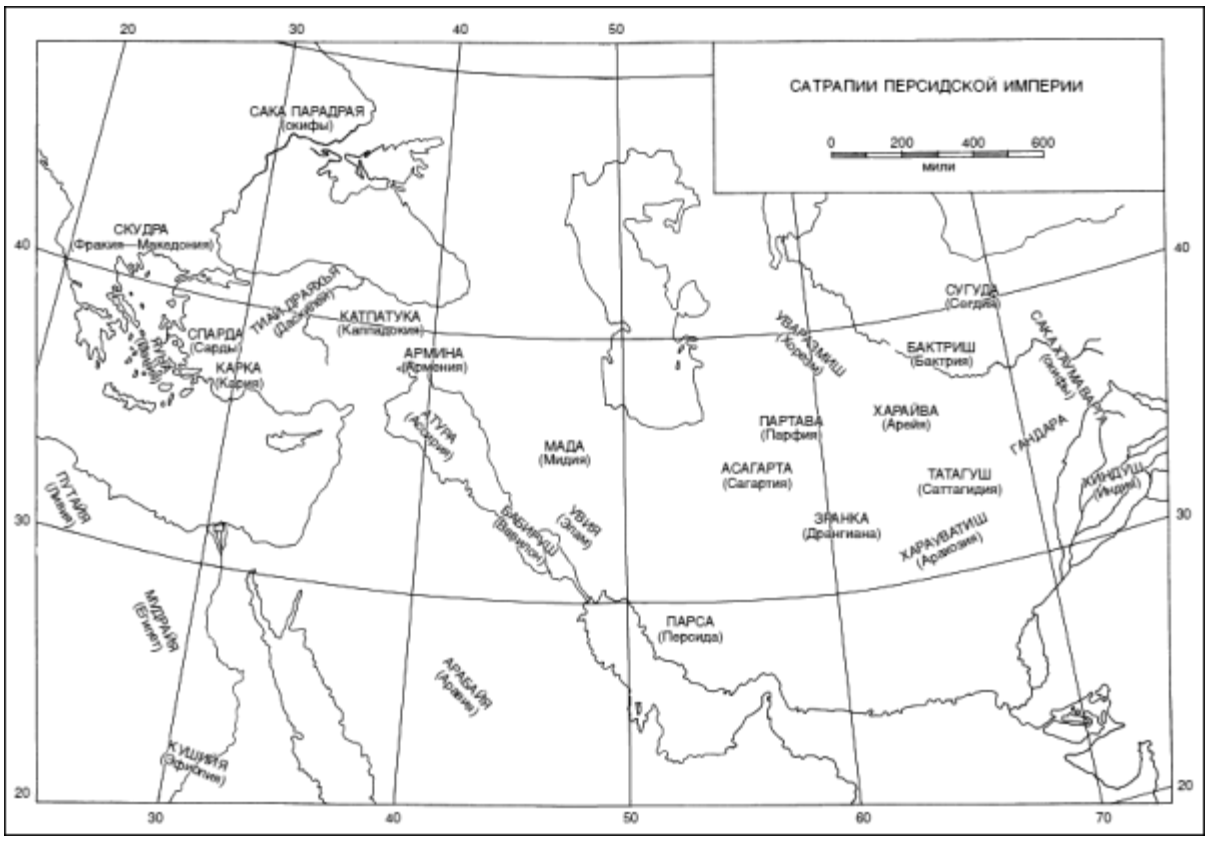
Александра как личности, нежели он как предвосхищение новой эры. Но Александр смотрел не только вперед, но и назад: его правление было одновременно *и* вступлением, *и* эпилогом. Вместе с сожжением Персеполя старая эпоха независимых восточных империй закончилась.

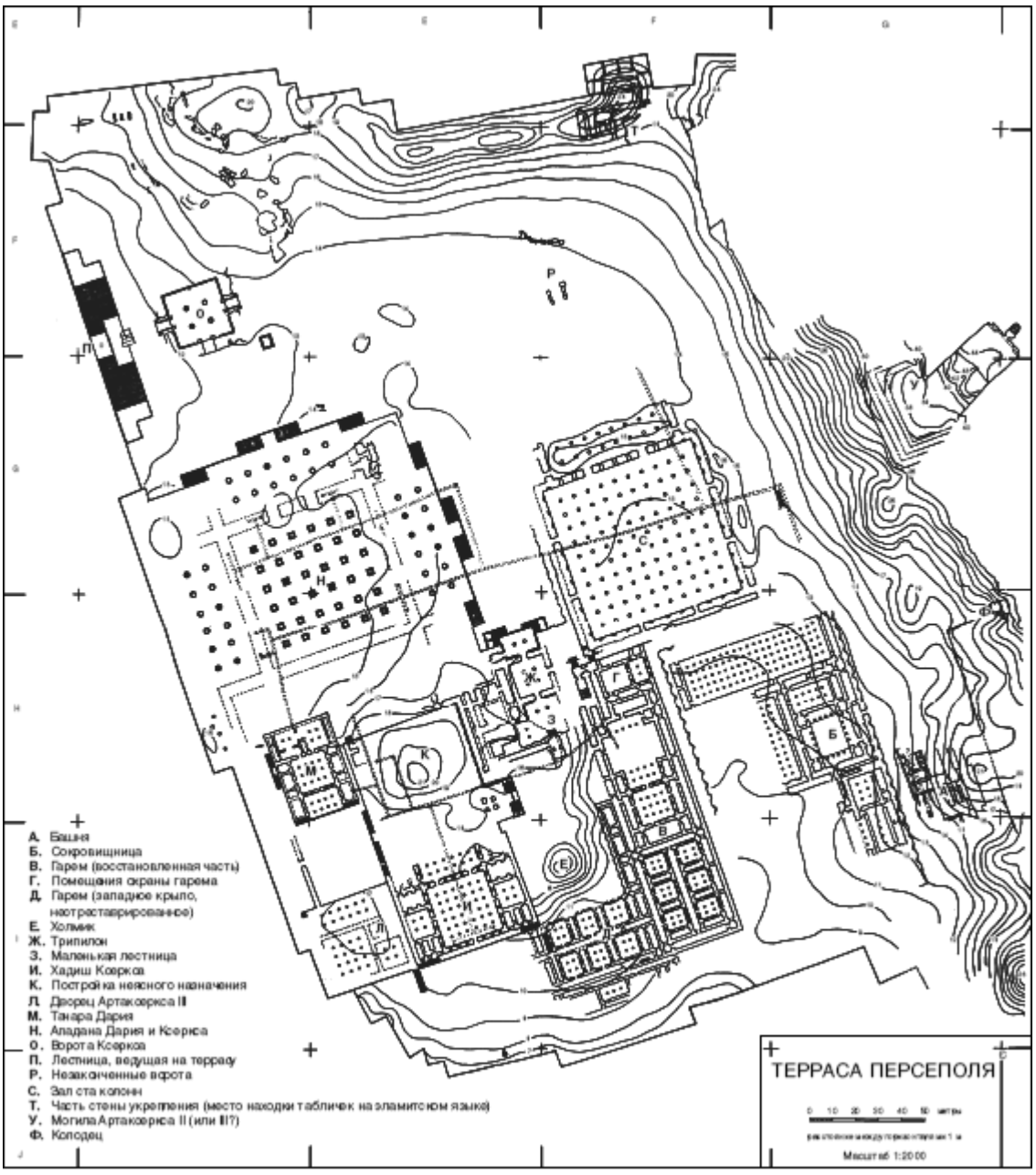
В Персеполь больше никогда не вернулись жители, но он был отомщен: Македония Александра исчезла почти без следа. Ее старая столица Эги — место, где свирепствует малярия, и ничто больше. Когда упоминается ее другое название Эдесса, мы сразу же представляем себе огромную столицу Месопотамии. Могилы македонских правителей, где, как предполагал Александр, он соединится со своими предками, так и не были найдены. Его собственная столица Пелла представляет собой груду бесформенных развалин. Город Филиппы, основанный его отцом, достиг своего наивысшего расцвета под властью римлян, но немногие его развалины — позднего периода. Ничто не сохранилось от изначальной Александрии; город его преемников Птолемеев следует воспринимать через его современного преемника, пополненного немногими отдельно стоящими памятниками и погребенными развалинами, отмеченными только на плане.

Но Персеполь стоит и поныне, сохраненный для потомков самим фактом своего сожжения. Дворцы Дария и Ксеркса по-прежнему возвышаются над равниной — чудо для проезжающего мимо путника. Их залы почти завершены настолько, что на закате нетрудно вызвать духов прошлого. Намеренное сожжение города Александром не уничтожило, а сохранило для нас практически без единой царапины великолепные барельефы, красота которых может соперничать с греческими. Разбитые вазы с подписанным на них именем Ксеркса были собраны по кусочкам терпеливым археологом, который также собрал множество осколков, иллюстрирующих повседневную жизнь персов. Если огонь, зажженный Александром, и уничтожил много бесценных пергаментов, то большинство из них в любом случае пропали бы просто с течением времени. Он невольно оказал нам бесценную услугу, подвергнув обжигу глинянные таблички, которые до того времени хранились только в сыром виде, а ведь сырая глина так легко распадается. Письмена на каменных плитах, обнаруженных археологом, были расшифрованы филологом, и оказалось, что это царские документы. Дарий и его последователи рассказывают теперь свою историю на своем языке.

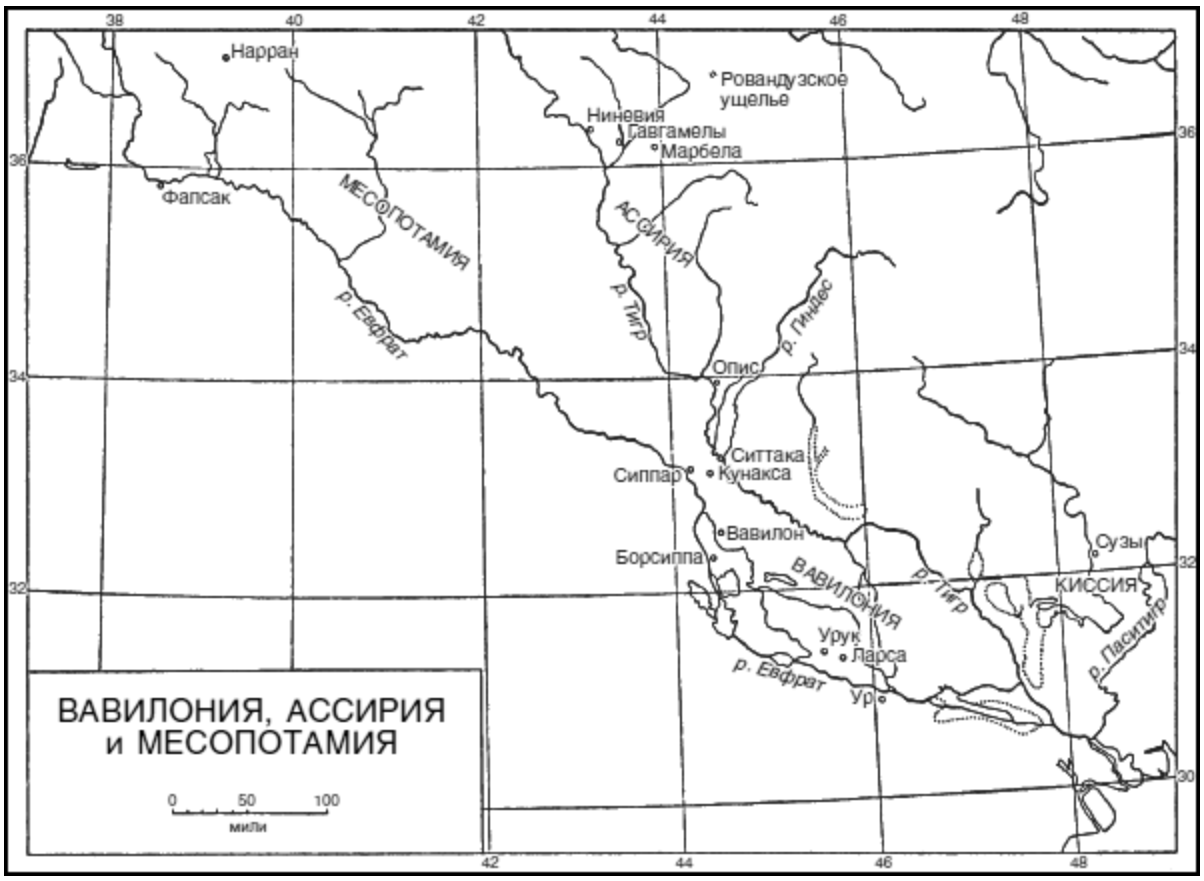
Изучая весь период существования империи, археолог и филолог прибегли к помощи историка. Как и в Персеполе, были проведены раскопки в Сузах, и стала известна литература, написанная на эламитском языке, хотя курган в Экбатане еще ждет своей очереди. Курганы над вавилонскими городами дали археологам тысячи деловых документов, датированных временем правления персидских монархов, которые впервые дали возможность в общих чертах составить представление об экономической жизни в империи. Египетские храмы, возведенные персидскими царями, или более многочисленные святилища, построенные местными правителями, поднявшими успешные восстания против них, может посетить самый обычный турист. Иероглифические надписи и папирусы, написанные демотическим письмом или на арамейском языке, были расшифрованы и пополнили наши знания. Мы уже больше не зависим от греческих «классиков» при изучении истории Персии и даже ее отношений с Западом. Новые раскопки на территории Греции вознаградили нас ценными надписями и показали, как процветала Азия на закате правления Ахеменидов. Что касается библейской истории евреев, то она во многом стала новой, если ее рассматривать на фоне событий того времени. Почти двадцать три века прошло с той поры, когда Александр сжег Персеполь. Теперь, наконец, благодаря объединенным усилиям археолога, филолога и историка Персия Ахеменидов поднялась из мертвых.

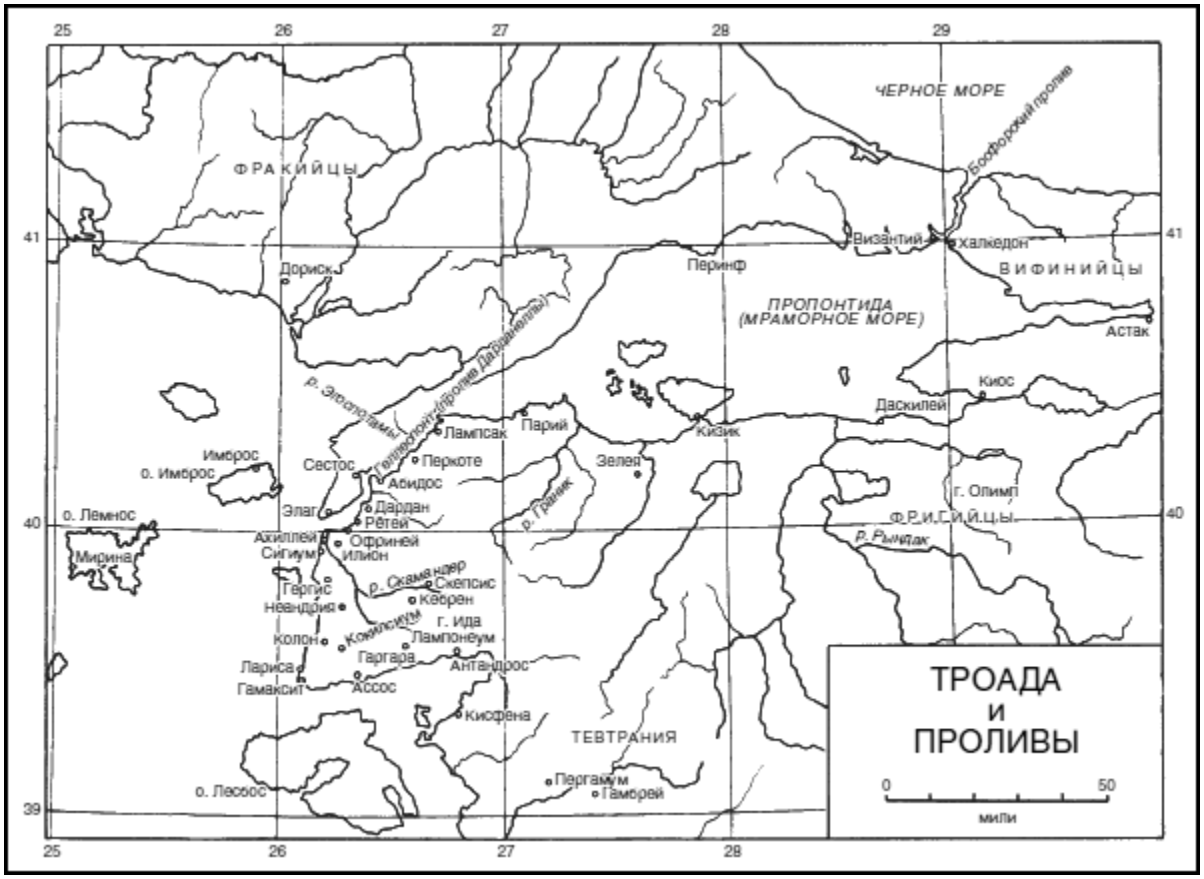
Карты


САТРАПИИ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ
0 200 400 600
мили
САКА ПАРАДРАЯ
(скифы)
СКУДРА
(Фракия—Македония)
СПАРДА
(Сарды)
КАРКА
(Кария)
ТИАЙ ДРАЯХЬЯ
(Даскилей)
КАТПАТУКА
(Каппадокия)
АРМИНА
(Армения)
АТУРА
(Ассирия)
МАДА
(Мидия)
УВИЯ
(Эламу)
БАБИРУШ
(Вавилон)
ПАРСА
(Персида)
АРАБАЙЯ
(Аравия)
ПУТАЙЯ
(Ливия)
МУДРАЙЯ
(Египет)
КУШИЙЯ
(Эфиопия)
УВАРАЗМИШ
(Хорезм)
СУГУДА
(Согдия)
БАКТРИШ
(Бактрия)
САКА ХУМАВАРГА
(скифы)
ХАРАЙВА
(Арейя)
ПАРТАВА
(Парфия)
АСАГАРТА
(Сагартия)
ТАТАГУШ
(Саттагидия)
ГАНДАРА
ЗРАНКА
(Дрангиана)
ХАРАУВАТИШ
(Араюзия)
ХИНДУШ
(Индия)
20
30
40
50
60
70

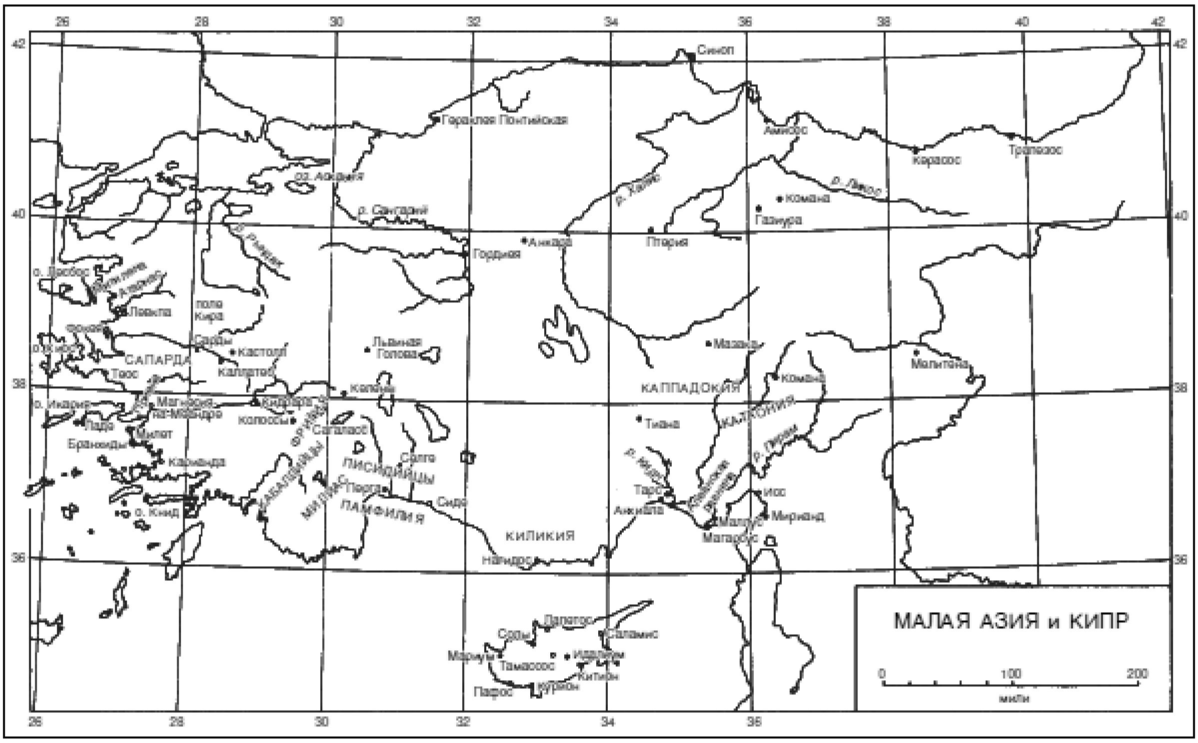


Персеполь
План террасы Персеполя с раскопанными к концу 1937 г. постройками,
составленный Джоном С. Боллсом, Элиотом Ф. Нойесом и Р. Карлом Хейнесом

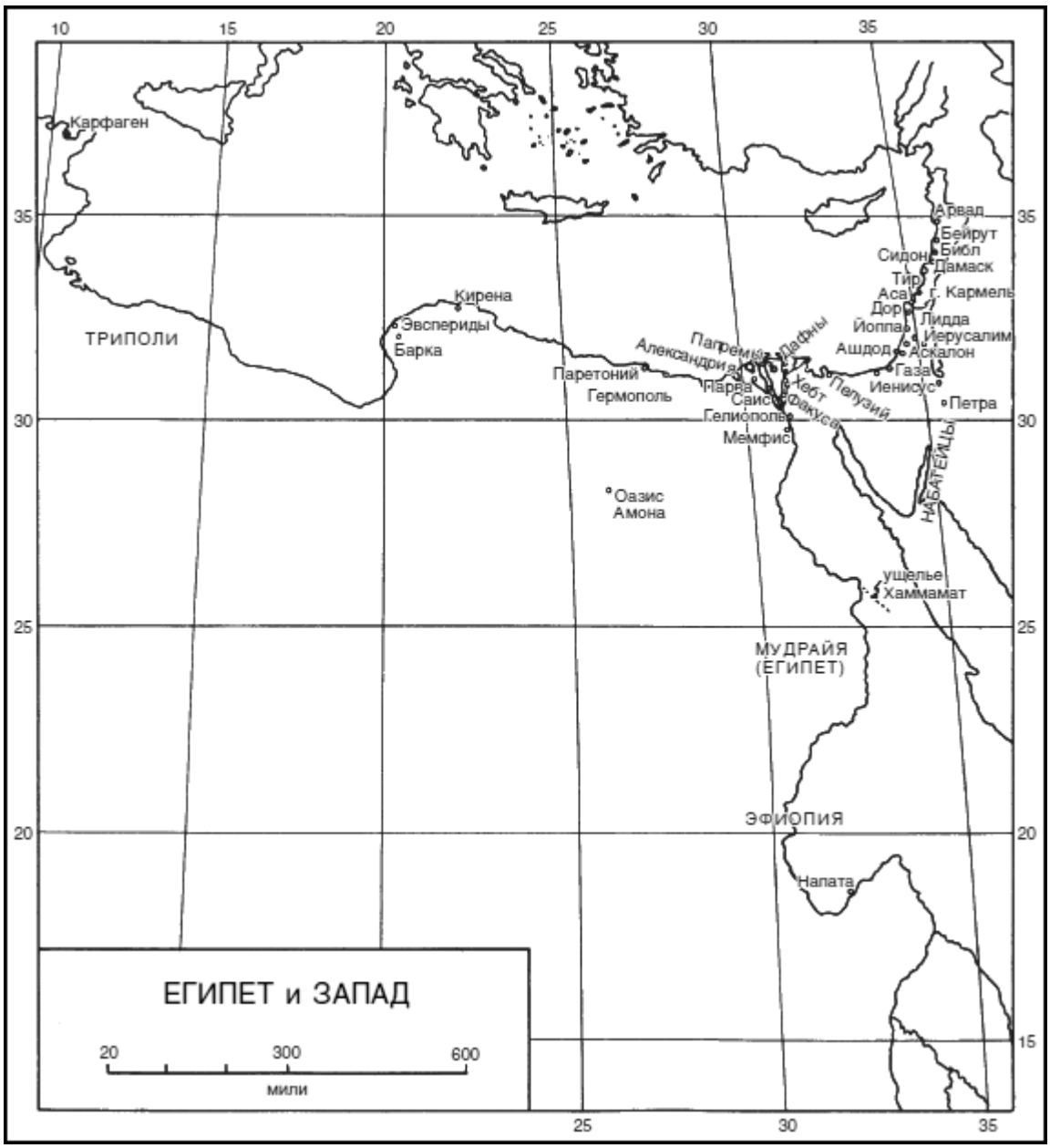

ВАВИЛОНИЯ, АССИРИЯ
и МЕСОПОТАМИЯ
0 50 100
мили
Нарран
Фапсак
МЕСОПОТАМИЯ
р. Евфрат
Ровандузское ущелье
Ниневия
Гавгамелы
Марбела
АССИРИЯ
р. Тигр
р. Гиндес
Опис
Ситтака
Сиппар
Кунакса
Вавилон
Борсиппа
ВАВИЛОНИЯ
р. Тигр
Сузы
КИССИЯ
р. Паситигр
Урук
Ларса
р. Евфрат
Ур


ТРОАДА
и
ПРОЛИВЫ
0 50
мили
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Босфорский пролив
ФРАКИЙЦЫ
Дориск
Перинф
Византий
Халкедон
ВИФИНИЙЦЫ
ПРОПОНТИДА
(МРАМОРНОЕ МОРЕ)
Астак
Киос
Даскилей
Кизик
Зелея
р. Эгоспотамы
Геллеспонт (пролив Дарданеллы)
Лампсак
Парий
Перкоте
Сестос
Абидос
Имброс
о. Имброс
о. Лемнос
Элаг
Дардан
Ретей
Ахиллей
Сигиум
Офриней
Илион
Мирина
р. Скамандер
Скепсис
Кебрен
Гергис
Неандрия
Колон
Кокилсиум
г. Ида
Лампонеум
Гаргара
Лариса
Гамаксит
Ассос
Антандрос
Кисфена
ТЕВТРАНИЯ
Пергамум
Гамбрей
о. Лесбос
р. Граник
г. Олимп
ФРИГИЙЦЫ
р. Рындак

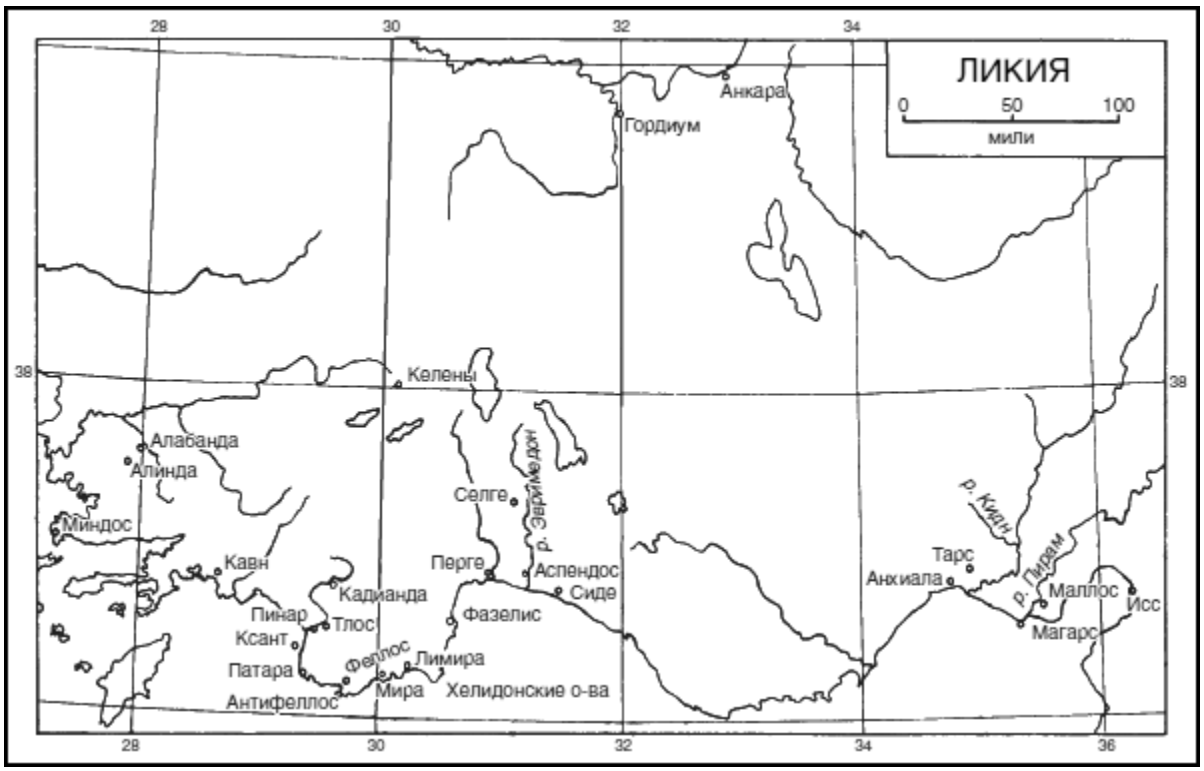
ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРЕЦИЯ
и западная часть
ЭГЕЙСКОГО МОРЯ
0
75
мили
20
22
24
40
38
36
ИЛЛИРИЯ
МАКЕДОНИЯ
ФРАКИЯ
р. Стримон
Миркин
Эион
Марония
р. Апс
р. Аус
Орикум
ХАОНИЯ
Элимея
р. Галиакмон
Терма
п-ов Халкидика
Акантос
о. Фасос
о. Самотраки
Олинф
о. Имброс
Потидея
г. Афон
Молоссис
г. Олимп
ЭПИР
ПЕРРЕБЫ
Темпи
о. Лемнос
о. КЕРКИРА
Додона
р. Пиньос
Лариса
МАГНЕСИЯ
Феспротия
ФЕССАЛИЯ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
АМБРАКИЯ
Долопес
АХАЙЯ
ФИХИОТИС
о. Скиаф
Артемисий
о. Скирос
о. Левкас
АКАРНАНИЯ
р. Ахелус
Фермопилы
ЭТОЛИЯ
ДОРИС
ЛОКРИДА
ФОКИДА
о. Эвбея
Дельфы
Эретрея
о. Кефаллення
Саме
БЕОТИЯ
Феспия
ФИВЫ
Платеи
Коринфский залив
Марафон
АХАЙЯ
Сикион
АТТИКА
Флиус
перешеек
Афины
о. Андрос
Андрос
о. Тенос
ЭЛИС
о. Закинтос
Коринф
о. Саламин
АРКАДИЯ
АРГОЛИДА
о. Эгина
Аргос
Тиринс
Пелопоннесский п-ов
о. Кеос
о. Сирос
Тегея
о. Китнос
КИКЛАДСКИЕ О-ВА
о. Серифос
о. Парос
МЕССЕНИЯ
Спарта
о. Сифнос
о. Наксос
Метона
ЛАКОНИЯ
о. Сикинос
о. Милос
о. Иос
о. Тера
о. Китира

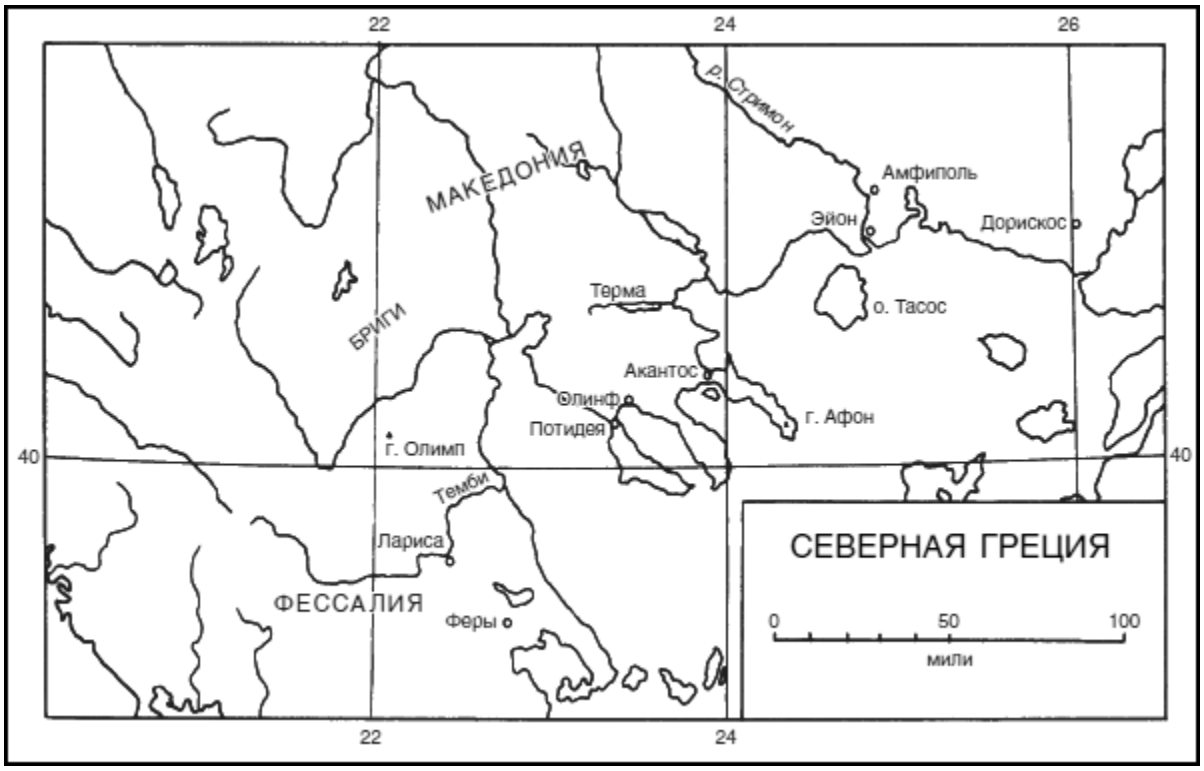


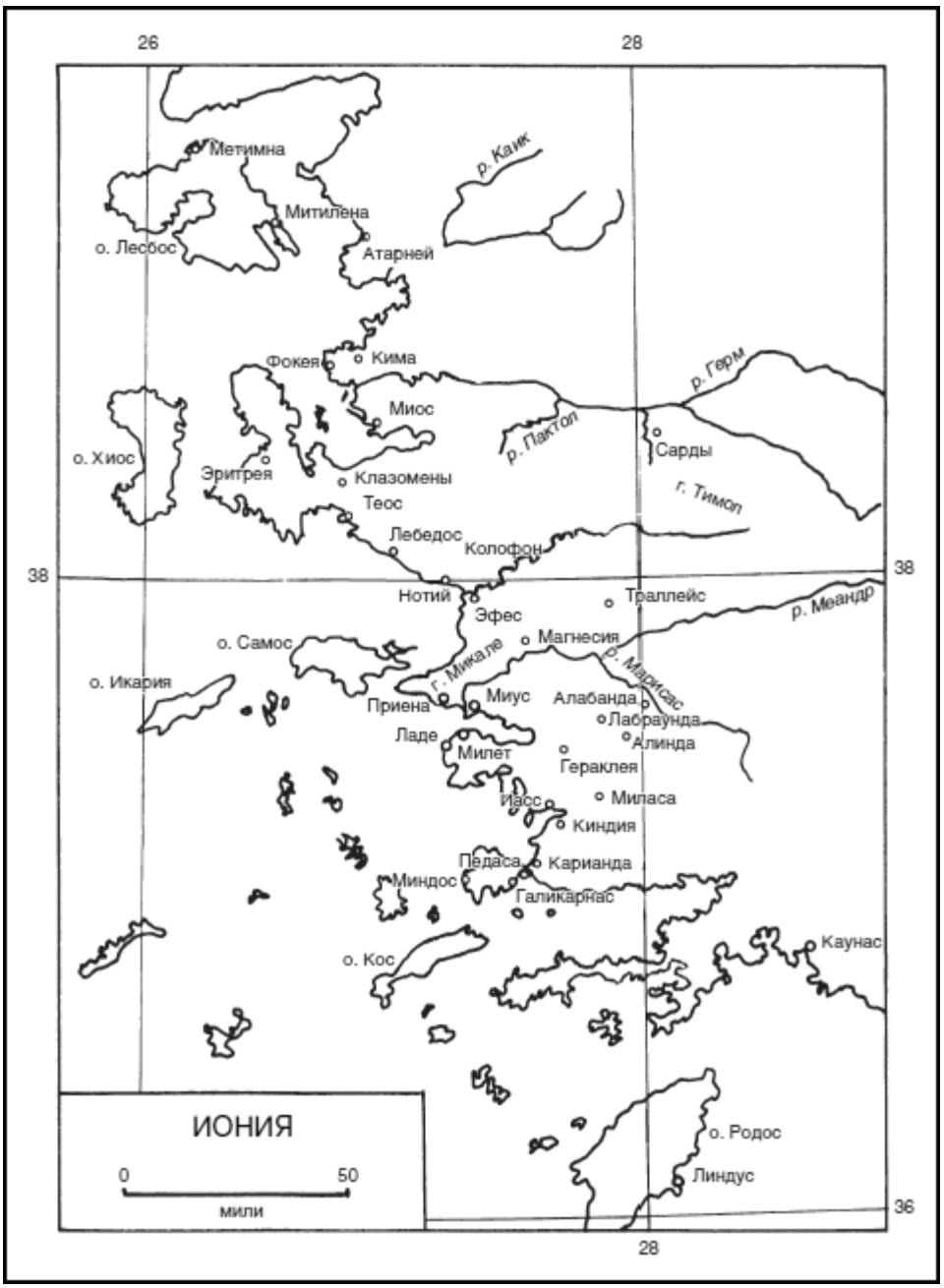
МАЛАЯ АЗИЯ и КИПР
0
100
200
мили
Синоп
Гераклея Понтийская
Амисос
Керасос
Трапезос
оз. Аскания
р. Сангарий
р. Галис
р. Лик
Комана
Газиура
Гордиея
Анкара
Птерия
о. Лесбос
Митилена
Левкта
поле Кира
Сарды
Кастолл
Фокея
о. Хиос
САПАРДА
Теос
Каллатеб
Львиная Голова
Келены
Мазака
Мелитена
КАППАДОКИЯ
Комана
о. Икария
Магнесия на-Меандре
Лада
Колоссы
Милет
Бранхиды
Сагалас
Тиана
Кариада
Сельге
ЛИСИДИЙЦЫ
Перга
ПАМФИЛИЯ
Сиде
о. Книд
КИЛИКИЯ
Тарс
Анхиала
Исс
Мириандр
Маллос
Магарсос
Нагидос
Лапетос
Солы
Саламис
Мариум
Тамассос
Идалион
Китион
Пафос
Курион

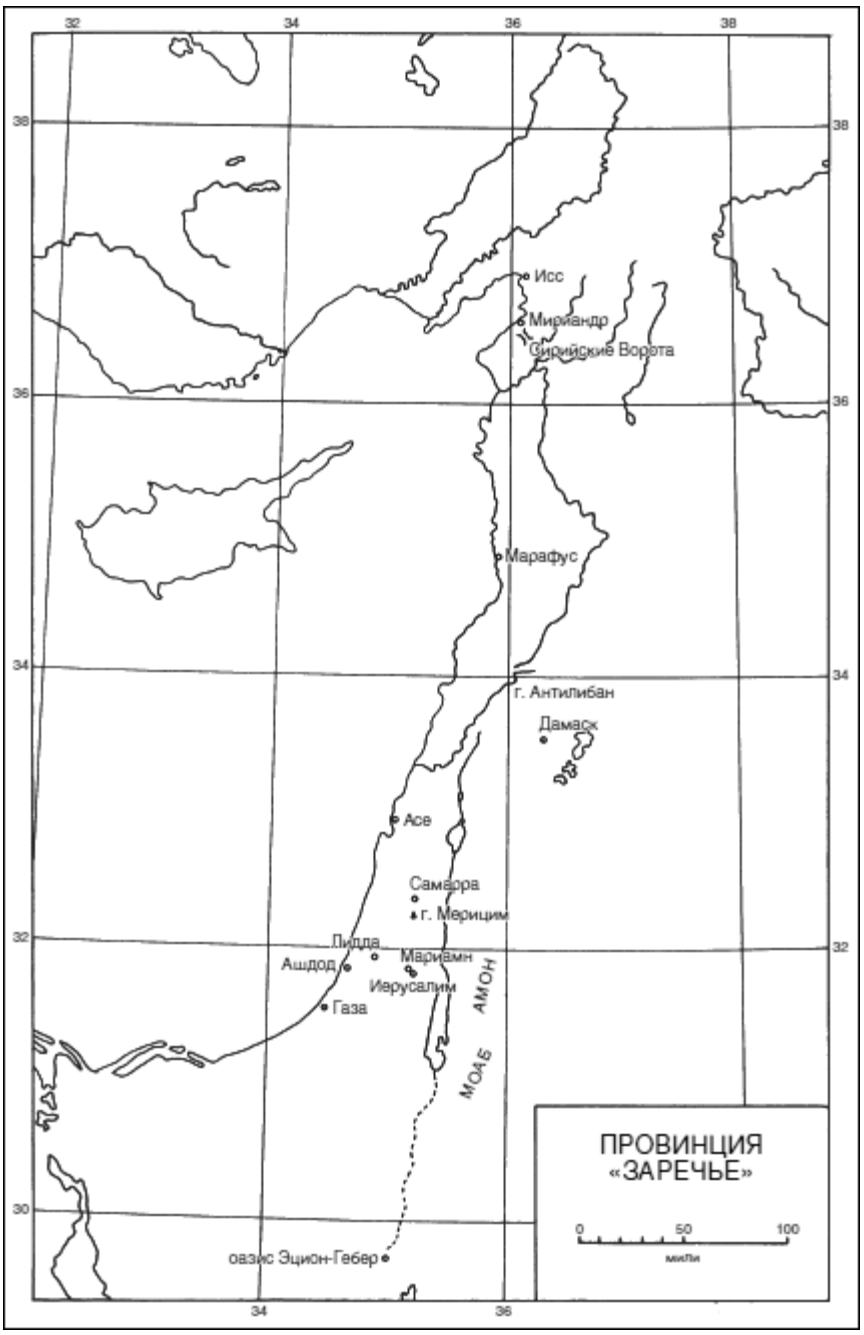

10
15
20
25
30
35
Карфаген
Кирена
Эвсперид
Барка
ТРИПОЛИ
Паретоний
Гермополь
Александрия
Парва
Саис
Гелиополь
Мемфис
Оазис
Амона
Арвад
Бейрут
Библ
Сидон
Дамаск
Тир
Аса
г. Кармель
Дор
Йоппа
Лидда
Иерусалим
Ашдод
Аскалон
Газа
Иенисус
Петра
Дафны
Хебт
Пелузий
Факуса
НАБАТЕИ
ущелье
Хаммамат
МУДРАЙЯ
(ЕГИПЕТ)
ЭФИОПИЯ
Напата
ЕГИПЕТ и ЗАПАД
20
300
600
мили

ЕГИПЕТ
0 100 200 300
мили
Кирена
ПУТАЙЯ (ЛИВИЯ)
Александрия
Бахбит
Героонполь
Гелиополь
Сидон
Тир
Иерусалим
Гермополь
Амарна
Абидос
Тентира
Коптос
Нехкаб
Эдфу
Йебу (Элефантин I)
Син (Сиена)
р. Нил
КУШИЙЯ (ЭФИОПИЯ)
1. Оз. Мензалех
2. Частокол Хабриаса
3. Сербонская топь
0 50 100 мили
Навкратис
Танис
Масхута
Бубастис
Атрибис
Матарьех
Летополь
Турра
Мемфис
Афродитополь
Гераклеополь Магна


ЛИКИЯ
0 50 100
мили
Анкара
Гордиум
Келены
Алабанда
Алинда
Миндос
Кавн
Селге
р. Эвримедон
Перге
Аспендос
Сиде
Кадианда
Пинар
Тлос
Ксант
Фазелис
Феллос
Лимира
Патара
Мира
Антифеллос
Хелидонские о-ва
р. Кидн
Тарс
Анхиала
р. Пирам
Маллос
Исс
Магарс
28
30
32
34
36
38


СЕВЕРНАЯ ГРЕЦИЯ
0 50 100
мили
МАКЕДОНИЯ
БРИГИ
ФЕССАЛИЯ
р. Стримон
Амфиполь
Эйон
Дорискос
Терма
о. Тасос
Акантос
Олинф
Потидея
г. Афон
г. Олимп
Темби
Лариса
Феры
22
24
26
40


26
28
38
38
36
28
Метимна
Митилена
о. Лесбос
Атарней
р. Каик
Фокея
Кима
Миос
о. Хиос
Эритрея
Клазомены
Теос
Лебедос
Колофон
р. Пактол
р. Герм
Сарды
г. Тмол
Нотий
Эфес
Траллейс
р. Меандр
о. Самос
Магнесия
г. Микале
р. Маркас
о. Икария
Приена
Миус
Алабанда
Лабраунда
Ладе
Милет
Алинда
Гераклея
Иасс
Миласа
Киндия
Педаса
Карианда
Миндос
Галикарнас
Каунас
о. Кос
о. Родос
Линдус
ИОНИЯ
0
50
мили


32
34
36
38
Исс
Мириандр
Сирийские Ворота
Марафус
г. Антилибан
Дамаск
Асв
Самария
г. Мерицим
Лидда
Ашдод
Маримин
Иерусалим
Газа
АМОН
МОАВ
оазис Эцион-Гебер
ПРОВИНЦИЯ
«ЗАРЕЧЬЕ»
0
50
100
мили